Стр13,

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

28

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the Communists.
901 No.Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

№ 28. Январь 1964 г.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВЕТЕРАНОВ
1-го КУБАНСКОГО ген.КОРНИЛОВА ПОХОДА

ПОЗДРАВЛЯЕТ ПЕРВОПОХОДНИКОВ С ИХ СЕМЬЯМИ И ВСЕХ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ с НОВЫМ ГОДОМ при ПОЖЕЛАНИЯХ ДОЖДАТЬСЯ СКОРОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ Р О С С И И.

- - oOo - -

РЕДАКЦИЯ журнала "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"

ПОЗДРАВЛЯЕТ ДОРОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С НОВЫМ 1964 ГОДОМ

ПРИ НАИЛУЧШИХ ПОЖЕЛАНИЯХ.

Союз Участников
1-го Кубанского
ген. Корнилова
Похода.

Главное Правление

12 декабря 1963 г.
Нью Иорк.

А.Ф.Долгополову, Председателю
Калифорнийского Отдела Союза.

От лица Главного Правления и себя лично поздравляю Вас, всех гг.членов Калифорнийского Отдела и всех Первопоходников, в рассеянии сущих, с наступающими праздниками Рождества Христова и Новым Годом и от души шлю всем Вам и Вашим близким наилучшие пожелания.

Прикованный тяжелым недугом к постели, ни сам поздравить, ни ответить на поздравления не имею возможности.

Председатель Союза
Генерал Майор Черепов.
Секретарь Гл.Правления
Корнет Черепов.

- - oOo - -

СОРАТНИКУ ПОД РОЖДЕСТВО.

В краях, далеких от Москвы
С ее мятелями, пургою,
Из года в год мы, как волхвы,
Следим за первою звездою.

Глядим на северо-восток,
Для нас запретный и коварный,
И на Медведицы возок,
И желтый свет звезды Полярной.

Недавно там звучала сталь,
И залпы слышались орудий,
И, затаив свою печаль,
Народ мечтал еще о чуде.

Но чуда не было... Война
Сменилась жуткой тишиною,
И притаилась вновь страна,
Покрывшись снежной пеленою.

Молчат Россия и Москва
И не звучат колоколами...
Лишь мы на праздник Рождества
О них молиться будем в храме.

Дрозд.Полка Пор. А.Генкин.

- - oOo - -

Н О В О Л Е Т И Е.

Снег холодный серебрится... Лунный свет над ним струится, звезды водят хоровод.

И подходит светлый, ясный, величавый и прекрасный Новый Год!

В каждом сердце звонко струны отвечают: "Здравствуй, ясный, гость желанный, гость прекрасный - Новый Год!

Что ж сулит нам твой приход? Что вдали нас ожидает?.."

Сколько благих пожеланий, сколько добрых ожиданий!..

Чтобы ясно смотреть вперед, полезно оглянуться в наше прошлое и на окружающую жизнь сегодня.

Сегодня - праздник по плоти Обрезания Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Не забыли ли мы почтить Его своим присутствием в храме?

С наступлением Нового года сумма прожитых лет увеличилась одним годом. Число оставшихся лет земной жизни сократилось на единицу. Летопись мировой жизни прибавила один год, и ближе стало до Великого Дня Господня.

За первым днем января последует второй и третий. И хотя Новый Год заявил о своих правах, все потекло по старому. Возбуждение высокого градуса понизилось до нуля. А времена и лета рекой изливаются в океан вечности.

Мы, русские, несущие знамя Святого Православия, должны учиться понимать пророчества и знамения наших дней и ежедневных событий.

Каковы же эти знамения?

Не только мы, в рассеянии сущие, но весь мир стоит на перекрестке исторических человеческих путей. "Дух земли", о котором говорил Достоевский, в первую очередь пленил Христову Церковь. Враг вошел в мир без маски. Раскрыл свои доктрины, породил безбожие, ненависть брата к брату, гонения, насилия. "Ты должен быть убитым, если думаешь иначе, чем повелевает власть!" Свободу и правду подменили ложью. Ложь сама по себе - беззаконие, но когда она маскируется в светлые одежды правды, когда Сатана принимает вид Ангела Света - это беззаконие беззакония, ложь лжи. Неважно, кому лгут и с какою целью. Но почему этот квадрат беззакония и лжи многими в мире оправдывается? Или, солгав другим, лжец верит, что говорит правду, и этой уверенностью прельщает? Не это ли то, о чем сказал Псалмопевец: "Солга неправда себе"?. Это уже ложь в третьей степени и куб беззакония! Душу человеческую этой ложью искалечили. Если на Родине народ наш уже давно понял, что эти ангелы света никто иные, как служители сатаны, - в зарубежьи столько прельщенных этой ложью.

В недрах же Св.Православной Церкви всегда жила и будет жить СВЯТОСТЬ. Святость - это сердце человеческое, бьющееся в согласии с сердцем Господа. Святость - это чистота сердечная. Святость - усыновление Богу. Признаки святости: мученичество и исповедничество. Русская Православная Церковь вошла первой в полосу мученичества. Гонения и преследования откололи слабых. Но те, кто остался в недрах Церкви, образовали кремень христианства. Ударили по Церкви, как сталью по камню, и вспыхнула искра веры и верности и осветила мир.

Девятнадцать веков созидалась камнем по камешку эта крепость

духа народного. За 46 лет Русской смуты Русский народ дал столько святых мучеников и исповедников, сколько не дало христианство за 19 веков. Да будет ведомо тем, кто не прельстился ложью, что в сердце нового поколения горит лампада верности вере предков. Прочтите, что пишут духовно близкие нам люди из-за красного занавеса:

"Существуют две России. Одна официальная, видимая, страшная, демоническая... Другая - светлая, кроткая, многострадальная, духом живущая, Христом идущая. Россия, ушедшая в тайные Христовы общины. Лампада горит у нас на Руси, и бережно несем мы ее и передаем друг другу. У нас создается новая христианская культура. Какие дивные люди, чудные, жертвенные! С ними легче жить, не так страшно жить. Жить же в России страшно. Страшнее смерти! Но у нас творится невидимая глубина и муками создается красота духа" (Из книги проф.Эрна).

Это там, где страдания и скорбь стали повседневным уделом наших отцов, матерей и братьев. А что же сказать о нашей Руси Зарубежной? Нам дан великий, богатый и счастливый талант свободы. Как мы поступаем с этим даром? Не спросит ли с нас Господь, наша совесть и будущая Россия: "Как поступили вы с вашим талантом?" - в день великий падения цепей, которыми скован русский народ? Этот дар свободы обязывает нас говорить, вещать, предупреждать, разъяснять. Страшных сорок шесть лет над Россией несется набат. Он говорит всему миру, что пожар мировой катастрофы разгорается. Не случайность, что мы оказались под чужим небом и на чужой земле.

Наша судьба и наша жизнь на свободе должны быть религиозно осмыслены. Дар свободы, освобождая нас от внешней ответственности, обязывает к напряжению ответственности внутренней, иначе свобода соскальзывает в произвол и начинает сама себя отрицать. Наша свобода полна содержания. Самым глубинным смыслом является наша религиозная жизнь. Пусть близорукие политики швыряются ценностями нашей веры во имя и в угоду своим политическим расчетам и, в личных интересах и благ земных, профанируют ее. Но у нас есть наши религиозные мыслители, голос которых звучит уже во всем мире. Наша свобода принимает особое значение, если мы оглянемся, наконец, вокруг себя и посмотрим, куда пришел мир.

Безбожное человечество сказало свое последнее слово. Маски и личины сняты. Во имя новых идеалов льется человеческая кровь...Апокалиптический зверь почти уже выходит из своей бездны.

Тут и выявляется смысл той духовной свободы, которая нам дана. Талант, данный от Бога, должен быть началом духовного роста человека. У человека, не возвратившего свой талант, он отнимается и передается другому.

Жизнь не топчется на месте, мир движется вперед к своему пределу. Кругообразные, кривые линии мирового движения выпрямляются в мысли о том великом творческом деле Бога и человека, которым заканчивается всеобщее воскресение. И ради этого стоит жить, терпеть, трудиться, растить будущие поколения, стоит даже умереть, потому что оживает только то, что умирает.

"Царство Твое, Христе Боже, - царство всех веков, и владычество Твое - во всяком роде и роде: вся бо мудростию сотворил еси, времена и лета нам предложив. Тем же благодаряще о всех и за вся вопием: Благослови венец лета благости Твоея и сподоби нас неосужденно вопити Тебе, Господи, - Слава Тебе!" (Стих.хвалит.).

В Новом Ноду шлю свои пожелания всем добровольцам и всем Белым воинам благополучного разрешения всех проблем: религиозных, социальных и семейных.

С Новым Годом, друзья и братья!

Бельгия. Архимандрит Феодосий

- - оОо - -

В.Вырыпаев.

К А П П Е Л Е В Ц Ы.

Вместо предисловия.

Многим приходилось слышать о каппелевцах, многие знают, что каппелевцы в конце 1919 и в начале 1920 года совершили небывалый в истории Ледяной поход, в страшную стужу преодолевая снежные ураганы и метели, поливая своею кровью и усеивая трупами всю дорогу,начиная от Волги, по необъятным просторам приуральских степей, через горы Урала, прокладывая себе дорогу в глубоких снегах непроходимой сибирской тайги, через трескучий лед сурового Байкала и через неприветливое зимой Забайкалье.

Уйдя в Приморье и, наконец, не выдержав напора во много раз превосходившего их численностью врага, каппелевцы покинули пределы Родины, рассеявшись по всему земному шару, разбитые, но не побежденные, потому что они верили в свое правое дело и ни одной минуты не сомневаются, что пройдут годы и, может быть, десятки лет, - русский кошмар кончится, и Россия снова будет процветать, заняв надлежащее место среди других стран.

Своими воспоминаниями я хочу, насколько смогу, осветить сущность каппелевской борьбы и ту глубокую веру в Россию, вложенную в сердца каппелевцев их вождем, которая выражена в простых словах несложной русской солдатской песенки:

Когда наш Каппель умирал,
Любить Россию он завещал.

Эти скромные воспоминания посвящаются его незабвенной памяти.

Наш знаменитый профессор-историк генерал Н.Н.Головин незадолго перед смертью Великого Князя Николая Николаевича спросил его: "А как писать о России?" Великий Князь ответил: "Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду!"

Как рядовой участник Белой борьбы, в своих кратких воспоминаниях я буду точно держаться этого завета - буду писать правду, как бы горька она подчас ни была.

Автор.

В Самаре до прихода чехословаков.

В начале 1918 года в Самаре было самое неопределенное положение. Благодаря умеренности председателя революционного трибунала (Куйбышева) большевики держали себя довольно скромно, если не считать некоторых реквизиций и того, что наиболее видные представители самарской буржуазии за невнесение возложенной на них денежной

контрибуции попали в тюрьму. Правда, посидели они недолго, неделю с небольшим, потом, поторговавшись до сходной суммы, уплатили ее и были выпущены до следующего заключения и следующей контрибуции.

Этот факт взыскания контрибуции был, конечно, неприятен, но затрагивал лишь незначительный круг населения. Однако, на митингах ультра-левыми ораторами произносились уже довольно смелые выкрики о всемирной революции, о пожертвовании всей страной ради 3-го Интернационала, о классовой борьбе и т.п.

А одна наиболее ретивая большевичка, товарищ Коган, настойчиво рекомендовала сейчас же начать классовую войну. Для этого она предлагала сорганизовать небольшие, хорошо вооруженные отряды по 12-15 красногвардейцев. Эти отряды, наметив себе буржуазные дома, должны были делать ночные налеты и истреблять всех, живущих в этих домах, включительно до грудных младенцев. По ее глубокому убеждению, ребенка буржуазных родителей перевоспитать невозможно: все равно, рано или поздно, а буржуазная кровь скажется.

Председатель революционного трибунала товарищ Куйбышев, тот самый, чьим именем теперь город Самара называется, возразил ей:

- Хорошо, сегодня в ночь мы истребим таким образом жителей в 10-15 домах, а завтра тысячи таких домов восстанут против нас...

От подобных угрожающих выкриков, как Коган, а также от доносившихся отовсюду слухов о большевицких бесчинствах и произволе, большинство жителей в Самаре как-то притихли и попрятались по своим норам. Многие избегали посещать такие митинги.

Но, как было всегда и раньше, при всяких правительствах и во все времена, ко всему чуткая, особенно к справедливости, и мыслящая молодежь не могла остаться безучастной, она готова была пожертвовать своими жизнями за правду. Эта молодежь, хотя и продолжала посещать митинги, но на большевиков стала смотреть недоверчиво, а потом и враждебно. Отвернувшись от них, молодежь стала собираться в группы. Эти группы, правда, сначала очень осторожно, в своем кругу, начали критиковать действия большевиков и потом ушли "в подполье".

За несколько дней перед новым 1918 годом я приехал с германского фронта в свой очередной отпуск, да так и задержался. Устав от фронтовой жизни и еще не войдя в жизненную колею тыла, я старался держаться в стороне от политики.

Занятый своими личными хлопотами, я мало с кем из молодежи виделся первое время. Но примерно в феврале месяце меня однажды пригласили к себе ученики последнего класса коммерческого училища, в котором я учился семь лет тому назад. Они мне объяснили, что в городе существует противобольшевицкая организация, состоящая в большинстве из учащейся молодежи, а также из прапорщиков и подпоручиков (военного времени). Во главе организации стоит подполковник артиллерии Галкин. Они просили и меня вступить в организацию и помочь им. Галкину обо мне они уже говорили, и он будет рад меня видеть.

Занятый волокитой в совете народного хозяйства, я не спешил увидеться с Галкиным. Но узнал, что в Самаре в это время было около 5.000 офицеров, и в эту организацию почти никто из них не входил. Из рассказов близко стоявших к Галкину членов организации можно было понять, что кроме учащейся молодежи, насчитывающей более сотни человек, в эту же организацию входят эс-эровские дружины и что общая цель, поставленная организацией после свержения большевиков -

созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

Было заметно, что, несмотря на малочисленность организации, участники ее полны были резким недовольством и ненавистью к большевикам. Но все же силы в организации еще не чувствовалось.

У организации имелись довольно точные сведения о местонахождении оружия у большевиков и о числе красногвардейцев. Налицо же у них пока было всего десятка полтора револьверов, наивно спрятанных за висевшими на стенах картинами в Яхт-клубе; часть оружия хранилась кое у кого на руках. Между прочим, у меня было 4 нагана, залитых растопленным салом и зарытых в землю под парниками на даче. Над ними великолепно выращивались зимой огурцы.

Эс-эры имели довольно приличную связь с чехами, шедшими эшелонами через Пензу на Сызрань. И вот на чехов-то и была возложена вся надежда, ибо каждый знал, что самостоятельно выступить против большевиков организация не могла. Чехи радовали: они уже проходили Сызрань, и скоро начались бои под Самарой.

Пришедший ходок сообщил, что чехи 6-го июня решили атаковать Самару.

В ночь на 6 июня, группами по 15-20 человек, имея связь между собою, организация была собрана в нескольких пунктах города. Тянулась томительная ночь ожидания, а чехи не приходили.

Высланные из Самары отряды красногвардейцев в 10 верстах на подступах к городу понесли большие потери, вернее - полное поражение. Побросав все с себя, включая и оружие, красногвардейцы, не дожидаясь перевоза, переправились через реку Самарку и разбежались по городу. И все же чехов еще не было...

Отданное Галкиным накануне распоряжение быть готовыми, но до прихода чехов ничем себя не обнаруживать, было, к счастью, выполнено; большевиками, которым было не до организации, она не была замечена...

Противобольшевицкая организация в Самаре была сконструирована по системе десятков, то есть знали друг друга только в своем десятке. Десятники знали других десятников, но часто не знали рядовых из состава не своего десятка, и так далее.

Старших и опытных офицеров в организации почти совсем не было, поэтому полковнику Галкину нужно было быть особенно осторожным и предусмотреть многое. Общих собраний, даже для всех десятников, не бывало: собирались небольшими группами в разных местах, десятники сами ходили к Галкину или же посылали своего представителя в штаб-квартиру за получением директив.

Места для встреч десятников каждый раз менялись из предосторожности. Излюбленными местами для сбора десятников и членов организации были: самарский Яхт-клуб, две (в разных местах) студенческие чайные, сад кафедрального собора и др. В этих местах по вечерам собирались студенты и учащаяся молодежь петь песни. Там же незаметно собиравшиеся участники противобольшевицкой организации обменивались новостями и разной информацией.

Как бы общим паролем для всех членов организации была популярная в то время игривая песенка "Шарабан". И когда появлялся какой-нибудь новый человек среди членов организации, то не знавшие его спрашивали своих людей: "Кто?". И если получался ответ: "Он - шарабанщик", - это значило: "свой".

Песенка "Шарабан" впоследствии играла большую роль в жизни На-

родной армии и охотно распевалась во всяких случаях жизни бойцов. Распевая "Шарабан", наша пехота часто шла в атаку на красных, во главе с Бузковым (Борисом), который был ранен в гражданскую войну шесть раз.

Под деревней Беклемишево (под Казанью), ведя свою пехоту под звуки "Шарабана" в атаку на красных, Бузков был ранен в правую руку навылет и, перехватив револьвер левой рукой, он под тот же "Шарабан" продолжал идти на красных. Ближайший солдат на ходу сделал ему перевязку. Скоро другая пуля пробила ему плечо. Бузкова положили на носилки, перевязали и, истекающего кровью, понесли в тыл. Но он, не переставая, вполголоса продолжал напевать все тот же "Шарабан".

Вследствие малочисленности и неопытности участников организации, о самостоятельном выступлении до прихода чехов думать не приходилось. Слухи же об успехах чехов все крепли и крепли. Уже слышалась отдаленная орудийная стрельба между ними и красногвардейцами под Самарой у станции Липяги (17 верст на запад от Самары). Большевики отправляли навстречу чехам эшелон за эшелоном.

Состоявший в противобольшевицкой организации видный эс-эр Б.К. Фортунатов, член Учредительного Собрания (впоследствии - член военного штаба от Самарского правительства), закладывал под полотно железной дороги, близ моста через реку Самарку, фугасы и простым аккумулятором, соединенным стосаженным проводом (из ближайшей ямы, с демоническим хладнокровием взорвал фугасы под поездом с красногвардейцами, шедшим из Самары против чехов. При этом, после взрыва, Фортунатов совершенно спокойно, чуть ли не по самому проводу, подходил к месту взрыва.

Чехи под Самарой.

7-го июня пришедший ходок от чехов сообщил Галкину, что они действительно намеревались овладеть городом 6-го июня, но вынуждены изменить свой план и оттянуть часть своих войск на запад за Сызрань против наседавших на них арьергардов красных, оставив на самарском направлении небольшие заставы. Положение оказалось очень неопределенным, и штаб-квартира Галкина сообщила: ввиду неясности положения, противобольшевицкой организации быть готовой к выступлению.

А к вечеру 7-го июня почувствовалось как будто оживление со стороны чехов. Хлебную площадь и набережную реки Самарки чехи начали обстреливать из трехдюймового орудия.

В это время я должен был по своим личным делам явиться в Совет народного хозяйства за получением денег за реквизированные машины с кирпичных заводов моего отца. Дожидаясь ассигновки, я от скуки разговаривал с разными чиновниками. Волокита тянулась довольно долго, и многие из служащих отдела меня уже знали.

После первых чешских орудийных выстрелов (около 3 часов дня) среди комиссаров и служащих поднялась паника. Но, так как стрельба велась одиночными выстрелами и снаряды рвались в расстоянии двух верст на другом конце города, то через некоторое время паника утихла и некоторые остались (для вида) за своими столами.

Из соседней комнаты вышел комиссар внутренних дел - фамилии его теперь не помню (вроде Фогель). Мы с ним были знакомы, и за несколько недель перед этим он уговаривал меня принять должность ин-

структора артиллерии и заниматься четыре часа в неделю с красногвардейцами, на очень выгодных условиях.

Тогда же он наедине доказывал, что я был неправ, отказываясь от этого предложения, "даже, как белый", добавил он. Он отлично знал, что коммунистам я никак не мог сочувствовать. Но он настаивал, говоря:

- У нас, у большевиков, нет работников на ответственных должностях. Мы часто ставим или людей, не знающих своего дела, или же преступников. И если бы вы, белые, пошли к нам, то, очень возможно, большевики, среди которых 90% неинтеллигентных, растворились бы в опыте и знании белой интеллигенции. Но вы отвернулись от нас и предоставили нас самим себе.

Встревоженный обстрелом города, он прямо задал мне такой вопрос:

- Вы, как специалист, скажите, пожалуйста, с какого расстояния стреляют чехи?

Я ответил, что это трудно определить, но надо полагать, что не более, как с 5-6-верстной дистанции. Слышавшие за ближайшими столами наш разговор сразу насторожились, а потом поспешно начали складывать свои бумаги и исчезать.

Меня вскоре пригласили в кабинет Куйбышева. Не глядя на меня, он подал мне только что подписанную им ассигновку и сказал:

- Предъявите кассиру, и он выдаст вам причитающуюся сумму!

Не веря своим глазам, я отправился к кассиру, но тот уже уехал. Я позвонил ему по телефону на дом; ответили, что он только что вышел неизвестно куда. Я вернулся к Куйбышеву. Он нервно объяснил мне, что сейчас сделать ничего нельзя:

- Придите завтра в 9 часов утра.

Чехи в Самаре.

В эту ночь (на 8 июня) у большевиков началась истеричная паника. По улицам во всех направлениях, без всякого освещения сновали грузовики с каким-то имуществом, большая часть уходила на север, часть грузилась на стоявшие под парами пароходы, которые, не задерживаясь, шли вверх по Волге.

После небольшой перестрелки на железнодорожном мосту через реку Самарку чехи внезапно появились в городе на рассвете 8-го июня 1918 года.

Красные почти не оказывали сопротивления: убегали по улицам или прятались по дворам. Жители, высыпавшие из домов, выволакивали красных и передавали чехам с разными пояснениями. Некоторых чехи тут же пристреливали, предваоительно приказав: "Беги!"

Десятка полтора чекистов во второй полицейской части на Саратовской улице оказали чехам упорное сопротивление. Чекисты, укрывшись в кирпичном здании, отлично отстреливались от чехов, атакующих их с улицы Льва Толстого и Предтеченской. На углу улиц Л.Толстого и Саратовской, около цирка Олимп, чекистами были убиты два чеха. Ведя отчаянную стрельбу из ружей и одного пулемета, красные продержались около часа; потом, бросив оружие, хотели бежать через задние ~~ворота~~ на ~~Дворянскую улицу, но обошедшие их чехи всех их~~ перестреляли.

Работа организации.

Членами противобольшевицкой организации были вскоре заняты наиболее важные пункты в городе. Я с частью своих людей занял артиллерийские склады. У орудий не было замков. Случайно где-то нашелся один замок к 3-дюймовому орудию. Со мной было 11 человек (моего десятка). С помощью обывателей, общими усилиями мы выкатили на всякий случай это одно орудие на Сапекинское шоссе. Вокруг собралась толпа обывателей. Вид у большинства их был празднично-ликующий и все-таки немного тревожный, так как кто-то пустил слух, что большевики на бронированных автомобилях идут обратно на Самару.

В.Вырыпаев.

(Продолжение следует)

- - oOo - -

"ДЕЛО" ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА
(Возражения А.Ф.Керенскому)

В недавнем прошлом г-н Керенский выступил со статьями по делу генерала Корнилова, обвиняя его в расчистке пути к большевизму.

Нам непонятно - зачем понадобилось г.Керенскому тревожить память ген.Корнилова в настоящее время, когда русские люди, как там на Родине, так и здесь на чужбине остро переживают все стадии борьбы с коммунизмом, которая ведется сейчас уже не в узко русском, а в международном масштабе. Кроме того, тенденциозность и парадоксальность суждений г.Керенского настолько невероятны и не приложимы к имени ген.Корнилова, что заставляют нас живых свидетелей того времени, призвать г.Керенского к правде, так как только одна правды нужна для истории.

Имя ген.Корнилова знаменует собой известную эпоху борьбы с большевизмом, и в оценке его роли нельзя истолковывать факты с точки зрения личных интересов. Такой прием не поможетг.Керенскому в его реабилитации перед грозным судом истории.

Как ген.Корнилов, так и г.Керенский были яркими фигурами на фоне нашей революции, но роль каждого была диаметрально противоположна. Г.Керенский, не учитывая обстановки военного времени, старался углубить революцию, генерал же Корнилов сдерживал ее порывы, зная ее пагубное влияние на устойчивость боевого фронта. В этом, собственно, и заключалась сущность возникшего между ними конфликта.

Абсурдность обвинений г.Керенского станет очевидной, если мы обратимся к хронологии событий того времени. Революция вспыхнула в феврале 1917 года; Временное Правительство, убаюканное бескровностью ее, никак не сумело во-время направить ее в русло спокойного течения и охотно шло навстречу требованиям разнузданной толпы. Не ограничиваясь революционными реформами в тылу, это правительство стало их вводить на боевом фронте. Солдатская масса, утомленная лишениями фронтовой службы, поняла революцию, как возможность покончить с войной. Они открыто говорили: "Зачем было делать революцию, если подвергать себя риску быть убитым и не воспользоваться ее благами?"

Высший командный состав и рядовое офицерство отлично сознавали создавшуюся обстановку и самоотверженно удерживали солдат в рамках боевой дисциплины и предупреждали Временное Правительство от пагубных последствий вводимых реформ.

12-го марта Военный министр подписывает знаменитую Декларацию Прав Солдата. Объяснение этой декларации на фронте в сложных условиях боевой обстановки окончательно подорвало престиж командного состава и послужило началом полного развала фронта. Между тем г.Керенский, как бы в насмешку, в послесловии к этой декларации говорил: "Пусть самая свободная армия и флот в мире докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут мощь страны".

Униженные, оскорбленные, беспомощные найти выход из положения, русские офицеры, сделавшиеся пасынками русской революции, прокляли как декларацию, так и ее автора.

Не лучшее положение создалось и внутри страны. Уже 29-го марта Временному Правительству пришлось ввести хлебную монополию и в связи с нею принудительную поставку. Расстройство транспорта, как следствие революционных свобод, вызвало голодовку в городах; деревня прекратила взнос податей; страна была наводнена денежными знаками, не имеющими товарной ценности. Вот что создало благоприятную почву для большевизма. Генерал Корнилов в это время занимал относительно скромную должность командира 25-го корпуса и на ход революции влияния иметь не мог.

3-го апреля в Петрограде появляется Ленин и с балкона дворца Кшесинской провозглашает: "Долой войну! Вся власть советам!". Временное Правительство молчит, и на протесты и предостережения Главного Командования Военный министр отвечает, что свобода мнений для него священна, откуда бы она ни исходила. В такой атмосфере настроений власти и управляемого ею народа проходят март, апрель и май. Распад армии продолжается; в военных частях действуют выборные комитеты; агитаторы - свои люди в окопах; границы между тылом и фронтом не существует; большевистская пропаганда призывает солдатскую массу прекратить войну; положение офицерского состава становится катастрофическим.

7-го апреля офицеры организовали Съезд, чтобы обсудить меры спасения фронта и самозащиты. На этом Съезде ген.Алексеев открыто заявил: "Россия погибает. Она стоит на краю пропасти; еще несколько толчков, и она рухнет в эту пропасть".

Как результат Съезда, было создание Офицерского Союза, но эта организация снизу рассматривалась, как реакция, а сверху - как заговор. Но тем не менее у Временного Правительства явились признаки некоторого просветления, и 12-го июля, по настоянию Главного Командования на фронте была восстановлена смертная казнь. Но и здесь Военный министр Керенский, подписав указ, заявил, что пусть его проклянут, если он подпишет хотя бы один смертный приговор. Такая двойственность и неустойчивость Военного министра только увеличивала процесс разложения армии. Его метод "уговаривания" тоже не привел к положительным результатам. По этому поводу ген.Деникин сказал: "Он на пожаре русской храмины взывает к стихии: "погасни!" - вместо того, чтобы тушить огонь полными ведрами".

Главное командование начинает подготовку к Июльскому наступле-

нию. Было предусмотрено все, чтобы обеспечить его успех, для него были собраны колоссальные средства в смысле живой силы и боевого материала. Предусмотренная согласованность действий нашего и союзнического фронтов не оставляла никакого сомнения в успехе наступления. Каких-нибудь несколько дней отделяло Россию от конечной победы, а с нею, возможно, и всеобщего отрезвления от революционного угара. Но победа была сорвана в результате пагубной пропаганды, допущенной Временным Правительством.

19-го июля на пост Верховного Главнокомандующего назначается ген.Корнилов. Принимая пост, он ставит Временному Правительству условие, что он будет ответственным только перед своею совестью и народом и правительство должно обеспечить полное невмешательство в его оперативные распоряжения. Это требование, устанавливая суверенитет Главного Командования, очень затронуло Керенского, и он тогда же стал настаивать на удалении ген.Корнилова. Это положение с самого начала установило между ними взаимное недоверие.

Первые шаги нового Верховного Главнокомандующего были направлены к восстановлению воинской дисциплины, не останавливаясь перед мерами наказания до смертной казни включительно. Его энергия и решительностьочевидно вызвали опасения у Временного Правительства, что ген.Корнилов ведет страну к личной диктатуре, и 27-го августа телеграммой за подписью Керенского ген.Корнилов был отстранен от своей должности. Назначенные последовательно вместо него генералы Лукомский и Клембовский отказались принять должность, причем ген. Лукомский заявил, что смещение ген.Корнилова окончательно погубит армию. Самому ген.Корнилову предстояло два решения: уйти, обрекая этим на гибель армию, или не подчиниться и попытаться еще ее спасти.

В своих статьях г.Керенский усиленно подчеркивает, что к моменту выступления ген.Корнилова большевистской опасности не было, и даже доказывает, что Россия стала выкарабкиваться из социального омута на твердый берег народоправства. Такое представление о создавшейся обстановке свидетельствовало, насколько Временное Правительство было далеко от реальной действительности и насколько точки зрения Правительства и Главного Командования были противоположны. Керенский считал, что июль и август были временем положительного творчества как государственной, так и общественной работы, Главное же Командование, в лице Корнилова, видело только всеобщий хаос и полный маразм власти.

Г.Керенский обвиняет ген.Корнилова в заговоре против Правительства. В условиях сложившейся обстановки можно применить какой угодно эпитет тому возмущению, какое было среди офицерского состава. Это возмущение создалось до выступления ген.Корнилова, и, если хотите, создание Офицерского Союза в апреле уже носило характер заговора, так как это была организация, недопустимая при нормальных условиях жизни в армии. В понятии офицерства власть не творила, а скользила в сторону Советов и Комитетов, где уже прочно утвердился коммунизм. Вообще, Керенский в своих обвинениях приводит слишком ничтожные факты, относящиеся к слишком короткому времени деятельности ген.Корнилова, чтобы эти факты могли играть какую-либо роль в пользу большевизма. Путь этот вел от начала революции и обнимал весь период деятельности Временного Правительства, в котором г.Керенский играл видную роль. Поэтому все его суждения о заговоре, окружении ген.Корнилова и походе ген.Крымова на Петроград в наших

глазах являются лишь личным толкованием Керенского, но не исторической правдой.

В своем ответе мы базировались на данных, взятых из "Очерков Русской Смуты" генерала Деникина. Мы надеемся, что г.Керенский, по его собственному признанию честности автора их, не усомнится в их правдивости; с другой же стороны, наш метод объяснения событий в хронологическом порядке поможет русской публике убедиться в несуразности обвинений, возведенных Керенским на генерала Корнилова.

Бельгия.

Генерального штаба
Полковник Колчинский.

- - оОо - -

ПРОТОКОЛ
Совещания генералов Деникина и Краснова.
(Окончание, см. №№ 25 и 27)

Ген.Деникин. - Я еще до свидания просил у союзников одну дивизию для Дона.

Ген.Краснов. - Помощь необходима, хотя бы минимальная, хотя бы была хоть видимость помощи.

Ген.Денисов. - Вот теперь мы вынуждены снять свои части из района южнее Маныча.

Ген.Романовский. - Вы уводите свои части в период наших операций у Минеральных вод, а мы в период угрозы Торговой пожертвовали Ставрополем и помогли все-таки вам.

Ген.Денисов. - Вам это неприятно, а нам надо.

Ген.Романовский. - Потому что нет единого командования - нет предвидения. Вы сами не знаете, как у вас сложится завтрашний день.

Ген.Поляков. - Ваше Превосходительство, ведь Донские части южнее Маныча в районе Торговой появились по просьбе Добровольческой армии и были выделены не из резерва, а сняты с боевой линии.

Ген.Романовский. - Отлично. А для кого нужна-то Торговая, для кого оборона ее имела смысл? Ведь нам она не нужна.

Ген.Поляков. - Ваш тыл и коммуникация...

Ген.Деникин. - Ваша коммуникация, а не моя. Для Добровольческой армии потеря Торговой имела бы психологическое значение: ну, потеряли бы часть хлеба - вот и все. У вас же была бы нарушена вся коммуникация.

Ген.Денисов. - При едином командовании вы Донской армии не используете. У нас народ. У вас интеллигенция. Как их объединить?

Ген.Краснов. - А при едином командовании Семилетов будет продолжать формирование своей дивизии?

Ген.Денисов. -Его агенты ездят по фронту и указывают пути для дезертирования в Добровольческую армию. Дело доходит даже до инструкций о разборке пулеметов и вывозе их в тыл.

Ген.Драгомиров. - Об этом нам ничего неизвестно. Но приказ-то должен быть.

Ген.Краснов. - Он истолкуется, как поход на Москву. Сказать казаку о походе на Москву - это губить дело.

Ген.Драгомиров. - А вы уже говорили... В своих приказах говорили.

Ген.Деникин. - И не один раз. Да еще нас за собой тянули, словно мы уперлись и не желаем идти.

Ген.Краснов. - Я подготовлял общественное мнение.

Ген.Деникин. - Если объявление приказа психологически невозможно, то вопрос придется снять.

Ген.Краснов. - Либо осторожный приказ, либо не обязывайте меня отдавать приказ.

Ген.Драгомиров. - Единое командование признали все, кроме вас. Вы не хотите.

Ген.Краснов. - Соглашение может быть - либо особым приказом, либо оговоркою, что Дона не тронут на Москву.

Ген.Деникин. - Надо кончать...

Ген.Щербачев. - Председатель Круга сказал, что Круг единое командование признает.

Ген.Краснов. - Г.Харламов не несет ответственности за фронт, ее несу я. Я знаю, что скажет фронт. Для себя нам от союзников помощь не нужна. Вы нас толкаете на Москву - что мы получим от вас для этого? Если до первого февраля нам не помогут, мы потеряем весь север области. Избежать это можно либо секретным приказом, либо деликатным изложением.

Ген.Щербачев. - Может быть, здесь особый вопрос. Янов в Яссах мне говорил, что Дон признает главнокомандующим меня, а генерала Деникина не признает. Генерал Сазонов это подтвердил.

Ген.Краснов. - Это отчасти правда. И вы, и Колчак - люди посторонние. Раньше мы просили у добровольцев помощи - нам в ней отказали.

Ген.Драгомиров. - Если бы было единое командование, были бы посланы и полки.

Ген.Краснов. - Когда придут полки - тогда последует приказ об едином командовании.

Ген.Денисов. - Третья дивизия стоит в тылу у вас.

Ген.Драгомиров. - Дайте время, она продвинется.

Ген.Романовский. - Третья дивизия заняла узлы. Не трудно понять, что это важнее обладания Старобельским уездом, который не представляет никакой важности.

Ген.Деникин. - Это борьба за власть. Я ее никогда не вел. Буду работать так, как могу. Психологически соглашение невозможно.

Ген.Драгомиров. - Принцип единства власти - священный принцип. Начало всех начал - многовластие. Соглашение нам необходимо. Если вы захотите - вы его достигнете.

Ген.Щербачев. - Завтра приедут к вам союзники, что вы им скажете?

Ген.Краснов. - То же самое, что сказал вам и Пулю. Они меня поймут.

Ген.Романовский. - Будем помогать друг другу.

✓ Ген.Краснов. - Чем? У меня помогать нечем.

Ген.Драгомиров. - Нет, есть чем помогать. Вы многим помогали и еще, Бог даст, поможете. Надо выработать приказ.

✓ Ген.Краснов. - Его можно распубликовать, но отдать его я не могу. Это зальет Дон кровью и превратит его в Советскую Россию.

Ген.Щербачев. - Если соглашения не будет - что будет тогда?

Ген.Краснов. - Казаки укрепятся.

Ген.Щербачев. - Это точка зрения самостийников.

Ген.Деникин. - Значит, нечего говорить. Если несогласие укрепить фронт - надо его признать, надо идти на него.

Ген.Краснов. - Без Круга нельзя говорить.

Ген.Щербачев. - Соберите Круг.

Ген.Краснов. - В настоящий момент собрать нельзя.

Ген.Денисов. - Весь фронт будет дома.

Ген.Драгомиров. - Чтобы преодолеть большевиков, надо перейти к формированиям и единому командованию.

Ген.Романовский. - Может быть, выработать редакцию.

Ген.Краснов. - В приказе необходимо упомянуть об автономии Дона.

Ген.Щербачев. - Приемлемо (его никто не поддерживает).

Ген.Денисов. - На фронте Добровольческой армии противник без связи с Москвой.

Ген.Драгомиров. - А откуда же боевые припасы?

Ген.Денисов. - Средства местных большевиков и Кавказской армии.

Ген.Деникин. - Я слышу только оскорбления, Ваше Превосходительство. Вы ничего не представляете.

Ген.Поляков. - Да вот 13 ноября ген.Лукомский заявил, что с точки зрения единого командования можно временно пожертвовать частью территории Дона, перейти там к обороне, использовав казачьи полки на другом направлении, с тем, чтобы через некоторое время восстановить положение на Донском фронте. Теоретически - он прав, но, зная обстановку на фронте и психологию казачества, я утверждаю, что это приведет к катастрофе.

Ген.Драгомиров. - А по вашему как же? Кардонная стратегия?

Ген.Поляков. - К сожалению - да, лучше кардонная стратегия, чем крах.

Ген.Денисов. - У нас враг - Москва и Воронеж. У вас - местные большевики.

Ген.Деникин. - Господь с вами. В этом ваше злобное отношение к Добровольческой армии. Конечно, соглашение невозможно.

Ген.Драгомиров. - В то время, когда мы учились, мы стыдились говорить о таких вещах. Не знаю, являются ли с точки зрения новой науки приобретением ваши слова?

Ген.Денисов. - На это ничего не могу возразить.

Ген.Драгомиров. - Поэтому лучше бы было молчать.

Ген.Деникин. - Разговор принимает страшный характер. Я дезертировать не могу. Я буду работать,но в других рамках. От работы меня удалит только сила событий или пуля врага.

Ген.Смагин. - Димитрий Егорович, ведь, казалось бы, как близко подошли, и вдруг такие резкости. Соглашение ведь есть. Нужно только его оформить (Все пишут, молчание).

Генерал Драгомиров предлагает проект приказа с перечислением подчиненных главнокомандующему местностей включительно до Одесского градоначальства. Генерал Деникин отклоняет этот проект, говоря, что всякое новое приобретение территории потребует его изменения.

Ген.Романовский. - Территорию, на которой будет действовать власть главнокомандующего, можно обобщить в названии "на юге России".

Ген.Краснов. - Этот приказ я должен буду опубликовать с дополнениями, что Донская армия подчиняется в пределах операций, предначертанных Войсковым Кругом.

Ген.Романовский. - Надо, чтобы войсками ни Круг, ни Рада не распоряжались. В Кубанской конституции указано, что право вывода войск за границу есть привилегия Атамана.

Ген.Краснов. - У нас на Круге было три кардинальных вопроса: земля, недра и задачи армии. У нас ведь армии нет - у нас вооруженный народ, и он сам себе ставит задачи.

Ген.Щербачев. - Таким образом, интересы России отошли на второй план.

Ген.Краснов. - Соглашение достигнуто, надо провести его в жизнь, учитывая силы и настроения.

Ген.Деникин. - Приказ с указанием о невыводе войск моей властью с Дона невозможен. Он не только обеспечивает вашу автономию, но он указывает и другим образованиям аналогичные пути. Пожелают не выходить кубанцы с Кубани, татары из Крыма.

Ген.Краснов. - Менять приказы Круга я не властен. Я выборный Атаман, я присягал на службу Всевеликому Войску Донскому и нарушить этой присяги не могу. Если вам нужно выводить войска, отдайте секретный приказ. Я доложу его в закрытом заседании Круга. Тогда последуют его решения, и я должен буду их исполнить.

Ген.Деникин. - Из единого командования нельзя делать секретов.

Ген.Краснов. - Тогда есть другой выход: я не отдам по Войску ваш приказ.

Ген.Романовский. - Но у вас же спросят - подчиняетесь ли вы?

Ген.Краснов. - Я отвечу вопросом: объявлял ли я этот приказ по Войску?

Ген.Романовский. - Значит, он не будет иметь для вас обязательной силы.

Ген.Краснов. - Нет, будет. Я его выполню в возможной мере. Если бы в настоящий момент была бы союзная помощь, условия для опубликования приказа были бы другими... Хотя бы одна рота...

Ген.Драгомиров. - Одну роту, пожалуй, можно будет доставить. Надо поговорить с Пулем.

Ген.Деникин. - Это не будет помощь. Нельзя из такого серьезного вопроса делать буффонады.

Ген.Краснов. - Конечно, это не будет помощь живой силой. Но в моральном отношении это имело бы значение.

Ген.Поляков. - До сих пор мы несем жертвы.

Ген.Романовский. - А за нами вы их отрицаете. По вашему имена Корнилова, Маркова, Алексеева ничего не значат.

Ген.Поляков. - Нет, значат, но это другое.

Ген.Денисов. - А где же государственность? Это Кубань и Дон.

Ген.Драгомиров. - Но кроме Кубани и Дона есть Ставропольская губерния, Черноморье и Крым. Наконец, и Дон и Кубань возникновением своей государственности в значительной степени обязаны Добровольческой армии.

Ген.Поляков. - Еще в большей степени последняя обязана Дону.

Ген.Щербачев. - Корень не в усталости казаков. У вас причины другие.

Ген.Драгомиров. - На Дону много демагогии.

(Пропуск).

Ген.Деникин. - С вами, Ваше Превосходительство, невозможно разговаривать. Вы все время говорите резкости и совершенно нас отрицаете.

Ген.Драгомиров. - Необходимо подчинение армии общему командованию. Краснов персонально нам не нужен. Мы олицетворяем его с могуществом Дона и потому считаем необходимым сотрудничать именно с ним. Подчинение Главнокомандующему его в наших глазах равносильно подчинению армии. Если Петр Николаевич найдет нужным подчиниться - соглашение будет состоявшимся.

Ген.Денисов. - Этого приказа желают кадеты для того, чтобы пользоваться им в борьбе за свержение Атамана.

Ген.Драгомиров. - По моим сведениям уход Атамана был бы для них нежелателен. Они его поддерживают.

Ген.Романовский. - Может быть, выражение о невыводе войск с Дона можно будет смягчить.

Ген.Краснов. - Посмотрим. Я могу предложить такую редакцию: Конституция Войска не будет нарушена.

Ген.Драгомиров. - Это значительно мягче. Это может быть приемлемо.

Ген.Щербачев. - Против этого нельзя возражать.

Ген.Романовский. - Согласен.

(Готовится приказ).

Ген.Краснов. - Надо принять меры против злостной агитации из Екатеринодара. Оттуда расходуют частные средства на политическую борьбу. Я лишен возможности делать это. За два дня праздников я получил один миллион двести пятьдесят тысяч рублей и передал их в казначейство.

Ген.Щербачев. - Это яркий показатель того доверия, которым вы пользуетесь на Дону.

Ген.Краснов. - Но, тем не менее, я должен сплошь и рядом уговаривать. В этом отношении я совершенно уверен только в одном корпусе, который у меня воспитывается на идеях Петрограда и Москвы.

(Читается приказ).

Ген. И.Поляков.

- - oOo - -

x

x x

Кто русским себя почитает и мнит,
Тот пусть своего никогда не хулит
И нагло не хвалит чужого.

Да будет святыней вовек для него
Страна, что с любовью вскормила его,
Как малого сына родного.

"Часовой". С.Бехтеев.

- - oOo - -

БРОНЕАВТОМОБИЛЬ "ВИТЯЗЬ"

К годовщине Первого Похода
первопоходникам посвящаю.

В бою на Ставропольском направлении (31 октября 1918 г.) перед селом Пелагиада глухой взрыв и поднявшийся к небу столб черного дыма возвестили всем о геройской гибели бронеавтомобиля "Витязь".

На нем находились первопоходники: капитан Игорь Гунько, дроздовец, командир машины; унтер-офицер вольноопределяющийся Николай Назаров, донец, шофер броневика; подпоручик Орловский, корниловец, наблюдатель и шофер заднего руля; подъесаул Борис Федосенко, корниловец, пулеметчик на правой башне; подпоручик Бесклубов, корниловец, пулеметчик на левой башне.

Спустя немного времени генерал Врангель препроводил в Штаб Добровольческой Армии задержанного на фронте его дивизии бывшего пулеметчика на "Витязе", подъесаула Бориса Федосенко, служившего у красных и перебежавшего на нашу сторону. Федосенко был отдан под суд.

– Доложите суду, – обратился к нему Председательствующий, – как вам удалось избежать общей участи команды бронеавтомобиля "Витязь"?

– В этот злосчастный день, – начал свой доклад Федосенко, – мы работали с Корниловским Ударным полком, в успехе наступления которого не сомневались. Мы выехали и на максимальной скорости машины быстро проскочили все цепи большевиков; совершенно потеряли зрительную связь с корниловцами. Капитан Гунько хотел, по примеру боев у Белой Глины, Тихорецкой, Армавира и др., влететь в Пелагиаду и, наведя там панику, обратным рейсом действовать в тыл наступавшим большевикам. Противник вел сильный артиллерийский огонь, но вначале нас не обстреливал. А на ружейные пули, как градом колотившие броню машины, мы не обращали внимания. Осколком пули, попавшей в прицел пулемета, я был ранен в щеку.

"Множество целей перед Пелагиадой потребовало большого расхода патронов. Густые цепи "товарищей" шли одна за другой. Подавляющая и невиданная доселе численность их была очевидна, но все же у нас всех оставалась уверенность, что вот-вот они начнут, если не бежать, то отступать. Мы израсходовали массу патронов. Несмотря на термосифонное охлаждение пулеметов, пар струями выходил из пароотводных трубок. По нас начала бить артиллерия, и мы принуждены были продвигаться вперед скачками. О том, чтобы двинуться назад, и мысли ни у кого не было.

"Наши части не подходили. Мы не могли их видеть даже в бинокль. Всюду были видны только большевики. Чувствуя неладное, командир приказал включить задний руль и двигаться назад. Но в этот момент снарядом было повреждено заднее колесо машины. Капитан Гунько приказал бережно расходовать патроны; огнем держать противника в отдалении, чтобы с наступлением сумерек оставить машину. Поручик Орловский подал нам последние две ленты с бронебойными пулями, хранившиеся, как неприкосновенный запас.

"На фронте настало затишье. Очевидно, наши отошли. Наступившие сумерки позволили большевикам приблизиться к машине. "Огонь! Огонь! И мы оставляем машину!" – крикнул капитан Гунько. В револьверные отверстия мы открыли огонь из револьверов. Я выпустил последнюю оче-

редь, замолчал и пулемет Безклубова. "Товарищи" подошли очень близко. Слышны были их брань и крики: "Кадеты, выходи!" - "Господа! - обратился к нам Гунько, - прощайтесь друг с другом: я взрываю машину. Кто хочет, выходите." - "Игорь, постой, - сказал я, - я выхожу". Я пролез в башенный люк и соскочил с броневика. Не успел я сделать и пяти шагов, как взорвалась и загорелась машина. "Товарищи" хотели меня сразу расстрелять, но их начальник приказал для допроса отвести меня в Штаб."

В штабе доктор, перевязавший рану Федосенко, принял в нем участие и оставил его в качестве фельдшера при подвижном госпитале. Федосенко получил верховую лошадь и однажды, воспользовавшись паникой у красных, бежал к своим.

В память геройски погибшего "Витязя" следующая по выпуску из Запасного Броневого Автомобильного дивизиона машина была названа "Памяти Витязя". И этот броневой автомобиль, как и "Витязь", со всей командой взорвался и сгорел в сентябре 1919 года в отряде генерала Троянова под Черным Яром. Подробности его гибели никому неизвестны. Имена погибших Ты, Господи, веси.

А. Рябинский
Аргентина.

- - оОо - -

31 МАРТА 1918 г.

Грохотала всю ночь канонада,
Содрогалась подлунная твердь,
И во мраке безвыходном ада
Хохотала владычица смерть.

Гимн стихии нам пели гранаты,
Проносилися пули гурьбой.
Увели нас под утро куда-то,
И замолк огнедышащий бой.

День родился задумчив и светел,
Озарив грозовые места,
И никто, и никто не заметил
Проходившего в поле Христа.

Шел Он с тихим укором во взоре
И с терновым венцом на власах,
И весь ужас всемирного горя
Отражался в небесных глазах.

За надежду, за веру, за силы
За мир мира Он к Богу взывал.
И к отверстию братской могилы
Скорбно руки свои простирал.

Он молился и долго, и страстно
За погибших, за вдов и сирот
И за мир, как и прежде, согласный,
Восходил на второй эшафот.

81 пех. Апшеронского полка Штабс-капитан Лебедев.

ОТ ДВИНСКА ДО ДОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ.

(Из воспоминаний русского ротмистра, албанского майора и итальянского генерала - Л.П.Сукачева).

Прошло почти полстолетия со времени, мною описываемого. У меня нет никаких записей, я никогда дневников не вел. Обстоятельства так складывались, что не было времени писать. Слишком много событий произошло в моей жизни, начавшейся еще в конце прошлого столетия, сделавшей меня участником Первой Мировой войны, потом - гражданской; затем, после Галлиполи и Югославии, приведшей меня в Албанию. 15 лет спустя - в Италию; и, наконец, заставившей меня, уже здесь в Америке, превратиться в рядового наблюдателя...

Вместо албанской королевской гвардии, вместо итальянского танкового полка, я сейчас командую только иногда забегающими в лес, возле моего дома... оленями. Поэтому у меня теперь есть время писать, но, повторяю, пишу только по памяти и поэтому заранее прошу простить возможные ошибки и неточности.

Конец октября 1917 года. Только что пришло из Петрограда известие о большевицком перевороте. Это событие мало кого удивило в Двинске, где в это время я был начальником команды Первого Армейского Авиационного отряда. Всюду в армии царил полный хаос, но у нас в авиации было сравнительно спокойно и лучше, чем в других частях.

Так, наш отряд отказывался проводить выборное комитетом начало. Хотя не было тайной то, что происходило кругом, но сознаюсь, что все же неожиданностью оказалась для меня дипломатическая миссия, которую армейский комитет солдатских депутатов возложил на моего денщика, старого литовского улана. Правда, если это только могло служить утешением, должен сказать, что мой татарин денщик, бесконечно мне преданный, переживал данное ему поручение много больше моего...

Был холодный осенний вечер, когда он, Абдурахман Хассан Хассанов, вошел в мою комнату со сконфуженным видом побитой собаки и еле слышно пролепетал:

- Беспорядок, Ваше благородие! Стидно!.. Не могу, стидно...

- Говори же, Хассанов, в чем дело?

Повернувшись к стене и для верности закрывши свои раскосые монгольские глаза, Хассан смущенно доложил, что армейский комитет поручил ему, ефрейтору Хассанову, передать мне о моем увольнении с поста начальника и назначении меня на место... кашевара...

- Так что стидно, Ваше благородие, но приказали тебе передать, что теперь прежний кашевар - начальник команды отряда, а тебя, Ваше благородие, велено завтра в пять часов утра разбудить, чтобы во-время приготовил солдатам чай.

"Ну, что ж, - подумал я, - видно, пришло время опять мне смываться, как уж было раз, несколько месяцев тому назад, когда из 5-го Литовского Уланского полка Короля Виктора Эммануила 3-го я перешел в авиацию".

Плохо было, однако, то, что в Двинске меня все знали в лицо. Нужно было действовать, пока не поздно. Хассану я дал адрес моей тетушки в Пскове, велел ему отнести ей мои вещи и, сдавши их, от-

править домой, в Самару, на деньги, полученные за меня по подписанным мною распискам на мое жалованье и залетные. Выдал ему все документы об увольнении его с военной службы и попрощался.

- о -

Накинув на плечи шинель без погон, я направился к железнодорожной станции - ближайшей от Двинска, но которая все же оказалась верстах в 20-ти от города.

Светало, когда я поднялся на платформу какого-то маленького вокзала и стал ждать. Как по заказу, через несколько минут подкатил поезд, состоявший из нескольких вагонов Международного Общества Спальных Вагонов, и... остановился. К окнам поезда были прикреплены флаги разных стран. Проводник в форме сошел на платформу. Я молча открыл шинель и показал ему свои офицерские погоны. Он, также не произнося ни слова, впустил меня в поезд, который, как выяснилось, ехал в Одессу, через Киев, с эвакуированными из Петрограда дипломатами и служащими иностранных миссий. В вагоне, в который я попал, никого, кроме проводника и очень хорошенькой молодой бельгийки, не было. Принимая во внимание, что мне тогда было 23 года, понятно, что я поспешил с нею познакомиться. Мы ехали спокойно, так как каким-то чудом, вероятно, просто по инерции, в разнузданной толпе, наводнявшей все железнодорожные станции, еще чувствовалось какое-то уважение к "заграничным дипломатам".

Так мы благополучно добрались к месту, где пути расширялись перед въездом на Киевский вокзал. Вдруг по окнам поезда кто-то пустил несколько очередей из пулемета... Бельгийка и я стояли в это время в корридоре вагона. Я толкнул ее на пол и сам стал на четвереньки рядом с нею. Мы вдвоем доползли до дверей; в это время поезд замедлил ход, я тогда сбросил даму в лежащий на путях первый свеъевшпавший снег и сам выскочил за ней.

Поезд медленно прошел мимо нас. Все спокойно. Места для меня знакомые: я знал, что мы недалеко от дома моего дяди, начальника железных дорог С.Ю.Рыжкова. Благополучно провел бельгийку туда, но казенный особняк оказался закрытым и пустым. Выломать дверь было делом пустяковым, и мы вошли в знакомый мне комфортабельный дом.

- о -

Конечно, сейчас, когда мы по телевизору следим за тем, как убивают президента великой державы,и через спутника видим то, что происходит на другом конце земли, нам может быть трудно перенестись мыслями в ту эпоху, когда мы не только не знали, что творится в другой части России, но и какая власть в данном месте. Итак, чтобы выяснить ситуацию в Киеве, надев предварительно, вместо военной фуражки, барашковую шапку моего дядюшки и накинув его непромокаемый плащ, я отправился "на разведку" в город.

Войдя в Купеческий сад, я увидел цепь офицеров, лежавших на земле и стрелявших в неизвестного мне противника. Из чувства солидарности я присоединился к ним, не спрашивая, в чем дело. Взял винтовку у раненого офицера. Обстановка стала быстро ухудшаться. Послышались выстрелы не только с фронта и с правого фланга, но и с тыла. Раздался голос командира отряда:

- Господа офицеры, спасайся, кто может!...

Я бросил винтовку и поспешил выйти из сада. Очутившись на Александровской площади, увидел взобравшегося на памятник и оттуда разглагольствовавшего оратора. Однако, разобрать его слов я не мог, так как находился слишком далеко от него. Вдруг он повернулся в сторону стоявшего впереди меня, в полной форме, юнкера артиллерийского училища и стал на него показывать пальцем, продолжая что-то кричать. Повидимому, под влиянием его красноречия толпа двинулась на этого юнкера. Он спокойно вытащил револьвер большого калибра и выстрелил. Толпа мгновенно разбежалась. На земле лежало два человека. Тогда, так же спокойно, юнкер положил свой кольт назад в кобуру и пошел дальше.

Об этом случае я вспомнил, когда уже не поручиком русской армии, а итальянским полковником я командовал в Лучиньяно отрядом для защиты аэродрома. Было это летом 1943 года, после высадки союзников на Аппенинском полуострове. Король оказался на юге его, а вся остальная Италия была занята немецкими войсками. Наученный горьким опытом долгой военной службы и предвидя события, я давно составил план действий, и все нужные для дальнего похода приготовления были сделаны заранее.

Однако, когда я объявил свое решение идти на соединение с союзниками всем нашим отрядом, мои слова были прерваны выкриком одного из присутствовавших, капитана авиации, громко заявившего, что я - английский шпион и что он, этот летчик, предлагает меня арестовать. Я вытащил револьвер и, обращаясь к офицерам, приказал им всем стать лицом и поднять руки вверх. 62 всоруженных офицера беспрекословно и мгновенно исполнили мою команду... и я спокойно вышел в сопровождении стоявшего рядом со мной адъютанта.

- o -

Но возвращаюсь к началу зимы 1917 года. На следующий день после уже описанных мною событий в Купеческом саду и на Александровской площади власть в Киеве перешла в руки Украинской Рады. Наступило успокоение.

В ноябре вернулся домой мой дядюшка со своей семьей. К этому времени взломанные двери были починены, но, по уверению моей тетушки, в винном погребе появились зияющие пробелы... Бельгийка еще до возвращения хозяев дома успела уехать и, как я узнал много лет спустя, благополучно добралась в свой родной Брюссель.

Неожиданностью было для меня появление Хассана. Пришел старый ефрейтор усталый, замерзший; шутка ли сказать, прошел пешком 600 верст зимой! Я начал его ругать за то, что он не вернулся к себе в Самару. Он выслушал и... извлек зашитые на груди деньги - мое жалованье и залетные, полученные им по моему распоряжению. Мне стоило большого труда уговорить его взять их себе и, отдохнувши несколько дней в доме моего дяди, отправиться домой в Самару. Отдал он мне также расписку, которую заставил мою тетушку подписать, причем, по его настойчивому требованию, она должна была составить подробный инвентарь полученных ею такого-то числа в г.Пскове вещей: столько-то пар сапог, белья и т.д.

Однако, уже в декабре я убедился в том, что "Киевское благополучие" не вечно, и начал думать, что делать дальше. Случайно на улице я встретил Александрийского гусара, поручика Мартыновского, моего большого приятеля, однокашника по Елизаветградскому Кавалерийскому Училищу и однодивизника. Он мне рассказал, что недавно

прибыл из Выборгской "офицерской школы плавания"... Стали мы с ним вместе обсуждать наше положение. До нас доходили слухи о том, что на Дону формируется противобольшевицкая армия и что в Киеве находится представитель Всевеликого Войска Донского. Без большого труда мы его нашли, и он охотно выдал нам свидетельство: пикарную бумагу с казенной печатью, гласившую, что таким-то все власти (какие?) должны оказывать содействие и помогать их проникновению в Область Войска Донского.

Вооружившись этим документом, я зашел в Аэро-Фото-Граммометрические курсы, где, я знал, было около 80 офицеров авиации. Когда я вошел в обширный зал, то застал там почти всех летчиков в сборе. Они сидели, курили и обсуждали последние политические события. Я рассказал им о сведениях, полученных с Дона, и стал убеждать ехать туда с нами, то есть с Мартыновским и со мной. Увы! Мое многочасовое красноречие пропало даром... никто из господ офицеров не пожелал двинуться на соединение с формирующейся анти-большевицкой армией.

Естественно, это равнодушие к начавшейся борьбе с коммунизмом привело меня в уныние. В это время как раз приехал с фронта мой дядя ген.Резняков, бывший курсовой офицер Офицерской Кавалерийской Школы. Он был невероятно подавлен: его, старого генерала, выбрали рядовым гусаром. Нам долго не пришлось убеждать его пробираться с нами на Дон: он не только сразу согласился, но стал торопить со сборами.

- о -

На следующий день мы втроем пошли на вокзал и там, к нашей большой радости, встретили 150 человек офицеров, стремящихся соединиться с противосоветскими частями. Ими командовал полковник Толстов, и мы присоединились к их группе. Еще до нашего прихода офицерам-артиллеристам удалось раздобыть в арсенале две горные пушки и снаряды к ним. Привезли они их на вокзал на извозчиках, так же,как и четыре пулемета Кольта и винтовки с патронами. Составили поезд из трех открытых платформ, трех вагонов Международного Общества и, конечно, паровоза.

В то время, как мы нагружали поезд и устанавливали пушки и пулеметы на платформах, к вокзалу подошли два эшелона. В одном из них была сотня Семиреченских казаков, а в другом - оружие, которое казаки везли с собой в Семиречье. Мы присоединились к ним, или, вернее, решили, что наш эшелон пойдет первым. Доехали без приключений до Знаменки, которая оказалась в руках "красных", приславших нам что-то вроде ультиматума. В ответ наша "тяжелая артиллерия" пустила над вокзалом две шрапнели. Этого оказалось достаточным, чтобы освободить нам дальнейшую дорогу, и мы благополучно, все в тех же спальных вагонах, добрались до Волновахи. Однако, за этой станцией железнодорожные пути оказались разобраны на шесть верст рабочими Донецкого Бассейна.

Мы, было, собрались уже идти пешком, но Семиреченские казаки, которые не хотели бросать эшелоны с оружием, уговорили нас собрать разобранный путь. В это время стали подходить поезда полной Донской дивизии, забившие все пути. Начались переговоры и, наконец, решили, что впереди пойдет наш эшелон, за нами - Семиреченские казаки, а потом - Донские.

Мы выслали заставу в 50 человек. Мартыновский и я легли и заснули крепким молодым сном в купэ нашего спального вагона. Уже светало, когда меня разбудил голос Мартыновского:

- Лева, вставай скорей! Веревкой пахнет.

Быстро одевшись, мы вышли в коридор. Поезд был окружен Донцами, требовавшими, что всех нас, офицеров не-казаков, повесили на телеграфных столбах. Два выстрела, один за другим, в нашем вагоне. Двое офицеров застрелились. Раздался голос полк.Толстова, нашего командира:

- То, что сделали эти молодые люди - преступление. Они не достойны звания русского офицера. Офицер должен бороться до конца.

Затем последовал приказ строиться в коридоре, рассчитаться; от середины направо и налево выходить из обеих дверей вагона.

Штыки на перевес, выскакивают первые наши офицеры. Из задних рядов казаков послышались крики: "Бей их!" - между тем, как стоявшие впереди Донцы нам улыбались и любезно уступали дорогу. Мы выстроились перед вагоном и после команды: "Ряды вздвой! Налево, правое плечо вперед!" - совершенно спокойно прошли через расступающуюся перед нами многотысячную толпу.

Уже когда мы были в поле, глухо раздались казачьи выстрелы. Наша колонна тогда развернулась, и мы ответили одним залпом по толпе: Видели, как наш противник в панике прятался под железнодорожными вагонами.

Пошли дальше походным порядком, и по дороге присоединилась к нам наша застава.

- о -

На следующее утро - это было 31 декабря - мы подошли к знаменитой реке Калке. Неужели нас ждет участь предков, "легших костьми" здесь, на этой маленькой речке, теперь замерзшей и покрытой густым туманом?

С противоположного берега раздались частые выстрелы. Мы рассыпались в цепь и дали один залп. Все успокоилось. Перешли через Калку. Перед нами были опустелые одиночные окопы. Ни одного человека...

Пошли дальше. Вечерело. Начали искать ночлега, хотя бы скромного. Однако, повидимому, не судьба нам была заснуть в эту ночь. В поисках жилья мы попали не в убогую хату, а в богатое, огромное имение. Гостеприимный помещик пригласил нас встретить наступающий Новый Год в большой зале усадьбы. Когда часы пробили 12, мы, все офицеры нашего эшелона, сидели за уставленным едой и бутылками с французским шампанским столом, покрытым белоснежной скатертью.

На утро в наше распоряжение были предоставлены сани, и хватило их на нас всех - 154-х офицеров!

Так мы доехали до железнодорожной станции, которая оказалась занятой отрядом партизанов Чернышева. Определенно 1918 год начинался хорошо! Партизаны встретили нас радушно и согласились вызвать для нас эшелон из Таганрога. В это время стали подходить эшелоны тех самых Донцов, которые собирались нас повесить. На этот раз, по понятным причинам, они этого желания нам не высказали, а, наоборот, были невероятно любезны. Несмотря на все их подобострастие, мы все же им "вежливо" напомнили об их поведении на станции Волноваха... но эти напоминания мы милостиво прекратили, как только наш эшелон был подан.

На нем мы уже вполне благополучно добрались до Новочеркасска; сразу же явились на Барочную 2, где и были зачислены в ряды Белой Армии.

Л.П.Сукачев.

- - оОо - -

Т Р И Н А Д Ц А Т Ь.
Новогодний рассказ.

Это дело было в 1907 году. Дивизион нашего полка, в котором я имел честь служить, стоял по крестьянским дворам в районе мызы "Шварцфельд". Хозяин этой мызы, какой-то граф, был убит крестьянами в 1905 году, во время аграрных беспорядков. После его смерти, в ожидании наследников, мызой управлял немец - настоящий "страж полуживой", весьма обрадованный тем, что у него поселились офицеры дивизиона.

В памятный день, как и сейчас, мы собрались встречать Новый Год. Для этой цели в зале на втором этаже господского дома, блестя старинным сервизом с графскими гербами, был накрыт стол. В назначенный час мы собрались в ожидании командира дивизиона, разглядывали старинные предметы, картины и портреты, во множестве украшавшие стены и углы зала. В одном месте наше внимание привлек деревянный шандал - в особенности тем, что он был наполовину перерублен. Бывший среди нас управляющий по поводу этого шандала рассказал, что однажды ночью, когда граф был один в зале, весь он вдруг наполнился призраками. Граф, бывший гусар, схватил саблю, но вместо призрака хватил ею по шандалу.

Потом он еще нам рассказывал, как однажды весною, поздно вечером, задремавшая в кресле на балконе графиня была разбужена шумом и музыкой. Оглянувшись, она увидела, как в освещенном луной зале изображенные на портретах люди под звуки полонеза шли парами по залу. Графиня вскрикнула и упала в обморок. Прибежавшие на шум граф с лакеем успели увидеть, как все танцевавшие впрыгнули в свои рамы.

Вероятно, многое из жизни таинственной мызы мог бы рассказать словоохотливый управляющий, но по команде: "господа офицеры!" - мы все поспешили к дверям зала встретить командира дивизиона. Он был поистине "отец-командир". Его любили, уважали и вместе с тем побаивались одинаково - как офицеры, так и солдаты. Педант по службе, он был мягок, заботлив и справедлив, но что было в нем для нас досадливо неприятно, это постоянное его какое-то печальное настроение.

Поздоровавшись, он предложил нам занять места за столом. Как обыкновенно бывало в присутствии командира дивизиона, сперва все молчали. Командир начал обводить нас всех своим взором, и казалось, что его печальные глаза останавливались на мгновение на каждом из нас. Дойдя до сидевшего рядом с ним ротмистра, он едва слышно прошептал:

- Тринадцать...

- Так точно, - подтвердил ротмистр, - тринадцать, и пустое кресло по вашему приказу предназначено для графского управляющего. Он только что был здесь с нами и, вероятно, незамедлительно явится.

. . .

- Господа! - обратился к нам командир, - я имею особое предубеждение к числу тринадцать и о причине этого готов вам рассказать, но не знаю, успею ли до двенадцати.

- Сейчас точно без тринадцати минут двенадцать часов, - сказал кто-то из присутствующих.

Вопросительно и, казалось, недоумевающе посмотрел командир на сказавшего это офицера.

- Так точно, без тринадцати, - подтвердили остальные.

- Хорошо, - продолжал командир, - мы имеем время. С числом 13 я связан самыми неприятными воспоминаниями в жизни... Шел 1905 год. Вы все знаете, что творилось в этот год на Руси: бесчинствовала чернь, горели усадьбы. Подстрекаемые преступным элементом, наши богобоязненные крестьяне превратились в грабителей, швыряли бомбы, поджигали усадьбы, а всякий беглый каторжанин становился господином положения. Моему эскадрону был поручен для охраны довольно большой район. И нужно же так случиться, что в этот район входила усадьба моей невесты, жившей в ней со своим отцом. Я находился в стороне, на большой дороге, будучи связан телефоном с наблюдательными пунктами и усадьбами.

"Было со мной 13 драгун; расстояние, отделявшее меня от усадьбы невесты, было 13 верст, и, как сейчас помню, было тогда 13 градусов мороза.

"Была глубокая ночь, когда какой-то дребезжащий первый звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я взял трубку и сразу узнал голос невесты: "Слушай, - говорила она, - ради Бога, поторопись. Крестьяне, разграбив амбар и погреб, пьяной толпой с факелами идут к дому... спасай... отец... я..."- и прекратился голос - видимо, порван провод.

"- Садись! Марш, марш! - и мы поскакали. По дороге я увидел зарево пожара. На своем "Ветре" я обогнал драгун и один влетел в ворота усадьбы. Все было ярко освещено пожарищем. Тут я наткнулся на трех мужиков. Они, выпившие, горланили песни. Передний, приплясывая, имел на голове дамскую шляпку. Из револьвера я уложил этих грабителей."

У парадных дверей я нашел убитого отца невесты. Рядом с ним лежало охотничье ружье: видимо, старик намеревался защищаться. Поднявшись на террасу, я увидел убитую невесту, лежавшую в луже крови на полу. В это время, видимо, драгуны влетели в усадьбу, потому что стали раздаваться голоса пьяных мужиков: "Тикай, паря! Драгуны!" - и т.д.

Раздалось несколько выстрелов из охотничьих ружей, и затем были слышны характерные звуки сабельных ударов.

"13-го января 1905 года я получил на бланке какого-то революционного комитета извещение, что за организацию кровавой расправы над беззащитными, угнетенными и голодными крестьянами я приговорен к смерти.

"Не так этот приговор, как потеря любимого человека и ужас пережитого два года тому назад и как раз в этот же день не позволяет мне разделить с вами, господа, ваше праздничное настроение."

Он замолк, молчали, конечно, и мы. В это время часы начали бить, и кто-то стал считать: "Один, два, три... одиннадцать, двенадцать... тринадцать!" Недоумевающие взоры всех обратились к командиру. Но что это? Расширенными глазами он смотрел на пустое кресло...

И здесь мы все, присутствовавшие при этом, готовы поклясться, что видели одно и то же: тринадцатое кресло не было пусто, в нем сидел желто-прозрачный призрак женщины, покрытый венчальной фатой. Вот она приподнялась и протянула в направлении командира дивизиона свои, словно восковые, руки. Все замерли...

Вдруг сильный стук невольно заставил всех перевести свои взоры на двери зала. На пороге на сей раз мы увидели не призрак, а дежурного унтер-офицера. Щелкнув шпорами, он доложил, что прибывший из штаба полка посыльный желает лично говорить с командиром дивизиона. Быстро придя в себя и сказав: "сейчас", дивизионер вышел. Не успев обменяться впечатлениями о всем виденном, мы услышали выстрел. Все бросились из зала. Внизу, на пороге в канцелярию лежал наш командир, убитый выстрелом в голову. Тут же валялся конверт с огромной сургучной печатью. Мы вскрыли его:

"По приговору революционного комитета..." - прочли мы.

Аргентина.

А.Рябинский.

(Этот рассказ, прочитанный в 1910 году из журнала "Вестник Русской конницы" офицером-воспитателем кадетам Симбирского кадетского корпуса, привожу по памяти. - А.Р., октябрь 1963 г.)

- - oOo - -

x

x x

Без надежд и ликований
Мы встречаем Новый Год.
Человеческих страданий
Он, как прежде, не уймет.

Но, подняв свои бокалы,
Пожелаем лишь, что тот,
Кто стремленье к идеалу
В сердце чистом бережет,

Не утратил духа силы
Средь житейских бурь и гроз,
Светоч свой чтоб до могилы
Не угаснувший донес.

А.Н.Плещеев.

- - oOo - -

...Нет победы без героической легенды. Окропленный кровью, мученический крест победил, именно, когда он стал легендою в мысли, в воображении и в сердце племен и народов.

Люди умирают, человечество остается. Бойцы уходят в могилы, но героизм их живет в легенде и предании. Могилы жертвенных героев - колыбель грядущих победителей...

Немирович-Данченко.

ПО ПОВОДУ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ КОМАНДОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДОНА.

(Подслушивание через приоткрытую дверь).

По поводу этого протокола (см. "В.П." №№ 25, 27 и 28) я должен заметить следующее:

1. Совещание состоялось на ст.Торговая (Ставропольской губ.), то есть на территории Добровольческой Армии.

2. Охрана ген.Деникина состояла из конвоя Главнокомандующего (полк. Валентин Александрович Арон) и нескольких офицеров первопоходников, несших внешний (у вагона) и внутренний (в коридоре вагона, у обеих его концов) караул.

3. Двери, ведущие с площадок вагона в коридор, были всегда открыты для того, чтобы оба внутренних часовых могли видеть друг друга. Звуки голосов не долетали до них.

4. Ни один человек не мог находиться ни внутри, ни снаружи вагона. На этот счет имелись постоянные инструкции.

5. Общее число постов равнялось шести: 4 внешних, у каждой двери вагона, и два внутренних, на площадках, ведущих в коридор.

6. Пути, соседние с тем, на котором стоял поезд ген.Деникина, бывали всегда освобождены, так что никакого соседства со стоявшими составами поездов быть не могло.

7. Нарисовав общую картину охраны ген.Деникина, перейду к личности есаула Агеева, якобы подслушавшего Совещание через приоткрытую дверь. Подозрения относительно роли, которую он играл в штабе Донской армии, зародились уже давно и, как показало будущее, были основательны. Оказавшись в Болгарии, Агеев сбросил носившуюся им маску, открыто стал на сторону красных, сотрудничал в издававшихся в то время в Софии советских газетах, неоднократно появлялся на улицах в сопровождении матроса Чайкина (Чрезвычайкина).

Итак, я категорически утверждаю, что:

1. Подслушать Совещание Агеев не мог;

2. Агеев был большевистским агентом и главным организатором убийства ген.Покровского в Болгарии.

Ген.Поляков пишет: По моему указанию, он стоял вне вагона (?), в котором происходило Совещание, приоткрыв немного дверь (?), слышал все разговоры (?) и, прекрасно зная стенографию, записал их.

Еще раз категорически заявляю, что ни внутри, ни снаружи вагона Агеев находиться не мог. Кроме того, если внутренние часовые не могли слышать голосов совещавшихся, то как их мог слышать стоявший вне вагона Агеев? Никаких других дверей, кроме положенных каждому пассажирскому вагону, не имелось. Допускаю, что вагон этот был не тот, который я знал, сопровождая ген.Деникина в качестве офицера охраны в бытность мою в роте Ставки Главнокомандующего, и имел боковую, выходящую на полотно, дверь. Но и в этом случае приблизиться к вагону Агеев не мог бы. Приоткрытая наружу (26-го декабря!!) дверь была бы немедленно прикрыта.

Ю.Рейнгардт.

- - oOo - -

ГЕРОИКА ПРОШЛОГО.

Вышла из печати и поступила в продажу изданная Музеем Белого Движения книга воспоминаний генерала А.П.Богаевского о Первом Кубанском - Ледяном - Походе 1918 года.

Напомним вкратце биографию автора книги, так как его незаурядные способности отразились как на содержании, так и на стиле его воспоминаний.

Казак станицы Каменской Всевеликого Войска Донского, Африкан Петрович Богаевский родился в 1872 году, в скромной военной семье. 28 лет от роду он с отличием оканчивает Николаевскую Академию Ген. Штаба и, вплоть до начала Первой мировой войны, исполняет ряд штабных должностей. В годы войны он принимает участие в боях, командуя кавалерийскими частями.

Развал армии застает его на посту начальника 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. После крушения фронта А.П. пробирается на Дон, где принимает командование войсками Ростовского района. Из Ростова он уходит в Первый Кубанский Поход, во время которого командует сперва партизанским полком, а позднее 2-й пехотной бригадой.

По окончании похода ген.Богаевский занимает ответственные посты в Донском правительстве, а в феврале 1919 года избирается Большим Войсковым Кругом В.В.Д. на пост войскового атамана, на каковом посту он остается до своей смерти (21 окт. 1934 г. в г.Париже).

В своих воспоминаниях ген. А.П.Богаевский, с предельной, чисто военной сжатостью, дает представление о возникшей в 1918 г. общерусской разрухе и на ее фоне рисует эпизоды борьбы за честь и целостность Родины.

Без громких фраз, в скупых словах, он описывает чрезвычайные трудности Ледяного Похода и их преодоление самозабвенным мужеством зачинателей Белого Дела на юге России. Он выпукло показывает на реальных фактах высокую идейность, личное бескорыстие и жертвенный героизм как вождей, так и рядовых участников похода.

Близкое знание ведущих личностей времени начала Белого Движения, широта умственного кругозора автора и присущая ему строгая правдивость придают делаемым им характеристикам и оценкам отдельных лиц и событий значительность исторического документа.

Не взирая на 45-летнюю давность описываемых в книге событий, они не утратили свою злободневность и в наши дни, так как начатая в легендарные дни Ледяного похода борьба за сохранение духовной сущности России, изменяясь в своих формах и проявлениях, продолжается и доныне. Для правильного понимания многих событий современности необходимо знать их истоки, созданные подвигами и жертвенностью первопоходников.

Помимо своей исторической ценности, книга ген. А.П.Богаевского имеет большое моральное значение: она укрепляет веру в здоровые государственные силы русского народа, сумевшего, даже во время своей тягчайшей болезни, выделить из своей среды людей бескорыстного служения Родине, дерзнувших восстать против лжи и террора коммунизма. Восстать во имя не личного благополучия, а беззаветной любви к Родине, ярко выраженной в выдержке из письма одного из руководителей похода - генерала М.В.Алексеева:

"...Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая

точка среди охватившей Россию тьмы..."

Объективное описание горения этого светоча дает в своей книге ген. А.П.Богаевский.

Изданная с большой, любовной тщательностью, книга содержит 20 фотографий и карту Первого Кубанского Похода.

Ее стоимость в США - 3 долл., и 20 центов на покрытие пересылки.

Заказы на книгу, с приложением ее стоимости и почтовых расходов, направлять:

На Западном Побережьи США - 1) в редакцию "Вестника Первопоходника: Mr.Vasily Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif; 2) Mr. E.Polansky, I279 II-th Avenue, San Francisko, Calif.

На Восточном Побережьи: Mr. P.Alexeeff, 37-20, 64 St., Woodside 77, N.Y., USA.

Библиофил.

- - oOo - -

x
x x

За ваше здоровье, Донцы-молодцы,
Я этот бокал поднимаю.
На головы ваши, герои-бойцы,
Я милость Творца призываю.

На радость народа, под говор молвы,
Под гул колокольного звона
Пусть все невредимы воротитесь вы
На берег счастливого Дона.

А тех, кто погибнет, - во веки веков,
Скорбя, не забудет Россия
И подвиги славных казачьих полков
Запишет в скрижали златые.

Я с вами навеки сроднился душой,
Нас сблизили дни боевые...
Привет вам сердечный,
Поклон вам земной
И лучшие песни живые!

Ник.Михайлов.

- - oOo - -

Никаким развратом, никаким давлением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть, но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего, но что есть где-то высшая правда, и что эта правда выше всего.

Ф.Достоевский.
(Дневник писателя)

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 28

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- о. -.

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- о -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- о -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Мибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал - 3 дол.50 цент. За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 35 центов.

- - 0Оо - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

29

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the Communists.
901 No.Kenmore Ave., Los Angeles 29, California, U.S.A.

№ 29 Февраль 1964 г.

П Р И К А З
Русскому Обще-Воинскому Союзу

Г.Париж № 52. 25 сентября 1963 г.

Много лет тому назад, собирая во едино всех русских воинов, ушедших в эмиграцию, покойный Главнокомандующий генерал Врангель, основывая Русский Обще-Воинский Союз и ставя чинам его свои требования, одним из них указывал, что каждый воинский чин, входящий в союз, в вопросах религии, в вопросах эмигрантской церкви, имея право веровать и молиться, конечно, как положит на его душу Господь, в то же время своим категорическим требованием каждому чину Союза ставил невмешательство в церковные дела и в особенности в церковные распри, которые и тогда в той или иной степени могли намечаться.

В своем, как всегда, мудром предвидении покойный Главнокомандующий считал, что каждый чин Союза в делах эмигрантски-жизненных должен был следовать своему воинскому долгу, который через раны, кровь, страдания и мучения привел его в эмиграцию и дал ему возможность объединиться в близкой ему воинской среде, как всегда, сильной своей спайкой и верностью.

Этими указаниями много лет живет наша военная эмиграция, и так же думали и преемники генерала Врангеля и в особенности генерал Кутепов, жизнь свою в эмиграции за Родину положивший.

Этими заветами жили и крепли воинские организации эмиграции - этим сохранялась целостность нашего Воинского Союза. Крепла в течение почти сорока долгих лет жизнь вне Родины.

К сожалению, за последнее время ко мне начали поступать сведения о том, что чисто эмигрантские интересы постепенно начали оказывать давление на, казалось, твердо установившуюся психологию членов Союза. Донесения моих ближайших сотрудников, частные письма, строки русской эмигрантской прессы начали приносить сведения о том, что чины Союза в своем увлечении общими интересами эмиграции начали забывать мудрое указание нашего Главнокомандующего, способствовавшее целостности нашего существования, и что все время усиливавшееся неспокойство в церковной жизни, выявлявшееся в постоянных юрисдикционных спорах, начало втягивать в себя и увлекшихся той или иной его стороной чинов Воинского Союза. Проверяя получаемые мною сведения со всех мест мирового рассеяния русской эмиграции и этим неизбежно затягивая объявление настоящего моего приказа, - я не мог не столкнуться с теми данными, которые указывают, что церковные распри настоящего времени где-то и как-то имеют истоком усиление в эмигрантской среде интриг наших старых и упорных врагов, врагов эмиграции вообще, врагов нашего Воинского Союза, врагов православия, врагов христианства и раньше всего - врагов дорогой нам России, борьба за славу, за целостность и за светлое будущее которой привела нас в эмиграцию. Начав с сеяния распри в церкви, враги эти, конечно, не остановятся на этом и пойдут дальше во всех организациях русской эмиграции.

Я считаю своим долгом призвать русскую военную эмиграцию, призвать чинов нашего Союза - вспомнить завет нашего Вождя, вспомнить его мудрые предначертания и всеми силами отгородиться от того или иного участия в церковной распре, губительно отражающейся на самой жизни эмиграции, - вспомнить о том, что было положено в основу создания Русского Обще-Воинского Союза: - каждый чин Союза в своей религиозной жизни свободен, каждый верит и молится, как ему подскажет совесть, но от выступлений в церковной распре он должен всеми мерами отгородиться.

В этом наша служба России, которой всегда и всюду служили русские воинские чины - теперь чины Русского Обще-Воинского Союза, который жил, живет и будет жить верностью Русского Воина Родине.

П.п. Начальник Союза

Генерального Штаба Генерал-Майор Л а м п е.

Верно:

Начальник канцелярии В.Попов.

О ЧЕМ ПОЮТ МОСКОВСКИЕ КОЛОКОЛА.

Посвящается
друзьям юности нашей, отдавшим жизнь за спасение гибнущего отечества.
Октябрь 1917 года.

Молодых орлов погибла стая
За честь Отчизны, за счастья свет.
За честь и славу родного края
Вы жизнь отдали. Вас больше нет!

Кто на далекой чужбине не вспомнит с тихой грустью наш российский колокольный благовест?!

Какая земная музыка может сравниться с колокольным красным звоном, таким певучим, радостным, веселящим, уносящимся мощными звуками в голубое небо,наполняющим душу несказанным торжеством?!

Колокола, что соловьи: для простого уха все одинаковы, а для знатока у каждого своя неповторимая песня. По красоте и по важности колокола имели свои имена. Среди Ростовских колоколов были: "Лебедь", звон которого имел сходство с лебединой песней, и "Голодарь" - великопостный. Москва славилась красными - усладительными колоколами.

Когда отливались у нас на Руси колокола, в расплавленную массу меди верующие бросали деньги, золотые и серебряные вещи - для звона и для... спасения души. А когда колокол был готов, тогда звали священника для освящения: дабы для укрепления и мужественного сопротивления всем диавольским наветам - звон колокола был устрашением. И в час ночного искушения ничто так не пробуждало человеческую совесть, как колокольный звон.

С давних пор на Руси жизнь наших благочестивых предков была тесно связана с колокольным звоном.

Идут эти колокольные звоны издревле, несут сказ-былину о седых временах, о былых скорбях и былых радостях - связывают прошлое с настоящим, указуют на непрерывность жизни человеческой.

В субботний день 25-го октября 1917 года вечерний благовест Московских колоколов казался особенно грустным и печальным. Как будто чуяли московские любимцы своею медною душой, что с каждым ударом, с каждым замирающим звуком уходило в невозвратное прошлое величие и слава Российской Державы.

И, прощаясь, плакали своим колокольным плачем, вспоминали далекие кровавые дни и пели свои заунывные песни о мщении и злобе человеческой, о погибающей в неравной борьбе юности, о смерти, когда так хотелось жить.

Поздним вечером, когда богомольный московский люд уже сидел у своих домашних очагов, улицы и бульвары первопрестольного града Москвы огласились непривычными для московского уха звуками ружейной перестрелки. В эти жуткие кровавые часы здание Государства Российского окончательно рухнуло, и жизнь России вступила в новую фазу своего исторического пути.

Треск пулеметов, ураганный артиллерийский огонь, покрывший златоглавые соборы Москвы, зловещий свист и вой прорезавших воздух

снарядов - все казалось своеобразной музыкой, сатанинским маршем, под звуки которого шли к власти "пасынки России"...

Утопая в дымящейся крови, забилось в предсмертных муках золотое русское юношество, ставшее на защиту русской государственности и пытавшееся грудью отстоять Отечество.

Доблестное русское юношество!

В земле родимой, под свист шрапнели,
Где кровь струилась, пылал пожар,
Вы смело смерти в глаза глядели
И смерть прияли, как Божий Дар!..

В эти страшные дни, когда среди масок безумно-кровавых людей, чуждые тупого равнодушия взрослых, шли умирать за мачеху Родину русские дети, - на фоне потрясающей русской трагедии вырисовывались зловещие фигуры вожаков 3-го Интернационала. Тяжелой поступью подымаясь на трон Русских Царей, они призывали "все здравомыслящие и сознательные элементы общества" к борьбе с религией и ознаменовали свой приход к власти семидневным расстрелом российских святынь града Москвы из новеньких русских пушек и русскими снарядами.

Тысяча девятьсот семнадцатый год оказался тем страшным роковым годом, о котором пророчески сказал поэт Лермонтов:

Настанет год - России черный год,
Когда с царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь...

Третьего ноября из огня и пыли семидневной бомбардировки показался весь разбитый, опозоренный, оскверненный Московский Кремль, немой свидетель былого величия России и настоящего позора.

Не поддается описанию ужас и настроение разрушенного, залитого кровью, поруганного храма. Жутко и страшно! Здесь все намолено, оплакано. Здесь люди молились, с истерзанным сердцем проклинали свою греховную жизнь и вступали обновленными в царство света и благодати. И вот - опрокинутые аналои, разбитые иконы, оторванные от Распятия пригвожденные руки Спасителя, песок, известка, человеческая кровь и мозги...

"Уничтожение религии есть начало истинного благополучия", - сказал Карл Маркс. "Религия - опиум для народа" - написали новые хозяева земли Русской на полотнище, повешенном на стене Кремля между Спасскими и Никольскими воротами.

Русская Церковь сблизилась с первой мученической апостольской Церковью, овеянной особой благодатью Божией. "В мире скорбны будете, но мужайтесь!" - говорит Господь страждущему сердцу русскому.

Обескровленная, втиснутая в гроб жизни святая Русь тесно прижалась к своему великому прошлому. Вся втянулась в ограду церковную, в царство святых древней, Богом прославленной Руси.

Из расстрелянных Распятий потекла кровь; оскверненные, оплеванные иконы обновились и засияли новыми небесными красками; разрушенные и поруганные храмы обновляют свои почерневшие купола...

- Святая Русь... Святая Русь... - поют колокола.

- о -

Люди рождаются и умирают. В пыль превращаются и уносятся ветром их могильные плиты. Подобно каплям дождевым, падающим в морскую пучину, исчезают в мире имена человеческие...

А Имя Иисуса Христа, Плотника из Назарета Галилейского, высоко сияет в небе далеком и льет две тысячи лет Свой Тихий Свет невечерний на грешную землю, волнует царства, возбуждает споры, подымает народы на кровопролитные войны, разлучает отца с сыном и дочь с матерью.

Как смешно и ничтожно человеческое стремление зажечь в мире какой-то "новый свет"!

Потекут века подобно часам. Протекут миллионы веков, потеряются в счете быстрейшие ангельские умы. А над темницею адскою будет слышен голос правосудного Бога:

"Каин, где брат твой Авель?"

Бельгия. Архимандрит Феодосий.

- - oOo - -

ПЕСНЬ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Вечерней порою, сомкнувшись в строю,
Поем мы негромкую песню свою
О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли.
И в подвиге видели цель мы одну:
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной,
Не даром далея нам Поход Ледяной!
И много, о, много под снегом полей
Лежит неоплаканных верных друзей.
Смеясь, сторожила нас Смерть - часовой,
Но шел, не смутясь, офицер-рядовой.
И ширилась, ширилась дружная рать.
Безвестно, безмолвно мы шли умирать.
И снова невзгоды грозили толпой,
И било нас море соленой волной,
И плакали ветры в расселинах гор,
И солнце палило тускнеющий взор...
И был Доброволец в борьбе одинок...
Голодный, раздетый, он все превозмог.
Трехцветное знамя - наш светлый маяк:
Не сломит его торжествующий враг.
С надеждой горячею страстно мы ждем,
Что встанет Россия в величьи своем.
Но тяжек, о Родина, крестный наш путь,
Теснится тоска в богатырскую грудь...
Мы здесь не жильцы, мы идем умирать,
И семьям безвестных могил не сыскать...
Мы гибнем, не видя участья, любви!...
Но встанет Россия на нашей крови!
И вот отчего - обреченных тоской
Звучит наша песня вечерней порой.

Декабрь 1918 г. Е.Журавская.

ГЕНЕРАЛУ КАЛЕДИНУ.

Уходил в небесные скиты
Из царства неправды один -
Без войск, без победы, без свиты
Войсковой Атаман Каледин.

Вокруг гроба плакали свечи,
Недвижим лежал атаман...
Ненужны надгробные речи -
В них бы был затаенный обман.

И рыдала - не знаю, чья мать...
Порошилась снегом дорога;
Шли дети за Дон умирать;
Над городом билась тревога.

На Дону распяли свободу,
И спас атаман только честь,
Ушел к Чернецовскому взводу,
Чтоб жалобу Богу принесть.

И в волнах церковного звона
Вошел Атаману во след
К подножию Божьего трона
Весь кортеж Галицийских побед.

Н.Белогорский.

РЫЦАРЬ БЕЛОЙ ИДЕИ
("Мятеж" Ген. Каледина)

"Вопреки обещанию, данному в Москве на Государственном Совещании, - "погубить душу, а Родину спасти", - Керенский душу свою спас, а погубил Родину".

Проф. ген. Головин.

Смещенный Временным Правительством, согласно представления генерала Брусилова, с должности командующего армией за "несоответствие духу времени", донской казак генерал от кавалерии Каледин, по прибытии на родной Дон, был избран Войсковым Кругом Атаманом Войска.

Решительный, с хорошо развитым государственным чутьем, генерал Каледин в короткий срок приобретает авторитет не только среди родных донцов, но и у казаков других войск.

На созванном Керенским Государственном Совещании в Москве 26 - 28 августа 1917 года генерал Каледин участвует, как представитель всех казачьих войск. Его речь на этом совещании дает нам отчетливый облик генерала, как казака, болеющего душою за судьбы своего Отечества - России.

"Казачество не опьянело от свободы, - говорил генерал Каледин. - Оно не сойдет со своего пути служения Родине на полях битв и внутри, в борьбе с изменой и предательством...

"Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов и предъявления к правительству неисполнимых требований преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан и грубого нарушения свободы слова, печати, собраний, - казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности. Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы, комитеты, и отдающих себе отчет, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами должен быть немедленно и резко поставлен предел. Время слов прошло, терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения родины".

Если в умеренных кругах участников совещания эта речь Каледина послужила отрезвляющим началом от угара революции и вызвала тревогу за судьбу Отечества, то Керенским она была воспринята, как контр-революционная, в ней он увидел несомненную связь и участие Каледина в "мятеже" Корнилова.

10-го сентября бюро печати Временного Правительства передает для газет сообщение: "От Атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, Временным Правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если Правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с Югом".

Это уже по своей форме не внушающее доверия сообщение дает повод Керенскому начать открытую борьбу против ген.Каледина. Не проверив истины этого сообщения, Керенский не допускающим возражений тоном требует от совета казачьих войск "заклеймить ген.Корнилова и ген.Каледина, как изменников и бунтовщиков".

Совет казачьих войск отклонил требования Керенского, мотивируя тем, что он не может осудить своих старших представителей, не имея уверенности в истине по этому поводу сообщений, заявив при этом,что "Совет не может работать под давлением и угрозой".

Командующий Московским Военным Округом полковник Верховский 12 сентября телеграфирует генералу Каледину:

" 1) С фронта идут через Московский Округ в Область Войска Донского эшелоны казачьих войск в ту минуту, когда враг прорывает фронт и идет на Петроград.

2) Мною лично получены сведения о том, что станция Поворино занята казаками. Я не знаю, как это понимать. Если это - объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба, которую начал ген.Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей Армии, всей России. Поэтому появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения я буду рассматривать, как восстание против Временного Правительства, и немедленно издам приказ о полном уничтожении всех, идущих на вооруженное восстание, а сил к тому, как вам известно, у меня достаточно".

Одновременно с этой телеграммой полковника Верховского, Керенский разослал телеграмму, в которой определенно называет ген.Каледина мятежником, отрешает его от должности Атамана и предлагает ему явиться в Могилев в Следственную комиссию, расследующую дело генерала Корнилова.

Полковник Верховский, к тому времени уже военный министр, отдает распоряжение частям, расположенным на Дону, об аресте ген. Каледина.

18 сентября на Дону было созвано экстренное заседание Войскового Круга. Были приняты меры к благополучному возвращению в Новочеркасск ген.Каледина, находившегося в это время в поездке по Войску. Возвратившись в Новочеркасск, ген.Каледин по личному почину слагает с себя звание Войскового Атамана и, как частное лицо, отдает себя на суд Войсковому Кругу.

Девять дней заседал Войсковой Круг, исследуя дело о "мятеже" своего - уже бывшего - Атамана. На требование Керенского явиться ген.Каледину в Могилев и на распоряжение военного министра об аресте Каледина Войсковой Круг постановил:

1) "Временное Правительство не имеет власти гарантировать безопасность Каледину от самосудов разнузданной черни, натравленной Керенским против Корнилова и Каледина".

2) "С Дона выдачи нет".

По существу же обвинений генерала Каледина в мятеже Войсковой Круг вынес решение, что "дело о мятеже" - провокация или плод расстроенного воображения.

"Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: - немедленного восстановления Атамана во всех правах, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования

при участии представителей Войска Донского виновников ложных и поспешных мероприятий, на них основанных".

Генералу Каледину предложить немедленно вступить в исполнение своих обязанностей Войскового Атамана.

Временное Правительство через Военного Министра телеграфировало Войсковому Кругу:

"От имени Временного Правительства счастлив засвидетельствовать, что недоразумения первых дней рассеяны. Казачество в его целом не дало втянуть себя в безумную попытку Корнилова. Клеветнические наветы на казачество должны умолкнуть, виновность отдельных лиц может быть установлена судебным разбирательством. Ген.Каледин во исполнение своего гражданского долга должен безотлагательно явиться в Могилев к Председателю Следственной Комиссии для дачи показаний".

Войсковой Круг, не доверяя Временному Правительству и боясь новой провокации, не разрешил ген.Каледину поездку в Могилев, а сообщил, что если Следственная Комиссия нуждается в показаниях Каледина, она может пожаловать в Новочеркасск.

Кровоточиво-смертельную рану нанес Керенский этой провокацией Дону. Существовавший на Дону пришлый элемент, так называемые "иногородние", с момента революции пошли по пути крайне левых и в большинстве своем представляли пробольшевистскую базу. Военные не-казачьи части расположенные на Дону, количественно усиливали эти пробольшевистские элементы.

К моменту захвата центральной власти большевиками, по свидетельству В.Харламова, "фронтовое казачество, распропагандированное углубителями революции, приходя домой, не могло найти общего языка со "стариками". Оно воевало, а эти жили дома и богатели. Молодые казаки не могли представить себе, чтобы солдат-крестьянин, солдат-рабочий, с которыми они провели три года на фронте, вернувшись домой, стали их врагами. Этот образ мыслей молодого казачества, подогреваемый пропагандой пробольшевистски настроенных иногородних, породил у казаков новую идею "нейтралитета".

"Зачем нам бороться против большевиков? Они нас, рядовых казаков, не тронут. Они будут распоряжаться промеж себя, рабочих и крестьян, а мы у себя".

С захватом большевиками всероссийской власти, Каледин по постановлению Круга провозглашает Донскую Область независимой впредь до образования всенародно признанной Российской власти.

В городах Ростов и Таганрог, с населением преимущественно иногородним, это решение Дона вызвало неприязнь к казакам и открытое вооруженное восстание пробольшевистски настроенных элементов населения. При поддержке армейских частей, стоявших в Ростове, и при участии призванных на помощь матросов Черноморского флота, 9-го декабря большевики Ростова выступили против Донского Войскового Правительства.

Во имя исполнения своего гражданского долга, но с тяжелым чувством необходимости междоусобия, ген.Каледин силами наспех сформированного добровольческого отряда (из офицеров, юнкеров, кадет и учащейся молодежи) в течение семи дней подавляет это Ростовское восстание.

Как пережил ген.Каледин это событие, свидетельствует его речь к населению города Ростова, восторженно приветствовавшего его, как освободителя от зверств большевиков.

"Мне не нужно устраивать оваций. Я не герой, мой приход не праздник. Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита братская кровь, и мне радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполнил свой гражданский долг, овации мне не нужны", - говорил ген. Каледин жителям Ростова.

Помимо тяжелого чувства сознания необходимости братской междоусобной борьбы, Ростовское восстание породило в душе ген.Каледина чувство тревоги за участь Дона и казачества. Казачьи части, бывшие во время Ростовских событий на Дону, не исполнили приказа своего Атамана и в подавлении восстания участия не приняли. Пропаганда большевиков о "нейтралитете" в среде казаков в этот период возымела свою силу.

В поисках разрешения назревшего политического кризиса на Дону, ген.Каледин приходит к мысли призвать к участию в управлении Областью все слои населения, не только иногородних горожан и крестьян, но и иногородних рабочих.

В середине января на Дону было создано Правительство на паритетных началах. В нем было семь мест для представителей казаков и семь мест для иногородних.

Захватившие в свои руки Всероссийскую власть большевики своим смертельным врагом считали в первую голову казачество, возглавляемое ген.Калединым. Поэтому главные силы большевиков были направлены на Дон.

Крыленко, главнокомандующий вооруженными силами большевиков, призывал части, идущие на Дон, бороться "ожесточеннее, чем с врагом внешним".

Сосредоточив свои главные силы в районе станицы Каменской, большевики таким образом образовали и внешний фронт борьбы Каледина за Дон.

Донские казаки, под влиянием все той же большевистской пропаганды "нейтралитета", неохотно шли на призыв своего Атамана против надвигающихся на Дон красных орд.

Главную опору на внешнем фронте ген.Каледин имел в партизанском отряде есаула Чернецова, численный состав которого равнялся нескольким стам человек.

4-го февраля есаул Чернецов был предательски убит казаками. Защита Дона от внешних большевиков со смертью Чернецова теряет свою душу, и сопротивление в районе станицы Каменской падает. Большевики же, продвигаясь к центрам Дона, количественно усиливаются формированием из рабочих горно-заводского района красногвардейских частей.

В городах Таганроге и Ростове наступающие части большевиков нашли пособников себе в лице солдат и рабочих.

Добровольческие части ген.Корнилова, защищавшие Дон на Таганрогско-Ростовском направлении не могли противостоять силе надвигавшихся на них большевиков. Восстание рабочих Балтийского завода в Таганроге склоняет ген.Корнилова к решению оставить Дон и уйти на Кубань.

Это свое решение ген.Корнилов сообщает Каледину и вместе с тем просит две офицерских роты, прикрывающие Новочеркасск, направить на

присоединение к Добровольческой армии.

Непонятый казачьими массами, оставленный ими, морально подавленный, ущемленный в своих возвышенных чувствах любви к родному краю и преданности Родине, ген.Каледин, обладавший исключительным для человека того времени качеством - трезво оценивать обстановку, понял безнадежность дальнейшего сопротивления надвигающимся ордам большевиков.

12-го февраля, как пишет об этом его ближайший сотрудник Н. Мельников, ген.Каледин созвал совещание членов Правительства, на котором, выслушав доклад Походного Атамана ген.Назарова о безнадежности дальнейшего сопротивления, так как Донское войско защищают всего лишь немного больше 150 человек казаков и две роты Добровольческой армии, ген.Каледин предложил "сложить полномочия членам Правительства и передать власть городскому самоуправлению".

Попытки некоторых членов Правительства обсудить создавшееся положение были прерваны ген.Калединым:

- Довольно говорить. От болтовни Россия погибла.

Было принято решение о передаче в этот же день власти городскому самоуправлению, для чего Правительство в полном своем составе должно было к 4-м часам собраться в городской Управе.

Атаман старейшего Казачьего войска ген.Каледин, верный своему слову, данному им Войску при принятии атаманства - "Прошу верить - долг свой исполню до конца" - предпочел личную смерть участию в похоронах Атаманства и самого казачества и до назначенной встречи покончил жизнь выстрелом в сердце.

- о -

Перечитывая эти трагические страницы истории Российского безвременья, невольно вспоминаешь строки из стихотворения А.С.Пушкина "Полководец":

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха.
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и умиленье.

Сан Франциско. А.П.Пенкин.

- - оОо - -

Правление получило ограниченное количество серебряных Знаков 1-го Кубанского похода уменьшенного размера, для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой - 2 дол.10 ц. Желающие могут обратиться к секретарю правления В.П.Мяч, 1706 Эхо Парк авеню, Лос Анжелес 26.

Прилагаемый оттиск значка показывает его размер и точный рисунок.

Генерал Каппель

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение см. № 28)

Чтобы успокоить взволнованных людей, я навел орудие на ближайшую возвышенность шоссе, до которой было полторы - две версты. Своим молодым артиллеристам я объяснил, кому и как нужно было действовать во время стрельбы. Зарядный ящик, полный снарядов, был при помощи обывателей подтянут к орудию.

Было очень рано, но часам к семи утра ко мне начали прибывать и другие члены моей группы, которых я направил занять (верстах в двух) казармы бывшего 5-го конно-артиллерийского дивизиона, что около трубочного завода. В казармах у красных было отделение Совета народного хозяйства, с забытыми в конюшнях лошадьми, более сотни.

Высланный в штаб-квартиру за директивами Галкин ничего определенного не мог сказать, кроме того, что "сейчас формируется правительство". Вскоре я перебрался со своим орудием с Сапекинского шоссе в конно-артиллерийские казармы. Разослал, куда можно, своих людей для направления желающих вступить в наши отряды.

Случайно мои артиллеристы нашли еще одно орудие и склады с аммуницией, сбруей и обмундированием, так что после лихорадочно спешной пригонки у нас уже были готовы два орудия с зарядными ящиками, полный комплект орудийной прислуги и небольшая команда разведчиков.

Новое правительство.

Часов в 10 утра я поехал в город разыскивать Галкина. По дороге заехал к бывшему в начале войны начальником 5-го конно-артиллерийского дивизиона генералу Миловичу, который перед революцией уже командовал кавалерийской дивизией. Я служил прежде под его начальством. Я просил Миловича помочь нам своим знанием и опытом в такой важный момент. Он оказался совсем не в курсе событий и по поводу происходящего высказал самое пессимистическое мнение, ответив мне:

- Из вашей затеи ничего не выйдет!

В женской гимназии (Межак) уже состоялось совещание правительства (без участия отцов города), состоявшего из находившихся в Самаре членов Всероссийского Учредительного Собрания (Богомолова, Брушвита, Фортунатова, Чернова, Вольского, Климушкина и других). Для заведывания военной частью был составлен штаб во главе с подполковником Галкиным, которого в шутку называли военным министром. К штабу, как бы для контроля, были приданы два члена Учредительного Собрания. Но все члены правительства были совершенно не в курсе существующей обстановки.

И все-таки к 12 часам дня (8-го июня) повсюду уже расклеивались воззвания нового правительства с приглашением записываться добровольцами в Народную армию; в здании женской гимназии (Межак) были объявления по отделам и родам оружия. Коридоры гимназии были заполнены молодежью.

Пройдя к заведующему артиллерией генерал-майору Клоченко, я нашел некоторых знакомых, среди которых были соратники по минувшей войне.

Генерал Клоченко объявил меня командиром 1-й отдельной конно-артиллерийской батареи Народной армии и просмотрел список моих ста добровольцев, из которых конно-артиллеристов было пять. Остальные же из записавшихся принадлежали ко всем родам оружия в бывшей Российской армии: были авиаторы, моряки, саперы и др., а больше - зеленая учащаяся молодежь. Но было несколько человек чинами старше меня, отчего я чувствовал себя до некоторой степени неловко.

Не задерживаясь, я уехал в казармы. Назначил командный состав, и было приступлено к разбивке орудийной прислуги, оказавшейся в большинстве из учащейся молодежи, не имеющей понятия об артиллерии. Была выделена команда разведчиков в 25 человек, состоявшая, главным образом, из студентов и прапорщиков военного времени. Об этом по телефону я доложил генералу Клоченко, который приказал мне как можно скорее прибыть в город, к штабу Народной армии.

Пришлось немного повозиться с необъезженными в групповой запряжке конями, часть которых недавно была реквизирована большевиками у местной буржуазии. И в пять часов два орудия и два зарядных ящика с полным количеством номеров (артиллерийская прислуга) и с усиленной командой разведчиков стройно шли по главным улицам города.

Конечно, опытный глаз не мог бы не заметить множества недостатков, которые были в конно-артиллерийском взводе, подошедшем к штабу

Народной армии. Но тогда мало кто о недостатках думал. Вышедший на улицу генерал Клоченко и многие чины штаба армии буквально ликовали при виде войсковой части новой русской армии. Ликовала, как мне тогда показалось, и толпа, и все отдельные люди, шедшие навстречу идущей батарее, песенники которой стройно пели:

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля.
И мы беззаветно любили
Тебя, святой Руси земля...

Нам приветливо кланялись, махали платками, дружелюбно улыбались совершенно незнакомые люди. Эти приветствия, восторженные улыбки и дружелюбные взгляды тогда в нас, молодых и неопытных, укрепляли веру в наше правое дело, и все мы не задумывались отдать свои жизни за спасение Родины.

Вечером того же дня было назначено общее собрание, которое ничего определенного не выяснило, за неимением каких-нибудь приблизительных данных. Все собравшиеся, может быть, помимо воли и желания, стали перед актом свержения советской власти и сознавали, что теперь, угодно или не угодно, нужно было действовать. А часть не в меру энергичных людей, охваченных паникой, подались в Сибирь. И были такие, которые направились в сторону Саратова.

У чехов было очень непрочно в арьергарде. Красные энергично их преследовали. Самарское (новое) правительство просило их задержаться в Самаре. Чехи обещали и за это потребовали немедленно выслать помощь их арьергардам в сторону Сызрани (О том, как было исполнено это требование, я писал в "Русской Жизни". 14 декабря 1961 года в статье "Владимир Оскарович Каппель").

В тот же вечер состоялось собрание офицеров генерального штаба, на котором обсуждался вопрос, кому возглавить добровольческие воинские части. Желающих не находилось. Решено было бросить жребий. Тогда попросил слова скромный на вид и мало кому известный, недавно прибывший в Самару в составе штаба Поволжского фронта офицер.

- Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков!

Это был подполковник Владимир Оскарович Каппель.

Владимир Оскарович Каппель происходил из семьи героев. Его отец Оскар Павлович был награжден орденом Св. Георгия за подвиг во время взятия Геок-Тепе в отряде генерала Скобелева. Его дед со стороны матери - севастопольский герой и георгиевский кавалер.

Владимир Оскарович родился в 1881 году в городе Белеве, Тульской губернии. По окончании второго кадетского корпуса в Санкт-Петербурге и Николаевского кавалерийского училища, в 1900 году В.О. Каппель вышел в 16-й уланский Ново-Миргородский полк. По окончании Николаевской Военной Академии германскую войну В.О. Каппель начал в чине капитана Генерального штаба, старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии.

Во время развала германского фронта Владимир Оскарович в чине подполковника был заброшен судьбой в Самару за несколько недель до свержения большевиков. С этого времени начинается боевая слава Каппеля, как бесстрашного героя, мудрого стратега и любимого солдатскими массами вождя.

Сызрань.

Не доходя 14 верст до Сызрани, на станции Батраки, отряд под командой Каппеля вынужден был выгрузиться, так как чехи только что оставили город.

Каппель созвал начальников отдельных частей на совещание. Обрисовал обстановку и общую задачу и точно, до мельчайших подробностей, рассказал задачу каждому начальнику отдельной части, объяснив предположительно обстановку у красных и состояние их тылов.

По плану Каппеля, завтра в 5 часов утра главные силы, около 250 штыков, атакуют город в лоб. Выделенной конной группе, то есть мне с двумя орудиями под прикрытием Стафиевского (45 сабель), сделать глубокий обход города с севера, с таким расчетом, чтобы завтра ровно в 5 часов утра обстрелять возможно энергичнее эшелоны красных, по чешской разведке находившиеся на станции Заборовке, в 18 верстах западнее Сызрани. И, не задерживаясь, направиться по шоссе, вдоль линии железной дороги, на Сызрань. По пути взорвать в двух-трех местах железнодорожное полотно.

Задача, полученная мною, на первых порах показалась трудной, почти невыполнимой. Но когда Каппель намечал маршрут для меня и возможные встречи на моем пути, и что приблизительно мы должны делать в том или ином случае - эта же задача оказалась простой и легкой, так как стало совершенно понятно, что у красных там ничего не было, так же, как и у нас. И для нас этот глубокий обход не представлял большого риска, то есть был точным математическим расчетом нашего начальника.

Недолго думая, мы направились в обход, так как день близился к вечеру. Пройдя ускоренным аллюром это расстояние, в 4 часа утра мы были в деревушке в двух верстах от станции Заборовки, сделав небольшой привал.

Станция Заборовка.

Немногие проснувшиеся жители деревни с большим недоумением смотрели на нас, как будто мы свалились с неба. И, конечно, они никак не могли догадаться, кто мы такие. Все одетые в защитный цвет, мы не имели никаких погон и никаких отличий, кроме небольшой белой повязки на левой руке.

Вернувшиеся от станции Заборовки разведчики доложили, что там стоят два классных эшелона и три товарных, груженые красногвардейцами.

Ровно в пять часов утра станция Заборовка была, как приказал Каппель, обстреляна семью десятками снарядов (шрапнелью и гранатами) с предельной скоростью, после чего, взявши орудия на передки, мы спокойно, манежной рысью, направились по шоссе вдоль железнодорожного полотна на город Сызрань. Сзади нас над станцией Заборовкой стоял черный дым от пожара - наши снаряды подожгли цистерны с нефтью или керосином.

Примерно через два часа мы входили в город Сызрань. Нашим глазам представилась картина только что оконченного уличного боя. На улицах валялись убитые красногвардейцы, разбитые повозки, сломанные полевые кухни и другое разбросанное военное имущество. Около одного дома под сложенным строевым лесом нашли спрятавшегося раненого в бедро мадьяра. Их оказалось среди красных немало.

Как мы узнали позже, утром красные очень упорно защищали город, но когда к ним пришли сведения об обстреле их тыла - станции Заборовки, они поспешно очистили город, проклиная своих комиссаров. В панике они бежали в сторону Пензы, бросив свои позиции с орудиями, пулеметами и другим военным добром, оставив в городе нетронутыми военные склады.

Поспешно из товарных платформ и вагонов был организован броневик, который преследовал бежавших красных до города Кузнецка.

В 12 часов дня в городе был произведен парад Народной армии. Население, заполнившее улицы города, по которым двигались войска, при общем дружном ликовании угощало своих освободителей разными прохладительными напитками, сластями и буквально засыпало их цветами. Позднее все чины Народной армии были приглашены сызранцами на обед, на котором радушные хозяева не поскупились в своем хлебосольстве.

Эта первая операция молодого отряда под командой Каппеля была головокружительной по своему успеху и прошла с пунктуальной точностью даже в самых мелочах, согласно распоряжениям Каппеля. За всю операцию было потеряно убитыми лишь 4 человека, тогда как потери красных были громадны.

Эта победа дала как бы толчек для дальнейших действий и вселила в бойцов не только глубокое доверие к их начальнику, но и преклонение перед его знанием военного дела и ясным пониманием атмосферы и духа гражданской войны.

В отряд стали поступать новые добровольцы. А захваченное военное имущество дало возможность формировать новые и пополнять существующие части. Тогда я получил новые орудия и все, что нужно для четырех-орудийной батареи. Свои два старых орудия я потом подарил симбирцам.

Мне тогда рассказывали, что, когда я отправился в обход Сызрани, оттуда пришел лет 13 подросток в бойскаутской форме. Он подробно рассказал, как красные заняли город, разгромив винный склад, перепились и группами разгуливали по городу, расстреливая не понравившихся им обывателей тут же на улице, и вообще бесчинствовали. Эти сведения очень помогли главным силам при занятии города.

После однодневного отдыха, согласно требования из Самары, мы готовы были к отправке. Родители привели к нам бойскаута (о котором рассказано выше), прося взять его с собой, так как они не были уверены, что местные формирования смогут справиться с наступлением красных после нашего ухода. И, конечно, когда они придут, то его расстреляют, потому что соседи видели и знают, как он нам помогал.

Потом Каппель предложил мне взять этого юношу. Я был бы рад его взять, но ему нечего было делать у меня в батарее, так как он самостоятельно не смог бы седлать коня и даже поднять седло. Потом решили прикомандировать его к бронепоезду, с которым он провел всю гражданскую войну, а теперь благополучно проживает среди нас в Сан Франциско...

В. Вырыпаев

(Продолжение следует)

- - oOo - -

С.Рясняский.

КОМАНДИРОВКА К ПОХОДНОМУ ДОНСКОМУ АТАМАНУ.
(Воспоминания из Кубанского похода)

22-го февраля вечером, после взятия с.Средне-Егорлыцкое (Лежанка), меня вызвал к себе ген.Корнилов.

- Мне доложили, что некоторые из донских партизанских отрядов хотят отделиться от ген.Попова. Поезжайте и приведите их в Армию. Вы хорошо знаете как Атамана, так и начальников отрядов, и поэтому я командирую вас, надеясь, что вы сумеете доказать им все значение усиления армии, идущей на помощь кубанцам... Вам даю разъезд из офицеров 6-го Донского полка, - сказал мне командующий армией.

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

Разговор был кончен. С нелегким сердцем я ехал в эту командировку: задача была деликатная; кроме того, армия шла на Кубань, а походный атаман - в восточные зимовники, то есть в противоположную сторону, и расстояние, доходившее между ними в тот день до 100 верст, должно все увеличиваться. Где и как я найду Добровольческую Армию?

Рано утром 23 февраля я выехал из Лежанки; со мною были: мой младший брат корнет и 12-15 офицеров 6-го Донского полка под командой войскового старшины. Офицеры были вооружены шашками и винтовками, сидели на хороших лошадях, так что разъезд был вполне боеспособен и мог драться со значительно более сильным противником. Для меня это было очень важно, так как в степи бродило много небольших шаек красных. Как-то невольно вспомнил я Пугачевщину и заволжские степи. Там и тогда маленькие заброшенные в степи крепости-деревни служили оплотом русской государственности в борьбе с самозванцем. Теперь и здесь этим оплотом, скорее символом, была маленькая Добровольческая армия, охраняющая светильник национального огня. И тогда и теперь был бунт, беспощадный русский бунт низов против верхов.

Через ст.Егорлыцкую и западные зимовники я направился к казенному мосту через р.Маныч, где по слухам был генерал Попов со своим отрядом.

Уже стемнело, когда мы после короткого отдыха выехали из зимовника Букреева; до ночлега оставалось верст 15. Я взял проводника. Быстро наступила ночь, настолько темная, что в 10 шагах ничего не было видно. Ехали уже часа два-три, а зимовника все нет и нет. Проводник, в начале уверенно ехавший впереди, стал усиленно посматривать по сторонам, но трудно было что-либо увидеть - лишь слабо серела дорога... Вдруг мы заметили, что дорога раздваивается. Проводник наш остановился в нерешительности.

- Куда ехать? - спросил я его.

- Как будто бы прямо, а может быть и влево.

Как быть? Блуждать по степи не хотелось, но и стоять на месте было бессмысленно: лошадям нужен был корм, всадникам - отдых. Мы все невольно замолчали. И вдруг в этой жуткой тиши раздался недалекий лай. Я готов был расцеловать эту невидимую вестницу жилья. Мы прислушались; опять раздался лай, ясно доносившийся вдоль уходившей в темноту дороги. Мы быстро двинулись на лай. Прошло несколько минут, дорога стала спускаться под гору, внизу замелькало 2-3 огонька. Слава Богу, зимовник! Ну, а вдруг тут большевики? Посланный дозор донес, что все благополучно.

Через полчаса наши лошади по уши погрузили морды в сено, а мы с жадностью глотали чай. Ночь, проведенная на конюшне под охраной часовых, прошла благополучно.

С рассветом двинулись снова в путь. Кругом мирная картина, пасутся стада скота и овец. Табуны лошадей медленно бродят по степи. Временами, заметив наше приближение, поднимаются чуткие дудаки. Большевиков как будто бы нет. Быстро уходят назад версты... Вот и зимовник Янова. Видны какие-то обозы. Мы въезжаем во двор.

- Что, походный атаман здесь?

- Здесь.

Ну, слава Богу, добрались.

Я еще в пути решил, что не буду заниматься какой-либо агитацией среди отрядов, а совершенно откровенно поговорю с ген.Поповым, его начальником штаба полк.Сидориным, начальниками отрядов и передам им желание и взгляды ген.Корнилова. Поэтому по прибытии к походному атаману я изложил ему свое поручение и просил разрешения поговорить с начальниками отрядов.

- Сомневаюсь, чтобы наши партизаны согласились ехать к ген. Корнилову; сейчас у нас боевое настроение, мы взяли Великокняжескую и подымаем калмыков, - сказал мне генерал.

На следующее утро мы двинулись к Великокняжеской, обгоняя обозы партизан. Вечером в станице были собраны все начальники отрядов, и им, с разрешения ген.Попова, я передал предложение ген.Корнилова присоединиться к армии. Ввиду одержанного успеха и полученного ген. Поповым от калмыцких старшин предложения дать инструкторов для формирования полков из калмыков, не признающих большевиков, настроение у казачьих начальников было бодрое, снова появилась вера в победу. Ген. Попов считал, что уходить сейчас из Донских степей нет смысла, можно начать работу против большевиков отсюда. Идти к ген.Корнилову было далеко, рискованно, он был на "чужой" земле, а здесь "своя", донская.

В результате разговоров было решено, что отряд ген.Попова останется в Великокняжеской и отсюда начнет борьбу с красными, а в Добровольческую Армию никто не пойдет.

Итак, моя задача не была выполнена.

Я сознал правильность решения с точки зрения донского командования, но мне было тяжело, что Добровольческая Армия не получит подкрепления.

По окончании заседания я попросил дать мне конвой на обратный путь и решил на утро двинуться обратно. В этот же день мне сказали, что мой большой друг и со-узник по Быхову полк.Роженко и его спутник ген.Складовский, пробиравшиеся в Москву по поручению ген.Алексеева, убиты недалеко от Великокняжеской и там же их тела брошены в колодезь.

26-го февраля, около полудня, ко мне явился разъезд, с которым я должен был двинуться в обратный путь. Внешний вид его был довольно печальный, кроме начальника разъезда, подъесаула донской артиллерии Нефедова, хорошо вооруженного и сидящего на приличной лошади; остальные были юные партизаны в возрасте от 16 до 20 лет, кто с одной винтовкой, кто только с шашкой. Лошади не чищены, несколько из них с набитыми холками, одна даже хромая.

"На вид - неважны, каковы-то в бою?" - подумал я.

- Ну, Господи, благослови, - сказал я, трогаясь.

Нам предстояло пройти более 200 верст по району, кишащему большевиками. Где я найду Добровольческую Армию - я мог только гадать.

Верстах в 15 от ст.Великокняжеской мне указали маленький зимовник, в котором были убиты ген.Складовский и полк.Роженко. Я свернул к нему и от живущей там бабы узнал, что два господина, по приметам подходящие к моим друзьям, были 3-4 дня тому назад привезены из Великокняжеской к стоящему у зимовника заброшенному колодцу, там раздеты, убиты из револьверов и брошены в колодец. Я подъехал к нему. Там я нашел следы крови, свеже-обломанный сруб и прибитую бумажку, на которой безграмотно, каракулями было написано: "Смерть буржуям. Так будет со всеми, кто не признает советской власти".

Трупов в колодце видно не было, так как было много воды. Поручив двум партизанам при помощи служащих зимовника вытащить тела из колодца (приказание было исполнено, и погибшие оказались именно разыскиваемые мною лица), я двинулся дальше.

Переночевав на зимовнике одного из Корольковых, я с рассветом продолжал путь.Недалеко от ст.Целина меня обстреляла банда красных, засевших на каком-то хуторе; я уклонился от боя и на рысях ушел от нее. Обойдя с севера Лежанку, я в темноте подошел на высоту кубанской ст.Новороговской и стал в курене на привал, выжидая, когда станица заснет, чтобы пройти ее незаметно. В курене, к нашему счастью, нашлась картошка и овес. Проголодавшаяся молодежь быстро сварила незатейливый ужин. Кони отдохнули.

Часов около 10 пошли дальше. С трудом нашли переправу через болотистую речку Кугай-Ею и, соблюдая тишину, подошли к станице. В одной из крайних хат, после долгих уговоров и раздирающей сцены с казачкой, не хотевшей отпускать своего мужа, я достал проводника, выведшего нас на прямую дорогу к ст.Незамаевской. Всю ночь мы шли переменным аллюром. На рассвете в придорожном хуторе я узнал, что Добровольческая армия еще накануне ушла из Незамаевской не то к Тихорецкой, не то на Екатеринодар. Плохо дело! Как-то вынесут нас лошадиные ноги?

Чудесным утром я подходил к Незамаевской. С вершины пологого холма она была вся нам видна. Кто в ней, друзья или враги? Несколько в стороне от нее, ближе к нам, виднелся хутор с большим домом; у хутора видна была переправа через р.Ею. То, что нам нужно. Мы осторожно подошли к хутору. Нас встретили друзья. Хутор принадлежал семье убитого недавно войскового старшины кубанского войска Попова. Мы были накормлены, и вся молодежь немедленно заснула.

Я заснуть не мог и остался охранять покой моих спутников. Деятельным помощником оказался сын войск.старшины Попова, мальчик 12 - 13 лет, впоследствии доброволец. Посланный в станицу на разведку казак, вестовой Попова, принес тревожные вести: станица шумела,ожидая приезда большевистских делегатов из ст.Веселой, принявшей уже советскую власть, и должен был решаться вопрос о признании большевиков и здесь.

Добровольческая Армия после боя у ст. Ново-Леушковской перешла железную дорогу и двинулась через ст.Старо-Леушковскую на Екатеринодар.

Бедная хозяйка видимо тревожилась, имея в доме столь опасных гостей. Не желая подвергать ее и детей опасности, я вывел разъезд

в поле, где и решил прождать до 4 - 5 часов и тогда продолжать путь с таким расчетом, чтобы перейти железную дорогу Тихорецкая - Сосыка ночью.

В поле за четвертной билет я сговорил казака, согласившегося вывести нас прямиком к железной дороге севернее ст.Н.-Улешковской, в которой, по слухам, стояла большевистская конница.

Часы томительно медленно текли. Подходя к большаку Незамаевская - Павловка, я заметил на нем, в одной - полутора верстах вправо от нас, большую группу всадников.

- Кто это? - спросил я казака.

- Должно, большевистские делегаты из Веселой.

"Нужно уходить", - подумал я.

- Рысью!

Важно было выиграть пространство. Вот и большак; мигом через него и опять полем. Большевики, заметив нас, понеслись карьером. Мои юноши стали нервничать. Кони у них заскакали. Нужно было наводить порядок.

- Шагом! - скомандовал я. - Не сметь скакать! Когда нужно будет, я сам скомандую. Есаул, станьте впереди, и чтобы никто не смел вас обгонять. Рысью!

Я с братом пошли сзади разъезда. Большевики ближе и ближе, свернули с дороги и понеслись по пахоте наперерез нам. Я продолжал уходить спокойной рысью. Вот передние уже в 200-300 шагах от нас, слышна ругань, но карьер по дороге, а особенно по пахоте, утомил большевистских коней, а спокойный наш отход, видимо, внушил уважение и поколебал уверенность в легкой с нами расправе. Они стали отставать, а потом и вовсе свернули на прежнюю дорогу и поехали в Незамаевскую. От сердца отлегло.

- Шагом! Огладить лошадей!

Опять наступила ночь, темная, звездная. Проводник вывел нас на дорогу верстах в двух от ст. Н.-Улешковской и дальше категорически отказался идти. Пришлось вспомнить старое и идти, ориентируясь по звездам. Наткнулись в темноте на курень, передохнули и опять пошли.

Железной дороги все нет и нет. Так ли веду разъезд? Впереди показались какие-то силуэты. Не то люди, не то деревья. Не угадал - телеграфные столбы у железной дороги. Осторожно, как бы боясь, что самый звук подков о рельсы выдаст нас, перешли через полотно железной дороги. Засерела дорога. Направление подходящее. Пошли по ней, вышли к хуторам у ст. Н.-Улешковской. Там почти на рассвете казак вывел нас на Екатеринодарский тракт и обрадовал известием, что добровольцы - в соседней станице Ираклиевской.

Вот из-за бугра показался крест Ираклиевской церкви. 200 - верстный переход, который мы сделали за 50 часов, кончался. Еще несколько минут, и будем среди своих. Спокойно спускаюсь в лощину, как вдруг вижу, что от моста внизу лощины карьером понеслись всадники к станице. Добровольческая застава приняла мой разъезд за противника. Приказав разъезду идти шагом, я поскакал вперед, боясь, что нас начнут обстреливать. Вынув платок и размахивая им, я приближался к остановившейся заставе, но мои мирные знаки не были поняты, и один из добровольцев начал осыпать меня пулями. Я принялся его бранить, это подействовало, и неистовый стрелок прекратил свою,

к счастью, безрезультатную стрельбу. Глупо было бы погибнуть от своей пули.

У околицы станицы нам встретился шедший на рысях эскадрон. Он шел отражать противника, который в глазах неопытного докладчика вырос в два эскадрона! Я успокоил командира эскадрона, что противник был я.

Через час я докладывал ген. Корнилову о неудачном результате моей поездки.

- Ну, что делать, - ответил командующий.

- А мы уже потеряли всякую надежду вас видеть, - говорили мои друзья, - вы отсутствовали, ведь, шесть дней.

Крепко и спокойно спал я в эту ночь, находясь снова в рядах Добровольческой Армии.

С. Гряснянский.

- - оОо - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД *)

После заключения Брест-Литовского мира Россия вышла из состава воюющих держав и целиком отдалась на волю своих новых властителей, готовясь переустраивать сущность своего бытия.

Однако, происходящие перестроения далеко не удовлетворяли все слои населения. Армия, только что представлявшая собой стройное целое, привыкшая к беспрекословному повиновению своим начальникам, оказалась в особенно тяжелом положении. Кадровое офицерство, сохранившееся в частях в очень малом проценте, не могло легко воспринять ту политическую линию, которую с первых же шагов начали проводить большевики. Положение офицеров стало особенно тяжелым. Воспринятое с первых шагов службы сознание чувства долга перед родиной, укорененное в течение долгих лет, обратившееся в привычку точно и беспрекословно исполнять приказы начальников, заставляли офицера задумываться над вопросом неисполнения даже и противозаконного приказа, идущего сверху от новых властителей Родины, хотя бы эти приказы и разрушали впитанное с ранних лет чувство национальной гордости русского офицера. Как ни странно, но эта привычка к беспрекословному повиновению сыграла во многих случаях роковую роль в жизни офицеров. Офицер, как былинный витязь на распутьи, оказался стоящим у камня, от которого уходили вдаль три дороги... А на камне было написано: "Направо поедешь - воина сбережешь, гражданина погубишь. Налево поедешь - гражданина сбережешь, воина погубишь. А прямо поедешь - и воина, и гражданина погубишь". Перед каждым из нас встал тяжелый вопрос: повиноваться ли велениям, идущим сверху, и, умыв руки, точно выполнять все приказы, возложив ответственность за судьбы Родины на отдающих эти приказы, - или же, стряхнув с себя навождение, сказать открыто: - "Вы губите Россию!" - а самим уйти... куда? В неизвестное будущее, против многомиллионной России?... Да и верен ли тот путь, который, помимо открытого неповиновения, не дает гарантии,

---

*) Все даты - по старому стилю.

что решение, мною принятое, является действительно верным решением? Может быть, для спасения России более правилен путь повиновения большевикам, а мое офицерское достоинство и все прошлое - это лишь соринка, которую каждый из нас должен принести в жертву во имя блага России?

Вот почему многие из доблестнейших офицеров, проявившие в боях полное самопожертвование, но не смогшие разобраться в политическом моменте того страшного времени, остались инертны и не восстали против происходившего вокруг предательства.

Временное правительство, не будучи в силах противостоять постепенному развалу армии, преступно позволило с первых же шагов революции надругаться над основой армии - русскими офицерами.

Напрасно ген.Деникин, обращаясь к Временному правительству, говорил на закрытии офицерского съезда в Могилеве 22 мая 1917 г.:

- Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть!

Он говорил:

- Они плюнули нам в душу, совершив каиново дело над офицерским корпусом!

Когда в начале Кубанского похода кто-то спросил ген.Маркова, что символизирует собой черно-белая форма офицерского полка, он ответил:

- Траур по русскому офицеру, который искони и до века был и будет часовым Русской земли. Они гибнут и будут гибнуть, пока их не сменит разводящий.

Ставка ясно видела постепенный развал армии, и лица, стоявшие во главе ее, предупреждали правительство о грядущей катастрофе. На совещании главнокомандующих и членов правительства в Ставке ген.Деникин 16-го июня закончил свою речь словами:

- Но есть Родина! Есть море пролитой крови! Есть слава былых побед! Но вы, вы втоптали наши знамена в грязь! Теперь настало время: поднимите их и преклонитесь перед ними... если в вас есть совесть!...

То же писал в телеграмме Временному правительству 11 июня и Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов:

- Меры правительственной кротости расшатали дисциплину...

Восстание ген.Корнилова 26-28 августа окончилось Быховским заточением. Здесь, ожидая Шемякина суда Временного правительства, быховские узники впервые задумались над тем, чтобы найти кусок Русской земли, откуда можно было бы начать оздоровление русского народа.

Будучи сам казаком, прекрасно зная уклад казачьей жизни, ген. Корнилов естественно обратил свои помыслы на казачьи земли. Путем передачи писем через офицеров-курьеров он списался с ген. Алексеевым и Калединым. Таким образом было намечено то направление, в котором нужно было посылать всех, кто хотел и мог встать на защиту попранной Родины.

25-го октября совершился большевистский переворот. Я не стану останавливаться на дальнейших событиях. Они известны всем. Смерть Духонина, бегство Корнилова и других быховцев... Началось полное владычество большевиков.

2-го ноября 1917 г. в гор. Новочеркасск на Дону прибыл ген. Алексеев. С первых же дней он начал работать над созданием ячеек для борьбы с надвигающимися с севера большевиками, в виде партизанского отряда есаула Чернецова.

Донское казачество, будучи по своему жизненному укладу мелкими собственниками, легче других слоев населения поняло сразу всю прелесть большевизма. Будучи консервативных взглядов, неся вековую службу по охране Российских границ от нападений внешних врагов, казачество, в лице своих стариков сохраняло в станицах патриархальный уклад жизни, основанный на уважении к старшим и на твердых семейных устоях.

Когда в 1917 году с фронта начала прибывать уже развращенная войной и большевизмом молодежь, то с первых же дней ее возвращения началась борьба между отцами и детьми, приводившая нередко к кровавым, тяжелым рассчетам в семьях или к жестокой вражде в вопросах общественной жизни станиц.

Части, прибывавшие с фронта, уставшие и уже зараженные большевизмом, или растекались по станицам, или переходили к большевикам. Появились новые вожди казачества: вахмистр Подтелкин, войсковой старшина Голубов, фельдшер Сорокин и др. Донское же правительство во главе с Атаманом ген.Калединым не могло противостоять развалу.

Когда с фронта прибыл 6-й Донской казачий полк и в полном составе продефилировал по улицам Новочеркасска, то казалось, что, наконец, пришла хоть одна надежная часть. Одетые строго по форме, в прекрасном порядке, проходили сотни с музыкой и песнями. Полк приветствовали речами и отпустили на несколько дней отдохнуть по домам. В два дня полка не стало, и он уже больше не собрался...

Герой минувшей войны ген. А.М.Каледин ясно видел неустойчивость положения. Как тяжелое испытание, нес он бремя своей атаманской власти, будучи бессилен помочь и зарождавшейся на Дону Добровольческой армии. Эта покорность судьбе "тишайшего" Атамана, быть может, и привела к безвременной трагической развязке несколькими месяцами позже.

Старик Алексеев в это время тщетно взывал к общественности, призывая ее к жертвенному подвигу, если не жизнями, то хотя бы деньгами. Я ясно вижу этого мудрого больного старика, привыкшего к масштабу 18-миллионной русской армии, сидящего и вычисляющего грошевые расходы по содержанию группы офицеров, взявшей оружие в руки. На призыв ген.Алексеева общественность, интеллигенция, торговые казаки и промышленники откликнулись пожертвованием 400 рублей... К слову сказать, что когда в феврале в Ростов пришли большевистские банды, то та же общественность и торговые классы поднесли на блюде новым победителям собранные для их умилостивления 18 миллионов рублей.

Когда ген.Алексеев обратился к тем же промышленникам и интеллигенции с просьбой дать ему под вексель для создания армии 350.000 рублей, то кто-то поднял вопрос об "обязательствах и политических гарантиях при расходовании средств". Спокойный ген.Алексеев вышел из себя, стукнул кулаком по столу и крикнул:

- Добровольческую армию купить нельзя!

350.000 были даны под подпись на векселе нескольких частных лиц.

Так начала зарождаться Добровольческая армия. Муки ее рождения протекали в атмосфере индифферентности интеллигенции и враждебности

низших классов. Ее подозревали в реставраторских намерениях, и поэтому ей препятствовали, ее боялись.

В таких тяжелых условиях творил "свое последнее дело на земле" ген.Алексеев. Не кипение крови, не честолюбие руководили им, а нравственный долг. Он был душою и идеологией будущего Первого похода.

6-го декабря в Новочеркасск прибыл ген.Корнилов. Приняв, по соглашению с ген.Алексеевым, на себя командование будущей армией, он приступил к организации ее. Всеми мерами вожди созывали на Дон русское офицерство, но оно съезжалось медленно. Причин к этому было много. Прежде всего, многие не знали о существовании ячейки Белой борьбы на Дону. Многие не могли, многие не хотели. Из 500-тысячного офицерского корпуса на Дон попали очень немногие. Каждый был окружен влиянием вражеских сил, боялся часто за свою жизнь или находился под влиянием уговоров своих родных, думавших лишь о безопасности своего близкого. Из Москвы на Дон офицеров направлял "Белый Крест", который, будучи в связи с ген.Алексеевым, мог незаметно, как благотворительное учреждение, перебрасывать на Дон маленькие группы офицеров под видом инвалидов или раненых. Приезжали и из других мест, но отряды пополнялись очень медленно, а между тем ген.Корнилов как то сказал, что если бы в то время он имел 10.000 офицеров, - он взял бы Москву...

Города, особенно крупные, были насыщены офицерами. В это время в Москве их было до 50.000, в Киеве 40.000, в Херсоне и Ростове по 15.000, в Симферополе, Екатеринодаре, Минске по 10.000 и т.д... В поход же из Ростова и Екатеринодара вышли по 3.000 человек, то есть 0,6% от 500.000 офицеров...

Кто же именно отозвался на зов ген.Алексеева и Корнилова? Небольшая статистика совершивших поход из Ростова отвечает на этот вопрос. В походе приняли участие 2.325 офицеров и 1.067 добровольцев, а также 165 женщин и 150 гражданских лиц. По возрасту - старше 40 лет в походе было около 600 человек, и около 3.000 моложе этого возраста. Около 500 человек было юнкеров, кадет, студентов и реалистов. Были части, целиком составленные из офицеров, и были части из молодежи: студенческий батальон, рота Павловского военного училища, рота Екатеринодарских реалистов и другие. Это участие в походе молодежи, часто даже детей, лишний раз подчеркивает жертвенное горение юности, как протест против зла, бушевавшего кругом.

Когда в Новочеркасске, в дни первых боев, ежедневно в городе звучал похоронный звон, а оркестр музыки сопровождал в безвременные могилы детей-добровольцев, Атаман Каледин и ген.Алексеев часто шли за гробами этих героев, провожая их до последнего порога. И однажды ген.Алексеев, смотря с грустью на свежий могильный холм, заметаемый снегом, сказал:

- Если бы я мог, я поставил бы им памятник, изображающий разрушенное гнездо и погибших вокруг него орлят, - и задумчиво добавил: - И написал бы на памятнике: "а где же были орлы?"...

К стыду многомиллионной русской армии, солдат среди добровольцев было мало. Если отбросить иностранный чехо-словацкий инженерный батальон, то на долю русских солдат останется скромная цифра в 160 человек...

Видя скрытую боязнь Донского правительства и ту неохоту, с которой оно слабо поддерживало Добровольческую армию, ген.Корнилов

вскоре перенес свой штаб в Ростов, разоружив там большевицкие части.

Началась борьба за защиту Дона. У Зверева дрался герой есаул Чернецов со 100 партизанами, полковник Кутепов держал фронт в направлении Матвеева Кургана и Таганрога. Под Батайском бился генерал Марков, Семилетов защищал Сулин. Как черная туча, надвигались большевики с севера. На юге в Тихорецком узле обосновалась 39 дивизия, уже организованная большевицкая часть.

Наши отряды состояли из офицеров, гражданских лиц, детей и стариков. Часто здесь пренебрегался принцип воинского старшинства, но когда дело шло о спасении Родины, каждый забывал о своих правах и заслугах. Рядовым Корниловского полка, с винтовкой в руках, сражался в походе генерал-майор Казанович, бывший начальник дивизии; ротами командовали генералы, отрядами - есаулы. Снабжение армии велось примитивно. Одежду жертвовало население, но ее было мало. Артиллерийское имущество добывалось от врага в бою. Первые пушки добыл полк.Тимановский, купив их у большевиков - артиллеристов 39-й артиллерийской бригады.

Кольцо врагов все сужалось. Ряды таяли. 21-го января пал предательски убитый под с.Глубокой есаул Василий Чернецов. Будучи окружен четырьмя полками большевиков, он, спасая жизнь своих партизан, сдался на честное слово войск.старшины Голубова. Конвоируя ес. Чернецова, вахмистр Подтелков предательским ударом шашки сзади зарубил героя донских партизан. Когда после похода в Новочеркасске торжественно предали земле прах полк.Чернецова, то в этот же день Подтелков был повешен своими же большевиками в одной из донских станиц.

Что же происходило в это время на Кубани? Положение в крае было такое же, как и на Дону. Отношение казаков к большевикам - аналогичное. Фронтовые части, посылаемые с кавказского театра войны командующим фронтом ген.Пржевальским, были распропагандированы. Тихорецкую занимала большевицкая 39-я пехотная дивизия, станицу Гулькевичи - комиссар Никитенко. Из Новороссийска надвигался отряд "военного министра" юнкера Яковлева. Кроме того, на Кубани положение осложнялось еще настроением иногородних, легко принимавших большевизм, который нес им уравнение в правах с коренным население края - казаками.

25-го октября Войсковым Атаманом был избран полк. А.П.Филимонов. Во главе правительства стоял бывший Бакинский городской голова, соц.-революционер Л.Л.Быч. Краевая Рада возглавлялась Рябоволом.

Дважды приезжал с Дона на Кубань ген.Алексеев, но и в его речах не было бодрости.

Командующим Кубанской армии был назначен ген.Черный. Одновременно полковник Улагай 29 ноября начал формировать первый отряд. 9-го января ген.Черный ушел, его на неделю сменил ген.Букетов, а затем ген.Гулыга. Формирование отряда полк.Улагая не шло. 6-го декабря был сформирован отряд войск. старшины Галаева, а 2-го января - капитана В.Л.Покровского. Оба отряда имели по 350 человек при 2-х орудиях и 4-х пулеметах. Были разоружены запасные большевизанствовавшие части в Екатеринодаре, а затем Покровский сделал удачный налет на ст.Тимашевскую.

+ Подполк. К.Н.Николаев.

(Продолжение следует)

К 46-й ГОДОВЩИНЕ ПЕРВЫХ НАЧАВШИХ.

"Храните, герои,
В сердцах на чужбине
Святого порыва огни"..

Этим очерком я хочу рассказать о далеких, порою достаточно тяжелых, но всегда чудесных, цветущих и незабываемых днях нашей молодости. Все оно в прошлом, в воспоминаниях сладостных, а иногда и горестных. Было немало пережито и испытано страшного. Но ничто не сломило, ничто не омрачило чистой веры нашей в Правду Божию.

Длинной колонной в сумерки тусклого февральского дня потянулись из Ростова в неизвестность совсем юные воины - гимназисты и кадеты, юнкера и хрупкие девушки, собравшиеся на зов русских "трех богатырей" - Алексеева, Корнилова и Деникина, чтобы встать на защиту чести поруганной Родины, чтобы зажечь светоч любви и правды во имя величия и славы России.

Велика была безвинно пролитая кровь их, покрывшая безымянными могилами просторы Российские от Ростова и Екатеринодара до Иркутска и Нарвы. Отзвучали боевые шаги белых воинов, гордых духом и сильных сердцем, ушли в "вечную память" первые добровольцы - "орлы степные", по солдатски и по христиански донеся свои "тернии и лавры" до могилы.

А мы, живые, еще идем и за себя и за них - доблестных мучеников, и лежит на нас общий долг перед Родиной с пожеланием, чтобы Господь во блаженном успении дал им вечный покой, а нам, близко знавшим их - сохранить о них долгую светлую память и вознести молитвы наши о самом дорогом для нас - о нашей Русской земле.

Много уже написано, много говорилось и еще больше напишут о Белых героях в Первых Походах и Партизанских отрядах. "И те, кто видел в них осеянный страданиями и мученичеством подвиг - правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях - искренни".

Будущие историки соберут материал и напишут Историю Белых Походов. О них, как о "Вещем Олеге", создадутся сказания, сложатся песни, они будут прекрасной легендой, символом национального возрождения России, России новой, уже иной, очистившейся в огне страданий и стихии революционного безумия, России единой, без различия

языка, происхождения, символом России-Матери. Напишут историю, где должна занять подобающее ей место Русская молодежь, верные долгу офицеры и солдаты - те юные сердца, которые первые разгадали сущность большевизма - что принес он Родине горе безысходное и страдания. Напишут и о тех, кто и в далеком прошлом обильно оросил своею кровью необъятное пространство от берегов Тихого океана до Атлантического, на полях Полтавы, Очакова, Измаила, на снежных вершинах Альп, при взятии Берлина и Парижа и в боях без счета и конца, и идя на штурм Екатеринодара, "когда русская граната, направленная рукой русского человека, сразила Великого Русского Патриота".

83 дня шли за правду и почти ежедневно бились в неравных боях и побеждали. Просты, незаметны и будничны были смерти молодых девушек и юношей Ростовских гимназий и Российских кадетских корпусов. Днем дрались, обращая в бегство вражеские цепи, пели в походе печальные песни о России, шли ночью; стояли в дозорах без сна, чтобы на утро снова в бой или снова в поход.

"Вперед, вперед смелее,
Приюты наук опустели,
Студенты, готовьтесь в поход...
Так за Отчизну, к заветной цели
Пусть каждый с верою пойдет!.."

Куда шли - об этом никто не знал, да и не хотели знать... Верили Вождю и бодро и весело шагали, а молодой звонкий голос запевал:

"Смело мы в бой пойдем за Русь святую
И как один прольем кровь молодую..."

Но на широком московском тракте, когда уже был отдан исторический приказ русского богатыря, русского генерала, великого русского патриота генерала Деникина - "На Москву!" - и когда красные навалились на нас, сил у нас не хватило...

Господь не даровал нам победы, и, как бескрылые птицы, потянулись юные воины к берегам Черного моря... Черные тучи на Русском небосклоне сгущались и мутнели, а холодный пронизывающий ветер гулял по голой степи.

"Уж тучки, тучки понависли,
На поле пал туман...
Скажи, о чем задумался,
Скажи, наш атаман..."

Шли с тяжелыми мрачными мыслями, грезили, мечтали... но все сложилось иначе... Проиграв бой, но непобежденная, оставшаяся в живых молодежь знала, что

"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить -
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить!"

С этой верой вступили в новую жизнь на чужбине. Привезенные раны и первоначальные лишения редко омрачали молодые души, нужно было жить и учиться. Летом с киркой и лопатой, или у станка на заводах, а зимой - за партой с книгой. Все трудности и огромные препятствия русские люди преодолели с честью - были и остались не только хранителями наших культурных традиций, но и несли русскую куль-

туру в мир, а подрастающих детей учили любить Россию богатую и нищую, Россию с ее взлетами и падениями, но постоянно родную, близкую и безгранично дорогую всем нам. Нет буквально ни одного уголка на земле, где бы не было "добровольцев"- русских людей и где бы они не принимали участия в местной жизни.

Годы шли... Почти во всех столицах мира, во всех высших учебных заведениях были и есть русские ученые, профессора, и их вклад в науку весьма велик. Русского белого воина или представителя нового, следующего за ним поколения можно встретить советником по разным отраслям знаний не только в зданиях мировых организаций, но и в президентских дворцах, в кабинетах первых министров, вплоть до окружения королевских особ. Однако, в то же время мы знаем, что в нашей трагедии мы - одиноки. Никто не сможет освободить нашу Родину от оккупации позорной и губительной, но мы знаем и видим, что русский народ жив, хотя в тело его и впились "черные вороны", хотя и скован он еще цепями рабства. Хотя и робко пока, но иногда уже и открыто вступает он в борьбу за свою свободу, и мы знаем, что там, на родной земле, куется Новая Россия и там в сердце нового поколения горит лампада верности вере предков.

Оттуда пишут, что "существуют там две России. Одна - официальная, видимая, страшная, демоническая... Другая - светлая, кроткая, многострадальная, духом живущая, со Христом идущая Россия, ушедшая в тайные Христовы Общины".

Страшных сорок лет над Россией несется набат, что сроки близятся и что ненавистная и позорная вывеска "СССР", с кровью приставленная к лику матери-России, будет сорвана русской рукой. Это должно быть, наверное - будет, и скорее рано, чем поздно.

И если там пошли разговоры о "богатых и бедных" коммунистах, то есть о разбогатевших партийцах, думающих лишь о личных благах и роскоши ("Новый класс" Джиласа), то эти факты фатально приведут "правящих москвичей" к обуржуазиванию их режима, к сдаче ими своих позиций и уходу со старых путей.

"И если сегодня вынесли Сталина из мавзолея, будем надеяться, что русский народ и из наследников Сталина вынесет Сталина". Да будет воля Господня!

Русские походы на русской земле продолжаются по путям вечной России. А в день юбилейный нашего Похода, в день 46-й годовщины его, шлю родным соратникам-первопоходникам мой братский привет. Отдадим должное памяти наших Вождей и юных героев, на костях и крови которых честь России была спасена, и пожелаем скорейшего ее освобождения. И в заключение приведу слова нашего поэта-добровольца:

"Пусть тот, кто помнит дни лихие,
Дни славы, гордости, побед,
Не говорит - "России нет", -
Но скажет громко: "В нас Россия!"

Она вечна... живет и, как "Витязь на распутьи" в старину, путь исторический свой найдет и на него встанет.

Бельгия. Поручик Головань.

- - oOo - -

МОЛОДЕЖЬ В ДОБРОВОЛЬЧЕСТВЕ.

Всякий раз, с приближением незабываемых дней выхода Добровольческой армии в Кубанский поход, невольно в памяти воскрешается образ русской молодежи, явившей собою высокий пример безграничной самоотверженности в борьбе за честь России. Долг перед павшими повелительно требует вспомнить в эти дни о русском юноше-добровольце, носителе чистого порыва бескорыстного служения Родине.

- о -

Бурлящий жизнью Ростов на Дону неохотно принимал тех, кто объявил священный поход против большевиков. Переполненный до отказа пришлым гражданским населением во время мировой войны и скопившейся в нем не одной тысячью офицеров, оставшихся после роспуска запасных полков, город безучастно относился к формированию Добровольческой армии. Призыв руководителей армии не находил отклика среди многочисленных обитателей Ростова. Одни - из боязни снова идти воевать, другие - не разделяя идею и задачу нарождающейся армии, всячески старались устраивать свою личную жизнь. И к великому стыду русского общества комплектование армии подвигалось крайне медленно, и количество ее не могло превысить даже трех тысяч бойцов. Индифферентное, а зачастую и враждебное отношение создавало тяжелую обстановку для добровольцев. Взрослое население Ростова отвернулось от армии. Но по иному отнеслась ростовская молодежь к призыву генерала Корнилова. Чистая идея нашла благодарную почву в чистых сердцах юношей и, охваченные горячим порывом, пошли они пополнять ряды армии добровольцев.

Инициатором привлечения молодежи и создания из нее самостоятельной части явилась группа офицеров, в прошлом студентов, жителей Ростова и Нахичевани. Было получено разрешение командования на формирование батальона. Дружно взялись они за нелегкую задачу. Помимо трудностей самого формирования, брали они на себя тяжелую моральную ответственность перед своею совестью и теми, кто так охотно пошел на их призыв. Какие поистине трогательные сцены можно было наблюдать в период создания батальона. Каждый день являлись для поступления молодые студенты, гимназисты старших классов и совсем еще с детскими личиками мальчики-кадеты. Моложе семнадцатилетнего возраста обязаны были приносить письменное разрешение от своих родителей на право поступления в батальон. Были случаи, когда, не получив такого разрешения, малолетний доброволец, чтобы быть принятым, подделывал подпись своих родителей. С каким трудом удавалось отцу или матери уводить своего "беглеца" из батальона. Слезам не было конца. Вспоминается момент, когда один из насильно уведенных ночью, в снежную пургу, при выступлении армии в поход, догнал батальон и оставался там до конца похода, разделяя всетяготы и лишения тяжелого пути. Навсегда останется в памяти группа воспитанников одной из средних школ Ростова. Увлеченная призывом добровольцев, оставила она семейный очаг, бросила ученье и, с верою в правоту своего дела, вступила в ряды армии.

Через месяц студенческий батальон был готов. Во главе его стал ген.Боровский, создавший себе славу бесстрашного боевого командира в Великой войне. Как никто, сумел он подойти к молодежи, понять ее чуткую натуру, влить в нее воинскую отвагу и сделать из юноши бой-

ца, по своим качествам не уступавшего умудренному опытом боевому офицеру. Воспитанный и подготовленный своим командиром, там, в бою на поле брани, выявился во всем своем величии бесстрашный русский юноша, инстинктивно восприявший свой высший долг гражданской жертвенности. Безропотно переносил он тяготы и лишения крестного пути. Он не убоялся смерти ради торжества им осознанной идеи. Разве не величием прозвучали слова умирающего мальчика, Кости Проценко, павшего от пули красноармейца, спросившего своего командира: "Исполнил ли я теперь свой долг перед родиной?..." В другом месте тяжело раненый в живот Миша Гродисский ответил на вопрос о состоянии здоровья приятелю, пришедшему его проведать: "Подобные муки можно переносить лишь при сознании, что ты пострадал за правое дело"...

А сколько таких примеров безграничной самоотверженности остались незамеченными! Их тысячи и тысячи! И на вопрос: выполнила ли русская молодежь свой моральный долг в тяжкие дни России - ответ один: содеянный ею подвиг был превыше ее сил. И если до настоящего времени, по причине не от нас зависящей, ей не воздвигнут земной памятник признательности, то у каждого из современников пережитого лихолетья навсегда в сердцах останется чувство гордости бессмертному величию ее подвига.

+ В.Дончиков.

- - oOo - -

ПРОТОКОЛ

пребывания Управляющего Военным Министерством Савинкова в городе Могилеве 24-го и 25-го августа 1917 года и касающийся разговоров Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова с ним и другими лицами по вопросу, касающемуся ближайших событий.

24-го августа Савинков с поезда поехал прямо к Верховному Главнокомандующему. Одновременно с ним приехали: начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген.лейт. Лукомский и комиссар при Верховном Главнокомандующем Филоненко.

Войдя в кабинет к Гавковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Ген. Лукомский и Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова с ген.Корниловым касался установления тесных отношений между ген.Корниловым и министром председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал ген.Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Врем.Правительством на основании требований, предъявленных ген. Корниловым. В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете ген.Корнилова собрались, кроме хозяина, Савинков, ген. лейт. Лукомский и Филоненко.

Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главко-юза генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу, и это будет отражаться на состоянии войск.

Ген.Корнилов и ген.Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой Армии для обороны подступов к Петрограду.

После некоторых переговоров граница была установлена.

До прихода ген.Романовского, после доклада полк.Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к ген.Корнилову, почти дословно сказал следующее:

"Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены врем.правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через врем.правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

"Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С.Р. и С.Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем.

"Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение временного правительства.

В случае, если кроме большевиков выступят и члены С.Р. и С.Д., то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе конного корпуса не присылать ген.Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций."

После этого пришел ген.Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и С.Р. и С.Д., если последние пойдут против врем.правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это ген.Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С.Р. и С.Д., то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полк. Барановский, стоявший около стола, с своей стороны прибавил: "Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия.

После этого Савинков, обращаясь к ген.Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызывать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы врем.правительство точно знало, когда надо объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы ген.Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду.

После этого Савинков и Барановский ушли. В доказательство соглашения ген.Корнилова с Управляющим военным министерством Савинковым о подводе к Петрограду 3-го конного корпуса приводится следующий текст телеграммы, отправленной Савинкову в зашифрованном виде 27-го августа в 2 ч.40 мин.:

"Управвоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 авг. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 авг. № 6394 - ген.Корнилов."

Подлинный подписали: ген. от инфант. Корнилов.
ген.лейт. Лукомский
ген.майор Романовский.

С подлинным верно: Генер.штаба полковник Кусонский.

- о -

Из прилагаемого протокола переговоров, которые вел управляющий военным министерством при временном правительстве Савинков и комиссар Филоненко с верховным главнокомандующим генералом Корниловым, с начальником его штаба ген.Лукомским и с ген.Романовским в присутствии начальника военной канцелярии полк.Барановского видно, что разговор шел о посылке в Петроград Конного корпуса на случай выступления большевиков, которое ожидалось в начале сентября. Савинков был только против назначения командиром корпуса генерала Крымова, который якобы был нежелателен для членов временного правительства, по всей вероятности из-за своей стойкости и решительности. Упоминается в этих протоколах также и о том, что генералом Корниловым был послан временному правительству его проект об изменениях в армии, которые Савинков назвал требованиям и к тому же выражал свое опасение, что исполнение требований генерала Корнилова могло бы подтолкнуть большевиков на более скорое выступление. Было даже условлено, что о сроке подхода корпуса к Петрограду будет послана генералом Корниловым телеграмма врем.правительству. Таким образом, видно совершенно ясно, что ген.Корнилов действовал открыто и даже по просьбе управляющего военным министерством и сговоре с ним послал конный корпус в Петроград. Каким же образом сразу после этого председатель совета министров Керенский мог объявить генерала Корнилова предателем, якобы стремившимся свалить временное правительство и захватить власть, когда цель посылки Конного корпуса состояла исключительно в том, чтобы воспрепятствовать выступлению большевиков. Следовательно, выходит, что во всем этом деле Керенский и Савинков сыграли провокаторскую роль.

Возможно, что одновременно с присылкой Конного корпуса ген.Корнилов и выставил некоторые свои требования в более категорической форме в разговоре с прибывшим из Петрограда представителем временного правительства Львовым. Также вполне возможно, что или Львов неверно передал пожелания генерала Корнилова, или само временное правительство их с предвзятой целью исказило. Во всяком случае,внезапная смерть-самоубийство ген.Крымова - вещь очень подозрительная, и те, кто ближе знал ген.Крымова, сильно сомневаются в том, чтобы ген.Крымов мог так быстро покончить с собой, имея к тому же приказание ген.Корнилова в кармане. К сожалению, в имеющихся документах нельзя было найти указаний на причины разногласий между ген.Корниловым и врем.правительством, но приложенные протоколы как будто совершенно ясно говорят о том, что посылка войск в Петроград была сделана по просьбе врем.правительства и что остальные действия были спровоцированы Керенским, чтобы убрать Корнилова, ставшего ему неудобным из-за предъявленных требований в отношении реорганизации армии.

После низложения ген.Корнилова адвокат Керенский объявляет себя главнокомандующим российской армией, а в начальники штаба назначает находившегося тогда не у дел генерала Алексеева. Помощником ген.Алексеева, т.е. помощником начальника штаба Керенский назначает Вас.Вас.Вырубова, совершенно штатского человека, но крупного масона. При окончании одного своего разговора с Вырубовым по аппарату ЮЗА Керенский между прочим вставляет следующую фразу: "Убедительно прошу вас, чтобы нужное существо не вкладывалось бы в неприемлемые для демоса формы". К оперативным задачам эта фраза, конечно, не относится, это какой-то намек на специально выработанном языке между двумя лицами какой-то организации или даже шайки. Она должна представлять тайну для других, так же, как эта фраза и по сейчас остается загадкой для простых смертных. Но из этой фразы все же не ускользает мысль, что надо за кем-то следить. Будучи полным профаном в военном деле, Вырубов получил задание все же принять должность помощника начальника штаба и, вероятно, должен был следить за действиями ген.Алексеева.

Из разговоров ген.Алексеева как с ген.Лукомским, так и с Керенским и под конец с начальником военной канцелярии Керенского полковником Барановским ясно проскальзывает опасение ген.Алексеева, что происходит совершенно явный сдвиг Керенского влево в пользу всяких рабочих и солдатских депутатов. Заканчивая свой разговор с полк.Барановским, ген.Алексеев говорит (1 сент.1917 г. в 22 часа):

"С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы советов, является неоспоримым фактом".

Полк. Барановский ответил:

"...Бог даст, из цепких лап советов, в которые мы пока не попали, мы уйдем".

Ген.Алексеев уже тогда предчувствовал захват власти большевиками, а самое главное, ген.Алексеев видел, как Керенский и с ним присные постепенно сдавали свои шаткие позиции обнаглевшим советам. Надо предполагать, что ген.Алексеев быстро опознал истинные цели Керенского - сделать все возможное, чтобы постепенно подготовить переход власти к большевикам. И нужно думать, что Керенский сам от-

лично понимал, что никогда бы не мог заместить способного на такую роль генерала. Цели Керенского, конечно, были другие, а именно - в корне развалить армию, чтобы уничтожить всякую попытку офицеров и солдат оказать сопротивление большевикам, иначе такой поступок Керенского, как провозглашение себя главнокомандующим российских армий, объяснить невозможно. Ген.Алексеев это понял и откровенно высказал свою мысль полк.Барановскому. Опасение ген.Алексеева полностью оправдалось. Через два месяца Керенский позорно бежал, а большевики узурпаторским способом захватили власть в России.

Невольно напрашивается вопрос, почему же тогда ген.Алексеев принял должность начальника штаба у такого беспринципного главнокомандующего. Ответ может быть только один - генералу Алексееву было важнее всего спасти от позорного суда доблестных русских воинов - генерала Корнилова, генерала Деникина, ген.Лукомского и других генералов и офицеров, которым угрожала смертная казнь от преследовавшего их врем.правительства, провокаторским образом вызвавшего их на выступление якобы в защиту от возможного выступления большевиков и сразу после этого объявившего ген.Корнилова и других предателями, ибо ген.Алексеев уже точно знал, что месть демократов может быть очень жестока, как она была жестока и в отношении ген.Крымова. Лично у меня сомнений нет, что ген.Крымов был убит.

К сожалению, нет под рукой документальных данных, но известно, что ген.Алексееву удалось переправить арестованных генералов и офицеров в Быхов, чтобы там дождаться суда над ними. Даже больше, охрана узников была передана в руки Текинского полка, верных спутников ген.Корнилова. И Текинский полк блестяще выполнил свою задачу, не пропуская к узникам никого из подозрительных лиц, никаких комиссаров, ни председателей различных советов, ни депутатов. Как видно из переговоров между генералом Алексеевым и Керенским, Керенский настаивал на расформировании Текинского полка, но вопреки этому желанию Керенского ген.Алексеев поставил условие, чтобы охрана узников в Быхове была полностью передана в руки Текинцев.

Выполнив все это, ген.Алексеев уже через неделю после этого отказался от должности начальника штаба и уехал из Могилева. После генерала Алексеева должность начальника штаба принял ген.Духонин, которого большевики потом, по приходе к власти, самым бесчеловечным образом убили, очевидно мстя за то, что им было отдано распоряжение выпустить быховских узников на свободу, благодаря чему все они спаслись.

Керенскому нужно было уничтожить неудобных ему и слишком энергичных генералов, а ген.Алексеев воспользовался своим положением, чтобы их спасти и сохранить для будущей борьбы. Странное сходство мыслей и планов у Керенского и у большевиков, недаром это сходство было названо генералом Алексеевым "цепкими лапами советов".

Когда генерал Корнилов двинул свои войска на Петроград и судьба правительства Керенского висела на волоске, большевики, а в том числе и Молотов, требовали от Ленина: "Давайте воспользуемся случаем и покончим с Керенским". Ленин на это ответил: "Керенский наш, он от нас не уйдет, а сейчас - все на Корнилова!"

Надо было провозгласить бунтарем Корнилова, чтобы помочь большевикам придти к власти.

Аргентина. Михаил Борель.

Д А Л Е К О Е . . .

Уже зима 1917 года. Россия уже во власти интернационала. Временного Правительства нет.Началась кровавая ликвидация "старого режима". Разворачивается разнузданный жестокий хам - его власть...

А Дон держится. Казачество не сдает. Старый, добрый казачий уклад еще силен. Атаманом - благородный генерал А.М.Каледин - добрый казак, беззаветно любящий Россию (за нее положивший и жизнь свою).

К нему - на Дон - и пришли добровольцы.

Первым пришел генерал М.В.Алексеев, который и был первым возглавителем Добровольческой армии.

Небольшой, седой, худой, со скорбным ликом, в потертом пальто и в старой кепке - трудно было узнать в нем того, кого никогда не забудет Россия, как бережного носителя веры в честь и достоинство русского народа, как скромного, но стойкого рыцаря и защитника своей Родины!..

А за ним Лавр Георгиевич Корнилов. Смуглый, сухой, напряженный, нервный. Глубокие глаза - стальные. Губы резко сжаты. Много раз видавший смерть. Неустрашимый воин. Железный боец. Первый Главнокомандующий добровольцев...

Рядом - спокойный, весь сжатый, даже несколько медлительный, но решительный, крепкий, стойкий генерал А.И.Деникин. Ему выпадет на долю принять нелегкое бремя Главного Командования после убитого генерала Корнилова.

На всем добровольческом пути никогда с Деникиным не расстававшийся, беззаветно преданный вождю своему и армии, честный сын России, мудрый советник - генерал И.П.Романовский... Молодой энтузиаст, порывистый, лихой, безрассудно храбрый генерал С.Л.Марков...

Пришли и начали формировать Армию: георгиевский полк, офицерский полк. Воинами стали студенты, кадеты, юнкера, гимназисты, семинаристы, солдаты, казаки...

Главная квартира Армии - командование, штаб - расположились в Ростове на Дону, на Пушкинской улице, после того, как утвердившийся в Ростове революционный комитет в конце ноября 17 года был 2-го декабря выбит верными казачьими частями совместно с первыми добровольцами ген.Алексеева.

- о -

Зима 17 года выдалась на Дону тяжелая, холодная, суровая, с ветрами и сильными морозами. Вести борьбу с наступавшими силами большевиков было трудно. Не только численность наступающих подавляла (их было во много, много раз больше защитников), - отсутствие снарядов, патронов, недостаток в теплом обмундировании, холода,вьюги делали борьбу почти непосильной.

И все-таки: численно ничтожные, крепкие и сильные духом, с верой в правое дело - добровольцы каждый день совершали чудеса!..

Не нужно бояться слов: защита Ростова, открытого со всех сторон, в продолжении больше двух месяцев, когда кольцо наступающих войск становилось все уже, когда против десятков наступающих действовали малые единицы часто неопытных бойцов, только вчера научившихся держать в руках винтовку, - должна быть названа поистине героической эпохой в жизни Добровольческой Армии...

- о -

- o -

И пришел день, когда Армия должна была признать невозможность дальнейшей защиты города. Одной, без поддержки казаков - борьбу продолжать нельзя было...

Но армия не сдалась. Началась новая эпоха: уход в неизвестность...

Армия уходила... Куда? - никто не знал и не мог знать... Уходили из города в степи... Растворились в снежной мгле... Ушли в ледяной поход...

Как велико должно было быть сознание чувства долга, как непреклонна должна была быть воля к достижению своей цели и как велика сопротивляемость, - чтобы начать этот легендарный поход.

Объективно - люди шли на верную гибель: физически обессиленные, много больных, раненых, без запасов - и боевых, и продовольственных, без оружия или почти без оружия - они должны были погибнуть или от морозов или от первого же натиска сильного врага... Конечно, все это уходившие знали - и это их не остановило, они должны были унести зажженный ими огонь неподчинения власти разрушительной, жестокой, палаческой...

Много честных молодых жизней погибло в этом походе; погиб под Екатеринодаром и Лавр Корнилов, но Добровольцы вернулись...

- o -

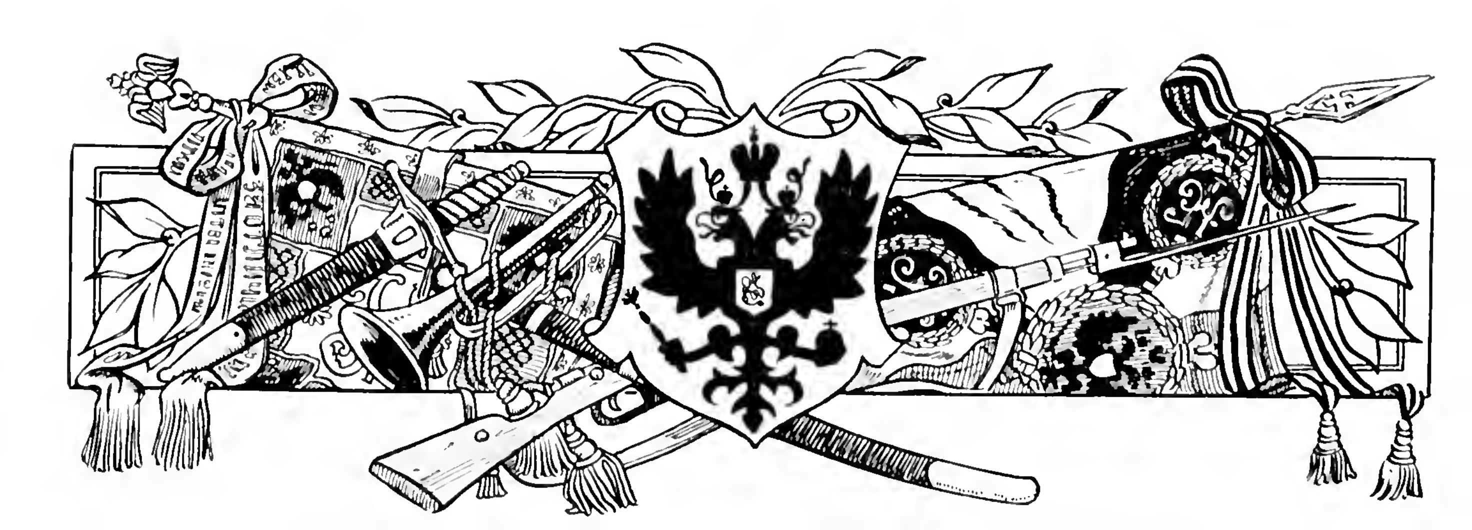
9-го февраля 1918 года Добровольцы уходили из Ростова на Дону. Прошло с тех пор сорок шесть долгих лет. Много нам с тех пор пришлось перетерпеть, на многое мы научились иначе смотреть, о многом по иному мыслить, много ценностей мы утеряли, многому дали новую оценку...

А вот, когда вспоминаешь эти первые Добровольческие дни, вспоминаешь, какие чувства и переживания рождали они в сердце твоем, вспоминаешь, на какие взлеты способен был человек из за любви к Родине, к России, - дни эти становятся еще ярче, еще светлее...

И в сердце живет добрая память об ушедших, а сущим - душевный привет.

Владимир Зеелер.

- - oOo - -

ПЕРВОПОХОДНИКИ В БОЛЬШЕВИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

Трудно, очень трудно писать о первопоходниках.

Казалось бы, легко. В самом деле, чей подвиг беспримерней и краше? Да, это именно так, но все слова, какие можно было сказать - уже сказаны. Все волнующие мысли и чувства уже давно увековечены большими, средними и малыми талантами.

И все-таки о первопоходниках, об этой горсти "прекрасных безумцев" - надо говорить и говорить без конца, чтобы имя их переходило из поколения в поколение, как переходит в Италии имя Гарибальдийцев, хотя со дня, когда Гарибальдийцы выгнали из Неаполя Бурбонов и вошли в Рим, минуло более полувека.

А ведь первопоходники куда больше и значительней гарибальдийцев. Да и бороться приходилось не с остервеневшей красной чернью, а с королевской и папской армией. Пленным гарибальдийцам никто не вырезывал на плечах погон, как это было с пленными первопоходниками.

Чтобы не повторять ни чужого, ни своего собственного, - я не раз восторженно писал о легендарной доблести тысячи русских людей и юношей, дерзнувших выступить против всей ошалевшей, обольшевиченной России, - теперь я подойду к первопоходникам с другой стороны, с которой, пожалуй, еще никто не подходил.

Я не буду следовать по пятам изумительного, непревзойденного никогда и никем Ледяного похода. Я буду наблюдать за ним с далекой дистанции, из Красного Питера, дабы показать всю значительность в глазах большевиков выступления против них тысячи с небольшим плохо снабженных и вооруженных русских патриотов.

Я помню - я был тогда в Петербурге - какую забили тревогу в своих газетах советские самодержцы при первом известии, что генерал Корнилов с маленьким отрядом, покинув Ростов, двинулся вглубь Кубанских степей.

Да, это была подлинная тревога, переходившая сплошь да рядом в панику. Откуда взяться панике? С одной стороны - неисчерпаемые запасы денег, оружия и "человеческого материала", с другой стороны - ни того, ни другого, ни третьего. Количественно первопоходники были песчинкою по сравнению с миллионными красными ордами. Да, песчинкою, и все же паника, все же истерика. О, до чего же это наглядный показатель, какую правильную оценку дал советский олимп первопоходникам с их мощным национальным порывом.

Глубочайшая трагедия, что большевики оказались несравненно более тонкими прозорливцами, чем наши капиталисты-буржуи, скептически отнесшиеся к первопоходникам вместо того, чтобы всеми силами поддержать их.

Если большевики испугались чего-нибудь, они тотчас же начинали бешеную кампанию самой подлой, самой клеветнической лжи.

О первопоходниках по данному свыше приказу в советской печати распространялось все, что могло уронить "горсть безумцев" в глазах "трудящихся масс".

Французское и английское золото играло далеко не последнюю роль в этих измышлениях.

Первопоходники выставлялись какими-то кондотьерами. Какими-то продажными шпагами. Каждый, мол, из них получает громадное жалованье - либо звонкой монетой, либо в иностранной валюте. Форма на них

- с иголочки! Они снабжены мощной артиллерией, эскадрильями аэропланов, несчетным количеством пулеметов. В санитарном отношении - изобилие и богатство!..

Мы, сидевшие тогда в Петербурге, отрезанные от внешнего мира, читая все это с замиранием сердца, радовались бесконечно.

Увы, тем горше было разочарование, когда мы узнали всю правду от смельчаков, тайно пробравшихся к нам с Кубани и Дона.

Мы узнали, что помощи никакой нет и что не французы и англичане - интенданты первопоходников, а сами же большевики, у которых белые отряды ценою своей крови добывают и пушки, и патроны, и пулеметы.

А красный набат не унимался...

Корниловская "армия" исчислялась большевиками в семьдесят тысяч бойцов, плотным кольцом обложивших советский Екатеринодар. Воображение красных писак наделяло Корнилова какой-то "звериной" конницей из нескольких корпусов диких степных наездников, подобных полчищам Тамерлана.

Все эти чудовищные преувеличения - не яркий ли показатель, как перетрусил советский Кремль вместе с засевшими в нем палачами России? И еще - не убеждает ли это лишний раз, что если бы Корниловское движение с первых шагов было поддержано хотя бы большей частью всего офицерства и всей буржуазией, мы давным давно сидели бы у себя на Родине, а не скитались бы по Варшавам, Белградам и Парижам.

И когда вспомнишь все это, когда вспомнишь, в каких условиях и в каком количестве бросили первопоходники перчатку свою всей несметной красной нечисти, каждый из этих первопоходников вырастает из героя прямо в какого-то сверхчеловеческого титана...

Вечная память первопоходникам, сложившим свои головы за Россию, вечная слава первопоходникам, благополучно здравствующим. Они вписали в Русскую историю одну из самых прекрасных и вдохновенных страниц...

Ник. Брешко-Брешковский.

- - оОо - -

- - оОо - -

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО.

Во второй половине января 1918 года положение в Новочеркасске и Ростове, куда перешел штаб Добровольческой армии, с каждым днем становилось все более и более тревожным и напряженным.

Давление большевиков становилось все более ощутительным, а меры, предпринимаемые генералами Алексеевым, Корниловым и атаманом Калединым по формированию новых частей, не приносили должных результатов.

Присоединение к большевикам в Каменском районе части казаков с Подтелковым и Голубовым во главе и убийство ими полковника Чернецова, партизанский отряд которого был в то время единственной боевой силой атамана, окончательно поколебали положение.

Насколько создавшееся положение было критическим, показывает эпизод, который я приведу вкратце.

Около 11 часов вечера 25-го января ко мне прибыл дежурный офицер походного штаба с приказанием немедленно явиться к атаману.

Через 20 минут вхожу в кабинет атамана. В предшествовавшие мимолетные встречи я как-то не замечал особенных перемен в лице моего старого командира бригады ген.Каледина, но теперь, когда я увидел его с глазу на глаз, я был поражен его видом, ясно свидетельствовавшим о той страшной трагедии, которую он переживает.

Слабым голосом бесконечно уставшего и морально угнетенного человека атаман Каледин стал излагать мне причину столь внезапного моего вызова.

Погиб Чернецов; его отряд, кажется, перестал существовать,как боевая сила, и, во всяком случае, атаману совершенно неизвестно, где он находится и каково вообще теперь положение на этом направлении (Каменский район). По слухам, Чернецовские партизаны после гибели своего командира рассеялись и по одиночке и небольшими группами отходят к Новочеркасску. Таким образом, северное направление совершенно открыто, и не исключена возможность внезапного появления какой-либо банды большевиков и в самом Новочеркасске.

Необходимо спешно прикрыть чем-нибудь это направление.

В ближайшее время атаман надеется направить туда заканчивающий свое формирование в Новочеркасске партизанский отряд войск.старшины Семилетова, а также дружины казаков старшего возраста, которые формируются якобы в ближайших к городу станицах. В настоящее же время в его распоряжении имеется лишь небольшой партизанский отряд войск. старшины Карпова, который уже грузится на станции в вагоны.

Общее командование всеми указанными частями возложено на ген. лейтенанта А., который может прибыть туда только завтра или послезавтра, а потому мне, назначенному начальником штаба в этот район, надлежит немедленно отправиться на вокзал и с указанным отрядом войскового старшины Карпова выдвинуться возможно дальше в северном направлении с задачей прикрыть его, присоединив к себе отходящих Чернецовцев.

Получив в штабе дополнительные данные об общей обстановке, отправляюсь на вокзал. Встретивший меня начальник отряда войск.старш. Карпов ведет меня к вагонам и из его доклада узнаю, что его отряд состоит из 42 человек в возрасте от 9 до 17 лет: все - ученики средних школ Новочеркасска.

Но вот и самый отряд, выстроенный перед вагонами. Передо мной дети в форменных ученических шинельках и легких ботинках. Несмотря на 10-градусный мороз, стараются не показать вида, что им холодно; глазенки задорно блестят неподдельным энтузиазмом, и в них светился такой порыв, такая готовность на подвиг и самопожертвование, что невольно становилось легче на душе.

И вот с указанным отрядом я двинулся в направлении ст.Зверево Ю.-В. жел.дороги для выполнения полученной задачи.

На следующий день, благодаря прибывшему из Добровольческой армии 2-му офицерскому батальону, удалось восстановить на подступах к гор. Александровску-Грушевскому некое подобие фронта и таким образом прикрыть Новочеркасск с севера.

Через три дня части Добровольческой армии были оттянуты обратно на Ростовский фронт, а на смену им в район ст.Каменоломня были выдвинуты партизанский отряд войск.старшины Семилетова, конный отряд юнкеров Атаманского военного училища и конный отряд офицеров Л.-Гв. Атаманского полка, а при штабе, кроме того, усилиями офицеров Л.Гв. 6-й Донской батареи был оборудован примитивный "бронепоезд", что в конечном итоге давало 250-300 бойцов, из которых не менее 75 процентов были в возрасте не свыше 17 лет.

Что могли сделать эти, по существу, детские отряды? Было ясно, что рано или поздно грубая сила, состоящая из здоровых и опытных в военном деле казаков и крепких физически и фанатически настроенных демагогической пропагандой большевиков шахтеров сломит сопротивление этой слабой завесы.

И это, конечно, отлично сознавал атаман Каледин, а когда он окончательно убедился в том, что и последний призыв его, обращенный к старшим казакам, не услышан ими, то и пришел к решению уйти из жизни.

Атаман А.М.Каледин - герой мировой войны, один из выдающихся военачальников российской императорской армии, кристально честный и верующий человек, бесконечно любивший свою родину-Россию и свой родной край - Дон, с которым был связан и по крови и по службе - ушел из жизни, сделав это так же спокойно и сознательно, как делал все и всегда в своей жизни.

Что побудило атамана принять подобное решение? Все, знавшие покойного, как начальника и просто как Алексея Максимовича, отнюдь не могут признать это за акт отчаяния. Правда, положение было крайне тяжелое. Душевная трагедия, переживаемая атаманом, была ясна - он считал себя ответственным за гибель юных героев, отозвавшихся на его призыв. И все же я не ошибусь, если скажу, что и в этом последнем своем решении покойный атаман Каледин преследовал вполне ясную и строго обдуманную цель - выстрелом, направленным в самого себя, разбудить сознание колеблющегося казачества и поднять его на защиту Родины и своего края.

Но надежды атамана и на этот раз не оправдались. Эхо раздавшегося в атаманском дворце выстрела, гулко пронесшееся по Дону, затерялось в его широких просторах и замерло, не найдя нужного отклика в казачьих сердцах; и принесенная атаманом-героем жертва не только не принесла пользы делу начавшейся борьбы, но даже, наоборот, ухудшила общее положение, так как, во-первых, лишила белый лагерь одного из главных его руководителей, а во-вторых - возбудила среди его

участников чувство подавленности, а в красном лагере - подъем и торжество.

Вновь избранный донским атаманом генерал Назаров, естественно, не мог ничего изменить. Неудача объявленной еще покойным атаманом мобилизации старших возрастов стала очевидной. Небольшие отряды, явившиеся из ближайших станиц, таяли от самовольного ухода казаков по домам.

И, наконец, самовольный уход возвратившегося с немецкого фронта в полном составе 6-го Донского полка, так торжественно встреченного в Новочеркасске, воочию убедил руководителей борьбы, что надеяться на какую-либо помощь казаков-фронтовиков совершенно не приходится.

На фронте же по прежнему изнемогали в неравной борьбе отряды молодых партизан и добровольцев - кадеты, как их называли в простонародье.

И только когда руководителям движения стала ясна полная невозможность и бесцельность защиты занимаемых районов Новочеркасска и Ростова, они ушли в 1-й Кубанский и Степной походы, унося с собой в неизвестность светильник любви к Родине, зажженный в их сердцах их первыми вождями.

А.Г.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ: В настоящем номере журнала мы печатаем полностью рецензию на книгу "Воспоминания ген.Богаевского" из газеты "Новое Русское Слово" от 26-го января т.г. (Воскресное издание), написанную г. В.Завалишиным.

Интересно отметить то обстоятельство, что г. Завалишин, не будучи участником 1-го Кубанского похода, мог правдиво оценить смысл 1-го похода в русской истории.

"ВОСПОМИНАНИЯ" ген. А.П.БОГАЕВСКОГО.

Особенно охотно пишешь рецензию на эту книгу хотя бы потому, что она подтверждает то, что, еще находясь в Советском Союзе, слышал об обоих Богаевских - Африкане, авторе "Воспоминаний", и его брате Митрофане, историке и журналисте, который был помощником ген. Каледина в бытность того Донским войсковым атаманом.

Один - репрессированный в ежовщину - писатель казачьего происхождения однажды показал мне отпечатанный на ротаторе отчет о семинаре С.Ф.Платонова. В этом семинаре Митрофан Богаевский (он окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета в 1911 г.) дал интересный и оригинальный разбор Пушкинской "Истории Пугачевского бунта".

Тот, кто прочтет "Воспоминания" генерала А.П.Богаевского вряд ли будет отрицать, что у автора - феноменальная зрительная память и редкая способность трезво, без иллюзий, оценивать обстановку, не преувеличивать боевых удач и бесстрашно встречать катастрофические поражения.

"...Жизнь не ждет", - пишет А.П.Богаевский в своих "Воспоминаниях". - "Постепенно, одного за другим, неумолимое время сводит с жизненной сцены деятелей нашей печальной эпохи; новые события заставляют забывать недавнее бурное прошлое. А между тем оно так необычайно - после стольких десятков лет спокойного, могучего развития нашей великой родины, столько в нем глубоко интересного и поучительного, так много примеров высокой доблести и самоотвержения и поразительной низости, трусости, своекорыстия, - что, во имя будущего, нужно употребить все усилия, чтобы оставить потомству память о прошлом, использовать его полезный опыт, учесть его ошибки, дабы не повторять их".

"Воспоминания" ген. А.П.Богаевского написаны так, что читатель, даже тот, для которого гражданская война - уже перевернутая страница русской истории, проникается полным доверием к тому, что написанное автором стало исторической правдой. Однако, ценность "Воспоминаний" не только в их документализме, но и в том, что они обладают немалыми художественными достоинствами. Ген. А.П.Богаевский - блестящий стилист. Сражения, схватки, победы, поражения автор описывает сжато и лаконично. Но описывает так, что восприимчивый читатель почти физически слышит и свист пуль, и орудийные раскаты, и стоны раненых, и дыхание гибели, омрачающее радость.

Книга Богаевского - это не столько книга о поражениях, сколько книга о мужестве, самопожертвовании и храбрости людей, которые исполняют свой долг и искренне верят в то, что победа коммунизма будет тягчайшим бедствием не только для России, но и для всего человечества. Однако, отдавая должное белому движению, ген. А.П.Богаевский не идеализирует его и не обходит молчанием его теневые стороны.

Вместе с тем, ген. А.П.Богаевский не считает нужным скрывать, что в гражданской войне мужество и смелость были проявлены обеими сторонами - белой и красной. Что особенно ценно в отчетной книге - так это инстинктивное отвращение автора к бессмысленной жестокости, к той или иной форме беспощадности.

И А.П.Богаевскому совершенно ясно, что гуманизм несовместим с большевизмом. Вот почему автор "Воспоминаний" так оберегает и защищает и доброту и соучастие в любом их проявлении. С особенной благодарностью А.П.Богаевский вспоминает, как он после революции был задержан большевиками и как ему помог старый, революционно настроенный рабочий.

"Тяжелый камень свалился у нас с души... Комендант ушел вместе со своими двумя архангелами, а нас, по тем же конвоем, в сопровождении радостно суетившегося старика рабочего, отправили обратно в свой вагон. Поезд с нашими "дезертирами" уже ушел: "товарищи" не хотели нас дожидаться, но все же были так милостивы, что вагон наш отцепили. После всего пережитого я с огромным удовольствием растянулся на своем грязном диванчике, с благодарностью отказавшись от ужина, которым хотел нас угостить наш ангел-хранитель, старичек-рабочий. Жив ли еще этот милый старик? Никогда не забуду его искреннего участия и ласки к нам, чужим ему людям, попавшим в беду. Я не раз вспоминал его впоследствии, когда в моих руках была жизнь пленных большевиков. И, может быть, не один из них обязан своим спасением воспоминанию о доброй душе этого простого русского человека".

Такого рода отношение к противнику располагает в пользу автора этих объективных, умных и хорошо написанных "Воспоминаний". Добавим еще, что отчетная книга опрятно издана и снабжена рядом фотоснимков - подчас довольно редких.

Вяч. Завалишин.

- о -

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода.

Цена ее в США и Канаде - 3 долл; в Австралии - 2 д.65 ц. или 1 австралийский фунт и 4 шил.; во Франции и остальной Европе, Африке и Ю.Америке - 2 д.40 ц. или 12 франц.франков. Пересылка всюду - 20 цент. Заказ на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

Vasily Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

- - oOo - -

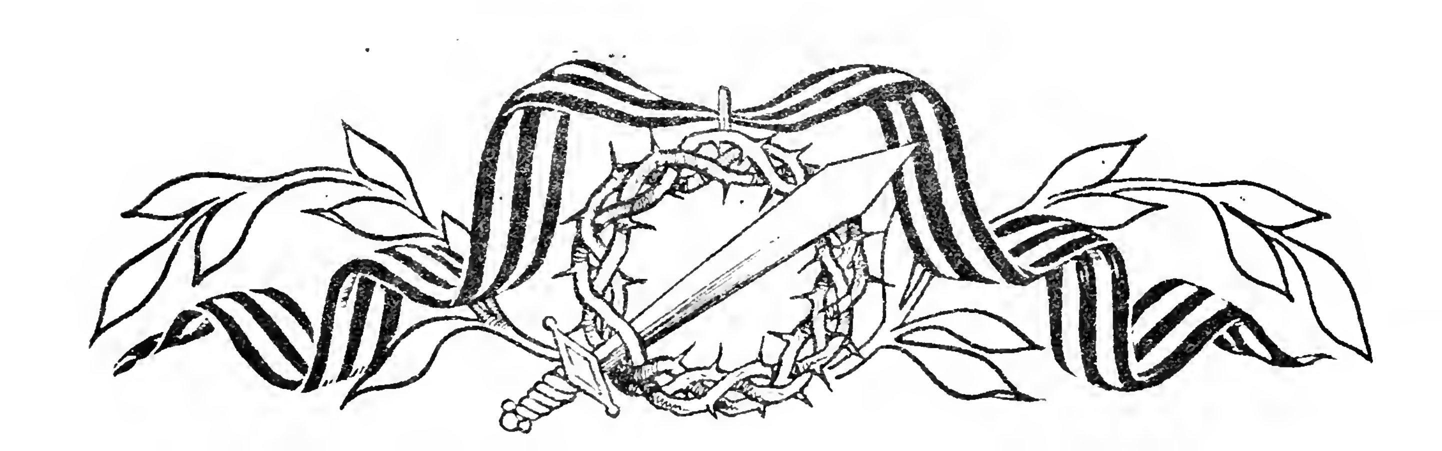
ПАМЯТИ УСОПШИХ ПЕРВОПОХОДНИКОВ.

9-го августа 1963 г. скончался полковник Шаколи Н.А.

21-го августа 1963 г. скончался в Дорнштадте подъесаул граф Ланской М.С., казак Астраханского Войска.

15-го января 1964 г. скончался в Сан Франциско Корниловского Ударного полка штабс-капитан Полянин Иван Фомич.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- о -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. В виду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- о -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- о -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал - 4.00 доллара. За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 40 центов.

- - оОо - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 29

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

30

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 30 Март 1964 г.

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРЕПОВА.

Юноша кадет Орловского Бахтина корпуса Александр Черепов своим военным идеалом выбрал самый скромный, но основной в армии род войск - пехоту - и не изменял ей за всю свою полную боевых подвигов и долгую жизнь.

Поступив, вопреки просьбам матери, желавшей, чтобы сын хозяйничал в родовом имении Курской губернии, в Одесское юнкерское училище, он вышел в 1898 году в 136 Таганрогский пех.полк, стоявший тогда в гор.Елисаветграде, и ревностно нес в его рядах службу младшего офицера, получив несколько наград и ответственное назначение начальника полковой команды. Такие команды были введены тогда на вооружение пулеметов.

Грянула 1-ая мировая война, и во главе 1-й роты своего полка штабс-капитан Черепов вышел на фронт, навстречу боевым подвигам многострадальной русской пехоты. Все боевые ордена, доступные его чинам, вплоть до мечты всякого боевого офицера - ордена св.Георгия и

Георгиевского оружия - были им получены за боевые подвиги. Чины подполковника и полковника были им получены за взятие Ужогского перевала и отбитие противника, в превосходящих силах атаковавшего его батальон. Об этом последнем бое было доложено Государю, бывшему в то время в Тарнополе, который выразил полк.Черепову свое благоволение за блестящую защиту позиции. Показывая пример своим младшим офицерам и солдатам, он все переходы совершал пешком, не пользуясь положенными ему по должности лошадьми или полковым экипажем.

Незадолго до революции - 9-го февраля 1917 года - полк.Черепов получил в командование 282 пех.Александрийский полк. Благодаря хорошему знанию солдатской души ему удалось сдерживать от развала свой полк, и за бой 17-го июня 1917 года он был произведен 20-го июня 1917 г. в генерал-майоры, с назначением сначала командиром бригады в 155 дивизии, а затем в 4-ой.

К осени 1917 года война фактически прекратилась, и строевые части перестали быть таковыми, превратившись в большинстве в митингующие банды. С тяжелым сердцем ген.Черепов покинул фронт и строй дорогой его сердцу пехоты, в рядах коей он не только заслужил все боевые награды и чины, но и был тяжело контужен артиллерийским снарядом.

В ноябре 1917 года он приехал в Ростов, где жила его семья. В этом большом торговом городе уже замечалось коммунистическое движение, угрожающее захватом власти и резней офицеров. Заметив эту грозную опасность, ген.Черепов, с разрешения Донского Атамана ген.Каледина и ген.Алексеева, приступил к формированию боевых частей, и вскоре им был сформирован и вооружен отряд пехоты, батарея и эскадрон конницы. Командуя этим отрядом, он охранял гор.Ростов и подступы к нему. По приезде из Быхова ген.Корнилова он передал ему сформированный им отряд.

Зимним студеным вечером ген.Черепов, верный себе, пешком выступил вслед за ген.Корниловым в 1-й Кубанский поход, который и проделал в качестве строевого офицера.

В последующие годы гражданской войны на Юге России он командовал сначала 2-й, а затем 6-й пехотной дивицией, был ранен в правую ногу с раздроблением кости; был военным губернатором Новороссийска, в каковой должности возглавлял десант у Анапы.

В Крыму возглавлял десантную операцию на Кубань.

В рядах остатков Русской армии он покидал Крым и, глядя на удалявшийся берег родной земли, верил, что снова вернется домой с оружием в руках. Не суждено было ему видеть родную землю, но при первой возможности возобновить борьбу с коммунистами он вступает в ряды Русского Корпуса и - командиром батальона, полка и снова батальона - проделывает в течение трех лет весь тяжкий боевой путь, по своему старому правилу, пешком.

И этот подвиг белых русских воинов не увенчался успехом. После долгих мытарств пришлось уходить еще дальше от Родины, и ген.Черепов вместе со своими боевыми соратниками высадился на берегах Сев. Америки.

Здесь, возглавляя Союз участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода и принимая деятельное участие в жизни других воинских организаций, он проявил еще одну черту своего характера старого русского офицера: всегда и везде он стремился к объединению всех белых

воинов, и так часто встречающиеся в русской эмиграции споры и раздоры глубоко его огорчали.

Прикованный последние два года тяжким недугом к постели, он мужественно переносил свои порой чрезвычайные страдания. Как верующий христианин, он перед своей кончиной исповедался и причастился.

Общее уважение к нему было особенно проявлено во время его похорон, когда храм был переполнен пришедшими отдать ему свой последний долг. Архиепископ Никон в своем надгробном слове дал его характеристику, как христолюбивого воина, а его соратники подчеркнули его неизменную верность России и долгу русского офицера.

Девяти дней не дожил он до 46-й годовщины выхода в Кубанский поход. В благоговейном молчании преклоним наши головы, и да будет ему вечная память и священный покой.

С.Ряснянский.

- - оОо - -

ПО РУССКИМ МУКАМ.

"Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!.."

Провидение послало русским людям тяжелый жребий - быть пришельцами среди народов и племен. Только ли для суровой борьбы за тот пепел, что хлебом зовется, рассеяны сыны России по четырем ветрам вселенной?

Кто в тяжелой ссылке за любовь к родному пепелищу не роптал, не задавал себе вопроса: "За что и почему мы несем этот тяжкий крест изгнания?"

Для иностранца русская революция - это переворот политического и экономического характера, все прочее заслоняется смыслом общественным и житейским. Для русского же человека наша российская катастрофа - величайшая трагедия, в которой личными переживаниями заслонено все прочее.

Но если мы, живые свидетели и невольные участники наших отечественных потрясений, оглянемся с нашего сорокалетнего пути, как с высокой горы, на пройденный нами здесь и русским народом там, на родных просторах Русской земли, путь, - мы увидим, ощутим и осознаем, что революционным пожаром охвачено величайшее государство не только в пространстве, но и во времени. Мы почувствуем, что этим грозным девятым валом РОССИЯ УНОСИТСЯ от всех берегов исторических. Великим политическим катаклизмом разрушено здание тысячелетней древности и крепости, религиозная твердыня которого служила оплотом всех реакций и о которое разбивались все революции. С насильственной смертью Русского Венценосца и его Семьи и самая основа этой твердыни - религиозная - пала.

Как и почему это могло произойти? Говорят о народном характере, об особенностях исторического пути России, об ошибках наших правителей и Царей... Все это лишь причины второстепенного характера.

Одним вдумчивым и толковым пленным солдатом Красной Армии в порядке допроса было сказано следующее:

- В детстве я любил, спрятавшись на чердаке у окошка, читать журналы и рассматривать картинки "старого оформления". Это были: "Нива", "Родина" и др. Я видел и понимал, что в России при царях жилось лучше, чем при советской власти. Об этом говорили и старики.

"Если Бог есть и если в Его руках судьба народов, как у нас говорили представители культа, то почему Он допускает совершаться этому величайшему преступлению? Скажите мне вы - верующий человек - чем может быть оправдана эта величайшая трагедия нашего народа? Почему государство, усвоившее себе наименование Святой Руси, стало ареной, где совершалось и совершается величайшее преступление: цареубийство, осквернение и разрушение храмов, преследование религии, где бросается вызов Самому Богу?"

Если нам представляется иногда ощущение бессмыслицы, то тем ярче и прекраснее видение того смысла, который составляет разрешение жизни, страдания и конечной радости.

Стать богоизбранным - значит стать богооставленным... (Здесь парадокс христианской свободы, кризис земной логики).

Без великого революционного искуса, без кровавой трагедии богоизбранного народа, давшего Церкви Христовой столько святых, без его отречения и падения до адских глубин - русский народ, в лице своих избранников, не сможет выполнить той ВЕЛИЧАЙШЕЙ МИССИИ, для которой его призвал Господь в день его крещения Святым Князем Владимиром. Как тайна Господней Голгофы была познана учениками после Его Преславного Воскресения, так и тайна Российской Голгофы и Русской распинаемой Церкви будет познана после воскресения России.

Россия слишком самобытна и далека от общих норм. Здесь грех переплелся со святостью, разбойники основывают монастыри, преступники жалуются шубами с царских плеч. Здесь все берега сходятся, все противоречия живут вместе.

"Широки ее равнины, необъятны взорам дали,
Неизведаны кручины, неразгаданы печали"...

В эпоху великих церковных споров 10-го и 11-го веков, приведших к отпадению Римской Церкви от Православного Востока, Господь выдвигает на историческую сцену НОВЫЙ НАРОД. Народ молодой, богатый внутренней своей мощью, чуткий ко всему доброму и прекрасному, с душой открытой для духовно-преобразующей силы Евангельского Слова.

Византийское побережье жило в постоянном страхе за свое имущество и за свою жизнь. На севере, в Черноморских степях, жили воинственные русские племена. Когда Аскольд и Дир в 866 году предприняли поход против Царьграда и русские проникли в Золотой Рог, патриарх Фотий восклицал во Влахернском храме: "Кто эти россы?.. Народ, где-то далеко от нас живущий, народ варварский, кочевой, народ неименитый, но приобретший значение и гордый оружием..."

Это - тот народ, который Промысел Божий готовил в преемники Византийской короны и Римского орла (некогда, во время Иродов, красовавшегося на вратах Иерусалима) - для торжества Церкви Христовой. Это - тот народ, на котором исполнилось слово Спасителя: "Есть и другие овцы, которые не сего двора, - тех надлежит Мне привести, и те услышат голос Мой - и будет едино стадо и Един Пастырь".

После отпадения Западной Римской Церкви Византия была взята в кровавые исторические тиски. С востока давили своей тяжестью и жестокостью мусульмане, с запада двигались латинские крестоносцы, имевшие тайной целью подчинить себе силой Восточные Церкви.

Византийская Империя - опора святого Православия - пала, раздавленная физически и морально. Но это произошло уже в тот момент, когда там, на далеком севере, где жили "воинственные россы", уже горела ПРАВОСЛАВНАЯ ЛАМПАДА, уже созидались обители, уже сиял свет святого православия в апостольской чистоте и святости.

Какая величественная картина Промысла Божия о судьбах Церкви и народов! Пал в 70 году священный город Иерусалим, распявший своего Христа. Потерял значение гордый Рим за то, что свет от сожженных мучеников не смог преодолеть глубокий мрак языческого, чувственного, мирского. Пала нетвердая в своих путях Византия, раздавленная между Востоком и Западом. Но врата адовы не одолели Церкви Христовой. Из среды воинственного дикого народа Бог воздвигает в г.Киеве Апостола по сердцу Своему.

Князь Владимир искал для народа своего такую веру, которая отвечала бы характеру русской души. Русская душа жаждала Правды и Красоты. Ей хотелось познать ИСТИННОГО БОГА и найти к Нему ИСТИННЫЙ ПУТЬ, чтобы принести Ему чистоту веры и сердце, полное благоговейного трепета.

Сколько тепла и радости внесло Христианское Учение в душу нашего предка-язычника! Облекшаяся во Христа девственная русская душа евангельские заветы и христианское учение сделала своей жизнью. Когда Промысел Божий, действовавший через Св.Кн.Владимира, поставил русский народ на спасительный путь православия, то уже тогда на скрижалях Божественного Произволения были записаны пути Русского народа, его призвания в мире и его страданий в будущем для торжества Правды Христовой.

Самой жизнью как бы ставился вопрос: "Что убо будет народ сей?" Историческим течением судеб подведен итог и дан ответ: "Когда наступит время величайшего поругания Образа Божия в человеке и глумления над человеком, когда человек принесет все, что получил от Бога: совесть, разум и волю - в жертву плоти и хлебу для плоти; когда развяжется всякий хульный язык и безбожие обильными струями потечет в души человеческие, - тогда от Русской Земли и от четырех ветров русского рассеяния придут новые пророки, в огне мучений испытанные. Русский народ, обновленный в муках страданий и слез, возвестит миру новую идею, скажет миру "новое слово", на почве которого произойдет переоценка ценностей, пересмотр коренных устоев жизни. Чем больше сдвинутся государственные и общественные идеалы, тем ярче засияют перед миром незыблемые духовные начала, освещающие земной мрак. Русская Церковь уцелеет, как стержень, который поможет России выпрямиться и возродиться к новой жизни. На Православии русского народа, на его восприятии христианской жизни, как на оси, обернется мировая жизнь.

Православие по-русски - это не учение, а реальная жизнь, евангельское восприятие мира."Это явление неба на земле, которым, по словам Русского первоиерарха Митрополита Анастасия, проникнута вся наша культура, которая светится в проникновенной красоте наших икон, написанных по образцу небесных видений, в красоте наших древних мотивов, в чудной симфонии архитектурных зданий и красоте наших хра-

мов" и в нашем певучем колокольном звоне.

Когда Западная Европа переживала в 15-м веке эпоху Возрождения, Россия жила своим подъемом религиозной жизни. Ее вдохновляли совершенно иные идеалы. На ввсем лежала печать мистического аскетизма. Духовное начало поглощало телесное. Русский иконописец видел все земное так, как видят землю, поднявшись на большую высоту. В архитектуре русских храмов византийские традиции были переработаны, и зодчество получило своеобразный русский характер, достигая смелого и причудливого характера, как, например, в церкви Св.Василия Блаженного (кн. Г.Трубецкой).

Русской Голгофой очищается религиозное сознание народа.В страшных, небывалых страданиях дух народный очистится и закалится. Нет больше былой России, и ее не будет. Но будет новая Россия. Самый душевный материал, из которого будет строиться Россия, будет иным, чем был прежде...

За старые грехи и ошибки заплачено дорогою ценой русской крови. Россию будут восстанавливать обновленные души, воодушевленные новыми идеями.

Пусть же не померкнет на нашей памяти ни одна из тех зарниц, что в годы бед и страданий народных освещали ему путь и давали нечеловеческую силу в борьбе за Правду святую, за поруганную Святыню.

"О, неразгаданная Россия, с твоей святой землей и твоей таинственной близостью к Богу"...

Бельгия. Архимандрит Феодосий.

- - оОо - -

К А П П Е Л Е В Ц Ы.

(Продолжение, см. №№ 28-29)

Вверх по Волге.

Прибыв из Сызрани в Самару, отряд Каппеля прямо из вагонов был погружен на товаро-пассажирский пароход "Мефодий" и немедленно отправился вверх по Волге, в район города Ставрополя. Этот город и близлежащие деревни были заняты красными. По данным разведки, красные располагали большим количеством пулеметов и сильной артиллерией.

Не доходя верст 15 до Ставрополя, пароход "Мефодий" пристал к крутому левому берегу, на который быстро были построены мостки, и по ним спешно выгружались бойцы, а орудия и зарядные ящики выкатывались на руках.

Из ближайшей деревни пригнали нужное количество крестьянских подвод для нашей пехоты, которая в это время на Волге никогда не ходила в пешем строю. Отнимая у крестьян подводы в жаркое рабочее время, мы, согласно приказа Каппеля, обязательно платили по 10-15 рублей за каждую (тогда это были приличные деньги). При таких условиях отряд мог передвигаться довольно быстро, не утомляясь.

Расспросив у первых попавшихся местных жителей о противнике, в его сторону направлялся разъезд нашей кавалерии. Приблизительно в одной версте следом за ним двигались главные силы. Наша пехота, расположившись по трое-четверо на телеге на душистом сене, обычно

дремала или просто наслаждалась природой. Но лишь только слышались первые выстрелы по нашему разъезду, как будто под действием электрического тока, пригретая теплым летним солнцем, дремлющая пехота выпрыгивала из своих повозок и, еще не дождавшись команды и остановки, бежала с винтовками наперевес в сторону выстрелов.

Каппель на коне впереди главных сил обыкновенно кричал в сторону командира пехоты бежавшему впереди бойцов Бузкову: "Не рискуйте - берегите людей! Каждый боец дорог!" Бегущий мимо него Бузков брал под козырек и в полоборота отвечал: "Слушаюсь!"

Повозки останавливались. Я со своими орудиями съезжал с дороги вправо или влево, строил фронт, но с передков пока не снимался до приказания начальника. И, когда минуты через две-три выяснялось, что противник заслуживал внимания, тогда начинался бой. Кавалерия частью оставалась прикрытием к орудиям, а часто уходила в обход врага.

Двигаясь очень быстро и энергично атакуя врага, отряд Каппеля всегда появлялся неожиданно. Противнику трудно было точно определить силы Каппеля.

В районе города Ставрополя Каппель дал ряд изумительных боев, обращая в бегство в десятки раз превосходившего численностью противника.

По словам местных жителей, красные группировались большими силами в 18 верстах от Ставрополя, в районе деревни Васильевки. Спускаясь по длинной, верст 5-6, дороге, отряд Каппеля был обстрелян с трех мест трехдюймовыми орудиями почти на предельной дистанции, но потерь мы не понесли. Пришлось немного проехать вперед и, не видя никаких укрытий, встать на открытую позицию.

Не слезая с коня, в бинокль на пятиверстной дистанции я хорошо увидел дым и пыль от орудийных выстрелов красных в трех разных местах в кустарнике, на окраине деревни Васильевки. Завязался настоящий бой. Но нужно сказать, что красные, хотя и с трех мест, но стреляли очень плохо: или перелетами или очень высокими разрывами, не приносящими нам вреда, что дало возможность спокойно ликвидировать три артиллерийских взвода красных, бросивших свои орудия.

Наша пехота, сильно обстреляннная из большого количества пулеметов, понесла потери и вынуждена была залечь. Бой мог затянуться.

Истратив много снарядов на красную артиллерию, я доложил Каппелю, что у меня осталось всего 25 шрапнелей. Каппель немедленно отдал распоряжение взять одно орудие на передки, забрать все снаряды и идти орудию вперед, насколько возможно, и обстрелять линию врага. А разведчиков и свободных артиллерийских номеров присоединить к кавалерии и конным разведчикам и широким аллюром пустить в обход правого фланга противника.

Орудие карьером пошло вперед, снялось с передков близ наших цепей и начало в упор расстреливать красные пулеметы. Через несколько минут мы овладели деревней Васильевкой, 28-ью пулеметами и четырьмя орудиями с большим количеством снарядов. наша пехота уселась на свежие подводы, и весь отряд стремительно преследовал красных, которые с разгона прошли мимо Ставрополя. Район был очищен от красных.

"Мефодий" стоял у пристани, но погрузить орудия было очень затруднительно, так как они перед пристанью сильно вязли в бездонно

сыпучем песке и даже чудные богатыри-кони были не в силах их тянуть двойными запряжками. В конечном итоге, почти на руках бойцов, с большим напряжением все было погружено на пароход, и отряд готов был вернуться в Самару.

Как было заведено, все чины отряда должны были иметь винтовки или карабины. Каппель в этом отношении был самым примерным. Он не расставался с винтовкой не только, как начальник небольшого отряда, но даже и тогда, когда был впоследствии главнокомандующим армиями.

Питался отряд из общих солдатских кухонь или консервами. В кавалерии ни у кого из офицеров долгое время не было офицерских седел. Были у всех солдатские седла, как более удобные для вьюка.

Добровольцы отряда, видя своего начальника все время перед глазами, живущего с ними одной жизнью, с каждым днем все более и более привязывались к Каппелю. Переживая сообща радость и горе, они полюбили его и готовы были для него на все, не щадя своей жизни.

С отрядом Каппеля (Народной армией) всегда следовал член Учредительного Собрания Б.К.Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет 30), он был энергичный и совершенно бесстрашный человек. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу: "Дуко"... (его имя). Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ - пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: "Но ведь был бой!"

Однажды, вскоре после взятия Сызрани, Фортунатов просил меня выяснить вопрос о наградах и жалованьи, которое хотели бы получать бойцы. Я со многими, если не со всеми, говорил на эту тему, и почти все сказали мне одно и то же: что выбранное после Учредительного Собрания законное русское правительство сможет их вознаградить (предполагалось, что гражданская война будет не долго); а пока они хотят иметь немного денег (рублй 20 в месяц) на необходимые расходы и, конечно, казенное обмундирование и содержание (стол).

Эти ответы поразили меня своей скромностью. Но таковы были Каппелевцы - кто-то метко назвал их "святыми безумцами". Они по своему личному почину, без всякого уговора или приказа, добровольно записались в боевые части, не считаясь с силами врага, как какие-то древние русские богатыри. Почти ничего не зная о 3-м Интернационале, они даже не вполне понимали, но инстинктивно чувствовали, что на Россию, на родину, надвигалось какое-то чудовище, готовое ради сумасбродной идеи мирового коммунизма взять всю страну за горло. Этого они не могли допустить и, не задумываясь о последствиях, пошли сражаться.

Конечно, таких каппелевцев в действительности оказалось уж не так много в сравнении с общей массой. Огромное большинство, не вдумываясь в окружающее, попряталось по своим норам, предоставив себя, в надежде на какое-то чудо, на волю волн. Многие из этих спрятавшихся погибли позже от рук красных, не зная, за что погибали. Многие как-то уцелели и ушли с общей беженской волной заграницу. И уже за границей, в безопасных местах, объявили себя белыми бойцами против

большевиков, принимая энергичное участие в эмигрантских организациях и склоках.

Почти перед концом погрузки отряда на пароход "Мефодий" на ставропольской пристани, чтобы вернуться, согласно приказания из Самары, обратно, к Каппелю явилась крестьянская делегация с првого берега Волги, прося прогнать из их деревень красных насильников и грабителей. Каппель по прямому проводу сообщил об этом в Самару и на утро выгрузился в указанном крестьянами месте, в 10-12 верстах от деревни Климовки, занятой красными.

После непродолжительного боя красные оставили Климовку, уходя на запад бесчисленными повозками. Наша пехота вошла в Климовку. Б.Ф. Фортунатов просил не стрелять по отходящим красным и, взяв 6-7 человек разведчиков, ускакал оврагом чтобы отрезать хвосты уходящей колонне красных. Мы наблюдали за ним, насколько нам позволяла пересеченная местность. Через полтора-два часа Фортунатов вернулся со своими разведчиками и привел четыре военные повозки с одним пулеметом и пулеметными лентами на каждой, а красногвардейцы убежали в кустарник.

Деревня Климовка.

Красные поспешно оставили деревню Климовку после легкого обстрела с нашей стороны. Отряд Каппеля вошел в деревню, раположенную в полуверсте от Волги, скрываясь за небольшой возвышенностью, за которой была пароходная пристань.

Наша пехота и конница расположились по избам и дворам, а я со своими пушками, как всегда, в середине деревни, прямо на широкой улице, где разбивалась коновязь для коней; недалеко был постлан прямо на земле большой брезент, на котором расположились все мои артиллеристы. От пехоты было выставлено в стороне охранение, и на пристани оказалось двое 16-летних добровольцев.

Летние ночи на Волге коротки. Перед рассветом, в 2-3 часа утра, я услышал сначала редкие выстрелы. Крикнув дневального Растрепина, наблюдавшего за конями, я увидел двух всадников с винтовками на коленях, одетых в штатское, коротким галопом приближавшихся ко мне. Я спросил их, какой они части. Растрепин, не успевший мне ответить, выстрелом сбил одного всадника, упавшего с лошади к моим ногам. Второй всадник, моментально повернувшись, поскакал в сторону пристани; ему Растрепин послал вдогонку вторую пулю, свалившую его. По деревне началась беспорядочная ружейная стрельба.

Я с лихорадочной поспешностью начал будить своих добровольцев, приказывая: "Седлать, запрягать!". И в это время увидел, как на краю самой возвышенности, прикрывающей от нас пароходную пристань, красные устанавливают пулемет. Не дожидаясь конца запряжки, я приказал запряженному корню (паре коней, ближайших к орудию) вывезти орудие на ближайший огород и направить его на пулемет красных, показом руки. Я скомандовал:

- С передков, прямой наводкой, по пулемету шрапнелью огонь!

Наводчик орудия доложил: "По пулемету не позволяет прицел". Я энергично повторил команду"огонь". Орудие рявкнуло, шрапнель,картечью ударившись в середину горы, подняла большой столб пыли, закрывшей красных и нас. Это дало возможность подрыть хобот и поднять дуло орудия так, что оно могло перебрасывать снаряды через верхушку

горы, что я и стал делать, стараясь попасть в преполагаемую за горой пароходную пристань. Направленный же в нашу сторону пулемет был оставлен убежавшими красными на вершине горы.

Наша пехота обходила возвышенность, я подтянул пушки на пристань и стрелял по уходившим вверх по Волге двум пароходам красных, которые скоро скрылись за поворотом реки, забрав с собой бывших на пристани двух добровольцев-часовых - или уснувших, или принявших прибывшие красные пароходы за свои.

В.Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.

(Продолжение, см. № 29)

К этому времени связь с Доном прервалась. Тихорецкая оказалась окончательно в руках 39 дивизии, высланный с Дона на Кубань отряд кап.Беньковского на ст.Тимашевской был предательски разоружен большевиками, при содействии полк.Феськова, не сдержавшего данного отряду слова. Офицеры отряда были отвезены в Новороссийскую тюрьму.

20 января в Екатеринодаре были созваны все офицеры. Грустно прозвучала речь полк.Деменика, быв.командира 154 пех.Дербентского полка, предложившего сложить оружие, но совершенно иначе рисовал себе обстановку генерал-квартирмейстер полевого штаба, ген.штаба полковник Н.Н.Лесивицкий, призвавший поднять оружие против врага. Тут же был сформирован его отряд в 800 человек, 2 орудия и 4 пулемета. Этот блестящий офицер, георгиевский кавалер, доблестно дрался до конца февраля. Болезнь заставила его оставить фронт и, при выходе армии в поход, остаться в аулах, где он был обнаружен и расстрелян большевиками.

22-го января красные, силами до 4.000 человек, двинулись из Новороссийска на Екатеринодар. Под станцией Энем их встретили отряды войск.старшины Галаева и кап.Покровского. Галаев защищал узкую дамбу через болотистые подступы к городу, а Покровский ударил красных в тыл. Большевики были разгромлены. Комиссары Яковлев и Сарадзе - убиты. Мы потеряли убитыми всего трех человек, но эти потери были весьма чувствительны: пали войскстарш. Галаев и женщина-прапорщик Татьяна Бархаш, которая в критический момент вскочила на мост и пулеметом в упор смела врага. В командование вступил кап.Покровский, который ночным налетом 24 января взял ст.Георгие-Афипскую, атаковав вокзал при свете станционных фонарей. Он был произведен в полковники и скоро назначен командующим всеми кубанскими отрядами.

Тем временем на Дону положение все ухудшалось. 29-го января, после заседания Круга, на котором выяснилась новая измена донских частей, выстрелом из револьвера покончил расчеты с жизнью доблестный ген.Каледин. Эта смерть всколыхнула казачество лишь на короткое время. Большевики приблизились к Ростову и Новочеркасску, и было ясно, что слабым отрядам Добровольческой армии их не остановить.

9-го февраля 1918 года из дома Парамонова в Ростове в 7 час. мглистого, морозного вечера выступила группа. Впереди шел, опираясь на палку, ген.Корнилов, за ним ген.Деникин и ген.Романовский. Сзади шел верный Корнилову конвой текинцев. Части также потянулись через Ростов на ст.Аксай для переправы через Дон. Начался первый Кубанский поход...

Как же смотрели вожди на цели похода? В их ответах ярко сказался каждый из них.

- Мы уходим в степи, - писал ген.Алексеев своим близким. - Можем вернуться, если на то будет милость Божия, но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы.

Когда спросили ген.Корнилова, он ответил коротко и ясно:

- За Родиной!

А ген.Марков добавил:

- К черту! За синей птицей!...

Перед станицей Ольгинской армия была встречена "нейтральными" казаками, которые заявили, что просят пройти, не останавливаясь в станице. Корнилов ответил, что если нас не примут, то станица будет сметена огнем. Казаки покорились. Армия остановилась в станице и приступила к переформированию частей. Подтягивались отсталые.

В Новочеркасске в это время заседал Войсковой Круг. В зал вошел с плетью в руках большевицкий главковерх - Войск.Старш.Голубов.

- Что это за сволочь? Встать! - крикнул он. Все поднялись,кроме Войскового Атамана ген.Назарова и его помощника Волошинова. Оба были выведены, брошены в тюрьму и вскоре расстреляны. Тяжело раненый Волошинов дополз до ближайшей хаты и попросил хозяйку скрыть его. Казачка сбегала за большевиками, и Волошинов был добит. Через несколько дней пал от большевицкой пули расстрелянный в Балабановской роще под Ростовом донской баян Митрофан Петрович Богаевский.

В Ольгинской решался вопрос о направлении похода. Пох.Атаман ген.Попов остался при своем решении переждать до лучших времен в северных округах Дона и ушел со своими партизанами в Степной поход. Добровольческая Армия 14-го февраля двинулась на юг.

Первый бой произошел у села Лежанки Ставропольской губ. 21-го февраля, где армию встретили большевицки настроенные жители села. Они дорого заплатили за это. Партизанский, Офицерский и Корниловский полки без выстрела двинулись в атаку. Офицерский полк по грудь перешел под огнем реку и ворвался в село. 500 трупов осталось на улицах села. Наши потери были ничтожны. 4-го марта Армия подошла к ст.Кореновской, где встретилась с организованными частями Красной армии Сорокина. Все наши части были втянуты в бой. Окруженные со всех сторон, постепенно отходя, мы были близки к катастрофе Насколько тяжело было положение, видно из того, что когда ген.Богаевский стал просить поддержки, ген.Корнилов послал ему отделение пехоты и 5 конных, а когда Богаевский повторил свою просьбу, ген.Корнилов заметил:

- Не узнаю сегодня Африкана Петровича! Ведь я ему уже послал поддержку из двух родов оружия!

Здесь ген.Корнилов получил известие об оставлении Кубанским отрядом Екатеринодара. Он решил искать кубанцев на юге в аулах и свернул на Усть-Лабу. Армия двигалась в полном окружении, везя в

центре обоз с ранеными и пробивая себе путь к Кубани. 6-го марта Усть-Лаба была взята и мы начали переправу. Здесь, в один из самых тяжелых моментов, на линии цепей арьергарда появился ген.Алексеев. Он спокойно сел на землю и оставался под огнем, несмотря на уговоры уйти. Он как бы явился последним резервом, который дал силы не сдать положения в тяжкий момент.

После ряда кровавых боев армия вошла в предгорья за Кубанью.

В это время в Екатеринодаре обстановка сложилась следующим образом:

Суживающееся кольцо большевиков заставило отряды медленно отходить к городу. Положение становилось все отчаяннее. Новый командующий армией полковник Покровский, приехав с фронта, созвал в реальном училище всех офицеров гарнизона. Обрисовав тяжесть положения на фронте, где офицеры, будучи ранены, стрелялись, чтобы не попасть в плен, он приказал всем собравшимся составить сотни и двинуться на фронт. Дошло до фронта фактически меньше половины.

27 февраля разыгрался последний бой у полустанка Лорис перед самым городом. Будучи обойдены бригадой красных слева, мы отошли к городу. 28 февраля Кубанское правительство, совместно со всеми отрядами, покинуло город,и 1-го марта все сосредоточились в ауле Шенжий. Здесь части были слиты в 1-й Кубанский стрелковый полк под командой подполк.Туненберга (силой в 1.200 штык.). Кроме того, были образованы еще: Пластунский отряд полк.Улагая (50 пеших, 50 конных), Черкесский конный полк (600 саб.), батареи есаулов Крамарова и Корсуна и Кубанская дружина охраны Государственного Банка.

Было решено двигаться в Баталпашинский отдел, где и ожидать лучших дней. Отряд, дойдя до ст.Пензенской, узнал о движении ген. Корнилова на Екатеринодар и, повернув, решил атаковать город из-за Кубани с востока. Однако, авангард дальше аула Дворянского на правом берегу Кубани не продвинулся. 9-го марта полк.Кузнецов, будучи внезапно атакован большевиками, ушел в горы. Кроме того, мы наткнулись на трупы офицеров, посланных для отыскания ген.Корнилова. Этих офицеров по ошибке зарубили черкесы, приняв их за большевиков.

Попытка отряда двинуться на восток потерпела неудачу, так как дальше р.Псекупс большевики отряд не пустили. Оставалось уходить в горы. Ночью отряд двинулся между аулами в направлении ст.Калужской. Настроение всех чинов отряда было очень подавленное.

11-го марта у ст.Калужской отряд наткнулся на густые цепи красных казаков с артиллерией. Постепенно в бой влился весь Кубанский отряд. Большевики стали его сильно теснить. В самый тяжкий момент боя на левом фланге полковник Улагай удачно атаковал красных, двинулся и правый фланг. В это же время сзади по холмам начали спускаться цепи обоза, который поднял атаман полк.Филимонов. Это были уже последние резервы... Но в этот момент к отряду прибыл разъезд черкесов, оповестивший о подходе частей ген.Корнилова. Эта весть окрылила бойцов, и дружным ударом враг был сбит и станица занята. Утром выпал глубокий снег. Дул сильный ветер, и было видно сквозь мглу метели, как в Калужскую с севера тянулся обоз с ранеными отряда ген.Корнилова. На улице станицы стояли занесенные снегом, увязшие в грязи кубанские пушки. Но на душе было бодро, ибо во главе всех стал ген.Корнилов.

+ Подполк. К.Н.Николаев.
(Окончание следует)

НОЧЬ С 28 НА 29 АВГУСТА.

Мрачные, полные тревоги дни, бессонные ночи... Один роковой вопрос, как свинцовым куполом, давит всех: что будет с нашей Россией, что ожидает нас?

Издерганный и измученный за все это время, как началась "великая, бескровная", особенно за последние дни, в 2 часа 15 мин. ночи я, наконец, решил лечь в постель, хотя сна, что называется, не было ни в одном глазу, и только что расстегнул китель, как в ночной тишине до моего слуха донесся шум автомобиля. Сразу прорезала меня несуразная догадка: "не ко мне ли?". Состоя в главном комитете офицеров армии и флота, я жил тогда в гостинице, отведенной для всех нас двенадцати членов. Выглянув из двери номера в коридор, я услышал, как подкатил и остановился у нашего подъезда автомобиль, как открылась входная дверь. Кто-то, перекинувшись несколькими словами с швейцаром, стал поспешно взбегать по лестнице. Я пошел навстречу приезжему и узнал в нем Александра Александровича Голомбиевского, военного чиновника, служившего в ставке Верховного Главнокомандующего.

- Вы за мной? - ре раздумывая, но совершенно уверенно осведомился я.

- Да. Верховный требует вас к себе немедленно... прислал автомобиль.

- Все пропало?

- Не знаю.

Нацепить шашку и набросить на себя шинель было делом нескольких мгновений. Наша гостиница находилась совсем недалеко от "дворца", как называли в Могилеве губернаторский дом, в котором помещалась Ставка. Через три-четыре минуты мы подкатили по неосвещенному двору к темному подъезду, над которым вверху сиротливо мигала одинокая лампочка и у которого, держа винтовки, как попало, в вальяжно-независимых позах стояли дремавшие парные часовые, не обратившие на нас никакого внимания.

Расставшись в нижнем коридоре с Голомбиевским, я быстро взбежал наверх по высокой лестнице, упиравшейся в маленькую, единственную во "дворце" на этот раз хорошо освещенную дежурную комнату. В ней находилось несколько офицеров и среди них молоденький, красивый корнет Текинского конного полка, Разак Хан Хаджиев, любимый адъютант генерала Корнилова. В Ставке все с большой симпатией относились к этому отличному офицеру, до полного самозабвения преданному своему генералу, и называли его просто "ханчиком". Еще по дороге сюда, в автомобиле, я с беспокойством вспомнил, что за дневно-ночными заботами, сутолокой и тормашней в последние два дня мне не удалось с ним повидаться, и несказанно обрадовался встрече с ним. Должен пояснить, что, принимая близкое, непосредственное участие в борьбе ген.Корнилова с Керенским, я был уверен, что морально нечистоплотный "диктатор" в конце концов самым мерзейшим образом обманет и предаст прямодушного, доверчивого генерала, о чем не раз предупреждал Корнилова. Повидимому, тот не придавал большой цены моим словам. Я не верил в успех нашего дела и еще задолго до великой войны предвидел и предчувствовал наш страшный провал. На войну я смотрел, как на кару Божию, как на начало наших бедствий, и пошел на

нее с непреоборимой в сердце безнадежностью и отчаянием. С Ханом Хаджиевым у меня был тайный сговор. Зная его большую популярность и влияние среди всадников и офицеров-туземцев Текинского полка,мне еще заранее удалось с полуслова сговориться с ним о том, чтобы он подготовил полк к походу на Дон, так как, уверял я, обман со стороны Керенского неминуем, дело Родины рухнет, а Корнилову и нам придется поплатиться головами, и для нас единственный выход - бежать с Текинцами на Дон. В этом направлении он и работал, при встречах же оповещал меня о достигнутых им результатах.

Я сделал знак глазами, и Хаджиев вышел на площадку вверху лестницы. Мимоходом шопотом мы перебросились несколькими словами:

- Ханчик, меня вызвал Верховный. Повидимому, у нас полный крах, готов ли полк к походу на Дон?

- Если прикажет Верховный, то через два часа полк будет готов к выступлению.

- Я так и доложу... - крепко сжимая его надежную руку, заявил я.

Какая тяжелая, гнетущая атмосфера была в этом полутемном, полупустынном доме, еще недавно сиявшем огнями и полном делового оживления! В дивном приемном зале где-то на стене горевшая электрическая лампочка только еще безнадежнее подчеркивала царивший в ней угрюмый полумрак.

Входя в него, я чуть не натолкнулся на проходившую наперерез мне скорбную фигуру почтенной Таисии Владимировны, жены Верховного.

На залитом слезами лице несчастной женщины выражалось глубокое горе.

- Где его высокопревосходительство? - поздоровавшись, осведомился я.

- У себя в кабинете. Он вас ждет.

У меня еще в момент встречи с Голомбиевским мелькнула страшная мысль, что Корнилов хочет покончить с собой. Эта мысль, как буравом, сверлила мой мозг, и с языка моего сам собою сорвался неделикатный вопрос:

- Верует ли генерал в Бога?

- Верить-то верит. Но какие люди подлые... негодяи... обманули его... А он так доверчив... - и она зарыдала пуще прежнего.

- Где Юрик? Пошлите к нему Юрика. Очень прошу...

В этот самый момент открылась дверь кабинета и из него вышел малолетний сын Корнилова.

- Идите скорей к нему, - затаропила меня генеральша.

Я оглянулся, ища дежурного офицера. Она угадала мою мысль.

- Да не надо никакого доклада. Он вас ждет.

При моем входе в кабинет Корнилов сидел у стены под лампой и, дочитав какое-то письмо, тотчас же смял его в руке. Говорят, это было предсмертное письмо генерала Крымова, доставленное казаком Атаманского полка, которого я мельком видел в дежурной комнате.

Верховный пригласил меня сесть рядом с ним у маленького письменного стола.

Он был еще худее, чем всегда, чувствовал себя нездоровым; на желтом, как лимон, лице его выступали темные пятна.

Раньше, в первые месяцы Великой войны, и впоследствии в Ледяном походе мне приходилось не раз видеть этого необыкновенного же-

лезного человека в жестоких боях, иногда при самых ужасающих, казалось - безвыходных положениях и все более и более поражаться стальному закалу его несломливой воли. Сейчас рядом со мной сидел небольшой, согнувшийся, слегка покашливающий человек, зябко, хотя не было холодно, ежившийся в халатике и прятавший в широкие рукава его свои руки.

- Подлец Керенский обманул меня, - заявил мне Верховный. - И эти "общественные" и "государственные" деятели - все предатели,слякоть! - Он с отчаянием махнул рукой. - Предупредите своих, чтобы, кто может, скрылись, пока есть время, потому что нам пощады не будет. Несомненно, что мы будем преданы суду революционного трибунала... на суд сознательных "товарищей"... А вот что будет с Россией?

- Да, положение отвратительное. Но до полной безнадежности далеко.

- Дело не в этом... Смерть мне не страшна. Но я не могу допустить, чтобы эта развращенная солдатская сволочь рвала с меня погоны и ордена, заслуженные кровью и ранами, и не могу помириться с мыслью, что по моей вине моих офицеров (ведь они за мной шли! в меня верили!) - терзали, издевались над ними и рвали в клочки. А этот подлец, провокатор непременно воспользуется случаем отомстить им и натравить оравы своих скотов на них.

Он говорил нервно, отрывисто, волнуясь, и своей белой, как слоновая кость, точеной рукой хватался за горло. Никогда, ни до, ни после, не видел я нашего Верховного в таком волнении и падении духа. Тогда мне не было известно, что дочь его Наталия Лавровна заблаговременно вытащила у отца из письменного стола револьвер, и я страшно боялся с его стороны возможности самоубийства, поэтому, насколько мог, заручился своим самообладанием и хладнокровием. Мы оба понимали, о чем шла речь.

- Вашим преждевременным расчетом с жизнью вы, ваше высокопревосходительство, не только не улучшите положение несчастного офицерства, но в неизмеримой степени ухудшите... Вот когда вы будете виноваты...

- Как так? - быстро спросил он.

- Представьте смерть любимого и попечительного отца в большой семье, на авторитете, заботах и защите которого все держалось. Что такая семья должна испытывать, когда вдруг она лишится попечения и единственной последней защиты? Ваша смерть повлечет за собой несравненно больше жертв, чем когда вы останетесь в живых. Офицерская кровь польется уже не так, как сейчас. Если сейчас она льется ручьями, тогда потечет реками... И зачем негодяям, вашим врагам и губителям России, доставлять такое удовольствие? Керенский и К° будут ржать от восторга и торжества. Ведь тогда у них, мерзавцев, совсем развяжутся руки. И развяжет их никто другой, а только вы. И вот тогда, действительно, вы будете виновны за излишне пролитую кровь. А ведь, даже сидя в тюрьме, вы гроза для них. Сейчас вы обвиняете себя в чем? Какая ваша вина? Ни малейшей. Вы поступили, как верный и любящий сын, когда мать при смерти. Чем же вы виноваты, когда другие высшие чины, генералы в роковой страшный час оказались не на высоте своего положения, не поддержали вас в вашем высоком начинании?

- Да, не ожидал я от них... Такие же все эти "общественные" и

"государственные деятели". Все обещали поддержку, обещали приехать сюда. Никто не приехал. Все отвернулись, все перешли на сторону лгуна, негодяя и предателя. Шкурники...

- Позвольте узнать, ваше высокопревосходительство, когда приедет генерал Алексеев?

- Через два дня.

- Значит, 30-го?

- Или 31-го.

- Еще лучше. Разрешите доложить. Я изложу вам мою точку зрения. Решение, конечно, за вами. Сейчас в дежурной комнате Хан Хаджиев. Он давно с моего ведома тайно работал по подготовке своего полка к походу на Дон. Сейчас он меня заверил, что по вашему приказу через два часа полк будет готов к выступлению. У нас есть время. За двое суток форсированного марша мы будем далеко. Только прикажите...

Генерал как будто был удивлен и несколько долгих минут сидел молча, раздумывая. Я напряженно, не без волнения ждал.

- Невозможно... - наконец решил он.- Ведь нам придется взять отсюда не меньше 20 офицеров и генералов. Идем форсированным маршем? Ну, хорошо. Мы с вами выдержим. А ведь это все люди штабные, изнеженные, многие пожилые. После первого перехода они все разобьются и полягут... Что с ними делать?

- На повозки их!

- А где их взять?

- У местных жителей, в попутных селах.

- А как примет нас Атаман Каледин?

- "С Дона выдачи нет".

- Но ведь Атаман почти в войне с Керенским. И если к нему придет опальный Верховный Главнокомандующий с полновесным боевым полком, то это уже явный прецедент к открытию военных действий.

- Война между Керенским и Доном неизбежна, но для нас лучше раньше, чем позже, пока "товарищи" в развале. Хуже будет, если им дать время сорганизоваться... Наконец, разрешите доложить: мы явимся в Новочеркасск не неожиданными гостями.

- Как?

- Простите мой своевольный почин: я за свой страх и риск добился сегодня соединения прямым проводом с Новочеркасском и от своего имени просил атамана подойти к аппарату. Вместо него подошел начальник Войскового штаба генерал Араканцев. Я только успел сообщить, что "на-днях высылаются шинели", - ответ: "примем, доложу"... - как нас прервали телеграфисты, очевидно, большевики. Но, слава Богу, главное было сказано и получен благоприятный ответ. Больше я ничего и не хотел прибавить. Дело в том, что 23 августа я с надежным, лично мне хорошо известным и испытанным вольноопределяющимся 17-го Донского Баклановского полка послал Атаману письмо, в котором предупреждал его, что, по моему крайнему убеждению, в ближайшие дни нас ожидает полный крах, и тогда Верховному с несколькими офицерами и Текинским полком придется бежать на Дон. В свое время предупрежу его лично по прямому проводу и назову "шинелями". По ответу начальника штаба сужу, что мое письмо Атаманом получено и содержание его известно генералу Араканцеву.

- Нет. Нельзя. Нам не дадут пройти.

- Кто? Эта солдатская тля, отказывающаяся воевать?

- Да. Воевать с немцами. Но найдется немало охотников поймать бывшего Верховного Главнокомандующего и сделать на этом революционную карьеру. Для каждого "товарища" это приз не маленький. На всех переездах железных дорог - а их много на тысячеверстном пути - нас будут подстерегать броневики с пулеметами и пушками.

Я взмолился:

- Ваше высокопревосходительство, я предчувствую, я вижу, что нам еще рано погибать от революционных палачей. Нам предстоит еще действовать. Надо бежать, надо спешить, пока представляется возможность и пока стоит благоприятная погода. Но сейчас конец августа,а там наступает осень, за ней зима. Пойдут дожди, грязь, слякоть, особенно на черноземном юге и на Дону. Дороги станут непроезжими, раскиснут, а дальше зима, снег, морозы, оттепели. Поверьте мне, что так или иначе, поздно или рано, а бежать придется, но при несравненно худшей для нас обстановке. "Товарищи" воспользуются временем и как никак будут организовываться и накоплять силы. А мы? На что мы можем рассчитывать? Только на один Текинский полк. Время работает на них, а не на нас. Сейчас на Дону казаки примут нас, если не с восторгом, то и не враждебно. Но и они люди и должны заразиться мерзостной революционной болезнью, хотя, конечно, не в такой острой и тяжелой форме, как рабочие и крестьянство. Но это неизбежно. Тогда создастся скверная для нас обстановка. Наконец, генерал Алексеев не враг нам. Я не допускаю мысли, чтобы он был предан Временному Правительству и пустобреху Керенскому...

Корнилов с недоумением взглянул на меня.

- Что вы хотите этим сказать?

- Думаю, что этим своим промедлением ген.Алексеев дает нам время скрыться.

- Нет. Алексеева я знаю. - В тоне его я почувствовал и недоверие и неприязнь к старику Алексееву.

- Ваше высокопревосходительство, еще раз осмеливаюсь доложить вам: надо бежать, пока время не ушло.

- Не-ет. Теперь невозможно, - решительно заявил он.

Я был глубоко опечален, даже потрясен. Наступило довольно продолжительное молчание. Я хотел уже откланяться и уйти, но Верховный задержал меня.

- А ведь там дальше возьмут власть большевики. Тогда совсем плохо придется, - заметил я.

- Вы верите в это?

- С первых же дней выступления Ленина с его оравой. Все идет к тому. Остановиться не может. Нет препон. Лавина сдвинулась с высоты и остановится только на дне. Да, может быть, и дно пробьет.

Он подумал.

- Нет, до этого не дойдет.

Беседа наша затянулась. Корнилов уговаривал меня немедленно скрыться, пробраться в Новочеркасск к Атаману Каледину, объяснить ему всю обстановку и склонить его к тому, чтобы он воздействовал на Временное Правительство в нашу пользу, так как во всей России только у одного Каледина в руках есть сила, с которой волей-неволей приходится считаться правительству. Конечно, я не только не прочь, но даже был бы рад осуществить его предложение. Само собой понятно, что перспектива сидеть в тюрьме по капризной воле полити-

ческого проститута, с неизвестным, но вероятным трагическим концом - никому из нас, обреченных, улыбаться не могла, но я доказывал Верховному, что пускаться в такой дальний путь в одиночку слишком рисковано, что мне нужен попутчик, потому что в Могилеве меня знали в лицо чуть ли не вся чернь и "товарищи". Следовательно, я должен сесть в поезд вне этого города. Может быть, придется долго пробираться пешком; ночевать не в селах, потому что население почти сплошь большевицки настроено. Попутчик нужен для того, чтобы попеременно, во время сна одного, другой бодрствовал бы на страже.

Был уже 6-й час утра на исходе и совершенно светло, когда я вышел из кабинета Верховного. Меня это поразило. Мне казалось, что я пробыл у генерала очень недолго. В зале я встретил полковника,ныне генерала, Константина Вячеславовича Сахарова.

- Костя, не хочешь ли бежать со мной на Дон?

- Да чего ради? Я еще не обалдел. И не подумаю.

Офицер пилот, с которым я еще ранее уговорился улететь в Новочеркасск в момент нашего неизбежного срыва, два дня назад известил меня, что могилевские купцы не продают ему бензина, нахально заявляя, что "вы хочете улететь с этим бунтовщиком Корниловым, который бунтует против нашего народного вождя товарища Керенского". Таким образом намеченные мною пути побега были отрезаны. Все мы, наличные члены нашего Комитета, решили покориться своей участи.

Из Быховской тюрьмы я был освобожден 21 октября. После многих мытарств и тяжелых переживаний я через Москву добрался до Новочеркасска только в ноябре. Там уже были в сборе почти все быховские узники. Мы с замиранием сердца следили по скудным газетным сообщениям о марше Корнилова во главе Текинского полка из Быхова на Дон, о разгроме этого полка большевиками, на лету ловили всякие слухи о судьбе самого генерала. Наконец 6-го декабря, переодетый стариком-крестьянином, Корнилов прибыл в Новочеркасск. На другой день я посетил его на квартире в доме Дударова по Ермаковскому проспекту. Долго беседовали о пережитом за последние недели.

- А ведь вы правы были, - сказал генерал, - надо было бежать тогда...

Для меня уже многое стало ясно, и я мог бы сказать ему: "Да, Лавр, живи ты не в лихую пору глубочайшего падения России, а в эпоху блистательного восхождения ее от возвышения к возвышению, лавром увенчалось бы чело твое, ореолом немеркнущих суворовских лучей была бы обвита твоя голова. Но тебе выпал иной, печальный жребий: в роковой период войны, в расцвете твоей славы, когда был ты так необходим России, ты, как орел в клетке, томился во вражеском плену. Это первое. Второе - появись ты на Дону во главе Текинского полка тремя месяцами раньше, что было бы! Дон был еще цел, полон боевой силы, а одуревшая Россия во главе с болтунами и предателями - в разложении и хаосе. Ты - Верховный, ты - прославленный герой, ты - казак родом. Все здоровое, благородное, готовое к борьбе за Родину примирилось бы на твоем славном имени, все казачество от мала до велика безоглядно пошло бы за тобой. И колесо истории повернулось бы в другую сторону. Не твоя вина, что ты не двинулся тогда на Дон. Ты - человек провиденциальный. Десница Провидения направляет тебя. Куда-то вновь направит?"

Конечно, я этого не высказал.

- Да, да... - задумчиво промолвил он. - Моя ошибка. Надо было бежать тогда...

- Не ошибка. А так было суждено не нами.

Он вздохнул.

- Кисмет.

Ив. Родионов.

- - оОо - -

П О Д В И Г

"Он имел одно виденье,
Непостижное уму"...
А.Пушкин.

То, что совершилось 46 лет тому назад на Кубани и что "Союз Добровольцев" ежегодно поминает молитвой и "круговым ковшом, по древнему обычаю, - "бойцы поминают минувшие дни..." - уже тогда, когда это совершалось, многим, смотревшим со стороны, казалось подвигом, но подвигом "безумия". "Горсточка добровольцев, брошенная всеми, истомленная длительными боями, непогодами, морозами, повидимому, исчерпала до конца свои силы и возможности борьбы..." - слова генерала Алексеева - и ушла в степи Кубани, в исторический Ледяной Поход. Ушла, чтобы продолжать борьбу со стихиями и с врагом, с врагом не человеческим только, а стихийным, не земным только, а вселенским, - борьбу со Злом, принявшим личину большевизма. "Горсточка" - и стихия зла, "всеми оставленные" - и всемогущее, на человеческую мерку, Зло, овладевшее Россией, всеми силами и богатствами ее, всеми жизнями, Зло, прожигающее души соблазнами, властвующее насилием безмерным. И "горсточка" - продолжала вести борьбу. На человеческую мерку - б е з у м и е. Но у этой "горсточки" уже не было "человеческой мерки". Подвигом Духа переросла она эту мерку, руководилась не человеческим, а иным, высшим, "непостижимым уму". В этом "безумии" проявилась извечная трагедия божественной сущности в существе, ограниченном телесно: божественное п о в е л е л о - и "горсточка" пошла на свою Голгофу. Тут не рядовое событие истории, а неизмеримое временем - трагедия борьбы Божественного и Дьявольского. В этом частном и как бы "провинциальном" для мира "случае" проявляется величайшее о б щ е е: трагедия человека на земле.

Перед "горсточкой" был поставлен сплетением исторических событий страшный выбор - как бы отсвет того евангельского выбора, когда Добро и Зло стали лицом к лицу, когда дьявол показывал Ему все царства мира и славу их и говорил: "все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне". И "горсточка" выбор сделала: пошла путем Его. И зрителям мира показала, - и кровью своею закрепила, - что есть сокровища, которых н е л ь з я отдать ни даже за целый мир. Русские Добровольцы, как "бедный рыцарь", имели "одно виденье, непостижимое уму" - Ее, Россию, и все, что у рыцаря слито с Ней, воплощено в Ней, олицетворено Ею. И, "верные сладостной мечте", "полные чистой любовью", они начертали на щите своею кровью святое имя Ее.

Этот подвиг - уход в ледяные степи - определяемый условным человеческим временем - 9-22 февраля 1918 г. - имеет бессмертный смысл - ответ Голгофской Жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совести и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг - проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола, - все было равно, едино, все было - общая жертва жизнью.

Ледяной Поход длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, - негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом.

Париж. Ив.Шмелев.

- - oOo - -

МУЗЕЙ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

Восемь лет тому назад, чтобы увековечить Белое Движение, его Вождей и участников, а также чтобы оставить правдивые данные о Белом Движении для истории и потомков, Союз Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода основал "Музей Белого Движения".

Основывая этот музей, Первопоходники были уверены, что Белые воины поддержат это начинание, и они, конечно, не ошиблись.

В настоящее время музей уже насчитывает свыше 10.000 экспонатов, среди которых есть весьма редкие и ценные.

Музей собирает и хранит: фотографии Вождей и участников гражданской войны, пребывания Русской Армии на чужбине, участия Русского Корпуса, РОА и других частей в войне 1941-1945 г.г. и т. д.; картины, книги, журналы, документы, предметы обмундирования и снаряжения, оружие, фигурки в военной форме и маленькие военные фуражки и папахи; все, что относится к творчеству Белого Воинства на чужбине и к Белому Движению вообще.

Периодически Музей с успехом устраивает "Выставки Белого Движения".

По желанию собственников, ценные фотографии и документы Музей только переснимает и возвращает обратно.

Все экспонаты и денежные пожертвования на оборудование и расширение Музея и предложения по продаже экспонатов просим посылать на адрес Вице-Председателя Союза и заведующего Музеем полковника Владимира Ивановича Третьякова:

Vladimir Tretjakow, P.O.Box 304, Nyack, N.Y., 10960. U.S.A.

- - oOo - -

Редакцией получена для продажи книга: СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ (1863 - 1963)" Цена 1 дол.50 ц.

- - oOo - -

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника"

№ 28)

Начался 1918 год. Беспощадная красная волна захлестнула всю Россию. Казалось, что те несколько сот человек молодежи, пробравшейся так же, как и мы, в Новочеркасск, одержимы каким-то безумием, пытаясь идти против 180-миллионной народной массы. Капля воды в разбушевавшемся русском море...

Вся Россия, явно или тайно, из подлости, корысти, а порой просто глупости или трусости - против нас... Всюду вражда, озлобленность. Проявление этой звериной злобы мы почувствовали на собственной шкуре с первых же дней нашей службы в формирующихся еще только частях под командой ген.Корнилова.

После того, как Мартыновского и меня зарегистрировали на Барочной 2, нас сейчас же назначили в дивизион полк.Гершельмана, который начал формироваться в Ростове. Мы туда прибыли на следующий же день, а 5-го января нас отправили по железной дороге в Таганрог.

Целью нашего пребывания там было пополнение наших частей оружием и лошадьми, брошенными солдатами Запасного Заамурского Конного полка, спешившими "вернуться домой".

Мы встречали все время скрытое, а часто и явное сопротивление, но все же к вечеру 12-го января наша работа была почти закончена. Грузили последних лошадей в поезд. В нашем вагоне ("40 человек - 8 лошадей") мы заметили большой торчащий гвоздь, который мог ранить лошадь. Я попытался его вытащить рукой, но не мог. В это время проходил какой-то железнодорожный служащий, и я спросил, нет ли у него клещей. У него их не оказалось при себе, но он мне предложил пойти с ним, что он, мол, их достанет. Мы пошли между путями, все дальше и дальше. Мне это показалось подозрительным. В этот момент я услышал сбоку какой-то шум и невольно повернул голову. Над моим ухом раздался выстрел... Железнодорожник вместо того, чтобы дать мне клещи, стрелял в меня в упор из револьвера... Признаюсь, что я ни о торчащем гвозде, ни о клещах больше не думал... Со всей силой ударил прикладом карабина по физиономии железнодорожника и с такой быстротой дал обратный ход, что даже не поинтересовался посмотреть, что случилось с вражеской мордой... все же думаю, что она была не крепче приклада карабина, который оказался надтреснутым...

В тот же вечер наш эшелон вышел из Таганрога, а вокзал заняли красные...

Однако, через несколько дней суждено мне было опять попасть на тот же вокзал в Таганрог, и опять вместе с Мартыновским. Чтобы прорваться к станции, ротм.Крицкий, командовавший тогда нашим взводом, послал Мартыновского и меня к погруженному на железнодорожную платформу бронированному автомобилю. Нас положили на эту платформу за тюками сена. Задание было - простреливать мертвое пространство бронеавтомобиля.

Платформа тронулась в путь под непрерывным вражеским обстрелом. Сено, которое нас прикрывало, как известно, проницаемо более, чем стенки броневика... Тем не менее, мы благополучно "простреливали мертвое пространство", не обратившись сами в мертвые тела... Думаю, не требуется комментариев, чтобы понять, почему наша "экскурсия" по таганрогским железнодорожным путям осталась в памяти на всю жизнь.

Весь январь и первые дни февраля прошли в военных действиях.

Под вечер 9-го февраля я отправился для связи в штаб ген.Корнилова, расположенный в другом конце Ростова. На улицах города никого не было видно: казалось, все население вымерло. Только время от времени рвались шрапнели и доносилось пение "Интернационала"... Я доехал до дома, в котором помещался штаб, но он оказался пуст; на дворе догорал костер бумаг; явно в огонь были брошены документы,которые не должны были попасть во вражеские руки...

Я повернул назад к своему эскадрону. Вдруг шрапнель разорвалась позади меня, и мой гнедой конь, 4-го Уланского полка (военный трофей!) сел на задние ноги. Положение казалось совсем безвыходным.

Опять вывез просто необычайный случай. Совершенно непонятно окуда - появились извозчичьи сани. Я окликнул кучера, но в ответ на мое "стой!" он хлестнул лошадь, которая понеслась еще быстрей. Я успел все же вскочить на полозья саней и, держась левой рукой за спинку, ударил прикладом извозчика. Благодаря тому, что вожжи были намотаны на его руках, лошадь стала. Сняв седло с моего раненого коня, я вмиг оседлал "Ростова", как я сразу же решил назвать "извозчичью клячу". Как я мысленно оскорбил и оклеветал Ростова, считая его "извозчичьей клячей", я очень скоро убедился. Характер свой он мне сейчас же показал, не давши сесть по правилам. За все время, что он у меня был, пришлось садиться на него так же, как и в этот памятный вечер, а именно - сначала пускать его шагом, держа повода в руке, и вскакивать на него уже на ходу.

Ростов оказался блестяще выезженным конем, с очень мягким поводом. На нем без труда я догнал свой эскадрон, который уже двинулся в поход... Первый Кубанский::: Весь поход с самого его начала мой красавец Ростов (рыжий, 6 вершков, Корольковского завода) прослужил мне верой и правдой. Пробеги бедняге часто приходилось делать длинные, но он стойко все выдерживал: За все время только раз захромал, и мне пришлось (к счастью, ненадолго) отдать его в обоз. В другой раз - было это под Екатеринодаром -, большевицкая пуля на излете ударила в его копыто. Мне удалось зубами ее вытащить. Ростов стоял спокойно во время этой операции и так же мужественно дал мне залить рану иодом из моего индивидуального пакета.

Была у Ростова одна "человеческая" слабость (или надо сказать: "лошадиная"?). У него был у нас в эскадроне приятель - конь одного

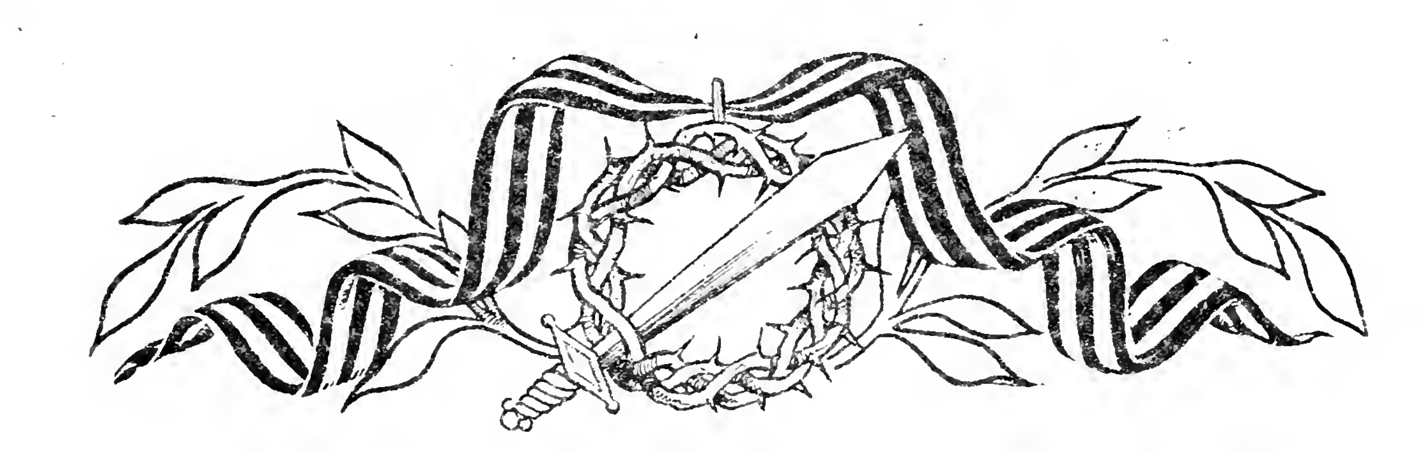
из наших офицеров. Ростов любил его навещать. Когда мы ложились для отдыха где-нибудь в поле и я держал Ростова за повод, он ждал, пока я задремлю или притворюсь спящим... Тогда хитрый конь тихонько снимал повод с руки и так же неслышно уходил к своему другу. Но стоило мне проснуться и позвать его по имени... моментально Ростов появлялся. Если же я его долго не звал, он возвращался и сам, клал мне повод на руку... как будто бы и не уходил...
В беде он меня всегда выручал, а раз спас жизнь, когда казалось, что мне не сдобровать. Случилось это, когда наш разъезд, в 7 коней, был выслан на станцию Выселки. На двух переправах нас обстреляли красные, но на третьей никого не было, и мы перешли ее в 5 или 6-ти верстах от Выселок. Потом проехали шагом еще версты две, никого не встретив. Тогда я предложил командиру разъезда, что я один поеду для разведки. Командир согласился: разъезд остался ждать в балке, а я поехал вперед шагом, чтобы не обращать на себя внимания. Выехал примерно на версту и оттуда стал наблюдать за деятельностью красных: на железнодорожном пути стояло два эшелона, вокруг станции рыли окопы. Обернувшись назад, я увидел, что мой разъезд уходит галопом, а между ним и мной идет пол-эскадрона большевиков. Я разобрал поводья по-скаковому, послал Ростова полным ходом и шепнул ему на ухо: "Выручай". И конь выручил - прошел между красными, и только когда уже мы (Ростов и я) были шагах в пятидесяти впереди большевицкой орды, раздались выстрелы - враг заметил белую тулью моей фуражки... Я одновременно со своим разъездом попал на мост... и поцеловал верного коня в морду.

Расстался я с Ростовым в момент, когда и для меня кончился Первый Кубанский Поход. Конь заболел воспалением легких. Он упал вместе со мной, в результате чего у меня треснула кость ноги и я был вынужден на некоторое время уйти с линии фронта. Ростова я больше не увидел.

Л.П.Сукачев.

- - оОо - -

О Русь, в тоске изнемогая
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О, Родина моя!

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Вступление.

К безусловно печальным достижениям февральской революции надо отнести полный развал и ликвидацию нашей многострадальной армии.

К ноябрю 1917 года ее уже не стало. В начале второй половины этого месяца многие добровольцы, в том числе и я, делали первую попытку организовать на Дону новую армию на новых добровольческих началах.

Партизанские отряды, походы, тяжелое ранение, госпиталь и операция; эвакуация - Салоники, Египет; возвращение в Крым, Галлиполи, Болгария, тяжелый труд, хоры, хоры и путешествия. За 40 с лишним лет много пришлось испытать и пережить, много видеть и слышать. 50 стран изъездить и посетить. Не все память сохранила в равной степени, но и того, что запомнилось хорошо и что достойно внимания, достаточно, чтобы исписать "стопу" бумаги. Я и хочу провести читателя по следам своей памяти. Так я и озаглавил простое и бесхитростное повествование. Ни романа, ни пафоса, ни вымысла в нем не найти. Если я, паче чаяния, в чем-нибудь допустил ошибку, прошу благосклонно исправить.

Свой скромный труд я посвящаю своему брату и всем добровольцам, принявшим смерть на поле брани за свою поруганную и доныне истязаемую Родину и свой народ.

Доброволец Иванов.

Первая глава.

На Дону.

Я - из духовной семьи. Прапрадед и прадед были протоиереями, дед - диаконом, а отец и дядя - псаломщиками. Женившись, на небольшое приданое жены отец приобрел в рассрочку 50 десятин земли. появление до 11-ти человек детей заставило приобрести новый земельный участок - уже в 100 десятин. Работали, не покладая рук, и ко времени нашего обучения в городе земля оказалась почти выплаченной. Пятеро старших учились одновременно в духовных учебных заведениях, куда отец должен был платить за нас полностью, как собственник, не имевший права на бесплатное обучение. Богатства не было - едва сводили концы с концами. Главный доход семьи составлялся от продажи подраставшего скота - приплода от 10-12 коров. На хлебе отец зарабатывал мало, так как мы - рабочая сила - уезжали на учение в город. Старшая сестра летом не работала, а мы - юноши и подростки - помогали, как могли: пололи бахчу, пололи, жали и молотили подсолнухи, причем молотили их иногда простыми палками; рыли и поправляли канавы, поливали огород, помогали при молотьбе, резали, возили, сушили навоз и складывали его в скирды - готовили топливо для печей (кизяки). Однажды мне пришлось с отцом перекрыть соломенную крышу амбара на железную. Я вполне владел и топором, и пилой, неплохо мог сделать самоварную трубу и даже справлялся с таким делом, как вставить новое дно в старое ведро. В награду за нашу работу мы получали по рублю, иногда по два, на наши личные расходы в городе.

Попав в первый класс Духовного училища, я был назначен нашим энергичным и талантливым регентом В.М. в семинарский хор в дискантовую партию. С ужасом взирал я на огромных, нередко бородатых дядей, не вмещавшихся в мундиры и издававших "рыкание".

На первой неделе Великого Поста, в причастный день, после говения, явился я на квартиру к обеду. Двоюродная бабушка, у которой я жил, взглянула на меня и строго спросила:

- Что это у тебя там белеет?

Оглянулся: задняя часть новых суконных штанов болтается в воздухе! Ясно: спустился со второго этажа вниз по перилам! больше бабка не пустила меня в хор. Снова запел я в хоре только через семь лет. Учителем пения был все тот же В.М.

Семинаристы считались, по праву, народом певческим. Любили петь, но не меньше любили послушать и других. Как бывало досадно, если не удавалось послушать заезжего певца или певицу, оперу, оперетку, хор или малороссов. А как переживали, если слышали что-нибудь действительно выдающееся, как, например, блиставшую в то время певицу Пионтковскую!

Пели мы на общих молитвах, пели на уроках пения, с азартом пели на переменах все, что вздумается, заканчивая иногда невообразимой какофонией, так как каждый из поющих выводил что-нибудь свое. Избранные пели в хорах: в двух семинарских и в хоре Духовного Училища. Кроме того, существовал еще смешанный большой хор. Детские голоса набирались из Духовного Училища, а к ним командировались семинаристы, которые и руководили хором, управляемым все тем же В.М. Почти на всех торжественных богослужениях большим хором он управлял сам.

Пели мы много и готовили песнопения весьма тщательно. Кроме церковного пения, хор давал - на масляной неделе - и светский концерт. Репертуар его бывал самый разнообразный: пели "Эй, ухнем", "Закувала", "Бандура", Казачьи песни; пели и выборки из "Украйны" Давидовского, и "Ковыль" Сахновского - вещи, которых я потом уже никогда не слыхал. Выступали и солисты. Но "гвоздем" являлось выступление хора со своим симфоническим оркестром, созданным все тем же В.М., для чего ему предварительно пришлось постигнуть игру на всех инструментах. И до сих пот помню - Вальс из "Фауста", "Хор поселян" из "Евгения Онегина" и выборки из "Руслана и Людмилы" с заключительным: "Слава великим богам". С фурором прошел "Хор матадоров" из "Травиаты".

Во время войны, хором в 10-12 человек, пели по госпиталям. Нередко украдкой пели и в театре. Особенно запомнилась читка артистами "Царя Иудейского", которую мы сопровождали пением специально для этого написанной музыки.

Остро запечатлелся в памяти маленький, но небезинтересный эпизод: Разгар Первой Мировой войны... В старшие классы Донской Духовной семинарии в отдаленном конце коридора, во втором этаже, доносится неурочный, быстро нарастающий шум. Выскакиваем из классов. Навстречу несется плотный, уже немолодой господин.

- Все - на манифестацию! Перемышль взяли!

Национальные флаги... "Боже, Царя храни!"... и посыпали на улицу! Манифестация вышла грандиозной. Организатором ее и вдохновителем был взбудораживший нас господин - Голубов. Тот самый войсковой старшина Голубов, который впоследствии сыграл на Дону такую подлую,

предательскую роль.

1917 год нарушил весь установившийся уклад жизни. Полетели на ветер все планы и мечты. Собирался я поступить в Лесной или Сельско-Хозяйственный Институт, а пришлось поступить в Ветеринарный, незадолго до того перебравшийся из Варшавы в Новочеркасск. Поступили туда и другие, в надежде в течение двух лет перевестись в избранные нами Институты. Поступил в Ветеринарный Институт и учитель пения В.М. С ним мне пришлось петь еще один концерт - в пользу курсисток. И сейчас помню жизнерадостную, блестяще спетую "Только утро настает" - из "Гейши".

Как-то встретил меня на улице замечательный регент архиерейского хора о.Михаил Ерхан, преподававший в последний год пение в старших классах Духовной Семинарии.

- Ты что делаешь? - как всегда, мрачно спросил он. - Поешь где-нибудь?

- Нет.

- Приходи на спевку!

Так я попал в архиерейский хор - правда, не надолго. Делясь на три группы, хор пел в трех церквах. В одну из них, кажется - Никольскую на старом базаре, попал и я. Спевки бывали общими для всего хора. Полным хором пели мы часто в архиерейской церкви позднюю обедню; пели иногда и в соборе. Пели полным хором каждое воскресенье вечером торжественные акафисты Божией Матери; совершались они в левом приделе собора, где хор располагался в большой глубокой нише. Один раз пришлось петь в соборе торжественную свадьбу и один раз погребение, с проводами на кладбище, когда весь хор одевался в кунтуши.

А время становилось все тревожнее. На верхах творилось нечто явно неладное - государственная власть уходила в небытие. Анархия, умело раздуваемая субсидированными Германией большевиками, торжествовала. В самом Новочеркасске, городе учащихся и чиновников, было еще спокойно, но против Дона и его Атамана уже были оскалены зубы - и не бо́лько большевизанствующей черни, но и незадачливых импотентов власти, пытавшихся еще изображать правительство России.

Не помню, по чьей инициативе стала организовываться Студенческая Боевая Дружина, в которую я сразу и записался. Хорошо помню, как мы, несколько студентов, носились по Институту и, волнуясь, требовали его закрытия.

На наш лозунг: "Все на фронт!" - отклик был слабый. Большинству студентов, приехавших с Институтом из Варшавы, наши порывы были чужды и даже враждебны. Дружина составилась преимущественно из землемеров. Были в ней и политехники, и воспитанники Учительского Института. Обучение строю, стрельбе и пулеметному делу мы проходили в Военном Училище. Там же мы получили и обмундирование, конечно, не новое, а рабочее. Только юнкерские погоны обшили белой материей и снабдили надписью -"С.Д.". Винтовки дали японские.

К ростовским событиям в конце ноября мы, очевидно, были еще "сырые", но, возможно, и не понадобились. Спустя несколько дней мы в Ростове, все-таки, побывали. Оттуда отправили нас на северную границу области - на станцию Миллерово. Разместились мы там по частным квартирам довольно хорошо и были разделены на несколько групп, выполнявших каждая свое задание. Наша группа регулярно ходила на

вокзал. Оружия с собой не брали; присматривались, прислушивались и вели диспуты с рабочими, иногда очень жаркие. Натыкались и на агитаторов, пожаловавших издалека, на которых призывы к благоразумию совершенно не действовали. Рабочих на вокзале бывало много, так как при станции находились большие железнодорожные мастерские, да и само Миллерово имело немало заводов и предприятий, обслуживаемых рабочими разных категорий. Посетили мы и казармы стоявшего там полка - кажется, 35-го. Симпатии со стороны фронтовиков не чувствовалось, но и открытой враждебности не было. Исключением была молодежь учебной команды, с которой мы почти подружились. Сейчас еще в памяти песни и пляски, которыми они угощали нас.

Так прошло 4-5 дней. Вечером мы, по обыкновению, собрались на станции. За разговорами-дебатами не заметили, как оказались в тесном кольце казаков, и не только донцов, но и кубанцев, - какой-то части, возвращавшейся из Финляндии. Лица возбужденные, угрожающие. Допытываются, кто мы и что нам здесь надо. У одного-другого сорвали с погон белые обшивки.

- А, юнкаря! Так - растак! Под колеса!

Никаких резонов не принимают. Перспективы невеселые. До худшего все же не дошло. Принужденные ретироваться, мы добрались до квартиры, снеслись со своим начальством и, недолго размышляя, забрали амуницию и пешим порядком отправились в сторону станицы Каменской. При создавшейся обстановке делать нам в Миллерово было уже нечего. Доплелись до полустанка и сели в первый поезд, который и доставил нас в Каменскую. На следующий день мы были снова в Новочеркасске. На душе было тревожно, грустно и... гадко.

Подходили праздники. Отец сообщил, что высылает за нами на станцию лошадей, и мы - четыре брата и младшая сестра - отправились домой. Но провести праздники дома не удалось. На другой день пришел к отцу крестьянин и предупредил, чтобы отец как можно скорее увез нас, старших, из дома. Из Ростова вернулся солдат, который видел меня в военной форме. В селе идут нехорошие разговоры. Ночью отец отвез нас - троих старших - к дядьке в станицу, и через день мы были опять в Новочеркасске, где я сразу же поступил в Чернецовский отряд, брат - в Семилетовский, а младший, о чем я узнал уже позднее, к сотнику Грекову.

Располагались мы, кажется, в помещении Коммерческого Училища. Одно время несли охрану заседаний Войскового Круга, когда удавалось присутствовать на них; охраняли еще и какие-то склады. Наконец, нас отправили на фронт, опять в направлении Каменской. Где-то в районе Александро-Грушевска, уже в темноте, мы высадились из поезда и рассыпались в цепь вправо от железнодорожного пути; продвинулись немного вперед и остановились.

- Не курить! Соблюдать тишину! Перед нами казаки, - сказал есаул Чернецов. - Попробуем уладить мирным путем.

Сказал - и в чьем-то сопровождении скрылся в темноте. Прошло довольно много времени, пока командир вернулся, свернул цепь и повел нас к поезду. С радостью вкатывались мы в теплые вагоны, так как в долгом ожидании порядком продрогли.

В Зверево мы задержались недолго. В Лихой наш первый взвод остался на станции, а остальные с командиром собирались уже ехать дальше, когда пришло известие, что большевики в нашем тылу напали

ночью на станцию Зверево, охранявшуюся Офицерским взводом. Отряд сразу направился туда. К счастью, дело ограничилось большим переполохом и очень неприятными переживаниями. Вскоре вернувшийся от Зверева отряд отправился на Каменскую.

Задача нашего первого взвода состояла в охране - как со стороны Зверева, та и, главным образом, со стороны Бахмута-Луганска, куда шло ответвление железной дороги. Стояли большие холода. Посты держались со всех сторон и, конечно, одиночные. Днем нести караулы было не так трудно: можно было гулять. Но ночью стоять одному среди многочисленных станционных построек бывало мучительно: коченели ноги. От большого мороза то в одном, то в другом месте раздавался треск, заставлявший прислушиваться. Ноги стыли, но размять или согреть их, хотя бы топтаньем на месте, не позволял звонкий скрип снега под тяжестью собственных шагов. Стоишь, еле переминаясь с ноги на ногу, и только всматриваешься да вслушиваешься в темноту. Постов было много, а людей мало, и за длинную ночь приходилось выставлять не менее двух смен. Слава Богу - пока все шло благополучно.

В одну из ночей командир взвода вздумал сделать разведку в сторону Зверева. Сел на паровоз с тендером впереди, взял с собою несколько человек и пулемет и - поехали. Не заметили, как поравнялись с группой большевиков, стоявших поодаль. Паровоз рванул назад, а тендер оторвался и медленно покатился дальше. Соскочили с тендера и под беспорядочным обстрелом добрались до остановившегося паровоза. Дотащили и пулемет. Много тогда было "веселья" - прапорщик собирался вернуться с трофеями.

Прошло несколько ночей. Вдруг ранним утром - тревога. С северо-западной стороны на горизонте показался дым. Вскоре стал выплывать и паровоз. Поезд! Засуетившиеся люди рассыпались в цепь. Показался и второй поезд, и появились густые цепи красных. Мы начали медленно отходить на Каменскую. Цепи красных подходят к станции, а за ними и поезда. Отошли мы версты на полторы и залегли, так как нас начали обстреливать. На крыше станции появились наблюдатели. Вскоре позади нас показался наш поезд: шла подмога, вернее выручка. Впереди, на открытой площадке - трехдюймовка. Из вагонов быстро выгрузилась наша сотня и рассыпалась влево от полотна, а небольшой офицерский отряд - вправо. Первый же снаряд нашей трехдюймовки смел со станционной крыши красных наблюдателей. Мы поднялись и пошли вперед, осыпаемые ружейным и пулеметным огнем и огнем шестидюймовки, не жалевшей снарядов. Впереди, по железнодорожной насыпи, шел пор. Курочкин с забинтованной головой. Двигаться по заснеженной пахоте было не так легко, а снаряды точно вдавливали в землю.

- Вперед! Вперед!

Это движение захватывало. Кажется, для передышки - залегли. Есть раненые, а, может быть, и убитые среди оставшихся лежать позади.

- Вперед!

Уже близко железнодорожные составы. Пули свистят. Красных много, очень много, и они уже совсем близко.

- Вперед! Ура!

И вдруг большевики сорвались и стали в беспорядке убегать. Тотчас же мы оказались на станции. Преследовали красных лишь пулеметы да редкие снаряды. Бой был жаркий, и до оставления Дона мы такого больше не видели.

Убитых большевики оставили много. Не успели они увести и два эшелона, с которыми прибыли. Большие потери были и у нас, чуть ли не более десяти убитых. Ярко запомнилась перевязка ротмистра Грекова, лежавшего у вагонов. Кровь хлестала из его ноги, которую силились перетянуть каким-то шнуром. Вскоре он умер. В этот же день мы узнали о смерти нашего обожаемого начальника, зарубленного казаком-предателем.

Огромную роль в исходе боя сыграло наше орудие. Командовал им полковник Мианчинский при наводчике кап.Шперлинге. Бессмертная пара!. Это было мое боевое крещение - жуткое, кровавое.

Вскоре мы вернулись в Новочеркасск, где на вокзале нам объявили о награждении нас всех Атаманом георгиевскими медалями.

Отдыхали мы недолго, неся охрану, но чего - не помню. Еще два раза выезжали мы в том же направлении, но уже ближе: к Сулину, а потом лишь за Персияновку.

Вспоминается и трагическая смерть Атамана, подчеркнувшая обреченнрсть и нашего положения. Две последние недели оставили о себе какое-то сумбурное воспоминание. Мы часто бывали на станции, где на питательном пункте милые барышни старались проявить по отношеню к нам исключительную заботливость, а вездесущий В.М. принимал всякие поручения к родителям или родственникам - в устной и письменной форме.

Жертва, принесенная Атаманом Калединым, не разбудила Дона, не всколыхнула даже многотысячное офицерство, болтавшееся в Новочеркасске и Ростове. Фронт все приближался; охватывающее кольцо сжималось. Заняв определенную позицию, мы всецело вверили себя нашим вождям и начальникам, и не только для особых волнений, но и для сомнений места не оставалось. Мы погрузились в поезд и двинулись на Ростов. В Аксае оставили вагоны и пешим порядком направились в станицу Ольгинскую.

Мост, длинная дамба - и показалась станица.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - оОо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $ 2.10. Желающие могут обратиться к секретарю Правления В.П.Мяч по адресу:
V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

Прилагаемый оттиск значка показывает его размер и рисунок.

Х Р О Н И К А

В воскресенье 23-го февраля т.г., в 46-ую годовщину выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, Обществом участников 1-го похода в Лос Анжелесе в храме Покрова Пресвятыя Богородицы на улице Александрия № 150 был торжественно отслужен молебен с поминовением всех вождей и воинов, павших на поле брани в борьбе за спасение России, и в мире скончавшихся участников Кубанского, Дроздовского, Сибирского, Ледяного и других походов и участников Р.О.А.) (армии ген. А.Власова) и всех белых воинов, в рассеянии сущих.

Были упомянуты имена генералов: Алексеева, Корнилова, Каледина, Деникина, Маркова, Дроздовского, адмирала Колчака, Покровского, Власова и других Вождей Белых армий и новопрест. ген. Черепова.

Прекрасно и проникновенно служил настоятель Покровского храма отец Александр, прочитавший коленопреклоненно чудную молитву. Стройи торжественно пел хор певчих храма в полном составе под управлением регента г-на Балкина.

Торжественность и благолепие службы вызвало у молящихся глубокое молитвенное настроение. Собравшихся помолиться за павших и еще живых белых воинов было так много, что все не могли уместиться внутри храма и должны были стоять у раскрытых дверей.

Кроме присутствовавших первопоходников, во главе с председателем Правления А.Ф.Долгополовым, было много членов О-ва Галлиполийцев с их председателем штабс-капитаном К.В.Мустафиным, также и члены Союза Русских Военных Инвалидов с председателем полковником Н.П. Бялковским. Присутствовало также много россиян местной русской колонии.

По окончании молебна все разошлись, унося с собой теплое чувство взаимной сплоченности и единства, что в настоящее тяжелое время ценно и показательно.

М.Коваленский.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Не имея физической возможности ответить на бесчисленные выражения сочувствия по случаю кончины нашего дорогого мужа, отца, свекра и "деда" - Генерал-Майора ЧЕРЕПОВА А.Н., мы вынуждены обратиться к помощи печати.

Глубоко тронутые так тепло и искренне выраженным сочувствием, которое поддержало нас в тяжелую минуту, мы приносим от всего сердца глубочайшую благодарностьдуховенству, общественным и воинским организациям и всем родственникам, друзьям, соратникам и знакомым, разделившим и далее разделяющим наше горе.

Особенно благодарим Владыку Никона, Архиепископа Вашингтонского и Флоридского, за торжественное отпевание и прекрасное напутственное слово и сослуживших ему Протопресвитера о.Георгия Граббе, Протоиерея о.Сергия Каргая, Иеромонаха о.Василия, Архидиакона о.Геласия, регента П.И.Липке и его прекрасный хор и усиливших хор своими голосами: В.И.Гетца, Л.М.Луговского и М.И.Стефановского, а также церковного старосту М.В.Гончарова.

Также благодарим за моральную и материальную поддержку, давшую возможность облегчить, в пределах человеческой возможности, страдания покойного в течение последних лет, месяцев и дней: Протоиерея о.Сергия Каргая, доктора М.О.Ковалева, сестру милосердия Аллу Константиновну, а также: кн.С.С.Белосельского-Белозерского и Представительство Росс.Эмигрантов в США; В.Летчика Капитана Б.В.Сергиевского и Союз Георгиевских Кавалеров в Нью Иорке; Ген.Лейтенанта Родзянко и Объединение Офицеров Императорской Кавалерии и Конной Артиллерии; Ст.Лейтенанта Соловьева и О-во Офицеров Российского Императорского Флота; Полковника кн.Амилахвари и Союз Русских Военных Инвалидов в Нью Иорке; доблестные Казачьи Войска, в лице их Представителей - Донского Атамана И.А.Полякова, Кубанского Атамана В.Старш. Ткачева и Генерала Науменко и Представителя Терского Атамана Ген. Старицкого;,Полк.Ряснянского во главе Отдела РОВС-а в США, Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода и ОбъединенияЕлисаветградского Кавалерийского Училища; Ген.Харжевского во главе О-ва Галлиполийцев и Объединений Корниловцев, Марковцев, Дроздовцев и Алексеевцев и кап.Тряпкина, Председателя Правления О-ва Галлиполийцев; Полк.Рогожина и Полк.Гетца, во главе Союза и Нью-Иоркского Отдела Союза чинов Русского Корпуса и Секретаря Союза Есаула Вертепова; Капитана Габаева и Обще-Кадетское Объединение в Вост.Зоне США; Полк.Гордеева-Архипова и Полк.Васильева во главе Объединенных Власовцев; Шт.Ротм.Шульгина и Объединение Чинов 18-го драг.Северского Короля Датского Христиана 9-го полка; Корн.Таргонского и Объединение б.Юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища за рубежом; В.Д. Радостовец и Н.В.Сукк во главе Объединения Харьковских Институток за рубежом; редакцию газеты "Россия", выразившую сочувствие через Г.Б.Александровского; служащих фирмы "Ловенстин и Сын", в количестве 6 чел. присутствовавших на панихиде, и администрацию и служащих студенческого общежития "Олин Холл", в количестве 6 чел. бывших на панихиде и заказавших 8 годичных поминовений покойного в католических церквах.

Благодарим также далеких "Калифорнийцев" - Ген. М.А.Скворцова; Ген.Свищева и Комитет Помощи Инвалидам; Полк.Бялковского и Пор.Белоусова во главе Лос-Анжелесского Отдела Заруб.Союза Русских Воен-

ных Инвалидов и А.Ф.Долгополова и В.П.Мяч во главе Калиф.Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Ген.Корнилова Похода и всех родственников и друзей за сердечную заботу о болящем и за разделение нашего горя теперь.

Сердечная благодарность всем, проводившим дорогого почившего до последнего места упокоения, присутствовавшим на отпевании и панихидах и выразившим нам сочувствие телеграммами, по почте, телефону и лично, а также прибывшим не только из окрестностей Нью Иорка, но и из далекого Вашингтона, невзирая на расстояние, а также за прекрасные слова, сказанные Полк.Третьяковым, Полк.Гогожиным, Полк.Ряснянским и Полк.Гетцем после погребения.

Благодарим всех Гг. Генералов, Штаб и Обер-Офицеров, в количестве 20 человек, стоявших почетными часовыми у гроба, а Ротм.Подушкина, доказавшего, что "друг в беде познается", за прекрасно организованный почетный караул, самоотверженный труд по созданию художественных венков и надписей к ним и великолепно налаженный транспорт в монастырь Ново-Дивеево и обратно.

Всем Сердечное спасибо!

Семья почившего.

P.S. Только что получили известие, что в г.Мюнхене Владыкой Александром, Архиепископом Берлинским и Германским, была отслужена торжественная панихида при большом количестве молящихся, а в Константинополе отслужили панихиду дочери однополчанина усопшего - Н.Е. и Н.Е., урожд.Чеховские.

Владыку Архиепископа Александра и всех, далеких по расстоянию, но близких духовно, почтивших память покойного, просим принять нашу благодарность от всего сердца.

Семья.

- - оОо - -

СОРОК ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА

В субботу 7-го марта т.г., по случаю 46-й годовщины выхода в 1-й Кубанский поход против большевиков, первопоходниками Калифорнийского О-ва была устроена в клубе Общества - 901 норт Кенмор авеню - традиционная трапеза в память соратников - Вождей и воинов, павших на поле брани и усопших в рассеянии.

Помимо членов О-ва присутствовали, по приглашению, почти все представители местных воинских и гражданских организаций: председатель Комитета помощи Русским Военным Инвалидам ген. И.С.Свищев, начальник РОВС-а и председатель О-ва Ветеранов 1-й мировой войны полк. Д.М.Неклютин, председатель О-ва Русских Военных Инвалидов полк. Н.П. Бялковский, председатель правления О-ва Галлиполийцев кап. К.В.Мустафин, Старшина Кают-Компании морских офицеров ст.лейтенант А.А.Жукорнов с супругой, участник Сибирского Ледяного похода кап.ген.штаба Г.С.Думбадзе; от Кадетского Объединения - ротмистр Н.Н.Машкин, от Р.О.Армии - А.В.Славолюбов, от организации Юных Разведчиков - начальник дружины "Нижний Новгород" С.С.Мартинович, от редакции местного журнала "Родные Дали" - г-жа И.И.Милошевич и полк.П.Я.Сагайдачный, а также гости - друзья первопоходников с женами.

Председатель правления О-ва А.Ф.Долгополов, пригласивши всех к столу, предложил присутствующим почтить вставанием и минутой молчания память соратников, погибших в борьбе за Родину и скончавшихся в изгнании, упомянув особо недавно скончавшегося генерала А.Н. Черепова; затем он огласил ряд писем, полученных Калифорнийским Обществом, в том числе - от зам.председателя Союза Участников 1-го Кубанского похода полк.ген.штаба Ряснянского, от первопоходников из Бельгии и других лиц. Письмо поручика Г.А.Головань из Бельгии было особенно трогательно по содержанию.

Во время трапезы выступили с приветственными речами представители упомянутых организаций. Особенно яркой по содержанию была речь, сказанная ген. И.С.Свищевым. Нельзя также обойти молчанием слово С.С.Мартиновича, сказавшего в заключение, что молодежь из организации Юных Разведчиков чтит подвиги "дедов и отцов" в борьбе за Родину и свято хранит заветы "первых начавших". Представитель РОА А.В. Славолюбов в своей речи подчеркнул, что Армия ген.А.Власова продолжала дело Добровольчества.

За обильной и вкусной трапезой, приготовленной хозяйкой дома, супругой первопоходника, г-жей Н.Б.Мяч и ее родственницей А.В.Епихиной, гости вели себя непринужденно в оживленной беседе, временами прерываемой дружным хоровым пением старых добровольческих и кавказских песен под руководством Александра П.Мяч, обладающего чутким слухом и голосом. Доктор И.Гончаров провозгласил тост в стихах, посвященный первопоходникам, который полностью приведен в конце настоящей заметки.

Как и всегда на всех вечеринках первопоходников, тулумбашем был выбран наш секретарь правления В.П.Мяч, который прекрасно управлял столом и к удовольствию присутствующих вызывал бурный смех своими остротами и шутками.

Глубокой ночью расходились гости по домам, унося в своих сердцах чувство теплоты и сердечности которое они нашли в крепкой семье первопоходников.

Присутствовало всего 32 человека.

М.Г.Коваленский.

ТОСТ В СТИХАХ.

Покрыты снегом все дороги,
Молчат вековые леса,
Оттуда ушли мы в походы,
Оставили мать и отца...

Вспомним, соратник, былое,
Бокалы осушим до дна -
За страну, которой краше
Не найдем мы никогда...

За рассеянных по странам,
За несчастный наш народ,
За погибель всем тиранам,
За Корниловский поход!..

И.Гончаров.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 30

- - оОо - -

31-32

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the Communists.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 31-32 Апрель-Май 1964 г.

ПРИКАЗ
Русскому Обще-Воинскому Союзу
№ 56

г.Париж 1-го марта 1964 г.

§ 1.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Генерального штаба полковник РЯСНЯНСКИЙ Сергей Николаевич - Председателем Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода, с оставлением в занимаемых им ныне должностях.

Полковник ТРЕТЬЯКОВ Владимир Иванович - заместителем председателя.

Основание: статья 2-я, §§ 3 и 4 Устава Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода.

П.п. Начальник Союза, Генеральн.Штаба генерал-майор ЛАМПЕ.

С подлинным верно: Начальник канцелярии капитан Кузнецов.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

"Христос Воскрес!" - поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит.
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек;
И если б здесь, в блестящем храме
"Христос Воскрес" Он услыхал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!
Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, -
И лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: "Христос Воскрес!",
И нам ответят все народы:
"Христос воистину Воскрес!"

Д.Мережковский.

- - oOo - -

Христос Воскресе!

День Светлого Христова Воскресения для каждого православного христианина наполнен радостным чувством. Но для эмигрантов всякое радостное чувство, переживаемое на чужбине, всегда отравлено горечью сознания нашей вынужденной оторванности от Родной Страны, уже в течение десятилетий завоеванной интернациональной безбожной коммунистической властью.

Порабощенный этой властью русский народ почти полностью лишен возможности достойно праздновать Светлое Христово Воскресение. Поэтому мы никогда не должны, не смеем забывать о тех страшных, каторжных условиях, в которых живет наш родной русский народ, и все наши помыслы должны быть направлены на достижение нашей главнейшей цели - на борьбу за освобождение нашего ОТЕЧЕСТВА от коммунистической власти.

С этой верой редакция журнала "Вестник Первопоходника" шлет свой Пасхальный привет всем, поднявшим знамя борьбы с поработителями нашей Родины, всем подписчикам и читателям и поздравляет с СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Редакция.

Союз Участников
1-го Кубанского
ген.Корнилова
Похода.

Главное Правление
6 апреля 1964 г.
Нью Иорк.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

От лица Гг. членов Главного Правления и себя лично поздравляю всех Первопоходников и Соратников по Белому Движению, а также их семьи, с Светлым Праздником.

От души шлю всем пожелание - в тесном единении всего Белого Воинства поскорее дождаться воскресения нашей дорогой Родины, Великой, Единой и Неделимой Национальной России.

Председатель Союза
Ген.Шт.Полковник РЯСНЯНСКИЙ.

Секретарь Гл.Правления
Корнет ЧЕРЕПОВ.

- - оОо - -

Правление Калифорнийского Отдела Союза Участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова Похода от имени всех членов Отдела поздравляет всех верных долгу первопоходников и воинов Белого Движения с Великим Праздником Светлого ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ.

Да пошлет нам Воскресший из Мертвых Христос дождаться счастья вновь увидеть освобожденную и обновленную многострадальную Россию и услышать на родной земле Пасхальный Благовест и радостные возгласы:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПРАВЛЕНИЕ.

- - оОо - -

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Поздравляем с Светлым Праздником всех Соратников, родных, друзей и знакомых и от души шлем всем привет и наилучшие пожелания.

С.А., Т.А. и В.А. Череповы.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

Галина Гавриловна и Александр Федорович Долгополовы поздравляют первопоходников, читателей журнала "Вестник Первопоходника" и русских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Мелания Леонтьевна и Федор Васильевич Пухальские сердечно поздравляют первопоходников и друзей с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Варвара Сергеевна и Василий Павлович Мяч поздравляют дорогих первопоходников, воинов Белой Борьбы, сотрудников и подписчиков журнала "Вестник Первопоходника" с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Нина Борисовна и Александр Павлович Мяч поздравляют первопоходников, друзей и знакомых с Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Марина Андреевна и Валентин Николаевич Кейзеровы сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Великим и Светлым Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Сергей Иванович Чернов поздравляет участников 1-го Кубанского похода, всех воинов Белого Движения и русских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Дональд К.Холл с супругой Аллой Федоровной сердечно поздравляют первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Надежда Николаевна Грегор поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Георгий Осипович Гольдшмидт с супругой поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества и в рассеянии с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Антонина Андреевна и Иван Еремеевич Гончаровы сердечно поздравляют первопоходников и всех российских патриотов с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Генерал Иван Сергеевич Свищев поздравляет всех дорогих первопоходников с Великим и Светлым праздником Христова Воскресения.

- о -

Василий Викторович Фирсов сердечно поздравляет всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Михаил Эрнестович Шилле с супругой поздравляет всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Сергей Иванович Проценко с супругой поздравляют соратников 1-го Кубанского похода и редакцию "Вестника Первопоходника" с праздником светлого Христова Воскресения.

- о -

Нина Соломоновна Кадушкина и Татьяна Петровна Вебер сердечно поздравляют дорогих первопоходников и редакцию "Вестника Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Общество Русских Ветеранов 1-й Мировой войны сердечно поздравляет всех участников Белого Движения и национально мыслящих россиян с Светлым праздником Христова Воскресения.

Правление О-ва.

- о -

Председатель и Правление Отдела Общества Галлиполийцев в Лос Анжелесе поздравляет всех первопоходников и белых воинов и их семьи с Светлым праздником Христова Воскресения.

- о -

Полковник Бялковский, Председатель Правления Отдела Зарубежных Русских Военных Инвалидов в Лос Анжелесе, от имени членов О-ва поздравляет всех первопоходников, русских национально-мыслящих людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Христо Воскресе! Дружина "Нижний Новгород" организации Российских Юных Разведчиков сердечно поздравляет участников 1-го Кубанского похода, всех белых воинов, а также и русских людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Юрий Александрович Рейнгардт сердечно поздравляет участников 1-го Кубанского похода, редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Бельгия.

- о -

Полковник Петр Яковлевич Сагайдачный от себя лично и от редакции журнала "Родные Дали" сердечно поздравляет всех первопоходников, воинов Белого Движения и русских людей с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Общество "Гуманити Коллс" сердечно поздравляет дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Староста Храма Святой Богородицы Владимир Евгеньевич Палчевский сердечно поздравляет всех участников Белой Борьбы с великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Настоятель Храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиерей Александр Самойлович поздравляет дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Настоятель Храма Памятника в Брюсселе Архимандрит о.Феодосий поздравляет дорогих первопоходников и редакционную коллегию "Вестника Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

Бельгия.

- о -

Георгий Лаврович Корнилов сердечно поздравляет дорогих первопоходников с Светлым Праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Марина Андреевна и Михаил Григорьевич Коваленские поздравляют дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Павел Иванович Алексеев с супругой поздравляют всех первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

Нью-Иорк.

- о -

Дорогих соратников первопоходников сердечно поздравляю с великим праздником Светлого Христова Воскресения.

И.В.Григорьев.

- о -

Зинаида Степановна и Эдуард Фердинандович Кариус сердечно поздравляют дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Ирина Петровна и Алексей Николаевич Беленицыны сердечно поздравляют дорогих первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Дорогих первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" я и моя жена поздравляем с праздником Светлого Христова Воскресения.

П.А.Стеценко, худ.

- о -

Доктор Виктор Михайлович Шилле с супругой поздравляют всех первопоходников Калифорнийского Общества с праздником Светлого Христова Воскресения.

Санта Ана, Калиф.

- о -

Христина Ильинишна и Николай Алексеевич Вдовкины поздравляют с Светлым праздником Христова Воскресения всех участников Белого Движения, а также всех знакомых и друзей с пожеланием провести радостно этот Великий День.

- о -

Евгения Сергеевна и Владимир Валерианович Рессины сердечно поздравляют дорогих первопоходников с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

- о -

Вера Михайловна (дочь ген.М.В.Алексеева) и Михаил Константинович Борель и Ольга Николаевна Алексеева (супруга покойного полк.Николая Михайловича Алексеева) сердечно поздравляют первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Аргентина.

- о -

Участник 1-го Кубанского похода Николай Иванович Бассов, инж., с супругой поздравляет первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Канада.

- о -

Анатолий Петрович Ваксмут сердечно поздравляет первопоходников Калифорнийского Общества и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Великим праздником Светлого Христова Воскресения.

Австралия.

- о -

Анатолий Григорьевич Макриди с супругой сердечно поздравляет редакцию журнала "Вестник Первопоходника" и первопоходников в Калифорнии с Светлым праздником Христова Воскресения.

Австралия.

- о -

Георгий Адамович Головань с супругой сердечно поздравляет дорогих первопоходников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Бельгия.

- о -

Христос Воскресе! Поздравляю всех соратников и редакцию журнала "Вестник Первопоходника" с Светлым праздником Христова Воскресения.

Л.Сукачев.

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛЪ
Лавръ Георгіевичъ
КОРНИЛОВЪ

Истинный сынъ народа Русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву Родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ—свою жизнь".

Изъ обращенія къ народу ген. Корнилова.

ГЕНЕРАЛ Л.Г.КОРНИЛОВ.

Всю недолгую, но исполненную лишений, труда и подвигов жизнь генерала Лавра Георгиевича Корнилова можно сравнить со стремительным полетом трепетной стрелы, спущенной с тугой тетивы, оставляющей за собой полосу яркого света патриотического горения. Эта жизнь, от далекой и безвестной сибирской станицы и до Екатеринодара, где 46лет тому назад (31 марта - 13 апреля 1918 г.) она безвременно оборвалась, была, в сущности, единой и едино-устремленной. В ней не было ни отклонений, ни отступлений. Тяжелое детство, самостоятельная подготовка в Сибирский кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище и Академия Генерального Штаба - блестяще оконченные, служба на Востоке, изучение нескольких восточных языков, трехдневный, смертельно опасный, совершенный по своей инициативе рейд в Афганистан и снятие крепости Дейдади, шестимесячное путешествие верхом через безводную пустыню, добровольное участие в Японской кампании, блестящее командование 48-й дивизией, усилия ее спасти в апреле 1915 года, выведя ее из Карпат, ранение, упорные попытки вырваться из окружения, плен и удивительный, легендарный побег из плена... Таковы были пройденные этапы жизни генерала Корнилова, когда летом 1917 года имя его - и уже не только, как молодого блестящего военачальника-генерала, грудь которого уже была украшена орденами Св.Георгия 4-й и 3-й степени, но национального героя и даже чаемого народного вождя - на устах у всей патриотической России. Кульминационным пунктом этого последовательного восхождения был триумфальный приезд ген.Корнилова в августе 1917 года на так называемое Московское совещание. Самый пламенный оратор Государственной Думы Ф.И.Родичев приветствовал ген.Корнилова словами, смысл которых не оставлял сомнений:

Вы теперь - символ нашего единения. В вере в вас мы сходимся, все, вся Москва. Мы верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом и что клич - "Да здравствует генерал Корнилов!" - теперь клич надежды - сделается возгласом народного торжества. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас".

Не приходится удивляться содержанию этих слов. Чтобы до конца понять и оценить весь, можно сказать, трагический смысл слов Родичева, а также и то, что в них была вложена страстная надежда всей лучшей части тогдашней России, надо припомнить, с одной стороны, что произошло в феврале 1917 года и что к августу до конца стало ясно всем политически зрячим патриотам, а с другой - что именно именно влекло их к Корнилову, какие свойства были определяющими для его личности.

Отнюдь не для всех, но для многих, участвовавших в подготовке революции или даже просто желавших, чтобы революция произошла, она была революцией для войны (для более успешного ведения войны), но, конечно, она была революцией из-за войны и, как революсия, начатая во время войны, сейчас же обратилась в революцию против войны, а затем немедленно и в грандиозный всероссийский антипатриотический погром. "Хлябь, хаос, царство Сатаны, губящего слепой стихией", - как писал И.А.Бунин.

А против этого хаоса?.. Правительство двусмысленных партийных

комбинаций и хитроумных резолюций, позорного бессилия и безволия, жалкая декламация "спасение революции" (от нее самой), бледная немочь, возведенная в культ, человеческая и идейная дряблость и слякоть... Такова была обстановка лета и осени 1917 года, и можно себе представить, какое впечатление ослепительного, поражающего контраста на фоне всего этого должна была производить фигура пламенного патриота, героя не каторги, а поля чести, уже овеянного легендой, и притом человека со страстной, неукротимой, железной волей и несокрушимой энергией. Его мужественное и властное обращение к правительству, требовавшее замены речей и резолюций действиями, уже было широко известно. Слава о нем, как о человеке, не знающем страха, человека не только личного мужества, но и не отступающего перед препятствиями и, главное, захватывающего и заражающего своей волей других, - уже доходила с фронта в тыл.

"После речи Корнилова в тот памятный день меня, да и всех одинаково охватил форменный энтузиазм. Своим посещением и своими словами Корнилов забрал все наши души, всю волю, все чувства... За него мы были готовы идти на какие угодно лишения... Теперь, по прошествии стольких лет, я стараюсь уяснить себе, чем Корнилов мог вызвать такой восторг. Был замечательным оратором? Нет, не то... Говорил он не плохо, но его сила была не в ораторском искусстве. Его слова об отечестве? - Может быть, да. Но ведь о родине каждому из нас говорили уже много и много раз, но наших сердец так никто не зажигал. Моя молодость? То, что мне было 20 лет? Но ведь я был тех же лет и при выпуске из школы прапорщиков, и находясь в запасном полку, и при отъезде на фронт, когда я слышал те же речи. Но, видно, не такие, как генерал Корнилов, люди их говорили".

Так изображает свои чувства капитан Шинин (Корниловский ударный полк, стран.14), один из немногих оставшихся в живых свидетелей выступлений ген.Корнилова на фронте. Но то же чувствовали не только молодые, даже юные, только что выпущенные из училища офицеры. Человек, который в отношении гипнотизирующей воли сам был редчайшим и, можно сказать, драгоценным исключением, который поэтому был более, чем кто-либо, компетентен в этом вопросе, пишет, вспоминая о встрече с Корниловым в июле 1916 г.:

"В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила".

Слова эти принадлежат генералу Врангелю ("Белое Дело", изд.5, стр. 36). Был и еще один момент, питавший надежду на спасение Корниловым положения: это его происхождение. Ни знатности, ни богатства - достижение власти только благодаря собственному напряженному труду, воле и таланту. Надеялись, что в момент острого заболевания масс чувством социального неравенства (как это всегда бывает во время революций), человек, непосредственно вышедший из народных низов, выросший из народной почвы, будет более импонировать массам. Он покажет им собой, кроме этого, что не так уж был плох свергнутый старый порядок, не так уж было больно все государство, если они не ставили никаких препятствий естественному отбору лучших - препятствий сыну казака достичь занятого им положения...

Разные болезни требуют и разных лекарств. И в разные эпохи государству для спасения нужны разные люди, иногда даже с прямо противоположными свойствами. Беспредметно обсуждать теоретический во-

прос, что лучше или, вернее, что хуже: безрассудная воля или рассуждающее безволие? Можно оспаривать универсальность замечательного афоризма, принадлежащего трагически погибшему президенту Французской республики Думеру:

"У погибающих наций нет недостатка в людях ума, но исчезают люди с характером". ("Книга моих сыновей").

Но Россия того времени нуждалась именно и прежде всего в человеке с характером, человеке "порыва", "ежеминутно готового к устремлению силы". Не по его вине эта спасительная миссия ген.Корнилову не удалась, а неудача эта автоматически привела к октябрьской революции.

Новый и последний период жизни Лавра Георгиевича Корнилова, когда после бегства, но уже не из австрийского, а из революционно-большевицкого плена он прибыл в Новочеркасск, был очень короток: с 5-го декабря 1917 года по 31 марта 1918 года. Всего неполных 4 месяца. А если считать только время участия в боевых действиях, то даже не 4 месяца, а неполных 2, точнее 50 дней: с 9 февраля (начало Первого похода) до 31 марта. И эта краткость, как-то не задерживавшая до сих пор на себе внимания историков Белого Движения, доказывает только одно: как значительна была личность генерала Корнилова, если за такой короткий срок он смог сыграть столь решающую роль в создании Движения, которое никакие силы не вычеркнут не только из истории России, но - без преувеличения можем сказать - из мировой истории, как первого движения патриотического меньшинства во имя спасения Родины. Верховный Главнокомандующий, повелевавший многими миллионами людей, вернулся, в сущности, к положению командира полка - если не по составу, то по числу участников первой половины Кубанского похода, решающей в смысле создания Движения; командир полка, который не сидел в Штабе над картами огромного фронта, тянувшегося на тысячу верст, а верхом лично бросался на врага в самые трудные моменты во главе своего конвоя в нескольких десятков человек, вдохновляя на подвиги измученных и истомленных и всегда спасая положение.

"Один из командных генералов армии рассказывал: - Однажды я получил приказ от Корнилова взять одну станицу, но не мог исполнить этого по недостатку сил. Прошу помощи. Получаю от Корнилова ответ: "Помощи не будет, станицу взять". Делаю попытку - безрезультатно. Время идет, наши цепи лежат, осыпаемые жесточайшим огнем противника - нельзя подняться. Вдруг вдали показывается сам Корнилов - скачет впереди своего конвоя, полусотни человек. Прямо под обстрелом подъезжает к цепям: "Вы просили помощи? Я к вашим услугам". Затем, обращаясь к войскам: "Корниловцы, вперед! Ура!" - Как один человек, полк бросается вперед, - и отогнали большевиков". (А.Суворин, "Поход Корнилова", стр. 161).

И это повторялось не один раз. И в этом "Скобелевском приеме", в этом необъяснимом боевом чуде таинственного влияния сказывалась все та же гипнотизирующая, несокрушимая воля, которой наградила ген.Корнилова природа.

Известно, что ген.Корнилов колебался, принимать ли ему командование над Добровольческой армией. Известно также, что его тянуло на Восток, в знакомую ему Сибирь. Но все это не помешало ему, пусть и не предвидеть, что 4 или 2 месяца его личной работы создадут дви-

жение, продолжавшееся на родной земле 36 месяцев, но ясно понимать, что он делает.

"Армия ничтожна по своим размерам. Но я скую ее огнем и железом, и не скоро раскусят такой орех". (Л.Половцев. "Рыцари тернового венца", стр. 70).

Он и сковал ее.

Великое и большое - не синонимы. И мы уверены, что на весах будущей истории те недолгие, небольшие, но великие 4 месяца, в которые ген.Корнилов участвовал в Белом Движении, будут признаны самым значительным и незабываемым периодом личной биографии этого замечательного русского человека-самородка. И, конечно, не потому, что мы не придаем значения великой войне и его возглавлению всей Российской Армии, а потому, что мы придаем огромное значение Белому Движению.

31 марта 1918 года закончился стремительный полет этой трепетной стрелы. Жизнь героя оборвалась. Незабываема и по сей день трагичность его гибели. Она продолжила длинный ряд жертв русского безумия, о которых пророчески говорил Пушкин:

"Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка, не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие, а сгинул ты от беглого каторжника"...

"В Таганроге к командующему немецкими войсками генералу фон-Арниму весною 1918 года явилась делегация от красного Ростова. - А где же теперь генерал Корнилов? - Военнослужащий Корнилов убит под Екатеринодаром, - с торжеством ответили делегаты.- Как, Корнилов убит? - подскочил фон-Арним. Помолчал немного и с презрением процедил: - Не умеете вы, русские, ценить своих талантливых полководцев!" (Корниловский Ударный полк, стр. 92).

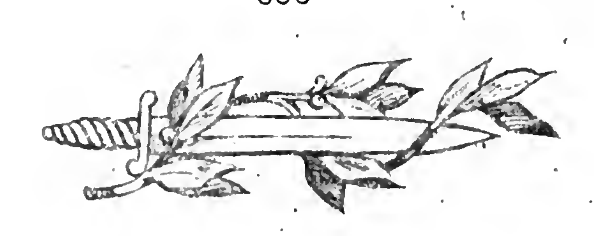
Но не только честные иностранцы, умеющие ценить доблесть противника, а и русские поймут когда-нибудь все.

Русские националисты живут твердой верой и живы только постольку, поскольку верят, "...что ряд столетий
России ведать суждено,
Что мы пред ними - только дети,
Что наше время - лишь звено."

И поскольку верят в это - они знают, что не имена уже похранных своими же "товарищами" детей революции и еще живых ее творцов - не все эти имена русского кошмара, а лучезарные имена русских патриотов - Алексеева, Корнилова, Врангеля, Колчака, Миллера и Юденича - войдут в пантеон русской славы, когда могучая русская река, после короткого исторического изгиба, вновь понесет свои полные воды по прямому пути, предуказанному ей Провидением.

Н.Цуриков.

- - oOo - -

КОРНИЛОВУ.

В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите: - руки Корнилова
Русскую землю несут.
Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.
Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.
Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.
Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его укоризненный,
Смертью венчанный призыв -
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите - сердце Корнилова
В колокол огненный бьет.

И.Савин.

- - оОо - -

ЧЕЛОВЕК СУДЬБЫ.

Летняя, теплая ночь. Темная густая мгла бесконечным покровом повисла над широкой, необъятной Каргалинской степью. Тысячи разноголосых кузнечиков и стрекоз, наперебой один перед другим трещавших без умолку целый день, умолкли в высокой траве. Степь уснула. Лишь теплый ветерок едва шелестит засохшим бурьяном, да темные силуэты стреноженных пасущихся коней, фыркая, изредка нарушают мертвую тишину степи.

Мальчуганы- табунщики, расположившись вповалку вокруг едва тлеющего костра, спят крепким детским сном, и только худенький, маленький девятилетний Лавруша один бодрствует, как караульный.

Обойдя табун и согнав в кучу длинной хворостиной далеко ушедших коней, он снова вернулся, подложил сухие ветки в костер, разложил на траве попону, улегся на нее и, заложив руки за голову вместо подушки, стал пристально всматриваться в темное звездное небо. Его острый взгляд постепенно переходит от одной ярко мерцающей звездочки к другой. От своего деда он узнал, как они называются, но больше всего он любит "Чепегу" - Кассиопею. Мерцая высоко в небе, она всегда как будто ласково улыбается ему с высоты своими пятью звездочками.

Маленький Лавруша так увлекся звездами, что не заметил, как

"Большой воз" (Большая Медведица) давно опустил свою длинную оглоблю вниз.

"Пора будить смену", - подумал он, глядя на "Воз", и осторожно стал толкать рядом спящего мальчугана.

Лавруша любил эти ночные сторожевки. Дома целый день он помогает своей матери по хозяйству или нянчит младшего брата или сестренку и, утомившись за день, рано ложится спать. Здесь же в степи, сам с собою, на природе он может предаться мечте своей детской фантазией. Его все так интересует: и звезды на высоком небе, и вот те старинные курганы, и в стороне далеко-далеко высокий Каргалинский хребет, что так причудливо освещен лунным светом. Его на редкость пытливый ум мысленно старается проникнуть за зубчатый хребет: "А что там, далеко, за хребтом?" И в его детской фантазии там бродят таинственные тени: Ермака - покорителя Сибири, бесстрашных "землепроходов" Дежнева, Пояркова и Стадухина, о которых ему часто рассказывает его старый дед, урядник Сибирского войска, сам побывавший в далеких походах и экспедициях.

Маленький, худенький, с киргизским лицом Лавруша - будущий знаменитый генерал Лавр Георгиевич Корнилов - не знал еще тогда сам, что перст Божий почил на нем и что судьба готовит его стать народным героем, стать великим патриотом, о котором будут писать в книгах, воспевать в стихах, будут петь "корниловские" песни, будут рассказывать, как рассказывает ему часто старый дед о его знаменитых предках, сибирских "казаках-землепроходах".

- o -

Вечерело. На террасе длинного одноэтажного каменного дома - это было офицерское собрание Н-ской туркестанской стрелковой бригады, стоящей на самой афганской границе - в плетеном из тростника глубоком кресле сидел молодой офицер генерального штаба. Это был капитан Л.Г.Корнилов. Перед ним, как бесконечная скатерть, лежала степь, а далеко, далеко в лучах заходящего солнца горел зубчатой вершиной длинный хребет. Как напоминало это ему теперь его родную степь и Каргалинский хребет. Лавр Георгиевич вспомнил свое далекое детство - как такой же степью, на подводе, запряженной парой доморощенных коней, он одиннадцатилетним мальчиком ехал с отцом за тысячу верст в далекий Омск, на экзамен для поступления в корпус. Лавруша сам сознавал, что он недостаточно подготовился к экзамену; с детским страхом, с тяжелым чувством он ехал в Омск. Но экзаменаторы, увидя перед собой на редкость сообразительного и умного мальчика, снисходительно отнеслись к нему на экзамене, и, к великой его радости, он был принят в Сибирский кадетский корпус.

Способности кадета Корнилова сказались тотчас.С первой учебной четверти, как он стал первым учеником в классе, так и окончил корпус первым.

По окончании корпуса он вышел в Михайловское Артиллерийское училище. Обладая исключительными способностями к математике и истории, Корнилов первым же окончил и Училище. Казалось, первый ученик мог бы взять хорошую стоянку в столице или в большом городе или выйти в гвардию. Перед ним стояла карьера, но Корнилов берет вакансию в одну из далеких, глухих стоянок Туркестана. Судьба незримо толкает молодого, способного офицера подальше от шума, городского соблаз-

на, ближе к природе, где бы он мог работать над собой. Молодой офицер Корнилов с первых же дней службы продолжает занятия: он много читает, изучает местные языки, все свободное от службы время усиленно готовится в Академию генерального штаба, которую кончает первым с наивысшей наградой. Корнилову предлагают остаться в Главном Штабе, но судьба и на этот раз незримо толкает его по намеченному пути, и он, оставив шумную столицу, снова берет самую глухую стоянку, на далекой Афганской границе.

Картины прошлого, как на экране кинематографа, быстро промелькнули в воспоминаниях.

...Солнце уже спустилось за зубчатый хребет. От высоких гор легла широкая тень, в степи потянуло вечерней влагой, быстро сгущались сумерки... Корнилов после духоты знойного дня весь отдался природе чудного вечера и воспоминаниям.

Офицерское собрание с наступлением сумерек постепенно наполнялось прибывающими к ужину офицерами.

Генерал Ионов, командир бригады, в разговоре с офицерами за ужином опять сетовал, что ему никак не удается подробно разведать крепость Дейдали, которую афганцы построили на другом берегу реки Аму, против нашего важного стратегического пункта. Генерал неоднократно об этом говорил офицерам, но Корнилов это слышал в первый раз, так как всего несколько дней, как прибыл в бригаду. Лавр Георгиевич внимательно вслушивался в каждое слово генерала. После ужина он стал подробно расспрашивать офицеров о таинственной крепости Дейдали. Весь вечер он был задумчив, сосредоточен, точно обдумывал что-то задуманное, был какой-то странный, что заметили все его сослуживцы. Поздно вечером, когда генерал Ионов уходил из собрания, на террасе поджидал его капитан Корнилов. Подойдя к генералу, он попросил у него трехдневный отпуск по неотложным делам. Командир бригады, ничего не подозревая, разрешил...

Офицеры удивились неожиданному отъезду Корнилова. Прошло три дня. После полуночи, когда офицеры уже собирались расходиться из собрания по своим квартирам, вошел капитан Корнилов, весь в пыли, утомленный и заметно похудевший за эти дни. Представляясь из отпуска генералу, он передал ему большой конверт - в нем было пять фотографических снимков крепости Дейдали, кроки фортов и прилегающей местности и краткая к ней легенда.

Генерал Ионов и офицеры не верили своим ушам, когда Корнилов спокойным голосом рассказывал, как он, получив отпуск, переоделся в афганскую одежду и проделал верхом на коне маршрут в 400 верст в три дня. Зная хорошо афганский язык, он переодетым проник в крепость Дейдали, имея под халатом маленький фотографический аппарат, которым и произвел снимки фортов, и подробно разведал о крепости.

- Лавр Георгиевич, но вы рисковали своей жизнью! - заметил в конце рассказа генерал Ионов. - Если бы афганцы узнали, кто вы, они посадили бы вас живьем на кол!

- Я это знал, ваше превосходительство. Если бы не на кол посадили, то, поверьте, сварили бы живым в кипящем котле. Обычаи афганцев мне знакомы, но я рисковал собой во имя долга и службы.

После этого рискованного случая о капитане Корнилове заговорили не только в Сибири и Туркестане, но и в далеком Петербурге. Сре-

ди текинцев он стал столь популярным, что они прозвали его "Великий Бояр".

Вместо награды, к которой представил его генерал Ионов, от высшего начальства Корнилов получил выговор и угрозу месячного ареста в случае повторения подобного рискованного дела, когда подвергается опасности столь талантливый офицер Генерального Штаба. Тем не менее капитан Корнилов получил орден Св.Владимира с мечами и бантом.

Вскоре, однако, подобный случай повторился: Корнилов произвел снова не менее опасную разведку другого укрепленного пункта. Так неудержимо сказывался в нем бесстрашный исследователь.

Сама судьба толкала его на подвиги. Главный Штаб, видя упорство неугомонного Корнилова, уже сам стал поручать ему рискованные командировки.

- о -

Жгучий зной царит над беспредельной, как море, песчаной пустыней. Духота... Нестерпимая жара, зыбью рябит в глазах от раскаленного на солнце песка. Точно застыл воздух. Ни тени, ни облачка, ни ветерка кругом; не только оазиса, но ни деревца, ни ручейка воды.

Пять голых, бронзовых от южного загара всадников, в белых папахах и белых войлочных бурнусах на голом теле, медленно тянутся то верхом, то спешившись, ведя в поводу коней по сыпучему раскаленному песку.

То днем, то ночью медленно, но упорно продвигается этот небольшой караван с вьюками на заводных конях. Это караван неутомимого, неугомонного капитана Корнилова. С ним два казака и два туркмена; вот и вся его ответственная экспедиция в еще неисследованную персидскую пустыню. Как напоминает эта экспедиция Лавру Георгиевичу те "поиски" его предков, о которых так любопытно рассказывал ему в детстве его старый дед и о которых он позже много читал сам, - как встарь сибирские казаки партиями в пять-десять человек проходили тысячи верст по неисследованным пространствам в поисках "земель неведомых и рек незнаемых", с невероятными лишениями и опасностью.

Такие же лишения терпел теперь Корнилов со своими спутниками в пустыне. Но он за последние годы успел закалить себя, свою волю и свою энергию.

До этой рискованной экспедиции он исследовал уже в течение полутора лет еще неизвестные европейцам обширные пространства Китайского Туркестана.

Он прошел его весь, то верхом на коне, то на лодке по рекам, то на высокой двухколесной китайской повозке, то пешком. Проходил высокие хребты, девственные леса, переплывал бурные горные реки - подобно отважным предкам: Пояркову, Стадухину, Ялычеву...

Результатом исследования появляется весьма ценный научный труд капитана Корнилова: "Кашгария и восточный Туркестан".

По окончании этой командировки Главный Штаб поручает ему ответственную работу по исследованию малоизвестных провинций восточной Персии, весьма важных в стратегическом отношении.

Многие, подобно Корнилову, отчаянные люди - английские, голландские и другие путешественники-исследователи - пытались пройти эти пустынные места, но нашли преждевременную смерть в песках персидской пустыни, которую сами персы называют - "степь отчаяния".

На эту "отчаянную" экспедицию пошел Лавр Корнилов, не боясь ни лишений, ни преждевременной смерти в песках...

Пять голых всадников в белых бурнусах, обливаясь потом, еле тащатся по горячему, раскаленному от зноя песку. Во рту и горле пересохло от жары и духоты...

Как хочется пить, но каждый глоток воды на учете для людей и коней.

Днем нестерпимый зной, ночью на привалах - опасность от ядовитых змей и скорпионов.

Судьба берегла своего избранника, и караван Корнилова благополучно прошел пески пустыни.

Первый человек, прошедший безводную, песчаную и знойную пустыню - "Степь Отчаяния" - был неутомимый исследователь Лавр Корнилов (Туземцев - "Генерал Л.Г.Корнилов").

Восемь месяцев продолжалась эта весьма рискованная экспедиция. За эти месяцы Корнилов, зная многие туземные языки, изучил на походе и новый, персидский. Этот удивительной воли и энергии человек, несмотря ни на какие условия, работал и учился - учился и работал.

Целый ряд обширных научных статей с картами и схемами, переведенные на иностранные языки, были результатом его разведки в Персидскую пустыню.

В русских и иностранных газетах и научных журналах появились фотографии капитана Корнилова и ряд больших статей о его важных исследованиях в восточной Персии.

Бесстрашный исследователь крепости Дейдали, района Кушки, Кашгарии, Туркестана, а теперь и пионер "Степи Отчаяния" - входил в историю. Судьба перстом Божиим выводила его имя на скрижали мировой известности.

- о -

Морозное утро. Жгучий леденящий ветер, поднимая снежную пыль, пургой несет ее на Мукденские сопки, занятые бригадой генерала Корнилова. Несмотря на сильный мороз и пургу, японцы упорно ведут одну за другой отчаянные атаки. Полки Корнилова, оторванные от своего корпуса, без снарядов, отрезанные от обозов, обречены на гибель.

Измученные холодом и голодом, солдаты совершенно пали духом. Впереди - неминуемый плен, и только одна надежда теплится в их сердцах: это - глубокая вера в своего начальника. Неизменным боевым счастьем сколько уже раз Корнилов выводил свои полки из безвыходного положения.

В морозном воздухе слышится канонада; то там, то здесь раздаются крики - "банзай". Идет жестокий бой. Японцы уже ворвались в передовые линии, как вдруг в снежной пурге, на буланом коне, неожиданно появляется генерал Корнилов. Несколько ободряющих фраз, брошенных солдатам, вливают бодрость духа, а затем сам генерал бросается вперед, за ним устремляются солдаты.

Могучим потоком, неожиданной контратакой противник сбит, опрокинут и бежит. Бригада спасена от плена, раненых подобрали и увозят вперед: полки идут на соединение к своему корпусу...

- Наш не подведет, он всегда с нами и не оставит раненых, - так говорили о Корнилове его солдаты.

Война рождает героев. Корнилов за Мукденский бой награжден орденом храбрых - орденом св.Георгия 4-й степени.

Лавры и Георгий символически венчают Лавра Георгиевича.

Не напрасно же он так рвался на фронт. Перед войной он находился в командировке в Индии, куда его послал Главный Штаб для стратегических исследований этой богатейшей страны и для изучения местных языков.

Жажда ратных подвигов, долг перед Родиной влекут его на поле битвы. Он настойчиво хлопочет перед Главным Штабом о посылке его на фронт, и только после долгих хлопот просьба его, наконец, удовлетворена... И не напрасно манил его упоительный ад сражений. Бесстрашному неутомимому путешественнику-исследователю Корнилову судьба послала еще неиспытанную им боевую славу в сражениях у Сандепу, Талина и Мукдена...

По окончании Японской войны Главный Штаб предлагает Корнилову, как боевому талантливому военачальнику, ответственную работу в Петербурге. Но недолго остается он здесь. Шумная столица душит его неугомонную, мятежную душу кабинетной, канцелярской работой.

"Непоседа" рвется от нее и сам создает себе из Петербурга командировки: то в далекий Китай и Туркестан, то на Кавказ, где производит дополнительные исследования.

Закончив работу, он остается еще в Китае на три года и за это время верхом на коне исследует Монголию, Тарабагатай и Синь-Дзинь.

Появляется новый обширный сборник весьма ценных и разносторонних научных статей об этих еще малоисследованных краях. Любопытен и характерен следующий эпизод в Китае. Когда китайская армия в то время реорганизовалась на европейский лад, это усиленно скрывалось от иностранцев. Но генерал Корнилов рискнул это разведать. Переодевшись в костюм мандарина, зная отлично китайский язык и обладая монгольской наружностью, он посетил одну из вновь сформированных частей и произвел ей смотр.

- о -

Первая великая война. Генерал Корнилов вышел на фронт во главе 48-й "Суворовской" дивизии. С первых же боев слава дивизии и ее храброго начальника слились в одно нераздельное. Корнилов передал дивизии всю свою непреклонную волю, порыв и безумную храбрость. Где Корниловская дивизия - там и победа.

Сколько боев - столько славных побед; душа великого Суворова незримо витала над ней; его боевое счастье перешло на нее.

Жаркие июльские дни. Неимоверно печет солнце. Жара небесная и жара земная от беспрерывных разрывов неприятельских гранат; неумолкаемо гремят орудия. В дыму выстрелов и разрывов не видно поля битвы на Городецких высотах, где несколько дней подряд идет жестокий бой. Неприятель неудержимо, волнами наступает на полки Корниловской дивизии. Тают полки, истекая кровью... Вот-вот дрогнут они под неослабевающим натиском, когда под разрывами неприятельских снарядов и тысячами свистящих пуль неожиданно появляется бесстрашный маленький генерал на буланом коне в сопровождении вестового-текинца.

Генерал знает, когда и где ему надлежит быть в опасные моменты боя. Спокойный, как всегда, точно ничего не случилось, он обращается к солдатам...

Но... миг, и в дыму разрыва неприятельской гранаты скрылись два всадника - Корнилов и текинец. Электрическим током по линиям окопов пронеслась жуткая весть:

- Корнилова убило... Все пропало...

Но судьба и на этот раз сохранила его. Под генералом был убит конь, рядом с ним погиб его верный текинец, но "Великий Бояр" остался цел и невредим. Пересев на другого коня, генерал скачет по фронту... "Ура, ура!" - несется ему вслед.

Подняв упавший дух солдат, генерал лично ведет их в атаку. Тысячи пленных венгров, знамена, орудия были трофеями победителя на Городецких высотах.

По просторам Польши выйдя на долины прекрасной Венгрии, прошла с боями славная Корниловская дивизия, не зная поражений...

Тяжелый отход армии Брусилова. Беспрерывно идут холодные дожди вперемешку с мокрым снегом. По дорогам непролазная, липкая густая грязь, леденящей водой залиты промерзшие окопы.

Корнилов днями и ночами сдерживает противника, прикрывая отход армии. Обозы отрезаны. На каждое орудие осталось только по пяти снарядов, солдаты почти без патронов, чем сдержать наседающего врага? Корнилов сам лично водит полки в штыковые атаки.

С небольшим резервом начальник дивизии Корнилов прикрывает отход своего последнего полка и, пробившись штыками, соединяется со своим корпусом.

На линии Тарнов-Горлица снова прорыв армии, и снова Корнилов прикрывает отход. Раненый во время боя в руку, генерал не сдает командования, оставаясь на своем посту до конца отхода. Каждый бой - новый подвиг и личный пример, а с этим и новая боевая слава Корнилова.

...Конец апреля 1915 года. Долгих, тяжелых четыре дня беспрерывно идут жестокие бои. Армия отходит из-за Карпат, и генерал Корнилов неизменно прикрывает ее отход.

...Отходят постепенно и Корниловские полки, отходят батальон за батальоном. Сам начальник дивизии, с последней ротой, прикрывает отход последнего своего батальона.

В тяжелый момент он не покидает упавших духом при общем отступлении своих солдат. Он знает, что его присутствие в окопах ободряет солдат, вливая в них стальное упорство.

Не умолкая, трещат пулеметы противника, осыпая градом пуль Корниловскую роту, беспрерывно над головами рвутся неприятельские снаряды. Все больше и больше увеличивается число раненых и убитых. Сам генерал ранен в руку и в ногу с раздроблением кости.

Корнилов приказывает своей роте отходить и унести раненых; солдаты пытаются на руках вынести из окопа своего раненого вождя, но нестерпимая боль раздробленной ноги не позволяет ему двинуться с места.

Генерал приказывает оставить его, самим же, не задерживаясь, уходить. Корнилов, потеряв сознание от страшной боли, остается в окопе, с ним семь тяжело раненых его солдат... Неприятель врывается в окопы и захватывает в плен раненого Корнилова.

- о -

... Тот самый генерал Корнилов, который еще так недавно одним своим именем наводил страх на австро-венгерские части, теперь им не страшен. Раненый, в плену, он в госпитале за колючей проволокой, под охраной часовых.

...Томительно, монотонно, один похожий на другой, тянутся однообразные дни в плену... Проходят многие тоскливые месяцы. Залечивая тяжелые раны, этот удивительной воли и энергии человек и здесь, больным в госпитале, не теряет своего времени даром. Когда его соседи по палате заняты постоянной игрой в преферанс или проводят часы за скучным пасьянсом или в разговорах о походах и боях, - Корнилов упорно, усидчиво изучает немецкий язык. Для чего он так старательно его учит?

Что задумал этот худой, измученный тяжелыми ранами маленький генерал с киргизским лицом, когда часами одиноко гулял по аллеям госпитального парка за высокой проволочной оградой?

- о -

Июльский жаркий день. Неистово жжет знойное солнце. По пыльной дороге из австрийского госпиталя близ г.Кассеги быстро, слегка налегая на одну ногу, направляясь в ближайший лес, идет маленького роста солдат в форме австрийского ландштурмиста.

Несмотря на пекло, зной и духоту жаркого дня, он торопливо шагает, обливаясь потом, горя желанием скорее добраться до опушки леса...

Вот, наконец, и опушка. Навстречу ему выходит из леса высокого роста человек, тоже в форме австрийского ландштурмиста.

- Я сердечно приветствую вас, господин генерал, теперь вы, наконец, свободны! - сказал по-немецки вышедший из леса.

Маленький худой солдат - это был переодетый Л.Г.Корнилов, который сердечно благодарил своего избавителя - чеха Мрняка, пожимая его большую крепкую руку.

Вот почему так упорно он изучал немецкий язык, ибо с первых же дней плена он задумал бежать. Уют госпиталя, хороший уход теперь не для него, когда он снова здоров. Быть в плену в полном бездействии, когда Родина ждет от него подвигов! Вот что заставляет Корнилова идти на рискованное дело - побег из плена. Этот человек всю свою жизнь провел в рискованных путешествиях, был дважды на войне, и тоскливый плен оказался не под силу этому неугомонному, неутомимому "непоседе". Его неудержимо тянет туда, где еще гремят орудия, где на полях сражения люди гибнут во имя Родины... И он слышит ее зов.

Гордому орлу тесно в клетке за проволокой, под охраной неприятельских часовых.

Долго и тщательно, с систематической точностью, Лавр Георгиевич обдумывал подробный план своего побега. До мельчайших подробностей, зная, что один непродуманный шаг, малейший неправильный расчет - и все погибло.

Под видом специального лечения Корнилов перекочевывает из одного госпиталя в другой и наконец решает, что из госпиталя Кассега бежать удобнее всего. При помощи чеха Франца Мрняка, служившего в госпитале, он добыл одежду австрийского ландштурмиста и соответствующие поддельные документы; воспользовавшись оплошностью доверчивого часового, Лавр Георгиевич, переодетый в австрийскую форму, вышел среди бела дня из ворот госпиталя, чтобы больше туда никогда не вернуться. Ни пуля часового в спину, ни погоня - ничто не остановило его.

Были случаи побегов из плена солдат и молодых офицеров, но чтобы бежал пожилой генерал, едва оправившийся от тяжелых ранений, - это был единственный случай.

Человек судьбы еще раз поставил свою судьбу на карту...

- о -

Днями, а иногда и ночами, избегая встречи с людьми, без дорог, по компасу, с отдыхами на голой земле в лесу, генерал Корнилов и его избавитель чех Мрняк упорно продвигались в направлении на восток, прислушиваясь и останавливаясь при каждом шорохе куста или треске падающей ветки - опасались погони. Бывали дни, когда они питались исключительно лесными ягодами, но, не падая духом, шли где тропинками, где без дорог через горы и леса. От долгой ходьбы у Лавра Георгиевича открылась рана.

После летней жары неожиданно прошли сильные дожди, и беглецам приходилось спать на мокрой холодной земле. Простудившийся генерал заболел горячкой. Голодный, больной, в изодранной обуви и одежде, - он не в силах был идти дальше... Франц Мрняк ушел в ближайшее село за продуктами...

Долго ждал Лавр Георгиевич своего верного спутника и избавителя из плена, но так и не дождался...

Посланная за ними погоня задержала подозрительного чеха, и по опознании он был расстрелян...

Корнилов остался совершенно один, больной и голодный, в незнакомом лесу. Жизнь его снова была в опасности.

В темные долгие ночи в лесной глуши, где бродили хищные звери, в бреду горячки он грезил... Ему снился госпиталь, уютная палата, мягкая кровать... горячая пища... соседи по палате, играющие в преферанс... темная комната... все это он оставил позади по собственной воле, во имя долга перед Родиной.

Больной, одинокий, обреченный на голодную смерть в лесу - теперь казалось несомненным, что человек, ставивший неоднократно на карту свою судьбу, нашел свой неожиданный конец, от которого ему уже не уйти... Но и на этот раз судьба сохранила своего избранника.

Немощное, больное тело не могло, однако, убить в этом сверхчеловеке стальную волю и несокрушимую энергию, ничто не могло сломить его упорство к намеченной цели.

В глухом дремучем лесу, один, он не был совершенно одинок, с ним была неизменно его спутница - "Чепега" - которую он так любил еще с детства. Сквозь ветки высокого леса она, так ласково мерцая, улыбалась ему на темном небе... Корнилов чувствовал, что он не один.

В бреду лихорадки, в таинственном шуме леса он слышал зов Родины... Он не переставал верить в свою судьбу. Это вливало в него энергию, и утром, окрыленный надеждой, он поднимался в путь, шел, едва передвигая ноги, падал от изнеможения, отдыхал и снова шел туда, на восток... на Родину.

И он нашел ее... Под свист пуль румынской пограничной стражи генерал, полуживой, вступил наконец на родную землю.

На родной земле неумолимый рок колючими терниями уже готовил Лавру Георгиевичу новые лавры бессмертной славы.

С.Болдырев.

ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ.
(Из воспоминаний участника 1-го Кубанского похода)

Личность генерала Корнилова, от его первых шагов до рокового снаряда, пресекшего под г.Екатеринодаром жизнь этого легендарного генерала и патриота, описана в воспоминаниях его ближайших сподвижников - генералов Лукомского и Деникина. Я же - только скромный свидетель мимолетных эпизодов, которые наблюдал, иногда и слышал до и после присоединения Кубанского отряда генерала Покровского. Слухи самые фантастические носились среди красных, по показаниям пленных: "Генерал Корнилов идет, сметая все на своем пути. Его артиллерия, исчисляемая в сотни орудий, пролагает ему путь... Он, подобно Белому Генералу Скобелеву, всегда впереди и лично ведет атаку".

У ст.Калужской, после упорного боя, генерал Покровский опрокинул красных и вошел в связь с "армией генерала Корнилова". Армия эта, численностью до 3-х тысяч, своею численностью не превышала Кубанский отряд, но у страха глаза велики: несмотря на очевидность, так как ее малочисленность не могла быть неизвестной в районе ее движения, обыватели неизменный ее успех и разгром красных объясняли по-своему: "видимо и невидимо, и масса орудий".

Вскоре после соединения "армия" была переорганизована в две пехотные бригады: 1-ая - Корниловский и Партизанский 2-батальонного состава полки - и 2-ая - Офицерский и Кубанский Стрелковый полки (того же состава). Артиллерия - две батареи по 4 орудия, по одной на бригаду. Конница - два полка: Черкесский и Конный, 4-сотенного состава каждый, сведены в бригаду генерала от Кавалерии Эрдели с конной Кубанской батареей. Плюс - инженерно-саперный отряд: две роты - связь и подрывники. Вот и все "видимо и невидимо", но зато обоз - повозки с ранеными и беженцами - по отношению к боевым силам был действительно "видимо и невидимо".

Генерал Корнилов вполне отдавал себе отчет в том, что силы его малы, что в боевых припасах недостаток, особенно в снарядах. Что же его толкнуло на штурм г.Екатеринодара и к отказу от первоначально принятого решения - уйти по соединении в Задонские степи?

Три фактора повлияли на это: 1) необходимость снабдить себя снарядами; 2)необходимость разгрузить себя от раненых и беженского обоза; 3) влияние Кубанского Войскового правительства и Рады, несколько преждевременно преувеличивших анти-большевицкие настроения в крае.

Генерал Корнилов признавал, что взятие Екатеринодара даст ту искру, которая зажжет пожар восстания на Кубани, даст ему необходимые силы и развяжет руки и ноги, связанные обозом. Удар по ст. Георго-Афипской как бы подтвердил этот прогноз.

В 20-х числах марта 1918 года "армия" его атаковала красных у станции Георго-Афипская (жел.дорога Екатеринодар-Новороссийск. Генерал-майор Марков со 2-й бригадой (Офицерский и Кубанский Стрелковый полки), поддержанные батареей полк.Миончинского, атаковали с фронта, 1-ая бригада генерала Богаевского (Корниловский и Партизанский полки с батареей) обходила правый фланг красных; конница генерала Эрдели двинулась еще левее 1-й бригады, имея задачей - прервать жел.дорогу на Новороссийск, выйти в тыл красным и отрезать им отход к Екатеринодару.

В 10-м часу в тылу боевого участка 1-го Кубанского Стрелкового полка показалась группа всадников, шедшая галопом в направлении наступавших цепей полка. Впереди на золотистом коне-текинце генерал Корнилов, за ним всадник-текинец со значком и десяток лиц свиты. У скирды, шагах в 200-300 не доходя цепей, ведших интенсивный огонь по красным, группа остановилась и спешилась; как стало известно позже, тут был легко ранен в ногу Начальник Штаба Верховного генерал Романовский.

Генерал Корнилов, встреченный командиром полка, в сопровождении командира и меня, как полкового адъютанта, спокойным шагом прошел по цепям, занимавшим жел.-дорожную насыпь, и, идя вдоль их, пошел навстречу командиру Офицерского полка Г.М.Тимановскому, в стыке с которым наступал 1-й Кубанский Стрелковый полк. Выслушав доклад, он в бинокль стал разглядывать расположение противника, а затем спокойно, не обращая внимания на обстрел, спустился вниз под насыпь к подскакавшему ген.Маркову. Переговорив с ним, он направился к стогу сена, за которым стояли лошади, сел на своего текинца и, сопровождаемый группой севшей на коней свиты, пошел вдоль фронта галопом в направлении наступления 1-й бригады.

Это был второй раз, что я видел ген.Корнилова. Первый раз - утром, когда мы разворачивались из походной колонны для движения к своим участкам: он пропускал полки, здороваясь с ними, сидя на своем золотистом коне.

Его появление в передовых цепях, его спокойствие, скажу - непринужденность под пулями - вселяли какую-то уверенность, что с ним все возможно и удача несомненна.

Я слышал, как казаки и добровольцы говорили: "вот это генерал, с ним не пропадешь", - а ведь и ген.Марков, и ген.Тимановский, да и наш командир полка были примерами бесстрашия... Но то были ведь прямые начальники, а здесь был "Верховный", вмещавшийся в маленькую, сухонькую фигуру генерала, с георгиями на груди и на шее; слегка раскосые глаза монгола, как бы гипнотизируя, давали необъяснимое чувство веры, что с ним все возможно.

Вскоре после отъезда ген.Корнилова ген.Марков, очевидно выполняя его указания, повел наступление на станицу Георго-Афипскую. Взрывы как со стороны Екатеринодара, так и со стороны Новороссийска указывали, что наша конница выполнила поставленную ей задачу. Быстро, не останавливаясь, двигались цепи полка; беспорядочный огонь красных указывал на их моральную подавленность и почти не причинял потерь; несколько очередей шрапнелью по околице - и наши цепи с криком "ура" уже ворвались в станицу; весело, шутя со стрелками, промчался вперед ген.Марков на своем маштаке, в белой папахе; красные забегали в хаты, но жители станицы выталкивали их, передавая нам, а успевшие удрать подпадали под удары 1-й бригады или нашей конницы - разгром красных был полный, а главное - в наши руки попали патроны и артиллерийские снаряды.

Успех у Георго-Афипской предрешил штурм Екатеринодара. Передавали, что будто бы Кубанский Атаман в разговоре сказал: "После взятия Екатеринодара у вас будет десять раз 10.000 бойцов", - в ответ на слова ген.Корнилова: "Будь у меня 10.000 человек, я пошел бы теперь на Москву!"

Верно или нет, но 28-го марта была начата операция по овладе-

нию столицей Кубани. Предстояло переправиться на правый берег р.Кубани. Отсутствие переправ и бродов вынуждало использовать паром против станицы Елизаветинской. Эта переброска пакетами нарушила организацию, части перемешивались и вступали в бой не под командой своих прямых начальников. Так, 2-й батальон Кубанского Стрелкового полка, переправившись, оторвался от 1-го батальона, попавшего в Корниловский полк, а командир 2-й бригады ген.Марков командовал частями Офицерского, Корниловского полков(отставшими от своих полков) и казаками ст.Елизаветинской. Это перемешивание, возможно, и затянуло бой.

Красные использовали артиллерию крупного калибра, подвезенную из Новороссийска и снятую с судов Черноморской эскадры, с которой двум нашим батареям трехдюймового калибра, несмотря на все искусство их командиров, состязаться было трудно: снаряды красных буквально пахали поле, которое было ровно, как плац. Я вспоминаю, что, ища место для командного пункта полка, я напрасно искал хотя бы малейшую складку на нем и, не найдя, приказал рыть окоп в месте разрыва тяжелого снаряда. На вопрос подошедшего командующего полком, почему я остановил свой выбор на этой воронке, я ответил: "Исходя из теории вероятностей, считая, что мало шансов, что вторично сюда же попадет второй снаряд".

Действительно, в течение 30-31 марта, несмотря на интенсивность огня красных, который по силе можно было сравнивать, по выражению подполковника Т., участника боев на Западном фронте, с артиллерийской подготовкой прорыва позиции, снаряды падали и рвались кругом командного пункта, но ни один не попал в него; но зато огонь пулеметов поливал его роем пуль. Только с наступлением сумерек являлась возможность передвигаться и исправлять перебитые телефонные провода к ротам впереди и к резерву в тыл, связь с которыми поддерживалась ординарцами, пробиравшимися ползком. Вечером 31-го марта я вышел из окопа, прошел к резерву, сел на лошадь и с вестовым поехал в штаб генерала Корнилова на ферму у берега Кубани за приказаниями.

Там я получил приказ: "2-му батальону 1-го Кубанского Стрелкового полка с Партизанским полком перейти в наступление и овладеть Екатеринодаром совместно с наступающими частями впереди ген.Маркова; окраины города, в частности артиллерийские казармы, кожевенный завод и сенная площадь в наших руках; конница ген.Эрдели в садах к югозападу от города". Приказ заканчивался словами: "Генерал Корнилов лично поведет атаку".

К рассвету я вернулся на командный пункт полка, но вскоре получил дополнительное приказание, отменявшее приказ и сообщавшее, что на рассвете разрывом артиллерийского снаряда, попавшего в ферму, смертельно ранен ген.Корнилов, через несколько минут скончавшийся, и что в командование вступил ген.Деникин; о смерти ген.Корнилова войскам не передавать, держаться своего расположения до вечера, а с наступлением сумерек отходить от Екатеринодара, в указанной последовательности вливаясь в общую колонну.

Отход, несмотря на близость противника, особенно в передовых линиях, был совершен беспрепятственно; красным, очевидно, не верилось, и они принимали его за хитрость. Только лишь 12 часов спустя, когда "армия" отошла и остановилась в колонии Гнадау, началось преследование, выразившееся в обстреле с броневых поездов артиллерией.

К этому времени от казаков ст.Елизаветинской и пленных им стало известно о смерти ген.КОРНИЛОВА.

Невольно, вспоминая все это, напрашиваются вопросы: 1) Взял ли бы тогда ген.Корнилов город? 2) Прав ли был ген.Деникин, отойдя? 3) Как отразилось бы на событиях взятие Екатеринодара?

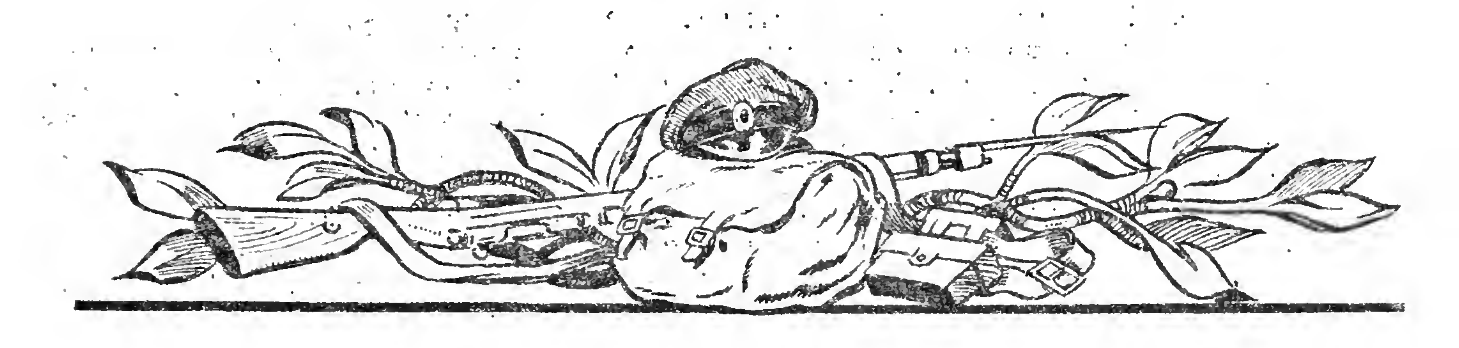
На первый вопрос я сейчас, как и тогда, отвечаю утвердительно. На второй - прав и ген.Деникин, так как без ген.Корнилова он не смог бы это сделать, подобно тому, как без Суворова не был бы взят Измаил и не были бы пройдены Альпы, а без Юденича не было бы победы у Саракамыша, ни штурма Эрзерума, но была бы гибель русской армии. Добровольцы и ближайшие сотрудники ген.Корнилова верили в него, и это была та сила, при которой невозможное было возможным. С его исчезновением эта сила исчезла, его заместитель был бойцам чужд; уже позже, при отходе выдвинулась фигура ген.Маркова - выкристаллизовывался новый вождь, - но тогда такового еще не было. То, что было доступно Корнилову,то есть потребовать и получить то моральное напряжение, коим достигается, вопреки здравому расчету, победа, - того после его смерти никто уже добиться не мог, а смерть скрыть было невозможно, так как армия привыкла его видеть в минуты решения; без него штурм был немыслим, как и штурм Измаила без Суворова. На третий вопрос скажу: движение на Москву началось бы не в 1919 году, а весной 1918 г., то есть на 1/2 года раньше. Политическая и военная обстановки были бы иные: на Украине - немцы, на Волге - армии Сибири, да и красная армия была еще в зародыше.

Движение на Москву, о котором мечтал ген.Корнилов, сулило успех, и Москва была бы наша, до победы наших союзников над немцами, в помощи которых мы вряд ли бы нуждались, и если бы победа была за союзниками, то с нами им пришлось бы считаться, как с равноправными участниками победы, а не как с бедными родственниками; в случае же победы немцев им вряд ли была бы охота нас покорять, а выгодней иметь в лице России спокойного соседа и, договорившись, уйти восвояси; судьба Царской Семьи была бы иная.

Поистине, снаряд, унесший жизнь генерала Корнилова, был не только роковым для нас, белых, но, как показали дальнейшие события, стал роковым и для судеб всего мира. Недаром говорят на Востоке: "кисмет!", - что значит - "предопределено".

Франция. Л.Пермяков.

- - oOo - -

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД.

(Окончание, см. №№ 29-30)

Велико было обаяние этого имени. За ним шли на смерть люди часто совершенно противоположных политических взглядов и убеждений. Быть может, сила его имени таилась в том, что Корнилов не был ни монархистом, ни республиканцем. Он был сыном своей родины, ее фанатично любившим. Стальная воля и энергия. Стержень армии. "Все ваши мысли, чувства и силы отдайте родине - многострадальной России, - говорил он. - Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине лучшее, что он имеет - свою жизнь".

Политики в армии не было. "Будь ты левый, будь ты правый, но если ты за спасение России - ты с нами", - говорили в армии.

В Корнилове зрели: монархист - смерть свободы революционной; республиканец в тех же красно-черных корниловцах видел землю и волю. Офицер видел в вожде бывшего Верховного Главнокомандующего, солдат - фронтового командира; текинец - полубога, прапорщик из сельских учителей - борца за благо народа, интеллигент - государственного человека.

Вот почему и сверкнул Корниловский поход блеском удивительных подвигов, потому и гремел Преображенский марш на площадях Курска и Орла.

14-го, только что произведенный Кубанской Радой в генерал-майоры, Покровский выехал в аул Шенжий на свидание с ген.Корниловым. 15-го марта Корнилов двинулся на ст.Ново-Дмитровскую. Кубанцы должны были наступать на ту же станицу из Калужской. Этот поход собственно и явился наиболее тяжким в смысле борьбы с природой. Он-то и заслужил название "Ледяного".

С утра хлынул дождь, скоро перешедший в снег. Ударил мороз, и все покрылось ледяной корой. Ноги выше щиколотки проваливались в холодную воду, смешанную с липкой "кубанской" грязью. Подсумки, затворы, замки пулеметов - все это замерзло, покрылось льдом и перестало действовать.

Около полудня Покровский неожиданно повернул назад, и к вечеру кубанцы вернулись в Калужскую, что очень разгневало ген.Корнилова. В то же время Офицерский полк подошел к реке у станицы Ново-Дмитровской. Люди без выстрела погрузились в ледяную воду. Ген.Марков сказал свое, ставшее впоследствии очень популярным, слово: "Сыровато!" Слыша команду красных, офицеры при залпах ныряли в воду между льдинами, но, добравшись до берега, бросились в штыки. Станица была взята, и 17 марта в ней, под артиллерийским обстрелом отошедших красных, состоялось совещание и соглашение командования Добровольческой армии с Кубанским правительством. Части получили короткий отдых, прерываемый лишь экспедициями для боев в окрестные станицы Георгиевскую и Смоленскую. Вскоре Кубанский отряд перешел в Ново-Дмитровскую, где и был включен в 1-ую бригаду ген.Маркова. Части Кубанского отряда и Добровольческой армии были переформированы и слиты вместе в две бригады.

Вскоре Армия двинулась на ст.Георге-Афипскую. 1-ая бригада шла непосредственно на жел.-дорожную станцию Афипскую, а 2-ая бригада ген.Богаевского шла левее, чтобы атаковать ту же станицу с фланга.

На рассвете отряд был встречен у станицы огнем нескольких бронепоездо красных, но несколькими выстрелами батареи полк.Миончинского - любимца Корнилова - бронепоезда были подбиты или обращены в бегство.

Афипская была взята ценой значительных потерь. Отсюда ген.Корнилов выслал отряд, неожиданно захвативший переправу через р.Кубань у аула Панахес, где при помощи парома армия стала переходить в станицу Елизаветинскую, где добровольцев встретили приветливо, выставив даже сотню казаков-добровольцев.

Настала полная весна с разливом горных рек и даже жаркими днями. Начался бой под Екатеринодаром, длившийся с 27 по 31 марта. Наши части наткнулись на упорное сопротивление. Позже было документально установлено, что против 5.000 добровольцев большевики стянули к городу до 50.000 бойцов.

30-го марта ген.Казанович с партизанским полком ворвался на Сенную площадь города, но, будучи окружен сильнейшим врагом, ночью отошел, оставив на память о себе расписку в книге дежурного по караулам гарнизона города на местной красной гаупт-вахте.

Добровольческая армия в это время уже истекала кровью в неравном бою. Был убит командир Корниловского полка полк.Нежинцев, ранены ген.Казанович, полк.Писарев и Улагай. Части потеряли до 50%.

На другой день, 31-го марта, ген.Корнилов снова решил штурмовать город, но был убит случайной гранатой, попавшей в ферму Кубанского Экономического О-ва, где стоял штаб генерала. Эта смерть произвела на всех ужасное действие. Многие считали, что со смертью вождя армия погибла. Но в командование армией вступил генерал А.И.Деникин. Решено было уйти в горы, и лишь позже, получив известия о восстаниях на Дону, ген.Деникин решил повернуть на Дон.

В колонии Гначау ночью похоронили тело павшего вождя в саду одного из колонистов. Но тайну его погребения сохранить не удалось, и вскоре красные откопали дорогую могилу. Найдя тело полк.Нежинцева, положенное над телом ген.Корнилова, они продолжали штыками нащупывать дно могилы и нашли тело Корнилова... После издевательства на улицах Екатеринодара тело Лавра Георгиевича было сожжено, и прах развеян по ветру...

В ночь на 3 апреля армия переходила жел.дорогу у ст.Медведовской. Вообще у нас тогда говорили, что разница тактики нашей и большевицкой состояла в том, что мы ходили поперек жел.дорог, а большевики - вдоль; всякий переход жел.-дорожного полотна для нас был сопряжен с риском наткнуться на бронепоезда врага, что при нашей слабости было очень опасно.

Ген.Марков, войдя в сторожку жел.-дорожного сторожа, вызвал по телефону с соседней станции какого-то из большевицких главковерхов и попросил его прислать бронепоезд, так как "кадеты подходят к переезду". Выстрелом из орудия в колеса паровоза бронепоезд был остановлен. Ген.Марков бросил гранату в паровоз, а добровольцы открыли огонь по вагонам. Бронепоезд был взят. Добровольцы захватили вагон артиллерийских снарядов и патронов, столь нам нужных...

Армия уходила на Дон. Мы двигались на подводах по 70-80 верст в сутки, удивляя большевиков неожиданностью своего появления. Однако, в это время армия фактически от потерь почти растаяла. Она представляла собой бесконечный обоз раненых, охраняемый маленькими группами еще здоровых бойцов, также едущих на подводах.

Весна стояла в полном разгаре. Кубанская степь благоухала ковром цветов. Сады станиц стояли словно в снегу, а по ночам лягушачий хор мешал спать.

Промелькнули хутора Журавские, ст.Бейсугская, Ильинская, Успенская, где Армия имела 4-дневный отдых. Бои повторялись ежедневно, ибо мы двигались все время в полном окружении врага.

16-го апреля вновь вступили в Ставропольскую губернию. Армию встретили огнем. Особенно упорной оказалась та же Лежанка, которую снова пришлось брать с большими потерями для врага.

В ночь на 23 апреля, в Страстную субботу, подходили к ст.Егорлыкской. Была тихая пасхальная ночь, и только далекие зарева пожаров напоминали о людской вражде, не прекращавшейся даже в эту святую ночь. Ровно в полночь обоз вошел в станицу. Навстречу измученным добровольцам открылись двери храма, и в сиянии свечей оттуда несся гимн воскресения. Казалось, что мы славим воскресение всей России, освобождающейся от большевицкой смерти...

Армия пришла на Дон, который начал сбрасывать с себя красную нечисть.

Новочеркасск и Ростов были освобождены донскими казаками, вернувшимися из Степного похода, и отрядом полк.Дроздовского, пришедшего из Румынии. Добровольческая армия взяла с боем ст.Сосыку, Крыловскую и др. Закончился Первый Поход боем у разъезда Прощального. Армия стала на занятом ею плацдарме в Мечетинской, а обоз с ранеными ушел в Новочеркасск.

Каковы же итоги содеянного? 81 день похода, из них 45 дней в боях. 1050 верст пути. Выступили в количестве 3.000, вернулись, пополненные кубанцами, в количестве 5.000, оставив в степях могилы 400 убитых и вывезя 1500 раненых. С нами шли два Верховных Главнокомандующих, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, командиры корпусов, председатель и члены Государственной Думы, видные общественные деятели и журналисты.

Были проявлены подвиги беззаветной храбрости и самопожертвования. Мы не станем описывать отдельные случаи героизма, ибо их было очень много, и не в них значение похода. Были подвиги выше содеянных в походе, были лишения тяжелее наших, но никогда не было проявлено столько любви к родине и самопожертвования во имя ее, сколько проявили ушедшие в степь за родиной.

Нужен ли был поход? На этот вопрос дает ответ ген.Деникин: "Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых встать против безумия и преступления большевицкой власти и принести свою жизнь и кровь за разрушенную Россию - это был бы не народ, а навоз!"

Как же расценивают поход военные авторитеты, с мнением которых необходимо считаться, так как на основании этих мнений будет писаться будущая история Государства Российского?

Видный военный историк ген.штаба полковник Зайцев говорит, что 1-й Кубанский поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, является просто военно-исторической загадкой.

"Оставив базу, - говорит он, - идя в неизвестное будущее, добровольцы прошли сквозь большевицкое море так и туда, куда они хотели. Вопреки правилам современной тактики, они оказались не побежденными, что можно объяснить только силой духа и любовью к родине первых добровольцев".

"Великая Россия, - заканчивает он описание похода, - родила горсть небывалых героев, и военная история, в сущности, еще не имела примера такого необычайного подъема духа, который был проявлен в походе ген.Корнилова".

Такими лестными словами оценивает современный военный авторитет 1-й Кубанский поход. И надо признать, что первых добровольцев по их тернистому пути двигала путеводная звезда, озарявшая конечную цель - Родину, та звезда, имя которой любовь к родине, честь и самопожертвование.

Ведомые великим русским патриотом ген.Корниловым, первые добровольцы шли в постоянном окружении врага. В авангарде шел доблестный ген.Марков - шпага Корнилова - человек, в котором редкостно сочетались качества талантливого офицера генерального штаба - профессора Военной Академии - с храбростью блестящего строевого командира. Будучи в 39 лет генерал-лейтенантом, он совершал поход в расцвете своих физических и умственных сил.

В арьергарде шел храбрый, спокойный и твердый ген.Богаевский. Тело Армии составляли люди, считавшие себя обреченными, а свои жизни оконченными, ибо мало кто надеялся выйти живым из этого похода. Эти люди пылали жаждой смыть поругание и бесчестие своей родины. Могла ли такая армия не победить? Поход - неотъемлемое и драгоценное достояние национальной России, и какие бы новые испытания ни послала нам судьба, мы должны помнить, что в самые тяжкие дни русского лихолетья Господь помог русскому народу в лице первых добровольцев защитить свою честь. Будем же бодро смотреть вперед, твердо веря в конечную победу правды над злом и в воскресение великой национальной России.

Генерального Штаба
+ Подполк. К.Н.Николаев.

- - oOo - -

СТРАНИЦА КРОВИ И ЧЕСТИ.

"Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами..."
М.В.Захарченко-Шульц.

Нет сомнения в том, что идеи, во имя которых боролись и умирали участники Кубанского Корниловского похода, были реальностью. Ведь не простое чувство самосохранения заставило юного ростовского студента бросить теплый отчий дом, а смертельно утомленного трехлетней войной офицера вновь шагать и шагать по вьюжной степи, по невылазной грязи, опять подставлять, часто безнадежно и безответно, грудь и голову смертельному огню. Спасать жизнь можно было в то время иначе: приспособленчеством, спарыванием погон, коленопреклонением перед новыми богами.И лишь высокая идея, лишь любовь до самопожертвования к родной стране, лишь горечь отчаяния перед ее унижением заставили бросить семьи, близких, родных, бросить все на произвол судьбы и идти под свист пуль в неведомые дали... "За синей птицей", как писали тогда. Тогда, 46 лет тому назад, и с гордостью

носили маленький значек - память похода - меч в терниях "в воздаяние страданий и борьбы". Стерлась теперь у многих эта память, утерян или лежит на дне забытой шкатулки маленький заржавевший меч в венце. А сами участники разбрелись по лицу земли... "иных уж нет, а те далече"... Есть даже те, кто продали и предали все. Но умерла ли душа похода? Жива ли его идея? И если не жива, то какая же другая идея может быть творческой и созидательной в будущем? Какая же иная послужит стержнем грядущего воинства, созванного во имя тех же страданий и борьбы?

Нет, конечно, белая идея жива, и кто бы ни были ее новые носители, они являются прямыми наследниками и последователями "ушедших в степи".

Каждый восставший за правду, каждый принявший страдания за Россию - приобщится к Корниловской рати, к "рыцарям тернового венца".

Ведь действие, борьба - "меч". "Терник" - концлагери, тюрьма и пытки.

Мученики за Россию... не те, конечно, раздавленные Сталиным "растленные псы" - Зиновьевы-Апфельбаумы, Розенфельды и Гамарники. Другие - безвестно удушенные в застенках, имя коим, мы знаем, - легион. Кто они? Крестьяне, рабочие, краскомы, красноармейцы или студенты? Не все ли равно! Не все ли равно, кто они, отдавшие по завету Лавра Корнилова "мысли, силы и чувства Родине многострадальной"..

Мы переживаем исключительно трудное время; теперь, как никогда, важен и нужен нам "светоч", "светлая точка в охватившей нас мгле"... Критерий для уяснения и отражения новых отравленных волн-идей, коими пытается нас добить враг. Все больше выясняется безвыходность его положения, пути отхода, коими он пытается спастись, меры для избежания национальной революции, народного гнева.

Кощуственно вызваны тени великого прошлого: Генералиссимус Суворов, Великий Петр именуются предшественниками убийцы Джугашвили. Ползет слушок о восстановлении даже Трона. Графы Игнатьевы и Толстые работают, как тати в ночи, Скоблины и Казембеки также служат целям "любимого" и "великого". Расстреляны "презренные псы", лидеры "марксовой веры". Бывший генерал П.Махров пишет: "Так наступила новая эпоха культа Родины. Поворот к героическому прошлому русской истории. Александр Невский, Минин и Пожарский, Сусанин, Петр Великий - не сходят со столбцов советской печати. Такой акт государственной важности, как установление в России конституции, не мог не произвести глубокого переворота в психологии русского народа" *).

Чекист, лакей, палач и карьерист всегда был опорой социализма-ленинизма. Но в страшный грядущий час, час войны и революции, удержат ли верные лакеи капище сталинизма? Или победный народ, полыхающий гневом, повлечет трупы современных Лжедимитриев и Тушинских воров по крови и грязи?!..

... Близится страшный час, решительный час гигантских сдвигов и общеевропейских обвалов, когда в крови и пламени решатся судьбы России.

Встанет ли она? Устоит ли в буре? После 46 лет рабства, голода,

---

*) П.Махров. "Кто и почему мог похитить ген.Кутепова и ген.Миллера?" Париж. Октябрь 1937 г.

казней, неслыханного в истории человечества подавления личности, унижения, предательства и пресмыкания. Дай Бог, чтобы острие национального самосознания скорее пронзило толщу народных масс, чтобы идеи корниловского похода стали достоянием всех, чтобы каждый русский знал о тех кто боролся и погиб за счастье и славу Родины...

"Пройдут года", будет еще немало походов и боев, но история Первого Кубанского похода останется одной из самых светлых страниц русского лихолетья, где в каждой строке героизм, в каждом слове - страдание и под каждой буквой - запекшаяся кровь, много крови, но ни капли грязи, кроме грязи вязкой и черноземной, весенней грязи вольных и широких кубанских степей...

В.Ларионов.

- - oOo - -

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

На Дону

Глава вторая.

Изумлению моему и тревоге не было предела, когда я увидел шедшего навстречу мне брата, на пять лет моложе меня. С виноватой улыбкой он подошел ко мне и подал пару двухшовных, еще крепких сапог.

- Твои совсем плохие.

Был этот мой брат очень тихим, спокойным и даже застенчивым. С самого младенчества его будто преследовал злой рок. Еще совсем маленьким он заснул на песке посередине улицы. Песок перед нашим домом был классический, и не раз здесь двумя парами волов вытаскивали застрявший автомобиль богачей Хохлачевых. На беду ехала арба, груженая хлебом. За снопами возница не заметил, что впереди лежит что-то маленькое песочного же цвета, и переехал ребенку ноги. Глубокий, рыхлый песок спас от переломов, но икры были раздавлены, и последствия остались.

Беда не приходит одна! Пятилетним малышом потащился он за отцом на бахчу, в полуверсте от дома. Для сокращения дороги отец прошел канавой, отделявшей гумно от огорода, и когда он уже выбрал арбузы, к нему хромая и с плачем подошел братишка. На вопрос отца ответил, что его укусила "жаба". Отец пошел назад и в канаве нашел гадюку. Братишка был при смерти, распухший и прозрачный, и выжил каким-то чудом. В то лето я был в городе, готовясь к вступительным экзаменам. Болел он и золотухой: как последствие - частичная глухота. Хорошо помню, что в детстве мы все пили рыбий жир, а с ним одним вот и приключилось.

И вот этот неудачник, еще мальчик, полуглухой, очутился здесь - в походе в неизвестность! Я растерялся, не находя выхода из положения. В Ольгинской видел его раза два. Это было наше последнее свидание.

Начался поход. Как-то мало интересовал и тревожил вопрос: куда мы идем? Доверившись нашим вождям и начальникам, мы оставили за собой единственное право: беспрекословно подчиняться. Шли бодро, часто развлекая себя песнями. Помнится тревога и некоторая нервность

при оставлении станицы Хомутовской. Мы еще находились в станице,вытягиваясь на юг, а с противоположной стороны летели снаряды, и вдали была видна группа конницы. Вскоре стрельба прекратилась.

Промелькнули все донские станицы... У большого села Лежанки произошел уже настоящий бой. Мы были в арьергарде и начала боя не видели - судили о нем лишь по усиливавшейся впереди стрельбе. Прошло довольно времени, пока нас вызвали вперед. Быстро подтянулись и под орудийным огнем рассыпались в цепь влево от дороги. Впереди, с кольтом на плече - капитан Ветчак, а левее его - пожилой господин в черном пальто и папахе, с карабином за плечами. Потом мы узнали, что это был наш бесстрашный командир, ген.Казанович. Пулемет наш выдвинулся далеко вперед и стрелял недолго. Здесь мы задержались. Выиграли бой лобовой атакой части ген.Маркова и, охватом справа, корниловцы. 39-ая пехотная дивизия, подкрепленная местными жителями, оказала упорное сопротивление, но, сбитая с позиций по реке, в беспорядке бежала.

Странный случай произошел в то время, когда мы задержались на остановке. Далеко влево был большой курган. На нем кто-то показался и быстро исчез. Пока мы судили да рядили, кто бы это мог быть, гимназист 8-го класса Миша Дорофеев - парнишка шустрый - уже отправился в разведку. Взял направление правее кургана, а поровнявшись с ним, стал медленно огибать его, пока не скрылся из виду. Расстояние было большое, и, так как мы уже снимались для движения на взятое село, то и не узнали, что случилось. Только в мае, в Новочеркасске, получили сведения, что Дорофеев попал в засаду; репрессий избежал и потом служил в какой-то части Донской Армии. Не знаю, насколько это правильно.

Кубанские станицы, от Старо- и Ново-Леушковской до самой Березанской оставили в памяти лишь большие, утомительные переходы, особенно один из них, когда ноги двигались лишь по инерции, а глаза смыкались.

Под Березанской был бой, сначала грозивший стать затяжным, но потом быстро затихший. Дальше произошли события, которые и по сей день не потеряли для меня остроты впечатления.

В ночь на второе марта нас посадили на подводы, чего еще ни разу не случалось, и повезли из станицы Березанской вдоль реки. Дорога подмерзшая, кочковатая, тряская, но все равно засыпаешь. Ехали довольно медленно и долго и только под утро остановились у какой-то постройки. Часть наших сразу ушла вперед. Светало. Начинаем различать мельницу, гать... Со стороны ушедших послышались выстрелы. Поспешили и мы туда же. Слева от нас, немного ниже - камыши. Пулеметная очередь... Вторая... И все затихло. Впереди очень крутая, высокая насыпь; влево чуть вырисовываются контуры жел.-дорожного моста; вправо насыпь постепенно снижается и исчезает вдали в прикрытую посадками выемку.

Боком взбираемся на крутизну насыпи. За полотном небольшое помещение разъезда. Внутри - пусто; на столе остатки неоконченного завтрака. И нам удалось полакомиться кусочком хлеба и медом. Наши налаживают взрыв моста.

Рассвело. Кто-то заметил над посадками дымок. Через короткое

время дым становится яснее. Дали знать на мост. Вскоре из посадок показался паровоз и остановился. Силимся определить: простой ли поезд или бронированный? Паровоз медленно продвинулся еще вперед и опять стал. Видны и вагоны, но никто не высовывается ни из них, ни из паровоза. Подрывники минировали мост, и мы, перейдя полотно, начинаем отходить. Поезд продвинулся еще вперед и стал нас обстреливать. Скатываясь вниз, нельзя стрелять, да и внизу не лучше: пули летят, а противника не видно. Стали все же отстреливаться. Огонь прижимает нас к камышам. Лед кажется крепким, и мы, скрытые камышами, идем по нему к мельнице. Красный пулемет осыпает камыши. Впереди кто-то упал. Спешим на помощь и... всей группой проваливаемся в воду. Слава Богу - не глубоко, чуть выше колен. Залитый кровью раненый - тоже в воде. На одной щеке большая рваная рана: пуля раздробила челюсть. Это - наш санитар, Борис Яхнин, студент медик Ростовского Университета. Вытащили его из воды. Впоследствии, будучи уже всеми уважаемым врачем в Праге, он, как еврей, со всей семьей был удушен в газовой камере.

Сильный взрыв на мосту заставил паровоз попятиться назад, к посадкам. Мы выбрались из воды и поплелись к подводам. Едва успели вылить из обуви воду и выжать портянки, как на горизонте, со стороны Тихорецкой, показалась кавалерия. Погрузились на подводы и медленно стали подниматься в гору, в направлении ст.Журавской, куда должна была подойти вся армия. Со стороны противника - очень длинный пологий спуск, и почти такой же подъем - с нашей стороны. Противоположная сторона - как на ладони.

Конница быстро приближается, заливая собою скат, и начинает нас обстреливать. Группа всадников пытается подойти к переправе у мельницы. Пулеметная очередь - и все покатились назад. Но конница уже заполнила своей расползшейся массой весь противоположный скат. В отдалении на открытой позиции появились их орудия и начали нас обстреливать. Мы рассыпались в цепь по обе стороны дороги и кое-как отстреливаемся. Снаряды красных ложатся близко, но поражений нет. Жутко смотреть на противоположную сторону: что стоит этой массе конницы раздавить нас - каких-нибудь 60 человек, в большинстве - полуопытных юнцов, тем более, что слева, где-то рядом - красный бронепоезд с десантной пехотой?

Вдруг - разрыв в самом конце подвод. Полетели вверх разбитые в щепы части подводы. Тяжело ранен отстреливавшийся с нее наш блестящий пулеметчик, капитан Ветчах. Большой урон!

Небольшая задержка - и двинулись дальше. Перевалили через гребень и стали терять из виду противника. Сели на подводы и двинулись дальше уже рысцой. Сразу почувствовалось, что наполовину промокли: по телу озноб, зябко. Ехать пришлось все же далеко, пока, наконец, не ввалились в теплые хаты. Наскоро поели, развесили мокрую одежду и завалились спать.

Кто-то тщетно силится нас разбудить: поднимаем головы и снова валимся на солому. Все же начинаешь соображать: приготовиться к выступлению! Взять с собою только оружие! Оделись. Винтовки и патронташи - и в строй. Совсем темно. Свежо. Едва перевалило за полночь. Опять на подводы. Едем недолго. Ссаживаемся. Немного идем и - в цепь! Иногда ложимся. Кое-где еще снег. Одолевает сон. Темно. Кто-то ходит по цепи и будит.

(Уже в Париже есаул Моисей Попов, ныне покойный, не раз вспоминал при встречах: "А помнишь, как я будил вас под Выселками, чтобы не замерзли? Отойдешь - опять спят!").

Время от времени возвращаются дозорные, что-то рассказывают. Все перемешалось со сном. Неожиданно слух улавливает собственную фамилию. Быстро вскакиваю и подхожу. Казак Самсонов взволнованно рассказывает: сотник Греков, в небольшом отряде которого был мой брат, отправляясь на подводе в разведку, взял с собою брата и еще одного партизана; где-то на кого-то напоролись, и первым выстрелом брат был смертельно ранен: пуля пробила область живота. Потеряв сознание, по дороге в госпиталь он умер. Сон отскочил, мысли спутались. До госпиталя 7-8 верст...

Близится рассвет - скоро бой. Наши цепи двигаются вперед. Еле видны очертания большого села - Выселки. Внизу под горой жел.-дорожная насыпь, а за нею, вправо, большое здание. На дальней окраине села начинаем различать группы снующих людей. Ясно слышны сигналы. Как раз время атаковать, предварительно пустив туда пяток снарядов. Однако, мы стоим на месте. Уже светло - видимость полная. Состояние нервно-напряженное: чувствуется близость хорошо скрытого противника.

Но вот мы ринулись вниз, по довольно крутому скату. Дождем посыпались пули, застрочили пулеметы. Огонь больше справа. Он настолько силен, что невольно толкает вперед: ни залечь, ни остановиться нельзя: нет укрытия. Так мы, левая группа, и докатились до маленького домика с двором, единственного перед жел.дорогой. Большинство бросились в калитку, а я, соблюдая направление, побежал влево, за забор, но, едва поравнялся с углом, отскочил назад, как пружина. В ушах окрик и выстрел чуть что не в упор: за забором группа красных. Вскакиваю в калитку. Один из нас удачно бросил ручную гранату через сарайчик.

Нас пятеро. Дворик маленький. И запертый домик, и сарайчик, и забор - все новое: доски вплотную. Через калитку видим, что все наши куда-то исчезли. Отошли ли они назад или залегли где-то у самого полотна? Никого не видно. Огонь, стихший было на время, снова усилился. Стреляют по нашей "крепости" и, кажется, с трех сторон. Еще находим возможность как-то отстреливаться, но противника почти не видно. Не можем обнаружить и своих.

Упал и корчится гимназист 8-го класса Виктор Попов. Близкая пуля, пройдя доски, распорола живот - внутренности наружу. Просит дострелить. Вскоре теряет сознание. Жутко. Не заметили, как был убит Миша Процевич, тоже гимназист 8-го класса, единственный сын бедной старушки. Стоял он в углу, как будто прикрытый выступом домика, и только чуть присел - пуля в сердце. Ранен в ногу Хованский, к счастью, не тяжело. Своих все еще не можем обнаружить.

Оставаться дольше нельзя - всех перебьют! Уходить назад? Мы станем единственной мишенью на довольно длинном подъеме и вряд ли уцелеем. Перекрестились и, поддерживая раненого, побежали в гору. Посыпались пули. Хованский разделил нас. Разбежались в стороны и прибавили ходу. Пулемет строчит как-будто за спиной. То впереди, то вокруг пули взрывают промерзшую землю, и кажется, что они и под ногами. Бежишь, как босой по горячим углям, и оглянуться некогда - скорей, скорей! Двое справа от меня тоже бегут. Живы! Близок уже и

спасительный гребень. Ввалились в первую лощину. Ушли!

Немного влево в лощине небольшая группа. Направляюсь туда. Главнокомандующий со штабом. Не без волнения, сбивчиво рапортую о случившемся и прошу разрешения проехать с ранеными в госпиталь,чтобы проститься с братом до погребения.

...Госпиталь. Убитые - на полу. Их много. Почти все покрыты. Сестра находит брата. Исчезла с лица полудетская улыбка: оно спокойно и серьезно. Вытянулся: 16-летний кажется взрослым. Простился - и опять в Выселки.

Бой кончен, и лишь изредка доносятся отдельные выстрелы. В нашем дворике следы крови на земле, да изрешеченное дерево построек и забора. Свои повествуют о грустном финале: Попова докололи красные. С верхнего этажа высокого здания - вальцовой мельницы - стянули двух австро-венгров пулеметчиков, главных виновников больших потерь. 11 убитых и около 40 раненых было у нас. А сколько в других частях?

Эти два дня, слившиеся в одно целое, остались в памяти навсегда. Уже впоследствии я узнал, что причиной неудачи нашей первой атаки было опоздание других частей и даже отсутствие одной из них. И сейчас мне представляется достоверным, что, когда я подошел к ген.Корнилову с рапортом, вид у него был грустный, а взор, куда-то устремленный, носил следы влаги. Так мне показалось тогда.

После Выселок отряд наш имел жалкий вид.Потерявши половину состава - друзей и приятелей, оставшимся не легко было сбросить гнет впечатлений вчерашнего дня. Но уже через два-три дня настроение снова поднялось. Легко раненые стали возвращаться в строй.

При наступлении на станицу Кореновскую мы находились в арьергарде. Впереди шел ожесточенный бой. Вдруг тревога и у нас: вдалеке в тылу показалась значительная группа кавалерии, принятая, конечно, за красных. Но странно было, что, приближаясь, конница не проявляла никакой агрессивности - шла спокойно, в сомкнутом строю. Вскоре к общей радости выяснилось, что нас догоняют кубанцы из двух смежных станиц. Настроение наше сразу повысилось. Перед Кореновской большевики оказали очень сильное сопротивление, и бой был затяжным.

Противник был разбит, но потери опять были большие. Ночь в Кореновской была снова короткой. В полночь, сонные, построились и двинулись в путь. Шли с самыми строгими предосторожностями: в абсолютном молчании и при полном затемнении. Только на привалах, и то упершись лицом в землю, можно было покурить. Узнав, что Кубанская армия оставила Екатеринодар, мы свернули влево и, меняя направление, хотели скрыть от противника , хоть на короткое время, наш новый путь. Обстановка этой ночи была такова, что люди засыпали на ходу и отходили от колонны в сторону. То и дело кто-то кого-то ловил за рукав и тянул в строй, чтобы тот не отошел далеко, не отстал бы и не погиб. Движение с предолением препятствий, которые ставили нам природа и противник, слилось в один цельный период - от Кореновской до Ново-Дмитровской. Шли, месили грязь, переправлялись через реки и все время - то отбивались от наседавшего противника, то обрушивались на него, то вели бой на все четыре стороны.

Странно, что память не удержала ни одной ночевки. Двигались, как автоматы: ввалишься в хату, упал, заснул, а потом полусонный шагаешь дальше. Ушел из памяти и вопрос питания. Где-то что-то ели.

Помнится, по началу выдавали консервы. Где-то за Кубанью вытряхнул из сумки завалявшиеся там крохи и с аппетитом съел с куском грязного старого сала, которым обычно смазывал винтовку. Вспомнился и большой чудный хлеб в станице Елизаветинской, куда мы попали в числе первых. Запомнились случайные мелочи, но почти ушла из памяти переправа через Кубань. Даже не помню, была ли на нашем пути Лаба. А вот переправу через Белую запомнил хорошо.

Когда мы подходили к довольно высокому и крутому берегу реки, на другой стороне шел бой. Переправа шла не так уж быстро, и нам пришлось ждать очереди. Было раннее утро. Перед нами развернулась необычайная по своей исключительности картина: где-то в глубокой дали ясно вырисовывалась огромная снеговая гора правильной конусообразной формы. Ее окружали другие - меньшие и уже без снега, казавшиеся карликами перед гордым белым красавцем. Это было так неожиданно и так красиво, что не хотелось расставаться с призраком! Однако, пора было спускаться к переправе. Уже потом мы узнали, что до горы было чуть ли не двести верст и она бывает видна отсюда в очень редкие дни. Переправились на подводах.

Запомнился и выпавший на долю Армии бой, вскоре после переправы, когда она пережила один из критических моментов своего существования. Хотя наше внимание и было сосредоточено на нашем маленьком участке, но сведения, доходившие с разных сторон, были одно тревожнее другого, так как передавали, что то чехо-словаки, то Корниловцы, то еще кто-то - вынуждены были отойти. В бой было введено буквально все, что могло держать оружие. Неприятель отовсюду. Обоз с ранеными еле прикрыт деревьями от взоров противника, но не от его снарядов и пуль, долетавших со всех сторон. Ген.Корнилов в чьем-то обществе долго был виден на высокой скирде соломы. Только к вечеру удалось Корниловцам сбить главного противника и обратить его в бегство.

Непритупившаяся боль, вызванная смертью брата, ужасная смерть Попова и других - все еще владели памятью и заволакивали собою все, и лишь сон брал свое и валил с ног. Оживила нас радостная весть: пришел разъезд от Кубанской армии. Ген.Корнилов пошел на соединение с Кубанцами.

Пошли аулы; бедные, неуютные. Бои притихли. Шла Армия и, накануне фактического соединения - поплыла... Помнится "плаванье" и в других местах, когда мы шли по размолотому тысячами ног и сотнями подвод чернозему и помогали вытаскивать увязшую подводу или орудие. Не раз приходилось выручать руками свои собственные ноги, чтобы не лишиться сапог, но здесь было совсем другое.

Было раннее утро. Мы шли впереди, и земля не была размолота. Дождь, сначала не сильный, скоро начал надоедливо хлестать и не оставил на теле ни одной сухой нитки. Одежда стала неимоверно тяжелой. Останавливались на привалах, но сесть было не на что... вода! Так мы и плыли, подгоняемые пронизывающим ветром. Дождь прекратился. Появилась надежда, что вода частью сама стечет с одежды, а частью ее подсушит теплота собственного тела. Стало свежеть. Вскоре, совсем лениво, начал перепадать снежок и тотчас же таять и на земле, и на одежде. Еще похолодало, и снег уже повалил по настоящему, покрывая землю сплошным белым саваном. Не таял он уже и на шинелях. Мы очутились в мокром одеянии, покрытом панцырем замерзшей шинели. Она коробилась, а ноги замерзали.

Было сравнительно светло, когда мы подошли к месту, где надо было переправляться - то ли через реку, то ли через бушевавший ручей. Незадолго до того мы пропустили вперед части генерала Маркова. Нам объявили, что переправляться мы будем после переправы других частей. Хотелось хоть немного тепла,чтобы отогреть совсем замерзшие ноги. Сунулись в хату, кажется, единственную. Забита до отказа. Костры разводить запретили, так как в один костер угодил снаряд, наделавший много беды. Набрели поблизости на скотный загон с сараем,покрытым крышей. Думали зарыть ноги в глубокий навоз и хоть чуточку их отогреть. Однако, и навоз уже замерз. Осталась последняя возможность - пританцовывать , да притоптывать. Немного полегчало - ноги отошли и перестали коченеть.

За нашим занятием мы настолько отвлеклись от хода переправы, что уже не обращали на нее внимания. Даже удалявшаяся все дальше стрельба перестала интересовать. Переправа шла верхом на лошадях, а мы все ждали своей очереди. Переправились мы уже очень поздно и в полной темноте. Не могу даже вспомнить, переправлялись ли мы верхом на лошадях или на подводах. Вода спадала.

Оказалось, что большая часть наших переправилась раньше и нас ждал квартирьер. Хата теплая. Нам рассказали о занятии станицы, когда красных вытаскивали чуть ли не из кроватей. Под колыбельную песню редких выстрелов где-то на окраине завалились мы спать. На следующее утро поднялись, забыв и думать о вчерашнем дне с его дождем, снегом и морозом. Не помню, чтобы кто-нибудь получил хотя бы насморк. Была беда и прошла!

Закончился маневр подхода к Екатеринодару. Мы соединились с Кубанской армией. Впереди - Екатеринодар, позади - сотни убитых и раненых.

Доброволец Иванов.

(Продолжение следует).

- - oOo - -

К А П П Е Л Е В Ц Ы

(Продолжение, см. №№ 28-30)

Село Новодевичье.

После стычки с красными, прибывшими на помощь гарнизону Климовки из Сингилея и по какой-то случайности не знавшими, что в Климовке были мы, отряд Каппеля сделал привал и двинулся на село Новодевичье, до которого было 18 верст. По словам пришедших оттуда крестьян, село Новодевичье было сильно укрепленным пунктом, с красной артиллерией.

В десять с половиной часов вечера отряд подошел к лесу, верстах в 4-5 от села Новодевичьего. Как рассказывали попавшиеся по дороге крестьяне, в селе было около двух тысяч красногвардейцев и какой-то особый матросский полк в 800 человек и 16 легких орудий (крестьяне зарядные ящики считали за орудия). По их словам, эти войска прибыли недавно из Симбирска на пароходах, стоящих у пристани.

Остановились. Ночь темная, темная при сильном ветре со стороны села. В ближайшем небольшом овражке Каппель собрал начальников отдельных частей: Б.Бузкова от пехоты - около 250 бойцов, Стафиев-

ского - кавалерия, 45 сабель, Юдина - сотня оренбургских казаков, только перед походом на Ставрополь присланных атаманом Дутовым, Янушко - конные разведчики, 40-45 всадников, и я с двумя орудиями. При свете жалкого огарка свечи, которая все время тухла, стали рассматривать карту. Встретившийся крестьянин из Новодевичьего рассказал, что у красных почти никакого охранения нет. Орудия стоят у самой околицы, красные - по избам.

Каппель приказал свернуть с главного тракта, по которому мы шли, на проселочную дорогу, шедшую ближе к Волге, и, подойдя на три версты от села, там на перекрестной проселочной дороге (со слов встречных) повернуть влево и таким образом обойти село с юго-запада и атаковать с рассветом. Как всегда, Каппель предложил по этому поводу высказаться.

Стафиевский сильно заволновался и, отойдя немного в сторону с Юдиным, стал ему нервно и тихо доказывать: "Это авантюра, нас отрежут... Нас опрокинут в Волгу!.." и т.д. Совсем молодой Юдин как будто начал с ним соглашаться. Каппель не мог этого не слышать и, обратившись к Бузкову, спросил его мнения. Тот ответил, что намеченный план считает вполне правильным. "Ну, а ваше мнение, командир батареи?",- обратился Каппель ко мне. Я ответил, что, чем глубже обход, тем больше шансов на успех.

Обратившись к Стафиевскому и Юдину, стоявшим немного в стороне, Каппель сказал им:

Вы, кажется, против. Если вообще вы не верите в наше дело, то я вас, как добровольцев, освобождаю. Вы можете сейчас же вернуться обратно, и мы, оставшиеся, уже без вас решим, что делать дальше.

Юдин тут же сказал, что против ничего не имеет и вполне согласен. Тогда Стафиевский пробормотал, что в принципе он тоже согласен.

Шум наших орудий, когда мы проходили почти под самым носом красных, взволновал их. Нам даже было слышно, как у красных хлопали дверки зарядных ящиков, из которых вынимались снаряды. Затем последовали вспышки с оглушительными выстрелами и визг пролетавших над нашими головами снарядов, рвавшихся далеко на главном тракте, по которому мы несколько минут назад прошли. Отсюда, обойдя село с юго-запада, Каппель просил меня поставить орудия на закрытой позиции, предупредив, что у врага сильная артиллерия.

Начинался рассвет. Я выбрал для орудий хорошую, закрытую со всех сторон лесом поляну, дал примерное направление орудиям. Разведчики провели телефон на опушку леса, откуда были видны крайние избы и голубые верхушки церкви; село располагалось на обратном скате к Волге. Саженях в 250-300 на возвышенности были хорошо видны красногвардейцы, устанавливающие пулеметы. Они спокойно рыли для себя и для пулеметов окопы; до меня доносились обрывки их разговора и звук лопат о каменистую почву.

Из села, направляясь в нашу сторону, медленно шло стадо, с пастухом впереди. Мы разговаривали шопотом. Я приказал разведчикам привести мне пастуха, как только он подойдет к нашей опушке. Острием шашки я осторожно открыл консервную коробку с мясом и, пользуясь сломанной веткой, приступил к завтраку.

В это время со стороны орудий пришел ко мне сам Каппель, а за ним Бузков. Я предупредил их, чтобы они говорили тише, и указал на красные пулеметы. Глаза Каппеля заблестели при виде мясной консерв-

ной банки в моей руке: "Какой вы счастливец!" Я дал ему часть сломанной ветки и предложил разделить мою еду. Тихо разговаривая, укрытые кустарником, мы дружно принялись за консервированное мясо. Потом выяснилось, что Каппель, погруженный в боевые операции, несколько дней ничего не ел.

Он рассказал, что у нас на главном тракте оставлены всего два пулемета - остальные все здесь.

Разведчики привели пастуха. Мы отошли немного вглубь леса. Пастух рассказал, что у самого села близ телеграфных столбов стоят красные пушки, направленные вдоль главного тракта. Другие орудия стоят у самого берега Волги (их нам не было видно).

Уговорились, что Бузков через 40 минут, обойдя ближайшие к нам пушки, атакует их с фланга. Мне было приказано обезвредить виденные нами пулеметы и действовать по обстановке. Бузков быстро ушел к нашим орудиям, где его ожидала пехота.

Перед походом на Сызрань военный штаб в Самаре предписал от батареи давать каждый день подседланного коня начальнику отряда, а вечером брать его обратно на общую батарейную коновязь. Вследствие того, что в отряде все бойцы были добровольцы, вестовых у офицеров не было, даже у командного состава. Каждый боец, кто бы он ни был, должен был сам ухаживать за своей лошадью и кормить ее. Первое время особенно тяжело и трудно было с этим начальнику отряда. Но, уйдя с головой в свою боевую работу, Каппель не замечал трудностей.

Конечно, потом, и довольно скоро, все наладилось. Появились и вестовые, и денщики. А вскоре, перед походом на Симбирск, к Каппелю прибыл офицер генерального штаба Мокей Мартынович Максимов, который был отважным стрелком и доблестным помощником начальника отряда и в то же время заключал в себе самый большой боевой штаб со всевозможными отделами. Энергии он был невероятной, доброты и заботливости необычайной. Впоследствии, уже будучи командиром пехотного полка, М.М. погиб смертью храбрых, ведя свой полк в атаку на красных на реке Белой...

Быстро покончив с завтраком, мы тихо и мирно беседовали, укрытые от красных густой опушкой леса. Я успел сходить еще раз на батарею, чтобы дать более точное направление орудиям на красные пулеметы. Мы уже видели, как цепи Бузкова поднимались из оврага по спелой ржи к орудиям красных, до которых от цепей было менее полуверсты.

Сорок томительных минут, назначенных Бузковым, кончились. Я открыл огонь по пулеметам. После удачных разрывов нашей шрапнели красные оставили свои пулеметы без выстрела. Батарея красных сделала несколько беспорядочных больших перелетов в нашу сторону. Пыль от их выстрелов нам была ясно видна. Цепи Бузкова уже приближались к орудиям красных, которые молчали. Я перенес огонь по пристаням с пароходами, которые, по рассказу пастуха, должны были быть немного левее и дальше церкви, кресты которой блестели на солнце.

Стрельба по своим.

В это время прискакал с левого фланга конный разведчик и доложил, что Бузкова обходит красный матросский полк. В бинокль было ясно видно, что вслед за первой цепью Бузкова на небольшом расстоянии идет вторая цепь по высокой ржи - хорошо видные нам человек 10 -

- 12. Находившийся случайно при Каппеле Б.К.Фортунатов забеспокоился и, как член военного штаба, доказывал, что видимую цепь матросов необходимо немедленно обстрелять, иначе пехота Бузкова окажется в тяжелом положении, - и так далее в этом же духе.

Обстреливая площадь, где, по преположениям, должны были быть пароходы красных, я посмотрел в бинокль на указанные цепи матросов. До них было более трех верст, и они шли довольно спокойно, хотя и быстро. Но все же я высказал подозрение, что это могут быть свои, так как они были близко от нашей первой цепи, подходившей к красной позиции. Фортунатов настаивал на обстреле этой цепи.

Каппель приказал мне дать несколько выстрелов. Нехотя я дал очередь, умышленно на высоких разрывах. Каппель это заметил и сделал мне замечание, приказав дать еще очередь. В бинокль я увидел, что "матросская" цепь лишь ускорила шаг, но шла спокойно. Не торопясь, я все же с поправкой дал вторую очередь и перенес огонь опять по пароходам, которые должны были быть немного дальше церкви.

Вскоре к нам прибежал с винтовкой со стороны нашей пехоты доброволец, потом оказавшийся моим приятелем по институту. Он еще издали кричал:

- Васька, ведь ты по своим стреляешь! Есть раненые!

Я слез с дуба, служившего мне наблюдательным пунктом, подошел к Каппелю и доложил:

- Господин начальник, как кончится бой, прошу откомандировать меня в Самару и назначить командиром батареи кого-нибудь другого. Мне невыносимо тяжело видеть нашу пехоту, среди которой есть и мои друзья и по которой я стрелял!

Каппель направился в деревню. Я вызвал одно орудие и пошел туда же. По главному тракту мы прошли мимо брошенной красной батареи, у которой мои гранаты выбили несколько спиц из колес зарядного ящика.

Около первых изб села меня встретил сам Каппель и сообщил, что село очищено от противника, и просил зайти в одну из изб. Я послал распоряжение всем моим артиллеристам направиться в село и передал командование своему заместителю.

<u>Наш раненый нашей шрапнелью.</u>

Следуя за Каппелем, мы вошли в избу, и я увидел лежавшего на кровати с забинтованной ногой студента-добровольца. Он курил папиросу и приветливо улыбался. В шутливой форме раненый заговорил первый, обращаясь ко мне:

- Это вы меня ранили, но начальник отряда рассказал мне, как это было. Вы совершенно в этом не виноваты, это будут знать все наши. Мне даже приятно быть раненым... Мы будем знать, что когда вы будете стрелять, вы будете попадать в красных.

Вошедший разведчик доложил, что наша пехота захватила пароходы.

Село Новодевичье оказалось обширным. Когда я прибыл на пристань, там были пришвартованы пять больших пассажирских пароходов. Вверх по Волге уходил пароход, по которому я успел сделать несколько мало эффектных выстрелов; противник слабо отвечал на больших недолетах из трехдюймовых орудий и скоро скрылся.

Бузков рассказал, что он со своей пехотой совершенно врасплох с фланга и с тыла атаковал красную батарею, выпустившую несколько

снарядов в другом направлении. По пятам бежавших красных артиллеристов, бросавших орудия, наша пехота пробежала более половины села, обратив в бегство красных бойцов, убегавших по берегу вверх по реке Волге на север, бросая на позиции орудия, пулеметы и полные военного добра пароходы. Наша кавалерия не могла их преследовать, так как в этих местах берега Волги овражисты и покрыты густым лесом.

Для красных появление нашего отряда было полной неожиданностью. Молниеносное наступление Бузкова окончательно сбило их с толку. Более трех тысяч красногвардейцев, в паническом ужасе, побросав все и не имея времени забежать на свои пароходы, обратились в бегство. Вторая их батарея, стоявшая на самом берегу Волги, была оставлена целиком, без единого выстрела. В пароходах стояло много коней и незапряженных военных повозок с пулеметами, патронами и провиантом.

Крестьяне села восторгались нашей победой. Отыскивали не успевших убежать спрятавшихся комиссаров и красногвардейцев.

Печальные вести.

Тут же крестьяне рассказали, как вчера пришедшие из Климовки пароходы привезли двух наших добровольцев, бывших часовых на пристани, и как эти юноши были начальством отданы красным на самосуд. Красные водили их по улицам села, нещадно били, отрезали им уши и носы. Били палками, так что у одного мученика был выбит глаз и зубы. Наконец, их умертвили и выбросили на ближайший островок. Привезенные нами после тела наших замученных добровольцев были обезображены до неузнаваемости.

Главнокомандующий Сенгилеевским фронтом комиссар Мельников.

На следующее утро, совершенно случайно, наши конные разведчики наткнулись на командующего Сенгилеевским фронтом бывшего поручика Мельникова. На отличной верховой лошади он производил рекогносцировку позиций.

Каппель созвал всех начальников частей для полевого суда над Мельниковым, который уверял, что ехал он с целью убежать от большевиков. Но документы, захваченная при нем переписка, телеграфные ленты говорили, что он служил большевикам верой и правдой. Наши добровольцы, захваченные в Климовке, именно приказом Мельникова были отданы на самосуд красным.

Мельников был отведен под арест. Некоторые начальники частей предлагали забить в общий гроб живого Мельникова и наших замученных добровольцев для отправки в Самару. Каппель категорически это отверг, сказав: "Он недостоин лежать в одном гробу с нашими добровольцами!"

Полевой суд приговорил Мельникова к расстрелу, и за селом на опушке леса он был расстрелян. Сельскому старосте было приказано назначить людей для уборки тела. Через час или полтора к Каппелю пришел крестьянин и, передавая 40.000 бумажных рублей, сказал: "Сапоги с убитого я взял себе, а деньги принес вам в казну."

Можно прожить долгую жизнь, пережить много потрясающих событий, но жуткая картина пыток, произведенных большевиками над нашими добровольцами, взятыми в Климовке, навсегда будет перед глазами, никогда не забудется...

Я допускал, что после этого наши добровольцы могут потерять военный пыл. В действительности, наши бойцы ушли в себя, крепче сплотились вокруг своего обожаемого начальника и с какой-то рыцарской доблестью гордо называли себя "каппелевцами", не знающими боевых преград...

Восемь орудий с зарядными ящиками, пулеметами и массой патронов были погружены на красные пароходы, и без того нагруженные разным военным имуществом, и пароходы были отправлены в Самару.

Согласно приказа Самарского военного штаба, отряд Каппеля был погружен на свой товаро-пассажирский пароход "Мефодий" и направлен в город Сызрань, где местные формирования нуждались в помощи против наступавших большими силами красных. Энергичным ударом отряд Каппеля второй раз отогнал красных от Сызрани. И после дневки, не задерживаясь, отправился по главному тракту к Симбирску, усадив своих бойцов на подводы.

Симбирск.

Слухи о действиях Народной армии и о начальнике ее Каппеле вогнали красное командование Симбирска в панику.

Высланные вниз по Волге, в сторону Сенгилея, Новодевичьего и Ставрополя красные войска молниеносно были разбиты и уничтожены Каппелем. Это заставило красных в Симбирске с лихорадочной поспешностью превратить крутой берег Волги в неприступную крепость. Блестели жерла орудий, направленных с укрепленных возвышенностей на Волгу для встречи Каппеля...

Зорко смотрели высланные наблюдатели вниз по течению, ожидая прихода народной армии и уже тогда легендарного Каппеля. Артиллеристы были готовы открыть огонь. Прожекторы тщательно и неустанно по ночам освещали Волгу в ожидании Каппеля. Но Каппель со своим отрядом, на свежих перекладных подводах, буквально протаранил 140 верст по главному тракту от Сызрани до Симбирска, быстрым натиском выбивая красных из попутных деревень, не обращая внимания ни вправо, ни влево. Попадавшиеся на пути красные отряды разлетались в сторону от народной армии, как осколки стекла из-под удара молота.

И на четвертый день похода, 21-го июня 1918 года, совершенно неожиданно для красного командования, каппелевский отряд вырос, как из-под земли, под Симбирском. Но только не на Волге, где его ожидали.

Главные силы Народной армии, обойдя город с юга и запада, вихрем ворвались в город с фланга и тыла и захватили позиции красных, убежавших через город, побросав орудия, пулеметы и много снарядов и патронов и даже не успев расстрелять арестованных офицеров.

Троцкий забил в набат: требовал подкреплений и всенародно объявил революцию в опасности.

В. Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

ГОРЦЫ КАВКАЗА.
(1914 - 1920)

Кавказские горцы приняли впервые добровольное участие в судьбе Русского народа в 1914 году, составив три конных бригады Кавказской Туземной дивизии, известной под названием "дикой". Полки Татарский, Чеченский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Ингушский состояли из всадников разных племен горного Кавказа: они говорили на своих языках, большею частью совершенно несхожих между собою, и таких языков в дивизии насчитывалось 19.

В период развала русской армии, начавшегося в марте 1917 года и достигшего своей кульминации в октябре, в этом кровавом хаосе разнузданной преступности Туземные конные полки остались примером верности и оплотом порядка и государственности. Туземная конная дивизия, развернутая к тому времени в корпус придачей Текинского конного полка и Осетинских частей, была в августе 1917 года сосредоточена на подступах к Петрограду, готовая по первому приказанию его занять и установить порядок любыми мерами. Вместо этого распоряжением Временного Правительства Туземный конный корпус был послан на Кавказ, где расквартирован на местах своего укомплектования.

С этого времени история Туземного конного корпуса, как таково-го, закончена, и начинаются разрозненные действия его отдельных частей, направленные против большевиков. Единственно крупные боевые действия, организованные и длительные, оставившие героический след в истории русской гражданской войны, имели черкесы и кабардинцы, в особенности первые.

Черкесский конный полк прибыл в место своего назначения - Кубанскую область - 9-го октября 1917 года и стал по квартирам по близости своих аулов. Штабы бригады и полка, обозы, пулеметная команда дивизии из матросов Балтийского флота и 1-ая сотня полка - в гор. Екатеринодаре, 2-ая сотня - в колонии Великокняжеской и 4-ая сотня - в Сухуме.

Черкесские сотни, оказавшиеся маленькими островками среди бушующего моря анархии и разбоя, руководимые своими офицерами, дали ожесточенный отпор. Но все же солдатские банды, массами двигавшиеся с Кавказского фронта, в своем зверином движении просто затопили эти островки. Только вторая сотня, после беспрерывных боев, потеряв убитым в конной атаке также и своего доблестного командира поручика Шестакова, пробилась к Екатеринодару - этой цитадели Северного Кавказа.

25-го января 1918 года черкесы приняли участие в первом бою добровольческого отряда войскового старшины Галаева с красными около ст.Энем. Прибыв к началу боя из близлежащих аулов, вооруженные чем попало, многие одними только шашками, действуя неорганизованно, но решительно, они были решающим элементом в этом бою. После этого боя они разошлись по аулам, полагая, без сомнения, что мир теперь обеспечен навсегда.

В начале февраля, 3-го числа, регулярная сотня полка вместе с партизанской черкесской сотней ротмистра К.Улагая, выступила на фронт для защиты подступов к Екатеринодару со стороны Тихорецкой. Весь февраль шли бои, и в ночь на 1-е марта черкесы вышли в 1-й Кубанский поход вместе с русскими добровольцами... "За синей птицей",

- по образному выражению ген.Маркова.

К моменту оставления г.Екатеринодара добровольцами черкесы занимали позиции за Кубанью, по реке Марте, будучи туда переброшены с Тихорецкого направления для задержания красных, двигавшихся к Екатеринодару по левому берегу Кубани. Немедленно же, проходя по аулам, черкесы добровольным притоком старых всадников, живших по домам, пополнили свои ряды настолько, что в начале похода насчитывалось уже шесть сотен Черкесского конного полка и в них около 1500 всадников. Полком командовал к этому времени полковник Султан-Келечь-Гирей, после похода развернувший полк в дивизию.

Прекрасный кавалерийский начальник, полковник Султан-Келечь-Гирей, позднее генерал-майор, был творцом и главою дивизии. Скромный в жизни и строгий к себе, волевой и энергичный, всегда корректный и на редкость беспристрастный, он был любим всеми чинами полка без исключения, как русскими, так и черкесами. Мало того - весь черкесский народ необычайно ценил его и видел в нем своего вождя.

Пользовался большим уважением и любовью подчиненных также и ротмистр Кучук Улагай, впоследствии полковник и командир 1-го Черкесского конного полка.

Всюду, где ставились на карту честь и благосостояние России, начиная с 1914 г., разбросаны кости лучших сынов горских народов. Когда выяснилась поголовная антибольшевицкая позиция горцев, начались избиения. В избиении принимали участие, главным образом, местные большевики из казаков и иногородних соседних станиц. Сводились при этом и старые счеты.

Вот один из примеров: из аула Габукай в стан.Рязанскую было приведено более 100 чел. горцев, среди которых были старики и юноши. Станичная школа едва вместила всю эту толпу арестованных. Местные и приходящие большевики группами входили в эту школу, рубили шашками и кололи штыками горцев, пока ни один не остался в живых. С криками "Аллах! Аллах!" падали они друг на друга под ударами... Такому же террору подвергались и многие другие аулы.

Боевая деятельность полка была особенно напряженной в 1-м Кубанском походе. За 2 месяца похода некоторые сотни полка имели по 15-20 конных атак. В общем же полк имел около 80 отдельных конных атак, совершенных за 2 месяца похода его отдельными частями. Одна 3-ья сотня под командой доблестного ротмистра Натырбова насчитывала их - успешных - 18. Погибло много дальних разъездов, охранявших громоздкую колонну Корниловской армии на походе.

Горцы до конца остались верными национальным и религиозным идеалам, приведшим их к борьбе с большевиками. Соблазнительные лозунги, развратные и преступные, оказавшиеся роковыми для неустойчивой морали распропагандированных русских солдат и рабочих, горцами не были приняты.

Загнанные в тупик на Черноморском побережьи перед Грузинской границей около Адлера в апреле 1920 г., они были, помимо их желания, сданы Красной армии по вынужденному соглашению между Кубанским атаманом ген.Букетовым и его Начальником штаба ген.Морозовым с командиром бригады Красной армии Егоровым, вместе со всеми казачьими частями Кубанской армии, бывшими в том районе.

Часть горцев, главным образом первопоходников, была перевезена в Крым пароходами, в последний момент прибывшими.

В эмиграции горцы, как магометане-фаталисты, мужественно переносят беду и лишения беженства. Они замкнуты и молчаливы. О себе не говорят и не пишут. Живут страстной мечтой о своей родине, о горных аулах и, веря в Бога, не теряют надежды на возвращение.

Ротмистр С.Иорданский.

- - oOo - -

ГЕРОЙ КУБАНИ П.А.ГАЛАЕВ.

До сих пор неизвестна биография первого героя Кубани в гражданской войне начала 1918 года, войскового старшины Галаева. Скажу о нем, что знаю.

В нашем Кубанском войске на ежегодные месячные лагерные сборы для льготных казаков на Кубань командировались несколько офицеров из первоочередных полков, несших свою службу на окраинах России - на Кавказе и в Туркестане.

В 1914 году на Кавказские лагерные сборы на реке Челбасы для льготных полков - 2-го Кавказского и 2-го Черноморского - и 10-го пластунского батальона командирован был и я, имея чин хорунжего. Эти лагерные сборы были очень интересны во всех отношениях. Коротко говоря, это была своеобразная Запорожская Сечь в течение месяца. Полки были большие, и офицеров во всем лагере доходило до ста человек. Все офицеры питались в "табль-д'оте". За общий стол, по форме буквы П, садились в порядке старшинства чинов.

По воскресеньям из станицы Кавказской в лагери приезжали жены льготных офицеров. После обеда бывали танцы. Лезгинка была обязательной и "страдальцем" в ней обыкновенно бывал автор этих строк. Вернее, других танцоров в лезгинке не было.

Офицеры 2-го Черноморского полка были очень дружны между собою, были большие любители широко кутнуть и говорили между собою и с казаками больше по-черноморски. Среди этой черноморской молодежи были два офицера-горца: осетин сотник Галаев и кабардинец сотник Барагунов - Терские казаки. Черноморцы любили этих офицеров и переиначили их имена по-своему: первого назвали "Пэтро Галайко" а второго "Гри-Гри", так как его имя и отчество было Григорий Григорьевич. Последний держался скромно и незаметно, но сотник Петр Галаев - высокий, стройный, широкоплечий, с крупными чертами лица и широким лбом, всегда в пенсне - держался чопорно и предупредительно со всеми. Говорили, что он окончил Донское Новочеркасское юнкерское училище по какому-то исключительному случаю, но я не верил этому. А спросить старшего сотника - считалось неприличным по воинской этике.

Галаев настолько, чисто по-горски, был вежлив и обходителен со всеми, что это выделяло его среди остальной молодежи; да и годами он казался гораздо старше всех.

В противовес черноморцам сотник Галаев почти ничего не пил из спиртного, но любил посидеть в компании. Черноморцы немилосердно потешались над ним, что он "ничего не пьет".

- Ты ж тэпэр вже наш!.. Ты Пэтро, и Галайко... козак-чорноморець... ну и пый, с-сова душа! - острили они дружески. И сотник Галаев, скромно улыбаясь и при этом поправляя на носу свое пенсне в золотой оправе, брал рюмку, чокался с соседями и, пригубив, тут же ставил на стол. Я всегда сидел недалеко от него через стол и наблюдал за ним. Наша молодежь - кавказцы - были скромны, почти ничего не пили, чем и обратили на себя внимание Галаева.

В конце лагерных сборов, в последнее воскресенье, на офицерском обеде было особенно весело, так как прибыл начальник лагерного сбора ген. И.Е.Гулыга с супругой (он же был и атаманом Кавказского отдела). После бальных танцев грянула лезгинка. Как всегда, послышались выкрики: "Хорунжий Елисеев, Елисеев!". Отказываться, тоже как всегда, было нельзя.

Выйдя в середину залы и сделав тур, я приблизился к сотнику Галаеву и по-кавказски пригласил к танцу. Должен сказать, что он никогда до этого не выступал в лезгинке, но я понимал, чувствовал, что он, как почти все горцы, конечно, танцует ее. Галаев чуть смутился и продолжал сидеть за столом. Но тут черноморская молодежь выкрикнула:

- Пэтро!.. Галайко!.. та йды! докаж, що и у нас е танцюристы! - и Галаев вышел.

Он особенно изящно, что свойственно только природному горцу, прошел-проплыл со мною круг, и когда мы стали делать "па" на пальцах, я увидел, как его крупное лицо сжалось в дикую гримасу, он бросил правую руку к своей кобуре, выхватил револьвер и все семь пуль разрядил себе под ноги с таким азартом, словно кого-то хотел убить. Подчиняясь этому инстинкту, чего у меня никогда не было, я выхватил свой "Наган" и все семь пуль выпустил в потолок. Овациям не было конца. Галаев подошел ко мне и крепко пожал руку, улыбаясь.

В феврале 1917 года (до революции), командированный в Петроград для представления в Конвой Его Величества, я заглянул в Екатеринодар. На Красной улице, у Реального училища, увидел идущего мне навстречу по тротуару Войскового Старшину Галаева. Я был подъесаулом. Думая, что он не вспомнит меня, хорунжего 14-го года, я приготовился достойно отдать ему, как штаб-офицеру, воинскую честь. Но он, увидев меня издали, расплылся в улыбку, направился ко мне, крепко пожал руку и обнял за плечи по-мужски, вернее - по-кавказски. Он был штаб-офицером все того же 2-го Черноморского полка Кубанского Войска и прибыл из Персии в отпуск. Конечно, вспомнили лагерные сборы 14-го года, "веселие молодости" и... "лезгинку со стрельбой".

Расстались, и я больше его не встречал. А в январе 1918 года я узнал, что войсковой старшина Галаев является Главою Правительственных войск Кубани, и мне это было особенно приятно. Вспомнив же лезгинку и тот момент, когда он зверски бросился к своему револьверу, я понял, что он своею чистою и порывистою душой не мог иначе реагировать на насилия красных, как взявшись за оружие. Взялся за оружие - и погиб в первом же бою. Кисмет...

- о -

Тщетно я наводил справки о его биографии. Они бывали разноречивы. И вот мне написал о нем его сверстник и станичник Ново-Осетинской станицы Терского Войска, полковник Константин Семенович Лотиев. Лотиев - друг нашего бывшего командира полка полковника Эль-

мурзы Асламбековича Мистулова и в течение нескольких месяцев - с августа 1916 г. до середины февраля 1917 г. - был при нем у нас в полку, на Турецком фронте, его помощником. Я тогда был полковым адъютантом. Наши взаимоотношения с Лотиевым до сего дня остались очень близкими и теплыми. Лотиев живет в старческом доме под Парижем. Вот его письмо.

"Войскового старшину Петра Андреевича Галаева я знал с детства. Он мой сверстник, но, быть может, на несколько месяцев моложе меня. Я родился 10 октября 1878 года, а он, вероятно, в начале 1879-го. Мы поступили одновременно во Владикавказское реальное училище в приготовительный класс в 1889 году. Я окончил реальное училище в 1897 году, а он в это время был в 5-м классе, то есть отстал на два года и, видимо, дальше не пошел. По окончании Реального училища я поступил в Николаевское кавалерийское училище (в казачью сотню) и окончил его в 1899-м году. Галаев же в 1898 году поступил в Новочеркасское юнкерское училище и окончил его в 1900 году, когда из юнкерских училищ выпускали чином подхорунжего. Точно не могу сказать, вышел ли Галаев сразу в Кубанские пластуны или же сначала в конный полк, а потом перевелся в пластуны. В 1910 году, в Каменец-Подольске, неожиданно встретился с ним, как офицером 1-го Линейного полка Кубанского войска. В 1912-м или 13-м году Галаев ушел на льготу. В полку Галаев считался доблестным строевым офицером и за рубку имел призовой золотой жетон. В 1915 году, в мае или июне (8-я Армия ген.Брусилова) я опять случайно встретился с Галаевым. Он был в каком-то полку Кубанского войска, кажется, во 2-ом Черноморском. Отец Галаева был в отставке войсковым старшиной, пользовался в станице большим уважением и почетом и считался выдающимся наездником и танцором. Вот все, что я могу сообщить о доблести Галаева", - закончил свое письмо полковник К.С.Лотиев, его станичник, казак-осетин Терского Войска.

Погиб П.А.Галаев в возрасте 40 лет.

Полковник Елисеев.

- - oOo - -

"ПОРТЯНКИ"

Портянки на всю мою жизнь наложили неизгладимое впечатление. Первый раз я узнал об их существовании, увидев прямоугольные куски материи с коричневыми пятнами, которыми денщик моего отца очень артистически обматывал свои ноги. Рядовой Бронислав Якубовский, действительно, был мастер своего дела. Отец раз даже попросил Бронислава продемонстрировать свое искусство перед приятелем отца, полк. Костевичем.

Однако, эти детские впечатления создали в моей душе какое-то неприятное чувство, связанное с портянками. Говорят, что когда психиатр задает вопросы своему душевно-больному пациенту, он обычно старается выяснить что-либо из потрясений, бывших у больного в детстве. Хотя я, слава Богу, еще в нормальном уме, но скажу откровенно, что портянки потрясли мою кадетскую душу на всю жизнь. Я задавал себе вопрос: "Почему корпус выдает мне чуть ли не каждый день чистые носки, а Бронислав носит грязные тряпки?" Сознаюсь и каюсь, что даже мысли о социальном неравенстве между мной и Брониславом подчеркивались портянками.

Очевидно, не я один так чувствовал. Когда мне пришлось дойти до 6-го класса Омского корпуса, мой воспитатель полк.Дядюша принес однажды вечером журнал и, собрав нас для вечерних занятий, спросил кадет, хотели ли бы они прослушать юмористический военный рассказ. Ответ, конечно, последовал положительный и полный интереса.

Журнал был "Разведчик", а помещенный в нем рассказ принадлежал перу замечательного военного журналиста "Егора Егорова" (полк.Елчанинова), но, к сожалению, я не помню названия рассказа.

Постараюсь привести здесь, как могу, содержание этого замечательного рассказа. Пусть читатель простит меня, ибо я пишу по памяти, а с тех пор прошло уже много лет.

В Н-ском военном округе был суровый начальник пехотной дивизии. Он требовал от офицера знать своего солдата, как он выражался, "на три аршина в землю". Проявление малейшего незнания офицером солдата, ему подчиненного, влекло за собой нелестный отзыв в характеристике офицера.

Однажды этот суровый начальник прибыл для смотра одного из пехотных полков его дивизии. Весь офицерский состав полка, от его командира до последнего младшего офицера, нервничал и волновался от ожидания встречи лицом к лицу с грозой Х-ой пехотной дивизии.

В это время военное министерство и главное интендантское управление вели "высоко-научное исследование":что лучше для солдатской ноги - носки или портянки? Поэтому в полку, ожидавшем инспекции начальника дивизии, часть солдат носила носки, а другая - портянки. Периодически полковой врач и представитель от интендантства осматривали ноги солдат. Количество мозолей и натертых мест и степень влажности носка или портянки записывались в журнал: "Гигиена ноги пехотинца".

Вот в это время и прибыл генерал осматривать один из своих полков.

Из всего офицерского состава лишь командир 5-й роты капитан Очковтирателев был спокоен и не проявлял ни малейших признаков нервности или боязни предстоящего смотра.

Наконец, наступил знаменательный день. Полк, выстроенный на большом плацу, по-ротно представлялся начальнику дивизии генералу Безапелляционному. Дошла очередь до роты капитана Очковтирателева. Последний отрапортовал начальству:

– Ваше Превосходительство! 5-ая рота Н-ского пехотного полка. 123 нижних чина, 2 в госпитале. Никаких происшествий не случилось, Ваше Превосходительство!

Генерал, косо посмотрев на ротного командира, коротко процедил:

– Посмотрим, как хорошо вы, капитан, знаете своих солдат!

Дойдя до левофлангового и указывая на него пальцем, начальник дивизии, обращаясь к капитану Очковтирателеву, спросил:

– А что у него – носки или портянки?

Не моргнув глазом, ротный командир ответил:

– Носки, Ваше Превосходительство!

Генерал приказал солдату снять сапог. Капитан был прав.

– А у пятого с правого фланга в задней шеренге что – носки или портянки? – продолжал генерал Безапелляционный.

– Портянки, Ваше Превосходительство! – следовал каждый раз правильный ответ.

Начальник дивизии был весьма доволен. В характеристику капитана Очковтирателева вошла фраза: "выдающийся офицер". Очень скоро, как таковой, капитан Очковтирателев был произведен в подполковники и переведен командиром батальона в другой полк той же дивизии.

Перед отъездом молодого подполковника к месту нового служения общество офицеров его родного полка устроило ему прощальный банкет. После солидной выпивки приятель подполковника Очковтирателева, капитан Подражателев, спросил его:

– Скажи, Миша, как ты мог запомнить на смотру, у какого солдата носки, а у какого портянки?

– Коля, друг мой, скажу я тебе по секрету, – ответил новый командир батальона. – Я сказал солдатам: "Ребята, не подведите. Наденьте на одну ногу носок, а на другую портянку: когда на вопрос начальника дивизии я отвечу: "носок", – снимай сапог, где носок, а если скажу: "портянка", снимай сапог с портянкой на ноге!"

Говорят, что когда Государь Император прочел рассказ Егора Егорова, он очень смеялся, а потом спросил военного министра:

– Какая другая армия носит портянки вместо носков?

– Кажется, китайская, Ваше Величество! – последовал ответ растерявшегося военного министра.

Прослужив в пехоте всю войну, я теперь, после стольких лет,не могу понять, почему у нас были портянки. Может быть, кто-нибудь объяснит мне это и изгладит портяночный шок, который я получил, будучи еще кадетом.

Георгий Думбадзе.

– – оОо – –

ИЗ ДНЕВНИКА ДОБРОВОЛЬЦА.

Холодное утро 19-го февраля...

Отдохнувши за ночь, части строились и вытягивались за станицу Егорлыцкую - за нами потянулись обоз и лазарет. Последняя станица Дона не совсем приветливо встретила и провожала добровольцев. Не было отказа в продовольствии и ночлеге, но все же чувствовалось какое-то взаимное недоверие и скрытность. Особенно это проявлялось со стороны иногороднего населения станицы, которое почти поголовно было настроено пробольшевистски, что наша маленькая группа испытала на себе, когда нас разместили в такой иногородней хате.

Хозяин ее, недавно вернувшийся с фронта солдат, весьма сумрачно посматривал на нашу компанию и на вопросы любопытствующего поручика Марченко отвечал неохотно, уклоняясь от прямого ответа.

Жена его, молодая и веселая хохлушка, громыхая ухватами, молчаливо крутилась около печки, временами исчезая за дверьми соседней "чистой" половины, в которую, по распоряжению взводного командира, хозяин нанес ворох соломы для нашего ночлега.

Насчет же ужина было слабовато и, если бы не распорядительность энергичного поручика Марченко, пришлось бы туго затянуть пояса... Но вот на столе появился отварной картофель, политый маслом и сметаной, и огромные ломти пшеничного хлеба. Все это было нами уничтожено, как говорится, в один присест.

Из Егорлыцкой Добровольческая армия 21-го февраля вступила на Кубанскую землю, где в первый же день была встречена огнем большевизанствующего села Лежанки, и затем продолжала свой крестный путь на столицу Кубани гор.Екатеринодар, потеряв при штурме его своего Вождя генерала Корнилова и больше половины добровольцев.

После боев под Екатеринодаром раздетая, разутая усталая Добровольческая армия, прорвав окружение противника, расположилась в станице Успенской, приводя себя в порядок...

- о -

С Дона появились вести о восстании казаков против большевиков. Восставали целые станицы, а где-то на Дону появились немцы. Красные в панике отступали. Вскоре слухи подтвердились прибытием донское делегации, которая просила командование Добровольческой армии помочь восставшим добровольцами и оружием.

Весть о решении командования оказать помощь восставшим казакам была нами воспринята с большим воодушевлением и подъемом духа.

Армия выступила в поход на Дон и после боев заняла село Лежанку, станицы Егорлыцкую и Мечетинскую - закончила свой страдный путь Первого Кубанского похода и замкнула восьмерку своего пути.

22-го апреля, в Страстную Субботу, было приказано лазаретам и обозу с ранеными двинуться в путь. Несмотря на то, что повозки стали синонимом человеческих мук - раненые часто ночевали под крышами навесов и сараев, а тряска в пути вызывала у тяжело раненых невыносимые боли, - на этот раз лица были какие-то радостные, впереди чувствовался просвет. На нашей повозке разместилось четверо: я, поручик Марченко, прапорщик Селезнев и тяжело раненый в живот корниловец (фамилии его не помню). Начало уже вечереть, когда обоз, вытянувшись длинной змеей, утонул в степной безбрежности, а через какой-

нибудь час теплая бархатная ночь окончательно окутала тьмой и людей, и повозки, и идущих размеренным шагом, пофыркивающих и похрапывающих лошадей.

Мерцающие алмазы созвездий казались совсем близкими, а над самой почти головой опрокинулся ковш Большой Медведицы. Ритм постукивания колес мешался с четкой дробью подков; иногда это нарушалось стоном раненого, когда колесо, ударившись о выбоину, сотрясало повозку, что вызывало адскую боль у тех кто не мог двигаться и лежал пластом на устланной на дне повозки соломе. Иногда тьму разрезал смех тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не приходил в уныние и всегда готов был сказать такое, что и опустевшие души приходили в раж.

На нашей повозке было тихо, возница - старик казак из Успенской - тихо посасывал крепкую козью ножку и иногда причмокивал на споткнувшуюся лошаденку, махая больше для вида, чем для устрашения, длинным кнутовищем.

Тишину внезапно нарушил хрипловатый, слабый голос корниловца:

- Братцы, а ведь сегодня-то ведь страстная...

Марченко, сидевший, закинув раненую ногу на повозку, а другую свесив вниз, вздохнул и процедил:

- М-да, нечто вроде того... Да что толку-то? Катим, катим, а когда докатим - хрен его знает! - и, помолчав продолжал: - Помню это, знаете, шестнадцатый год... Так вот тоже был щелкнут на Юго-Западном и, конечно, эвакуировался к родным пенатам - не по теперешнему, конечно, а по настоящему старорежимному, в санитарном, со всеми удобствами и атрибутами, к сему положенными... И тоже была страстная, теплынь и, как теперь, полынью, чебрецом и еще чем-то этаким степным попахивало.

"В страстной четверг попал в лазарет. Привезли это нас, значит, да прямо в ванну: бельишко долой, да в горяченькую, и со всеми повязками вместе. Сиделка Саша, помню, намылила согбенные горестью и печалями грешные телеса - мне конфузно, а она хохочет.

Выкупали, закутали, положили на тележку - и в перевязочную, а там распеленали, мокрые бинты срезали, пощупали, потыкали, иодком тронули и, перевязав, - в палату. А там, братцы вы мои, в постель белую, снежную, мягкую, как пух, понимаете - как пух, а кругом электрическое сияние, белые халаты, белые сиделочки и беленькие, этакие сладостные и улыбающиеся сестрички... Красота необозримая, да и только! А тут молочко, чаек, булочки хрустящие, а на столике ландыши весенние в стаканчике благоухают, м-да...

Из темноты задней части телеги раздался кашель прапорщика Селезнева, который затем, крякнув, произнес:

- Поручик, вы не лишены поэтического дарования и, как каждый истинный поэт, одарены, конечно, незаурядной фантазией.

- Фантазией?! - воскликнул Марченко. - Батенька вы родной, да были вы когда-нибудь раньше ранены, и лежали вы в нашем российском лазарете? Тут, брат, всякая фантазия в свиной хвостик покажется, вот что, батенька мой! Да еще после окопов, вшей и земляночной сырой соломки! - негодующе возразил Марченко и, запыхав скрученной папироской, продолжал: М-да, и подошла, братцы мои, эта самая Страстная суббота. С утра этакое шевеление необычайное, сестрички бегают, шепчутся, сиделки туда-сюда снуют, врачебный осмотр с запо-

зданием, обед с сильной постностью - это, конечно, для нас, не тяжелых - и все такое прочее.

"В шесть поужинать дали, а в семь, как засмеркалось, спать приказали: ночью, мол, будет пробуждение и так далее.

"Лежим это мы, спим и не спим, изредка словом перебрасываемся, иногда папироской попыхтим, и вот, братцы мои, вдруг... - Марчеко остановился и потом нараспев протянул: - Б а м! Б а м! Б а м!...

"Лазарет засиял, вспыхнули лампочки, появились сестрички, и у каждой на передничке цветочек пришпилен, а в руках яички красные: "Христос Воскрес!" Ходят и целуются..."

Повозка наша в это время, поднявшись на возвышенность, начала спускаться куда-то вниз, где совсем недалеко вдруг замерцали огоньки. Стало сыровато и мглисто, и из этой мглы певуче раздался одинокий удар колокола. Возница и все мы сняли шапки и фуражки.

- Благовестят, - махнул кнутом возница. - Христос Воскрес, господа охвицеры, с праздничком! - сказал он.

- Воистину Воскрес, дедушка! - ответили дружно мы трое; корниловец, убаюканный, очевидно, шумом колес и повествованием Марченко, не отозвался.

Въехав в станицу и проехав улицей, мы попали на площадь, в середине которой стояла ярко освещенная церковь, у паперти которой толпился со свечками в руках народ.

Нашу повозку окружили станичники и станичницы:

- Ранетые, ранетые приехали, - раздавались голоса. - Христос Воскрес! - наклонялись бородатые, усатые казаки и девичьи лица, и крашенки осторожно клались на середину повозки, где тихо лежал корниловец.

Подъехал всадник, другой, и нас начали развозить по отведенным помещениям. По странной случайности судьбы я, Марченко и Селезнев попали на старую квартиру. Корниловца увезли к тяжелым.

Хозяин дома был "в нетях", бежав с местными большевиками, хозяйка же, узнав Марченко и увидев на нас повязки, заголосила:

- Ой, лышеньки! И що это воно таке! Родни вы голубчики, дытынки вы безродни! - и затем стремительно бросилась на чистую половину, куда охапками стала стлать солому и сено, прикрывая все это рядном.

- Лягайте, лягайте, полежить, пожалуйста, - хлопотала она, помогая раздеваться и укладывая нас на мягкое ложе.

Марченко был уложен особо на высокую взбитую постель.

Хата наполнялась народом, среди которого были деды и юные казачата, сгорбленные старушки и юные казачки. Каждый хотел похристосоваться и каждый в руках держал узелочек с гостинцами-розговенами. Сырные пасхи, печеные пасхи, колбаса, ветчина и всякая другая снедь заполнила нашу горницу, а разговевшийся заранее станичник, низко кланяясь чубатой головой, уговаривал Селезнева отпробовать чего-то жидкого из громадной бутыли, принесенной им с собой, из которой добрую половину отпробовал он сам.

Так нами была встречена Пасха тысяча девятьсот восемнадцатого года в станице Егорлыцкой.

Михаил Ковалевский

- - oOo - -

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

Русскому Обще-Воинскому Союзу

за № 56 от 1-го марта 1964

§ 2

Пятнадцатого февраля в 9 часов вечера в гор.Нью-Иорке после продолжительной болезни скончался Председатель Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова Похода генерал-майор Александр Николаевич ЧЕРЕПОВ.

Вся жизнь почившего была отдана Родине и службе в Армии. Окончив Орловский - Бахтина кадетский корпус и пройдя Одесское военное училище, ген.ЧЕРЕПОВ вышел в 136-й пехотный Таганрогский полк в 1898 году.

В составе своего родного полка ген.ЧЕРЕПОВ, командиром роты полка, получил свои высшие боевые отличия: орден Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Георгиевское Оружие.

В 1917 году командовал 282 пехотным Александрийским полком, а затем бригадами в 155-й и 4-й пехотных дивизиях. 20-го июня 1917-го года произведен в чин генерал-майора.

После революции, верный долгу, принял участие в действиях Добровольческой Армии и в составе ее прошел ряд должностей до должности начальника дивизии включительно. Был ранен и контужен и в Великую войну, и в войну Гражданскую.

В эмиграции, верный долгу, вошел в состав РОВС-а и Союза Первопоходников, а затем и в Русском Корпусе формировал полк и принял участие в боевых действиях.

До конца оставаясь верным принятым на себя смолоду обязательствам, - последние пятнадцать с лишним лет посвятил своим старым соратникам, будучи председателем Союза Участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода и исполняя эту должность, несмотря на постигшую его болезнь, прекратившую его доблестную жизнь.

Да сохранят о нем теплую память чины Русского Обще-Воинского Союза и Первопоходники, которым посвятил доблестный генерал последние годы своей жизни, да будет легка ему приютившая его американская земля и да донесут память о нем и его подвигах те из нас, кому Господь даст счастье еще увидеть нашу Родину!

П.п. Начальник Союза, Генерального Штаба
Генерал-Майор ЛАМПЕ.

С подлинным верно: Начальник Канцелярии
Капитан Кузнецов.

- - oOo - -

РУССКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РЯДАХ НАУЧНОГО МИРА С.А.С.Ш.

В 1946 году в США вышло в свет издание справочника: "America Men of Science". Справочник этот обнимает 2836 страниц и содержит 50.000 кратких биографий представителей науки, работающих в США, научная деятельность которыхпризнана, как положительный вклад в общую сокровищницу человеческого знания. Российские ученые и представители русской Школы упоминаются в значительном количестве. Наряду с корифеями науки, как В.Н.Ипатьев, А.Авинов, А.Петрункевич, И,Сикорский и С.Тимошенко, пестрят имена представителей русской школы, как в числе педагогического персонала, так и среди промышленности и техники - профессорские кафедры в 28 университетах и высших учебных заведениях Америки. Помещаемый ниже список научных деятелей, распределенных по отдельным отраслям знания, включает, главным образом, лиц, получивших высшее образование в России и приехавших в Америку после 1917 года. Исключением являются представители молодого поколения, в большинстве родившиеся в России, но окончившие высшее образование заграницей. Огромное большинство поименованных лиц имеет докторскую степень.

Агрикультура:	Проф.Бензин, К.К.Никифоров.
Анатомия:	А.А.Конев.
Антропология:	И.А.Лопатин.
Артиллерия:	С.И.Зарудный.
Астрономия:	С.И.Гапошкин, В.И.Карпов, М.С.Коваленко, В.Маркович, Отто Струве.
Аэронавтика:	И.Аккерман, проф. И.И.Сикорский.
Биология:	Проф. Соколов, М.И.Тимонин.
Ботаника:	Б.А.Крюков.
Геология:	И.М.Стадниченко, Б.К.Завойко.
Гражд.Инженерн.	
Искусство:	Проф. Б.А.Бахметьев, Е.В.Силич.
Зоология:	П.С.Гальцев, + проф. А.Петрункевич, А.Шаповалов.
Механика:	А.А.Берестнев, + В.П.Малеев, проф. Н.М.Обухов, проф. С.Т.Сергиев, проф. С.Тимошенко, С.М.Веселовский.
Лесоводство:	Н.Т.Миров, проф. А.И.Панчин.
Математика:	Проф. А.В.Болдырев, проф. О.М.Никодим, проф. О.Сокольников, проф. С.Д.Зельдин.
Медицина:	Е.Лепешкин, М.Л.Левин, О.Темкин, Н.И.Яковлев.
Металлургия:	В.Н.Данилов, Я.Е.Лебедев, Д.Никонов, И.Н.Заварин, Н.А.Циглер.
Метеорология:	В.П. де Шмит.
Молочн.хозяйство:	Проф. В.Н.Крюковский.
Океанография:	В.П. де Шмит.
Палеонтология:	Проф. В.П.Окулич.
Рыбное хоз-во:	В.Л.Лузанов.
Ситология:	София Сатина.
Телеграфия:	Д.Сарнов.
Физиология:	Проф. Б.П.Бабкин, проф. П.В.Карпович, проф. Карвовский, Е.Лепешкин.
Физиология растений:	Г.Кротков.

Физика: Проф. И.Балинский, проф. Н.Минорский, К.В.Пестрецов, проф. Г.В.Потапенко, проф. В.Рожанский, С.А. Щелкунов, В.Л.Скитский, И.Виноградов, + О.И.Ядов, В.К.Зворыкин, С.В.Романов.
Физика,теор.: Проф. Г.Гамов, проф. Л.Недельский, В.Подольский.
Фитология: К.Д.Щербаков.
Химия орган.: Проф.Болдырев, + проф. В.Н.Ипатьев, В.И.Комаровский, + Б.Н.Пучовой, И.М.Стадниченко, Е.Яновский.
Химия коллоидов А.А.Никитин.
Химия пищ.вещ.Л.Х.Чернов, проф. Н.Р.Тарасюк.
Химия биолог. веществ: В.Игнатьев, + Д-р А.В.Толстоухов.
Химия технологическая: А.В.Калишевский.
Химия физич.: Проф. Г.И.Курбатов, С.Л.Мадовский, В.Перцов, А.Л. Туркевич, Г.Л.Туркевич, проф. В.В.Веселовский.
Экология растений: Т.К.Павличенко.
Экономика и статистика: Проф. В.П.Тимошенко.
Электротехника: Г.Михолапов, П.Нарбушовский, Г.С.Тимошенко.

Русско-Американский Институт в Нью Иорке. 1963 год. Проф. В.А. Николаев (ректор), проф. С.Н.Арсеньев, Б.Завалишин, Б.К.Ганусовский.

Д-р И.Гончаров.

- - оОо - -

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
и поступила в продажу новая книга
"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО"
Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, Ген.Штаба Ген.Лейт.Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный Командир Партизанского Полка и 2-й бригады в Корниловском походе - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году, "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода.

Цена ее в США и Канаде 3 долл., в Австралии 2 дол.65 ц. или 1 австр.фунт 4 шил. Во Франции и остальной Европе, Африке и Ю.Америке - 2 д.40 ц. или 12 новых франц.франков. Пересылка всюду 20 ц. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу: Vasily Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles, California, 90026.

- - оОо - -

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК.

Союз Участников Первого Кубанского генерала Корнилова Похода с прискорбием сообщает о трагической кончине 3-го марта 1964 года Члена О-ва, участника Белого Движения и Первого Кубанского генерала Корнилова Похода - есаула Евгения Григорьевича АФАНАСЬЕВА.

- - оОо - -

О Т Р Е Д А К Ц И И.

В следующем, июньском номере нашего журнала будет помещено продолжение Воспоминаний Л.П.Сукачева. В этой части своих воспоминаний автор рассказывает о том, как в 1924 году русский отряд, численностью в 300 человек, составленный из бывших чинов Добровольческой армии (офицеров и рядовых), вооруженный пулеметами и двумя орудиями, во главе с будущим королем Албании занял ее столицу Тирана. В тексте будут помещены три фотографии.

- о -

В Редакции имеется для продажи книга: "Столетняя годовщина прихода Русских эскадр в Америку (1863-1963)". Цена 1 дол.50 ц.

- -- о -

Настоящий выпуск журнала - № 31-32 - вышел в значительно расширенном объеме, за месяцы апрель и май 1964 г. Цена выпуска в розничной продаже - 70 центов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не изменяя смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- о -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- о -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- о -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - оОо - -

Подписная плата на журнал - 4.00 доллара. За границу с пересылкой - 4.00 доллара. Цена отдельного номера - 40 центов.

СОДЕРЖАНИЕ № 31-32

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

33

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 33 Июнь 1964 г.

ВСЕМИРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДВИГА ГЕН. КОРНИЛОВА

"Великие идеи исходят от сердца"
(афоризм одного из великанов
французской мысли)

На долю нашего поколения выпал удел жить и творить условия жизни в обстановке, еще никогда не бывалой в мировой истории.

История знала много всяких конфликтов религиозных, политических, экономических и социальных. Они периодически вносили большие потрясения в жизнь народов, которых они непосредственно касались. Результаты этих потрясений в той или иной степени отражались также и на жизни других народов и вносили немалые перемены в естественный ход их собственной истории. Но никогда еще в мировой истории не было случая, чтобы все эти разнообразные потрясения происходили одно-

временно и одновременно же отражались на судьбах народов буквально всего земного шара.

Для всего человечества наступила трагическая эпоха его жизни, когда все религиозные, духовные и моральные устои, на которых десятками веков строилась жизнь народов всего света, оказались поколебленными и никакие другие, которые могли бы придти им на смену, еще не выдвинуты. А между тем, жизнь не терпит. Она ежедневно, ежечасно нуждается в привычных формах государственной и социальной жизни. Дилемма: "Быть или не быть?" - неотступно, мучительно-тревожно стоит перед каждым человеком.

Величайшие умы всего мира мучительно ищут объяснения этих планетарных сдвигов и тщатся, на путях строгой науки, сделать полный анализ всего происходящего и закончить выводом - чего же держаться дальше, чтобы скорее изжить это мрачное лихолетье и вновь обрести тот мир и "благорастворение воздухов", которые от нас ушли и неизвестно, когда вновь возвратятся?

Но все усилия этих гениев науки не для нас, современников, на своем горбу ежечасно испытывающих последствия переживаемой нами мировой смуты.

Их трудами воспользуются только наши отдаленные потомки, но не для того, чтобы следовать их выводам, которые к тому времени окажутся устаревшими и неприменимыми к изменившейся действительности, а только для того, чтобы с грустью склониться перед невыразимыми мучениями их предшественников и отдать долг благоговейной памяти тем из них, которые даже в том невыразимом хаосе умели найти пророческую прозорливость и силу воли, чтобы вступить в борьбу против всех факторов, вызвавших и питавших эту мировую смуту в умах.

Для всех нас, кого революция 1917 года застала на фронте, выявив сразу свой звериный, безбожный, анти-русский, анти-моральный лик, не было никакого сомнения, что она не только означала бесславный проигрыш для России 1-й Мировой войны, но еще и вступила на путь открытой борьбы против самых священных устоев, на которых многими столетиями, в невыразимых муках созидалась нашими предками "Святая Русь".

Мало, кто это понимал в начале революции, когда с преступным легкомыслием разрушалась Армия, гражданская Администрация и Суд; когда все самые верные слуги Российского Государства были взяты под подозрение и немилосердно устранялись, как несозвучные революции; когда Армия призывалась не к защите своей Родины, а к "защите революции".

Даже теперь, после 37 лет, прошедших с того мрачного времени, вспоминаешь об этом с чувством величайшего отвращения и негодования к руководителям этого сознательного разрушения Исторической России, И, наоборот, с величайшим благоговением и благодарностью думаешь о тех, которые, в годину повального помешательства, сохранили ясность мысли, твердость убеждений и с открытым забралом выступили на борьбу - на жизнь или на смерть - против зачинщиков смуты, пытаясь спасти то, что еще можно было спасти.

И здесь, со всей исторической объективностью, мы должны, по всей справедливости, поставить на первое место Генерала КОРНИЛОВА, который в качестве Верховного Главнокомандующего первый мужественно возвысил свой голос о спасении гибнувшей Родины и указал на ряд

мер, которые необходимо было для этого принять.

Этот призыв привел к величайшему, еще небывалому в военной истории всех времен и всех народов, позору "Быховского" заключения Верховного Главнокомандующего всех Российских Вооруженных Сил и его ближайших сотрудников.

Но этому "заключению" суждено было получить глубокий символический смысл, и воспоминание о нем стало для всех, его перенесших, предметом величайшей гордости.

В Быхове родилась величайшая идея 20-го века о борьбе против коммунизма.

Здесь впервые возникла мысль о начале Белой Борьбы с оружием в руках, на защиту поруганных святынь, за честь и достоинство России, за сохранение величайших ценностей Веры, Духа и Морали, на которых стояла ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ.

В то время борьба эта мыслилась лишь в пределах наших Российских границ, как решение нашего чисто-русского вопроса. Даже идейное основание ее, так ярко выраженное в формуле генерала Алексеева: "Зажечь светоч среди тьмы, объявшей Россию" - дальше этого не шло.

Но скоро стало совершенно ясным, что начатое дело - не только русское, но грозит охватить собою весь мир.

Удивительнее всего, что самые большие вершители иностранной политики не только не оценили всего мирового, вселенского значения поднятой генералами Корниловым и Алексеевым Белой Борьбы, но, наоборот, сразу стали на сторону революции, и притом "с наивным восторгом", как поведали нам недавно опубликованные записные книжки Короля Бельгийского Альберта 1-го.

Ныне восторг этот сменился мрачным ужасом, которого могло бы не быть, если бы так называемый "Свободный Мир" стал тогда же, в 1918-1920 годах, на нашу сторону. К тому же, тогда мир этот был гораздо обширнее, а коммунистическое государство было еще в пеленках.

Для будущих историков не будет более захватывающей темы, как изучение вопроса - почему могло произойти такое непостижимое ослепление? Ведь коммунизм - не наше русское изобретение. Его родители, кровные и крестные - западно"европейского происхождения. На нашей несчастной Родине он уселся, как чужеродный злокачественный спрут, щупальцами своими выжимающий все признаки человеческой жизни. Никаких иллюзий не могло быть, чтобы это чудовище само убралось в преисподнюю, по своей доброй воле.

В результате - мы переживаем величайший позор 20-го века, видя, как на мировых конференциях лучшие дипломаты свободного мира садятся за общий стол с этим чудовищем и мирно с ним разговаривают, как равные с равным!

Что посеяли, то и пожали!

Но что говорить об иностранцах, когда наши собственные соотечественники, находящиеся в эмиграции, в громадном большинстве своем не только до сих пор не уразумели глубочайшего исторического значения нашей Белой Борьбы, но еще с садистическим наслаждением, захлебываясь от восторга, всячески его осуждают и поносят память его вождей, самоотверженно взваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины.

Этому мало-почтенному делу посвящены уже вороха книг и статей, при чтении которых краска жгучего стыда не будет сходить с лиц на-

ших потомков, для которых вся наша Белая Борьба, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, будет святым делом.

Но возмущаться таким отношением, к сожалению, не приходится. Это в порядке вещей в эпоху шатания моральных устоев.

Не всякому дано быть героем и не всякому выпадает на долю неизреченное счастье приобщиться к величайшей героической эпопее своего времени. Да и результаты этого героического подвига еще неизвестно, когда дадут себя знать. А провидеть будущее по немногим несомненным симптомам настоящего - это удел немногих избранных, которые обычно не только остаются непонятыми своими современниками, но еще являются для них интересной мишенью для излияния на нее неутомимой, бешеной злобы неудачников, не нашедших себе иного применения, как подражать крыловскому ослу, лягающему умирающего льва.

Это явление не новое. Оно бывало во все смутные времена и всегда почиталось презренным.

Но в эпоху величайшего морально-религиозного Возрождения, какое мы ныне переживаем, оно является преступлением.

Что касается фактической обоснованности обвинений Белого Движения в "антирелигиозности", в "измене своей Родине" и т.п., то я почтительно передаю свое перо самым высоким представителям нашей Православной Церкви, в которых я вижу наших Верховных вождей и блюстителей нашего морального облика. Их мнения для меня непререкаемы.

Наш высокочтимый Первоиерарх, Митрополит АНАСТАСИЙ, в письме ко мне 8/21 декабря 1949 года, из Мюнхена, по поводу моей речи*), произнесенной в Париже 22.X.49 г. на торжественном собрании по случаю 25-летия со дня основания Р.О.В.Союза, писал:

"Великое значение Белой Идеи, которая по существу своему является и христианской, не оценено еще и до сих пор. Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным Рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед Судом Истории, если бы оно не породило героев Белого Движения, которые будут нашим оправданием перед лицом будущей свободной России".

А в слове, произнесенном в Синодальном Храме в Нью Йорке, 12-25 апреля 1953 года, в день поминовения генерала Врангеля по случаю 25-летия его кончины, Владыка АНАСТАСИЙ говорил: "Белая Идея, по внутреннему существу своему, не только глубоко нравственная, но даже религиозная идея. Она знаменует собою борьбу не только за Национальную Россию, но за вечные общечеловеческие начала... Это брань Света с тьмою, Истины с ложью, Добра со злом, Христа с его противником Антихристом".

Высокопреосвященный ФЕОДОСИЙ, архиепископ Сан-Паульский и всея Бразилии, в письме в редакцию Н.Р.С. от 1.X.1953 г. пишет: "К Белому Движению отношусь с большим уважением и благодарностью за то, что оно не только меня, но и тысячи людей спасло от преждевременной смерти. Считаю, что и Русская Зарубежная Православная Церковь обязана ему своим существованием, так как весь состав Высшего Церковного управления при помощи его мог эвакуироваться заграницу. За вождей его, погибших и умерших, молюсь, как и за воинов".

- о -

---

*) Была напечатана в С.Ам. газетах "Россия" и "Русская Жизнь" в начале февраля 1950 года.

Поднимая в 1918 году Корниловский Стяг Первого Кубанского похода, белый по своему религиозно-духовному содержанию и национальный по политическому значению, думали ли ген.Корнилов и мощно его поддерживавший ген.Алексеев, что на полях Кубани они подняли знамя величайшей борьбы нашего века - борьбы Святого Креста против красной звезды?

Это было начало борьбы не политической, не за разрешение неотложных социальных вопросов, а борьба религиозная такой невероятной глубины и вселенского размаха, какого еще никогда не знала Всемирная История.

Борьба, мало кем еще оцененная в ее безмерном величии, но от исхода которой зависят судьбы мира на тысячелетия вперед...

В своем труде "Рождение Трагедии" Ницше писал: "Никогда человек не возносится так высоко, как когда он не знает, куда поведет его им избранный путь".

Это и была судьба Корнилова. Куда его путь поведет? - о том узнают только его благодарные потомки...

Этой совершенно исключительной роли, сыграть которую выпало на долю ген.Корнилова, не могут стереть в памяти народной никакие злопыхательства его врагов, неспособных ничего видеть дальше своих узких временных предрассудков и заблуждений, давно уже осужденных Историей.

В подвиге Корнилова самым изумительным было то, что он по воспитанию своему был до мозга костей военным человеком, образованным всесторонне, но отнюдь не политиком и, конечно, не ученым философом истории. Тем не менее он своим горячим русским сердцем сразу понял то, что до сих пор еще не стало общим достоянием, а именно - что для такой обширной, многосложной и многообразной страны, как Россия, выход из революции мог быть сделан не на путях разных хитроумных политических комбинаций, а только на возврате нашей Родины на ее торный 1000-летний религиозно-духовный путь.

В эпоху смуты в умах, какую мы ныне переживаем, единственной стойкой ценностью для нас, русских, является подсознательный мир Русского народа, который был создан усилиями многих десятков миллионов наших предков, в тягчайших муках выковывавших величие Земли Русской, и каждый из коих вносил свою лепту в неисчерпаемую сокровищницу Русского Народного Духа.

Недаром коммунисты поставили себе главной целью - убить этот дух и вычеркнуть даже название "Россия" из официального обихода.

Но здесь "нашла коса на камень".

Мы хорошо знаем, что в самом важном вопросе - религиозном - они понесли свое первое и решительное поражение. Русский народ не только не потерял свою душу, не только не стал "советским" безбожником, но, как недавно отметил в "Фигаро" французский академик Ф.Мориак, наша Родина "стала опять Святой Русью больше, чем когда-либо".

Для всякого, кто понимает, что вся личная, семейная, общественная и государственная жизнь должна строиться, прежде всего, на надежной религиозно-духовно-моральной основе, что политическая надстройка должна быть в полном гармоническом соответствии с этим духовным основанием - с одной стороны, и с крайне бережным отношением к интересам и чаяниям каждого отдельного гражданина - с другой,

– все совершенно исключительное величие подвига ген. Корнилова стоит вне всякого сомнения.

Кто из современных иностранных государственных деятелей может, положа руку на сердце, сказать, что он тоже участвовал в возжжении светоча?

Кто из них может честно заявить, что в том духовном Возрождении, которое несомненно обрисовалось за "железным занавесом", есть капля и его трудов?

Современники не ценят своих великих людей, а наши соотечественники – в особенности. Об этом я уже имел случай говорить в моем очерке о генерале Деникине (см. № 6 "Корниловца"). Но генералу Корнилову не желают отдать должного, даже после его геройской смерти всячески поносят его священную для нас память, вопреки языческиримской формуле: "О мертвых – только хорошее или ничего", – которая, однако, обязательна для всякого мало-мальски порядочного человека, не утерявшего даже и в эмиграции самого элементарного чувства, что он – "Русский"!

Вспоминая сегодня о тебе, Лавр Георгиевич, я не могу даже пожелать тебе "спать спокойно", так как твое израненное и окровавленное тело не нашло себе пристанища ни на Русской Земле, за которую ты отдал свою жизнь, ни на чужой.

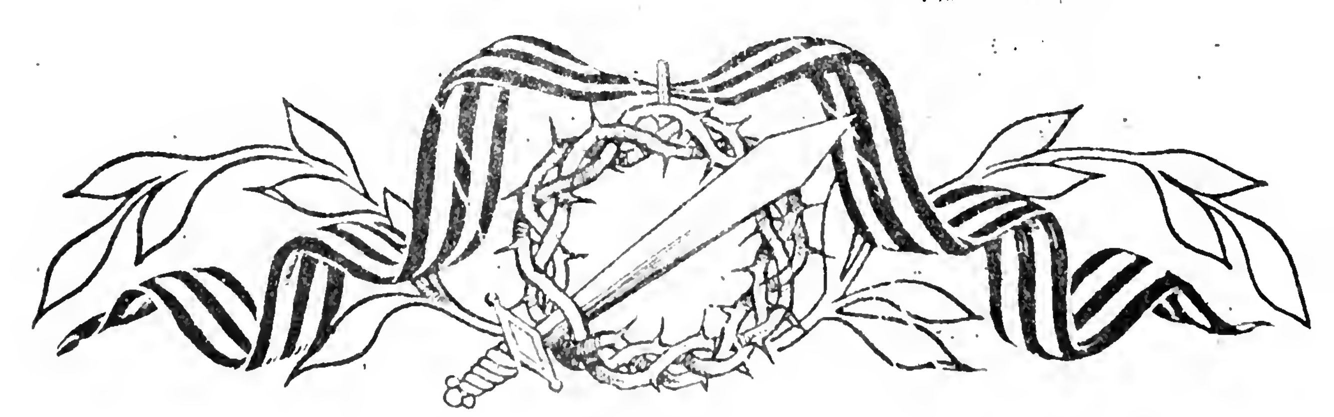
Сознавая всю колоссальную опасность для судеб революции твоего подвига, смертельные враги твои развеяли твой прах по ветру, думая этим вычеркнуть из памяти народной самое имя твое. Но и здесь они оказались плохими психологами.

Твой прах разнесся по всему земному шару.

Нет сегодня той точки на земле, на которой не взошли бы семена, тобою брошенные, и где бы не шла отчаянная, местами открытая, местами в подполье, борьба за сохранение самых драгоценных основ Веры, Духа и Морали, на которых стояло и вновь будет стоять человечество, если оно сумеет, подобно тебе, ясно увидеть, в чем заключается самая большая задача нашего времени, и найдет в себе ту силу воли, ту преданность идее и ту самоотверженную готовность отдать свою жизнь за нее, которых ты был таким ярким представителем и которые ты нам завещал.

Но все это суждено в полной мере понять только будущим, идущим нам на смену поколениям, которые, будем надеяться, перейдут, наконец, подобно тебе, от слов к делу и перестанут прятать голову в песок, чтобы не видеть висящей над ними грозной опасности.

+ А. Драгомиров.

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава третья

На Кубани

В Ново-Димитриевской задержались мы на целую неделю. Были и бои. Красные в первые дни стремились во что бы то ни стало выбить нас из станицы. Особенно настойчивой была их атака на мост, где волна за волной они напирали, кажется, на Корниловцев, но в конце концов, понеся огромные потери, отошли. Говорили тогда, что все атакующие были пьяны. В одном из боев участвовали и мы, но больше отдыхали и приводили в порядок свою потрепанную одежду и обувь. Редкий орудийный огонь, тянувшийся целыми днями, мало беспокоил нас: снаряды рвались больше в центре станицы, но часто приходилось видеть, как они захлестывались на топком пустыре и не разрывались.

В результате произведенного переформирования все партизанские отряды были сведены в отдельный полк, куда были влиты и несколько кубанских сотен. Полк получил название - Пеший Партизанский полк. Командование полком было поручено ген.Казановичу. Первым батальоном, первой сотней которого мы стали, командовал кап.Курочкин.

Вообще же, для нас отдых в ст. Ново-Димитриевской прошел довольно бесцветно и не оставил никаких ярких воспоминаний.

Уже по весенней распутице, снова меся грязь, вышли мы брать станицу Григорьевскую. Впереди нас шли Корниловцы, которым и пришлось вынести всю тяжесть жестокого боя. На следующий же день мы получили задание взять ст.Смоленскую. По слякоти пролегавшей в большом лесу дороги шли мы недолго. Вскоре сквозь щель просеки, далеко впереди, показались крыши строений. Прошли лес. За опушкой его начиналась ровная широкая песчаная полоса, а за ней - река, вздувшаяся, вышедшая из обычных берегов. На противоположном, более крутом берегу, вплотную к реке - станица Смоленская. Людей не видно. Небольшой группой мы вышли из леса в поисках брода или какой-нибудь переправы. И 20-ти шагов не успели сделать к реке, как вся окраина станицы загремела ружейным огнем. Градом посыпались пули. Отскочили назад, но двое остались лежать: один двигался, другой, повидимому, убит. Противника нигде не видно, но стоило чуть высунуться из-за дерева, как пули чуть ли не обжигали нос. За одну попытку выйти из-за укрытия поплатились многие. Стоявший рядом прапорщик Рязанцев то ли вздумал перескочить за другое дерево, то ли неудачно повернулся - и тотчас же упал мертвым. Благодарная память и по сей день сохранила мне образ одетого в черную бурку, скромного и храброго офицера. Мир праху его!

О переправе через реку не могло быть и речи: обстреливаемый открытый подход, а за ним глубокая вода быстрой реки. Простояли мы здесь больше часа, пока не получили приказание двигаться вверх по течению, к уже занятому нашими мосту. В этом деле опять потеряли трех убитыми и немного больше ранеными. Таяла наша сотня. Все, что произошло потом, осталось в памяти, как короткие, быстро сменявшиеся картины, а может быть - только обрывки их. Куда-то спешили по

грязи и лужам; с какого-то пригорка наблюдали бой за станицу Георге-Афипскую - как раз в тот момент, когда наш снаряд попал в один из вагонов состава со снарядами. Потом и мы заняли какой-то участок в этом бою. А потом опять шли куда-то ночью, меся дорожную грязь, пока не очутились перед Кубанью.

В числе первых нас переправили на пароме на другую сторону, и мы пошли в ст.Елизаветинскую. В ней мы задержались недолго. Вкусно поели, и едва успели отдохнуть, как получили приказание строиться. Вышли мы за станицу в направлении Екатеринодара и, когда показались вдали идущие нам навстречу цепи красных, развернулись и мы и пошли на сближение. Отстреливаясь, противник стал отходить. Без особого сопротивления продвинулись мы далеко вперед, не понеся больших потерь. Стало темнеть, когда нас отвели обратно в Елизаветинскую на ночевку. На утро опять отправились на старые позиции, где встретили уже более упорное сопротивление усилившегося за ночь противника. Шаг за шагом мы все же продвигались вперед. Уже занята ферма. С немалыми потерями тесним красных все дальше - к Екатеринодару, пока ураганный огонь противника не заставил нас залечь. Здесь мы и провели ночь. Как выяснилось, полк понес большие потери, а главное - был убит наш доблестный командир батальона, достойный заместитель полк.Чернецова, капитан Курочкин. Скромный и храбрый, он вел и учил нас своим примером. Имя его сохранит память все, кто знал его, и никогда не потускнеет.

Переправа через Кубань закончилась только на третий день, и к нам подошли части ген.Маркова. Противник все усиливался, мы же выдыхались и таяли и были не в состоянии прорваться сквозь огонь, который всякий раз встречал нас и наносил большие потери. Наступавшая ночь тоже не сулила успеха: огонь противника не ослабевал. Выбить красных с закрытых позиций могла только артиллерия, но она не имела снарядов и почти молчала. В темноте не заметили, как оказались перемешанными с какой-то другой, подошедшей с тыла частью. Когда слегка приутих огонь, мне не удалось найти свою часть, и ни у кого нельзя было узнать, куда она делась. Оставаться в чужой части не хотелось, и через некоторое время я отправился на ферму, в надежде узнать, где моя сотня. Но и на ферме никто не мог дать сведений о местонахождении ген.Казановича. Набрел я там на небольшую группу кубанцев; один из них взволнованно рассказывал, как он в канаве сцепился с красным вручную - кто кого задушит. Там же, помню, два господина в штатском пытались раздуть дымивший самовар. Помог им собственным сапогом, быстро превратив дым в огонь. Крупного тучного Родзянко я узнал по виденным раньше фотографиям, а второго, менее плотного, сразу вспомнил, когда через несколько дней впервые увидел своего Главнокомандующего ген. А.И.Деникина.

Мои тщетные попытки получить хоть какие-либо сведения о местонахождении моего батальона успехом не увенчались, и тогда я обратился к кому-то из начальников с просьбой направить меня в какую-нибудь часть. Направили меня к Марковцам, почти по берегу Кубани. Нашелся и еще один, потерявший свою часть. Добраться на передовые позиции было нелегко: по улице посвистывали пули, и мы пробирались дворами, где все носило следы жестокого боя. В домах хаос. Деревянные постройки пропускали пули, и почти нельзя было встретить не разбитого стекла или зеркала. Чем дальше мы продвигались, тем опас

нее было перебегать улицей в тех местах, где нельзя было пройти дворами. Осторожно двигались от укрытия к укрытию, пока не добрались, наконец, до расположения, кажется, 2-й роты. Заявили о нашем прикомандировании. Рота занимала группами отдельные дома, куда то и дело шлепались новые пули, довершая картину разрушения. Рота не вела больших атак, - не пытались производить их и красные, встречавшие при вылазках дружный отпор. Здесь дошли до нас первые слухи о смерти ген.Корнилова. Эта весть настолько потрясла всех сознанием своей непоправимости и грандиозностью утраты, что все словно оцепенели. Высказывалось робкое предположение, что, может быть, убит полковник Корнилов, бывший ротмистром в отряде Чернецова и вышедший в поход начальником небольшого конного отряда. Но вскоре подтвердилось,что убит Главнокомандующий.

- о -

Наступил день. Настроение у большинства подавленное, растерянное. Все мы боимся заглянуть в ближайшее будущее. Нового Главнокомандующего мало кто знал. Вокруг его имени не было ореола ген.Корнилова.

Нелегкая задача выпала на долю ген.Деникина: увести остатки Армии в такое место, где они могли бы отдохнуть, привести себя в порядок и по возможности пополниться. Морально надломленная, окруженная со всех сторон неприятелем, почти без боеприпасов - маленькая Армия отступала туда, где она родилась и откуда пришла: на север. Надо отдать должное начальникам, сумевшим не только предотвратить появление заразных микробов паники, но и вдохнуть веру в то, что мы не разбиты, не бежали и должны продолжать начатое два месяца тому назад дело; что мы - сила, которая заставит еще считаться с нею красных палачей России.

Отход от Екатеринодара безусловно был самым критическим моментом в жизни Армии за все время похода, а первый переход - до колонии Гначбау - самым утомительным. Длинный переход для не выходивших из боя в течение пятидневных боев частей. Одна мысль сверлила мозг: как бы не уснуть где-либо на привале и не отстать. Но жива была слепая вера в спаянную боями мощь армии.

Не помню, где я вновь присоединился к своей части. Сотню трудно было узнать: состав совсем маленький. Старых Чернецовцев - не более трех десятков. От них узнал о дерзком рейде ген.Казановича с партизанами внутрь Екатеринодара. Атакой опрокинули красных, ворвались в город, бродили по нему в течение нескольких часов и вернулись сквозь красные цепи, да еще и привезли с собою подводу со снарядами. Стало так досадно, что не пришлось участвовать в столь необыкновенном похождении отряда.

Из-под Екатеринодара мы ушли легко, но очутились в сети железных дорог, которыми всецело владели большевики. Наш огромный обоз, с нашими ранеными, не позволял перейти жел.-дорожное полотно в любом месте, а требовал наличия переезда. Остановились в немецкой колонии Гначбау - благоустроенном поселке, расположенном вдоль единственной широкой улицы, тянущейся с востока на запад. Обоз расположился посередине улицы, мы - по домам. Раненых с подвод не снимали. С южной стороны виднелся далекий лес - а может быть, сады, - откуда нас все время настойчиво обстреливали орудия. Отвечать нам было нечем, и противник наглел, поставив свои батареи на почти открытые

позиции. Снаряды ложились и во дворах, и в обозе. Наши артиллеристы приводили в негодность ставшие ненужными за отсутствием снарядов орудия. Пошли слухи, что кто-то собирается покидать Армию, спасаться в одиночку, и т.д. Неужели конец? Нет!

К вечеру получили приказание: с наступлением темноты явиться в соседний двор в распоряжение Начальника Особой Части, остающейся в Гначбау, как прикрытие тыла уходящей армии. Своевременно явился, куда следует. Собралось 30-35 человек - в большинстве Кубанцы. Нам объявили, что мы остаемся на месте до тех пор, пока нас не снимут специальным распоряжением из уходящей Армии. Расположили нас цепью на южной окраине, вдоль насыпи из соломы, прямо против занятых красными позиций. Где-то по сторонам были наши конные дозоры. Красные изредка постреливали - мы отвечали. Видимость все уменьшалась. Шум отходящей Армии стих. Прекратилась и стрельба со стороны красных. Хотелось взором прорезать темноту - взглянуть, что творится у противника. Мы собирались по два, по три и делились мыслями и предположениями: куда ушла Армия, где она теперь и что снею?Судя по времени, она могла быть уже за 13-15 верст от нас. То, что мы видели и слышали днем, никак не располагало к оптимизму. Хотелось уйти от самого себя, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Раз или два к нам во двор заглядывал всадник из дозора, принятый сперва за связь из Армии.

Много прошло времени. Наша тревога все нарастала, а полная тишина ее усиливала. Внешне мы были спокойны: никто не высказывал панической мысли, никто не проронил ни слова о нашей обреченности, в которой никто не сомневался. Около 2-х часов ночи пришло, наконец, приказание: Сняться! Радостная весть: переезд через железную дорогу в наших руках! Был бой.

Быстро погрузились на подводы и так же быстро поехали. Сон, о котором совершенно забыли, сразу заявил о своих правах, а до этого даже дрема куда-то исчезла. Несмотря на тряску, только временами открываешь глаза. Но рань свежего ясного весеннего утра разогнала сон, а великолепие окружающей нас природы окончательно прогнало его.

Вправо от нас земля дымилась по низу непроницаемым туманом поднимавшимся вверх и постепенно таявшим в лучах взошедшего солнца, и в уже освобожденное от него золотисто-розовое небо взвивались с земли тысячи и тысячи птиц. А солнце взбиралось все выше, рассеивая стлавшуюся над землей густую белесоватую пелену, откуда выносились стаи диких гусей и уток, звонким гомоном оглашавших воздух. Огромный стан крупной перелетной птицы. Словно другой мир. Сказка волшебного утра!

Было уже совсем светло, когда мы переезжали железную дорогу, и солнце в лицо встретило нас при въезде в станицу Дядьковскую. Здесь мы узнали о находчивости, дерзании и безумном героизме ген. Маркова и его сподвижников, воскресивших Армию к новой жизни. Впереди неизвестность, но рассеялись сомнения, вернулась вера в командование и в самого себя. Вновь ощутил себя частицей крепкого, грозного целого. Не было уже ген.Корнилова, но он незримо шел впереди нас, вернее - в нас! Ген. А.И.Деникин сразу укрепил свой авторитет Главнокомандующего.

Немногое удержалось в памяти до самого конца похода. В станице, кажется, Успенской выходили мы раз в поле и рассыпались по соседству

с другими частями. Дело ограничилось одним обстрелом; сколько-нибудь значительного боя не произошло. Закончился Первый Кубанский ген.Корнилова Поход. Армия вышла из окружения. Перед ней встала новая тяжелая задача.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

КАППЕЛЕВЦЫ

(Продолжение, см. №№ 28-32)

Большевицкий штаб отдельным приказом назначил денежные премии: за голову Каппеля 50.000 рублей, а также за командиров частей: за капитана Хлебникова, командира гаубичной батареи, за командира полевой батареи капитана Попова и за меня по 18.000 рублей. Не помню, сколько за Бузкова, Янучина (конные разведчики), Стафиевского (кавалерия), Юдина (Оренбургская сотня); перед именем каждого стояла цена.

Каппель, читая этот приказ, сказал, смеясь: "Я очень недоволен, - большевики нас дешево оценили... Ну, да скоро им придется увеличить назначенную за нас цену..."

В этот раз на Симбирск совместно с Народной армией, только с левого берега Волги, через железнодорожный мост, одновременно должны были наступать и чехи под командованием русского капитана Степанова. Но по каким-то причинам чехи опоздали на четыре часа и победоносно вошли с оркестром в уже взятый Народной армией Симбирск, где она скромно заняла важнейшие пункты города и окрестностей. Население радостно цветами приветствовало чехов, как победителей и избавителей.

Появление Каппеля перед населением.

В тот же день Каппель в первый раз появился перед населением. В переполненном до отказа городском театре, при гробовой тишине, вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастерку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и шашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на рукаве. Он как будто устало обратился с приветствием к собранию.

Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовался порыв и воля. Во время его речи многие присутствующие плакали. Плакали и закаленные в боях офицеры, только что освобожденные из большевицких застенков. Да и немудрено: ведь он звал на борьбу за поруганную Родину, за народ, за свободу. Отечество, свобода и жизнь народа были в опасности...

Каппель говорил - и не было сомнения, что он глубоко любит народ, верит в него и что он первый готов отдать жизнь свою за Родину, за великое дело, которое он делал... Действие его слов на слушателей было колоссально, и когда он кончил речь, она была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которых дрожало все здание.

С этого дня отряд Каппеля стал быстро пополняться добровольцами. Все, кто верил в дело освобождения России и любил свое отечество, брали винтовки и становились в строй. Рядом стояли и офицер, и рабочий, и инженер, и мужик, и техник, и купец. Крепко они держали национальный флаг в руках, и их вождь объединил всех своей верой в идею, святую идею освобождения родной страны.

Среди добровольцев не было перевеса на стороне какого-нибудь отдельного класса. Мощно поднялась волна народного гнева, чтобы смести насильников с лица земли. И армия в это время справедливо называлась Народной. В составе ее были представители буквально всех политических партий, за исключением большевицкой.

Самарское правительство или, как его тогда называли, "Комуч", имело большие недостатки, но это нисколько не отражалось на действующей Народной армии. Главной задачей у войск и у самого Каппеля было - победить большевиков и потом уже думать о правительстве. Да и действительно, Народной армии, живущей беспрерывно боевой и походной жизнью, было не до правительства.

В то время каждый командир, в том числе и Каппель, был в то же самое время и рядовым бойцом. На Волге не раз Каппелю приходилось залегать в цепь вместе со своими добровольцами и вести стрельбу по красным. Может быть, потому он так тонко знал настроение и нужды своих солдат, что ему приходилось вести тогда жизнь рядового бойца. Бывало, где-нибудь на привале или на дневке он охотно делился своими впечатлениями о текущем моменте:

"Мы, военные, оказались совершенно застигнутыми врасплох революцией. О ней мы почти ничего не знали, и сейчас нам приходится учиться тяжелыми уроками..."

"Гражданская война - это не то, что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши... Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг, если не погубит, то сильно повредит делу. Особенно осторожно нужно относиться к населению, ибо все население России активно или пассивно, но участвует в войне. В гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения..."

"Не нужно ни на одну минуту забывать, что революция совершилась, - это факт. Народ ждет от нее многого. И народу нужно что-то, какую-то часть дать, чтобы уцелеть самим..."

Указывая на добровольцев из крестьян, ведущих коней на водопой, Каппель говорил: "Победить легче тому, кто поймет, как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население сейчас идет нам навстречу, оно верит нам, и потому мы побеждаем... И, кроме того, раз мы честно любим Родину, нам нужно забыть о том, кто из нас и кем был до революции. Конечно, я хотел бы, как и многие из нас, чтобы образом правления у нас была монархия; но в данный момент о монархии думать преждевременно. Мы сейчас видим, что наша Родина испытывает страдания, и наша задача - облегчить эти страдания..."

Казань.

После Симбирской победы Каппель с присущей ему энергией погнал красных вверх по Волге, сообщив об этом в Самару полковнику Чечеку,

стоявшему во главе чешских войск, и Галкину, председателю военного штаба. Оттуда пришло разрешение, чтобы обеспечить Симбирск, произвести только демонстрацию в сторону Казани. Не желая отпускать далеко от себя Каппеля, самарское правительство ограничило его движение вверх по Волге лишь до устья впадающей в Волгу реки Камы (до города Богородска).

Донеся о получении этого приказа, Каппель высказал намерение идти на Казань. Самарское командование категорически запретило ему подниматься выше, но не объяснило, почему. В это же время из Казани противобольшевицкая организация сообщила и настойчиво просила как можно скорее атаковать Казань; в противном случае организация может погибнуть.

На военном совещании, созванном Каппелем, присутствовали члены Самарского военного штаба Б.К.Фортунатов, В.И.Лебедев, представитель чешских войск, командир батальона русский капитан Степанов и другие. На этом совещании Каппель доказал необходимость захвата Казани, в которой можно было получить много добровольцев и захватить российский государственный золотой запас. Все члены совещания разделяли взгляды Каппеля и охотно согласились взять все могущие быть последствия на себя, вопреки приказанию Самары.

После тяжелого, но непродолжительного ночного боя Народная армия овладела Казанью. Была взята масса пленных, в том числе весь 5-й латышский полк, много военного имущества и весь российский государственный золотой запас, брошенный большевиками в Государственном банке, находившемся в центре города, далеко от пароходных пристаней.

Перевозочных средств не было, все было захвачено убегавшими красными. К вечеру Каппель отдал приказ подать к Государственному банку трамвайные вагоны и на них с помощью каппелевцев погрузить все золото для перегрузки в пароход "Фельдмаршал Суворов".

Добровольцы, как муравьи, по одиночке и группами переносили ящики из кладовых банка, где на полу было рассыпано много золотых монет: видимо, уже начали грабить большевики, да не успели... Добровольцы подбирали с пола монеты и передавали их Каппелю, кладя на стол, за которым он сидел. Тогда никому в голову не приходило взять закатившуюся золотую монету себе на память. Все подобранные монеты назначенная Каппелем комиссия аккуратно пересчитывала и снова укладывала и забивала в ящики и отправляла вместе с другими ящиками на пароход "Фельдмаршал Суворов".

Было погружено 650.000.000 золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, запас платины и другие ценности. Впоследствии это золото из Самары было перевезено в Омск, в распоряжение Верховного Правителя адмирала А.В.Колчака.

В Казани были десятки тысяч рядовых офицеров и вся Академия Генерального Штаба с профессорами. На собрании офицеров Генерального Штаба Каппель настаивал на дальнейшем движении, на Москву. Но большинство решило, как учили учебники: "Сначала закрепить завоеванное, а потом двигаться дальше!"

А через два дня самарское командование вынуждено было отозвать Народную армию обратно под Симбирск, так как к Красным пришли большие пополнения во главе с Тухачевским.

Симбирск был в безвыходном положении, почти накануне сдачи.

Но в последний момент Каппель, как орел, прилетел со своей Народной армией и - правда, не без труда - разбил красных, прогнав их в сторону Инзы.

Опять под Казань.

Не докончив удачно начатой операции под Симбирском, Каппель вынужден был погрузить своих добровольцев на пароходы и баржи и идти под Казань, фронт которой затруднялись держать чехи, прибывшие в помощь к местным формированиям.

Опоздав под Казань, Каппель принужден был Народную армию выгрузить на правом берегу Волги в районе Нижнего Услона и дать несколько ожесточенных боев около города Свияжска с превосходящим в десять раз противником. Чтобы взять инициативу в свои руки, Каппель послал конную группу в глубокий обход Свияжска (слева) на станцию Тюрельму, так же, как было при обходе Сызрани на станции Заборовке.

Борис В.Савинков.

В это время только что бежал от большевиков знаменитый террорист Б.Савинков, который попросил разрешения принять участие в обходе Свияжска на ст.Тюрельму. Каппель приказал мне выделить для Савинкова коня. Савинков следовал все время с моей батареей. Помню, ему, не сидевшему на коне более двух лет, было очень тяжело сделать за первые сутки около 90 верст.

Обстреляв ст.Тюрельму так же, как когда-то и станцию Заборовку, но только с дистанции 3-х верст, я должен был, не задерживаясь, двигаться на Свияжск, имея у себя прикрытие всего 45 сабель конницы под командой ротмистра Фельдмана. Через полчаса пути нам навстречу показался шедший из Свияжска бронепоезд. Я быстро поставил батарею на позицию, укрытую небольшой горкой, недалеко от деревни. И с трехверстной дистанции начал энергично обстреливать бронепоезд, который скоро остановился, выпуская из паровоза облако пара. Красные, как тараканы, разбегались врассыпную из вагонов поезда, и почему-то большая часть их бежала в деревню - в нашу сторону.

Мне нужно было беречь снаряды, так как неизвестно было дальнейшее. Согласно общей диспозиции, на город Свияжск с рассветом должны были наступать наши главные силы, и к нашему приходу он должен был быть взят.

Я послал часть своих разведчиков для захвата бежавших с бронепоезда красных, а сам вместе с Савинковым сидел на больших камнях близ сельской бакалейной лавки, куда мне приводили пойманных красных. Я задавал им несколько обычных вопросов и, согласно приказа Самарского военного штаба, их отпускали на все четыре стороны, если они не хотели служить в наших рядах. Конечно, предварительно у них отбирали оружие. Расстреливать их тоже не полагалось. А комиссаров и командный состав мы должны были направлять в штаб Каппеля, а оттуда в Самару для допроса. Тогда мы это точно выполняли.

И вот, когда Савинков и я сидели около лавки, ко мне привели грязного 16-летнего красноармейца мои смеющиеся над ним добровольцы. Он от страха заливался горькими слезами. Среди приведших его был мой большой приятель и друг по коммерческому училищу Л.Ш., который сказал: "Господин командир (чинов у нас тогда не было, обра-

щались по должности), разрешите этого парнишку отшлепать. Он убежал от матери и поступил в красные добровольцы".

Я ему разрешил, так как хорошо знал, что доброволец Л.Ш. ничего страшного парнишке не сделает. Он скомандовал красному вояке снять штаны и лечь на бревно и дал ему несколько шлепков, приговаривая: "Не бегай от матери, не ходи в красные добровольцы!" И добавил: "Вставай и иди к своим и скажи, что мы никого не расстреливаем".

Красный вояка, застегивая на ходу пуговицы штанов, быстро побежал к бронепоезду, крича: "Никому ничего не скажу!" - и скрылся за плетнями огородов.

Наблюдавший эту картину Савинков, обращаясь ко мне, сказал: "Эх, Василий Осипович, добрый вы человек - что вы с ними цацкаетесь? Расстрелять эту св... , да и дело с концом. Ведь попадись мы с вами к этим молодчикам, они ремнями содрали бы с нас кожу. Я только что бежал от них и видел, что они делали с пленными..."

Согласно диспозиции конной группе, то есть мне, нужно было после обстрела станции Тюрельмы, не задерживаясь, двигаться на Свияжск, который, предполагалось, должен был бытьочищенным от красных. Мы шли, держась сжатым кулаком, имея в полуверсте впереди себя дозорных, которые уже с окраинных улиц видели в центре площадь, заполненную повозками, кухнями и какими-то войсками.

Из-за угла ближайшего перекрестка прямо на дозорных шел автомобиль "Минерва", который сразу уткнулся в первые ворота. Из него вышли два человека и быстро скрылись в калитке ворот, пока дозорные, имевшие из предосторожности винтовки на коленях, разговаривали с шофером, приказав ему ехать ко мне. На глазах дозорных заполненная площадь как бы закипела. Все разбегались, кто куда мог.

Из расспросов шофера оказалось, что он вез Троцкого и его адъютанта, но нам в подробности входить было некогда. Положение конной группы (то есть нашей) было пикантным. Пришлось спешно повернуть в первую попавшуюся боковую улицу, на спокойной рыси выбраться на окраину города и проехать в поле, и только там перевести коней в шаг, придерживаясь направления на юг к деревне, где должны были быть наши главные силы. К ним мы присоединились перед наступлением вечерней темноты, когда части втягивались в только что покинутую красными деревню.

Нас встретил Каппель, поблагодарил за отличную работу и рассказал, что наступление на Свияжск было отложено, так как некоторые наши наступающие части ошиблись в направлении. Выправить его взяло много времени, и пришлось ограничиться боем за это село. В конную группу, то есть ко мне, было послано три сообщения, которые не удалось нам доставить. Наши кони были сильно утомлены переходом, мы вели их в поводу, часто останавливаясь, втягиваясь в большое село.

В нашей группе начальников шли Каппель, Савинков, Фортунатов и я. Немного сзади нас шел тоже член Самарского военного штаба В.И. Лебедев. Из ворот вышла старушка-крестьянка и, подавая довольно увесистую краюху хлеба Лебедеву, сказала: "На-ка, родимый, чай, изголодались за день-то денской, покушай!.." Лебедев почти вырвал у нее хлеб и, догоняя нас, крикнул Савинкову: "Борис Викторович, смотри-ка, народ-то за нас"...

Савинков, не останавливаясь, резко ответил: "А ты думаешь, что баба разбирается, белый ты или красный?"...

В.Вырыпаев. (Продолжение следует)

АХМЕТ ЗОГУ 1-й
король Албании

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. "Вестник Первопоходника" №№ 28 и 30)

Стоял холодный декабрьский день. Я сидел в кафе на Теразии в Белграде и весь ушел в свои невеселые думы... Вспомнил Первый Кубанский Поход, вспомнил, как я потом присоединился к формировавшемуся вновь в Добровольческой Армии 5-му Гусарскому Александрийскому Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку. В это время большинство моих однополчан по 5-му Уланскому Его Величества короля Италии Виктора Эммануила 3-го полку были в Сибири. Из 5-го Уланского Литовского полка к Черным Гусарам на южном фронте, кроме меня, примкнул, уже несколько позже, только ротмистр Руднев. После Галлиполи, в августе 1921-го года, вместе со всей кавалерийской дивизией, я очутился в королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев.

Несколько лет провел я в этой стране: был сначала в пограничной страже на албанской границе у Охридского озера, потом прокладывал шоссе Вальево-Осечна, учился на факультете гражданских инженеров в Белграде и в том же университете топил котлы; был истопником также на шоколадной фабрике Шонда; одно время имел даже свое дело - молочное. В начале оно шло блестяще: торговал молоком, маслом, котлетами; особенным успехом пользовался "настоящий импортированный французский рокфор", который получался из старых, прокисших от лежания сырков, приготовляемых в самом же Белграде... Кончилось мое предприятие тем, что пришлось закрыть лавочку, а ключ от нее - бросить в уличную сточную трубу...

Пытался я также устроиться при Женской Медицинской Академии, но, не будучи ни женщиной, ни медиком, вместо докторской должности принял скромный пост садовника. И там удержался недолго. Самое обидное, что моя отставка была вызвана не романтическими похождениями, как предполагали мои приятели, - нет, среди моего начальства не было ни одной хорошенькой докторши: какая мало-мальски интересная женщина в начале нашего века поступала на медицинский факультет вместо

того, чтобы просто выйти замуж? Выгнали меня, ученого садовника-агронома, за которого я себя выдавал, по причине моего невежества в моей же профессии... Велели мне пересадить из леса "црный" тополь в парк Академии. Я возился с этим предприятием несколько дней, но когда пересаженные деревья разрослись на новом месте, то они оказались не тополями, а обыкновенной калиной...

Были еще и другие неудачи... Осенью 1924-го года я решил переехать во Францию. Для получения визы прибег к "Технопомощи", которая, однако, в моем случае оправдала данную ей кличку "Себепомощи". Я, было, уже совсем размечтался попасть в Париж и там сделаться шофером такси, как многие мои приятели. Они писали, что лихо разъезжают на красных Рено, спасших в свое время Париж под Марной, а после войны вернувшихся к своим обязанностям моторизованных извозчиков... Конечно, не легко зазубрить названия улиц всех 20-ти аррондисманов (тогда их было только 20!), но зато зарабатывать в три раза больше, чем в Белграде - совсем не плохо!..

Сидя в этот памятный для меня день за столиком Белградского кафе, я очень огорчался тем, что виза не приходила. Не знал еще тогда, что Судьба мне наконец улыбнулась, задержавши меня в Белграде. Правда, что эта Судьба, приведшая меня в этот декабрьский день 1924 года на Теразию, хотя действовала и в моем интересе, но пользовалась странными методами. Она устроила так, что с моей визой (как я это узнал много позже) поехал во Францию не я, а кто-то другой из "Технопомощи"... Но, конечно, в дальнейшем я не жалел об этой "пропавшей грамоте" или, вернее, "спертой визе"...

Итак, мои мечты о Париже и о шоферском счастье внезапно прервались подошедшим к моему столику полковником Миклашевским. Знал я его еще по Екатеринославской губернии. Его имение было недалеко от нашего. Во время войны он был послан на Румынский фронт; отличился и получил Георгиевский крест. Боевая операция была настолько удачна, что, кроме русских наград, и сербское правительство послало ордена нашим отличившимся воинам. Среди этих орденов было несколько "Андрея Первозванного" и одна "Карагеоргева звезда". Русские не знали значения сербских отличий, и старшим офицерам достались ордена "Андрея Первозванного", а Миклашевскому, как младшему, получившему наш Георгиевский крест, досталась "Карагеоргева звезда".

Только попав после эвакуации из России в С.Х.С., Миклашевский узнал, что он был награжден высшим сербским орденом. Его моментально приняли в сербскую армию с сохранением чина полковника, в котором он закончил службу в Добровольческой Армии.

В Белграде я встречал время от времени Миклашевского, но никогда не видел его в таком радостно возбужденном состоянии, как в этот день. Он объяснил мне, что Ахмет Бей Зогу, который в это время был эмигрантом в С.Х.С., решил свергнуть про-советское правительство православного епископа Фаноли в Албании и для этого идти походом на Тирану. Как это ни звучит странно для 20-х годов 20-го века, но Зогу лично владел несколькими тысячами матьян (название одного из албанских племен), из которых 300 человек он забрал с собой в С.Х.С. На помощь к ним феодальный князь (которым фактически являлся Ахмет) решил привлечь "белых" русских, справедливо считая бывших участников Добровольческой Армии самым подходящим элементом для ведения

ГРУППА РУССКИХ, ЗАНЯВШИХ ТИРАНУ.-Декабрь 1924 г.

К фотографии:

ВТОРОЙ РЯД СЛЕВА:

1-й - Вахмистр Зинченко (Первопоходник);
4-й - Коноплев. Остался в Албании, где и скончался после 2-й Мировой войны;
5-й - Вахмистр Киреев;
6-й - Ротмистр Сукачев (Первопоходник);
7-й - Полковник Улагай (Первопоходник). После занятия Албании Италией в 1939 г. ушел в Югославию. Во время 2-й Мировой Войны командовал Кавказским Горским Отрядом у ген.Краснова. Благодаря албанским личным документам избежал выдачи большевикам в Лиенце. Скончался в Чили.
8-й - Полковник Русинов. Оставался в Албании до последнего времени.
9-й - Полковник Барбович. После занятия Албании красными примкнул к коммунистам.
10-я - Г-жа Улагай.
11-й - Полковник Берестовский. Скончался в Албании в 1944 г.
12-й - Ротмистр Ширинкин. Был выслан из Албании за поступки, недостойные офицера.
13-й - Поручик Раевский. По личным причинам добровольно покинул Албанию в 1925 году.

ПОСЛЕДНИЙ РЯД: Корнет Силич (остался в Албании); Инженер Медведев (скончался в Бельгийском Конго в 1928 г.); Штаб-ротмистр Караблин; Корнет Белевский (убит в борьбе с красными партизанами в Албании); Ротмистр Фиалковский (остался в Албании).

- -

борьбы против "албанских красных", все более и более наглеющих под ловким предводительством Краковецкого, главы советской миссии в Тиране.

Сербское правительство, которое тоже начинало опасаться прокоммунистических влияний в соседней стране, охотно согласилось не противиться найму Ахметом русских добровольцев. Однако, оно поставило условием, чтобы командовал ими сербский офицер. Им оказался Миклашевский. Зогу предоставил в его распоряжение большую сумму денег в "наполеонах", то есть золотых французских монетах.

Средневековый колорит начинавшейся, казалось, фантастической (но оказавшейся вполне реальной) эпопеи был выдержан до конца: армия наемников, которой командовал потомок Александра Македонского (за которого выдавал себя Зогу), армия, оплачиваемая золотом (а не "керенками"), - должна была привести к власти Ахмет-Бейа!

Как мне было сразу не заинтересоваться таким делом? Конечно, шоферство в Париже показалось неинтересной мелко-мещанской затеей! Миклашевский торжествующе мне сообщил, что только что встретил двух русских: один из них назвал себя казачьим войсковым старшиной, а другой - полковником; они оба с большим энтузиазмом отнеслись к предложению идти в поход на Албанию и сказали, что они приведут сейчас же 80 человек казаков. "Войсковой старшина" получил от Миклашевского, из золота, данного ему Ахмет-Бейем, 300 наполеонов и обе-

щал вечером быть на вокзале вместе с этими 80-ью казаками, для отправки в Скоплие. Миклашевский поручил мне сопровождать эту группу. Я прождал на Белградской железнодорожной станции всю ночь, но никто не явился... Миклашевский стал жертвой каких-то ловких "дельцов", выдавших себя за войскового старшину и полковника. Правда, в утешение они прислали Миклашевскому, по переезде сербской границы, очень любезную открытку, в которой вежливо благодарили за оказанную им финансовую поддержку...

Тогда на следующий день я с Миклашевским начали на улицах Белграда вербовать русских, к вечеру того же дня в отряде оказалось 108 человек, и мы благополучно проехали в Скоплие.

Оттуда пешком прошли в Дебар, где 16-го декабря был окончательно сформирован Русский Отряд. Начальником его был назначен полковник Миклашевский, его помощником - полковник Берестовский, начальником штаба, причисленным г Генеральному Штабу - полковник Русинов, командиром батареи - полковник Барбович, начальником пулеметной команды - полковник Улагай. Меня назначили взводным командиром. Всего нас было на офицерских должностях 15 человек, при вооружении, состоявшем из 8-ми итальянских пулеметов Фиат и 4-х горных бронзовых австрийских орудий, помнивших раннюю молодость императора Франца Иосифа.

Начался поход. После перехода албанской границы, 17-го декабря 1924 года, мы встретили сопротивление противника под Пешкопеей. Наступая от деревни Блато, мы с боем вошли в город, взявши в плен командира гарнизона Али Риза, пять офицеров, 400 солдат регулярной пехоты, много добровольцев, одно горное орудие (более "молодое", чем наши четыре гаубицы) с прислугой, лошадьми и вьюками, четыре пулемета, три бомбомета, много ружей и снарядов.

Мы сразу освободили из городской тюрьмы сидевших там противников власти епископа Фаноли. На главной площади стояли приготовленные две виселицы. Конечно, мы полюбопытствовали узнать, кому они были предназначены: по словам одних - для албанцев, сторонников Ахмета Зогу; между тем как другие объясняли, что на них должны были висеть чины нашего отряда...

Там же в Пешкопее присоединился к нам отряд Гильярди. Интересна и красочно типична для Балкан начала 20-го века личность этого авантюриста, описанного Брешко-Брешковским. Итальянец по происхождению, он еще до 1-й Мировой войны был австрийским офицером. Брат его занимался в Австро-Венгрии крупной политической деятельностью. Во время очередного на него покушения вместо него по ошибке была убита его мать. На суде убийцу оправдали, признав политический характер преступления. По вынесении оправдательного приговора, защищая честь семьи, капитан Гальярди тут же на суде выстрелил в убийцу матери и убил его на месте. После этого ему не только пришлось уйти с австрийской военной службы, но и скрыться за пределами Австро-Венгрии, чтобы избежать преследований по закону. В Албании он начал наново военную карьеру: воевал 18 раз против Сербии. Имя его всегда было связано с разными авантюрами...

Итак, наша первая победа - взятие Пешкопеи - была позади. 18-го декабря и Ахмет Бей со свитой приехали туда. В тот же день, в 10 ч. 30 м. утра будущий король Албании принял парад, во главе которого продефилировал наш Русский Отряд. Это было наше первое, но далеко

не последнее торжество на албанской территории. Жители города, так же, как и албанцы местностей, расположенных поблизости и уже "освобожденных" от власти Фаноли полковником Цено-Беем Криузиу, толпами стекались, чтобы приветствовать Зогу и Русский Отряд.

Сознаюсь, что роль воина-освободителя мне нравилась, но нам недолго дали наслаждаться славой победителей: уже 20-го декабря было велено выступить походом на Тирану. За это время репутация нашего отряда успела вырасти в какой-то сказочный миф. Повидимому, воскресли легенды времен Скобелева о непобедимости русского оружия, о могуществе русских войск. Словом, говорили, что с Ахмет-Беем идет многотысячная русская армия. В результате такой "информации" враг отступал в панике: мы вообще больше не видели противника; иногда только проходили через вырытые, но брошенные окопы.

Дойдя до "мали" (горы) Дайти, возвышающейся над Тираной - был ясный зимний день - мы увидели, как четыре парохода отплывали из дурацкого порта (то есть порта города Дураццо). Это епископ Фаноли, его приверженцы и советская миссия покидали Албанию... Для страны открывалась новая страница истории.

После ухода турок страной управляли "регенты", но их правление было больше теоретическим. Жили они обыкновенно заграницей, интересовались только получением жалованья, предоставив все государственные дела премьер-министрам. Таким премьером одно время после окончания Первой Мировой войны был назначен Зогу; потом, путем разных интриг, Фаноли удалось занять его место, и Ахмет-Бей оказался эмигрантом в С.Х.С.

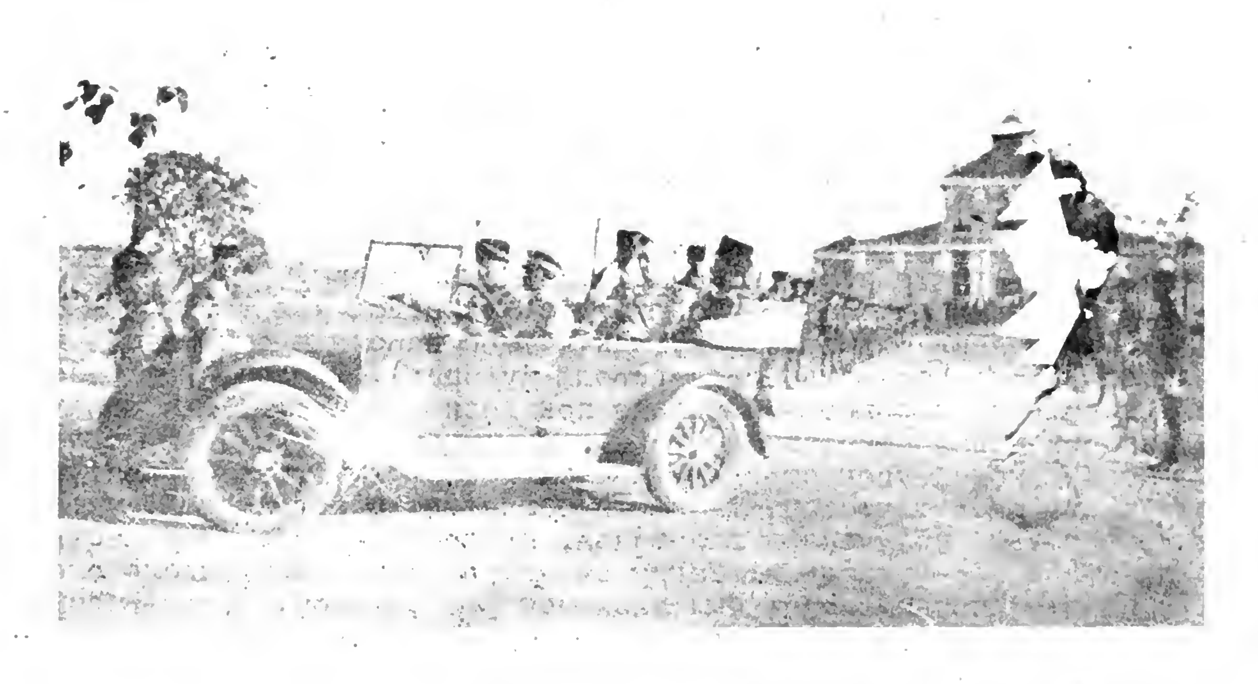
Фаноли, как и его предшественники, не пытался производить реформ, не модернизировал страну, которая оставалась такой же отсталой, как и при владычестве турок. Внешнюю же политику он вел определенно про-советскую.

На Рождество 1924 года мечта Зогу осуществилась. Тирана и власть Фаноли пала. 26-го декабря Русский Отряд вошел в столицу Албании. При входе в город нас встречал военный оркестр, разукрашенные флагами улицы были запружены народом, радостно нас приветствующим. Со всех сторон раздавалось громкое "Рофт!" - албанское "Ура".

Довольно долго наш отряд ничем другим, кроме пожинания лавров победителей, не занимался. Расквартировали нас в большом доме, коридоры которого через несколько недель оказались настолько заставленными пустыми водочными бутылками, что пройти было не простой задачей...

Между тем, Ахмет-Бей занимался государственными делами и лихорадочно готовился к изменению статута Албании. В первый раз за всю ее историю были произведены выборы в Учредительное Собрание. Для этого "Парламента", как албанцы называли Учредительное Собрание, было приспособлено здание офицерского собрания.

Русский Отряд в Тиране оказался единственной организованной воинской частью в Албании, и Ахмет Бей велел нас выстроить напротив дома, где собрались в первый раз выборные депутаты страны. Сам Зогу остался в своей личной резиденции в ожидании решения Парламента относительно нового государственного статута: по предложению Ахмет-Бея Албания должна была быть объявлена Республикой (вместо Регенства), а сам он, Зогу, - президентом. Русскому отряду было приказано ждать появления на балконе здания Парламента доверенного лица Ахмета.

Весна 1925 г. Ахмет Зогу возвращается в свою резиденцию из Парламента /здание Офицерского Собрания/ где он был провозглашон Президентом Албанской Республики.-

---

В случае принятия депутатами предложения Зогу, это его доверенное лицо должно было помахать белым платком, а в случае отрицательного решения - быстро выбежать из здания (изображенного на фотографии) и перебежать площадь к нашему Отряду. Нам же было велено направить все имеющиеся в нашем распоряжении 4 пушки и 8 пулеметов на Учредительное Собрание, по которому, в случае отрицательного решения, мы должны были дать залп...

Благоприятный ответ не заставил себя долго ждать. Нам помахали с балкона белым платком. Зогу был выбран единогласно первым Президентом новой Албанской Республики... Мы подняли дула пушек и пулеметов вверх и салютовали новую Республику и ее Президента, который не замедлил прибыть в парламент.

Через несколько лет король Италии Виктор Эммануил 3-й провозглаоил Ахмет-Бея королем Албании Зогу 1-м. Однако, железной короной Скандер-Бея ему короноваться не удалось: Венский музей, в котором хранилась эта реликвия, отказался выдать ее королю Албании...

Л.П.Сукачев

(Продолжение следует).

- - оОо - -

РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ.

"Пусть вы - немногие, много вы можете
Сделать для Цели Святой,
Если всю силу души своей вложите
В подвиг возвышенный свой!
Верьте в себя! Не напрасно вы светите!
Нужен нам чудный ваш свет!
Сестры души моей! Знаю - ответите!
Верю в ваш Русский ответ!"
А.Балашев.

9-го февраля 1918 года. День ухода Добровольческой Армии в 1-й Кубанский поход. Весь этот день в нашей палате областной больницы Войска Донского в Новочеркасске, забитой до отказа ранеными, прошел очень шумно и в волнении. Сестричка наша Шура Л. выбилась совсем из сил, помогая и снаряжая тех, кто мог еще двигаться, и утешая остающихся. Шура не была сестрой милосердия, она была всего лишь гимназисткой местной гимназии и могла делать лишь то, что подсказывало ей ее любящее сердце.

К вечеру все стихло, как в палате, так и снаружи. Кто мог, сам ушел, кого взяли родственники, и только мы, два моряка - мичман Вася Тихомиров, еще совсем безусый мальчик, и я - как две рыбы, выброшенные на берег, оказались в беспомощном положении. Весь медицинский персонал улетучился. Шура наша тоже ушла, и только рядом в комнате сиделки-казачки делились своими впечатлениями. Вася заметно волновался - у него нога была прострелена в двух местах и он не мог ходить;мне же было как-то безразлично: разрывная пуля, разбившая мое левое плечо, оставила много осколков; эти осколки вызывали нагноение, подымалась температура, и чувство опасности притуплялось. Снаружи был тихий зимний вечер, мороза почти не было, но снегу было много. Небо сверкало звездами, и только изредка раздававшиеся в разных концах города одиночные выстрелы напоминали всем о том ужасе, который вот-вот свалится на нас.

Стемнело. Неожиданно подходит к нам сиделка, здоровенная казачка, хватает меня в охапку и, говоря: "За вами пришли!" - несет меня вниз по лестнице на улицу. Вася прыгает за нами на одной ноге. У крыльца стоит ослик, запряженный в санки, а на санях - большой мусорный ящик; какой-то мальчик лет 15-ти держит ослика за узды. Сиделка кладет меня в ящик, сверху залезает Вася, и мы двигаемся. Откуда-то из-за угла появляется наша Шура и говорит: "Я решила взять вас к себе".

Все это произошло так неожиданно и быстро, что ни у меня, ни у Васи не было тогда никаких тревожных мыслей, а когда Шура привезла нас к себе в дом, где мы нашли чистенькие, приготовленные для нас кровати, уютную обстановку, пианино, на котором Шура что-то нам сыграла, то мы почувствовали себя, наконец, дома, забыв обо всем на свете.

Потом мы узнали, что у Шуры были отец - больной, разбитый параличем - и мать, запретившая ей привозить нас к ним в дом, да еще мальчик сирота, живший у них и помогавший им по хозяйству.

На утро действительность встала перед нами в полной своей без-

надежности: рана моя насквозь промокла, некому и нечем было ее перевязать. Что могла сделать молоденькая Шура без опыта? Мать же ее отказалась чем-либо нам помочь; за два месяца, что я пробыл у них, я ее так и не видел.

Через два-три дня вбежала встревоженная Шура и предложила нам переселиться в подвал, куда мы с трудом и перебрались. Оказалось, чекисты ходят по домам и вытаскивают нашего брата. Однако, дойдя до нашего дома, они повернули обратно. Все это мы узнали позже,так как Шура сама нам ничего не рассказывала.

В то время в Новочеркасске находился Смольный институт, перевезенный из Петрограда из-за голода. В этом институте училась моя младшая сестра Оля. Шура рассказала моей сестре Оле о нас, и одна из классных дам, бывшая сестрой милосердия на фронте, согласилась нас навещать и делать перевязки. Не помню ее имени, но своими заботами о нас она стала для нас матерью, и мы поняли тогда, на какой риск пошли эти совершенно чужие для нас люди. Она во-время заметила, что у меня начинается заражение крови. Все свое свободное время она бегала по городу в поисках доктора, но почти всегда получала отказ. Наконец, один врач, д-р Д., согласился, пришел без всяких инструментов и просто пальцами вытащил из моей раны несколько осколков; после этого я начал поправляться.

Стали появляться к нам гимназистки из Ростова. Помню, были Женя, Таня и еще некоторые, имен которых я, к сожалению, не помню. Как они нас находили, я не знаю, но они привозили нам белье, медикаменты, деньги и даже вино. Вася скоро поправился, ему раздобыли документы ученика коммерческого училища, и вскоре он уехал к себе домой на Волгу. Я остался один, но ненадолго, так как вскоре красные разогнали институт и сестра моя переехала ко мне и заняла место Васи.

Я также уже стал сельским учителем Проскурняковым, страдающим от туберкулеза кости левого плеча. Оставаясь вдвоем с сестрой, мы все время гадали, куда бы нам уйти от Шуры и освободить ее от той тяжести, что она приняла на себя. Мы видели, как ей было тяжело, но ничего не могли придумать, так как я еще не мог двигаться. К апрелю месяцу в Новочеркасске начались, после месячного затишья, снова расстрелы и притеснения.

Неожиданно из Ростова приехала Таня Е. и предложила нам переехать к ней, на что мы с радостью согласились. За время моей болезни у меня выросла довольно внушительная борода, и я действительно стал похож на сельского учителя. Переезд в Ростов был без всяких приключений, пришлось только выйти из поезда за станцию до Ростова - в Нахичевани, так как в Ростове усиленно всех обыскивали.

Из Нахичевани прошли пешком до окраины Ростова, где сели на трамвай и вскоре очутились в большом трех-этажном доме, принадлежавшем отцу Тани. На следующий день пришла ее подруга Галя со своим отцом-доктором, который продолжал оказывать мне медицинскую помощь.

В начале мая Ростов был занят немцами, и мы были освобождены.

Так вот эти молоденькие девушки, еще совсем дети, но с большим русским сердцем, спасли меня и Васю и, конечно, еще других, оказавшихся в подобном положении.

Когда уже в 1920 году я встретил Таню и спросил ее, будет ли она со всеми эвакуироваться, она отказалась и осталась в Ростове,

потому что "ведь наших много будет по тюрьмам, кто же будет им помогать?" И она выполнила свое обещание. В 1950 году, находясь в Австралии, я получил письмо из Парижа от некоей г-жи Вишневской. Это была Таня, вышедшая замуж и каким-то образом уже в 1924 году бежавшая из СССР.

В то время другие нахлынувшие события закрыли собой этот маленький период жизни и мне не удалось ничем отблагодарить за те жертвы, которые были принесены Шурой, Таней и другими. Теперь же вспоминается прошедшее, многое улетучилось, и осталось лишь это короткое время, когда я был свидетелем таких высоких переживаний. Я надеюсь, что, может быть, эти скромные строки принесут удовлетворение тем, кто тогда, рискуя своей жизнью, так беззаветно служил Белой Идее.

Австралия. А.Ваксмут.

- - оОо - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".

Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, Ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ью прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 дол., в Австралии $2.65 или 1 австр.фунт 4 шил.Во Франции, остальной Европе, Африке и Ю.Америке - $ 2.40 или 12 франц.нов.франков.Пересылка всюду 20 ц. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу: V.Miatch, I706 Echo Park Ave, Los Angeles 26, California, U.S.A.

- - оОо - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $ 2.10. Желающие могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:
V.Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.
Прилагаемый оттиск значка показывает его размер и рисунок.

З А Я Ц

Одно из самых решительных сражений с Красной армией, у преддверия Северного Кавказа, отбросившее противника почти на сто верст, было выиграно зайцем!

Не думайте, что, говоря - зайцем, - я имею ввиду какое-либо техническое выражение. Нет, господа, это был самый обыкновенный, чистопробный и честный заяц - как все зайцы. Не стану описывать вам его внешность, так как и сам-то я разглядел его весьма относительно: до того ли тогда было?! Да и нет такого человека, который бы не видел в своей жизни зайца. Одним словом - описывать нечего.

Однако, господа, я сам сознаю необходимость объяснения столь же смелого, сколь и, казалось бы, невероятного утверждения, а потому и приступаю к описанию этого достойного удивления случая. Но если вы мне все же не поверите, то обратитесь за подтверждением к известному вам Г.Н.Залеткину, положившему немало труда для принуждения зайца избрать нужное нам направление и таким образом внесшему и свою лепту в бой, закончившийся полным поражением противника.

Все же честь этой победы принадлежит зайцу и его ближайшему помощнику полковнику Юрасову, а мы, остальные, играли роль второстепенную или, вернее, вспомогательную.

Предупреждаю читателей, что начать мое повествование я должен немного издалека, а именно, с кануна того дня, когда произошел этот памятный для меня бой, потому что в этот день прибыл в полк новый штаб-офицер, полковник Юрасов, за неимением командной должности назначенный помощником командира 1-го батальона. Назначение это не накладывало на него никаких обязанностей, а следовательно, не давало ему и никаких прав, за исключением права находиться в строю, где ему вздумается, и ночевать в штабе батальона. Лет ему было за 40. Одет он был в аккуратно пригнанную польскую бекешку; на голове - серая офицерская папаха; на ногах - теплые войлочные сапоги на кожаной подметке. Среди нас, одетых весьма своеобразно (в чем Бог послал), он, только что прибывший, если не ошибаюсь, откуда-то из-за границы, выгодно выделялся своим видом.

Добрался он до полка как раз к концу ведшегося нами наступательного боя, когда, уже разбив красных, мы находились в фазисе преследования. В бой этот он так и не попал, а наблюдал его издалека и был приведен в состояние полного восторга действиями 1-го Офицерского ген.Маркова полка. Появившись сейчас же после боя в первой роте и отрекомендовавшись, он неожиданно воскликнул:

- Марковцы, ваши имена должны быть записаны золотыми буквами на бриллиантовой доске!

- Не дороговато ли обойдется, г-н полковник? - озабоченно справился пор.Успенский.

- Пожалуй, - согласился полк.Юрасов. - Ну, тогда бриллиантовыми буквами на золотой доске!

- Это, конечно, дешевле обойдется, - признали все. - А на полученную экономию купить папирос и выдать каждому хотя бы по одной штуке: ужас, как курить хочется!

Полковник Юрасов немедленно вытащил свой тяжелый, украшенный золотыми и серебряными монограммами портсигар и угостил всех курильщиков. В одну минуту портсигар оказался пуст, а еще далеко не всем хватило.

- Подождите немного, господа, - поспешно выходя из избы, сказал Юрасов.

Вскоре он вернулся с большим чемоданом из желтой кожи, хранившим, как оказалось, целый склад папирос, которые он тут же стал раздавать присутствующим.

- Господин полковник, да вам самому ничего не останется, - запротестовали мы.

- Глупости, господа, вы же терпели, ну, и я потерплю, когда не будет.

Оставался он с нами до позднего вечера и с любопытством расспрашивал буквально обо всем, с чем нам пришлось сталкиваться за время нашей боевой жизни.

Сам он оказался очень интересным и остроумным рассказчиком и произвел на всех отличное впечатление. Изголодавшиеся курильщики курили в тот вечер с таким остервенением, что у меня, некурящего, начинало мутиться в голове и я несколько раз выходил из избы проветриться. К общему удивлению, Юрасов оказался незнаком с известной каждому младенцу черной приметой: не закуривать третьим от одного огня, так как смерть в этом случае неизбежна.

- Верно ли, господа? - подозрительно покосился он на нас.

- Будьте у Верочки, г-н полковник! Десятки тысяч раз на всех фронтах проверено.

- Это очень важно знать, господа, и особенно человеку, который, как я, дорожит жизнью. А есть ли и другие приметы?

- Целая куча, г-н полковник! - И мы рассказали ему и другие черные приметы, а в их числе и о зайце.

Заяц особенно заинтересовал Юрасова, решительно не понимавшего, как можно в бою гоняться за зайцем. В расспросах его слышались даже скептические нотки.

- Вот обживетесь с нами - сами увидите, - отвечали ему серьезно и многозначительно.

Обживаться ему предстояло не слишком долго - всего до завтрашнего утра, когда ему пришлось сдать экзамен по предмету фронтовых суеверий и блестяще его выдержать. Отправился он спать в штаб батальона, чрезвычайно довольный добытыми им сведениями, как по части зайца, так и другими, не менее драгоценными.

Разбудили нас на следующее утро еще до рассвета и по тревоге. Построились с молниеносной быстротой и двинулись вперед. Во время движения подошел к нам полк.Юрасов. Тотчас же его засыпали вопросами: что случилось? куда идем?

- Навстречу Федьке идем.

- Какому Федьке?

- А леший его знает! Должно быть, что-то вроде Соловья-разбойника. У него, говорят, более 6000 архаровцев. Большой бой будет!

- Ну, нас тоже около 3000: расшибем! Главное, за зайцем смотрите, г-н полковник!

- Не пропущу подлеца! - энергично тряхнул головой Юрасов.

Обстановка постепенно стала известна. К разбитым нами вчера частям Красной армии подошла колонна "товарища Федько" в 6000 человек. Теперь соединенные силы красных двигались на взятое нами вчера село. Предстоял встречный бой. Обгоняя колонну полка, проскакал вперед инспектор артиллерии полк.Миончинский в сопровождении нескольких конных артиллеристов, а немного спустя прошел на рысях "детский

сад": четвертая батарея полк. Ф.А.Изенбека.

Между тем, уже рассвело. Перед нами - ровная ставропольская степь. Впереди, шагах в пятистах, топографический гребень, не позволяющий видеть, что находится за ним. По эту сторону гребня становится на позицию батарея Изенбека, а чуть правее - еще одна батарея, как будто не Марковская. На самом гребне маячат несколько всадников. Ни один выстрел не нарушает тишину степи. Наш полк разводят по-ротно, и, продолжая сохранять походный порядок, роты двигаются к гребню, на назначенные им участки. Полк.Юрасов подходит к нам и идет рядом, разговаривая с ближайшими офицерами.

Не доходя полусотни шагов до гребня, садимся на землю и ждем дальнейшего приказания. Скучно. А пуще всего разбирает любопытство: что делается за гребнем? Но вот и первое боевое распоряжение:

- От середины, по линии, в цепь!

Рассыпались и двинулись к гребню. На гребне залегли и знакомимся с лежащей впереди местностью. Земля мерзлая, запушенная сухим снегом. Кое-где пролысины. Холодно, но ветра нет. Прямо перед нами начинается пологий скат с полверсты длиною, а за ним ровная, насколько видит глаз, степь под белым, сверкающим искрами, саваном снега. Не то там больше снега, не то расстояние скрывает оголенные пространства. Красные цепи залегли у самого начала подъема и видны, как на ладони. Расстояние - шагов 800-900. Шагах в 200-х впереди нас длинной полосой тянется неглубокая канавка, вероятно межа, разделяющая владения собственников земли. Это - единственное укрытие на пути подхода к красным и, следовательно, первый рубеж для наступления.

Красные, очевидно, не предполагают, что уже на всем протяжении Марковские цепи лежат на гребне и в любую минуту готовы к атаке. Нам приказано лежать, запрещено показываться или болтаться по гребню. К правому флангу нашей роты подскакивает еще одна батарея и становится в непосредственной близости с батареей полк.Изенбека. Красные пока не стреляют по маячащим всадникам, видимо, принимая их за конный дозор. Нам совершенно ясно, что мы ждем только готовности артиллерии. К только что ставшей на позицию батарее подъезжает полк.Миончинский, и через минуту одно из ее орудий посылает первую шрапнель в красную цепь. Она рвется далеко позади красных. Второй выстрел и второй разрыв. Опять перелет. Третий рвется непосредственно над цепью. По нашей цепи передают приказание:

- Приготовиться!

Еще минута - загрохотали частым огнем орудия, и мы бросились вперед и, не залегая на линии уже облюбованной нами канавки, перескочили ее и помчались на растерявшегося противника.

Я совершенно не помню силы обрушившегося на нас огня противника, но зато никогда не забуду внезапно выскочившего из какого-то чахлого обмерзшего кустика зайца, помчавшегося от нас в сторону красных цепей.

Из наших запыхавшихся от бега грудей вырвался дикий торжествующий вой. Увы! - преждевременный! Ни один большой встречный бой не выигрывается с налета.

Домчавшись до красных цепей, заяц сделал широкий полукруг и снова мчался на нас. Успех боя снова оказался висящим на волоске и требовал мобилизации всех устрашающих средств, способных заставить зайца изменить направление.

Охватившее всех волнение выразилось в полетевших навстречу зайцу фуражках, папахах и даже шанцевого инструмента. Черным зловещим вороном взвилась и шлепнулась на землю большая текинская папаха Залеткина; вслед за нею понеслась, едва не задев зайца, шанцевая лопатка, и то здесь, то там замелькали сорванные с голов фуражки. За каскадом летевших предметов я потерял зайца из виду и вдруг увидел его мчащимся прямо на меня. Расстался временно и я со своей текинской папахой, но атаку зайца все-таки отбил. Обогнув меня, заяц попал на полк.Юрасова. Тот полу-присел, широко расставив руки, и завыл таким страшным голосом, что у несчастного зайца не могло оставаться и тени сомнения в том, что здесь он имеет дело не иначе, как с выходцем с того света. Сделав новый полукруг, он снова понесся к красным, провожаемый усиленным триумфальным воем.

Но, видимо, у "товарищей" тоже имелись вполне определенные сведения относительно оракульских дарований зайца, а потому и у них ему было отказано в гостеприимстве: заяц снова понесся на нас и, вероятно, решившись умереть от разрыва сердца, держал направление на полк.Юрасова, поспешно стягивавшего с себя бекешку.

Происшедший между ними турнир ярко запечатлелся в моей памяти. Схваченная за воротник бекешка Юрасова то описывала круги над его головой, то шлепала полами об землю перед остолбеневшим от ужаса зайцем. От ударов тяжелой бекешки по изморози и сухому мелкому снегу поднималась туча белой пыли, из-за которой слышались одновременно и визг раздавленной кошки, и рев взбесившегося гиппопотама, и конское ржанье, и улюлюканье загонщиков дичи! И всех этих ужасов, свалившихся на одну бедную заячью голову, не выдержала заячья душа. Выкинув какой-то невиданный пируэт, он бросился назад и проскочил сквозь уже отходившие красные цепи. Могучее "ура!" покатилось по всей цепи. Бой выигран! Бой выигран полковником Юрасовым!

Еще до вечера вошли мы в Сергиевку. Вся дорога была усеяна трупами красных, среди которых находился и труп их командующего, Федько.

Вечером в отведенную нам избу пришел восторженно встреченный полковник Юрасов. Его наперерыв поздравляли с одержанной им победой, а он, возбужденный и взволнованный, размахивая руками, рассказывал нам о своих переживаниях:

И ведь вот подлец! Я его - папахой! Я его - шубой! А где он - не вижу! Я - кричать! Случай, господа! Слепой случай! Хорошо, что вчера предупредили, а то чорт его знает, чем бы все это кончилось!

Бельгия. Ю.Рейнгардт

- - oOo - -

С именем Олега Ивановича Ядова связано представление об одном из виднейших ученых нашего времени.

Олег Иванович родился в июне 1902 года в Ростове-на-Дону. Он недолго наслаждался Родиной, которую так горячо любил в течение всей своей, к сожалению, недолгой жизни. В 1918 году, будучи 16-ти лет от роду, он присоединяется к Белому Движению и оказывается вскоре заграницей. Жизнь без семьи, которая погибла в России, была, по всей видимости, нелегкой для молодого Олега Ивановича, но его природная настойчивость, талант и знание языков помогли ему превозмочь все трудности и начать учиться. В 1923 году, будучи в Париже, он получил диплом баккалавра математики. В 1928 году он получает диплом инженера-электрика от Гренобльского Университета. В 1929 году он, работая, как инженер по гидравлическим турбинам, умудряется одновременно получить следующую степень - магистра физических наук, но и это его не удовлетворяет. В 1931 году Олег Иванович получает звание доктора инженерных наук и занимается научными изысканиями, как в Сорбонне, так и в частной индустрии. В 1939 г. он получает государственный диплом доктора физических наук от Сорбонны. С 1933 года он состоял доцентом и директором лаборатории и исследовательских работ в Сорбонне, где в 1939 г. был назначен ординарным профессором.

В то же время Олег Иванович находил время на весьма обширную работу: он состоял инженером-консультантом тяжелой промышленности, Электротехники, электрохимии и электрометаллургии, сотрудником Министерства Авиации с 1935 г., личным научным советником Министра авиации, экспертом при Парижском Трибунале; Председателем Ассоциации Французских Докторов-Инженеров, Председателем союза Молодых Русских Инженеров во Франции и Вице-Председателем и Генеральным Секретарем Франции Славянских Инженеров.

Когда началась Вторая Мировая война, он поступает во французскую авиацию и принимает участие в боевых действиях на фронте. После капитуляции Франции Олег Иванович активно работает во французском "Сопротивленчестве" и, по заданиям руководящего аппарата этой организации, входит в активную связь с союзным командованием.

За свою самоотверженную работу он получил много орденов и наград, как от Французского правительства (в том числе орден Почетного Легиона) так и от правительств союзных стран.

В 1946 г. О.И.Ядов переселился в С.Ш.А. с весьма лестными рекомендациями от Французской Академии Наук, членом которой он уже был к тому времени, и ему вскоре было предложено профессорство в Колумбийском Университете в Нью Иорке. Он сразу же обратил свое внимание на самые актуальные вопросы нашего времени и на самые существенные нужды в экономике С.Ш.А., а именно: на борьбу с так называемыми аэрозолями, т.е. газообразными и пылеобразными веществами, загрязняющими воздух над населенными местами и как бы висящими над нами в образе "смога", газов из заводских труб, туманов и т.д.; на борьбу с вредными насекомыми, уничтожающими урожай фермеров; и, главное, на предотвращение убийственного действия радиоактивных излучений от взрывов атомных бомб и на предупредительные меры в возможной бактериологической войне.

В 1949 г. О.И.Ядов взял патент на свой способ рассеивания убивающего вредоносных насекомых порошка с аэропланов или геликоптеров под давлением, с суперсонической (т.е. большей, чем скорость звука) скоростью, что позволяет электрически заряженному порошку равномерно распределяться по обеим сторонам листьев и в то же время опылять до 40 акров тем же количеством порошка, какое прежде требовалось для одного только акра, пользуясь притом даже самым дешевым порошком. Им же вскоре после этого был взят патент на исполнение той же работы в меньшем масштабе при помощи ручного переносного баллона с сильно сжатым воздухом и с зарядом пылеобразных химических веществ. В связи с этими изобретениями О.И.Ядова было образовано индустриальное предприятие "Электроник Дастинг Корпорейшен", председателем которого был избран О.И.Ядов.

Его работы по очистке воздуха были изложены на публичном заседании Института по исследованию проблем войны и мира в Нью Иорке.

Из многочисленных наград, полученных О.И.Ядовым как от военных, так и от научных и гражданских учреждений, которые, как известно, даром не даются, упомянем лишь несколько: благодарность от Президента Рузвельта, переданная генералом Айзенхауэром, Медаль Свободы с бронзовой пальмой (армии С.Ш.А.), Медаль Американского Легиона (за выдающиеся услуги и за заслуги), Королевская Медаль за службы (от Англии), Медаль Почетного Легиона (Франция), Военный Крест (Франция), Крест Лотарингии (Франция) и др.

Кроме упомянутых ученых степеней, О.И.Ядов являлся членом Французской, Американской и Королевской (Англия) Академий Наук, а также доктором honoris causaпяти университетов. Он состоял членом 16-ти ученых и технических обществ только в Европе, участвовал в 11-ти международных конгрессах еще до 1946 года, на которых выступал с докладами и читал лекции. В 1956 году, с 14 по 20 июля, в гор.Сеаттле шт.Вашингтон был съезд Американского Союза Прогресса в Науке,на котором присутствовало свыше 12.000 американских и иностранных ученых. Председателем съезда был избран наш соотечественник, профессор О.И.Ядов.

Кипучая и полезная деятельность русского ученого-эмигранта Олега Ивановича Ядова была оборвана: он заболевает раком легких и 18 марта 1961 года уходит в иной мир.

Стоя перед свершившимся, мы остро чувствуем эту утрату. Искренно сожалеем, что еще один культурный человек ушел от нас. Да будет же сохранена память о выдающемся ученом незабвенной, а его облик - дорогим для всякого русского патриота и верного сына России.

Д-р И.Гончаров.

- - оОо - -

+

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

- 20-го февраля 1964 г. в Париже (Франция) скончался первопоходник Марковского пехотного полка капитан ШИЛОВ А.М.

- По сообщению из Лондона, в Болгарии в марте с.г. скончался штабс-капитан Марковской артиллерийской бригады КРАСНОПОЛЬСКИЙ Михаил Константинович. По окончании кадетского корпуса и затем Константиновского артиллерийского училища, он прибыл на Дон в декабре 1917 года. Участвовал в 1-м Кубанском походе и в Гражданской войне, включая Крым, и с остатками Русской Армии прибыл на о.Лемнос.

- Союз участников 1-го Кубанского ген.Корнилова похода с глубоким прискорбием сообщает, что волею Божией в гор.Буэнос-Айресе (Аргентина) 9-го апреля с.г. скончался на 97 году жизни долголетний член Союза и старейший первопоходник полковник Мариан Людвигович КОБЫЛЯНСКИЙ. Все члены Союза выражают семье почившего свое сердечное сочувствие.

- В Югославии, в апреле 1964 г., скончался первопоходник Сергей ГАЗЕНЦЕР, юнкер Константиновского Артиллерийского училища, прибывший с группой юнкеров капитана Парфенова в Добровольческую Армию. Похоронен в селе Школяра в Буке Каторской в Югославии.

- В Стратфорде, Коннектикут, 17-го мая с.г. скоропостижно скончался первопоходник корнет А.А.МИХАЙЛОВСКИЙ.

- Скончался первопоходник Иван ШЕВЧЕНКО (чин не указан), пошедший в 1-й Поход 15-летним кадетом. Свою идейность и искренний патриотизм покойный сохранил до конца своей жизни.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 10, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддержать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

- - oOo - -

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 33

– – оОо – –

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

34

Издание Калифорнийского Общества
участников 1-го Кубанского генерала
Корнилова похода

Выписка из Манифеста Государя Императора Николая 2-го
от 20 июля 1914 г.

"...Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав... В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его Народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага"...

- - oOo - -

Выписка из Манифеста Государя Императора Николая 2-го
от 26 июля 1914 г

"...Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело...
Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с Крестом в Сердце..."

- - oOo - -

С Л О В О

сказанное Государем Императором 26 июля 1914 года на совместном заседании Государственного Совета и Государственной Думы в Зимнем Дворце.

"Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всею Россией. Германия, а затем и Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств любви к Родине и преданности Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в Моих глазах, и думаю - в ваших, ручательством в том, что наша Великая Матушка-Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желаемого конца.

В этом же единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев славян.

И в нынешнюю минуту Я с радостью вижу, что объединение славян происходит также крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все, и каждый на своем месте, поможете Мне перенести ниспосланное испытание, и что все, начиная с Меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог Земли Русской!"

(После этих слов Государь Император осенил себя крестным знамением. Все перекрестились...)

- - oOo - -

50 лет НАЗАД.

50 лет тому назад разразилась 1-я Мировая война, перевернувшая весь мир, не давшая миру ничего, кроме горя и нищеты, моря крови и слез, революций и морального развала.

В этой гигантской борьбе в течение всей войны столкнулись около 70 миллиона солдат 16-ти государств обеих враждующих сторон.

На стороне "Антанты" участвовало 12 государств с миллиардным населением их метрополий и колоний: Россия, Франция, Англия, Италия, США, Румыния, Сербия, Бельгия, Греция, Португалия, Черногория и Япония.

В стане "Тройственного Союза" было всего 4 государства с населением в 160 миллионов человек: Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция.

Число мобилизованных на стороне "Антанты" было 45 миллионов человек, а на стороне "Тройственного Союза" - 26 миллионов человек. Из такого количества мобилизованных было сформировано приблизительно ..900. дивизий: "Антанта" по мобилизации имела 228, а к концу войны 525 дивизий; "Тройственный Союз" по мобилизации имел 190,5 дивизий, а к концу войны - 372.

Потери, понесенные победителями и побежденными в течение всей 1-й Мировой войны, были огромны. Одних убитых, умерших от ран и болезней и скончавшихся в плену насчитывалось в обоих лагерях свыше 9 миллионов человек.

Так, "Антанта" потеряла свыше 5 миллионов человек: Россия - 1,860,000 чел. (генерал Головин), Франция - 1,360,000 чел. (офиц. франц. история войны), Англия - 658,000 чел. (офиц.), США - 53,160 чел. (офиц.), Италия - 500,000, Сербия - 400.000, Бельгия - 100,000 и Румыния - 100,000 человек.

Государства "Тройственного Союза" потеряли более 4 миллионов человек: Германия - 1,900,876 (офиц.франц.история войны), Австро-Венгрия - 1,500,000, Турция - 600,000 и Болгария - 100,000 человек.

По санитарной статистике 1-й Мировой войны было выяснено, что на одного убитого или умершего от ран приходилось по данным французских ученых (д-р Ж.Тубер) 2.39 раненых, а по немецким источникам (М.Шварте) - 2,35 раненых.

На основании этих данных количество раненых выразится примерно числом (9мил. х 2,35) - 22 миллиона человек для обеих воюющих сторон, или для стран "Антанты" около 12 мил.человек, а для стран "Союза" - приблизительно 10 мил.человек.

Так, Россия потеряла ранеными (ген.Головин) 3.850.000 чел., Франция (офиц.статист.) - 2.730.000, Англия - 2.032.000, Италия - 946.000, Америка - 179.000, Германия - 4.216.000 человек.

Примерно одна четвертая часть раненых по своем выздоровлении продолжать военную службу не может и освобождается из армии. Таких приходится до 5,5 миллиона человек во всех воюющих странах. Три четверти из них - свыше 4-х миллионов человек - полные инвалиды. В русской армии их насчитывалось более 700.000 человек.

В итоге - баланс 1-й Мировой войны показал:

1) Миллиардное население было втянуто в напряженную борьбу.
2) 70 миллионов воинов было оторвано от своей мирной жизни. Россия воевала 39 месяцев, Франция и Германия - 51 мес., Италия - 43 мес., Америка - 17 мес., Румыния - 15 мес.
3) Свыше 9 милл. убитых, свыше 22 милл. раненых. 5,5 миллина в молодости потеряли способность служить в армии, из них свыше 4-х миллионов - полные инвалиды. Миллионы неподсчитанных вдов и сирот, уменьшение деторождения. Помимо неисчислимых убытков в людях, нужно иметь в виду материальные затраты на военные расходы, выразившиеся в миллиардах. Потратив свои огромные капиталы, воевавшие державы "Антенты" имели еще и задолженность главнейшим странам: США, Англии и Франции - около 16 миллиардов долларов.

Какой же результат был получен от 1-й Мировой войны?

1. Победители разделили германские колонии (3 милл.кв.км.).

2. От Германии были оттоpгнуты 70.200 кв.км. с населением в 6,5 миллионов человек.

3. От России при содействии союзников были оттоpгнуты: Польша, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, Финляндия, Карский и Ардаганский округа. Выход России к Балтийскому морю был почти полностью закрыт.

4. Появились новые государства: Чехословакия, Австрия и Венгрия.

5. Румыния значительно расширилась за счет России, Венгрии и Болгарии.

6. Югославия расширила свои владения за счет Венгрии и Черногории.

7. Германия потеряла морской и воздушный флот, была уничтожена ее армия. Союзниками оккупированы три ""Рейнские" зоны (32.000 килом. с населением в 6,5 милл.человек. Образована демилитаризованная прирейнская полоса, шириною в 50 килом. Помимо того, на Германию наложена контрибуция в сумме 132 милл. золотых марок. Германия выдала союзникам все свое вооружение: орудия, пулеметы и проч. Ей разрешалось иметь полицию в 100.000 человек для поддержания порядка в стране.

Результатом всего этого явилась политическая и экономическая разруха. Победители мечтали восстановить в Европе мир и надолго обеспечить свое господство. Но в своих расчетах они жестоко ошиблись. Не стало Императорской России, и это изменило многое. Нарушилось Европейское равновесие. А через 25 лет после начала 1-й Мировой войны, в 1939 году, вспыхнула 2-ая Мировая война, как наследие 1-й Мировой войны, которая создала уродливую европейскую обстановку, существование при которой было невозможно. Взаимоотношение сил "Версаля" изменилось, и, естественно, мировая обстановка в корне должна была измениться. Никакие договоры с СССР помочь не могли.

То, что установили союзники в Версале, изменилось. Германия восстановила морской и воздушный флот, восстановила свою сильную армию. Грянула 2-я Мировая война, но уже без Императорской России. Вместо России появился СССР.

Великие жертвы, понесенные Россией в 1-ю Мировую войну, союзниками замалчиваются. Версальский мир союзников сбросил Россию со счетов победителей, и она - бывший союзник - была молчаливо причислена к категории побежденных народов. Были забыты все ее героические, сверх-человеческие усилия, а ведь без участия России союзники были бы Германией раздавлены.

Россия в награду получила революцию со всеми вытекающими из нее последствиями, продолжающимися и по сей час и оказывающими влияние на все остальные страны. Весь мир находится, как на кратере вулкана. Нет на нашей планете ни единой пяди земли, где не происходили бы перевороты, революции и т.д.Исчезли понятия о долге, чести и морали.

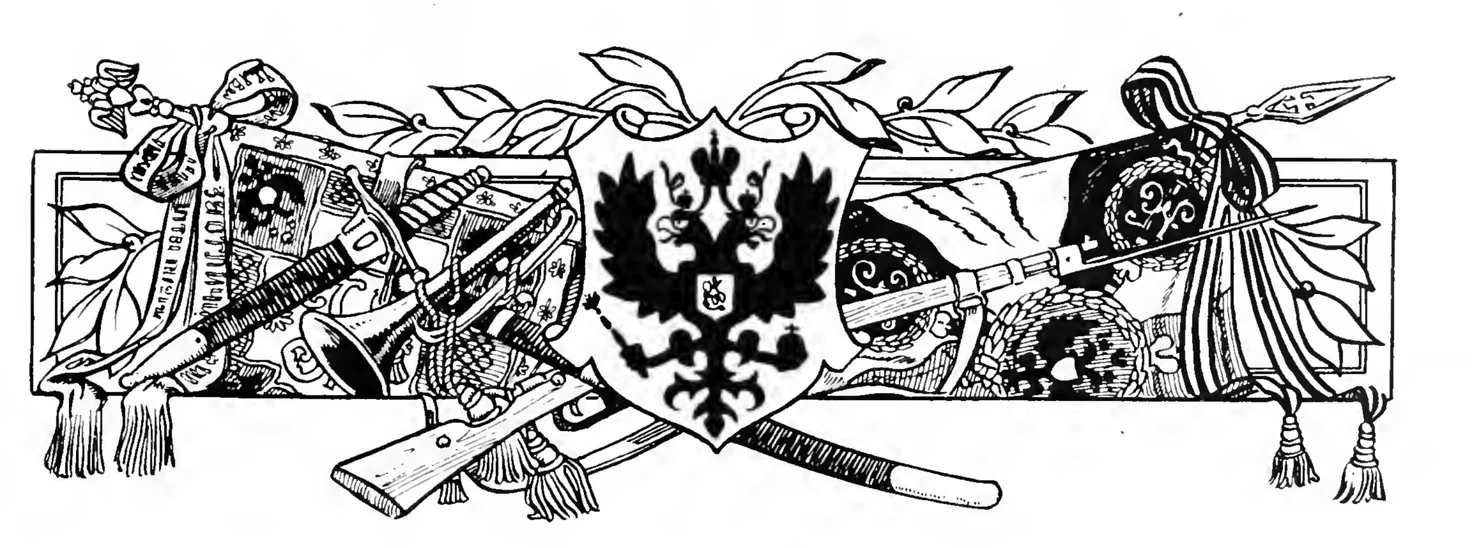
Человечество будет беспомощно барахтаться в этих нестроениях, революциях, моральном падении и т.д. до тех пор, пока не очнется и не придет к вере в Бога.

Термин "Россия" в настоящее время не существует, но русский народ живет и настанет время, появятся новые люди с новыми идеями, которые вырвут униженную, распятую Россию из рук красных палачей, засевших в Кремле. Вырвут и вернут ее к новой счастливой жизни, к социальной справедливости.

Мы же, участники первой Мировой и гражданской войн, глубоко верим, что грядет Великая, Национальная Россия в обновленной форме государственного своего устройства, с новыми идеями и с верой в Бога, и будет она, наша Новая Россия, героической, великодушной, щедрой и справедливой.

В.М.

- - oOo - -

ПРОШЛОЕ

Кавалерийская атака под Шавлями - Военная быль.

Война тянется почти год, а конца ее как будто не видно. Все бои да походы. Скоро совсем потеряем человеческий облик и окончательно отвыкнем от культурной жизни нормальных людей.

Как хорошо теперь в родных краях! Прилетели жаворонки и скворцы. Поля и луга покрываются изумрудной зеленью.

Вырваться бы хоть на недельку из этого ада и отдохнуть среди родных, друзей и близких.

Отпуск - заветная мечта офицера. Но в конце апреля 1915 года наша 5-ая кавалерийская дивизия получила приказ: "Прекратить какие бы то ни было отпуска". Вторым распоряжением было: "Двигаться на север".

Закончив железнодорожный маршрут и выгрузившись у города Поневеж, дивизия ускоренным аллюром 20-го апреля подошла к городу Шавли, который только что, после тяжелого и кровопролитного боя, был занят нашей пехотой. Выбитые из города немцы, обойдя болото, укрепились в ближайшей к городу деревне. Болото, за которым была деревня, было непроходимо. Поэтому утомленный напряженным переходом штаб дивизии, подойдя поздно вечером к болоту, расположился на ночлег тут же, в фольварке.

Наскоро поужинав, чины штаба расставили кровати и быстро заснули. Но их сон продолжался не более двух часов, так как около полуночи немецкая легкая артиллерия из-за болота, а может быть даже из-за деревни, занимаемой неприятелем, начала беспорядочный, но энергичный обстрел фольварка. Зазвенели разбитые стекла окон, со стен и с потолка посыпалась штукатурка. От обстрела почти никто не пострадал, если не считать обычного в таких случаях переполоха.

По тревоге, через каких-нибудь 25-30 минут, дивизия в полном составе была на сборном пункте у дороги.

Соблюдая возможную для кавалерии тишину, с большими предосторожностями, дивизия двинулась колонной в обход большого болота. Пройдя верст 5-6 и таким образом очутившись на фланге занятой немцами деревни, дивизия свернула с дороги прямо на поле влево. По приглушенной команде, передаваемой полушопотом, при полной тишине и темноте, ориентируясь по двухверстной карте, дивизия построилась в боевой порядок фронтом на деревню. Позади полков, на соответствующем расстоянии и полагающемся интервале одна от другой, встали 9-я и 10-я шестиорудийные конные батареи.

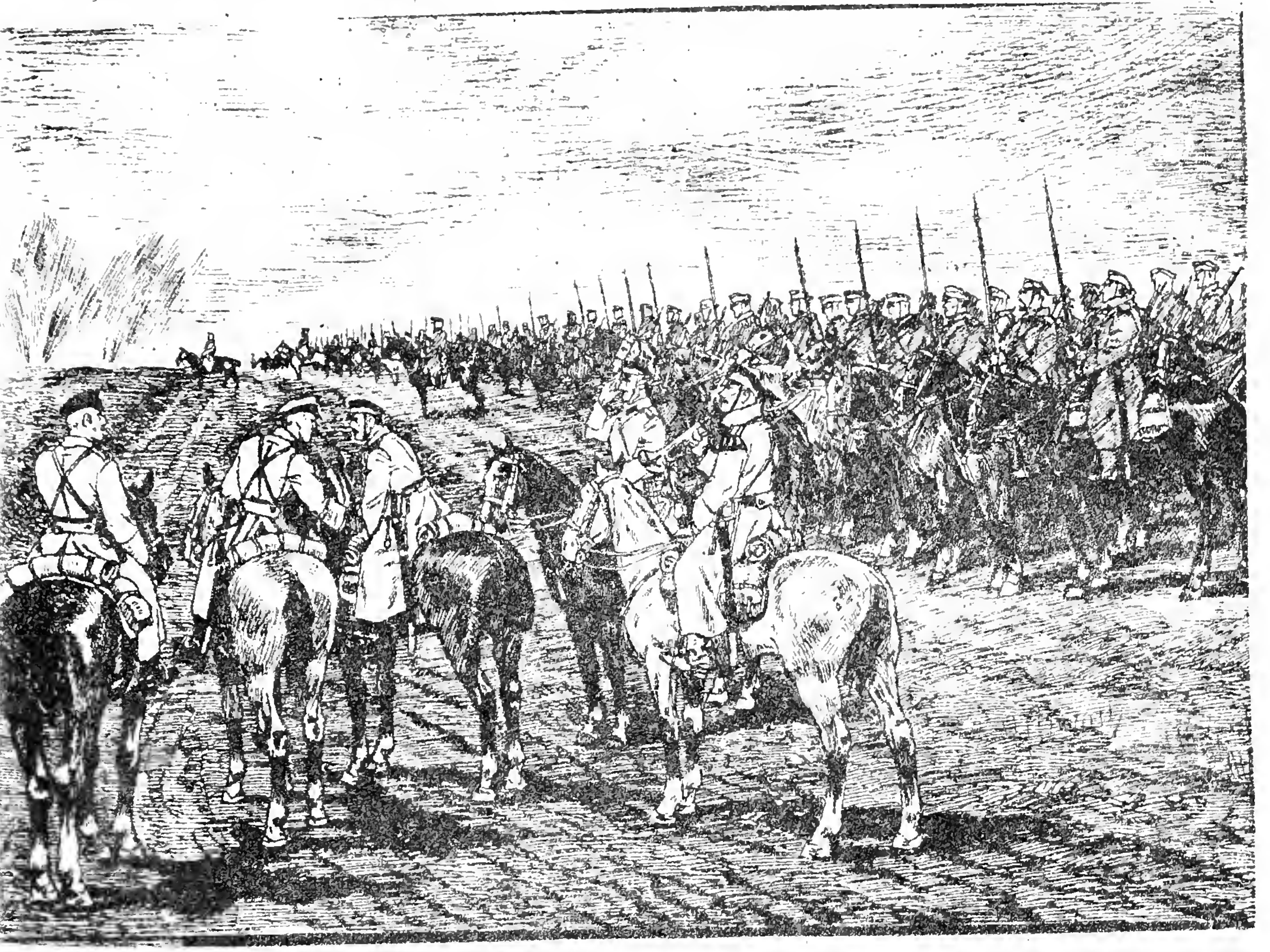
Как только начал брезжить рассвет, с правого фланга, где находился штаб дивизии, как бы разрезая тишину, как рвется новая плотная материя, издалека, но совершенно ясно послышался сигнал штабного трубача - "Шагом марш!" Как в мирное время на конном учении, спокойно, прямо по полю, зашуршали по траве орудийные колеса, лениво клекая на ухабах. А через короткое время, с некоторым ускорением, один за другим, еще более отчетливо, чем первый сигнал, разнеслось по полю: - "рысью" - "галопом", - "в атаку" - "марш, марш"...

В первый момент сигнал "в атаку" показался и неожиданным и невообразимым для целой дивизии в полном составе. Почти не веря своим ушам и глазам, переводя в галоп своего "Дуплета", я спросил скачущего неподалеку, всеми уважаемого вахмистра:

- Игнатов, в атаку?

- Так точно, ваше благородие, - отчеканил вахмистр.

В утренней синеватой мгле уже виднелись скачущие и рассыпающиеся веером в лаву, как на смотру, полки дивизии. Вслед за ними, соблюдая равнение, грозно громыхая колесами, скакали две конные батареи.

Это море скачущих всадников представляло величественную, незабываемую по своей красоте картину.

Со стороны не ожидавшей удара и теперь уже хорошо видимой деревни раздались сначала беспорядочные ружейные выстрелы, после которых ненадолго застрочили пулеметы.

В этот момент конные батареи, как одна, на полном ходу, повернули "налево кругом", снялись с передков и моментально открыли ураганный огонь по тылам противника, через головы своей скачущей кавалерии.

Центр кавалерии, проскакав заставы, ворвался в деревню, рубя бегущих немцев. Наш правый фланг уходил в обход деревни.

На левом фланге, частью скрытом кустарником, некоторое время продолжалась истерическая стрельба немецких пулеметов. Но вот и она

затихла. Откуда-то издалека беспорядочно и редко стреляла немецкая батарея. Но вскоре и она замолкла. Деревня взята.

Шедший крайним на левом фланге наш 5-й Литовский Уланский полк перед самой деревней врезался в конец болота. С разгона далеко заскакавшие в болото уланы стали глубоко вязнуть, а сидевшие на другом берегу немцы расстреливали беспомощно тонущих. Правда, это продолжалось недолго. Обошедшие немцев наши драгуны порубили их.

Благодаря стремительной и неожиданной для врага атаке дивизия взяла укрепленную деревню с большими трофеями и массой пленных.

Наш 3-й эскадрон Уланского полка понес серьезные потери: от него уцелело только 37 человек.

Маленьким осколком шального немецкого снаряда очень легко, в мякоть икры был ранен прапорщик 10-й конной батареи Резов. Мы видели, как ему делалась перевязка. Возбужденный и радостный, что так дешево отделался, он бодро курил папиросу, вызывая нашу искреннюю зависть.

- Поеду на Волгу, она теперь в полном разливе... В Самаре теперь разгар весны... Покатаюсь на лодке вместе с девушками, - мечтал раненый.

Его увезли в лазарет. Через четыре дня нам сообщили, что бедняга умер от заражения крови. А еще так недавно мы завидовали ему.

Василий Вырыпаев.

- - оОо - -

К О З Е Н И Ц Ы
(29 сент. 1914 г.)

К пятидесятилетию Всемирной войны 1914 года многое можно вспомнить, но интереснее всего будут те эпизоды, о которых мы встречаем хвалебные отзывы в трудах авторитетных военных писателей из бывших наших врагов. На стр.83 в книге Эрика фон Людендорфа "Мои военные воспоминания" в русском переводе мы находим следующие строки:

"Боя под Козеницами я никогда не забуду. Две бригады были введены в узкую висленскую петлю. Стоявшая перед Ивангородом бригада была опрокинута сильной русской вылазкой. Я боялся удара во фланг и тыл всей Висленской группе и в эту ночь не смыкал глаз. Все участники этого боя до сих пор вспоминают о нем с ужасом".

Ужас у вспоминающих, конечно, является приятным указанием на проявленную нашими войсками доблесть в этом бою.

В моей памяти, как участника-апшеронца, этот оригинальный бой оставил неизгладимые воспоминания.

В нем участвовали полки: 81 пех. Апшеронский Императрицы Екатерины Великой и 84 пех.Ширванский Его Величества. Для Ширванцев в ту войну Козеницы были первым боем, и они вступили в него в полном своем четырехбатальонном составе, по 1000 штыков в батальоне. Апшеронцы после Люблинских боев получили 1500 человек прекрасного пополнения из запаса Ставропольской губернии. По недостатку офицеров полк был сведен в три батальона, по 250-300 штыков в роте.

По причине забитости железной дороги и наступившей распутицы, в Ивангород к назревшему для перехода в наступление моменту, вместо всей нашей 21-й дивизии, к 22 сентября (ст.ст.) прибыли только два указанных полка, без артиллерии.

Апшеронский полк стал в самой крепости в посаде Ирен, Ширванский - в одной из деревень по берегу Вислы, западнее Ивангорода.

В полку начали вестись усиленные занятия. Командир полка генерал-майор Антоний Андреевич Веселовский, выезжая каждый день на личные рекогносцировки, не посвящал офицеров в подробности боевой обстановки и однажды только сказал, что перед нами германская гвардия.

Нужно сказать, что за время наших победных боев под Люблином офицеры привыкли, вместо подробных боевых приказов, получать от командира полка только непосредственно перед боем короткие указания о направлении и цели действий.

Сам же командир, носясь с адъютантом в бою верхом чуть ли не по стрелковым линиям, в зависимости от изменений в обстановке отдавал соответственные распоряжения.

На рассвете 29 сентября (ст.ст.) полк был поднят по тревоге и, перейдя по понтонному мосту Вислу, минуя занятый ратниками ополчения форт "Горчаков", часам к 8-ми прибыл в деревню Лоэ.

Стояло тихое, серенькое, с негустым туманом над болотами, утро. По показаниям местных жителей и по сообщению ратников ополчения, в деревне Верхне Мозолице расположилась немецкая застава.

Не вдаваясь в подробности обстановки и сообщив только, что нашему и Ширванскому полкам приказано сегодня взять Козеницы, командир полка приказал 3-му батальону подполковника Львова развернуться на западной окраине деревни Лоэ и по особому его приказу начать наступление и атаковать деревню Верхне Мозолице.

Все восемь полковых пулеметов придавались третьему батальону. Повозки по мере надобности и верховые лошади с ординарцами должны были быть только при третьем батальоне.

Дав еще кое-какие указания по разведке и связи, командир полка повел первый и второй батальоны к реке Висле, по берегу которой шла высокая дамба, защищавшая поля от наводнений.

Прикрываясь ею, ген.Веселовский, идя в голове полка, повел его за собой - где гуськом, где рядами, как позволяла узкая полоса между рекой и дамбой.

В одном месте, после личной ориентировки, командир полка приказал 3-му батальону начать наступление. Всюду было тихо. Вскоре в легком тумане перед третьим батальоном показались цепи противника; но, встреченные сильным пулеметным огнем из всех восьми пулеметов и ружейным - из густых цепей 3-го батальона, оставив на месте массу убитых и раненых, уцелевшие немцы поспешили укрыться в Верхних Мозолицах.

Ведя сильный ружейный и пулеметный огонь, 3-й батальон продолжал наступление. В это время командир полка, только что остановившись и отдав приказ подтянуться, получил от полковника Львова донесение, что,по сообщению нашего разъезда из ординарцев, сильная колонна пехоты противника, выйдя из леса юго-западнее деревни Мозолице, покрыла всю дорогу до деревни. Командир полка более широким шагом двинул остальной полк вперед. В это время голова 1-го и 2-го батальонов проходила Мозолице.

Здесь командир полка, остановив батальоны, приказал по дамбе занять стрелковые места, с которых стрелки увидели, как быстро перед ними, в направлении на Мозолице, из походных колонн разворачивался противник. На наше счастье берег Вислы, прикрытый дамбой, противником не наблюдался.

Наш огонь, открытый с наредкость прекрасной позиции расположенными на ней плечо к плечу стрелками, с дистанции, может быть, от 600 до 1200 шагов, нанес немцам страшное поражение. Разбившись на небольшие группы, они пытались было обороняться, но при нашем переходе в атаку или сдались, или в беспорядке бежали по дороге на Козеницы и в лес, через болото, на Словине Нове, под огнем всех пулеметов 3-го батальона.

Перемешанные части нашего полка устремились было за ними, но, встреченные сильнейшим артиллерийским огнем противника, остановились.

С наступлением сумерек приказано было привести роты в порядок и атаковать деревню Словине Нове. Со стороны леса артиллерийский огонь ни на секунду не ослабевал, и частые вспышки его освещали деревья. Между прочим, говорили, что нас поддерживала крепостная артиллерия, но результаты поддержки не были заметны.

Накрапывал дождь. Было уже темно, когда, во исполнение приказа, полк пошел в атаку и, ворвавшись в лес, перемешался с немцами.

В одинокой халупе был захвачен немецкий перевязочный пункт, в котором два немецких врача перевязывали раненых, одинаково - как своих, так и наших.

Потери в полку были велики, в особенности в офицерском составе. Ранены все три командира батальонов, из двенадцати командиров рот только пять остались невредимы.

Ночной бой длился всю ночь, но как он происходил - описывать не буду, потому что в начале его, прокомандовав в нем 5-й ротой, раненый в плечо, я выбрался из этого поистине адового леса. На опушке его я наткнулся на командира полка и, остановившись для доклада, услышал следующий незатейливый рассказ апшеронца своему командиру: "Да що, ваше превосходительство, там можно робыты, колы наши помеж их, як рыба помеж камышив, ходють. Не видать ничого. Як воны гукнуть по своему, мы ему зальпом, а як хто з наших подасть команду чи що, а вин як чесанэ!.. Я був у поручика Чилингарова, вин як гукнэ: дэсата ко мнэ!.. А я не успив обэрнуться тай на землю лягты як уси, а туточки мене и зачипило по нози..."

Все халупы Верхних Мозодиц были забиты, большей частью ранеными немцами. Там я узнал, что против нас сражался 2-й гвардейский 1-го гвардейского резервного корпуса, германский полк.

Была уже глубокая ночь, когда польская фурманка тащила меня в Ивангород. Удаляясь от поля сражения, как, отражаясь в воде, небо над Вислой и Козеницами непрестанно освещалось взрывами шрапнелей. Там, форсируя Вислу, наступали Ширванцы Его Величества, там, пораженный несколькими ружейными пулями, был убит их командир полка, доблестный полковник Ленц.

Было бы хорошо, если бы кто-нибудь из Ширванцев дал описание этого ночного боя под Козеницами 29 сент. 1914 г., о котором немцы вспоминают с ужасом и во время которого фельдмаршал фон Людендорф до утра не смыкал глаз.

Аргентина

А. Рябинский.

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая

На Кубани

Поход за добычей патронов и снарядов почему-то связался в моей памяти со ст.Кисляковской*). Отчетливо запомнилась фигура командовавшего нашим отрядом ген.Казановича, шедшего с нами, с рукой на белой повязке через плечо. Помню густые цепи красных, одна за другой спускавшиеся на нас по склону местности. Ходили в атаку и мы. Под Пасху, не помню уже из какой станицы, мы отправились на подводах в Гуляй-Борисовку, куда, по нашим сведениям, отступала из-под Батайска армия Антонова. Большой привал был сделан в каком-то хуторе. Отведенная нам хата оказалась пустой - хозяева исчезли. Во дворе нашли мы большую кадку с водой, полную свежих живых раков. Раздобыли большое ведро, развели костер, сварили раков и пировали на славу. Не знаю, почему это незначительное происшествие твердо запечатлелось в памяти.

К вечеру двинулись дальше. Ровная, спокойная дорога нагоняла сон, и почти все мы спали. Разбудило приказание собраться, развернуться в цепь и двигаться вперед. Влево, чуть впереди уже загорался бой. Слышны были пулеметы. Долетали и пули. Недолго гремел ставший жарким бой. Обогнув оставшуюся слева ветряную мельницу, мы вскоре очутились у самой слободы и заняли ее. Небольшие потери были у Корниловцев.

Из очищенной от красных слободы бежало почти все ее население. Куда? Почему?

Нас развели по квартирам. Дома пусты - в печах полно. И печеное, и вареное! Сегодня Пасха Христова, не идет ли в церкви богослужение? Все равно - нет времени: Нас, восемь человек, отправили на восточную окраину, куда ведет главная улица слободы, для наблюдения за большой дорогой. Заняли мы крайний правый, довольно большой дом. Секрет из двух человек следит за дорогой; остальная застава отдыхает в доме. Время от времени на дороге появлялись один-два человека, почти все с винтовками. Когда они подходили ближе, мы выходили из своего укрытия и забирали их. Никто из них не оказывал сопротивления, заявляя, что они жители слободы. Собрав порядочную группу, мы отправили ее в штаб на проверку. Но когда и куда ушли мы из Гуляй-Борисовки - совершенно позабылось.

Стоянку в станице Мечетинской помню хорошо. Там многих из нас произвели в прапорщики и вскоре, как донцов, откомандировали в распоряжение штаба Донского Войска. Наши документы были подписаны полковником Писаревым и есаулом Дьяковым. Подводы доставили нас в станицу Маныческую, где мы погрузились на пароход, с которым и доехали до Аксая. Никогда не забуду той атмосферы, которая царила в этой станице: на площади полно немцев; все прекрасно одеты; физиономии откормленные. Играет оркестр. Офицеры прогуливаются с надменным ви-

---

*) Хутор Кисляковский, вблизи ст.Крыловской, часто упоминался в то время. Бои велись у Крыловской.

дом, не удостаивая никого своим взглядом. А мы? Оборванные, измотанные боями со ставленниками этих "культуртрегеров". Смотрели и стискивали зубы.

В Новочеркасске сразу явились в Войсковой Штаб, помещавшийся в здании семинарии, где каждый уголок был так знаком, так памятен и поныне. Я просил о назначении меня в часть и разрешения на короткую побывку домой.Явившись в назначенный для ответа день, я получил приглашение зайти через два дня. Тот же ответ ждал меня и тогда. В четвертый раз я уже не пошел. Приятель уговорил поступить в 4-ую Донскую сотню Дроздовского конного полка. Поболтавшись немного по Новочеркасску, я снова отправился в ст.Мечетинску, но уже на коне, в составе Отряда Дроздовского. Опять Аксай, Маныч, Мечетинская. В моем новом полку было много офицеров, и вскоре он был назван: "2-й Конный Офицерский Полк".

В полку вовсе не было зеленой молодежи; одеты были почти хорошо. Видна была выправка, подтянутость. Конь мой, с подстриженным хвостом и гривой, не был красавцем, но зато его не надо было объезжать - повод он знал прекрасно.

В один из первых же дней по прибытии в Мечетинскую, Высшее Командование Армии устроило отряду встречу и смотр. Во все продолжение стоянки в полку шли строевые занятия. Командиром нашей сотни был лихой есаул Фролов, считавшийся лучшим джигитом в Николаевском Кавалерийском Училище.

На Троицу выступили мы из Мечетинской в направлении станции Торговой с прилегающей к ней слободой или селом Воронцовкой. По соседству с ним было другое небольшое село, кажется, Капустино, в котором сосредоточились силы красных. С нашего участка нам приказано было атаковать их. Лихой атакой мы опрокинули противника, но заплатили за успех дорого: смертельно ранен командир сотни! Не пришлось мне лучше узнать этого доблестного офицера!

В командование сотней вступил есаул Силкин - почеркнутый кавалерист. Подтянутый, чисто выбритый, хорошо одетый, усики вверх.Впоследствии, перед 2-й Мировой войной, я часто встречал его в Париже, где, уже слегка отяжелевший, в скромном положении шофера, он все же не потерял вида кавалериста. Дальнейшая судьба его была печальна: в Лиенце, в числе выданных на расправу Сталину всех казачьих офицеров, был и полковник Силкин, отправленный в один из крайних северных концентрационных лагерей. Уже много времени спустя, кто-то из ускользнувших рассказывал о его последних словах, обращенных к окружающим:

"Нас ожидает ужасное будущее, но мы должны оставаться мужественны и сохранить свою честь!"

В тот же, или на следующий день узнали мы о новом ударе, и на сей раз для всей Армии: по соседству с нами, у станции Шаблиевской, смертельно ранен осколком снаряда никем не заменимый ген.Марков! Тяжелая потеря и для Главнокомандующего ген.Деникина, потерявшего не только друга-соратника, но и свою "правую руку"! Уходили в могилы лучшие герои-патриоты, столь необходимые для бьющейся, едва возрождавшейся Армии.

Вышли мы на Маныч. Вперед посланы люди искать брод в топкой и широкой реке. Подошли к Манычу. Вправо - железнодорожная насыпь и мост, на который с противоположной стороны несся пущенный красными

паровоз - повидимому, с целью где-то что-то разбить. Подскакавший к насыпи ген.Деникин повернул нас влево, и нам не пришлось видеть последствий атаки паровоза.

Поздно вечером перешли Маныч по мосту и отправились на ночевку в Великокняжескую. На следующий день повернули на Прочноокопскую. Здесь я получил приказание в сопровождении двух всадников доставить очень спешное донесение полк.Кутепову, наступавшему с юга на Белую Глину. Было совсем темно, когда мы очутились в степи. Нигде ни души. Надо спешить! Ориентироваться не легко. На небе все же видны какие-то светила: взглянешь - и дальше. К счастью, части полк.Кутепова растянулись по дороге, и мы наткнулись на их хвост. С робостью подъехали. Свои! Поскакали в голову колонны, где находился полк.Кутепов. Я передал ему конверт с донесением.

- Вы дали мне частное письмо, - взглянув, с удивлением сказал полк.Кутепов. Я смущенно достал донесение, которое в спешке положил в тот же карман.

В Белую Глину мы ворвались с частями полк.Кутепова. Со всадниками других частей мы ловили метавшихся красных и набрали их порядочно. С рассветом вернулись в свой полк, вошедший в село с противоположной стороны. Явившись к командиру сотни, узнали о жестокой резне в Дроздовском полку. Среди погибших и доблестный командир батальона полк.Жебрак! Еще одна большая потеря!

Где-то в этом же районе пришлось мне быть с двумя казаками в глубокой разведке: надо было выяснить, занято ли село (?) красными частями. С утра двинулись указанной дорогой на юг. Взъехали на высокий подъем и долго шли степью, пока совсем вдали не показалось село. Несмотря на страдную пору, нигде не было видно людей. Продвинулись дальше. С высоты занятого нами для наблюдения косогора было видно большое село, южная окраина которого терялась в плохо видимой дали, и невозможно было разобрать, что в нем творилось. Неожиданно там показалось густое облако пыли, направлявшееся в нашу сторону. Приняли меры предосторожности, но вскоре увидели, что наступавший противник был просто стадом коров. Картина мирная. Осторожно начали спускаться в село. Дошли до первых, расположенных друг против друга хат. Людей не видно. Двое остались на улице, один пошел в хату. Мужчин - никого, одни бабы. От них узнали, что на другом конце села есть небольшая группа большевиков. В другом доме собранные нами сведения подтвердились. Мы вскочили на лошадей и снова поднялись на прежний косогор, где снова остановились и некоторое время наблюдали село. Там царила все та же тишина, но издали послышалось несколько выстрелов и характерный звук пуль на излете. Не торопясь, выехали на равнину и поскакали к своей части.

В бою под Тихорецкой сотня не участвовала, а возможно - не участвовал я, так как не помню, были ли мы тогда в каком-нибудь другом деле. А бой под Тихорецкой был большой, и в нем особенно пострадал наш 5-й эскадрон, в пылу атаки перескочивший красные окопы и попавший под перекрестный огонь. Уже после боя наткнулись мы на дороге на разбитый снарядом броневтомобиль красных.

Сильный и упорный бой был и под Кореновской, где запомнились рвавшиеся во дворах нашего расквартирования снаряды, кажется, шестидюймовые. И опять, как четыре с половиной месяца тому назад, Корниловцы понесли у той же станицы большие потери. Особенно наседали

матросы и, если память мне не изменяет, с противной стороны были и китайцы.

Нас услали куда-то дальше. Очутились мы у станицы Пашковской, где и узнали о взятии Екатеринодара. Удалось нам даже побывать в этом городе, но настолько мимолетно, что ничего не сохранилось в памяти. Запомнилась только одна наша позиция у самой Кубани.

Мы несли охрану и наблюдение, расположившись на какой-то леваде, огражденной высокой насыпью со стороны реки. На насыпи поставили пулемет. С другого берега Кубани красные посылали меткие пули. Высунуть голову было небезопасно. Пулемет наш изредка посылал короткие очереди. По всей вероятности, скрытый на другой стороне стрелок имел бинокль и нащупал скрытый в насыпи пулемет, вернее, его дуло. Вскоре наш офицер-пулеметчик был убит пулей в голову. Стали еще осторожнее. Место, откуда летели пули, никак нельзя было установить, так как деревья росли у самого берега. Противоположный берег был более низким, поэтому уже в 15-20 шагах от насыпи мы могли спокойно гулять, держась поодаль от канавы, где ютились наши пулеметчики и наблюдатель. Прошло немного времени, как оказался убитым еще один офицер-пулеметчик, и тоже в голову. Так ни за грош сложили свои головы два молодых офицера! Какую грусть это навело на нас!

В сумерки вернулись в станицу. Со следующего дня мы начали движение вверх по Кубани. Вскоре я получил приказание с одним казаком и тремя черкесами произвести разведку в сторону ближайших аулов. В нашем полку был черкесский эскадрон, пожалуй, самый многочисленный по своему составу.

Утром мы направились к Кубани; спустились с крутого берега к воде, где нас ожидала своеобразная длинная лодка, выдолбленная из одного большого дерева. Такого чуда мне еще не приходилось видеть!*) Устраиваться в ней было совсем плохо: устойчивости никакой! Я вырос в степи, где протекала совсем мелкая речонка. Плавал я плохо, так что не стоит говорить о моих переживаниях на быстром течении глубокой реки. Держали мы направление на расположенный невдалеке аул. Слава Богу - пристали к берегу!

Черкес из этого аула пошел на разведку. Скоро он вернулся и повел нас за собой. Едва мы вошли во двор одного из домов, как тотчас же стал собираться местный люд - все больше женщины. Начались рыдания, перешедшие в душераздирающий жуткий вой. Черкесы рассказывали, кто из этого аула погиб в бою и при каких обстоятельствах. И каждый рассказ о смерти вызывал новый вопль неизбывного горя. Как-то неловко было в такой момент уводить людей обратно. Нас накормили, и я стал потапапливать моих черкесов в обратный путь. Красных в широком районе вокруг аула не было. Наш визит навсегда остался в моей памяти.

Вернулись назад. Пошли на хутор Романовский и дальше вверх по Кубани, когда пришлось увидеть весь полк на походе. Состав его явно превышал норму: до десятка эскадронов, из которых один только черкесский превышал 200 сабель. Немало времени провели мы в станице Прочноокопской. Несколько дней подряд выезжали в Форштад и несли там охрану берега и наблюдение за Армавиром. Лошадей ставили в укрытие и пробирались к берегу уже пешком. Здесь надо было быть осо-

*) Кажется, ее простонародное название - "душегубка".

бенно осторожными, так как при открытом подходе мы подвергались жестокому обстрелу со стороны Армавира.

Занимали мы район маленького, примитивного кожевенного завода. У крутого спуска к Кубани был вырыт большой глубокий окоп, дававший прекрасное наблюдение за городом и за всем широким и пологим песчаным побережьем вправо и влево от нас. С правой стороны нашего окопа находился просторный сарай, закрытый со стороны Армавира, а позади нас какая-то более солидная постройка. В этом сарае, собственно говоря, и помещался весь завод - два больших чана с кожами и большой крепкий стол, на котором деревянным катком раскатывались кожи.

Все время мы подвергались обстрелу из Армавира орудийным и пулеметным огнем. Обстреливали нас и минометы. Сильные и трескучие разрывы мин были особенно неприятны. Полет их можно было и слышать и видеть. Существенного вреда обстрел не приносил, и мы быстро освоились: пусть себе стреляют!

Однажды кто-то вынул кожу из чана и начал раскатывать на столе. Нашлись подражатели. Завелось развлечение. Собирались и зеваки. Сыпались шутки. Нераз толкался там и я. Часто собирались мы там просто побалагурить, поболтать и повеселиться. Однажды, во время одного из таких сборищ, явились туда и двое молодых приятелей - казаков одной из задонских станиц - постоянно веселых и жизнерадостных. Один из них пристроился в левом уголке сарая, возле стола, и как раз в тот момент, когда я посмотрел на него, он как-то странно подскочил, откинув назад голову и верхнюю часть тела, и упал - пуля в голову. Грустно и тяжело было видеть эту нелепую гибель молодой жизни!

Отсюда я уехал, наконец, в долгожданный отпуск, а вернувшись, узнал, что и второй приятель-казак, сильно загрустивший после смерти своего друга, был также убит случайной пулей после одного из боев под Ставрополем.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

К А П П Е Л Е В Ц Ы

(Продолжение, см. №№ 28-33)

Троцкий

От пленных и от захваченного в Свияжске шофера Троцкого узнали, что Троцкий недавно прибыл из Москвы с 200 матросами, отборными коммунистами, и теперь наводит порядок и дисциплину в красных войсках.

За неделю он расстрелял более 20 красных командиров, непригодных к занимаемым ими должностям. Рядовых бойцов он тоже не щадил, вводя железную дисциплину. Из центра прибывали в большом количестве резервы.

Ночью из Нижнего Услона пришло донесение от сербов, что они не в силах выдерживать наступление красных и завтра принуждены будут отходить, отдав им Нижний Услон. Это могло оголить наш фланг и дать возможность красным оказаться в тылу Народной армии.

Каппель принужден был отказаться от Свияжска и идти на помощь сербам. В этом районе Каппель в течение четырех дней выдержал кровопролитный бой совместно с сербами и чехами. Но напрасно лилась кровь. Деревни по несколько раз переходили из рук в руки. Троцкий вводил в бой все новые части. Народная армия, чехи и сербы несли громадные потери, но позиций своих не сдавали.

Командование приказало Каппелю бросить позиции, погрузиться на пароходы и баржи и спешно идти под Симбирск в третий раз.

Следуя вниз по Волге, Каппель, не доходя до Симбирска, был вынужден выгрузить свои войска в Тетюшах, на левом берегу Волги, с тем, чтобы прикрыть отход войск из Симбирска.

Доброволец Рыжинский.

Во время жесточайших боев у Свияжска Народная армия должна была атаковать деревню Николаевку. На рассвете все части собрались на сборном пункте. И как только батарея встала, со стороны расположения пехоты ко мне подбежал пехотинец-доброволец Рыжинский и в нервно-приподнятом тоне просил меня, уже не в первый раз, перевести его из пехоты в батарею, где у него было много приятелей-однокашников.

Недели две назад я обещал о нем поговорить с Бузковым, но как-то это не удавалось или я забывал. В это время неподалеку от нас шел к своей пехоте сам Бузков. Я остановил его и спросил о Рыжинском. Он сказал, что ничего не имеет против перехода Рыжинского в батарею хоть сейчас, а документы на довольствие Рыжинского пришлет потом.

Нужно сказать, что Рыжинский был отчаянным бойцом. Заподозрить его в том, что он, переходя в батарею, укрывается от опасности, не было никаких данных, и никому это не приходило в голову. По его возбужденному и нервному виду можно было, однако, заключить, что он как бы инстинктивно радовался, что избежал смерти: был какой-то особый оттенок во взоре его глаз.

Друзья его тут же принялись ему объяснять, что он должен делать во время боев.

Начинался рассвет. Наша пехота потянулась в гору. Каппель послал приказ: батарее встать на правом фланге пехоты и возможно энергичнее поддерживать ее продвижение. За правым флангом пехоты должны быть сербы, но связи с ними еще не было.

Ускоренным аллюром я выехал на правый фланг нашей пехоты и, по указанию своих разведчиков, встал на закрытую кустарником позицию. Не успели наши передки отъехать от орудий, как справа мне во фланг, с той стороны, где должны были быть сербы, с недалекой дистанции раздался короткий ураганный огонь.

Пока мои артиллеристы поворачивали на руках наши орудия в сторону стрелявшего в нас противника, я услышал клекот орудийных колес уходящего противника, закрытого кустарником.

Снарядом противника было оторвано полголовы у добровольца Рыжинского и тяжело ранило еще двух моих добровольцев: Катанухина и Семенова. С того момента, как Рыжинский перевелся к нам из пехоты в батарею, прошло не более получаса. Не переведись он к нам - может быть, жил бы он и до сих пор...

Дальнейшее продвижение.

От Тетюш в походном порядке Народная армия, насчитывавшая в своих рядах около 3.000 бойцов, спустилась по левому берегу Волги до Симбирского железнодорожного моста, где и заняла позицию с расчетом прикрыть отходящих на левый берег симбирцев.

Мне было приказано обстреливать подступы с юго-западной стороны города. Батарея заняла хорошо закрытую позицию недалеко от берега Волги и моста, по которому беспрерывной лентой тянулись всевозможные беженские повозки и эшелоны, груженые военным имуществом.

На другой день к вечеру, когда по мосту проходили добровольческие симбирские части, Каппель отдал распоряжение саперам, когда пройдут наши арьергарды, мост взорвать с одной стороны пролета.

Симбирск был оставлен 12 сентября 1918 года. Мне было дано приказание на другой день встать на позицию верстах в трех от берега Волги, на случай, если красный командарм Тухачевский (ему было тогда 25 лет) вздумает переправлять свои войска на лодках или плотах для преследования симбирцев.

При наступлении сумерек я снялся с позиции и направился вслед за отходящими добровольческими частями в Часовню, где мы должны были ночевать по распоряжению Каппеля, который с двумя штабными офицерами направился к мосту, чтобы присутствовать при взрыве. И через каких-нибудь полчаса мы услышали страшный взрыв, от которого стало тяжко на душе...

Красная артиллерия энергично, большими недолетами, обстреливала только что пройденный нами путь, не нанося нам вреда. В этот день мы в последний раз видели нашу родную Волгу...

Теперь перед Каппелем встала сложная и трудная задача.

Мы должны отходить по Волго-Бугульманской железной дороге и дать возможность казанцам, оставившим свой город 10 сентября, через Лаишев присоединиться к нам. Кроме того, мы не должны спешить с отходом и всячески задерживать Тухачевского, имевшего намерение отрезать отход самарцев на Уфу.

В районе Мелекеса Каппель дал большой бой и задержал красных.

Соединившись с казанцами и симбирцами, Народная армия стала

называться Волжской группой под командованием Каппеля, который в районе Бугульмы получил от Омской ставки производство в генералы. Во время ночной остановки я поехал в штаб Волжской группы и поздравил Каппеля с производством. Он искренне ответил: "Я был бы более рад, если бы мне вместо производства прислали из резерва батальон пехоты!"

Отход от Волги.

Пробивая дорогу на восток среди бушующего красного моря приуральских просторов, Волжская группа должна была отбиваться справа и слева, а также и от наседающих на арьергард красных.

На протяжении 400 верст от Волги до Уфы Волжская группа свою тяжелую задачу выполнила блестяще, и на этом пространстве Каппель дал ряд кровопролитных и изумительных боев, разбивая наседающих красных и буквально протаранивая себе дорогу в страшную стужу, когда плохо одетые бойцы имели по 100 человек и больше обмороженных в день, не имея ни откуда никакой помощи.

Эта боевая работа Каппеля многими до сих пор не понята, не исследована и исторически не оценена.

Трудность положения Каппеля еще заключалась в том, что во время боев на Волге Самарское правительство "Комуч", боясь контр-революции, Каппелю не доверяло и всячески тормозило его действия.

Сибирское правительство тоже не доверяло Каппелю, как служившему эс-эровскому правительству, то есть "Комучу", и, как далее будет видно, при всяком удобном случае чинило Каппелю всевозможные препятствия, наговаривая на него Верховному Правителю разные небылицы.

А Каппель готов был сражаться с большевиками за Россию при любом правительстве. За Россию он и отдал свою жизнь...

Тыловые интриги сделали свое каиново дело. Каппелю во-время не дали хода. Верховный Правитель оценил Каппеля и назначил его главнокомандующим армиями, но это произошло, когда уже поздно было. Каппель скоро погиб на своем посту. И все армии стали называть себя каппелевцами, так же, как и некоторые отдельные части, пройдя через всю Сибирь и Приморье, назывались каппелевскими.

Случай в предгорьях Урала.

Когда Волжская группа пробивала себе дорогу на восток, красные энергично наседали на ее арьергарды. Задержку наседающих красных полчищ поручили оренбургскому есаулу Шеину, командовавшему двумя сотнями казаков, к которым для большего веса придали меня с 4-мя орудиями.

Отходя на восток, казаки и я с орудиями обошли большое, расположенное в лощине село, которое уже было занято красными. Взойдя на возвышенность и поставив батарею на хорошо закрытой позиции, щадя деревню, я хорошо обстрелял ее окраины, и в бинокль было видно, как красные поспешно убегали из деревни. Есаул Шеин послал в деревню взвод казаков, который скоро вернулся и доложил, что красных в деревне нет.

Казаки и батарея смело спустились в деревню, где зажиточные жители хорошо нас встретили и вскоре обильно нас покормили. Была

зима. Сумерки наступали быстро. Есаулу Шеину я сказал, что пойду на ночлег в следующую небольшую деревню, не обращая внимания на его приглашение остаться ночевать в этой деревне, где жители так любезно нас встретили. Я оставил Шеину для связи двух своих разведчиков: Бориса Г. и Александра Л. - и увел батарею из этой подозрительной низины в другую, совсем маленькую, домов в десять, деревушку в двух верстах по нашей дороге. Была абсолютная темнота.

Войдя в деревушку, мы не успели распречь и расседлать коней, как услышали гром не менее десяти пулеметов, направленный на большую деревню, в которой находился есаул Шеин со своими оренбуржцами.

Менее, чем через полчаса, к батарее, уже готовой к движению, прибежал каким-то чудом уцелевший разведчик Александр Л., оставленный Шеину для связи. Конь его и конь другого разведчика были убиты, также были убиты лошади многих казаков огнем красных пулеметов, расположенных с трех сторон на возвышенностях, окружавших эту большую деревню. Там же вместе с убитыми и ранеными казаками пропал и мой второй хороший разведчик Борис Г.

При почти абсолютной зимней темноте я не мог ничем помочь Шеину, у которого в деревне было много убитых казаков и лошадей. Оттуда не мог выбраться и весь его казачий обоз, и там же с обозом осталась большая аптека с ценными лекарствами.

Отношение Омска к волжанам.

За ноябрь месяц 1918 года, в страшные морозы в Приуралье, Волжская группа несла большие потери обмороженными. На неоднократные требования прислать теплые вещи из Омска не было ответа. Каппель предложил мне проехать в Омск и навести там справки о теплых вещах.

Прибыв в Омск вечером, я нашел все отделы снабжения закрытыми. Через своих приятелей я узнал о несметных количествах теплых вещей, сданных в интендантство. Это меня окрылило, и я с нетерпением приготовился ждать завтрашнего дня. А когда сумерки сменились ночью, Омск меня, отвыкшего от тыла, просто ошеломил каким-то исступленным разгулом и почти поголовным пьянством, похожим на пир во время чумы. От этого мне стало совсем не по себе.

Я спросил окружающих - может быть, сегодня какой-нибудь особенный день или праздник? Но получил в ответ, что это - обычная вечерняя жизнь тылового Омска. Тогда мне было не до критики, но перед глазами встали картины боев и замерзающих соратников.

Утром, окрыленный надеждой получения теплых вещей, забыв временно виденный мною вчера кошмар, я сначала отправился в Главное Интендантство. После долгой волокиты опросов и расспросов, я наконец добился аудиенции у главного интенданта, который принял меня очень хорошо, но сказал, что выдать мне сейчас ничего не может, так как полученные вещи хотя и есть, но еще не распределены по частям. Волжской же группы у них на учете вообще не числится. Этот вопрос он выяснит в очередной визит к Верховному Правителю, и мне придется подождать с недельку в Омске...

Меня начали душить слезы досады: как легко сказать "подождать", когда там, в Приуралье, замерзали лучшие сыны России, защищая спокойную жизнь тыла!

Я вышел из Интендантского Управления и бесцельно шел по улице.

Вдруг ко мне подошел чех, любезно со мной поздоровался и стал расспрашивать о фронте и о Каппеле. Не сразу я вспомнил, что встречался с этим чехом под Казанью: он командовал чешской батареей. Он был полон воспоминаний о волжских боях, о Каппеле. Я отвечал ему, как мог, и рассказал о причине моего мрачного настроения.

Он охотно предложил мне помочь достать теплые вещи - полный комплект для моей батареи. Мы зашли в чешский штаб, и через несколько минут я имел требование на теплые вещи для "чешской батареи", которые главное интендантство мне немедленно отпустило. К вечеру все вещи были погружены в вагон-теплушку, а ночью прицеплены к отходящему на Урал поезду.

На третий день я был у Каппеля. К нему мне пришлось идти пешком по льду реки Ин, так как один пролет железнодорожного моста беспомощно лежал на дне замерзшей реки.

Починка моста через реку Ин.

Перейдя через лед реки, я увидел, что из штаба Волжской группы мне навстречу шла целая комиссия во главе с генералом Каппелем: начальник артиллерии полковник Сущинский, инженер полковник Зиген-Корн и еще два-три офицера, которые, после утреннего осмотра, доказывали Каппелю, что на починку моста потребуется не менее двух недель. И теперь Каппель шел убедиться в этом. Я присоединился к ним и, между прочим, рассказал о своей поездке в Омск.

В.Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ПРОШЛОЕ ОБЯЗЫВАЕТ.

Вечная слава и вечный покой бойцам 10-й роты 3-го Корниловского Ударного полка, погибшим в борьбе за Россию, и братский привет всем, оставшимся в живых и сохранившим на чужбине безграничную любовь к родному полку, выраженную следующими словами державным поэтом К.Р.:

"Наш полк, заветное чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Иным оно старо, для нас все тек же ново
И знаменует нам и братство и семью"...

Вместе с родными корниловцами 3-го полка хочу вспомнить прекрасное прошлое, безгранично дорогое, особенно сегодня, в том возрасте, когда все чаще и неотвратимее возвращаешься к щемящим и сладостным воспоминаниям своих юных лет. Хочу вспомнить то полное надежд время 1919 года, когда русский богатырь, Вождь Добровольческой Армии ген.Деникин отдал свой исторический приказ: "На Москву!" - и, выйдя на ее прямую и широкую дорогу, шли к Белокаменной бойцы-добровольцы вновь сформированного 3-го Ударного полка под командой одного из лучших корниловцев - есаула Милеева, офицера 6-го Оребургского казачьего Атамана Нагого полка.

Змиевские казармы в Харькове.Поручик Г.А.Голованъ командующий запасным баталионом 3-го Корниловскаго Ударнаго полка, перед отправкой маршевой роты в полк.
1919 г.

Николай Васильевич Милеев - кадровый офицер Оренбургского Казачьего Войска, человек с высшим образованием, умный и чрезвычайно храбрый, в бою всегда спокойный и решительный, весьма честный и заботливый в отношении своих подчиненных.

После напутственного молебна в Змиевских казармах прогремел Корниловский гимн, затрубили трубачи, и стройными рядами, весело и бодро двинулся полк Ударный по улицам еще спавшего Харькова. Лихо шагала 10-я рота. образцовое равнение штыков, радостные и горделивые улыбки на молодых здоровых лицах - и щемящие сердце прощальные взоры в сторону окон -

... "а там, чуть подняв занавеску,
лишь пара голубеньких глаз"...

Сколько уютного, прекрасного, чистого и непорочного осталось позади...

"Старые песни... Мотивы забытые,
Снова звучите вы силой былой, -
Милого прошлого дни пережитые
Вы воскрешаете вместе с собой.

Пусть эта жизнь - лишь мираж сновидений,
Пусть безвозвратно проходят года;
Счастья былого живые мгновенья
Живы в тебе и твои навсегда..." (К.Д.Кульнев)

Твердо отбивая ногу, весело пели добровольцы: ..."За Русь Святую, мы, как один, умрем за дорогую"... И не случайно сложилась эта песня добровольческая. Корниловцы знают и свято хранят завещанное им их Вождем и Шефом: "Только смерть может освободить русского солдата от борьбы за ЧЕСТЬ и СЛАВУ РОДИНЫ!" - и такими были все Корниловцы тогда, в 1919 году, такими остались и когда унесли с собой Пушкинскую Россию, такими были в Болгарии, Чехии, Югославии, Австрии и Германии, а голые и сухие страшные цифры - тому подтверждение:убитыми и ранеными Корниловцы потеряли 48.002 человека.

На Харьковском вокзале были уже поданы эшелоны... Погрузились и, быстро минуя станцию за станцией, по украинским бескрайним степям, мимо украинских сел с их белыми вымазанными хатами - приближались к фронту. Из соседнего вагона доносилась чудная мелодия, кто-то исполнял ее на гитаре, и невольно вспомнил я, как незабвенный Роман Филиппович часто в Кубанском походе напевал под гитару печальную нежно-трогательную украинскую песенку:

"Бабуся ридненька, ты всим помагаешь,
Яке в мене горе, ты, може, вгадаешь"...

Теперь его уже нет среди нас, доблестного из достойнейших Корниловца полковника Пуха Р.Ф. - он спит вечным сном в земле Люксембургской...

У всех тогда было одно желание, одно стремление - скорее встретиться с врагом, закалить новых бойцов в огне, влиться в общую фронтовую группу Цветной Дивизии, про которую была сложена песня:

"С Иртыша, Кубани, Дона,
С Волги-Матушки реки,
Развернув свои знамена,
На Москву идут полки.
Впереди на правом фланге
Красных шапок виден ряд:
То - Корниловцы лихие,
То - Корниловский отряд.
А у них на правом фланге
Черно-белый цвет видать:
Это - их родные братья,
Это - Марковцы спешать"...

В Сумах разместились в здании Сумского Кадетского Корпуса. Отсюда полк получает первое боевое сложное задание. В боевую линию полк влился. Большевики в это время, оправившись после нанесенных им ударов, значительно пополнившись, направили свой главный удар в направлении Сум. Первая серьезная встреча с врагом, первый встречный бой...

- Корниловцы, вперед! - подал команду есаул Милеев, любимый всеми командир.

И, ощетинив штыки, Корниловцы бросились вперед и обратили в бегство колонну большевицких солдат. Настроение бодрое и радостное.

Десятая рота выдвинута вперёд. Идем на деревню Саевщина, Харьковской губ. По дороге, на марше, я был вызван к командиру полка и получил приказание занять село. Подошли совсем в сумерках, и, приблизительно верстах в трех от села, я расположил роту бивакой, решив атаковать деревню ночью.

Обрадовались добровольцы ночному набегу. В то же время такая ночная операция, впервые с непроверенными солдатами, не была лишена риска за верность солдатской массы: ряды полка, при формировании его, были пополнены по мобилизации, частью бывшими пленными красноармейцами с Колчаковского фронта. Часто в роте, во время словесных занятий, офицеры старались простым языком разъяснить солдатам, почему мы вступили в борьбу с коммунистами, что они враги России и русского народа, что мы боремся за нашу Родину-Мать, за великую и свободную Россию. "И мы, корниловцы, считаем, - говорили мы, - что и у вас, бывших солдат Красной армии, бьется такое же русское сердце, как и у солдата-"кадета", Корниловца. Вы все наши братья, русские люди, мы против братоубийственной войны, мы идем вместе с вами, рука об руку с русским народом, и вы поможете нам изгнать из стен Белокаменной и Златоглавой Москвы засевших там врагов России - иностранных ставленников." - Но, несмотря на все это, все же какое-то смутное опасение за тех, кто только "сегодня" нацепил черно-красный погон, - было!

Около полуночи тихой прекрасной августовской ночью я поднял солдат и направился к деревне. Чудесно было вокруг: пряный, особенный аромат созревших, местами еще не скошенных хлебов, далекое, едва слышное кукование кукушки - все это уносило далеко от действительности, в далекое детство, когда я гимназистом приезжал с родителями в Малороссию, недалеко отсюда.

Выслав вперед разведку, я приказал им подойти к окраине села, по возможности не ввязываяст в перестрелку, и, выяснив силы противника, захватить с собой проводника.

Ко времени подхода роты офицер, посланный с командой разведчиков (фамилии не помню), вышел из села мне навстречу и доложил, что с вечера село занято 4-м Лебединским пехотным полком, штаб полка расположен в здании волостного управления, обоз тут же на площади.

В полной тишине продвигалась рота, войдя в мирно спавшее село, вдоль плетня по обе стороны типично сельской украинской дороги, ведущей к Волостной площади. Не обнаруживая себя, мы подошли шагов на 150. Уже был виден в беспорядке размещенный обоз на большой площади, причем некоторые повозки стояли в упряжке, что говорило о готовящемся выступлении красных. Суетились солдаты вокруг костра, входили и выходили группами из здания волости. Трудно уже было сдерживать добровольцев - рвались вперед. Наконец я подал команду, и рота бросилась вперед, устремляясь к зданию Волости... Штаб 4-го Лебединского полка был захвачен, также много пленных и часть обоза. Захваченные врасплох большевики бежали, скрываясь в темноте.

Экзамен ротой был выдержан блестяще - ни одного из "новых корниловцев" не пришлось записать в графу "без вести пропавших".

В селе был назначен отдых до следующего дня. Наутро новый поход, преследование бегущего противника. Долго не расходились Корниловцы 10-й роты по отведенным квартирам, радостнее было поделиться впечатлениями лихого ночного набега и радостными переживаниями от

полученной похвалы любимого командира. Кто захватил адъютанта полка, кто тянул комиссара, кто складывал на повозки захваченные винтовки и патроны, а кто заботливо суетился по части баранов, и уже через полчаса свежее мясо кипело в ротной кухне. А кто-то из молодых с более нежной душой, оставшись небольшой группой у догорающего костра, нежно напевал:

"Повий, витре, на Вкраину,
Де спокинув я дивчину,
Де покинув кари очи -
Повий, витре, у пивночи"...

На другой день - наступление на деревню Речки. Красные не выдерживают стремительного марша Корниловцев, идущих во весь рост на их губительный пулеметный и ружейный огонь, и после упорного боя Корниловцы захватили деревню, взяв богатую добычу. Помню, кому-то из офицеров, если память не изменила - капитану Буракевичу, сентиментальному блондину, командиру 2-й роты - достался мотоциклет, с которым он долго потом возился, прежде чем сделать пробег "Речки - Москва".

Отсюда полк разделился на три группы: каждый батальон получал самостоятельную задачу, указывались разные участки и разные направления движений. Есаул Милеев оставался с нами, с 3-м батальоном.

Опомнившиеся большевики, подтянув значительные резервы - бригаду пехоты и бригаду Кубанской Черноморской красной конницы - повели упорное наступление на Речки. Геройски отбивался 3-й батальон, но, видя превосходство красных, есаул Милеев решил оставить деревню, и мы вышли в поле для более выгодного маневрирования. Местность была весьма пересеченной. Большевики нас окружали. Нужно было пробиться к железной дороге и занять Белополье, где предполагалось соединение с 1-м и 2-м батальонами, которые были заняты ликвидацией другой группы красных.

Положение нашего участка было очень серьезным - кольцо окружения сужалось, было трудно, доставки патронов из тыла не было. Есаула Милеева можно было видеть бодрым и спокойным на всех направлениях и часто - впереди цепей. Он воодушевлял всех нас своей беззаветной храбростью. Вот он дает указания и советы артиллеристам, то куда-то усылает конных. И в самый угрожающий момент, выдержанный и спокойный, он внушал веру в победу и, действительно, победу блестяще одержал. Из окружения мы вышли, понеся сравнительно небольшие потери.

10-я рота, уже хорошо отмеченная, получила приказание выдвигаться вперед и идти в авангарде на Белополье.

- Вот в этом направлении - показал есаул Милеев рукою на север, - должно быть Белополье. Вперед, с Богом!

- Так точно, слушаюсь!... - ответил я и стал подниматься на бугор. Поднявшись, рота сразу молча остановилась, и, казалось, каждый обдумывал про себя - что же дальше?

Шагах в 300-х против нас справа, у опушки леса, и слева значительно дальше - стояла развернутым строем красная кавалерия. Продвинувшись чуть вперед, я тотчас же построил роту для встречи кавалерии: часть с колена, а часть, два взвода, стоя сзади; все молча следили за врагом. Слева от меня артиллеристы быстро снимали с перед-

ков орудие. Конница не шевелилась, видно было, как всадники сдерживали лошадей.

В это время я видел, что есаул Милеев что-то решал... Он вырвал инициативу у красных и, вскочив в пулеметную двуколку, на рысях направился к правой группе конницы. Быстро повернув двуколку, сам сел за пулемет... и пошла одна очередь за другой... Это и послужило как бы негласным приказанием...

- Десятая рота!... по кавалерии... слушать мою команду... пли..

Из орудия блеснул первый выстрел, второй, беглый огонь!.. Красный командир повернул коня, и конница поскакала назад.

К вечеру входили в Белополье, и, несмотря на усталость после продолжавшегося весь день боя, несмотря на то, что в роте пришлось по очереди нести на руках нескольких убитых, чтобы похоронить их в Белополье, - рота, разместившись в станционных постройках, снова собралась у костра, и снова бодро и весело поет юношество:

"Марш вперед, Москва нас ждет,
Корниловцы лихие!
Славный полк не победит
Советская Россия..."

- Ударники делятся впечатлениями дня, восторгаясь решительностью и храбростью любимого командира. Его любили все - весь полк, до последнего ездового - за его строгость, справедливость и заботливость. А артиллерийские старшие офицеры, бывшие при отряде, отзывались о есауле Милееве - офицере казачьего кавалерийского полка - как о выдающемся пехотном военачальнике, блестящем практике и беззаветно храбром воине. Помню, как старший полковник Алексеевского артиллерийского дивизиона говорил мне:"Вы, Корниловцы, должны гордиться таким командиром, должны беречь его, с ним радостно в бою быть, не страшно и в окружении быть - выведет!"

Впоследствии, сломленный морально, не пережив поражения Белой Борьбы за наши же грехи, за наши же ошибки, уйдя после Новороссийской эвакуации в Кубанскую кавалерийскую часть, он в Крыму выстрелом из винтовки покончил с жизнью. Вечная память честному Белому Воину, прекрасному начальнику, доброму русскому человеку и хорошему другу.

Дальше - победоносное шествие по линии железной дороги.

-Десятая рота впереди. Идем на станцию Коренево, для овладения которой были направлены две роты - 10-я и 12-я.

Разведка выяснила, что станция занята небольшим отрядом красных, а на входных путях с южной стороны стоит под парами их бронепоезд. Уже вырисовывались станционные здания. Чудный солнечный день, живописная Украина... как привольно, весело и безбедно жилось в этом краю раньше...

Из штаба полка догнал нас ординарец, привезший приказание, в котором указывалось:

"Шт.капитану Реке, командиру 12-й роты, выйти в тыл станции Коренево и, взорвав железнодорожный путь, приостановить наступление. - Командиру 10-й роты поручику Головань, наступая вдоль линии жел. дороги за посадками, атаковать станцию с фронта."

Операция была блестяще выполнена, но дорого обошлась Корниловцам: уже после того, как был 12-й ротой подорван путь, пал смертью храбрых командир их, кап. Реке. Броневик остался в наших руках.

Дальнейшее движение на Льгов. Большевики занимают укрепленную позицию у станции Артаково, что в 4-х верстах от станции Льгов 2-й.

- Братцы, вперед!... Ура, 10-я рота!... - и после короткого боя станция Артаково занята. Двигаемся дальше.

В это время, тяжело пыхтя, влево от станции ползет красный бронепоезд и, выбрав позицию, открывает по роте частый огонь; к счастью, снаряды давали перелет. Наша артиллерия, то есть захваченные у красных впервые шестидюймовки, с которыми должен быть и командир полка, идущий с западной стороны на город, - почему-то молчит. Но вот блеснули орудия и полетели наши снаряды и стали рваться по линии, по которой маневрировал бронепоезд, пытаясь уйти от обстрела. Но скоро судьба его была решена - корниловцы были уже со всех сторон...

- Ура, родные!... - и рота бросилась на вокзал, на запасных путях которогобыло захвачено до 50 груженых эшелонов. Начальникам хозяйственных частей было много интересной работы и богатой добычи.

Помнится, как потом в жутких боях помогал нам капитан Ткаченко Николай. Потеряв в 1-м Кубанском походе один глаз, он теперь занимал нестроевую должность начальника полевой хозяйственной части. Передаст, бывало, фляжку "сыровца" градусов на 60, - и веселее наступать по открытому полю! В настоящее время дорогой, всегда близкий и родной соратник Николай Григорьевич Ткаченко живет неутомимым тружеником в США - мой братский привет ему из Европы!

К вечеру был занят и железнодорожный мост через Сейм, взят и город Льгов, при штурме которого был убит командир нашего 3-го батальона. На другой день, отдохнув, подтянувшись и почистившись, свободные от служебных нарядов добровольцы ходили по городу, ласково приветствуемые освобожденными жителями. Настроение радостное!

Три дня полк стоял в резерве, а затем был выдвинут на Орловское направление. Чарующая Украина, живописная, где все было так близко, так мило, так дорого, где впитал я простор привольных полей, живительный воздух родной земли, аромат лугов, красоту широких и прямых, как стрела, украинских шляхов времен Екатерины, обсаженных столетними высокими ракитами, патриархальность семьи и глубокую веру, где научился и познал жизнь крестьянскую, - оставалась позади...

Помню, как на одном из привалов крестьянин, выехавший с полком еще из Харьковской губернии, типичный чумак-запорожец, рассказывал среди солдат о своей деревне, об укладе жизни, о быте и красоте жизни... "Минулось те", - говорил он. Я остановился около повозки и слушал:

- А мий батько, було, як иде кудысь, то з вечера ще довго молиться усим святым, щоб помогли ему у дорози, боронили вид усякои напасти и допомогли б благополучно повернутись додому. И було й на мене малого находив такий настрий, що и я своим маленьким сердцем благав милосердного Бога... А вранци рано, ще досвита вставали, лагодились, запрягали и тихо выиздили з двору, перехрестившись. Нихто не гомонив... Рипить полегеньку добре помазаный виз, хвирка кобыла, а навкруги особлива предранишня тиша. Нищо не шововхне, иноди набижить легенький витрець, и зашелестить тай затихне верба. Де-нигде гуси обизвуться, та пивни спивають. А на сходи вже небо потроху займаеться зорею, червоние... уже де у якій хати двери рипнули... Но, стара, веселий!... Из торбы выймаешь хлиб та шматок сала... Пора

снидати... О, сколько було поэзии у таким подорози! Як гарно, ласково було на сердци... Яки прости думки були... Минулось те... Ни кобылы, ни воза - усе отняли бусурмане, ни Бога, ни сала нема! Молиться никому и ничого! И вот, рушаючи у дальну дорогу з вами билыми, думкою перекидаюсь у ваше Биле Вийско, де перебувае и мий любый сын. Чи буде ще на цим свити радисть побачитись, отыскать сердешного... Боже милостивый! Помилуй и сохрани! Може и вин, седешный, десь без хреста схоронен...

Я обнял старика и поцеловал его седую голову...

Полк выдвигался, и нужно было спешить к роте. Веселы добровольцы... Москва близка. Не выдерживая Корниловского натиска, большевики бегут.

Два дня стоим в селе Сеньково. Красные успели в это время подвезти большое пополнение, состоящее из лучших коммунистических полков - латышских и китайских. Переходим снова в наступление. Красные бросаются в контр-атаку.

- Корниловцы, вперед!... - слышна команда, и 10-я рота еще раз показала доблесть корниловскую.

Рота сошлась в штыки. Тяжелая была работа... стон умирающих.. неясные слова бегущих вперед на смерть... крики "ура!", "не отставать!", "вперед!" - все смешалось... И как стойко дралась 10-я рота! Противник бежал... В то время, как сердце сжималось, какое-то необъяснимое чувство овладевало всеми - радость победы!

И как хотелось тогда всем рассказать, а теперь вспомнить, как храбро, достойно корниловского имени дрались добровольцы 10-й роты, штыками прокладывая путь к Белокаменной, тяжело оплакивая возницу-"запорожца", так поэтично рассказывавшего на привале о былой Украине, ушедшей теперь навсегда.

Он был убит во время подвоза патронов на своей повозке к передовой линии, не встретив случайно и не отыскав своего любимого сына. Сбылись слова песенки, которую он часто, в тяжелом раздумьи напевал:

"Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю:
Чому я не сокил, чому ж не литаю?
Чому ж мени, Боже, Ты крылець не дав?
Я б землю покинув, тай в небо злитав..."

Бельгия. Г.Головань

- - oOo - -

АЛБАНИЯ И КОРОЛЬ ЗОГУ.

Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева

(См. "Вестник Первопоходника" №№ 28, 30 и 33)

Итак, с начала 1925-го года и до апреля 1939-го Ахмет-бей управлял Албанией. Эти 14 лет жизни страны безусловно являются наиболее блестящими и счастливыми во всей ее новой истории. Сам Зогу вполне отдавал себе отчет в том, что победой над епископом Фаноли и его приверженцами он обязан, главным образом, Русскому Отряду.

Вскоре после занятия Тираны нашу пулеметную команду послали в горы для разоружения населения. Оружия всюду было много: в одном доме мы даже нашли два горных орудия с зарядными ящиками и полным комплектом снарядов. Это было первое знакомство с Албанией. Кроме меня, в этом походе принимали участие: Улагай, Конаплев и Красенский, все четверо - первопоходники.

Когда мы месяца через два вернулись в Тирану, то там уже начали формироваться регулярные албанские части, так как солдаты старой армии перед нашим приходом в столицу Албании разбежались по домам. Мулы и лошади остались на произвол судьбы. Судьба же вручила их нам, то есть Русскому Отряду. Таким образом мы оказались владельцами более 300 лошадей и мулов. Постепенно стали их передавать новым албанским частям.

Хотя к концу марта 1925 года кончился срок контракта отряда и нам, по условию, нужно было уйти в отставку (и получить двухмесячное жалованье), ушел от нас только полковник Миклашевский, который вернулся в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев для продления там военной службы. Мы же все подписали второй контракт, тоже на трехмесячный срок. На тех же условиях контракт возобновлялся шесть раз, и только через 18 месяцев после подписания первого договора Русский Отряд, под командой Берестовского (заменившего Миклашевского), был окончательно расформирован.

Чинам отряда была предложена пожизненная пенсия в размере получаемого жалованья, но при условии, что они поселятся в стране. Вначале все решили было остаться и воспользоваться столь выгодным предложением, но мало по малу стали разъезжаться, жалуясь на скуку жизни в Албании... Таким образом, в апреле 1939 года осталось всего 15 человек, не считая нас четырех - Улагая, Красенского, Белевского и меня, - поступивших на действительную албанскую военную службу.

- о -

Полковник Кучук Улагай, Драгунской Кавказской Дивизии, начал свою службу командиром пулеметной команды. Затем был назначен начальником конского завода в городе Шияке; потом командиром "смешанной группы", то есть полка в Скутари. Когда итальянцы в апреле 1939 года заняли Албанию, он ушел в Югославию. Во время Второй Мировой войны командовал у ген.Краснова всеми горскими частями. После капитуляции Германии оказался в Лиенце, но ему чудом удалось спастись от выдачи Советам, благодаря албанскому паспорту. После последующего короткого пребывания в Риме эмигрировал в Чили, где недавно скончался.

Ротмистр Красенский, Нижегородского Драгунского полка, был назначен младшим офицером пулеметной команды. Позже прошел артиллерийские курсы и перешел в артиллерию, в которой оставался до конца "албанской эпопеи", командуя группой тяжелой артиллерии. Остался в Албании и после занятия ее Италией, перейдя на итальянскую военную службу. Во время Второй Мировой войны был послан вместе с итальянскими войсками в Россию. Вернувшись с восточного фронта в Тирану, был назначен итальянским правительством на пост председателя Особого Военного Трибунала по борьбе с коммунистами. При занятии красными Албании остался в Тиране, где и был повешен на площади албанскими коммунистами, возглавляемыми Энвером Ходжи.

Поручик Белевский, Киевского Гусарского полка, был с 1926 года младшим офицером пулеметной команды, но при сформировании албанского гвардейского эскадрона был назначен его командиром. После занятия Албании Италией перешел на итальянскую военную службу и во время Второй Мировой войны был послан в Россию, где за боевые отличия получил итальянскую Серебряную медаль, равную нашему Георгиевскому кресту. Вернувшись в Албанию, сражался против коммунистов и был ими убит в горах.

- о -

Русский Отряд так долго не расформировывали, потому что он был нужен Зогу в его борьбе с беями, которые с момента провозглашения независимости Албании в 1911 году по несколько раз в год устраивали военные перевороты.

Таким же путем достиг власти и епископ Корчи Фаноли, изгнавший Ахмета Зогу из Албании. Последний понял, что единственный путь к укреплению собственной власти и умиротворению страны - это обезвредить беев. Эту задачу блестяще исполнил Русский Отряд. Подвластные беям люди были освобождены, и при этом любопытно отметить, что наконец, в середине 20-го века, было упразднено в стране феодальное право. Однако, еще много лет спустя после этого "раскрепощения", обращаясь к какому-нибудь "вольному" Махмуту или Али с вопросом, кто он, - вместо ответа: "я - албанец", можно было услышать: " Я - человек такого-то бея".

Приблизительно полтора года продолжалась то более, то менее активная борьба с феодалами. За это время была создана албанская национальная армия, которая должна была заменить "русских наемников", так как прошла потенциальная опасность военных переворотов. Итак, благодаря русским, Зогу удалось переменить весь государственный строй страны.

Возвращаюсь к биографии Ахмет-бея, отец которого был назначен султаном на ответственную государственную должность в Албанию. По существовавшему в то время в Оттоманской Империи правилу, вся семья Зогу-отца, то есть все жены и дети, должны были переехать в Турцию, без права выезда за границу, пока глава семьи был у власти у себя на родине. Систему "заложников" выдумали не большевики, но, в отличие от коммунистических правителей, турки предоставляли семьям назначенных за рубежом высших чиновников условия жизни, мало отличавшиеся по роскоши от тех условий, в которых и по сей день живут кремлевские сановники...

Семье Зогу был предоставлен в распоряжение огромный дворец в Истамбуле. В 1910 году, когда отец Ахмет-бея был убит, его семье разрешили вернуться на родину. Будущий король Албании смог беспрепятственно ездить, куда ему было угодно.

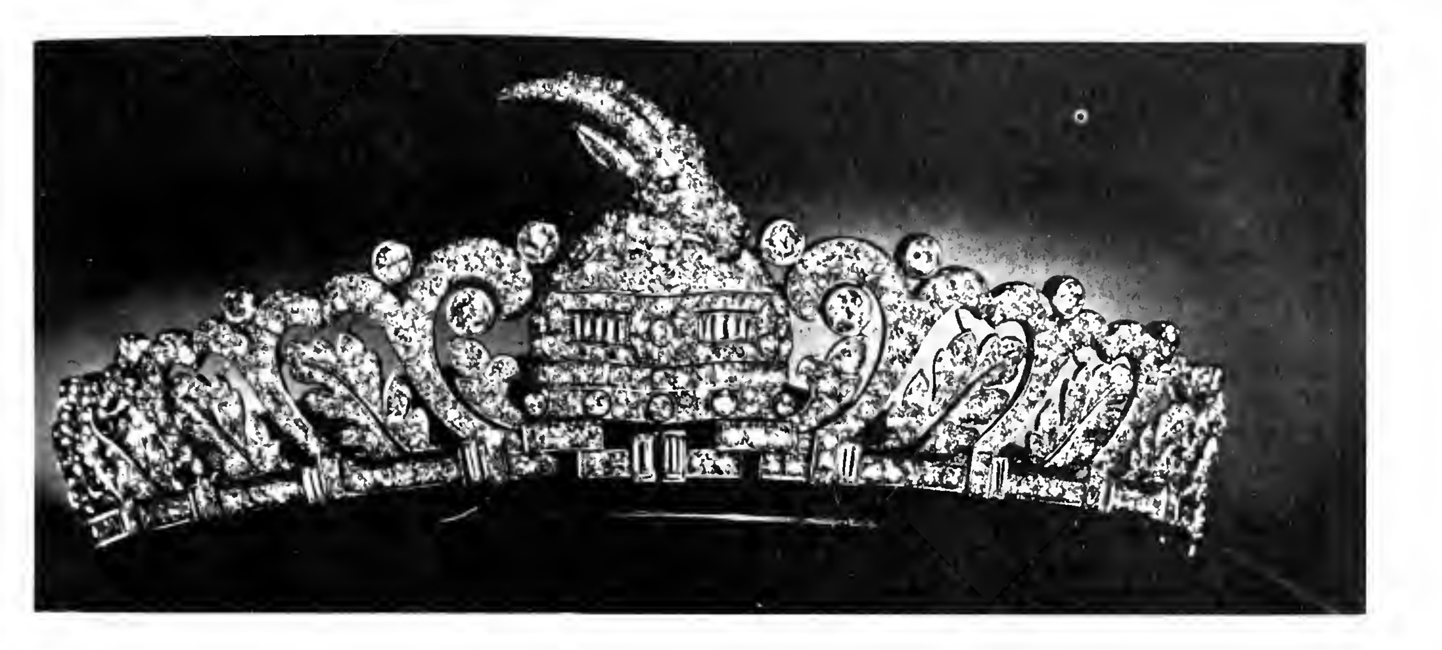
Образование свое он продолжал в Австрии; кончил военную Академию в Вене. После конца Первой Мировой войны он начал свою политическую карьеру и был два раза премьер-министром самостоятельной с 1911-го года Албании. Каждый раз он вынужден был покидать свой пост из-за военных переворотов беев.

Свергнув епископа Фаноли и взяв в третий раз бразды правления в свои руки, Ахмет не только усмирил беев, но и стал энергично модернизировать всю жизнь страны. Гаремы были уничтожены, многоженство отменено. Должен сознаться, что мне иногда казалось, что я присутствую на "ассамблеях" петровских времен, когда во дворец приглашались "албанские вельможи" не одни, но с "главной женой". Дело в том, что албанцев не заставляли бросать всех жен, кроме одной, но только одна представительница гарема приглашалась на официальные приемы, вернее сказать, - не "приглашалась", а, как в эпоху Петра Великого, "обязана" была прийти, и при этом - без чадры, с открытым лицом... Гаремы мало по малу стали исчезать сами, так как тем, кто имел только одну жену, не разрешали жениться на другой. По мере вымирания жен, гаремы уменьшались. Я как-то спросил своего друга,двоюродного брата короля Хюсейн Сельмани (см.фотографию), не лучше ли иметь только двух жен, чем пять. На это он меланхолически ответил: "Когда у меня было пять жен, я чувствовал себя свободным, будто бы вовсе не женат; теперь, когда у меня только две жены, прямо беда: сцены, ревность - я связан по ногам и по рукам!..."

Но вообще надо признать, что эмансипация женщин прошла в Албании менее болезненно, чем в потрясенной войной и революцией Турции. Там бывшие жены бывшего султана, освобожденные из гаремов и опьяненные свободой и западно-европейскими передовыми идеями, переехали из Истамбула в Вену, где открыли дом терпимости. Таким образом, согласно с демократическим духом времени, они стали служить не одному султану, а - без всяких социальных предубеждений - всем, желающим заплатить несколько шиллингов...

В Албании картина была совсем иная. И там мусульманки веками строго придерживались старых традиций. Еще до закрытия гаремов мне неоднократно приходилось бывать свидетелем проводов паломников, отплывающих в Мекку. Жены, сестры, матери сидят на пристани Дураццо и ждут отхода парохода... Несмотря на несносную жару, ни одна женщина не отважится поднять чадру или снять черные перчатки. Платья, длинные и закрытые до горла, затрудняют дыхание. Тогда, садясь на холме возле пристани, они подымают юбки еще выше, чем полагалось в 20-х годах по европейской моде, другими словами, даже не до уровня колен, а куда дальше..: ведь по Корану это не запрещено...

Но вот не только разрешили, но приказали албанкам открыть лица и появляться повсюду в западно-европейских костюмах. В случае непослушания строго карались братья и мужья, словом - главы семейств ослушавшихся. В первые дни после приказа стыдливые мусульманки, хоть и выходили на улицу одетые по новым правилам, но при виде приближающихся мужчин стыдливо открывали зонтики, прикрывая ими физиономии... даже когда они были смазливые...

Диадема из 879-ти бриллиантов, работы венского ювелира **Oesterreicher'a** ныне владеющего ювелирным магазином (под фирмой **Ostier, Inc.**) на 5-ом авеню в Нью-Йорке ; дар короля Зогу Жеральдине ко дню их бракосочетания. Середину диадемы украшает сделанная из брильянтов копия железной короны Скандер Бейя, являющейся албанским гербом.

Полковник Хюсейн Сельмани,
родственник короля Зогу,в
парадной форме.1934 г.

Однако, очень скоро западный дух взял верх над вековыми восточными традициями: не прошло и нескольких месяцев, как албанки почувствовали себя вполне эмансипированными: стали выходить из своих домов, покрывая лица только пудрой Коти вместо чадры...

Многочисленные сестры короля, не без удовольствия, первые подали пример "европеизации". Они поехали в Париж и там у Ворта и вошедшего после войны в моду Люсьена Лелонга заказали на все случаи жизни грандиозный гардероб. Стали появляться на балах в платьях без рукавов и с голыми спинами, носить юбки до колен длиной. Но больше всего им были по душе костюмы военного покроя. В рейтузах парадировали они не только на праздниках основанного ими же женского института, но разъезжали в них по стране с походными аптечками. Они подавали медицинскую, главным образом по борьбе с малярией, а также моральную и часто материальную помощь в самых медвежьих углах Албании. Мужские костюмы, великолепно скроенные опытным английским портным, им очень шли, и принцессы это очень хорошо знали. Вообще, их невероятно худые фигуры представляли собой не то идеал женского телосложения двадцатых и тридцатых годов нашего века, не то пример жертв Дахау эпохи Второй Мировой войны... Что касается лиц, никогда больше не прикрываемых чадрами, то тут пришлось прибегнуть к помощи мировых институтов красоты... На что и создана современная наука, если не на то, чтобы изменять структуру носов, бороться с преждевременными морщинами и возвращать упругость не по летам стареющей коже?... К тому же, кататься то в Америку, где их так мило принимали в Белом Доме, то лететь в Париж на завтрак в Елисейский дворец, или в Англию, в Виндзорский замок на "гарден парти" у короля Великобритании - входило в обязанности королевских сестер... А потом, конечно, уж для отдыха, нужно было съездить в январе на зимний спорт в Сан-Моритц, предварительно заказавши в Лондоне лыжные непроницаемые для снега брюки. Они так шли принцессам, и так удобно было в них лежать на террасе гостиницы, где их усиленно снимали репортеры европейской и американской прессы! Вообще, их фотографии, в большинстве случаев в фантастических военных костюмах, в течение ряда лет не сходили со страниц журналов и газет всех стран.

Король Зогу, нежно любивший своих сестер, поощрял их невинные развлечения. К тому же он считал, что они способствуют некоторой рекламе в пользу Албании. Поэтому он даже не протестовал против пристрастия принцесс к фантастическим военным костюмам... Однако, для армии он бутафории не терпел, не хотел, чтобы его родину считали "опереточным королевством".

Когда возник вопрос формы для королевской гвардии, командование которой было в 1933-м году поручено мне, я полетел в Рим, чтобы заказать рисунки, по которым они должны были быть сшиты - конечно, в соответствии с традиционной национальной одеждой албанцев. Я обратился к своему приятелю полковнику де-Гайю, который еще до службы в Русском Особом Корпусе во Франции кончил С.-Петербургскую Академию Художеств. Он считался первым в мире специалистом по военным формам. Он нарисовал действительно великолепные модели, точно, до последней детали воспроизведя албанскую традиционную одежду. Впрочем, король Зогу и не сомневался в том, что проекты де-Гайя не были "клюквой", так как он же делал эскизы для итальянских форм и его рисунками, иллюстрирующими итальянские формы с начала образования

Италии, были украшены две комнаты знаменитого музея Кастелло Сант-Анжело. Тем не менее, король эти проекты забраковал, считая их слишком "опереточными". Итак, албанская гвардия частично осталась в старой форме, то есть в красных венгерских доломанах, а частично, как и все остальные части - в формах итальянского образца.

Но, возвращаясь к эмансипации женщин, хочу подробнее рассказать о первой "ассамблее" в офицерском собрании в Тиране, на которую должны были явиться и жены. У меня сохранился приказ для г.г. офицеров, обязанных придти туда, - совсем, как в петровские времена. В этом приказе значилось, что "женщины должны быть с открытыми лицами, без чадры; их платья - французского покроя, короткие и открытые. Офицерам запрещалось стоять у стенок, а должны были они приглашать дам танцевать танго и фокс-трот; у буфета не толпиться, а угощать дам; самим есть вилками, а не руками, дабы не пачкать сальными пальцами светлых женских платьев и голых спин..."

Что касается еды руками, то мне кажется, что это правило труднее всего усваивалось албанцами. Я лично ездил всегда со своей вилкой и ножом - не для того, чтобы подражать Петру Великому (таких амбиций у меня никогда не было), а просто потому, что мне было противно пачкать руки бараньим жиром. Помню, как раз один старый бей, пригласивший меня в свой дом на обед, возмутился моим незнанием этикета и прочел мне нотацию: "Вилка нужна, чтобы сено собирать. Нож - чтобы резать корову или овцу, а за столом мясо надо разрывать пальцами!..."

Вообще, кроме официальных приемов во дворце или в офицерском собрании, многие обычаи, принятые у беев, искоренить не удалось. В их домах продолжали существовать приемные покои, в которые женщины не входили, оставаясь всегда в той части дома, где раньше были гаремы. Туда посылались блюда с едой после того, как они подавались во время пиршеств на "мужской половине". На этих пиршествах подавали обычно около двадцати разных блюд: всевозможные соуса, рис с разными пряностями, фасоль, макароны. К концу обеда глава семьи разрывал - конечно, руками - мясо на куски и бросал их сидящим по-турецки вокруг большого медного стола гостям. Потом шли бесконечные восточные сладости. Курили папиросы, сделанные из табака, росшего на земле хозяина. Ложились спать тут же на коврах. Бодрствовал всю ночь только старый евнух, сервировавший просыпающимся гостям крепкое турецкое кофе...

Словом - традиционный восточный быт гармонировал (мирное сосуществование!) с модернизацией. Передвигались либо на самолетах новейшего типа, либо на ослах: железных дорог не было...
Вообще, ослы играли большую роль в жизни страны. Я имею в виду ослов четвероногих, а не двуногих,так как должен отдать справедливость албанцам, что ослов в переносном смысле, то есть "двуногих", среди них было очень мало.

Говоря об ослах, хотел бы реабилитировать их репутацию. В ослиную защиту хочу рассказать про "гомара" моего молочника. Этот умный и симпатичный осел каждое утро один, без хозяина, привозил мне молоко. Для этого ему приходилось пройти пять километров, перебраться вброд через речку. Я всегда снимал с него канту с молоком и вознаграждал его сахаром. Он вежливо благодарил, поводя приветливо длинными ушами, и не спеша возвращался домой. Мой четвероногий молочник

никогда не бастовал...

Однако, чтобы быть справедливым, должен сделать одну поправку или, вернее, дополнение к сказанному выше, а именно, что в Албании встречались и двуногие ослы. Особенно памятен мне такой случай. - Мне доложили, что умер от тифа наш полковой кузнец, вахмистр. Я отправил отделение солдат под командой унтер-офицера, равного по чину покойнику. Поехал и сам на кладбище. Подъезжая к нему на коне, увидел странное зрелище: громко смеющегося ходжу, стоящего рядом с разрытой могилой, и сидящего на краю ее... "покойника"... Последний по мусульманскому обычаю был весь замотан в специальную материю, которой традиционно пеленают умерших, чтобы опустить их, без гроба, прямо в землю... Оба вахмистра, то есть посланный мною с солдатами, чтобы дать салют по скончавшемуся, и сам "покойник" - переругивались. Кузнец не хотел быть заживо погребенным - желание, конечно, вполне естественное; а мой посланец отругивался: "Ты, дурак, умер, хоть этого по глупости и не понимаешь. Ведь сам господин доктор нашел, что ты мертвец, и даже написал это на бумаге... А сколько за его учение было плачено... Он все знает и уж, конечно, лучше тебя знает, жив ты или мертвец"... После того, как я вмешался в дело и освободил "покойника", он мне выковал, в благодарность за то, что я не позволил его похоронить, великолепный нож, который и сечас лежит на моем столе...

Как видно из этого эпизода, наука очень высоко ценилась в Албании и докторский авторитет был незыблем. Вообще, патриархальность нравов и уважение к "высшим слоям" общества часто меня поражали своей искренностью. Казалось, что эти вековые устои разрушить нельзя. Увы, история показала, что это не так...

Между тем Зогу вполне учел некоторую примитивность и уважение - часто к чисто внешнему блеску - традиционно живущее в сердцах горцев. Король Албании понимал, что демократизм в его стране должен проводиться только в отношении некоторых социальных реформ и улучшения быта народа, но никак не должен выражаться в уничтожении "пышности и блеска" двора, армии и даже беев... Народу это нравилось, и все албанцы, без различия социальных классов, горой стояли за своего монарха. Они наслаждались рассказами о пышности свадьбы одной из сестер Зогу, принцессы Сонии, вышедшей замуж за сына бывшего турецкого султана и претендента на трон Оттоманской Империи. Позже - рассказами о свадебных торжествах по поводу бракосочетания самого короля с красавицей молодой графиней Жеральдиной Апони.

Дочь разоренного войной венгерского помещика и американки, Жеральдина держала себя с большим достоинством и тактом во время помолвки и последовавшей за нею, сказочной по блеску, королевской свадьбы. В Албании была полная религиозная свобода, и никого в стране не удивило, что король женился на католичке и что обряд бракосочетания был гражданский. Впрочем часть населения, около четверти, главным образом на севере страны, состояла из католиков; на юге жили православные, а большинство албанцев, включая дервиша-короля, были магометанами. Евреев во всей Албании насчитывалось всего 39 семей, но после присоединения Австрии к нацистской Германии волна еврейских беженцев нахлынула в Албанию. Для них был устроен специальный лагерь, в котором они могли спокойно дожидаться виз в различные страны. Въезд в Албанию был для всех свободен. Среди беженцев, кото-

рым помог перебраться в Америку Зогу, был известный венский ювелир Остеррейхер с женой. В свое время, по заказу короля, им была сделана для королевы Жеральдины изображенная на прилагаемой фотографии диадема и целый ряд других драгоценностей. Большинство из них теперь продается тем же Остеррейхером (превратившимся в Остиера) в Нью Йорке...

Л.П.Сукачев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

ИЗ ПРОШЛОГО.

Куда не закидывала русского человека в эти годы капризная судьба... Так, совершенно неожиданно для себя, весь личный состав одной из наших конных батарей очутился на службе в пограничной страже на границе с Албанией. Галлиполи, Салоники, Гевгели, Дубровник и, наконец, небольшой и заброшенный черногорский порт Бар на побережье Адриатического моря - вот краткий маршрут скитаний, приведший нас в результате к месту новой и необычной по местным условиям жизни. Из Бара по миниатюрной железной дороге, единственной в те времена в Черногории, мы прибыли в центр нашего нового сосредоточения - в городок Вирпазар, расположенный на самом берегу Скандарского озера.

Городок этот, как показывает его название, являлся центральным по отношению к окружающим его селам базаром и состоял всего из нескольких домов, расположенных вокруг небольшой площади, по середине которой возвышался колодезь. Почти в каждом из этих домов было по одной кафане, а два изображали собой даже нечто вроде гостиниц, причем вход в одну из них был почему-то прямо через окно по приставной лестнице.

Мрачно и пусто было в унылом местечке, заброшенном среди неприветливой природы. Лишь один раз в неделю, а именно в пятницу, в базарный день, оживлялся этот странный городок, заполнявшийся тогда до отказа окрестным народом в живописных праздничных одеяниях, напоминавших так живо ушедшую в вечность героическую старину. Бойко торговали в этот день все кафаны, и веселый, непривычный еще для нашего уха гул черногорской толпы далеко разносился по озеру.

В этом-то городке и поместился штаб нашей "четы", заняв для себя небольшой полуразрушенный замок, построенный на скале, возвышающейся над городом. Пограничные же посты были выброшены вперед по озеру, начиная от р.Бояна и дальше почти до Плавницы.

Скадарское озеро - обширное, вечно волнующееся и глубокое, замкнутое среди каменистых, лишенных растительности скал - производило угрюмое впечатление. Серо-мутные воды его никогда не бывали в спокойном состоянии. Как будто какая-то подземная сила непрестанно терзала его недра, и даже в тихие ночи, казалось, какой-то неясный и неведомый шум шел от озера... Озеро было богато рыбой, в особенности "уклевой", улов которой составлял единственный промысел, кормивший все прибрежное население. Пограничные посты расположились вдоль берега по разбросанным здесь небольшим рыбачьим поселкам, в

большинстве случаев состоявшим из десятка убогих, сложенных и дикого камня хижин. Бедная природа, бедные люди и чувство полной заброшенности и оторванности от всего мира на первых порах буквально подавили нас своею безысходностью. Однако, очень скоро мы вполне освоились с новой обстановкой. Быстро привыкает ко всему русский человек и даже в самом унылом и безотрадном положении все же умеет находить некоторые светлые, что-то обещающие проблески.

Через какой-нибудь месяц мы уже свободно объяснялись на местном языке, изучили окрестности, научились ходить по голым каменистым тропинкам и совершенно овладели премудростью управления здешними тяжелыми и неуклюжими лодками. Жизнь не казалась уже невыносимой и неинтересной, как раньше. Наладилась связь с Вирпазаром, открылась возможность получать русские книги и несколько улучшилась бытовая сторона жизни. Словом, жить стало легче.

Сама служба, в общем, не была очень обременительна и заключалась, главным образом, в патрулировании между постами по суше и по воде.

Пограничная полоса с Албанией в те времена была наводнена и контрабандистами, и оперирующими здесь разбойничьими шайками. Особенно печальной известностью пользовался некий Савва Распопович, за головой которого тщетно охотилась многочисленная жандармерия. Трем нашим солдатам как-то пришлось познакомиться довольно близко с этой своего рода знаменитостью. Для одного из них это знакомство кончилось весьма трагически; двое других отделались сравнительно благополучно.

Дело произошло следующим образом: как-то однажды в поезде, который два или три раза в неделю курсировал между Баром и Вирпазаром, в числе прочих пассажиров-черногорцев ехало еще и три наших солдата. Двое возвращались из госпиталя в Баре, а третий, вооруженный, сопровождал поезд. На одном из поворотов машинист вдруг заметил впереди на путях сваленные большие глыбы камня. Не растерявшись, он успел несмотря на быстрый ход во время затормозить и остановить поезд в нескольких шагах от наваленного препятствия. В тот же момент откуда-то с нависших над путями скал по поезду был дан ружейный залп. Пули пронзили деревянную обшивку вагонов, и одним из первых погиб возвращавшийся из Барской больницы молодой солдат Степан Парфенов, уроженец Кубанской области. Конвоировавший поезд другой русский из окна вагона открыл огонь по приближавшимся разбойникам. Расстреляв все патроны и будучи тяжело ранен, он, в конце концов, был схвачен вместе с другими пассажирами.

Взбешенные оказанным им сопротивлением, грабители хотели было тут же прикончить его. Однако совершенно неожиданно его выручило энергичное заступничество спутников-черногорцев, которые, забыв о собственном несчастьи, начали настойчиво умолять банду не трогать "брата-руса". Среди разбойников были черногорцы, и то обстоятельство, что сражавшийся с ними солдат оказался русским, немедленно подействовало - "юнаку русу" была милостиво дарована жизнь. Третий русский, безоружный, остался невредим. Ограбив начисто пассажиров, Савва Распопович со своими спутниками не торопясь удалился в горы. Этот опасный разбойник, довольно долго державший в страхе целый округ, вскоре после описанного случая погиб от пули преследовавших его всюду жандармов.

Был однажды и другой случай. Пограничный патруль под командой офицера внезапно в тумане нарвался на какую-то шайку. На требование остановиться шайка открыла огонь. Первая же пуля поразила доблестного капитана Симанкина. Разбойники, понеся потери, скрылись в горах. На следующий день местные власти получили какое-то безграмотное послание, в котором неведомые люди выражали глубокое и сердечное соболезнование по поводу невольно убитого им русского.

В те дни ореол русского имени здесь был на громадной высоте. Среди суровых гор, где так часто и много говорилось о России, вдруг внезапно появились сыны той могучей и великой страны, легенды о которой не умирали в здешнем народе. Эти русские пришли сюда без шума, спокойно и уверенно. Они жили среди местного населения, во многом помогали ему, терпели те же лишения, умирали от той же свирепствовавшей здесь малярии и безропотно и достойно несли свой тяжелый крест. И это импонировало всем. Необычайно трудно было в столь неблагоприятных и тяжелых условиях не уронить престижа, которым издавна пользовалось здесь русское имя, и все же, несмотря на это, горстью русских воинов эта задача была выполнена блестяще. Вера в русских не была поколеблена, и не была рассеяна живая легенда о нашей Родине.

Вспоминаются объезды пограничных постов генералом Щеголевым. Торжественно с хлебом и солью встречали черногорские села русского генерала. Всюду, в каждом движении, слове, жесте чувствовалась необычайная преданность, уважение и любовь к России. Вековая забота ее о славянах дала тут, в этих каменистых горах, неумирающие и благодарные всходы...

Незаметно пробежал год. Приближался конец нашей службы здесь; намечался переезд в северные пределы королевства. Грустно было расставаться с этими, сделавшимися вдруг близкими сердцу, угрюмыми горами, где, не потухая, горит такая большая сыновняя любовь к России.

Вновь старая дорога на Бар-Ерцегнови и дальше, и вскоре величавая, закутанная в облаке голова Ловчена, послав свой последний братский привет, потонула в бесконечно глубоких воздушных далях.

Евгений Обозненко.

- - оОо - -

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914 - 1964

Желая отметить это великое историческое событие, хорошо памятное большинству членов и друзей нашего Общества, Правление постановило выпустить в 1964 году соответствующую юбилейную медаль.

На лицевой стороне медали будет профильное изображение влево Императора Николая Второго, а на обратной - юбилейная дата в венке.

Медаль диаметром в 50 м.м. Цены указаны с пересылкой	Франция и зона франка Франки	Другие страны Франки	Заокеанские страны Доллары
Бронзовая	16	17	4,00
" посеребренная	18	19	4,50
-"- позолоченная	22	23	5,50
Серебряная	50	51	12,50
" позолоченная	56	57	14,00

Медали, заказы на которые будут получены до 15-го сентября, будут рассылаться, начиная с 1-го ноября.

После 15 сентября заказы будут приниматься только на обыкновенные бронзовые медали, и они будут рассылаться, начиная с 1 декабря. Заказы с одновременным переводом соответствующей суммы надлежит направлять казначею Общества или же представителям Общества в США - А.Ф.Долгополову в Лос-Анжелесе и Г.В.Месняеву в Нью-Йорке.

Заказы на бронзовые медали Гвардии - Нарвы, С.-Петербургскую, Севастопольскую, Полтавскую и Отечественной войны 1812 года, с обязательным одновременным переводом соответствующей суммы, исполняются немедленно. Прием заказов на серебряные медали прекращен.

(Изв. О-ва Р.Р.В.Ст. № 35)

- - oOo - -

Новый адрес А.Долгополова: A.Doll, 31676 Jewel Ave.,
South Laguna, California.
92677.

- - - - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой 2.10. Желающие могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:
V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- о -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- о -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- о -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- о -

Подписная плата на 1 год (12 выпусков) $ 4.00

Цена отдельного номера 40 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 34

- - оОо - -

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА
Къ Корниловскому празднику — для біографіи ген.

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIDA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 35 Август 1964 г.

Правление и г.г. члены КАЛИФОРНИЙСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО Ген. КОРНИЛОВА ПОХОДА поздравляют всех корниловцев с праздником - днем их Небесных Покровителей свв. мучеников ФЛОРА и ЛАВРА.

Вспомним же и благоговейно преклоним наши головы перед чистой и светлой памятью нашего Вождя и Шефа всех корниловских частей генерала КОРНИЛОВА и всех доблестных корниловцев, отдавших свои жизни на алтарь Великой Белой Идеи Борьбы за Отечество.

- - oOo - -

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС.

В мути горькой, кровавой и пенной
Бьет последний двенадцатый час.
Для спасенья России плененной
Он зовет к единению нас.

Кто слыхал про расстрелы и ссылки,
Голос совести в ком не угас, -
Своим сердцем отзывчиво-пылким
Тот услышит двенадцатый час.

Возле матери мертвой малютку
При дороге кто видел хоть раз,
Против яви трагически-жуткой
Тот восстанет в двенадцатый час.

Кто в краях, богатейших хлебами,
Видел смерть голодающих масс,
Тот воспрянет и ринется с нами
На тиранов в двенадцатый час.

Над Отчизной, замученной болью,
Бьет последний, двенадцатый час.
Он, в борьбе за народную волю,
Он зовет к единению нас.

Сантъяго де Чили В.

- - oOo - -

ВСЕНОЩНАЯ

Закат спокойно тих... Последними лучами
Окрашены вдали зеленые леса,
Замолк бивака шум... Туманный дым клубами
За рощей тянется от кухонь в небеса...
За старым кладбищем построены колонны
Пехотного полка, безмолвны и стройны.
Стол в глубине карре... На нем блестят иконы,
И голос пастыря звучит средь тишины.
Сосредоточенно, в торжественном молчанье,
Солдаты молятся... Быть может, завтра бой:
Невольно прошлого встают воспоминанья
Здесь в тишине, пред каждою душой.
В безмолвьи вечера, пред днем тяжелой битвы,
Под куполом небес открыты все сердца,
Понятней и ясней знакомые молитвы
В природы близости и близости Творца.
И мысль, в сердцах сокрытую глубоко,
Молящийся душой стремится повторить:
Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, мощь врага скорее сокрушить!

Кн. Ф.Касаткин-Ростовский.

- - - - - - - - oOo - - - - - - - -

КАЖДЫЙ ПЕРВОПОХОДНИК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ

на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА" и РАСПРОСТРАНЯТЬ ЕГО.

К КОРНИЛОВСКОМУ ПРАЗДНИКУ

"С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка его заветам на основе которых он зародился,я шлю ему образ,которым епископ благословил,как старшаго из корниловцев,шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и ея армии и...мой сердечный привет Вам всем офицерам и солдатам."

Искренно любящий Вас

Л.КОРНИЛОВ

---ооОоо---

Редакция "Вестник Первопоходника" шлет поздравления доблестным корниловцам ко дню их полкового праздника 18/31 августа.-

Такое поздравление, так писал Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов первому корниловцу, отцу Корниловского полка и его первому командиру - полковнику М.О.Неженцеву.

В этих немногих, но ясных словах и заключается вся идеология великого русского патриота и вождя русских людей в годы величайших потрясений: "С Божьей помощью за честь России и ее армии" - вот его девиз! Как видите, ничего для себя - все для России.

После августовских дней 1917 года в жизненном обиходе появился термин "корниловцы". Он применяется всюду - и в армии, и в народе, не имея ни ясных форм, ни строго определенного политического содержания, но выражая собой, во всяком случае, резкий протест против существующего режима, любовь к Родине, желание спасти Россию.

Знамя борьбы за эти идеалы было поднято генералом Л.Г.Корниловым, и мы стали под это знамя с сознанием, что сумеем быть достойными этого знамени, что честна и грозна будет наша борьба под ним, что мы донесем его до конца.

Мы знаем, что на нем начертано, мы знаем, к чему оно нас обязывает. Но мы знаем также, что в верности ему - спасение и воскресение России. Мы стали под это знамя потому, что иначе мы не могли, да и не хотели; ибо нас поставила под него любовь к России, которая сильнее нас, и честь России, без которой жизнь на земле теряет для нас цену. Это мы чувствовали с самого начала; с той же силой чувствуем и теперь. В начале вооруженной борьбы бывало, что Добровольческая армия пополнялась по отрицательному признаку: по признаку неприятия коммунистической революции. Боролись с коммунистами по разным побуждениям и мотивам - и личным, и имущественным, и мстительным; такие лица, конечно, тоже были драгоценны и полезны в бою, но бывали и опасны для Белого дела вне боя, в тылу армии. С тех пор неудачи, испытания, соблазны - отметали все шаткое, слабовольное. Те, кто выдержали бои, галлиполийский лагерь - теперь, разбросанные по всему миру, стали на путь черной работы. Этот период еще не изжит нами. Но, может быть, не за горами и его конец, и тогда круг подготовительных испытаний будет нами пройден. И сквозь весь этот круг мы пронесли и пронесем наше знамя и нашу идею.

Россия для нас - не только территория, и не только просто "люди", и не только "быт", "уклады", "мощь"... Это - наш родной алтарь, наша святыня. Родина - это совершенство, и сила, и свобода русского духа, а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь.

Говорят, что наше дело "сословное", "классовое", дело "реставрации" и "реакции". Это абсолютно неверно. В наши ряды с самого начала становились и те, кто все потерял, и те, кто ничего не потерял. И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых различных сословий и классов, положений, состояний и национальностей, и притом потому, что мы никогда не защищали и не будем защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: наше дело - дело России, Родины, дело Русского государства.

Под черно-красным знаменем Корниловских полков шли рядом монархист и республиканец - и верили друг другу, не споря о политике, и безразлично было для общего дела, что думает каждый из них о корниловской черно-красной эмблеме. Республиканец утешал себя цветами "земли и воли" или "смерти за свободу", монархист видел в тех же

цветах "смерть свободе", - не все ли равно, ведь впереди, перед черно-красной эмблемой, реяло трехцветное, избитое пулями знамя, и нес его национальный герой - генерал Корнилов.

За ним шли безоговорочно на смерть, и каждый любил его по-своему. Солдат-фронтовик видел в нем "отца-командира", которому можно беззаветно вверить свою жизнь; текинец-наездник обожал его, как сверхъестественного героя, бога войны; прапорщик из сельских учителей и семинаристов искал в нем защитника свободы, в хорошем смысле этого слова, борца за благо народа. Монархист видел в Корнилове непримиримого противника тлетворных разрушений социализма, защитника Святой Руси от покушений лжедемократов всех пород и толков. Наконец, все члены армейской семьи от генерала до мальчика-партизана и бежавшей из дому гимназистки, от лихих солдат-ударников с германского фронта до черкесов с предгорий - все видели в генерале Корнилове героя, гордость России, ее Белого Рыцаря.

Вот поэтому мы и свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков. И то, чего мы желаем для России - это исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому больному состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижениями.

Корниловец.

- - оОо - -

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАТЬИ ген.ДРАГОМИРОВА

(См. "Вестник Первопоходника" № 33)

Несмотря на то, что статья моя непомерно растянулась, я, предчувствуя по многим признакам приближающееся ко мне время окончательных расчетов с земной жизнью, позволю себе возможно кратко коснуться еще одного вопроса, о котором я никогда еще ничего не писал, но который, повидимому, является главным "яблоком раздора" для нашей эмиграции.

Речь будет о б у д у щ е м М о н а р х и и в воскресшей России.

Год тому назад в самой распространенной утренней парижской газете "Фигаро", имеющей не менее 1.000.000 читателей, 25-го июня появилась статья весьма видного французского журналиста Дени де Ружмон, под заглавием: "Мы не рабы", посвященная событиям 17-го июня в Берлине.

Мало того, что названный писатель сравнил эти события с печальными событиями, имевшими место у нас в С.Петербурге в 1905 году, - он позволил себе недопустимое оскорбление памяти мученически убиенного Императора Николая 2-го, написав, что "Ц а р ь п р и к а з а л о т к р ы т ь о г о н ь п о т о л п е, к о т о р а я ш л а к З и м н е м у Д в о р ц у".

Письмом от 29 июня 1953 года я указал автору на всю неуместность его выходки, которая вызовет глубочайшее возмущение 200 миллионов русских по обе стороны железного занавеса, и добавил, что сравнение печальных событий 1905 года со свирепым, хладнокровно организованным убийством рабочих на улицах Берлина 17-го июня являет-

ся оскорблением для самого простого здравого смысла и для элементарной исторической справедливости; что совершенно непонятно, как такой опытный журналист мог забыть, что этот же "Царь" был инициатором первого движения по организации О б щ е г о м и р а (конференции в Гааге в 1899 и 1907 г.г.); что в 1914 году он протянул руку помощи Франции во время боев на Марне; что, наконец, он принес в жертву себя и свою семью, отказавшись изменить своему союзническому долгу.

Письмо мое заканчивалось так:

"По свидетельству германского коммуниста Карла Альбрехта в его книге "Измена социализму", написанной им после того, как он пробыл десять лет в СССР, память о покойном Императоре Николае 2-м с глубочайшим благоговением чтится во всех слоях населения прежней России. Во многих местах Государю и членам его семьи возносились молитвы, как святым.

"Было бы не бесполезно, чтобы все, кто находит удовольствие в опорачивании старой России, поглубже задумались над этой священной темой: она является самым существенным фактором в смертельной борьбе Креста против красной звезды, которая ныне ведется на необозримых просторах Русской Земли и от исхода которой зависят судьбы всего Свободного Мира.

"При всем своем великолепии, коего мы являемся восхищенными свидетелями, не Британская Монархия сыграет главную роль в конечной схватке с мировым бичем коммунизма.

"Задачу эту выполнит б у д у щ а я М о н а р х и я в России, воссозданная на других политических основаниях, в тесном союзе с великой Северо-Американской Республикой.

"Это произойдет не скоро. Но кто поживет, тот увидит!

"Имеющий уши слышать, да слышит".

Как и следовало ожидать, на это письмо я никакого ответа не получил, что только укрепило меня в убеждении, что диагноз, мною поставленный, верен.

Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что Монархия в России воскреснет.

Отлично понимаю, что скоро это не может произойти, ибо для этого нужно пережить еще следующие стадии нашего исторического бытия:

1) Крушение коммунистического режима у нас на Родине.

2) Период Национальной диктатуры, которая должна спасти нашу страну от анархии и привести ее к терпимому внутреннему миру, при мощном содействии нашей возрожденной и объединенной Православной Церкви, освобожденной от вмешательства Государства в сферу ее внутреннего бытия, и с возвратом России к ее тысячелетним основам Веры, Духа и Морали.

3) Переход Диктатуры на Демократический образ правления, который будет в состоянии произвести первые свободные политические выборы и созвать Учредительное Собрание для разработки Основных Законов Возрожденной России.

Только тогда может возникнуть вопрос о форме правления, которая должна быть определена всенародным голосованием.

Когда наши потомки до этого доживут? - сказать не берусь. Знаю твердо только одно - что первая тропа к Монархии уже пробита 36 лет тому назад на полях Кубани, воинами 1-го Кубанского генерала Корни-

лова похода. Знаю еще, что тропа эта не заросла. Что пример Первопоходников оказался заразительным и был повторен в горах Кореи и среди рисовых плантаций Индокитая. Скоро будут проложены и другие тропы.

Окончательный результат будет зависеть от мудрости и высоты духовного облика наших потомков и от нашей способности передать им в наследие Священные Заветы наших вождей - те самые, на которых веками созидалась Русь, за которые велась наша Белая Борьба на полях гражданской войны и которые мы несем в наших сердцах в течение долгих, страдных годов нашей эмигрантской жизни.

- о -

Архимеду приписывают изречение: "Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир".

Я скромно предлагаю другое, более злободневное и легче достижимое:

"Верните Русскому Народу его душу, и он оздоровит весь мир".

- о -

Все, что я здесь говорю Корниловцам в преддверии их Храмового праздника, одинаково относится ко всем деятелям Белого Движения, не изменившим своему знамени, без исключения.

Дорогие друзья Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы и все остальные Рыцари Белой Борьбы! Ваши подвиги безмерны. Но перед вами стоит еще один, самый главный и самый трудный.

Среди океана злобы людской, которая совершенно определенно стремится всячески вас развенчать, не останавливаясь перед низкой клеветой и извращением истины, умейте сохранять незыблемым тот Священный Огонь, который горит в ваших сердцах; воспламеняйте им всех, вас окружающих, в особенности молодых, идущих вам на смену наследников, завещав им донести ваш Белый Стяг до родной земли. А сами до гроба гордо несите свое боевое знамя, не обращая никакого внимания на творящуюся вокруг вас дикую свистопляску, и да послужит вам руководящей нитью бессмертный сонет А.С.Пушкина "Поэту", из которого снова напомню вам следующие строфы:

..."Услышишь суд глупца и смех толпы холодный,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм!
...Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник".

В первый раз я приводил эти проникновенные строфы 15 лет тому назад, в статье моей: "Всем верным Чинам Р.О.В.Союза и его Искренним Друзьям", напечатанной в 1939 году в № 429 "Русского Голоса",

издававшегося в Белграде. Никогда я не мог предполагать, что мне придется их повторить в несравненно худших условиях морального состояния нашей эмиграции.

Симптом чрезвычайно тревожный!

27 июля 1954 года. Ганьи, Франция. + А.Драгомиров.

- - oOo - -

РЕВОЛЮЦИЯ - БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ - БРАЗИЛИЯ.

Февральская революция 1917 года пресекла веками проторенные государственные пути Российской Империи и положила начало разложению занимавшей тысячеверстный фронт русской армии.

Новая революционная власть - Временное Правительство - явилась наследницей неисчислимых исторических, национальных и культурных ценностей, созданных великим потом, кровью и гением русского народа и его Венценосных Вождей.

И Временное Правительство не только не сберегло этих ценностей, но легкомысленно, безрассудно, а перед нынешними и грядущими поколениями русского народа и преступно "промотало", "проболтало" их и тем подготовило пути "октябрю".

Государственные интересы России и боеспособность армии были принесены в жертву революционному фетишу - "углублению революции", что привело к расстройству внутренней жизни страны, породило хаос и безвластие.

"Демократические реформы" в армии убивали душу ее - дисциплину, вносили дезорганизацию и обращали армию в милицию самого низкого качества.

Большевицкая пропаганда с ее лозунгами: "долой войну", "мир хижинам, война дворцам", "грабь награбленное" - пробуждала в солдатской и темной народной массе самые низменные, животные инстинкты.

Чувство любви к родине и ее святыням, чести и достоинства блекли и зарастали большевицким "чертополохом" в душе "народа богоносца" и "христолюбивого воинства".

Над русским офицером революционная демократия, по выражению ген.Деникина, совершила "Каиново дело".

Униженный, оскорбленный, бесправный, фактически лишенный власти, он взошел на Голгофу страданий... Его травили, над ним издевались, подло из-за угла убивали, распинали на крестах, расстреливали распропагандированные, потерявшие человеческий облик солдаты.

Борьба Верховного Главнокомандующего ген.Алексеева с Временным Правительством, в лице его военного министра Керенского, за сохранение армии от развала привела к увольнению ген.Алексеева 22 мая 1917 года в отставку, после его исторической речи - " - отечество в опасности!", произнесенной на Съезде Союза Офицеров в Ставке 7-го мая, организованном мною и ген.штаба полк.Лебедевым (впоследствии нач.штаба адмирала Колчака).

Новый Верховный Главнокомандующий ген.Брусилов, ставленник Керенского, своим оппортунизмом и подлаживанием под психологию сол-

датской массы, только содействовал дальнейшему разложению армии, приведшему к июльскому разгрому немцами армий Юго-Западного фронта. На место смещенного ген.Брусилова Верховным Главнокомандующим был назначен ген.Корнилов.

Герой войны, с ореолом непобедимости, горячий патриот, человек долга и железной воли, ген.Корнилов был в это время единственным лицом, могущим привести армию и страну в порядок.

Суровыми мерами он остановил и привел в порядок бежавшие, бросив фронт, армии Юго-Западного фронта. Вступив в должность Верховного Главнокомандующего, ген.Корнилов представил Временному Правительству проект реформ для восстановления боеспособности армии, а также для ликвидации гнезда большевиков в Смольном, откуда последние готовили вооруженное восстание частей Петроградского гарнизона.

Однако, эта единственная могущая спасти армию и Россию мера, предложенная Вр.Правительству ген.Корниловым, была сорвана и спровоцирована Керенским, объявившим "всем, всем, всем", что ген.Корнилов - предатель революции и свободной России.

Ген.Корнилов и его ближайшие подчиненные были преданы суду и заключены в Быховскую тюрьму...

Но не прошло и двух месяцев, как вооруженным восстанием большевиков Временное Правительство было разогнано, а сам "заложник демократии" Керенский, после попытки организовать сопротивление, бежал в Финляндию...

Зловещая тьма "Октября" - наследие "Февраля" - покрыла нашу несчастную Родину. С "Октября" ей пришлось переживать тягчайшую за все время своего исторического бытия беду, которая в настоящее время может оказаться и мировой бедой...

И вот, в эти трагические для нашей родины дни, произошло огромной исторической важности событие.

2-го (15-го) ноября 1917 года на юге России, на Дону, в Новочеркасске взвилось поднятое ген.Алексеевым БЕЛОЕ ЗНАМЯ. Знамя борьбы за честь и достоинство России, за освобождение русского народа от большевистского, коммунистического ига.

Первыми откликнулись на зов ген.Корнилова и стали в ряды формируемой им Добровольческой армии сохранившие рыцарскую честь офицеры и чистая совесть русского народа в лице юношей - юнкеров, кадет, студентов, гимназистов...

Вскоре прибыл, сбросив узы Быховского заключения, ген.Корнилов, а также Деникин, Марков, Лукомский, Романовский и другие соузники ген.Корнилова.

В тяжких условиях полунищеты, равнодушия и даже враждебности населения происходило формирование Добровольческой армии.

Великий старик, глубокий патриот, немощный физически, но сильный духом, полный энергии, ген.Алексеев преодолевал все преграды, встречавшиеся на пути осуществления его "последнего дела на земле".

"Сколько мужества, терпения и веры в свое дело, - пишет ген.Деникин в своих "Очерках Русской смуты", - должны были иметь те "безумцы", которые шли в армию, не взирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования".

Не успела Добровольческая Армия сформироваться и вооружиться, как ей уже пришлось защищать столицу Дона и Ростов от нахлынувших извне красных банд и бороться с восставшими внутри красными.

Первые жестокие бои, первая пролитая героями-добровольцами кровь... первые мученики за счастье и свободу Родины...

Далее - героический 1-й Кубанский ген.Корнилова поход - "Ледяной поход" - в полном окружении красных, чтобы "зажечь", по словам ген.Алексеева, "светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы".

31 марта 1918 года - невознаградимая для Добровольческой Армии и России потеря - смерть ген.Корнилова, сраженного снарядом, пущенным братоубийственной рукою при атаке Екатеринодара...

Осиротевшую Добр.Армию повел на дальнейшие подвиги ген.Деникин.

Описание дальнейшего хода героической борьбы Белой Армии и оставление ею родных пределов не входит в задание настоящей статьи. Скажу только, что "и для героев есть невозможное" и что, видно, суждено было русскому народу испить горькую чашу страданий и позора за то, что он поверил так легкомысленно уговорам и лжи "разбойника и вора" и в своем неистовстве разрушал, осквернял и надругался над своими вековыми и религиозными святынями. Теперь он несет за это кару, находясь под советско-коммунистическим ярмом вот уже пятый десяток лет.

Переходя к политическому Credo Белого Движения и к значению Белой Борьбы не только для России, но и для всего человечества, я должен сказать и подчеркнуть, что ни основатель Белого Движения генерал Алексеев, ни его вожди - ген.Корнилов, Деникин, Врангель, а на других фронтах адм.Колчак, ген.Миллер и Юденич - не преследовали ни личных, ни партийных интересов. Не задавались они и вопросами будущего государственно-политического устройства России.

"Политическая программа" Белого движения была весьма простая: ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ ОТ СОВЕТСКОГО КОММУНИЗМА и ВЕРНОСТЬ ЕЙ ДО КОНЦА.

Эта "программа" объединяла белых героев. Под Белым Знаменем беззаветно сражались плечем к плечу и монархисты, и республиканцы, и даже многие из социалистов, взаимно выручая друг друга в опасности, и вместе, как родные братья - сыновья одной Матери-России,умирали за ее счастье.с ее именем на холодеющих устах.
Возможно, что исход Белой Борьбы был бы иной, если бы в это трагическое для России и Династии время явился русский "принц Кондэ" из Дома Романовых,но такового не оказалось. Не возникла русская Вандея.

ТОЛЬКО БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И СПАСЛО ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА.

"Если бы в этот трагический момент нашей истории, - пишет ген. Деникин в "Очерках Русской Смуты", - не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений большевицкой власти и принести свою кровь и жизнь за разрушенную Родину, - это был бы не народ, а навоз для удобрения полей старого континента. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу".

Прошло 47 лет со дня основания Белого Движения, и его Знамя, знамя борьбы за свободу России, не было свернуто, и вне пределов родной земли... 1-й Поход продолжался.

Под Белым Стягом вели вооруженную борьбу ветераны и их сыновья с красными полчищами, залившими братскую Сербию (РОК).

Развевалось оно и над окопами на чужой земле, где сражались и умирали за освобождение родной земли от коммунистического ига бывшие красноармейские бойцы (РОА).

Основатель и Вожди Белого Движения были зачинателями не только русской, но и всемирной, общечеловеческой борьбы с коммунистической опасностью.

И что это так - пример тому события в Бразилии, где с 31-го мая с.г. РАЗВЕВАЕТСЯ БЕЛОЕ ЗНАМЯ.

Эта прекрасная, самая большая по территории и населению страна Южной Америки стала за последнее десятилетие, и особенно при президенте-прокоммунисте Гуларте, - объектом настойчивой и в широком масштабе коммунистической "обработки", исходящей из Москвы и подручной ей Кубы.

Коммунистическая пропаганда, подкрепляемая огромными денежными суммами из Московского кошелька, беспрепятственно проникала едва ли не во все поры государственной, особенно хозяйственной и экономической, жизни страны и разрушала ее.

Оружием чехословацкого производства снабжал Кастро через северо-восточные порты Бразилии коммунистические ячейки и организации. Во внутренних провинциях западных штатов Бразилии формировались и вооружались коммунистические банды для захвата власти на местах. "Вождь" коммунистической (нелегальной) партии Карлос Престес периодически ездил в Москву и получал инструкции от Хрущева.

Пропаганда коснулась армии и особенно флота. Страна была накануне коммунистического переворота, захвата власти сов. коммунистами.

И вот в этот судьбоносный, по могущим быть для страны последствиям, момент - взвилось 31 марта в г.Луиз де Фора (штата Минас Жерайс), как 47 лет тому назад в Новочеркасске, БЕЛОЕ ЗНАМЯ восстания против угрожавшей стране коммунистической опасности.

Его поднял начальник дивизии ген.Олимпио Монро Фило - отныне ставший национальным народным героем.

Это была искра, которая в течение нескольких часов - да, часов - и дней превратилась в пламя, охватившее Бразилию... пламя бескомпромиссной борьбы с коммунизмом во всей стране, до полной его ликвидации.

Генерала Монро Фило поддержали командующий 2-й армией в С.-Пауло ген. Круэль, начальник Генерального Штаба маршал Кастелло Бранко, ряд генералов и адмиралов, занимавших высокие посты, и губернаторы штатов - Гванабары (Рио де Жанейро) Ласерда, непримиримый враг коммунизма и президента Гуларта (организовавшего два покушения на жизнь Ласерды), штата Минас Жерайс и Сан Пауло...

Президент Гуларт с семьей бежал в Уругвай...

В городах происходили многотысячные манифестации ликующего народа, особенно - и это нужно подчеркнуть - женщин под лозунгом: "С Богом за свободу!"

И не мистично ли, что ныне во главе свободной Бразилии стоит президент, носящий фамилию "Белый" (Белое Движение") - маршал Кастело Бранко (Castelo Branco). Слово "бранко" соответствует русскому "белый".

И вот в эти, такие радостные для русской антикоммунистической эмиграции, в особенности для ветеранов Белой Борьбы, дни - возобновилась затихшая было злостная кампания против Белого Движения и его Вождей.

Если в прошлом организаторы-творцы такой кампании "зачинали" ее с февральской революции, то ныне они ее "углубили" на несколько столетий назад и ведут, образно говоря, "от Гостомысла и до наших дней".

Вступать с ними в полемику, доказывать им, что белое не есть черное - дело безнадежное.

Пусть ответом творцам кампании против Белого Движения будут следующие слова Владыки Митрополита Анастасия, сказанные им в Синодальном Храме в Нью Иорке в 1953 г.

"Белая идея по внутреннему существу своему не только глубоко нравственная, но даже религиозная идея. Она знаменует собою борьбу не только за Национальную Россию, но и за вечные общечеловеческие начала.

"Это брань света с тьмою, истины с ложью, добра со злом, Христа с Антихристом.

"Вожди наших Белых армий, пережившие революцию, одни из первых почувствовали своим православным сердцем, что отныне входит в мир новая, подлинно бесовская сила, воплотившаяся в коммунизме, в русском большевизме, которую нельзя сокрушить только силою оружия, если с нею не будет соединена непреклонность духа.

"Они предвидели, что в пределах Южной России - на Дону, Кубани, в Крыму - начинается великая мировая трагедия, которая охватит все народы и разделит на два враждебных, непримиримых лагеря:антикоммунистический и коммунистический. Борьба между ними неотвратима.

"Движимые сознанием, что такая борьба есть священный долг каждого, кто не потерял веры в Бога и любви к поруганной родине, доблестные белые воины НЕ СТАЛИ РАССУЖДАТЬ и, ВЕРНЫЕ ПРИЗЫВУ СВОЕЙ СОВЕСТИ, без колебаний пошли на свой великий подвиг.

"Мы живем в слишком МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ и БЛИЗОРУКИЙ век, чтобы он мог ОЦЕНИТЬ в полной мере ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ И НЕУМИРАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

"Но настанет и отчасти настал уже суд истории, который ВОЗДАСТ ДОЛЖНОЕ БЕССМЕРТНЫМ СОЗДАТЕЛЯМ И ВДОХНОВИТЕЛЯМ БЕЛОЙ АРМИИ".

В заключение приведу выдержку из речи писателя и лауреата Нобелевской премии И.Бунина, произнесенной им на одном из собраний в Париже, посвященном Белому Движению.

"Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, но ДА СВЯТИТСЯ ВО ВЕКИ ЕГО ПАМЯТЬ!

"Под триумфальными вратами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом неизвестного солдата...

"...В дикой, ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, тьма и пустота... Но знает Господь, что творит...

"Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы?! Ибо там гроб ХРИСТОВОЙ РОССИИ.

"И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее".

Бразилия.

Ген.Штаба
Полковник В.Пронин.

- - oOo - -

Станица Дядьковская Куб.обл.Оставление в ней тяжело раненных добровольцев после отступления Добр.армии из под Екатеринодара в Апреле 1918 г.

РУКА ПРОМЫСЛА БОЖИЯ.

Во время Корниловского похода всех раненых возили с собой на подводах. Только после смерти ген.Корнилова тяжело раненых начали оставлять среди населения.

В станице Дядьковской было оставлено 107 человек.

Кроме раненых, были оставлены: доктор Иванов (хирург), две сестры, два санитара и два большевика-заложника (Лиманский и Корякин). Заложники дали обещание командованию, что защитят нас от самосуда передового отряда красногвардейцев.

На рассвете стали свозить нас в здание школы. Лежали в классных комнатах и корридоре, на соломе. Трогательно было прощание с оставлявшими нас друзьями. Они, как бы чувствуя свою вину, смотрели в землю. Мы оставались одни и с минуты на минуту ожидали прихода красногвардейцев. Душевные страдания сильнее физических. Мы забыли про голод, не чувствовали болей, связанных с ранением, и отказывались от перевязок. Тяжело было сознание своей беспомощности. Заложникам не верили. Оставалась надежда только на Бога.

"Чем скорбь сильней, тем ближе Бог".

Продлит ли Он наш земной путь?

"Да будет воля Твоя!" Заглянули внутрь себя; расположили дела по степени их важности для вечности и увидели, что, подойдя к последней черте земной жизни, оказались, как "неразумные девы", - без масла в светильниках. Откроет ли Господь двери? Надо молиться и стучать...

Около 12 часов дня на площади появился шум. Раздалось несколько выстрелов. Потом, уже около самой школы, послышалась отборная ругань и выкрики: "Добить гадов! На свалку и перестрелять!"

Окна были открыты, и мы услышали голос одного из заложников:

- Товарищи! Вы отвлекаетесь от прямых обязанностей. Надо преследовать вооруженного врага. Эти от нас не уйдут. Мы, как члены революционного комитета, заверяем вас, что они будут осуждены со всей строгостью революционной законности.

Крики то стихали, то снова усиливались...

- Только через наши трупы переступите порог! - выкрикнул второй заложник. Но дело оказалось проще: защитников оттянули в сторону, и группа красногвардейцев ворвалась в школу. Казалось, что одни из них были одержимы звериной жестокостью и местью; другие интересовались больше наживой. Первые - искали эмблемы Корниловского полка, истязали или добивали тех, у кого их находили; вторые - охотились за часами, кольцами и новым обмундированием. Много стоило труда командиру отряда собрать свое "войско" и выступить в поход.

Оставшиеся в живых вздохнули: ни ропота, ни стона. Заложники уехали в Екатеринодар и прислали комиссара (на должность начальника госпиталя) и сестру (секретного осведомителя). Госпиталь приобрел некоторую законность. Жители собрали для нас продукты, и питание готовилось при школе.

Началась больничная жизнь. В нашей комнате раненого в челюсть кормили с помощью резиновой трубки; двум - наложили гипсовые повязки; мне - дренировали раны. Гимназисту Жене ампутировали ногу. Сиделок у тяжело раненых не было, и лежал он, лихорадящий, беспомощный. Как не доставало ему ухода матери!... А мать далеко - в Москве.

И слышит она голос сына: будто едет он, забинтованный, на тряской подводе, бледный, с запекшимися губами, просит воды - и некому придти на помощь. Она хочет броситься к нему, но ноги не движутся. Хочет крикнуть - не может произнести ни звука. В ужасе просыпается. Боже, если бы это был только сон! Надо ехать. Надо торопиться...

Прошло уже около двух недель нашего пребывания в Дядьковской, когда к нам в комнату вошла лет сорока дама в сопровождении господина с чеховским пенсне на носу. И вдруг... Женя зарыдал. Женя оказался сыном известного писателя Евгения Чирикова. Отец с матерью - где поездом, где на пароходах, где пешком, обходя линии фронта,рискуя жизнью, - добрались из Москвы до Ростова н/Дону. Там они узнали, что сын, раненый, оставлен в станице Дядьковской.

Снова линии фронта, аресты, допросы, и наконец - они у сына. Нельзя выразить словами сложное чувство радости и горя родителей, обретших сына, потерявшего ногу. Мать утешала сына, старалась скрыть волнение, и только когда выходила в коридор, давала волю слезам.

От писателя мы узнали, что на Украине немцы; что ген.Краснов провел мобилизацию казаков и совобождает Донскую область от большевиков, а Добровольческая Армия, соединившись с Дроздовцами, наступает на Кубань.

Целые дни отец с матерью проводили у постели сына и только на ночь уходили к местному священнику, отцу Николаю, давшему им временный приют. Оттуда они приносили нам книги. Некоторые места мы читали вслух.

"Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек"...

"Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбою
И поднимет к Любви, к беззаветной Любви
Очи, полные скорбной мольбою"...

И казалось нам, что это писалось не пятьдесят и не сто лет тому назад, а совсем недавно и специально для нас. И верилось, что скоро наступит срок Господень и избавит нас и нашу Родину от нависшего кошмара...

Приближался праздник Пасхи. Церковь - в центре площади, недалеко от школы. С вечера она стала наполняться молящимися.

В 12 часов ночи раздался радостный трезвон колоколов и началось шествие вокруг церкви с крестом, хоругвями, иконами, зажженными свечами и пением: "Воскресение Твое, Христе Спасе...". Не спали всю ночь. Разговлялись по домашнему - рано, под звон колоколов.

Отец Николай прислал свяченую пасху, а казачки принесли куличи и крашеные яйца. Чувствовали, как в это же время, с рассветом, разговляются и дома. Шлют нам из родного далека Пасхальное приветствие: "Христос Воскресе!"... "Смерть, где твое жало?"... "Радуется всякая тварь, все торжествует, все исполнилось света"...

На следующий день писатель только на короткое время зашел к нам и сообщил, что в станице появился карательный отряд Юдина.

Юдин зашел к нам в сопровождении комиссара госпиталя. Распра-

шивал, кто в какой части служил, какой чин имел, где ранен.

- Ну, а ты, молокосос, - обратился он ко мне, - как ты влип в эту кашу? Золотопогонники знают, за что кладут головы, но что ты понимаешь в политике? Разложить бы тебя только да выпороть!

Я, конечно, не был с ним согласен. Мы, молодежь, считали, что без нас в Армии не было бы ни юношеского задора, ни безрассудной жертвенности. Не зря же мы каждый день пели свою любимую песню:

"Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую,
И, как один, прольем
Кровь молодую"...
(Припев: Так за Корнилова,
За Родину, за Веру
Мы грянем громкое "Ура!")
(Ред.)

А генерал Корнилов, обгоняя нас на своем "киргизике" - маленьком буланом коне - всегда приветствовал нас словами: "Здорово, орлята!" И "орлята" подтягивались, чувствовали себя уже оперившимися и готовыми на подвиг...

Потом Юдин обратился к комиссару:

- По-моему, они только хлеб зря переводят. Какую пользу вы думаете от них иметь? Чем вы их кормите?

- Население дает продукты, - ответил комиссар.

- Ах, население! Значит, покровители. Да, тут такие есть. Для рабочего класса я должен хлеб выколачивать, а этой сволочи сами несут. Жалко, что не всех перебили. Советую вам не очень заботиться о них. Езжайте-ка лучше во-свояси, а мы сами разберемся, как поступить с ними.

Снова томительное ожидание неизвестного. Ходящие раненые собирались ночевать вне школы, но вечером, совсем неожиданно, отряд выступил из станицы. Ночь провели беспокойно, прислушиваясь к шорохам. А события шли своим чередом - приближался фронт, а с ним и новые тревоги.

Комиссар с сестрой уехали в Екатеринодар, захватив с собой группу выздоровевших для предания ревтрибуналу. Это была уже третья группа. Судьба двух предыдущих была нам неизвестна. Госпиталь не охранялся. Выздоровевшие могли бы уйти и избежать суда, но они не хотели подвергать остающихся новой опасности и, жертвуя собой, шли на плаху.

Мы остались одни - без представителя власти - и ждали прихода отступавших красногвардейцев. Мы уже знали, что в станице Елизаветинской раненые добиты. Пощады не ждали.

Наступило тревожное время. Уже слышны были орудийные выстрелы. В это время в школу зашли два человека в штатской одежде и, казалось, кого-то разыскивали. Не проронивши ни слова, они так же быстро исчезли, как и появились. А через полчаса нас уже развозили по садам, пряча в бурьянах. После мы узнали, что это была наша разведка.

В тот же день вечером, только что стемнело, раздался набат - звонили колокола. Нас вызывали на площадь. На край станицы примчалось несколько всадников; быстро ехали подводы с ранеными - во всем была заметна торопливость. Осталось нас человек шестьдесят. Около

пятнадцати подвод, окруженных со всех сторон всадниками, на рысях выехали из станицы. Кто они, эти всадники, друзья или враги?

Успокоились только тогда, когда увидели огни станицы Кореновской и оставили позади 20 километров. Для нашего спасения был выделен взвод кавалерии, и срочность определялась положением на фронте. Привезли нас прямо на станцию, чтобы отправить в Тихорецкую,в штаб Армии. Ожидали, когда подадут классный вагон. Но неожиданно узнали, что на Тихорецкую отправляется товарный состав и один из вагонов не полностью загружен. Через несколько минут семья Чириковых и мы - около 20 человек - были уже в пути. В Штабе Армии каждому из нас дали месячный отпуск, выдали аванс в 200 рублей, и мы расстались. Через три месяца я уже читал повесть Евгения Чирикова "В поисках за сыном". Книжечку эту я всегда возил с собою. Но в 1921 году, перед моим арестом, вынужден был ее сжечь. В ней писалось и о нашем лазарете.

Ну, а те, кто остались на станции Кореновка? Они не успели погрузиться в классный вагон; на рассвете красногвардейский отряд под командой Сорокина застал их еще на станции, и часть из них поплатилась жизнью. Было ли это наказание за грехи или незаслуженное страдание, "чтобы на нем явились дела Божии"?

"Пути Господни неисповедимы".

Нам ясно было лишь одно - что тут был не слепой случай, а руководящая рука Промысла Божия.

Нью-Иорк, 1964. Ф.Кудинов.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ: В свое время, в 12-м номере "Вестника Первопоходника", отмечая 15-ую годовщину смерти Главнокомандующего Вооруженными силами и Правителя Юга России генерала А.И. ДЕНИКИНА, мы поместили о нем обширный биографический очерк Э.Ф.Кариуса, а также "Эпизоды из жизни ген.Деникина (1917-1947 г.г.)", составленные А.Долгополовым.

Одновременно там же мы обратились к лицам, могущим дать свои воспоминания о ген.Деникине, с просьбой направлять таковые в наш адрес.

К 17-й годовщине смерти ген.Деникина, чтя его память, мы помещаем ниже очерк, поступивший от ген.шт. полк. А.Колчинского, под названием -

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.

9-ое февраля 1918 года (по старому стилю) является знаменательной датой, когда Добровольческая Армия выступила из Ростова н/Дону в свой легендарный Первый Кубанский Поход.

С этим походом тесно связано имя генерала Деникина, который, после гибели генерала Корнилова, заместил его и в течение двух лет вел неравную борьбу с большевиками за восстановление национальной России.

В эту знаменательную дату невольно хочется восстановить в памяти русской общественности эту крупную историческую фигуру,деяния

которой заняли целый период гражданской войны, когда Добровольческая Армия, предводимая генералом Деникиным, дала высокий пример долга и жертвенности во имя Великой России.

Военная карьера генерала Деникина представляет исключительный пример того, как простой армейский офицер без связей и протекции, только благлдаря своим дарованиям и редким качествам боевого офицера, преодолевая все препятствия, достигает высшего положения в нашей военной иерархии.

Антон Иванович Деникин родился в городе Влоцлавске Варшавской губернии, в скромной семье офицера Пограничной Стражи.

Как описывает сам ген.Деникин в своей книге "Путь Русского офицера", детство его прошло в условиях большой бедности.

Отец его, начав службу рядовым солдатом, после 22 лет строевой и боевой службы, уже в возрасте 49 лет, был произведен в первый офицерский чин и, дослужившись до чина майора, вышел в отставку.

Незначительная пенсия отца, недостаточная для семейства из пяти душ, заставила семью довольствоваться очень скромной квартирой и соблюдать самую строгую экономию. Это впоследствии сделало генерала Деникина чутким начальником, понимающим нужды солдата и офицера.

Хотя мать генерала была полькой, но отец был кровный русак и воспитывал своего сына Антона в русскости и православии. Отец умер, когда Антону Ивановичу было всего 13 лет. С его смертью материальное положение семьи настолько ухудшилось, что молодому А.И. пришлось помогать семье, зарабатывая уроками с неуспевающими учениками. Таким образом, с юных лет у него уже вырабатывается твердый, самостоятельный характер и понимание людей, что ограждает его от вредных увлечений, свойственных молодым людям его возраста. Особенно трогательны были его заботы о своей матери, которую он не оставлял как в годы своей бедности, так и позже, когда А.И. занимал видное положение. Мать его умерла в 1916 году, когда ген.Деникин уже командовал корпусом.

Уже с ранних лет у А.И. проявляется склонность к военной карьере. Несомненно, тут имели большое влияние рассказы его отца о своей боевой службе, а также та военная среда, где он проводил свои детские годы.

Свою учебу А.И. начинает в Влоцлавском реальном училище и, окончив 6 классов, переходит в Ловичское училище на механико-техническое отделение, по окончании которого зачисляется в войска в качестве вольноопределяющегося, что дает ему возможность непосредственно изучить психологию русского солдата. Затем следует поступление на военно-училищный курс Киевского Юнкерского училища, окончив которое одним из первых, он в 1892 году выпускается подпоручиком во 2-ую Артиллерийскую бригаду в гор. Бела Седлецкой губернии.

Прослужив здесь 3 года в строю, А.И. в 1895 году поступает в Академию Генерального Штаба и кончает ее в 1899 году. Потеря одного года объясняется несправедливой оценкой на экзамене по Истории военного искусства, вследствие чего А.И. вынужден был снова держать вступительный экзамен. Эпизод этот очень красочно описан в его книге "Путь русского офицера".

Надо признать, что, действительно, система отбора офицеров для службы в Генеральном Штабе иногда порождала случайности, влекшие

за собой ошибочную оценку знаний и некоторую пристрастность к офицерам с большими связями. Жертвой этой системы сделался и ген.Деникин, который, несмотря на выполнение им всех условий для причисления к Генеральному Штабу, был отчислен в строй.

Антон Иванович, не имея никаких связей, пробовал защищаться, но поданная им жалоба "на Высочайшее имя" была оставлена без последствий. Пришлось вернуться в Бригаду и тянуть лямку строевого офицера. Спустя два года А.И. делает новую попытку и пишет письмо военному министру, и на этот раз министр просит Академию Генерального Штаба пересмотреть дело о капитане Деникине.

Рассмотрев дело, конференция Академии признала допущенную несправедливость, и А.И., потеряв два года, был переведен в 1902 г. в Генеральный Штаб с назначением его в Штаб 2-й пехотной дивизии, а затем, после двухгодичного цензового командования ротой в 183 Пултуском полку, он был назначен в Штаб 2-го Кавалерийского корпуса на должность офицера Генерального Штаба. Здесь его застает объявление войны Японии. А.И. немедленно подает рапорт о командировании его в действующую армию, но получает отказ.

Это не останавливает его рвения попасть в боевую обстановку, и он вторично подает рапорт, на который получает запрос: знает ли он английский язык? А.И. отвечает: "Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих"...

Не получая ответа, А.И. решает действовать окольными путями, заручившись помощью своего ближайшего начальника, имеющего связи в Главном Штабе. На этот раз попытка удалась, и А.И. назначается Начальником Штаба 3-й Заамурской пограничной стражи. Но охранная служба на железной дороге не удовлетворяет А.И., который рвется в самое пекло боев с японцами.

Он снова хлопочет о назначении его на более активный участок боевого фронта и в конце концов попадает Начальником Штаба в одну из самых доблестных дивизий, под командой генерала Ренненкампфа. С этой дивизией А.И. проводит целый ряд жестоких боев.

Боевая деятельность А.И. сразу выдвинула его в ряды выдающихся офицеров Генерального Штаба, и тут уже вне всяких связей и протекции он за отличие в боях производится в полковники на 13-м году своей службы в офицерских чинах и всего только за три года своего пребывания в Генеральном Штабе - случай исключительно редкий в карьере русского офицера.

Японскую войну А.И. заканчивает в роли Начальника Штаба знаменитой Урало-Забайкальской дивизии ген.Мищенко. Сочетание этих двух выдающихся боевых офицеров создает славу этой дивизии, отмеченной целым рядом боевых успехов.

Конец Японской войны и невольный переход А.И. в условия мирной обстановки отмечает в его жизни снова полосу служебных трений с высшим начальством, тормозящим его дальнейшее движение по службе.

По возвращении с войны он получил назначение в Штаб 2-го Кавалерийского корпуса в г.Варшаве, но вскоре корпус этот был расформирован, и А.И., долгое время не получая назначения, решил о себе напомнить, причем, как он сам признается, в "не совсем корректной форме".

На эту просьбу он получил предложение быть назначенным Начальником Штаба 8-й Сибирской Стрелковой дивизии, при том с угрозой,

что в случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка.

На такое принудительное назначение, редко практикуемое в корпусе офицеров Ген.Штаба, последовал краткий ответ А.И.: "Я не желаю".

Несомненно, на это предвзятое к нему отношение имела большое влияние литературная деятельность А.И.

Прослужив долгое время в строю, имея боевой опыт, он ясно видел наши недочеты в вопросах воспитания и боевой подготовки нашей Армии. Болея за нее душой, он старался печатным словом влить в военное дело живую струю новых военных знаний и методов, отвечающих требованиям времени. Правда, часто его статьи, написанные в Щедринском духе, особенно - касающиеся нашего военного быта, не нравились высшему начальству, которое прежде всего видело в них подрыв своего авторитета.

Естественно, что это высшее начальство старалось загнать беспокойного полковника куда-нибудь подальше. Не удалось в Сибирь - его назначили на относительно второстепенную должность Начальника Штаба 57-й пехотной резервной бригады в г.Саратов.

Тут он попал в состав войск Казанского Военного Округа, которым командовал знаменитый по своей строгости ген.Сандецкий.

Узнав, что А.И. печатается в военных журналах, и видя иногда в его статьях отражение своей деятельности, он стал преследовать А.И., изыскивая всевозможные поводы для выговоров, якобы за упущения по службе. Однако, это не действовало на А.И., и однажды генерал Сандецкий, во время одного из своих посещений г.Саратова, заметил Антону Ивановичу, что он своим писанием подрывает авторитет начальства, и закончил свое убеждение примирительной фразой: "И охота вам меня трогать!"

Вскоре ген.Сандецкий был смещен, как не отвечающий своему назначению, а А.И. получил в командование один из выдающихся полков Русской армии - 17-й Архангелоградский, стоявший в г.Житомире.

Здесь А.И. в роли командира полка смог развернуть весь свой талант в смысле военных познаний, боевого опыта и понимания психологии офицера и солдата. Его четырехлетнее командование сделало 17-й Архангелоградский полк образцовой частью в войсках Киевского Военного Округа. А.И. особенное внимание уделял стрелковому делу, умению маневрировать в обстановке, близкой к боевым условиям, и заботился о надлежащей тактической подготовке офицерского состава.

Его чуткость к нуждам солдата и офицера снискала ему любовь всего полка. А.И. сам признается, что за все время своего командования полком ему не пришлось прибегать к дисциплинарным взысканиям. Бывали, конечно, упущения, но все ограничивалось отеческим внушением в уютном кабинете командира полка.

В марте 1914 года А.И. получает назначение Генерала для Особых поручений при Командующем Войсками Киевского военного округа. А затем, четыре месяца спустя, с открытием военных действий против Австрии и Германии, он становится Генерал-Квартирмейстером 8-й армии. Но составление директив, диспозиций и вообще вся нудная штабная работа не удовлетворяет А.И. Он предпочитает прямое участие в боевой работе, по его собственному выражению - "с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями".

Антон Иванович просит о назначении в строй и получает в коман-

дование 4-ую Стрелковую бригаду, известную под именем "железной". Под его командованием эта Железная бригада вписала в историю Первой Мировой войны много славных страниц. И "деникинская" бригада, как ее обычно именовали на Юго-Западном фронте, играла роль пожарной команды: где обстановка складывалась для нас неблагоприятно, туда бросали бригаду ген.Деникина, который быстро восстанавливал положение.

Даже немцы отдавали дань доблести этой бригады: после жестоких боев в июне 16 года у Кисилена, они выставили на своих окопах плакат с надписью - "Ваше русское железо не хуже нашей немецкой стали". За бои у Гродена в сентябре 1914 года, за доблестное действие бригады и за проявленную в этих боях личную храбрость А.И. награждается Георгиевским золотым оружием; после этого за взятие "горный Лужек" следует более высокая награда - орден Св.Георгия 4-й степени. Эпизод этот очень характерно рисует боевые качества ген.Деникина. Заметив некоторое ослабление в боевой линии противника, окопы которого были всего в 500-600 шагах от наших, А.И. поднял своих железных стрелков и без всякой артиллерийской подготовки налетел на австрийцев и, преследуя их, дошел до расположения Штаба группы Эрцгерцога Иосифа. Атака и преследование были настолько стремительны, что, заняв штаб, наши обнаружили там накрытый стол с еще горячим кофе.

В период февральских боев, когда бригада ген.Деникина была брошена на помощь сводному отряду ген.Каледина под Лутовиском в Ужгородском направлении, железные стрелки выдержали самые тяжелые бои. Как описывает сам ген.Деникин, бригада под сильным огнем противника вела это наступление при суровом морозе и снеге, доходившем до груди; жуткую картину представляли торчащие из снега мертвые стрелки с зажатыми в руках ружьями, застывшие в тех позах, в которых их застала вражеская пуля. Несмотря на это, наступление продолжалось и закончилось взятием позиции противника, с захватом 2000 пленных. За это дело ген.Деникин получил орден Св.Георгия 3-й степени.

Вскоре бригада была развернута в дивизию, и уже в роли Начальника дивизии ген.Деникин блестяще проводит свою знаменитую операцию под Луцком, где его железная дивизия берет в плен 158 офицеров и 9773 солдат. За это дело ген.Деникин производится в генерал-лейтенанты и в исключительном порядке получает золотое оружие, украшенное бриллиантами.

Летом 1916 года ген.Деникин уже командир 8-го Армейского корпуса. В упорных боях на Румынском фронте, в зимний период 1916-1917 года, он останавливает наступление знаменитого немецкого фельдмаршала Макензена. Но дальнейшие боевые успехи останавливает Февральская революция, которая парализует наш боевой фронт и, вследствие отречения Государя Императора, вызывает изменения в нашем Верховном Командовании.

Генерал Алексеев, вступив в должность Верховного, вызывает на ответственный пост Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Деникина.

К этому времени относится подготовка общего, согласованного наступления всех союзных сил с целью нанести противнику решительный удар.

На армии нашего Западного фронта возлагается главная задача прорыва Германского фронта в районе Молодечно. Эта ответственная

задача, против сильно укрепленного немецкого фронта, требовала и соответственного руководителя этой операции.

Выбор генерала Алексеева останавливается на Деникине, который получает назначение Главнокомандующего Западным фронтом.

Вся разработка этой операции ведется под непосредственным руководством генерала Деникина, и когда наступает день нашего наступления, наши войска после интенсивной артиллерийской подготовки легко захватывают четыре линии неприятельских окопов; дальнейшее наступление грозит немцам полным разгромом, но в этот критический момент наши солдаты попадают под влияние революционных агитаторов, атака захлебывается, и весь успех сводится к нулю.

Тогда Ставка Верховного делает попытку нанести решительный удар Австро-Германским армиям Юго-Западного фронта, и снова выбор исполнителя этой операции падает на ген.Деникина, который получает назначение Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Но здесь его застают Корниловские дни, и, когда он заявляет о своей полной солидарности с ген.Корниловым, его подвергают аресту и он становится узником Быховской тюрьмы.

Затем следует бегство на Дон, первый Кубанский поход... После трагической смерти ген.Корнилова А.И. принимает командование Добровольческой армией, едва ли не в самый критический момент ее существования.

Окруженная со всех сторон значительными силами красных, она, казалось, находилась в безвыходном положении, но ген.Деникин ловким маневром выводит Армию из тяжелого положения и приводит ее в станицу Мечетинскую, где соединяется с отрядом генерала Дроздовского.

После этого ген.Деникин ставит себе целью очищение от большевиков всего Юга России, чтобы создать здесь прочную базу для комплектования и снабжения Армии и подготовки ее для дальнейшего наступления на север.

Весь остаток 1918 года проходит в ожесточенных боях. Со своей 9-тысячной Добровольческой армией с 20 орудиями он уничтожает сорокатысячную армию Сорокина и к началу 1919 года становится полным хозяином Юга России и доводит силу нашей Армии до 100 тысяч бойцов при 250 орудиях.

Первую половину 1919 года ген.Деникин ведет борьбу за обладание исходными пунктами для будущего наступления на Москву и, наконец, 20-го июня отдает свой знаменитый боевой приказ о движении на Москву.

Первые ошеломляющие успехи Белых Армий, казалось, не оставляли никаких сомнений в благоприятном результате нашего наступления, и уже к половине августа фронт достигает линии Царицын-Воронеж - Орел - Киев. В частности, части Добровольческой армии после занятия Орла находятся лишь в 340 верстах от Москвы.

Но тут внезапно наступает перелом наших успехов. Большевики выводят на фронт свежую, хорошо вооруженную Красную армию, обученную при содействии старых кадровых офицеров бывшей Императорской армии. Фронт дает трещину, и, под натиском в 20 раз превосходящих сил красных, Белые армии вынуждены к отступлению, приведшему нас к Новороссийской эвакуации.

Много было написано, много сказано, а еще больше сплетено интриг и клеветы относительно истинных причин нашей неудачи.

Искали их в политике и стратегии, а что хуже всего - в личных качествах наших доблестных Вождей.

Правые упрекали нас за то, что мы не шли с монархическими лозунгами, левые кричали о реакции, а в тылу плелась злостная интрига против Главного Командования. Широкая публика плохо разбиралась в особых условиях гражданской войны и не отдавала себе отчета в тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Главному Командованию.

При нашей малочисленности и недостатке в средствах снабжения и техники, мы могли выполнить нашу задачу - взятие Москвы - лишь при условии быстроты и внезапности. Но здесь мы встретили организованное сопротивление свежей красной армии, руководимой бывшими офицерами Царской армии.

Как всякая военная неудача сопровождается всегда падением морального состояния войск и дисциплины, так и здесь стали искать виновных. Снизу ползла злостная и несправедливая клевета против Начальника Штаба ген.Романовского, а сверху плелась интрига против самого Главнокомандующего генерала Деникина.

Это были самые мрачные страницы в истории Добровольческой армии, когда не враг сломил волю Главнокомандующего, но свои же соратники.

В создавшихся условиях ген.Деникин не счел возможным оставаться на своем посту и отдал приказ о созыве Военного Совета из старших начальников для выбора ему преемника.

Характерно, что в заседании этого Военного Совета большинство высказалось за выражение доверия ген.Деникину с просьбой не покидать пост Главнокомандующего. Но настойчивость ген.Деникина с одной стороны и непонятная пассивность ген.Драгомирова и ген.Кутепова с другой поставило Собрание старших начальников в необходимость выбрать нового Главнокомандующего, и по предложению ген.Богаевского был избран ген.Врангель.

Для ген.Деникина настал новый этап жизни - эмиграционный.

В эмиграции ген.Деникин тщательно избегал играть какую-либо роль, но где бы он ни жил - в Лондоне, Брюсселе, Париже или Нью-Йорке - его бывшие соратники свидетельствовали свое уважение и преданность к своему бывшему Главнокомандующему.

Живя в очень скромных условиях, почти бедно, ген.Деникин на попытки Совета Послов оказать ему денежную поддержку упорно отказывался от всякой помощи и зарабатывал себе насущный хлеб литературным трудом.

Писать ген.Деникин начал в возрасте 14 лет, и его произведения детских лет уже находили себе место в популярном в то время журнале "Нива". Впоследствии, когда он был уже офицером, его статьи военно-бытового характера появлялись в военных журналах. Будучи по натуре прямым, он не боялся говорить правду и не шел на компромисс со своей совестью даже в тех случаях, когда это могло угрожать его военной карьере.

В своих "Армейских заметках" он старался вскрыть те отрицательные стороны нашего военного быта, которые выражали царивший в нем иногда произвол и несправедливость в отношении младшего офицерского состава и солдатской массы. Оставаясь в рамках, допустимых дисциплиной, он умел находить подходящие литературные формы, чтобы указать

на наши недостатки в смысле боевой подготовки и подчеркнуть военную отсталость нашего командного состава.

В этой печатной борьбе он нажил себе немало врагов среди высших начальников, что часто тормозило его движение по службе.

Но, не взирая на это, его очевидная высокая военная образованность, в связи с его выдающимися качествами боевого начальника, - выдвинула его на высокие посты нашей военной иерархии.

Умер ген.Деникин в Нью-Иорке 7-го августа 1947 года, оставив по себе незабвенную память среди еще живых его соратников, и одновременно он вписал свое имя в Историю Русской армии, украсив нашу военную летопись рядом блестящих страниц военных подвигов в период Японской войны, войны 1914-1917 г.г. и гражданской.

Ген.Штаба Полковник А.Колчинский.

- - oOo - -

К А П П Е Л Е В Ц Ы

(Продолжение, см. №№ 28-34)

Около взорванной части моста, как муравьи, копошились чины наших бронепоездов, которые также несли обязанности железнодорожной бригады.

Каппель попросил позвать ведающего починкой моста. Через несколько минут прибежал запыхавшийся прапорщик Неретник, неуклюже поправляя серую косматую папаху на вспотевшей голове.

Каппель спросил его:

- Когда предполагается пустить эшелоны через мост? Мы имеем всего два-три дня.

Прапорщик Неретник как-то смущенно проговорил:

- Поезда едва ли смогут пройти ранее 12 часов завтрашнего дня.

Каппель протянул ему руку со словами:

- Идите, работайте; спасибо вам!...

Возмущенные члены комиссии пытались высказать свое сомнение и недоверие, но ген.Каппель деликатно переменил тему разговора.

Вот тут в застенчивых словах прапорщика Неретника и в его работе и сказалась сила Каппеля: то, что для авторитетов считалось исполнимым лишь в две недели, для каппелевцев было двухдневной задачей.

Как они работали, описать трудно; это надо было видеть. С той и другой стороны взорванного моста были установлены какие-то чудовищные блоки, через блоки были протянуты и привязаны к упавшему пролету сильные тросы. Другие концы этих тросов были прицеплены с той и другой стороны к паровозам, тянувшим с быстротой минутной стрелки в ту и другую сторону, поднимая пролет. Первое время мертво лежавший пролет как бы сопротивлялся, не желая подниматься. Но тросы натянулись, и пролет еле заметно пошел вверх. Особыми свистками Неретник регулировал движение паровозов. Пролет в конце концов был поднят, а вслед за ним росли клетки из шпал и другого материала, заменившие быки (столбы).

На утро, в 9 часов, поезда медленно, один за другим, проходили по мосту.

Такую работу обыкновенные люди и в обычных условиях в столь короткий промежуток времени не в состоянии выполнить. Кроме исключительного напряжения мускульной энергии, у людей должны быть сильны дух и идея, а главное - должно быть наличие такого вождя, каким был Каппель. Ради него и для него люди забывали себя.

Прапорщик Неретник так же самоотверженно служил на наших бронепоездах, пройдя через всю Сибирь, и погиб доблестной смертью в 1921 году под Волочаевкой, вынося под пулями красных своего раненого товарища.

"Маленький Наполеон"

Так прозвала советская военная газета "Красная Звезда" генерала Каппеля за его операцию у Сергеевского посада зимой 1918 года.

Волжская группа медленно отходила вдоль Волго-Бугульминской железной дороги к Уфе. Со стороны Самары по Самаро-Златоустовской железной дороге отступали отряды чехов и остальные части Народной армии.

Отходили медленно, сражаясь за каждую пядь земли. Станция Кандры,деревня Арасланово,река Ин и так далее - все было обильно полито кровью каппелевцев.

Разведка штаба Волжской группы донесла генералу Каппелю, что в Сергеевском посаде, расположенном как бы в вилке между названными железными дорогами, накапливаются большие силы красных. Маневр их был легко разгадан Каппелем. Накопить кулак в Сергеевском посаде, затем ударить на станцию Чишмы, где соединялись обе железные дороги перед Уфой, и таким образом отрезать всю Волжскую группу от Уфы.

Надо было действовать быстро и энергично. И вот Каппель, оставив на Волго-Бугульминской железной дороге один лишь бронепоезд и небольшие заслоны, ночью со всей своей группой неожиданно напал на Сергеевский посад. Красные не ожидали каппелевцев и бежали, побросав свою артиллерию и обозы.

Красный кулак был обезврежен, но развить свой успех генерал Каппель не мог - не было никаких резервов, а главное направление - Волго-Бугульминская дорога - было обнажено. И если бы в это время красные поэнергичнее наступали, то в два-три дня они могли бы очутиться под Уфой, отрезав и Волжскую, и Самарскую группу белых.

Но на следующий день после разгрома красных у Сергеевского посада Волжская группа генерала Каппеля была уже на своих старых позициях на Волго-Бугульминской железной дороге, продолжая медленный отход к Уфе.

Эта операция типична для Каппеля. Она и должна была бы подсказать всем генеральным штабам в Омске и Уфе, как нужно воевать в гражданскую войну и как бить противника. Но там генералы и генштабисты продолжали "воевать" по старым классическим учебникам тактики и стратегии, да еще используя опыт Первой мировой войны с Германией и Австрией.

И все дружно с подозрением относились к "выскочке" Каппелю и "волжской вольнице" - добровольцам каппелевцам.

- о -

Каппель на митинге уральских рабочих.

Наконец-то Волжскую группу у Уфы сменили уральские формирования. Частям Волжской группы пришлось еще долго продолжать свой путь походным порядком через горно-промышленные районы Урала. Чтобы пропустить части группы, штаб Каппеля (Волжской группы) остановился на заводе Аша-Балашовская. Горные рабочие этой местности были достаточно распропагандированы большевицкими агитаторами и в большинстве своем к проходившим войскам Волжской группы относились враждебно.

Контр-разведка донесла Каппелю, что накануне ночью на митинге шахты № 2 рабочие постановили: чинить препятствия проходившим войскам, а определенной группе рабочих было поручено произвести покушение на самого генерала Каппеля. В эти дни рабочие беспрепятственно митинговали каждый по своим шахтам.

Каппель приказал коменданту штаба принять надлежащие меры, а сам, не предупредив никого, с одним добровольцем-проводником, ночью отправился на митинг рабочих шахты № 2. Одетый в английскую куртку и кавалерийскую фуражку, от времени походившую на кепку, он прошел вместе с рабочими незаметно вперед. И, когда кончил речь предыдущий оратор, Каппель попросил слова (этого я сам не видел и узнал потом из рассказов рабочих).

Председательствовавший рабочий разрешил, не обратив внимания на просившего (в шахте было довольно темно). Обратившись к толпе в 250-300 человек, Каппель заявил:

- Здесь вчера было постановлено чинить проходящим войскам препятствия и произвести нападение на меня. Я - генерал Каппель и пришел поговорить с вами, как с русскими людьми...

Не успел он докончить эту фразу, как увидел, что чуть не вся толпа стала быстро разбегаться по темным проходам шахты. Остались очень немногие, возможно, из тех, которые не расслышали, или же сочувствующие белым войскам. С большим трудом Каппелю удалось успокоить оставшихся, убеждая их в том, что им нет оснований его бояться, как и он не побоялся прийти к ним без охраны. Понемногу рабочие стали возвращаться.

В кратких словах Каппель обрисовал, что такое большевизм и что он с собой принесет, закончив свою речь словами:

- Я хочу, чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами. Я хочу, чтобы все фабрики и заводы работали и рабочие имели бы вполне приличное существование.

Рабочие пришли в восторг от его слов и покрыли его речь громким "ура". Потом вынесли Каппеля из шахты на руках и провожали до штаба. Это мне подтвердил сам генерал Каппель.

На утро я, прибыв в штаб по своим делам, увидел в коридоре делегацию от рабочих, которые говорили:

- Вот это - так генерал!

Делегация выразила Каппелю свою готовность оказывать содействие проходившим войскам. И части "Волжской группы" без всяких недоразумений и препятствий благополучно прошли тот уральский рабочий район.

- о -

В тылу.

Для отвода в тыл измотанных и замерзающих частей Волжской группы Сибирское правительство не только ничего не сделало, но даже об этом, надо полагать, и не подумало.

Уставшим, плохо одетым бойцам пришлось еще долгое время продвигаться походом вдоль линии железной дороги на восток. Свирепая стужа по временам сменялась жуткими метелями, заваливавшими дорогу глубоким снегом. Орудия приходилось проволакивать по двухаршинным глубоким сугробам. Идущее впереди орудие пропахивало глубокий коридор, что страшно выматывало коней. Следующим орудиям было легче.

И сейчас еще есть живые свидетели, которые хорошо помнят, какие в батарее были кони, но и эти слоны-великаны могли протянуть по снегу первое орудие не более одной версты, потом их заменяли следующие. Хотя за прошедшим орудием и не легко идти, но все-таки возможно.

Сибирское же интендантство отпускало фураж по установленной норме овса, повидимому, рассчитанной на сибирскую низкорослую лошадь, - 8 фунтов в день на одного коня, а у меня в батарее один только коренной конь "Малютка" съедал за ночь по 30 фунтов. Придерживаясь сибирской нормы, я быстро потерял бы в уральских сугробах весь конский состав в пути.

На станции Корапачевой удалось явочным порядком достать несколько пустых вагонов и в них с трудом погрузить свои орудия. Оставив с ними надежный и толковый караул, мы пошли дальше, придерживаясь пути по льду замерзших рек, чтобы не топить коней в оврагах, предательски занесенных мягким и непролазным снегом.

Так шли мы по реке Сим, где у нас на Симском заводе была дневка. Это район был занят челябинскими военными формированиями. Среди этих формирований были уже беспорядки. Один полк покинул занятые им казармы и ушел во-свояси. Другие соединения высказывались за то, чтобы не подчиняться начальникам. И пулеметная команда просто решила ударить по своим с тыла.

Каппелевским частям, которые сибиряки называли "учредиловцами", пришлось наводить порядки: пулеметная команда была предана военно-полевому суду, и так далее. Эти обстоятельства показали, что подготовка резервов была в неумелых руках людей, не дающих себе отчета в происходящем. Ожидать чего-либо утешительного не приходилось.

Впоследствии, после некоторых переформирований на местах, Сибирские части дрались с большевиками довольно стойко, что можно поставить в заслугу офицерам и вообще командному составу, который на месте сумел устранить многие недочеты и установить нужные взаимоотношения. Но это выполнило младшее офицерство.

Один пехотный поручик рассказывал, что, когда он находился в окопах, к нему пришло пополнение мобилизованных солдат, и некоторые из них задавали ему следующие вопросы:

- Ну вот, господин поручик, царя убрали, царя нет. Стали большевики. Теперь мы воюем с ними. А когда их не будет, то что же и кто же тогда будет?

И поручик ничего не мог ответить, потому что и сам не знал, что будет...

В своем обращении адмирал А.В.Колчак упоминал об Учредительном Собрании, но очень туманно. Действия же большинства войсковых час-

тей носили монархический характер.

Несчастный, честнейший из честнейших, адмирал В.А.Колчак был игрушкой в руках интриганов, вроде атамана Красильникова или Иванова-Ринова и других, творивших в тылу форменные бесчинства. У Верховного Правителя не было силы с ними справиться. И это в то время, когда нужно было забыть интриги и личные интересы и приложить все усилия к единой цели, как это было у наших врагов!

Наши высшие начальники думали не о фронте, а больше о своих выгодах, не имея общей цели. И если хотели оздоровления России, то каждый только по-своему, как выгодней было для них. К этому можно прибавить множество формирований на бумаге. Для многих эти дутые формирования были своего рода защитой от посылки на фронт.

Кстати сказать, в самом Омске была сформирована отдельная бригада егерей, которые открыто называли себя "московским гарнизоном", мечтая о Москве. Эта бригада егерей, составленная из добровольцев и выздоравливающих раненых и больных тех же добровольцев и кадровых солдат с офицерами, численностью в 5000 бойцов, брошенная во-время на фронт борьбы, могла бы сыграть свою роль и перевесить чашу военного счастья...

При отходе от Омска зимой 1919 года она почти вся погибла, не дойдя до Красноярска. Эти егеря тоже не были обмундированы по-зимнему для походов по Сибири, да еще зимой.

Отправка частей Волжской группы под Челябинск.

Командованием Западной армии небольшие соединения частей Волжской группы были задержаны на фронте, несмотря на то, что сибиряки (командование) относились к ним с недоверием. Но каждый из власть имущих старался как бы временно прикомандировать к себе некоторые части "учредиловцев". Так, например, все команды бронепоездов Народной армии были прикомандированы к генералу Сукину.

Вскоре после Симского завода части Волжской группы начали грузиться в поезда на попутных станциях для следования на восток, в район Кургана, на отдых и переформирование.

Верховный Правитель адмирал Колчак вызвал Каппеля в ставку в Омск для личного доклада. Быстро растущая популярность и слава о беспримерных боях Каппеля сильно встревожила Омскую ставку. Адмирал Колчак понимал и ценил генерала Каппеля, но все же, благодаря некоторым наветам, боялся его возможных самостоятельных действий.

Потом инспектор артиллерии Верховного Правителя генерал Виктор Николаевич Прибылович мне лично рассказывал, что доходившие слухи о деятельности Каппеля и его войск сильно тревожили окружение адмирала Колчака. Многие из них инстинктивно чувствовали, что Каппель - сила, которая может для них оказаться неблагоприятной. Поэтому, перед приездом Каппеля в Омск, они всеми силами старались восстановить против него адмирала Колчака. Особенно ярые из них открыто доказывали, что, если Волжскую группу развернуть в корпус, то, возможно, Каппель поведет его не на большевиков, а на Омск, и прочее в том же духе, желая настроить Верховного Правителя против "учредиловца".

Каппель прибыл в Омск и лично доложил Верховному Правителю о своей работе на Волге и в Приуралье. Адмирал Колчак оценил надлежащим образом деятельность Каппеля и его волжан. После этого доклада

адмирал поручил Каппелю формирование Третьего Волжского стрелкового корпуса. Большинство противников Каппеля притихло - однако, лишь временно.

Я тоже приехал с Каппелем в Омск и сам наблюдал, как после доклада Каппеля, произведшего благоприятное впечатление на адмирала Колчака, скоро начали осаждать вагон Каппеля разные окопавшиеся в тылу ловкачи. Они подобострастно просили Каппеля при случае замолвить за них словечко перед Верховным Правителем.

В.Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - оОо - -

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая (продолжение)

НА КУБАНИ.

В отпуск ехал я с комфортом - в вагоне 2-го класса..Хорошо помню симпатичного седого старика, вошедшего в купе на одной из станций. Оказалось - ген.Гулыга. Несколько станций проехали вместе, и он все время расспрашивал меня, интересуясь буквально всем. На одной из станций мы расстались.

Проехал я Ростов, Новочеркасск, Лихую... Не помню, как добрался со станции домой. Дома все было так придавлено, так безрадостно: мать не только не могла двигаться, но даже не могла сама и есть; отец сгорбился, постарел. В доме полно малышей и никого из старших. Я уже знал, что мать подарила нам еще одну сестренку, знал я также, что спустя несколько месяцев после родов ее разбил паралич и навсегда приковал ее к постели. Старшая сестра, окончившая Высшие Женские курсы в Киеве, не подавала о себе вестей; обо мне и убитом брате не было никаких известий. Мать свалилась после полученной ею новости о смерти третьего брата. Ничего утешительного не привез домой и я. Рассказал о смерти брата и о своей жизни за истекший год. Мать в слезах. Ни от нее, ни от отца не услышал я ни одного упрека за то, что увлек за собой братьев.

Интересная встреча произошла с дядей, младшим братом матери, служившим в дравшейся против нас 39-й пехотной дивизии. Уехал он с фронта с небольшой частью из последних. Где-то у Кубани их высадили из поезда и под угрозой расстрела приказали идти сражаться с таким-сяким Корниловым. Конечно, пришлось идти. Однако, не доходя до нашей переправы, забрались в заросли, где и пролежали, не шевелясь, целый день. Рассказывал дядя и сам смеялся.

Прогости я дома одну неделю и с тяжелым чувством возвращался в полк. Остановился я на один день в Новочеркасске: взглянуть на родимый город. Встретил много друзей и знакомых и отправился в обоз второго разряда, чтобы забрать оттуда моего коня. На обратной дороге я завернул в хутор Романовский, где меня ожидали заказанные по-

ходные сапоги. В обозе мною была оставлена на выкорм молодая, совсем отощавшая кобылица. Теперь, когда я увидел ее, бывшая кляча стала красавицей. Понадобилось объездить ее и обучить. Два дня провозился я с нею, пока, наконец, сел и поехал. Дефект ее был в том, что на карьере ее трудно было остановить - могла занести вперед. Но постепенно и это сгладилось.
Я нашел свой полк в районе Ставрополя. Жалкий вид имел он: боевой состав сократился не меньше, чем на 50%. Много было убито и ранено у Ставрополя, но главным образом покосил тиф - свирепый и беспощадный.

Не помню уже названий сел Ставрополья, которые мы брали или проходили. Была ст.Невинномысская, село Петровское... Был я в передовом дозоре, когда занимали какое-то село или слободу. Ехали медленно. Вдали стояли привязанные к забору две лошади. Я с двумя казаками, перейдя на рысь, быстро очутился около них. Седловка казачья. Мои казаки спешились. Из хаты вышли два кубанца и сдались нам без малейшего сопротивления; сдали и какое-то важное донесение, которое они должны были куда-то доставить. После короткого разговора показались они нам не плохими ребятами. Передал я их и донесение командиру сотни с просьбой взять их под свою защиту, если таковая понадобится.

15-го ноября проходили мы село, где был штаб ген.Врангеля и где мы оставили и наш лазарет. Никак не могу вспомнить название села, куда мы отправились в тот день. Заняли его без боя, но... ранним утром помчались на рысях на выручку ген.Врангеля, застигнутого красными ночью врасплох. Расстояние было большое, и когда мы въехали в село, на виселице уже болтались трое предателей, проведших сюда ночью красных. Что и как произошло ночью, не знаю, но помню рассказ нашей сестры, как она удирала без седла и в одной рубашке. В тот же день мы вернулись в село, занятое нами накануне.

На другой день, не так рано, мы выступили в восточном направлении. Был я тогда во взводе, кторый состоял, вместе со мной, из семи-восьми человек, да и вся сотня не превышала 35 человек. Пройдя 5-6 верст, мы остановились, тогда как другие эскадроны пошли вперед, пока их не остановил огонь противника, занимавшего село. Передние эскадроны ввязались в бой. Красные открыли довольно меткий артиллерийский огонь. Вскоре ветряная мельница перед селом была занята нашими частями. Весь бой, принимавший затяжной характер, был в поле нашего наблюдения. Начала отвечать и наша артиллерия. Санитарка возила раненых. Взрыв у мельницы. Полетели вверх комья земли и лошадь со всадником, под которой разорвался снаряд. Кажется, зацепило и еще кого-то. Наши все продвигались вперед.

Начало вечереть, когда мы получили приказание построиться фронтом на юг: надо было остановить наступавшую оттуда группу красных. Перевалили взгорье и увидели очень густую, не недлинную цепь противника. Пошли рысью на сближение. У красных - никакого замешательства, и открытый ими огонь не так уж силен. Когда мы перешли на карьер - стрельба усилилась. Цепь красных не теряет своей стройности, хотя уже близко - можно рассмотреть отдельные лица. Я не слышал команды, но вдруг заметил, что наша жиденькая лава повернула назад. Мне трудно было остановить мою "недоучку" сразу: она чуть замялась, и в тот же момент я упал на правую сторону, а лошадь камнем свалилась влево.

Боли я не чувствовал, но сдвинуться с места не мог: левая нога не двигалась. Мысли - что молнии. Красные подходят, а наших нигде не видно. Вытащил револьвер из кобуры. Обойма полная. Выбросил один-два патрона для проверки. Никакого страха, волнения или колебания. Револьвер у виска. Взор прикован к подходящим красным, а мысли мчатся своим чередом: мать, отец, семья и все прошлое. Подсознание распоряжается самостоятельно. Еще рано: те, впереди, хотя уже близко, но как будто остановились.

Трудно сказать, сколько прошло времени - такое переживание не знает ни часов, ни минут. Почти стемнело. Сзади кто-то схватил руку с зажатым в ней браунингом и с какой-то шуткой быстро отвел ее в сторону. Два офицера из нашей сотни! Они подползли незаметно,пользуясь уже густыми сумерками... Один из них калмык, хорунжий Харашкин, а другой, который и рассказал историю поисков - о нем речь будет впереди. Оттащили они меня немного и стали пробовать снять сапог, и здесь только я впервые ощутил боль: страшную, острую, режущую. Принесли носилки. Разрезали и стащили сапог. Нога как бы переломилась в голени. Наскоро перевязали и на носилках донесли до подводы... Какая-то хата - перевязочный пункт. Лежу на соломе на полу. Наконец, бегло осмотрели: раздробление обеих берцовых костей. Ногу положили в лубок из двух тонких досок. Большой надлом берцовой кости вышел наружу. Пуля, раздробив мою ногу, пронзила и сердце лошади.

Рано утром уложили меня на подводу, объявив, что везут нас в Ставрополь и что большая часть дороги идет вдоль фронта, а поэтому всем могущим владеть оружием были выданы винтовки. Наш караван состоял более, чем из десятка подвод. Сухая, но ухабистая дорога при быстрой езде на каждой встряске вызывала такую острую боль, что в голове мутнело. Но надо было спешить, чтобы ночь не застала нас в дороге. Волнения, вызываемые необеспеченностью дороги, боль, обратившаяся в продолжительное мученье, - не передать словами! Уже поздно вечером въехали мы, наконец, в Ставрополь. Этого города я совсем не знал. Истинные адские муки начались, когда мы стали подниматься по улице, мощеной крупным булыжником. К несчастью, ехать пришлось долго. И теперь дрожь пробегает по телу при этом тягостном воспоминании - тогда я и плакал, и ругался.

В госпитале сейчас же взяли на перевязку. Нога чудовищно вспухла. Женщина-врач сперва заявила, что у меня торчит наружу застрявшая пуля. Пришлось сказать, что пулю следует искать в убитой ею лошади. Утром началась погрузка в поезд для отправки в тыловой госпиталь.

Только на четвертый день попал я в Ейский госпиталь на операцию. Делал ее молодой симпатичный врач, доктор Фокин. Нога моя еще больше распухла и посинела, представляя собой большую темную колоду. Кончилась моя фронтовая жизнь - началась лазаретная. На операцию я шел с большим опасением, ибо вид ноги не обещал ничего доброго, а спросить доктора, что он собирается с ней делать, как-то не решался, да и не сказал бы он мне. Под маской досчитал я до 20-ти и "провалился". Проснулся я, когда меня везли обратно в палату.

Делать большую и сложную операцию не нашли нужным и лишь обрезали часть выходившей наружу кости, зашили рану, а всю ногу, до самого бедра, положили в гипс. На койке уже все было приготовлено для вытяжения. На ступню надели крепкую петлю, к которой привязали длинную веревку с крючком на конце. Веревка была пропущена через блок,

находившийся на уровне ноги, и через второй, метром выше. На крючек вешался мешок с песком положенного веса.

Ейский Войсковой госпиталь представлял собой сущий муравейник - все было забито. Хирург едва успевал делать срочные операции. В большой палате, куда меня поместили, находились и легко и тяжело раненые, были и умирающие. Не забуду бесстрастного лица лежавшего поблизости от меня красноармейца. С тяжелой раной в голову, он поднимался на койке и, забираясь рукой под перевязку, ковырялся в собственной ране. Эту операцию он производил спокойно-равнодушно, очевидно уже не чувствуя боли. Через два дня его вынесли в мертвецкую. Напротив, у дверей, лежал тоже обреченный: капитан, у которого то и дело повторялись приступы столбняка. Больно было смотреть на него в это время. Вскоре его унесли в другую палату.

Мне не было видно, что творилось в другом конце палаты, но койки через четыре от меня лежала группа Корниловцев, оставившая самое приятное воспоминание. Их бодрое и жизнерадостное настроение заражало всех. Из этой компании мне запомнились три фамилии: поручик Святополк-Мирский, капитан Делов (кавалер ордена Св.Георгия) и капитан Пух. Двое первых в скорости уехали на фронт, а кап. Пух еще долго доставлял нам удовольствие своим приятным баритоном под собственный аккомпанимент на гитаре. Пел он с каким-то естественным задором, и казалось, что это доставляет ему самому особую радость.

Население госпиталя все время менялось: одни уезжали на фронт, а на их место прибывали новые раненые. Не прошло и недели со времени отъезда Святополк-Мирского и Делова, когда вновь прибывший раненый корниловец сообщил, что капитан Делов был убит в первом же бою после своего возвращения из госпиталя.

Отношение к нам со стороны персонала и жителей города было очень сердечным, и нередко нам приносили вареники, блины, а то и "дефицитный продукт" - табачек. В общем, жизнь как-то скрашивалась, но лежать становилось все нуднее и нуднее. На вытяжении надо было пролежать не менее шести недель. На перевязку носили редко, так как и входное и выходное отверстия закрылись очень быстро, а шов от операции не давал нагноения. Температура - нормальная. При лежании боли в ноге не чувствовалось, но на спине появились пролежни и казалось, что на ноге под гипсом копошатся насекомые. Только после семи недель повезли меня в перевязочную, чтобы снять гипс. Оказалось, что малая берцовая кость срослась, но уступом, а большая вообще не срослась. Образовался ложный сустав. Снова положили в гипс, но уже без вытяжения. Начал я учиться ходить на костылях. Наука эта - не сложная, но трудно было преодолеть головокружение, которое сразу появлялось, как только я становился на ноги после столь долгого неподвижного лежания. В начале приходилось прибегать к помощи санитара или сестры, чтобы не рухнуть на пол.

Была необходима вторая операция - уже сложная, для чего через две недели меня отправили в Ростов. С костылями я уже управлялся свободно. На эвакуационном пункте я получил назначение в Свято-Троицкий госпиталь в Нахичевани и отпуск на несколько дней в Новочеркасск. Из Новочеркасска добрался я до госпиталя, помещавшегося, кажется, в Екатерининской женской гимназии.

Здесь царила уже иная атмосфера - другой и распорядок. Суеты в нем вообще не существовало: тишина, покой, порядок, чистота.

В палате, куда я попал, было всего каких-нибудь 20 коек, и стояли они не так близко одна от другой. Нашей палатной сестрой была княжна В.Уварова, соседней - дочь одного профессора из Новочеркасска; старшей сестрой - княгиня Волконская. В моей палате лежали только тяжело раненые - или уже оперированные, или готовившиеся отправиться на операционный стол.

Спустя неделю пришла и моя очередь. Дали мне на ночь выпить изрядную дозу какой-то "гадости", утром промыли желудок, целый день ничем не кормили, а вечером дали выпить снотворного. В операционной, куда меня принесли, большой персонал. У доктора только глаза не закрыты, а вся голова окутана белой густой марлей. Положили меня на стол, надели маску и приказали считать. Вскоре все стало куда-то уплывать и... уплыло.

Странное ощущение испытал я при пробуждении, когда открыл глаза. Пытаюсь что-то спросить и не могу: рот будто набит ватой. Сестра сидит рядом и успокаивает:

- Операция прошла хорошо, длилась два часа, но язык запал в горло и закрыл дыхание; вынули его щипцами и так держали более часа.

Была уже полночь - все спали. Ощутил во рту распухший язык,но боли не было. Не было ее и в ноге, которая снова покоилась в гипсе и на вытяжении. Состояние - расслабленное. Хотелось пить и слегка подташнивало. Под утро началась рвота. Сначала пустой желудок выбрасывал какую-то противную слизь, а дальше началась рвота с конвульсиями, не дававшая ничего, кроме страшной горечи, расходившейся во рту и вызывавшей мучительное желание пить. Отдал бы все за один глоток воды. Но пить не давали. Доктор разрешил сестре окунать чайную ложку в стакан с водой и класть ее мне в рот. Это чуть помогало, но не прекращало спазматической рвоты, как будто стремившейся выкинуть наружу желудок. Это воспоминание осталось во мне, как самое мучительное из тех, которыми сопровождалось пребывание в госпитале. Полегчало мне только после полудня, а к вечеру сестра влила мне в рот первую чайную ложку воды. Слегка отошел и мой язык, но желания говорить не было. Из рассказа сестры я узнал, что операция была сложная и долгая: на костях сделаны были специальные зарезы, после чего их сложили, просверлили и сшили особой золотой проволокой, и т.д. Доктор говорил мне, что пришлось применить так называемый "французский замок". Новых семь недель предстояло пролежать на вытяжении.

Из нашей палаты часто брали на операции или перевязки, а иногда переводили в другую палату, но покидавших госпиталь почти не было. Случалось, что на операции брали совершенно здоровых на вид людей. С поврежденными артериями, они ежеминутно рисковали кровоизлиянием. Если таковое происходило, то весь госпиталь приходил в движение. Среди персонала начиналась лихорадочная работа, а все мы гадали: останется жив или истечет кровью? Какое волнение бывало в нашей палате, когда из нее брали кого-нибудь на подобную операцию! С нетерпением ждали мы появления нашей сестры: по ее виду сразу было видно, как прошла операция. Один раз унесли от нас молодого поручика. Вид у него был совершенно здорового человека, и двигаться он мог самостоятельно. Но ему даже подниматься с постели было запрещено, так как он считался одним из самых опасно раненых, имея пробитую у самого бедра артерию. Минут через 40 вошла заплаканная сестра, села на стул и разразилась настоящими рыданиями. Утирали слезы и мы: поручику ампутировали ногу по самое бедро.

Операции как мне, так и другим делал еще нестарый врач, доктор Тамаревский. Когда я попал в палату, против меня лежал скелет, обтянутый темной кожей - хорунжий Войска Донского, кажется, станицы Калитвинской. Его все считали явно обреченным: общее заражение крови. Температура у него была постоянно высокая; на перевязки его почти не носили, и находился он все время в бредовом состоянии. Часто ему делали вливание солевых растворов. Время от времени сестра приносила тазик и все нужное для перевязки. Она снимала бинты и прямо ножницами вырезывала из раны отгнившие куски мяса. Ужасная рана! Огромная по размерам и почти черная. Человек гнил! Большой боли он, как будто, не чувствовал и лишь немного морщился. В нем тлел последний огонек жизни. И в таком состоянии он находился много недель. И вот как-то раз сестра объявила нам, что у "живого покойника" появились признаки улучшения, а через неделю радостно подтвердила, что он определенно идет на поправку. Я все еще лежал, когда у хорунжего вернулось сознание. Теперь он уже ел, и на его почерневшем лице появился первый румянец. Крепкий организм переборол. Вернулся к нему и дар речи, но говорил он еще еле слышным шопотом. Несказанно радовалась наша сестра. Радовались и мы.

Медленно тянулось время в госпитале. Часто навещали нас гимназистки, приносившие нам книги для чтения и всячески старавшиеся нас развлечь.

Большой разрез от операции затянулся быстро, но состояние кости вызывало сомнения. От долгого лежания на спине становилось трудно засыпать: подушка выбрасывалась из-под головы, голова заваливалась ниже туловища, и тогда, наконец, удавалось заснуть. Пробуждения бывали мучительны: болела шея, тяжелела голова.

Прошло еще 7 недель, пока сняли гипс. Кость не срослась. Через некоторое время старший врач, тоже хирург, хотел сделать мне новую операцию, но я попросил отправить меня на осмотр к профессору Напалкову - лучшему Ростовскому хирургу. С помощью костылей и санитара добрался я на извозчике до кабинета профессора при университетской клинике. Он предложил мне перевестись в 4-й госпиталь - Белого Креста - где профессор состоял консультантом. Госпиталь помещался на Таганрогском проспекте.

В новом госпитале снова повеяло фронтом. Палата, где я приютился, большая, шумная. Были в ней и тяжело раненые, были и "бегающие", то есть выходившие в город. Одни лежат по-долгу, другие через две-три недели покидают госпиталь, а на их место прибывают новые. Каждый день свежие новости.

Старшим врачем был доктор Габрильяну, ординатором - доктор Чижов. Назначенную мне операцию делал доктор Напалков. Длилась она чуть больше сорока минут. Опять гипс, опять семь недель на спине.

Доброволец Иванов

(Продолжение следует)

АЛБАНИЯ И КОРОЛЬ ЗОГУ (Окончание)
Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева

(См. "Вестник Первопоходника" №№ 28, 30, 33 и 34)

Роскошь двора никак не была в тягость народу, который вообще никаких налогов не платил... Благодаря выгодному стратегическому географическому положению страны и умелой внешней политике короля, не только Малая Антанта, но и такие державы, как Великобритания, Соединенные Штаты и Италия беспрерывно давали Зогу деньги в надежде "купить" его таким образом. Король Ахмет деньги принимал, но тратил их на нужды своей страны и в "квислинга" не превращался.

Уже много лет спустя, будучи в эмиграции в Египте, он предупреждал своего родственника, короля Фарука, что тот напрасно старается быть "демократическим" королем. Он советовал ему тратить хоть незначительную часть своих сказочных богатств на "внешнее представительство", которое скорее принесло бы ему популярность в народе, чем его нео-демократические выдумки. На это Фарук отвечал, что он, хоть и египтянин, но албанец по крови; король, но не фараон; и что, хотя этому, правда, его в Кембридже и не учили, но в угоду своим арабам он и впредь будет посещать самые низкокачественные кабаки александрийского порта, грязнейший район Шубра и базар Муски... и есть жирную баранину руками, вытирая потом засаленные руки о белоснежный китель...

О том, что Зогу был прав и что египетская чернь не оценила заигрывания Фарука перед нею, мы видим по дальнейшему ходу событий. Возможно, что при более умелой политике королю Египта и удалось бы предотвратить падение режима. Конечно, история не пожалела и короля Зогу, но при его падении в 1939 году политическая обстановка мира была такова, что судьба Албании была предрешена... Все же в течение целых 15 лет король Зогу не только удерживался на троне, но и совершенно преобразовал свое государство.

За этот срок в Албании все так изменилось к лучшему, что, наверное, если бы бывшие чины Русского Корпуса имели возможность вернуться, через несколько лет после отъезда, в Тирану, - они бы больше на скуку не жаловались... Мы, четверо русских, перешедших на действительную албанскую военную службу, не роптали и жили совсем не плохо.

Я лично имел хороший дом в Тиране, ездил летом к морю на пляж в Дураццо вместе с королем или за границу, имел к услугам денщика, автомобиль, а когда нужно было по делам службы - то и самолет. Работы, правда, было много, и не только по командованию полком, но и по разным военным постройкам. К тому же я проводил телефонные линии, искал источники для водопроводов в казармы, строил новые казармы и посылал свои части усмирять устраиваемые итальянцами восстания; обучал математике и готовил к экзаменам на чин полковника моего приятеля Хюсейн Сельмани , а двух принцев - Хюсейн и Сали - к поступлению в Сен-Сирскую Академию.

При такой разнообразной работе бывали и забавные инциденты. Так, раз я должен был поехать из Тираны в Бурель (родина Зогу), где стояли два гвардейских батальона. Мне нужно было проверить кассы, так как я получил сведения, что в этом городе, состоящем всего из

25 частных домов, офицеры и государственные чиновники беспрерывно играют в карты, проигрывая друг другу казенные деньги. Одновременно со мной собрался в дорогу министр почт и телеграфов для проверки местного почтового отделения. Мы наняли вместе такси, надеясь, что, не пользуясь правительственными машинами, нагрянем неожиданно, не давши времени албанским "Добчинскому и Бобчинскому" сообщить всем, что "к нам едет ревизор"... Выехали из Тираны рано и к 9 часам утра были уже на месте. Я никаких растрат в своих батальонах не обнаружил, а министр, несмотря на тщательную инспекцию, не нашел и следа регистраций переводов денег в Италию на крупные суммы...

Как мы условились, мы встретились в ресторане, чтобы вместе позавтракать перед возвращением в Тирану. Но, выйдя на дорогу, чтобы уже садиться в взятое нами в столице такси, мы его не нашли...

Позже выяснилось, что бурельский почтмейстер, регулярно делавший переводы на крупные суммы в Италию, эти суммы не регистрировал в книгах, а посылал в Италию, на имя своего компаньона по жульничеству в Триесте, только приказ об их выплате. Так как проверка между двумя государствами делалась только раз в два года, то почтмейстер до истечения этого срока был в полной безопасности, и почтовое отделение в Триесте в сравнительно небольшой срок выплатило приятелю бурельского почтмейстера огромные деньги. Однако, все же испугавшись ревизии, он решил поскорее скрыться. Взял нанятое нами такси и благополучно докатил до Дураццо, где сел на отходящий в Бари пароход...

Много лет спустя, будучи уже в Египте, бывший король Албании оценил ловкость своего бывшего бурельского почтмейстера и взял его к себе в Александрию на должность, соответствующую "беженскому министру финансов"...

Мне не только на службе, но и "частным образом", то есть на приемах во дворце и в иностранных посольствах приходилось часто встречаться как с итальянскими дипломатами, так и с представителями других держав. Внешнюю политику Зогу вел сам и при этом очень ловко пользовался заинтересованностью великих держав в Албании -- ключе к Балканам. В 30-х годах главная опасность, грозившая королю Ахмету, была со стороны Муссолини. Итальянский диктатор старался всеми силами упрочить свое положение в Албании: сначала дружески, с целью мирного внедрения, давал деньги королю; тот их охотно брал, но тратил исключительно в интересах своей страны. Устраивали итальянцы также восстания горцев, но наш специальный гвардейский батальон вместе с двумя ротами - танковой и блиндированных автомобилей - мгновенно ликвидировали все попытки устройства государственного переворота.

Видя, что без открытого вмешательства военных сил извне король Албании ни на какие уступки не идет, Муссолини в 1935 году прислал к берегам Дураццо итальянский флот, который остановился в пяти милях от гавани. С минуты на минуту ждали высадки, но... уведомленная о случившемся Англия выслала с Мальты свою стоявшую там эскадру. Британский флот вошел в порт Дураццо. В течение двух суток английские моряки кутили в городе... пока итальянские корабли не ушли. Только тогда и они получили приказ покинуть албанские территориальные воды.

Но время шло, и политическая мировая картина менялась. Влияние

Оси крепло. Зогу мужественно продолжал вести свою независимую национальную линию. Ко дню его свадьбы в апреле 1938 года им были получены ценные подарки со всех сторон света. Гитлер прислал роскошный огромный автомобиль марки Мерседес-Бенц, Муссолини - обещание провести шоссейную дорогу Дураццо-Тирана; и, действительно, в короткий срок эта великолепная авто-страда была готова.

Королева Жеральдина забеременела. Ждали рождения наследника престола (Аллаху был заказан мальчик!), который, вместо племянника Ахмета Зогу 1-го, должен был вступить на престол после смерти отца.

Популярность Зогу в стране продолжала рости. Италии поэтому пришлось искать новых путей к покорению Албании. Конечно, самое простое было бы немедленно прибегнуть к вооруженной силе, но Муссолини мечтал заставить Ахмета покориться и остаться фиктивно главою государства, слушаясь во всем приказаний Рима. Другими словами, целью фашистского правительства не было - завоевать Албанию и изгнать ее правителя, как это было сделано в Абиссинии. Нет, непокорный воле Дуче, Зогу был настолько любим своим народом, что надо было его оставить на его посту, но превратить в "марионеточного" короля, а веревку, на которой он бы плясал, предоставить тянуть диктатору великой Италии...

План выполнения этой нелегкой задачи, по крайней мере по циркулировавшим в Албании слухам, созрел в хитрой женской головке дочери Дуче - Эды Чиано, супруги министра иностранных дел. Фашистские тайные агенты получили кредиты, чтобы подкупить акушеров, пользующих королеву Жеральдину, и узнать предполагаемую дату родов. На что были израсходованы эти кредиты - навсегда останется тайной итальянской разведки, так как вся Албания точно знала, в каком месяце можно было ожидать появления на свет наследника престола. Тонкий психологически-дипломатический план, инспирированный графиней Чиано, стратегическое ведение которого было поручено итальянскому Генеральному Штабу, состоял в следующем: итальянские вооруженные силы - авиация, флот, десантные части - должны были неожиданно обрушиться на маленькую Албанию и произвести "блитц", занявши страну в день родов королевы. Весь расчет базировался на любви Зогу к супруге: король Албании никогда не решился бы бросить ее в Тиране и бежать без королевы и новорожденного принца! А как тащиться с ними по трудно проезжим, тряским горным дорогам через несколько часов после родов?

Все было предусмотрено... кроме женской болтливости дочери итальянского диктатора. Действительно, как не похвастаться приятельницам, как она умна, что она, дочь Муссолини, придумала такой гениальный план? Видно, унаследовала гений отца, а не пошла в мать, донну Рахелю!..

В результате не было в Албании человека, который не знал бы, что итальянская высадка в Тиране должна была произойти в день родов Жеральдины. Таким образом, Зогу имел достаточно времени, чтобы принять "контр-меры", исполнение которых было поручено мне. Я должен был подготовить бегство всей королевской семьи в момент предстоящей итальянской высадки в Дураццо. Одновременно, албанская армия должна была хоть на несколько часов задержать продвижение фашистских вооруженных сил из Дураццо в столицу Албании, чтобы дать королевской семье и ее свите возможность отдалиться от Тираны на юг.

Все произошло, как было предвидено. В 5 часов утра 6-го апреля 1939 года пушечные салюты возвестили о рождении наследника пре-

стола, нареченного Искандером. Я поспешил в свою канцелярию во дворец для отдачи последних распоряжений. Итальянцы поспешно эвакуировались из Тираны (боялись "балканской резни"...). Над городом уже в полдень пролетели итальянские эскадрильи, перебили все загородные телефонные сообщения и бросили населению прокламации. Одновременно французское радио сообщило, что итальянский флот вошел в Дураццо и 40-тысячная армия высаживается на берег. Я знал, что наши слабые малочисленные войска (около полутора тысяч человек) по полученным заранее инструкциям задержат итальянский марш на Тирану... и не ошибся. Только к вечеру 6-го апреля итальянские танки и автомобили смогли взять курс на столицу... На следующее утро вся итальянская пресса известила фашистский народ о том, что "армия покрылась славой". Нужно еще к этому добавить, что, как я узнал позже, перед отходом, то есть накануне высадки, итальянцы забрали из наших единственных тяжелых приморских пушек - их было 20 штук - все ударники. Таким образом, командующий обороной порта Дураццо капитан Красенский даже не смог воспользоваться этой тяжелой артиллерией...

Итак - итальянские вооруженные силы победоносно прошли по автостраде Дураццо-Тирана - свадебному подарку Муссолини королю Зогу... Бойтесь данайцев, дары приносящих!...

Зато дар Фюрера был использован мною в интересах королевы Жеральдины. Я заблаговременно переделал его в автоамбуланс. В 5 часов вечера 6-го апреля, то есть 12 часов после родов, ее туда положили, заливши частично тело гипсом, чтобы охранить от тряски, неизбежной на примитивных горных дорогах. Около сотни других машин, легковых и грузовых, были мною также заготовлены заранее. В них поместилась вся королевская семья, свита, часть высших чиновников с семьями, прислуга... Огромный багаж, ценности, словом, все добро, которое можно было уложить в камионы, уже с раннего утра грузилось перед королевским дворцом...

Я попрощался с королем. Он трогательно благодарил меня за долголетнюю верную службу. "Если итальянцы предложат тебе службу у них, - добавил он, - не отказывайся. Я буду только рад, если на ответственных местах в Италии окажутся люди, преданные интересам Албании... а ход истории не нам менять, но последнее слово еще не сказано..."

Долго смотрел я вслед удалявшемуся в пыли дороги королевскому обозу. Потом вернулся к себе в канцелярию. К словам Зогу о том, что итальянцы могут предложить мне перейти на их службу, я отнесся довольно скептически. Ведь о том, что я виновник своевременного бегства короля и организатор некоторого сопротивления, оказанного при десанте в Дураццо, итальянский Штаб не мог не знать...

Я стал уничтожать бумаги, которые не должны были попасть в руки итальянцам. Кругом было тихо, только слышалась какая-то перестрелка со стороны тюрьмы. Полночь, час ночи... Наконец, получаю по радио долгожданное известие, что весь королевский обоз благополучно перебрался через греческую границу. Я вздохнул облегченно.

Вернулся к себе домой на руга Поста, снял мундир албанского майора. "Может быть, никогда больше не придется его надеть", - мелькнуло в голове. Лег спать в ожидании дальнейших событий...

/продолжение следует/ Л.Сукачев.

ОБРАЩЕНИЕ К КОРНИЛОВЦАМ.

Редакция призывает славных Корниловцев остановить свое внимание на инициаторе нижепомещенного обращения, имя которого было настолько выпукло и рельефно на фоне огневых битв за честь России еще задолго до 1-го Похода - в Петербурге в составе 45-й Пехотной дивизии и в составе полка от Ростова н/Дону до Галлиполи. Оно также дорого и в настоящие дни на чужбине, что и дает право редакции с полной убежденностью глубоко верить, что призыв его будет услышан с присущей Корниловцам сердечностью и что с открытым сердцем придут его бывшие соратники на помощь, тем более, что время неумолимо идет вперед, засыпая песком забвения славный путь героической борьбы их. Кто не помнит последнего на законном основании доблестного командира 2-го Крниловского Ударного полка, полковника Левитова Михаила Николаевича?! Он напоминает, что один из способов достойно нести Белый Стяг дела борьбы за Россию - это сохранить в грядущих поколениях память о славной службе Отечеству Корниловского Ударного полка.

Редакция.

Если, по словам ген.Головина, книга "Корниловский Ударный полк" является первым шагом для истории нашего полка, то я попытаюсь сделать второй шаг для той же цели, издав отдельной книгой имеющиеся у меня материалы, если для этого найдутся деньги. Всех тех, для кого изложенное является делом исполнения нами нашего долга перед Родиной и нашим полком, прошу облегчить мой труд присылкой любых описаний боев полка, отдельных эпизодов из его жизни и всего, что относится к жизни корниловцев, включая фото-карточки и снимки.

Если явится реальная возможность обсудить вопрос издания такой книги группой интересующихся этим делом лиц, то я всегда буду к их услугам. До сего времени все мои попытки привлечь к этому делу бывших соратников, хотя бы путем частной переписки - не увенчались успехом... К глубокому сожалению, наша разбросанность лишает меня возможности обменяться мнениями со старшими офицерами полка, а переписка исключается, так как она отнимает много времени и не может заменить личного контакта.

После приведения материала в порядок, следующий трудный вопрос будет - финансовый, при решении которого я не собираюсь прибегать к сбору пожертвований.

Рад буду, если все-таки мы исполним наш очередной долг перед Родиной, нашим Шефом полка генералом Корниловым и перед Корниловцами, павшими на поле брани.

Полковник Левитов.

От редакции.
В прошлом номере 34-м "Вестн.Первоп."в очерке Г.Головань "Прошлое обязывает" замечена ошибка на стран.26-й,строка 15-я "50 груженных ешелонов",а следует читать "5 груженных эшелонов"

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ВЕТЕРАНОВ 1-го КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА
извещает своих членов и всех участников Белого Движения,
что в связи с предстоящим праздником Корниловцев (всех частей) в день их Небесных Покровителей свв. мучч. Флора и Лавра (31 авг.н/с)
в Храме Покрова Св.Богородицы (150 С.Александрия авеню)
в воскресенье 30 августа после Литургии
будет отслужен МОЛЕБЕН с поминовением
корниловцев, павших на поле брани и мирно скончавшихся, а также и благополучно здравствующих в странах Русского Рассеяния.

- - oOo - -

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ.

988 г. - Крещение Руси.
1581 г. - Покорение Ермаком Сибири.
1696 г. - Взятие Азова.
1772 г. - Победа Суворова при Факшанах.
1904 г. - Лаоянский бой (60-летие)
1914 г. - Объявление Германией войны России.
1947 г. - 7-го августа - Смерть генерала Деникина.
18/31 августа - Свв. мучч. Флора и Лавра - ПРАЗДНИК КОРНИЛОВЦЕВ.

- - oOo - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $ 2.10. Желающие могут обратиться к Председателю Правления В.Г.Мяч по адресу:

V.Miatch, 1706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.

- - oOo - -

Читайте и распространяйте "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

Если два русских эмигранта встретились и вступили в разговор, то независимо от темы его - будь то полет сателлита на луну, выборы президента, расовые беспорядки или нераскрытое страшное убийство - независимо от интереса затронутой темы, примерно через четверть часа Иван Иванович обратится к Ивану Никифоровичу:

- А помните, это кажется было выставлено у Елисеева на Невском... - или:

- Да, я долго жил недалеко от дома кн.Щербатова на Новинском бульваре...

Польются воспоминания - и конца им нет...

"...минувшее проходит перед нами..."

Ваш собеседник давно ушел, и часы показывают далеко за полночь, а в каком-то отделении Вашего мозга еще скрипит снег от полозьев извозчичьих санок, звенят бубенцы тройки, разгуливает солидный городовой, трубят встречные пароходы на Волге и слышен мелодичный вечерний звон монастырских колоколов и многое, многое другое, что Вы видели и слышали в той старой, доброй России, которую мы так легкомысленно и трагично потеряли.

Если Вы хотели бы еще раз вспомнить былое, минувшее и прогуляться по необъятной нашей Родине, то...

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

- o -

В редакции имеется ограниченное количество номеров журнала "Вестник Первопоходника" - № 9, от № 12 до № 24 и № 27 - по цене 35 центов за экземпляр и № 26 - 50 центов. Ввиду многочисленных требований на недостающие первые 9 номеров журнала, редакция обращается с покорнейшей просьбой ко всем, кому они не нужны, по прочтении вернуть их редакции.

- o -

Ввиду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

- o -

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается с предложением ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

Подписная плата на 1 год (12 выпусков) - $ 4.00

Цена отдельного номера 40 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 35

ВЕСТНИК
ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий.

3-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
MONTHLY MAGAZINE
of Society of GENERAL KORNILOV'S VETERANS
of the FIRST KUBAN CAMPAIGN against the
Communists.
901 No. Kenmore Ave., Los Angeles 29, California
U.S.A.

№ 36 Сентябрь 1964 г.

ОТЧИЗНА.

...Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме, средь желтой нивы,
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

М.Ю.Лермонтов.

- - oOo - -

РОДИМОМУ КРАЮ.

Родимый край, врагом порабощенный!
Вернемся ль мы к тебе когда-нибудь?..
И скоро ль кончится твой крестный путь,
Весь кровью и слезами орошенный?..

Мы все стоим на грани суши с морем,
Далеко от тебя, моя страна!..
Измучена теперь ты горьким горем
И вся до тла врагом разорена.

Мужайся, Родина! Страданий чаша
Пусть будет выпита тобой до дна,
Но твердо верь: победа будет наша,
Победа для тебя, моя страна.

Скитаясь на чужбине безызвестной,
Мы о тебе лишь думаем всегда!..
Родимый край, далекий и прелестный,
Ты издали блестишь нам, как звезда.

Измученный, ты истекаешь кровью,
И степь родная взмокла вся от слез,
Но ты воскреснешь нашею любовью,
Как некогда воскрес Христос!

Н.В.Альникин.

- - оОо - -

М А Р Ш
белых партизан Сибири.

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами мы жить не могли
И, в руки взяв крест испытанья,
Из края родного ушли...

Мы долго боролись за счастье..
Была непосильна борьба.
И темные тучи ненастья
Дарила нам злая судьба...

Мы долго боролись, устали...
Сражаясь в кровавой пыли.
Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли!..

В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране.
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...

Мы - русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За правду, за Русь, за народ!...

- - оОо - -

ГЕНЕРАЛ РОМАНОВСКИЙ

Иван Павлович Романовский родился 16-го апреля 1879 г. в городе Луганске. Отец его был артиллерийский офицер, который, по окончании Михайловской Артиллерийской Академии, был назначен на Луганский Патронный Завод.

В 1887 г. И.П.Романовский поступает во Второй Московский Кадетский Корпус. Его однокашник ген.Нечволодов вспоминает, что он был одаренный мальчик, не по летам серьезный, несколько застенчивый и замкнутый. Обладая большими способностями, он резко выделялся из общей кадетской среды,и уже с младших классов его выдвигают на положение старшего кадета в классе, роте. Курс кадетского корпуса он оканчивает фельдфебелем.

Принятая в военно-учебных заведениях система выдвигать из общей массы кадет некоторых, отличившихся в науках и поведении мальчиков - создавала особый тип серьезных молодых людей с особым характером, часто отчужденных от окружающей их среды, довольно замкнутых, строго соблюдавших правила учебного заведения. Все это накладывало особый отпечаток на их внешний облик и на манеру себя держать. Эти черты многие из них сохранили на всю свою жизнь, оставаясь с психологией первых учеников.

Несомненно, что И.П.Романовский принадлежал к категории таких лиц, что впоследствии давало повод к ошибочным суждениям о нем - не по его внутреннему содержанию, а по внешнему облику, всегда серьезному, сосредоточенному, с редкой улыбкой на лице.

В 1894 г. И.П.Романовский, блестяще окончив корпус, поступает сначала в Михайловское Артиллерийское Училище. Но строгому Ивану Павловичу не нравится царящий в эту эпоху несколько либеральный дух этого училища, и он подает рапорт о переводе его в Константиновское Училище, окончив которое, он в 1897 г. выходит подпоручиком во 2-ую Лейб-Гвардии Артиллерийскую бригаду.

В 1900 г. он поступает в Академию Генерального Штаба, по окончании которой в 1903 году командируется для цензового командования ротой в Л.-Гв. Финляндский полк.

В 1904 г. вспыхнула Японская война. Ивану Павловичу остается еще год, чтобы закончить свой строевой ценз, но, побуждаемый чувствами воина и патриота, он подает рапорт о назначении его в действующую армию. Просьба его уважена с зачетом оставшегося года, и И.П.Романовский получает назначение старшим адъютантом в Штаб 9-й Восточно-Сибирской Стрелковой бригады.

По окончании Японской войны, в 1906 году он переводится в Штаб Туркестанского военного округа, где и остается до 1909 года.

В эту эпоху составление нового мобилизационного плана требовало выдающихся работников, и выбор падает на Ивана Павловича. Он получает ответственную должность делопроизводителя мобилизационного отдела Главного Управления Генерального Штаба. Затем следует более видное его назначение помощником Дежурного Генерала при Главном Штабе, ведающим всеми назначениями офицерского состава Русской Армии. Выбор на эту должность обуславливался, несомненно, его высокими нравственными и служебными качествами, которые могли гарантировать корпусу русских офицеров полную беспристрастность и справедливость к представляемым кандидатам.

С открытием военных действий в 1914 г. И.П.Романовский сейчас же подает рапорт об отправке его в действующую армию, где он получает назначение Начальником Штаба 9-й пех.дивизии и вскоре вступает в командование 206-м Сальянским пехотным полком.

Здесь он скоро завоевывает себе любовь полка, а своей храбростью и ранением в передовых цепях полка оправдывает высокие качества строевого начальника. Получив все ордена за боевые отличия включительно до Георгиевского оружия, И.П.Романовский в исключительном порядке, на 18-м году офицерской службы, уже производится в генеральский чин с назначением Генералом особых поручений при Штабе 10-й армии, откуда в 1917 году назначается Начальником штаба 8-й армии, которой в то время командовал ген.Корнилов.

После этого он вскоре вызывается в Ставку Верховного Главнокомандующего на должность Генерала Квартирмейстера.

Здесь его застает Корниловское выступление, и он вместе с ген. Корниловым делается узником Быховской тюрьмы.

Затем - бегство на Дон, где он назначается Начальником Штаба Добровольческой и Вооруженных сил Юга России Армии. На этой должности он остается во все время гражданской войны до своего отъезда из Крыма.

- о -

Из всех деятелей Добровольческой Армии никто не получил такой несправедливой оценки, как ген.Романовский. Его внутренний облик даже своими белыми был истолкован неправильно, и память этого кристально-чистого русского патриота, типичного представителя старого русского офицерства, до сих пор не чтится с должным уважением. Между тем несомненно, что в истории белого движения ген.Романовский должен занять подобающее ему место в ряду таких генералов, как Алексеев, Корнилов, Деникин и Марков.

Будучи очень скромным по натуре, чуждым всякой рекламы, он всегда держал себя в тени того большого дела, которое он делал. И пока шли удачи, его не замечали, но когда нам счастье изменяло,его делали виновником. История знает немало примеров таких парадоксальных суждений, когда толпа приписывает неудачу воле одного лица, не разбираясь в сложности всех явлений, обусловливабщих эти неудачи.

В трагические дни отступления Вооруженных сил Юга России, в атмосфере общего недоверия, кто-то бросил в толпу имя ген.Романовского, и он стал жертвой ее настроений. В особых условиях гражданской войны наше рядовое офицерство не имело возможности разбираться во всех сложных явлениях политической и боевой обстановки, не учитывало оно также непреодолимых трудностей, стоявших перед главным командованием. Поэтому многие белые офицеры на веру приняли ту гнусную клевету, которая была умышленно пущена в самую гущу офицерского состава Добровольческой Армии.

Как теперь, так и тогда никто реального обвинения ему предъявить не мог, но систематическая травля с одной стороны, впечатлительность и подозрительность - с другой сделали свое злое дело. В атмосфере различных сплетен и интриг создавались ложные слухи,подтасовывались факты и рождались обвинения абсолютно бездоказательные, часто абсурдные, но которые, как и всякую ползущую анонимную клевету, невозможно было опровергнуть.

Особой остроты эта травля достигла после того, как некоторыми крупными войсковыми начальниками была начата кампания против главного командования. Часть офицерства, потерявшая нравственное равновесие и зараженная методами пережитой ими революции, своеобразно поняла эту кампанию и пришла к нелепому решению удалить ген.Романовского, не останавливаясь даже перед возможностью его убийства.

По роду моей службы мне пришлось столкнуться с некоторыми фактами, убедившими меня в существовании особой офицерской организации, подготовлявшей это покушение. Это было в период нашего последнего отступления, когда Ставка Главнокомандующего все время находилась в поезде.

Приняв необходимые меры охраны, я счел своим долгом доложить об этом ген.Романовскому. Но, чтобы не действовать на его моральное состояние, я не назвал его имени, а сказал, что покушение направлено против Штаба Главнокомандующего. Доложив затем о принятых мерах, я просил, чтобы лица Главного Командования со своей стороны соблюдали осторожность. Ген.Романовский спокойно выслушал доклад, и из последующих его реплик я понял, что он хорошо знает, кому эта опасность угрожает. Все это время мы беспокоились за его судьбу, так как мне самому пришлось убедиться, что усиленная охрана действовала, но осторожность ген.Романовским не соблюдалась.

Нельзя отрицать, что в глазах людей, мало его знавших, его всегда холодное и сосредоточенное лицо, краткость и определенность его ответов - создавали ему ложную репутацию надменного и недоступного человека. Но многие ли знали те особые условия огромной работы в Добровольческой Армии, где начальнику штаба приходилось разрешать массу всевозможных вопросов как по военной, так и по гражданской части.

По свидетельству его семьи, он мог уделять для сна не больше 4-5 часов в сутки. Такая перегрузка работой, в связи с крайним нервным напряжением, вынуждала его строго рассчитывать свое время. Между тем, его приемная всегда была битком набита, и ему поневоле приходилось быть кратким, а иногда и не иметь возможности всех принять и всех выслушать. Такие лица уходили от него с предвзятой мыслью, что он сухой формалист, не подозревая, что под этой холодной внешностью было горячее доброе сердце. Пишущий эти строки был некоторое время в непосредственном подчинении у ген.Романовского, и часто мой официальный доклад переходил в дружескую беседу, где открывалась чистая душа генерала, несмотря на разницу занимаемых нами положений. Известны мне его непрестанные заботы о раненых и о семьях погибших офицеров и солдат.

Помню его еще молодым подполковником, читавшим лекции по тактике в Павловском Военном Училище, где он пользовался всеобщим уважением как офицерского состава, так и юнкеров. Вообще все те, кто имел возможность близко его знать и работать с ним, даже в короткое время открывали всю красоту его души и сердца.

История еще скажет свою правду, и имя ген.Романовского займет достойное место в ряду создателей Добровольческой Армии. Придет время, когда многие поймут ту фатальную ошибку, которая привела к трагической гибели одного из лучших офицеров, павшего от руки человека, заблудившегося в сложном хаосе интриг и клеветы, которыми оплели это чистое имя.

Мы до сих пор не знаем всех обстоятельств этого гнусного и бессмысленного преступления, совершенного, когда ген.Романовский был уже не у дел и вне пределов России. Имя убийцы точно не выяснено, так как следствие, начатое ген.Агапьевым (военный агент в Константинополе), не было закончено: английские власти почему-то воздержались от расследования, хотя преступление было совершено в зоне их оккупации.

Пользуясь воспоминаниями ген.Деникина, ген.Махрова и дочери ген.Корнилова - Натальи Лавровны Шапрон дю Ларре, можно представить себе следующую картину этого убийства.

5-го апреля 1920 года около 4 часов на Константинопольский рейд пришел из Крыма английский миноносец, на котором находились генералы Деникин и Романовский, которых сопровождал начальник английской миссии при Штабе нашего Главнокомандующего - ген.Хольман. На пристани в ожидании находились наш военный агент ген.Агапьев и английский офицер оккупационного штаба ген.Мильи. Когда генералы сошли с миноносца, то английский офицер подошел к ген.Хольману и стал с тревожным видом что-то ему докладывать. Выслушав доклад, ген.Хольман подошел к ген.Деникину и сказал ему: "Ваше Превосходительство, поедем прямо на английский корабль"... Ген.Деникин тогда обратился к ген.Агапьеву с вопросом, не стеснит ли их пребывание (его и ген.Романовского) в посольстве - в смысле политическом или в смысле помещения. На это ген.Агапьев отвечал: "Нисколько"...

Поблагодарив ген.Хольмана за предложение, генералы сели в автомобиль и поехали в посольский дом, где их уже ожидали семья ген. Деникина и дочь ген.Корнилова.

Далее самую сцену убийства ген.Махров описывает так:

Когда автомобиль подкатил к подъезду посольства, там собралась толпа любопытных, состоявшая из русских офицеров, штатских, дам и детей. Шофер выгрузил багаж и уехал. В это время к ген.Деникину подошел дипломатический представитель и несколько смущенно заявил, что пребывание генералов в посольстве нежелательно; генерал взглянул на тут же стоявшего военного агента, последний только растерянно пожал плечами.

Генерал Деникин что-то сказал ген.Романовскому, и оба медленно направились ко входу в посольство. Затем ген.Деникин остановился, а ген.Романовский вошел в помещение. В этот момент из группы любопытных, стоявших у входа, отделился высокий, худой офицер и последовал за ген.Романовским в помещение, откуда вскоре раздались два выстрела. Несколько секунд толпа стояла, как окаменелая. Генерал Деникин побледнел и быстро вошел в посольство, за ним хлынула толпа; у дверей биллиардной комнаты перед ними лежал в луже крови мертвый ген.Романовский.

Несколько иначе представляет сцену убийства ген.Деникин. Судя по его описаниям, ген.Романовский был убит после того, как он вместе с ген.Деникиным уже были в помещении посольства. (Это подтверждает и Наталья Лавровна - дочь ген.Корнилова). Ген.Деникин пишет, что его попросил видеть дипломатический представитель русского посольства; он вышел в коридор, где ему этот представитель заявил, что по тесноте он не может предоставить помещения в посольстве. Генерал Деникин резко его оборвал, сказав: "Нам не нужно ваше гостеприимство!". Затем, вернувшись в комнату, он хотел переговорить с

Иваном Павловичем о том, чтобы сейчас же оставить этот негостеприимный кров. Но ген.Романовского в комнате он уже не застал, так как адъютант еще не приехал и ген.Романовский прошел через анфиладу посольских зал, чтобы принести какие-то бумаги. Но вдруг в комнату, где находился ген.Деникин, растворяется дверь и в ней появляется бледный, как смерть, полковник Энгельгардт:

– Ваше Превосходительство, ген.Романовский убит!

Этот момент ген.Деникин описывает словами: "Этот удар доконал меня. Сознание помутилось и силы оставили меня в первый раз в жизни".

В общем, все обстоятельства создают какую-то странную, загадочную обстановку этого возмутительного преступления и позволяют думать, что откуда-то были даны соответствующие указания, чтобы это дело ликвидировать: ни законченного дознания, ни поисков убийцы, ни даже простого опроса лиц, находившихся в посольском доме, не было...

Бывший Начальник Штаба Добровольческой Армии и Вооруженных Сил Юга России, один из видных создателей Белого Движения, нашел себе приют на кладбище чуждого ему города Константинополя...

Молчит тот, кто его убил, молчат и пославшие его. И в этом молчании вся драма, вся бессмысленность и весь позор их преступления.

Генерального Штаба Полковник
А.Колчинский.

– – оОо – –

х
х х

И целый мир – как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!...
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!...

. . . .
И этот клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Все поднялось, и все грозит Тебе.

О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Ф.И.Тютчев
(+ в 1873 г.)

– – оОо – –

К А П П Е Л Е В Ц Ы

(Продолжение, см. №№ 28-35)

Особенно униженно просил один командир формировавшегося кавалерийского полка, полковник О., после чего Каппель отказался его принимать. У этого командира был не только один штаб, как у многих омских "формирователей", но и полк, который был настолько недоформирован, что не мог выступить из района Омска. Но, чтобы застраховать себя вообще от выступлений на фронт, полковник О. умолял Каппеля рекомендовать Верховному Правителю взять этот полк в личный конвой.

Формирование Третьего Волжского корпуса.

Согласно указаний ставки, Волжская группа была сосредоточена в окрестностях города Кургана. Каппель весь ушел в дело формирования.

Казалось бы, что власть и все ее представители должны были всеми мерами пойти навстречу, помочь, усилить, укрепить этот корпус, за спиной которого они же сами могли еще долго благоденствовать. На самом же деле было совсем не так. Омские "калифы на час", где было возможно, ставили всякие препятствия формирующемуся корпусу: задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конский состав и прочее.

Каппелю самому пришлось объявить среди занимаемого района конскую мобилизацию и провести ее в жизнь. Волжане, как муравьи, частным образом из всех городов Сибири тянули в корпус добротные обозные повозки, пулеметы и пулеметные двуколки, телефонные аппараты, кухни и другое военное добро, необходимое для формирования своего корпуса.

Вид у пришедших на формирование волжан был самый разношерстный. Они были одеты часто в лохмотья, обуты в дырявые валенки; вместо военной папахи на голове была, в лучшем случае, татарская тюбетейка. Они не умели, как должно, отдавать честь, потому что еще не было времени их этому научить. Зато они были закалены в гражданской войне, храбро сражались с красными, верили своим начальникам так же, как и начальники верили им.

Постепенно удавалось кое-что доставать, бойцы стали приобретать воинский вид. Но все это давалось не сразу.

Начальство местного гарнизона с явным пренебрежением относилось к пришедшим и было однажды страшно возмущено следующим случаем. Двое татар, добровольцев из-под Бугульмы, стояли у ворот своей квартиры. По улице мимо них шли офицеры гарнизона. Добровольцы или не видели их, или не обратили должного внимания. Офицеры подошли к ним и резко сделали замечание за неотдание чести. Татары, не поняв, чего от них хотят, на ломаном русско-татарском языке ответили:

- Лучше проваливай своей дорогой, наша вашу не знает! Наша знает поручика Б. и генерала Каппель, больше наша ничего не знает...

Эти добровольцы были арестованы и отправлены в комендантское управление, откуда было сообщено об этом в штаб Волжского корпуса.

Каппель приказал мне произвести дознание. Я объяснил начальнику гарнизона, что не все добровольцы еще обучены отданию честп, и

так далее. Их отпустили, и я видел, как один из них горько плакал, говоря, что он - доброволец, два раза ранен под Бугульмой, защищая Россию, а теперь, как преступник, был арестован...

Рапорт о наименовании батареи "Каппелевской".

Среди офицеров батареи, которой я командовал, было решено присвоить ей название: "Каппелевская Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея". Об этом я написал рапорт командующему 3-м Волжским корпусом генералу Каппелю.

Каппель вызвал меня в штаб и, отдавая обратно мой рапорт, сказал:

- Возьми и уничтожь! Я - не член императорской фамилии, чтобы моим именем при жизни назывались воинские части, и не из атаманов, которые при жизни называют своими именами полки и тем играют в руку нашим врагам.

Об этом я сообщил батарее. Мои люди грустно выслушали это сообщение, но все же сочли, что Каппель поступил правильно.

Потом, после смерти генерала, вся армия называлась "каппелевцами", и был бронепоезд "Каппелевец", сражавшийся с красными в Приморье и под Волочаевкой.

Формирование 3-го Волжского корпуса лихорадочно продолжалось.

Прошло полтора месяца, а обещанное пополнение не приходило. Бойцов упорно не присылали. Наконец, ставка предложила Каппелю пленных красноармейцев, взятых под Екатеринбургом и выразивших желание служить в рядах белых. Каппелю, за неимением других, пришлось взять этих бывших красноармейцев, с надеждой научить их бить большевиков.

Я получил 60 таких красноармейцев в пополнение батареи. Первоначальная неловкость с ними скоро исчезла. Большинство из них оказались отличными солдатами. И они лучше ухаживали за конями, так как были к этому привычны. В боевом отношении, конечно, добровольцы были значительно выше и надежнее, и влитые в них красноармейцы нисколько не нарушали боевой работы и незаметно растворились среди кадровых добровольцев.

В пехоте была другая картина. Это пополнение из бывших красноармейцев поглотило кадры; понадобилось 6-7 месяцев, чтобы привить им наш боевой дух и дисциплину.

В феврале и марте 1919 года 1-ая Отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея, которой я командовал, стояла в центре формирования 3-го Волжского корпуса в городе Кургане. Решено было сделать большой батарейный обед, на который был приглашен только командующий корпусом генерал Каппель.

За обедом была самая дружеская атмосфера, ибо Каппель хорошо знал многих чинов батареи еще по Волге, начиная с Сызрани. Поэтому многое из боевого прошлого тепло вспоминалось, и велись беседы о будущем, говорилось много задушевных тостов.

И вот звон ножа о стакан или тарелку призвал всех к молчанию. Поднялся всегда стеснявшийся, скромный и немного неуклюжий прапорщик Т. и громким голосом начал так:

- А теперь я прошу поднять бокалы за здоровье того, кто дал каждому из нас возможность смело смотреть в глаза всему миру, за того, кто дал нам гордое право сказать: я - каппелевец!

Его слова были покрыты таким из души вырвавшимся мощным "ура", что трудно описать словами. И после этого беседа продолжалась еще теплее, еще задушевнее, потому что здесь была своя сплоченная и понимающая один другого семья.

А потом, когда утро уже начинало входить в свои права и начало рассветать, Каппель, прощаясь, тепло благодарил за прием и сказал:

- В эту ночь мы пережили много незабвенных дружеских часов, но эту ночь мы украли у нашей родины России, перед которой у нас есть еще один долг: напрячь и удвоить нашу энергию для ее освобождения...

Громкое "ура" не дало ему закончить фразу.

Этот скромный обед еще больше спаял начальника с его подчиненными, которые с энтузиазмом готовились для продолжения борьбы с чудовищем - Третьим Интернационалом.

Успех уральских и сибирских частей.

Ранней весной 1919 года молодая Уральская и Сибирская армия начала наступление, успешно продвигаясь вперед и тесня красных. Очищены были от них Уфа, Белебей, Бугульма и несколько железнодорожных станций. Белые уже приближались к Самаре и были в районе станции Кинель. Их фронт растянулся до неимоверных размеров. А резервы были все израсходованы. Свежих пополнений тыл не присылал, так как их не было. На что рассчитывала Ставка? Какой план она имела, отдав приказ наступать, не имея готовых резервов? Естественно, наступающие измотанные части, не получив подкреплений, остановились.

К этому нужно добавить, что началось быстрое таяние снегов, начался буйный разлив рек и речушек, превративший их в целые моря. И к тому же бойцы были обуты в валенки, не имея другой обуви. Легко себе представить положение белых бойцов!.. В общем, произошла заминка.

К тому же, Ленин и Троцкий выбросили лозунг по всей стране: "Все на Колчака!", подвозя на Восточный фронт новые и новые красноармейские части.

Южнее Самаро-Златоустовской железной дороги им удалось создать ударный кулак из нескольких дивизий, и они бросили его на стянувшийся у Самары фронт белых. Сдержать этот нажим было нечем. Началось неизбежное отступление.

Волжский корпус спешно вызывается на фронт.

Только что начавший развертываться Волжский корпус, две недели назад получивший, вместо нужного пополнения, красноармейцев, с которыми начальники не успели как следует ознакомиться, получил из Ставки приказ немедленно выступить на фронт в том виде, как он есть.

Командование Западной армии, видимо - по халатности, назначило местом сосредоточения корпуса район Белебея, который был уже занят красными. И, как будто по чьей-то злой воле, Волжскому корпусу пришлось выгружаться по-эшелонно в непосредственной близости к противнику, очень часто под сильным ружейным и пулеметным огнем, входя сразу в бой.

Не обученные и не профильтрованные части, состоявшие почти сплошь из бывших красноармейцев, целиком переходили к красным, уво-

дя с собой офицеров. Свои же надежные каппелевские части, если не уничтожались, то несли громадные потери и отходили вместе с уральцами и сибиряками.

И таким образом Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какая могла бы быть, если бы все было проведено планомерно.

Западнее реки Белой было сосредоточено большое число сибирских казаков под командой генерала Волкова, но эта группа не оказала должного давления на красных.

Бои на реке Белой.

После больших усилий Каппель собрал измотанные и полу-уничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой, куда красные подтянули свежие резервы, почти ежедневно производя яростные атаки. Высшее командование приказало Волжскому корпусу продержаться на рубеже реки Белой еще несколько дней. Волжане, измотанные беспрерывными ежедневными атаками со стороны красных, еле держались на ногах и совершенно не спали по несколько суток. На успех трудно было рассчитывать.

Каппель приказал Уржумскому полку подтянуться из резерва к месту прорыва и атаковать красных с севера, а мне приказал прибыть с батареей к этому же месту прорыва, объединить артиллерию (три батареи, кроме моей) и содействовать наступающим частям в центре.

Прибыв немного раньше назначенного для атаки времени, я выбрал наблюдательный пункт близко к центру нашей наступавшей пехоты и связался телефоном с батареями, которым приказал в назначенный для атаки час открыть интенсивный огонь по району деревни, где скопились только что переправившиеся через реку Белую красные.

До этого деревня, занятая красными, переходила из рук в руки четыре раза. Наша пехота в непрерывных атаках была измучена до последней степени и понесла большие потери. И мне было ясно, что такими частями, как наша пехота, нельзя было атаковать врага и что из нашей затеи ничего не выйдет...

Трещали пулеметы с той и другой стороны. Настойчиво била артиллерия. Красные продолжали расширять занятый ими участок на нашей стороне реки. Их пули из ружей и пулеметов жужжали, как пчелы.

За пять или десять минут до назначенного срока атаки на взмыленном коне прискакал, с одним только вестовым, сам Каппель и остановился у небольшой рощицы, почти в линии нашей пехоты. Весть о появлении Каппеля прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживились. Оставив коня за рощицей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы; все наперебой весело ему отвечали. За небольшим пригорком собралась кучка бойцов; он объяснил, как будем наступать:

- А с севера и с нашего правого фланга ударят уржумцы!

Правда, это - все, что было у Каппеля в резерве, да и от Уржумского полка после непрерывных боев осталось всего 80 бойцов.

При начавшемся среди каппелевцев оживлении красные заметно усилили огонь. А когда наступил срок атаки, Каппель крикнул:

- С Богом!

Наша пехота вся, как один, выскочила из своих укрытий и бросилась бегом на красных. Каппель ушел вдоль нашей линии. Скоро оттуда прибежал батарейный наблюдатель Беляев и со слезами на глазах доложил мне:

- Господин полковник, возьмите, пожалуйста, генерала куда-нибудь в укрытие - убьют его там!

Отдав распоряжение батареям прибавить прицел, так как наши передовые части подходили к деревне, я побежал к Каппелю и предложил ему присесть в небольшом окопе моих боковых наблюдателей.

Огонь противника начал стихать. Наша пехота входила в деревню. Наши батареи перенесли огонь за деревню по переправам. Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там впервые после Ново-Девичьего увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...

Переправившихся красных наши бойцы опрокинули в реку, так что большинство из них не попало на переправу.

Более 200 красных было взято в плен. Было захвачено 27 брошенных красными пулеметов, много винтовок, патронных двуколок и пулеметных лент.

Каппель тут же собрал начальников отдельных частей, поблагодарил их и просил благодарить бойцов за доблестную атаку. Рассказал задачу на будущее, сел на коня и уехал в штаб.

Невольно возникал вопрос: какой силой, как гипнозом, действовал Каппель на солдат? Ведь на таком большом участке прибывшие резервы, остатки Уржумского полка, нормально не могли ничего сделать. Части же, стоявшие на этом участке, имели в продолжение четырех дней беспрерывный бой, и в течение этого времени были почти без сна.

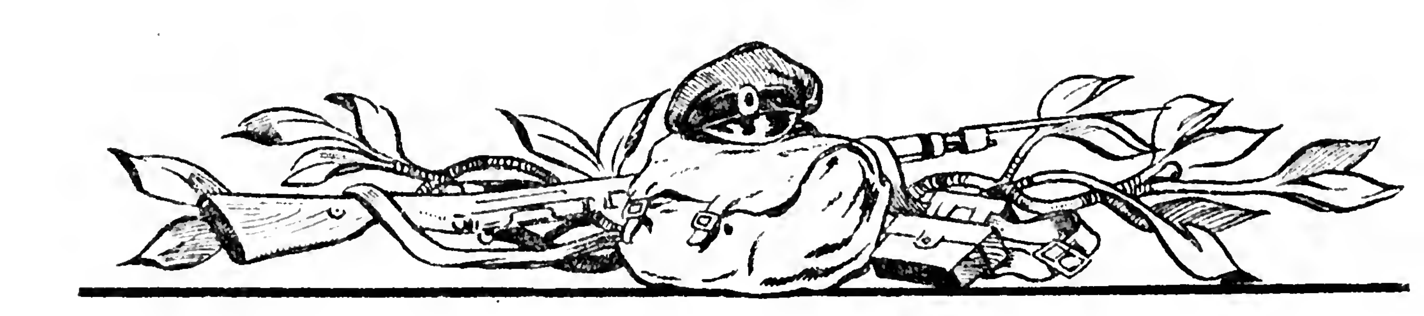
Потом, после боя, я много разговаривал с офицерами и солдатами на эту тему. Из их ответов можно было заключить, что огромное большинство их слепо верило, что в тяжелую для них минуту Каппель явится сам, а если так, то должна быть и победа.

- С Каппелем умирать не страшно! - говорили они.

В.Вырыпаев

(Продолжение следует)

- - oOo - -

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава четвертая (продолжение)

Время летело: подходил конец лета. Скучать не приходилось: палата была, что проходной двор. Но настроение мое было угнетенным. Исчезла уверенность в том, что кость срастется и что, наконец, удастся покинуть опротивевшую обстановку госпиталя.

Поползли и темные слухи о том, что офицерство в Ростове не в меру предается кутежам в то время, как на фронте не все обстоит благополучно.

Наконец, кончились мои очередные семь недель, и гипс был снят. Кость не срослась и на этот раз. Полная растерянность со стороны врачей - не знают, что делать; тупик отчаяния с моей стороны! Как сонная муха, бродил я на костылях по палате. Не раз слышал сочувствие своему положению и не находил себе места. Несколько раз садился играть в "железку", о которой до тех пор и представления не имел.

Рядом со мной помещался некий капитан З., настолько оправившийся, что ему были разрешены выходы в город. Его постоянным компаньоном и сопутчиком бывал легко раненый прапорщик Л.-Гв. Финляндского полка, веселый и жизнерадостный. Однажды предложили они мне разделить с ними поход на Ростов:

- Пойдем, пойдем! Что ты все сидишь и киснешь?

- Да ведь меня из госпиталя не выпустят; да и одеться не во что: все в госпитальном цейхгаузе, - возражаю я.

Уговорили они меня, и форму мою, кому-то что-то сунувши, выкрали. Оделся я, взял свои костыли и - на извозчика!

В Палас-отеле - благотворительный вечер. Выступают Пионтковская, Сабинин и еще кто-то. Приехали мы и вошли. Большая чудесная зала, нарядная публика, много английских офицеров. Получили мы столик; сели и заказали бутылку вина. Вся обстановка вечера была для меня так непривычна, так неожиданна! А как чудесно пели! Запомнился мне и рассказчик - тучный дядя, смешивший своими историйками до слез. Помнится и бойкая американская лотерея...

После концерта мне не дали отправиться в госпиталь - мои веселые компаньоны затащили меня на Садовую, в один из "Кавказских погребков": - Посидеть!

Выпили мои приятели там изрядно, я же пил мало, но окончательно опьянел. Крайне смутное представление осталось у меня относительно нашего дальнейшего времяпрепровождения. Вернулся я в госпиталь уже перед рассветом и в одиночестве. Костыли не слушались. Санитар раздел и уложил в постель.

День спустя место перелома начало припухать, а еще через день пришлось обратиться к врачу: началось внутреннее воспаление. Доктор никак не мог понять, отчего оно могло произойти. Опять я попал на операционный стол. Сделали мне чистку кости и положили ногу до колена в лубок. Через несколько дней я снова мог бродить по палате.

Как-то раз нас предупредили, что к нам придет священник служить молебен. Велика была моя радость, когда я увидел входящего в

палату о.Михаила Ерхана в сопровождении лучшего солиста его хора, диакона Гончаренко. Встреча была столь же неожиданной, как и горячей. Рассказали, что они вместе перебрались из Новочеркасска в Ростов...

Глава пятая.

ЭВАКУАЦИЯ - САЛОНИКИ - ЕГИПЕТ.

Тревожные вести с фронта начинали принимать все более определенный характер. Заговорили об эвакуации. Вскоре затем объявили:

- Госпиталь эвакуируется!

Холодным декабрьским утром пришло в движение все, что могло шевелиться. Санитары и легко раненые добывали подводы, клали на них матрацы и грузили тяжело раненых. К какой-нибудь подводе пристраивались и мы - костыльники. Ехать пришлось до Батайска, где мы погрузились в товарные вагоны, снабженные нарами и печками. Собственно говоря, эвакуировались мы своими средствами - конечно, с помощью персонала. Подвод не хватало, и многим из них пришлось делать по два рейса. Разместились мы на двухъярусных нарах и затопили печки. Более или менее тепло было лишь в то время, пока печки горели, но как только они гасли, уходило и тепло. Топлива было немного. Пищу нам доставляли; делали и необходимые перевязки. Ехали мы очень медленно и подолгу стояли на станциях. Этими остановками мы пользовались для розыска дров: бывало, находили, бывало - и нет. Тогда жгли ящики, солому, бумагу и решительно все, что попадалось под руку и могло гореть. Несмотря на костыли, и мне приходилось принимать участие в розысках и доставке горючего. В Екатеринодаре простояли мы особенно долго и пожгли все, что можно было достать поблизости. Отправились мы как-то в обычные поиски за дровами среди многочисленных железнодорожных составов. Ничего! Перебираясь через площадку вагона 2-го класса, наткнулись на довольно большой ящик, набитый, как нам показалось, всяким бумажным хламом. Притащили мы свою добычу к себе в вагон и сразу пустили в дело. Все бумаги оказались исписанными по английски, и мы начали спешить с ликвидацией. На самом дне нашли коробку сигар, которых до сих пор никто из нас не курил; сунули кому-то под матрац. Часа через два ни от ящика, ни от его содержимого не осталось и следа: все было переработано на дым. Немного спустя кто-то постучал в нашу теплушку. Отодвинули дверь. Некто интересуется: не взяли ли мы по ошибке ящик с бумагами английской миссии, а если да - надо вернуть. Возвращать было уже нечего, да и стоили ли все эти английские бумагт жизни одного прикованного к нарам, замерзавшего тяжело раненого?

Наконец, доехали мы до Новороссийска и снова поместились в госпитале, где старшей сестрой была жена члена Государственной Думы В.М.Пуришкевича. Сам он тоже был здесь, возле своего сына, болевшего сыпным тифом. Имя главного врача, человека с большой, известной в политической среде фамилией, покинуло мою память. Работал в госпитале в качестве хирурга очень известный профессор, если не ошибаюсь, Сапежко. Попали мы в этот госпиталь уже после Рождества. Здесь, под Новый Год, мне впервые пришлось слышать гром в это неположенное для него время.

В госпитале всем нам сделали осмотр на предмет дальнейшего

распределения. Помню, что кто-то в палате надумал закурить сигару из найденной в Екатеринодаре, в ящике английской миссии, коробки: дыму напустил хуже, чем от самого скверного вонючего табака, удовольствия никто не получил. Не знаю, жена ли направила его на сигарный запах, или сам В.М.Пуришкевич, бродя по госпиталю, заглянул в нашу палату.

- Господа, я слышу запах хорошей сигары. Уже много времени я не могу достать ни одной, а курить так хочется. Если у вас есть, одолжите мне, а я компенсирую вас табаком или папиросами.

Выгодная нам сделка тотчас же состоялась. Много хохотали, рассказав ему историю с "самоотоплением".

Задержались мы в этом госпитале около двух недель. В день Св. Иоанна Крестителя, рано утром 7-го января, погрузили нас на английское госпитальное судно "Панаму" и повезли. Куда - мы не знали;знали только, что покидаем Россию!

"Панама" была настоящим, хорошо оборудованным плавучим госпиталем. Пароход был довольно большой. Нас разместили на покрытых чистым бельем двухъярусных койках в большой палате. Доступ на палубу для прогулок был свободным. Персонал был смешанным, и многих среди составлявших его я уже знал за время моих путешествий по госпиталям.

Грустно мне было вспомнить, что именно в этот день, 7-го января, не менее одиннадцати раз покидал я отчий дом, возвращаясь в Новочеркасск после Рождественских каникул...

Вскоре узнали, что направляемся мы в Константинополь. Во время переезда приходилось и мне, прыгая на одной ноге по ступенькам, взбираться на палубу. Вид энергично и подолгу маршировавших там англичанок забавлял нас, но сами мы не были большими любителями таких прогулок, да и не все могли подняться по ступеням лестницы. Предпочитали мы больше собраться где-либо в затише и о чем-нибудь посудачить. Частенько пели. Раз или два один лихой терец, забыв свои болячки, пускался в лезгинку. Не думал больше о своей ноге и я: не болит - ну, и слава Богу!

Шторма во время переезда не было, но тем не менее многие из "ходячих" страдали морской болезнью и все время проводили в кровати. Доехали до Константинополя благополучно. В Босфоре кто-то давал объяснения относительно известных вилл, местонахождения русского подворья и т.д. Красива была общая картина; красив был и сам Константинополь - красотою контрастов.

Не долго оставались мы на Константинопольском рейде и пошли дальше - в Эгейское море, Дарданеллы, Мраморное море. Вдали виднелись берега Греции. Здесь нам объявили, что мы идем на Мальту - эту английскую твердыню на Средиземном море и стоянку их военного флота. Почему-то припомнились друзья детства - таинственные рыцари Мальтийского ордена.

Издали Мальта ничем не привлекала взгляда. Ее главный и, кажется, единственный город - Валетта - при приближении к нему казался опрятным и благоустроенным - смотреть на него было приятно. Мы мысленно бродили уже по его окраине, куда подошел наш пароход. Вправо, на пригорке, недалеко от берега тянулись длинные белые бараки, а слегка в стороне от них - такие же, но только черные. Мы почему-то решили, что в них нас и разместят.

Пока что стояли мы на рейде по соседству с огромным дредноутом. Прямо от берега, словно высеченное из камня, убегало в глубину острова аккуратное шоссе, а влево, судя по окраине, начинался красивый город. Два-три корабля, казавшиеся совсем маленькими по сравнению с огромным дредноутом, стояли немного поодаль.

К нам подошли лодки с фруктами, и несколько торговцев поднялись на палубу с корзинами великолепных апельсинов. Торговля, однако, шла слабая: покупать большинству было абсолютно не на что. Долго и с нетерпением ожидали мы, когда нас наконец подтянут к пристани и начнут разгружать. Но прошла ночь, а мы все еще болтались на рейде. Прошел день. Вечером кого-то сгружали и увозили на берег на катере. Простояли мы на рейде еще одну ночь.Утром стало известно, что на Мальте оставят в карантине только тифозных, а остальных повезут в Салоники, неподалеку от которых мы проходили 3-4 дня тому назад. На этот раз на обратной дороге, в Мраморном море, нас изрядно тряхнуло.

На Салониках нас тотчас же сгрузили и на автомобилях доставили в лагерь. Тяжело раненых английские офицеры разносили на носилках по баракам. Надо отдать должное - рядовое офицерство за все время нашего пребывания в их ведении (в течение 8-9 месяцев) относилось к нам прекрасно.

Впечатление от города осталось грустное: казался он серым и безрадостным. Наши бараки тоже оставляли желать много лучшего: наскоро сделанные из дерева, они выглядели уныло-дряхло и уже давно почернели. Внутри их прогуливались сквозняки, так как во многих окнах недоставало стекол. Плохо подходили они для госпиталя, в особенности в стоявшую в то время холодную и сырую погоду. Маленькая печка плохо грела барак. Приходилось наваливать на себя до пяти одеял - и все-таки мерзли.

Во время войны в этих бараках расквартировывались различные части с Салоникского фронта, в их числе и русские, а иногда в них помещались и военно-пленные. Как оказалось, нас здесь не ждали, и заблаговременно помещения приготовлены не были.

В нашем бараке распоряжалась сестра-англичанка. Поутру, после "побудки", она бесцеремонно стягивала одеяла со всех, кто задерживался в кровати. Исключение допускалось только тяжело больным. Кормили нас - нельзя сказать, чтобы плохо, но как-то безвкусно. Вскоре наша администрация взяла кухню в свои руки - тогда появился борщ.

Время тянулось нудно. Кто мог, бродил по лагерю или знакомился с окрестностями. Рядом с нами было учебное поле греческой кавалерии, посаженной на мулов и производившей впечатление тяжелой неуклюжести. Недалеко был залив, а далеко на горизонте виднелись шапки снеговых гор. Одни из нас утверждали, что где-то там Афон, другие же - что там обитал оракул, а третьи уверяли, что как раз там "Пифии гнездились на треножниках", чем доказывали свои, хотя и обширные, но слегка путанные знания.

Весь берег залива был усеян исключительно красивыми ракушками, настолько соблазнительными, что, пользуясь отсутствием всякого багажа, уже покидая Салоники, я захватил многие из них с собой и расстался с ними только в Крыму, когда на каком-то перегоне мне пришлось ехать верхом на... буфере товарного вагона. Руки замерзали. Греческие ракушки пришлось выкинуть.

Английский священник взялся обучать нас английскому языку, но по-русски он не говорил ни слова, а поэтому обучение велось "показательным способом": учитель наш что-либо делал и все время повторял одну фразу, которая потом записывалась на доске, а иногда прибегали к мапине. Над этой выдумкой больше всего хохотал сам учитель, а для нас это являлось все же развлечением.

Как-то раз я обратил внимание на появившийся на ноге маленький, очень чувствительный прыщик, который заставил меня вскоре обратиться к доктору, так как начал превращаться в открытую ранку. Доктор покачал головой: кажется, окопная язва - дело затяжное!

Пробыли мы в Салониках чуть больше трех недель, когда пришло сообщение: едем в Египет. Нам как-то не верилось, но поверить пришлось: погрузили нас на большой пароход "Гленкомкастел" и повезли на восток. Узнали мы, что идем в Александрию, один из больших мировых портов, и через день, ранним утром, вошли на внутренний, действительно огромный рейд. Стояли недолго и пошли к пристани. Тепло, масса зелени, повсюду пальмы. На пристани большая шумная толпа,одетая в длинные балахоны и... босая. Портовые рабочие. К нам они явно недружелюбны: галдят враждебно, угрожающе жестикулируют и бросают не то какую-то гниль, не то комья грязи; полетел и камень. Кто-то уже успел отрекомендовать нас здесь, как врагов своего народа. В их понятиях мы были такими же врагами русского народа, какими в отношении их являлись англичане.

Перегрузили нас в поезд и повезли вглубь страны. Пересекли мы несколько рукавов Нила, покрытых буйной растительностью, но так непохожей на нашу Российскую зелень. По мере удаления от берегов Нила теряла свое зеленое одеяние и все беднее и беднее становилась природа. Далеко вправо остался Каир; вдали, на самом горизонте виднелись верхушки пирамид. Кругом песок. Редкие жилища и чахлая зелень теснились к пересекающим пустую равнину каналам. Бледно-зеленые олеандры или ряд кактусов-столетников иногда стройным рядком тянулись вдоль железнодорожного полотна. Странными казались они, росшие прямо в песке. Воздух был напоен приторным, но приятным запахом цветущих олеандр. Над густой щетиной могучих листьев столетника, украшенных по бокам длинными острыми шипами, возвышались поднятые кверху "копья" их стеблей.

Каналы, кроме даваемого ими орошения, служили также и транспортным путем. По невидимым от нас каналам часто проходили скрытые берегами фелюки, и тогда мы видели плывущие по песку паруса. Там, где был хоть небольшой клочек зелени, можно было видеть и маленькое селение, жители которого занимались сельским хозяйством. Было оно и крохотным и примитивным и скорее походило на огороды. Все находившиеся на полях рабочие имели в руках большие мотыги. В запряжках можно было видеть верблюда, буйвола, корову или ослика - в одиночку и в любом парном сочетании. Проехали мы и несколько городков с затейливыми и не оставшимися в памяти названиями. Наконец нам объявили, что на следующей станции будем выгружаться. Перед окнами вагона замелькала обильная зелень, пальмы, небольшие постройки, открылся вид на сравнительно широкий канал и целый полотняный город Тэль-эль-Кебир, за которым продолжалась лишенная зелени песчаная пустыня.

Доброволец Иванов

(Продолжение следует)

Майор Л.Сукачев в парадной форме Албанского Гвардейского полка при короле Италии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ
Л.П.СУКАЧЕВА
(См. №№ 28, 30, 33, 34 и 35)

В ИТАЛИИ.

Однако признаюсь, что несмотря на усталость я долго не мог заснуть, и только стало светать, я поднялся и начал одеваться. Вместо военной формы, в первый раз за много лет, я надел штатский черный костюм. Заметил, что он слегка тронут молью.

"Денщик, видно, забыл посыпать нафталином, когда я вернулся из Вены", - мелькнуло в уме.

Осел, как всегда аккуратно, и в это памятное утро 7-го апреля 1939-го года доставил мне молоко. Я сел за стол завтракать.

"Что дальше? Плен? Тюрьма? Обидно, что нельзя знать вперед, что случится. Вот Эйнштейн в далеком Принстоне пришел к каким-то апокалиптическим выводам. Апокалипсис вообще последнее слово модернизма - отсутствие хронологии... Время не существует, как время, а функция чего-то другого, кажется, энергии, а я, дурак, не считаясь с этим, всю жизнь приходил во-время на службу, вместо того, чтобы спать... Ну, вот сейчас, как будто, вообще больше делать нечего;допью молоко и опять лягу спать..."

Но обо сне я размечтался напрасно: мои мысли, так же, как и мой утренний завтрак, были прерваны стуком в ворота. В комнату вошел знакомый мне итальянский полковник, командир 3-го гренадерского полка. Он несколько смущенно, но все же вполне корректно поздоровался и сейчас же предложил следовать за ним.

"Начинается", подумал я и спросил: - С вещами?

- Нет, - последовал поспешный, но мало утешительный ответ...

Садясь в поджидавший нас у входа в дом автомобиль, гренадерский офицер довольно смущенно и сухо (несмотря на наше давнишнее знакомство) осведомил меня, что мы едем к командиру оккупационных войск. Я больше ничего не спрашивал, но через несколько минут ясно

понял, что полковник зачем-то солгал, так как машина катила в сторону аэродрома, на котором, как выяснилось через несколько минут, меня поджидал итальянский бомбовоз.

Сдавши меня команде аэроплана, итальянский офицер попрощался и вернулся в город. Позже я узнал, что Тирана была заняты высадившимся там с воздуха батальоном 3-го гренадерского полка. Любопытно отметить, что это была первая в истории перевозка по воздуху крупной военной единицы.

Сидя в самолете и предаваясь своим невеселым думам, мне было не трудно сразу догадаться, что мы летим в Рим. Море, вот под нами Бари, где покоятся мощи св.Николая Чудотворца, потом горы и римская кампанья... Наконец, спускаемся на хорошо знакомом мне аэродроме Чампини.

Встречает меня опять знакомый: полковник Луэро, командир 2-го гренадерского полка. У него тоже вид несколько смущенный. Мы садимся в поджидающий нас военный автомобиль и едем по направлению к Вечному Городу.

"Куда везут?" Вспомнил слова поэта: "Молчите вы, рабы, которых я вчера в оковах в Рим привел"... Конечно, времена изменились: оковы мне не надели, а со времени, как мы выехали из моего дома в Тиране, до момента спуска на римский аэропорт прошло всего полтора часа.

Луэро не говорил. Молчал и я; только внимательно следил за направлением, в котором мы ехали.

"Не везут ли в Regina Coeli "Царица Небесная" - какое странное название для тюрьмы... Нет, слава Богу, не по дороге".

Мне стало легче на душе, когда машина въехала на Виа Ницнонале и... остановилась у фешенебельного Алберго Квиринале.

Мы вышли из автомобиля, и полковник провел меня в приготовленный апартамент: спальня и большая гостиная. "Нет, это не тюрьма", - промелькнуло в уме. Луэро все так же холодно, но любезно осведомился, удовлетворен ли я отведенным мне гостиничным номером. После моего утвердительного ответа он сразу же перешел к порядку дня:

- Майор Сукачев, будьте готовы к 4-м часам. За вами заедут из военного министерства, а оттуда повезут представляться Муссолини. Вам будут даны все инструкции. Сейчас еще рано, и у вас есть время пообедать и, главное, купить черный галстух и коричневые кожаные перчатки, чтобы явиться к Дуче.

Сознаюсь, что я совсем воспрянул духом, даже почувствовал щемящий голод. Поэтому, как только Луэро вышел, я направился прямо в ресторан. Сел за столик и, даже не посмотревши на поспешно поданное мне кельнером меню, заказал телячью котлету, которую в Италии называют "а ла миланезе", между тем как в остальной Европе она известна, как "винершницель", и только в Петрограде после начала войны 1914 года ее величали "белградской котлетой", повидимому, из духа славянской солидарности. Запил я поданный мне гигантских размеров шницель бутылкой хорошего Фраскати, к кофе-Экспрессо велел подать рюмку французского коньяка. Я так целиком погрузился в гастрономические наслаждения, что спохватился, когда уже было без четверти четыре...

Поспешил выйти на улицу и войти в первый попавшийся магазин мужской одежды. Не примеряя для скорости коричневых перчаток, велел их за-

вернуть вместе с черным галстухом и поспешил назад в гостиницу.

Я знал, что за мной явятся точно, как было назначено. Муссолини, после 20 лет неустанной работы по установлению дисциплины и порядка, добился потрясающих в истории Италии результатов. Высшие чиновники и вожди фашистской партии приходили на место службы точно. Поезда - правда, только севернее Неаполя - обычно опаздывали максимум на несколько минут (а не на много часов, как бывало раньше)... Правда, на юге дело обстояло иначе: двадцати лет фашизма оказалось слишком мало, чтобы обуздать высоко "индивидуальный" и независимый склад ума южан... Но в самом Риме в казенных учреждениях не только чиновники не опаздывали на службу, но всегда аккуратно и систематически убирали с министерских столов все бумаги, независимо от того, были ли они подписаны и рассмотрены или нет... Таким образом, при неожиданных инспекциях высшего начальства создавалось впечатление, что все дела решаются моментально, документы подписываются и передаются по назначению сразу, без всякой бюрократической волокиты... Словом - царит динамический дух фашизма, новой эры в жизни человечества, ведущей даже летоисчисление не от Рождества Христова, а от момента прихода Муссолини к власти.

Я не ошибся. Ровно в четыре часа за мной заехал тот же полковник Луэро и отвез в военное министерство, где со мной простился, добавив, что очень скоро мы увидимся опять. Меня ввели к Париани, военному министру. Я его хорошо знал по Албании: он в течение семи лет обучал Зогу королевскому ремеслу... В кабинет военного министра вошел также тоже знакомый мне по Тиране граф Чиано, министр иностранных дел.

Оба моих старых приятеля приняли по отношению ко мне несколько покровительственный тон, который раньше был им чужд... Они стали меня учить, как я должен держать себя в присутствии Муссолини, как ему салютовать и как к нему обращаться.

- Ни в коем случае не говорите Эччеленца, а величайте "Дуче". Перчатки наденьте и не снимайте во время всей аудиенции.

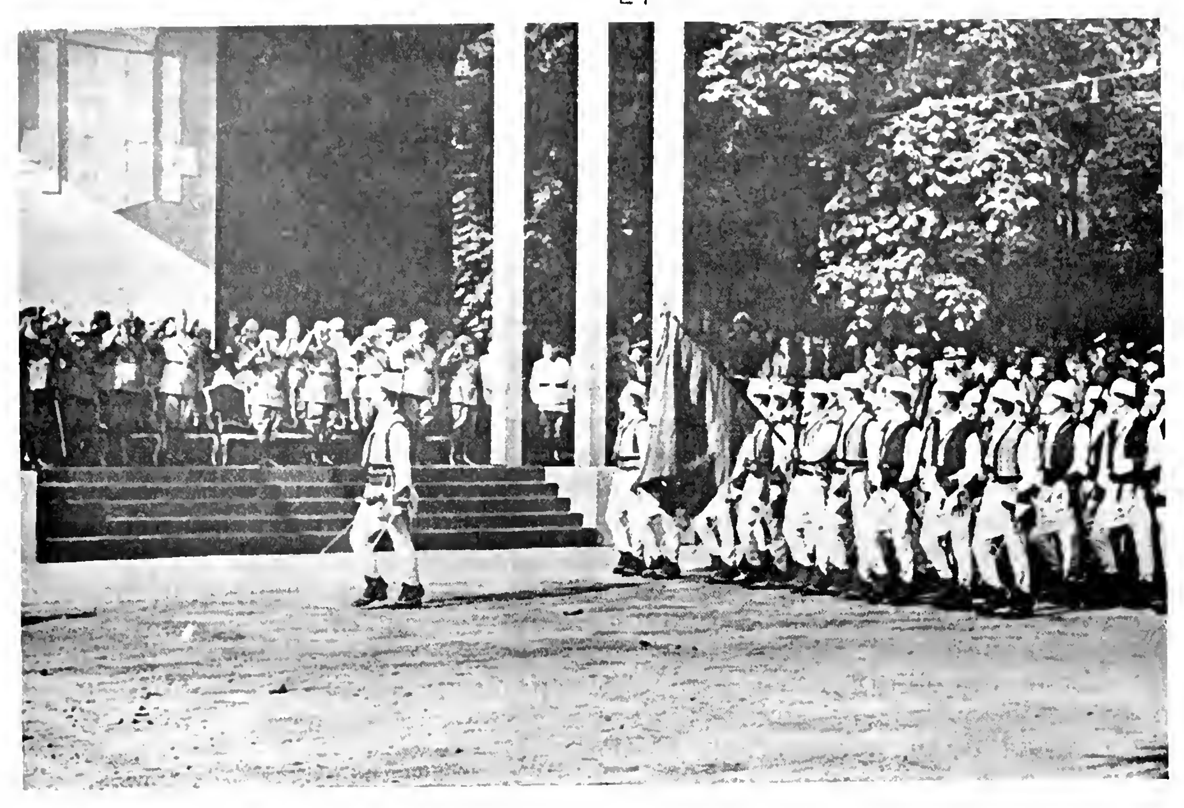
- А что, если Дуче подаст мне руку, - снять перчатку с правой руки? - спросил я, на что Чиано поспешил ответить:

- Мой тесть, наш великий вождь, никогда никому руки не подает.. даже мне, его зятю...

После "поучений" Париани сказал, что пора ехать, и через несколько минут мы подымались по мраморной лестнице палаццо Венеции. Там Дуче работал, между тем как его частная резиденция помещалась в вилле Торлонии на виа Номентана.

Встретил меня тот же полковник Луэро. Мы сели рядом на диване в ожидании аудиенции. Командир 2-го гренадерского полка на этот раз оказался разговорчивее, чем в начале дня; но я заметил с его стороны какое-то смущение, почувствовал недоговоренность в его речах... То он начинал беседу о погоде, то жаловался на свои неприятные обязанности по соблюдению каких-то формальностей, связанных с безопасностью Дуче... Наконец, меня осенило... Я понял, что мне хотел сказать полковник, и к его немалой радости я предложил ему обыскать меня и удостовериться в отсутствии оружия.

- Да что вы, что вы, майор! Ведь это совсем не нужно... - заверил он меня... и одновременно ощупал все карманы...

Парад в Торино. Принимают парад король Виктор Эммануил 3-й и Б.Муссолини.

После выполнения этой деликатной операции меня ввели в огромную пустую залу; только в конце ее стоял маленький стол, за которым сидел Муссолини. Как только за мной закрылась дверь, я, как меня научили, стал смирно и поднял вверх правую руку. Потом подошел к Дуче и повторил "салуто романо".

Я сразу заметил, что возле письменного стола стоял небольшой столик, подобный аналою, на котором лежал географический атлас, раскрытый на карте Албании. Невольно вспомнил старый фильм "Хаджи Мурат", в одной сцене которого Мурат входит к императору Николаю Павловичу. Перед царем на столе карта Кавказа с воткнутым в нее кинжалом... Подумал: "Только кинжала не хватает"...

Итальянский диктатор встал и молча стал смотреть на меня. Потом, к моему немалому удивлению и смущению, подошел ко мне вплотную и стал бегать вокруг меня, с нескрываемым любопытством осматривая со всех сторон и при этом громко хохоча, как будто я был каким-то диковинным зверем... Сам Муссолини, как большинство итальянцев, был маленького роста; я в России никогда не считал себя особенно высоким, а только слегка выше среднего роста; между тем, Дуче смотрел на меня снизу вверх, как на великана. Мне показалось, что он остался доволен моей внешностью; по крайней мере, я так объяснил себе его смех.

Разглядевши меня, как следует, он вернулся к письменному столу, но, не садясь назад в кресло, характерным жестом выпрямился и уперся кулаком в стол. Принял, повидимому, заученную театральную позу - каждый итальянец всегда остается комедиантом...

Затем тоже театрально, четко и громко обратился ко мне:

- Мы переживаем дни переворота в мировой истории. Со вчерашнего дня Италия превратилась опять в великую Римскую Империю. 9-го мая, то есть через месяц, состоится грандиозный парад. Перед Его Величеством королем и императором Италии продефилируют разные части, входящие в состав империи: во главе всех должен пройти албанский гвардейский полк при Е.В. короле Викторе Эммануиле 3-м. Мы сформируем этот новый полк. Согласитесь ли вы принять командование им?

Наступило молчание. Я вспомнил слова Зогу в момент его трагического отъезда из Тираны и прощания со мной: "примите любую должность, если вам итальянцы это предложат".

- Я согласен, - твердо ответил я. Муссолини явно обрадовался и дружески протянул мне руку. Я поспешно стал сдирать перчатку с правой руки, но она была так мала (я ведь в попыхах не примерял при покупке), что лопнула. Этот инцидент доставил Муссолини большое удовольствие, и его громкий смех преломил лед, окончательно нарушив торжественность и официальную чопорность атмосферы...

Дуче позвонил, и в зал вошел Париани. Я успел заметить, что на письменном столе лежали рисунки форм, сделанных в свое время для короля Зогу художником де-Гайем.

"Все же хорошо работают итальянцы, - подумал я, - ведь эти эскизы были в королевском дворце в Тиране до самого отъезда оттуда Зогу, а теперь они уже здесь".

Дуче обратился к военному министру и, указывая на меня, сказал:

- Наш друг согласился взять на себя командование албанским гвардейским полком. Форма этой новой итальянской части должна быть такая, - он протянул рисунки де-Гайя.

Мы стали втроем обсуждать все подробности, касающиеся этих форм. Они должны были быть немедленно заказаны в "Унионэ Милитарэ" (итальянское военное экономическое общество) и все подробности сообщаться лично Муссолини.

Первая моя аудиенция у Дуче была закончена, но перед тем, как меня отпустить, посмотревши на меня еще раз пристально, он добавил:

- Усы ваши, майор, никогда не сбривайте: они будут украшением итальянской армии.

- Слушаю, Дуче, - ответил я - и слово свое сдержал, так как расстался со своими усами только в 1949 году, когда уже два года, как был в отставке и когда Дуче уже давно не было в живых...

Случилось это в городе Балтиморе в Соединенных Штатах во время осеннего карнавала - Halloween - какая-то наглая девченка, очевидно решив, что мои уже совсем тогда поседевшие усы приклеены, к великому удовольствию окружавшей ее толпы подростков пребольно их потянула... Я вошел в парикмахерскую и велел сбрить "гордость итальянской армии"..

Но возвращаюсь ко дню моей первой аудиенции у Муссолини. Когда я вышел из его кабинета, "фашистские вельможи" засыпали меня вопросами. Узнавши о моем новом назначении, они резко переменили тон и стали со мной дружески беседовать; а потом полковник Луэро пригласил меня, вместе с другими офицерами высшего итальянского командования, к себе поужинать.

Майор Л.Сукачев в парадной форме (гала) Албанского гвардейского полка при короле Италии Викторе Эммануиле 3-м. Эта форма надевалась только для караула в Квиринале и на парадах в присутствии короля.

Что касается выбора парадных форм для албанского гвардейского полка, то я понял, что ими очень заинтересовался Муссолини. Для итальянского вождя было характерно, что он лично вмешивался во все детали этого малозначительного для государства дела, предоставляя более важные вопросы решать специалистам. Несколько раз Дуче вызывал меня вместе с Париани и заведующим "Унионэ Милитарэ" для обсуждения всех подробностей, касающихся наших парадных (гала) форм. Обычная форма должна была быть итальянского типа (см.фотографию на стр.18). Не обошлось и без курьезов.

Так, например, Париани предложил Муссолини, чтобы к белым шапкам албанцев было прикреплено по длинному перу, как в других итальянских горных частях (альпийских стрелков). Дуче эта идея понравилась, но когда я заметил, что эти шапки будут такого же вида, как те, которые носят югославские сокола, Муссолини моментально отверг предложение военного министра.

Во время другой аудиенции, директор "Унионэ Милитарэ" привел двух служащих магазина. На одном из них была надета "северная" парадная форма (в которой я изображен на прилагаемой фотографии), а на другом - "южная" форма: короткая юбка, подобная той, которую носят греческие эвзоны. Муссолини подошел к человеку, на котором была надета эта последняя, и, очевидно принимая его за албанца из южной части страны, спросил: "Ты с юга?". Однако, ответ был: "Никак нет, Дуче, я - римлянин".

Итак, под непосредственным руководством самого Муссолини, все формы были во-время готовы, и 9-го мая 1939 года мы благополучно продефилировали на действительно блестящем параде перед Их Величествами и Муссолини (см. фотографию на стр.21). Во время приготовлений к этому параду я узнал любопытную подробность: король Италии был очень маленького роста, между тем как королева Елена, черногорка по рождению, была много выше него. Чтобы скрыть это, на том месте, где

должен был стоять Виктор Эммануил 3-й, строили маленькое возвышение, а рядом с ним, на месте, предназначенном королеве, делали углубление. Трибуна скрывала этот "трюк", и таким образом король, как и подобает, казался выше августейшей супруги...

Л.Сукачев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

РАДИ РОССИИ.

Когда странствуешь по житейскому морю и устанешь от этих странствований, когда утомишься от людей - то блестящих, как городские огни, то скучных как туман на асфальтовых улицах - есть один отдых: наша родная военная среда.

В ней отдых не только потому, что связаны мы все общими переживаниями. Они дороги - эти воспоминания - и нельзя их ни отнять, ни заглушить. Но есть другое, что дает душевный мир, что укрепляет и бодрит.

За пределами нашей среды есть тоже люди высокого духовного уровня, неподкупленной честности, героического самоотвержения. Но они - одиночки, и делают свой духовный подвиг порознь. Может быть, это труднее - честь им и слава!

В военной среде все приспособлено для того, чтобы воспитывать лучшие душевные качества не в одиночку, но вместе. Рыцарство, самоотвержение - все это достигается не только личным усилием, но поддержкой самой среды. Воинские традиции - не пустой звук. Они выработаны веками как раз для того, чтобы помочь каждому духовно не опуститься и не упасть.

Вот почему воинская среда есть не только школа, но и убежище, как какая-то духовная санатория. В "миру" наслоился в душе осадок от унижений, компромиссов. Надо вновь соприкоснуться с военной средою, чтобы осадок и грязь смыть. Это делается само собою.

Как же не дорожить нашей связью, не поддерживать ее основной костяк - дисциплину, особенно в условиях нашего рассеяния и унижения? Много лет тому назад я писал, что "нас нельзя распылить - можно только разорвать". Теперь вижу, что и разорвать нельзя. Ибо, разорванные по разным странам, мы находим попрежнему общий язык, как только судьба даст случай встретиться, особенно те, кто кровью связан с прошлым.

Будем же попрежнему сохранять нашу связь: она поможет жить. А жить нужно не только ради себя, но и ради других. Ради мертвых друзей, которые отдали свои жизни на поле брани и завещали нам продолжать их дело.

Ради всего того, что создавалось веками, что запечатлено в истории, в преданиях, в языке, в духе, в вере, что так дорого и близко нам, что называется - Р о с с и я !

В.Давац.

- - oOo - -

В ОКОПАХ.

1915 год. По опушке хвойного леса тянутся проволочные заграждения, а за ними запорошенные снегом брустверы окопов. Кое-где между между скошенных наполовину артиллерийским огнем и общипанных пулями почти голых стволов сосен и елей, освещенных луною, струятся синеватые дымки из блиндажей и землянок.

В одной из них, у хода сообщения, на кровати из веток и патронных ящиков сидит командующий ротой поручик Арский и при свече пишет вечернее донесение. Против входа в землянку, у импровизированной печки с трубой из консервных банок расположился с полевым телефоном телефонист ефрейтор Недойводенко, попавший в команду связи по протекции и за свою малограмотность постоянно посылаемый из штаба полка на передовые позиции. От нечего делать, вполголоса, чтобы не беспокоить их благородие, он развлекается телефонными вызовами:

"Та! - та-а-а-та! - та-а-а... - гудит телефон: "Штаб батальона? Это ты, Матящ?... Так, ничаво... поверочка"...

Или: "Кто дует? Кто дует? А, это вы, артиллеристы, и опять вцепились в нашу линию! Ваш третий сверху, а наш четвертый", - и так далее.

Вот дверь в землянку отворилась, и в ней сначала появилась рука с судками, а за ней согнувшаяся маленькая фигурка денщика Арского Феликса. За его любовь вставлять в русскую речь польские слова и фразы солдаты называли его полячком.

- Здравствуй, Феликс! Давай письма и папиросы, - как всегда, поощрительно весело обратился к нему Арский.

- Вы вчерась два получили, а где больше письмам быть? - ставя на столик судки, развязно ответил Феликс.

- Кухни пришли? - деловито осведомился у него Арский.

- Точно так.

Отправив Недойводенко ужинать, Арский принялся за свой незатейливый ужин.

В это время над окопами послышался характерный свист тяжелого снаряда, за ним глухой далекий выстрел и где-то в тылу окопов разрыв. Феликс не без волнения посмотрел вверх, как будто через громоздкие бревна потолка хотел увидеть пролетавший снаряд.

- Цо то за война? - резюмировал он. - Ниц не видно, грамата щелет. А что, ваше благородие, если сюда попадет, то прибьет? - не без тревоги спросил он и вышел было из землянки, но сейчас же, чуть не задев головой за низкий косяк дверей, вскочил обратно.

- Зараз пшиде! Зараз пшиде, ваше благородие! - прокричал он.

И действительно, один за другим просвистели и где-то позади разорвались еще два снаряда.

- Ты почем знаешь? - спросил его Арский.

- А я видел, як блискает у него.

- Сдается, ваше благородие, что по штабу полка чешет, - предположительно высказался вернувшийся Недойводенко и поднес для пробы Арскому свой котелок.

Арский съел одну ложку, похвалил борщ, "а кашу нечего пробовать, она всегда хороша".

Отпустив со срочным донесением Феликса, Арский достал из полевой сумки присланное ему для ознакомления, с надписью : "секретно,

в окопы не брать", наставление генерала Гурко по постройке оборонительных полос и начал его читать.

Феликс, выйдя из землянки, протер снегом судки и, закурив офицерскую папиросу, подгоняемый свистом очередного снаряда, пустился бежать к лесной поляне, куда один раз в сутки и только ночью приезжали ротные кухни и приходили со всем необходимым денщики офицеров.

- Спроси штаб полка, куда ложатся снаряды, - зевая и безразличным тоном приказал телефонисту Арский.

Загудел телефон и началось обыкновенное:

- Батальон? Ты, Жучков? Дай штаб полка! Штаб полка? Да што ты гуркотишь? Ты нажимай клапан! Клапан-то, говорю, нажимай! Слупай, кто у телефона? Ты меня слышишь? Вот опять начал горкотать! Клапан! Ты клапан нажимай! Ну, вот, это ты, Солбцов? Кто? Как? Зомбо? Откуда ты? Ну, и беспонятный же ты! Понасажали вас там у штабу полка! Слушай ты, Замби или как тебя там, ты не из жидов ли будешь?

- Перестань выражаться, - строго сказал Арский и сам взял трубку.

- У телефона командующий 8-й ротой, попроси к телефону полкового адъютанта. Здравствуй, Борис Валерианович, - приветливо дружески произнес он.- Что у вас? Разожгли костры и по ним? Так! Дело не в этом. На новом направлении у противника появилась тяжелая батарея. У вас видны вспышки? У нас отлично. Передай, пожалуйста,это Нацвалову. Что, предполагается смена полка? Отлично. Спокойной ночи.

Выпустив еще несколько снарядов, противник прекратил огонь, и наступила обычная тишина зимней кампании.

В землянках бывшие в течение дня в нарядах стрелки расположились в повалку на отдых, а выспавшиеся и не попавшие в ночной наряд сидели кружком у горевшей печи.

Неожиданное нападение противника не допускалось, так как ночные действия им вообще не практиковались и о них даже не было слышно, да, кроме того, приняты были особые меры для предупреждения заблаговременно дежурных и наблюдателей-часовых о появлении врага между окопами. Зимой секреты не высылались, но по берегу замерзшей реки в камышах и кустах были развешены пустые консервные банки, довольно сильно звякавшие при прохождении мест их расположения. Осветительные ракеты у нас только начали появляться, хотя в них, по указанным причинам, особой нужды не было. Но зато противник, будучи научен нашими удачными, без артиллерийской подготовки, ночными атаками и между-окопными поисками, ракетами пользовался в изобилии.

Арский хотел было прилечь после ужина, как дверь в землянку отворилась и в нее просунулась голова часового и, крикнув:

- Ваше благородие, у переде шелестит, - исчезла.

В начале Арский не придал этому особого значения, так как тревоги по "шелестам" бывали и раньше, но когда вслед за часовым вошел младший офицер прапорщик Грен и доложил, что бренчат банки, Арский накинул на шею бинокль, взял револьвер и поспешил в окопы, где тревога уже была в полном разгаре:

- Все вон! по местам! смотри в оба! старайся разглядеть и не пали много зря. Взять только подсумки и патронташи! Ты, Блотский, что вещевой мешок одел?! Думаешь, что стрекача давать будем? Положь его обратно и живо! Шестков, раздай своим ручные гранаты! Не

курить! - и так далее, распоряжались унтер-офицеры.

Арский ясно услышал отчетливое звяканье консервных банок. Нет сомнения, противник перешел Шару.

Ночная тишина нарушилась ружейным и пулеметным огнем. Пущенной в направлении бренчащих банок красной ракетой дали знать артиллерии об открытии огня.

Недойводенко, оставшись один, не отнимал телефонной трубки от уха: "Восьмая рота! Восьмая! Восьмая!" - услышал он.

- Восьмая слушает.

- Сейчас открывает огонь артиллерия - говорит чей-то резкий и властный голос. - Сообщите немедленно, как ложатся снаряды, недолеты или перелеты, и пожалуйста в саженях.

- Слушаюсь, - ответил Недойводенко.

Засвистели наши снаряды, и сейчас же за ними - глухие разрывы.

- Ну что, как разрывы? - спрашивает тот же грубый и нетерпеливый голос.

От недоумения у Недойводенко зашевелились волосы на голове и на лбу выступил пот.

- Снаряды? - переспрашивает он и, вспомнив кой-какие замечания офицеров по этому поводу в прошлых боях, робко отвечает: - Ничаво, тилько шрампель дюже высоко рветця, ваше-с-с-с...

- Какая шрапнель, когда мы стреляем гранатами?! - услышал он тот же раздраженный голос. - Кто у телефона?

- Ефлетор Недойводенко.

- Попроси к телефону командира роты.

- Слушаюсь, ваше-с-с-с... - не зная, с кем говорит, промямлил Недойводенко и бросился было вон из землянки за командиром роты, к как резкий и особенно длинный гудок телефона вернул его обратно. В незапертую дверь слышны были какие-то команды и все учащающийся ружейный огонь. Над головой свистели снаряды.

- Восьмая?! Восьмая?! - услышал он на сей раз чей-то писклявый голос.

- Восьмая слушает, - по привычке отвечает Недойводенко.

- Что у вас в роте?!

- В роте-е-? - тянет, сбившись с панталыку, Недойводенко.

- Да, в роте, а не у тебя в... - с крепким солдатским словом прокричал тот же голос, и опять: - попроси к телефону командира роты.

На сей раз Недойводенко, не обращая внимания на телефон, выбежал вон с твердым намерением найти командира. В окопах обратился он к первому попавшемуся ему стрелку, который, выпустив пятую пулю, поспешно вытаскивал из патронташа обойму.

- Слушай! - обратился к нему Недойводенко, - иди и позови быстро к телефону командира роты.

- Тоись как это я покину свое место, когда нас до Фердинандова носа только три человека? - ответил ему, возмущаясь, стрелок и принялся заряжать винтовку.

"Где его искать? - думал Недойводенко, - чи направо, чи налево? Вот жара!"

Но тут ему повезло. Он увидел шедшего к нему с прапорщиком Греном командира.

- Прекратить огонь. Мест своих не покидать и быть всем в полной готовности, - приказал Арский своему младшему офицеру и направился к своей землянке.

Раздались протяжные свистки и настала полная тишина, нарушаемая только распоряжениями унтер-офицеров:

- Дозарядить винтовки! Смотреть вперед! Вы куда прете? По местам! А здесь почему залезли в блиндаж? Вон, живо!

- Мы думали, что ложна тривога, - отвечали им, быстро выходя и занимая свои места, стрелки.

- Какая ложная тревога, когда он, может быть, тут уже?! - ворчало начальство.

Войдя к себе, Арский взял трубку и сам вызвал командира батальона.

- Аполлинарий Александрович, - услышал он голос своего командира батальона, - наконец я с вами связался. Что у вас там?

- Господин полковник, - начал докладывать Арский, - вероятно, противник перешел Шару. Звон банок слышен был почти перед всем фронтом моей роты. Странно только, что со стороны противника, за все время тревоги, не было произведено ни одного выстрела - ни ружейного, ни артиллерийского. Стрелявшая по штабу полка тяжелая артиллерия прекратила огонь еще до тревоги, и с позиций противника непрестанно летят ракеты. Казалось бы, что освещать себя в это время противнику нет никакого смысла.

- Позвольте, позвольте! - перебил его батальонный командир. - Вы говорите ракеты, это понятно, так как, проиграв внезапность,противник ракетами вводит вас в заблуждение, что тревога ваша ложна, для того, чтобы без потерь по добру по здорову вернуться в окопы или, накопившись, продолжать нападение, хотя я последнее никак не допускаю. Сейчас к вам прибудет команда разведчиков, они впереди знают все ходы и выходы, выяснят вам положение, ну, а ели нужно будет, то усилят вашу линию огня. Вы прекратили огонь - отлично. Соблюдая полную боевую готовность, подождите, а впрочем я уверен,что могу вам пожелать спокойной ночи.

- Спокойной ночи, господин полковник, - ответил Арский и вышел в окопы.

Уткнувшись в амбразуры, стрелки курили в рукава и переговаривались между собой.

- Субботин, тебе хорошо видать? - спрашивал полушопотом один голос.

- А мне и видать нечего, - отвечал Субботин. - Я как положу винтовку, так она в аккурат по проволочному заграждению наведена.

Вскоре прибыла команда разведчиков и, получив от Арского направление, отправилась на поиски.

В совершенной тишине прошло десять, а может быть и больше минут томительного ожидания. Но вот впереди послышались сдержанные и смешанные голоса. Мало по мало стали различаться и слова:

- Неси сюда, куда пошел? - ясно слышен был голос начальника команды.

- Нога ранена и хочет бежать. Пристрелить бы! - отвечали ему.

- Шаркни его штыком и не стрелять!

- Не сметь добивать! - услышав последнее, несдержанно громко крикнул Арский, чем со стороны противника вызвал ракету и два выстрела.

После этого на бруствере окопа, на фоне синего неба, выросли черные фигуры разведчиков, и на дно окопа одна за другой брякнули четыре туши диких коз.

А.Рябинский.

- - oOo - -

П О В Е Р К А.

Умчались тяжелые, холодные тучи, утих ветер, смолкло бурное море, кончался первый весенний день. Заходящее солнце последними ласково прощальными лучами золотило верхушки палаток и каменистые вершины окружавших гор. Проиграл сигнал на поверку... Зашевелились донцы... Началась перекличка. "Я, я, я", - привычно отвечали казаки с исхудавшими лицами и задумчиво устремленными на море глазами, точно хотевшими спросить у него ответа на мысли, которые так и мелькали, так и бередили и без того больное сердце...

"На молитву - шапки долой!"

Пропели "Отче наш".

"Накройсь. Раз..."

Но вот оборвалась команда и замерли казаки, жадно вслушиваясь в давно неслышанные, почти уже забытые родные мотивы. Взяли под козырек офицеры. Играл оркестр. Пел хор юнкеров. Нежный сильный тенор перливаясь, запевал:

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив...

И, как бы подтверждая это, хор подхватывал:

Из простора долетая,
Вольный слышится призыв...

И закружились, замелькали и унеслись мысли в вольные далекие донские степи. Уходило, исчезало куда-то море, а вместо него зеленым ковром развернулась родная степь, запестрела своими цветами, закивала, зашептала своими спелыми золотистыми колосьями, промелькнули знакомые хутора, пронеслись знакомые лица... Нервно выстукивало сердце. Что-то теснило грудь. Быстро сменялись картины, еще быстрее, точно пролетая, мелькали мысли, и все задевали и жгли, впиваясь в бедное больное сердце... И тянуло туда... В просторные степи, где каждый цветочек улыбается, где каждый колосок, словно здороваясь, ласково кивает головой, где все знакомо, где все родное. Туда, далеко, в милую Россию...

Еще больнее, еще тоскливее заныло и сжалось сердце. Из глаз скатилась слеза, обожгла щеку.

- Разойдись! - раздалась команда, но никто не шевельнулся, долго еще стояли станичники с полными слез глазами.

Подул с моря свежий ветерок. Пали сумерки, заблестели первые звездочки. Затих лагерь. Отыскал я Большую Медведицу. Там север, там Россия, дорогая Россия. Тихо кругом... Только долго о чем-то ворчало море, да в ушах еще звучало:

"Зеленеет степь родная, золотятся волны нив"...

Н.Стегин.

"НА КАРТЕЧЬ!"

Ильин день в 1920 году был яркий и солнечный. С самого рассвета мы целый день "гоняли Жлобу".

Конный корпус "товарища Жлобы" накануне прорвался в наш тыл, а сегодня с первыми лучами восходящего солнца он попал, "как кур во щи", в искусно расставленную ловушку дроздовцев, танков и бронепоездов.

Сбившись в хаотическую толпу, растянувшуюся многоверстной кишкою, он носился в кромешной аду огня дроздовской артиллерии. Бросаясь от нее в сторону, он натыкался вдруг на танки или пулеметы, которые его вновь нагоняли на картечь всей Дроздовской бригады. Казалось, что вот-вот вырвется голова обезумевшего корпуса из корридора этого огненного ужаса и там, у насыпи железной дороги, сможет укрыться и опомниться. Но не тут-то было: только скатились в лощину и приблизились к полотну железной дороги, как прямой наводкой в упор были встречены огнем двух бронепоездов, спрятанных в "посадке". Опять бешеная скачка в пол-оборота направо; и вновь артиллерия! Потом опять танки, целыя батарея тяжелых пулеметов и т.д.

В течение почти 12 часов под непрерывным потоком картечи и пулеметных очередей носилась орда красных жлобинцев на взмыленных и загнанных лошадях, бросая на своем пути все, что только могло облегчить их бегство. В конце концов, обезумевшие люди соскакивали с лошадей и бежали по полю, падая в изнеможении на землю.

Сам Жлоба, в начале избиения ехавший на автомобиле, перешел сперва на коляску, а затем, вскочив на коня, еле-еле удрал с десятком своих конвойцев, сидевших на кровных лошадях.

Весь путь бегства был усеян брошенным имуществом: грузовики, легковые машины, несколько отличных экипажей, повозки со снарядами и продовольствием, зарядные ящики, кухни, пушки без передков, огромное количество пулеметных тачанок, орудийные передки с обрубленными постромками и, наконец, целые табуны загнанных и искалеченных лошадей.

По всему широчайшему полю битвы бродили обалдевшие жлобинцы, почти все без фуражек, с всклокоченными волосами, в растерзанных гимнастерках и без поясов. Наши конные разведчики собирали их в колонны и конвоировали в тыл.

Конный корпус Жлобы был уничтожен; красные не произвели ни одного выстрела, не обнажили ни одной шашки.

О наших потерях, конечно, и говорить не приходилось: их не было, да и не могло быть... если не считать "легкого испуга", которым отделался один из наших конных дозоров. Этот дозор из двух офицеров и пяти всадников, будучи выслан за один из "бугров" следить за движением большевиков, неосторожно чересчур сблизился с проносившейся ордой жлобинцев и был увлечен стихийной скачкой (обезумели не только люди, но и кони).

Наши офицеры и всадники в малиновых с белыми околышами дроздовских фуражках, погонах и проч. около получаса скакали бок-о-бок с красными в их толпе, и эти последние не обращали на них никакого внимания! Наши разведчики еле-еле вырвались из этой паники и гонки, выскочив прямо на очередную засаду пулеметов, но за эти полчаса испытали переживания не из приятных.

Уже день клонился к вечеру. Дроздовцы с музыкой и песнями возвращались на свою стоянку армейского резерва в немецкую колонию Молочное.

На полпути навстречу колонне показался черный форд с георгиевским флюгером командующего армией генерала Кутепова. Шедший в голове дроздовцев генерал Туркул остановил колонну и скомандовал "смирно". Генерал Кутепов сошел с автомобиля и, как всегда, громким, отчетливым и по-юношески звонким голосом поздоровался:

- Здравствуйте, непобедимые дроздовцы!

В его голосе можно было уловить вместе с непреклонной волей и строгостью - простую солдатскую ласку и сантиментальность.

- Ну, знаете, Антон Васильевич, - обратился он с широкой улыбкой к ген.Туркулу, - впервые в военной истории пехота окружает, разбивает, преследует конницу и уничтожает ее! - Лицо ген.Кутепова стало опять строгим. - Не, серьезно! Впервые во всей военной истории! Поздравляю Вас с новой победой, и марш на отдых! - и ген.Кутепов поехал дальше вдоль колонны, здороваясь и поздравляя части дроздовцев с победой.

В это время два наших разведчика подвели к голове полка пленного. Вообще-то пленных было захвачено "видимо-невидимо"; все они были на один манер - запуганные, ошалелые и в то же время довольные, что выскочили из ада целыми.

Но у этого вид был особенный. Чистая добротная гимнастерка,хорошие бриджи и щегольские сапоги, без фуражки, голова коротко острижена; через плечо - планшетка с картами. Лицо городское, но отвратительное. Рыжий, рябой, без бровей и ресниц, с бегающими злобными глазами.

В планшетке нашли секретный код для донесений и опознавательные знаки для аэропланов. На первом листе полевой книжки, с копиями донесений в штаб армии за подписью начальника штаба и самого Жлобы, помечена фамилия владельца (не помню точно - не то Кудрин, не то Кудров). Он, видимо, занимал должность офицера генерального штаба.

- Кто это такой? - спросил ген.Туркул у разведчика.

- Не могу знать, ваше превосходительство! Невозможно никак дознаться! Кажинный раз, как заговорит, одно слово "картечь", а то не разберешь!

- Кто ты такой и как тебя зовут? - спросил ген.Туркул, строго смотря прямо в глаза большевика.

Вместо ответа пленный с какой-то особой яростью защелкал зубами, лицо перекосилось гримасой ужаса и злобы, и он с видимым трудом выжимал из себя какие-то нечленораздельные звуки, среди коих можно было разобрать лишь одно слово: картечь. Со страхом озираясь по сторонам, он вдруг неожиданно повернулся кругом и, щелкая зубами, продолжал твердить: "картечь, картечь!"

- Дайте ему карандаш и бумагу!

- Как тебя зовут? Напиши, - повторил ген.Туркул.

Пленный схватил карандаш, долго смотрел то на офицеров, перед которыми он стоял, то на раскрытую перед ним полевую книжку и вдруг быстро, размашистым красивым почерком, через всю страницу написал: Н А К А Р Т Е Ч Ь, поставил два восклицательных знака, дважды

аккуратно подчеркнул, затем, быстро сунув карандаш к себе в карман, залился диким, оглушительным хохотом.

Дроздовец.

- - oOo - -

П О Б Е Г
Быль

Было часа три ночи, когда резкий стук в окно разбудил товарища Степуна. Последнее время участники заговора привыкли спать особенно настороженно и чутко. Может быть, совсем не так резок был этот удар о стекло, но в голове молодого красного командира он отозвался грохотом. Степун вскочил. И, вероятно, навсегда запомнилась ему эта черная мгла за серебряными лилиями и пальмами заиндевевших стекол, бледное лицо Мировича с бровью, как-то странно приподнятой, скосившейся, словно от боли, и опушенный снегом шлем со звездой. Степун, спавший одетым, наскоро набросил шинель; тяжелый комок стали - наган - был под рукой.

Он спросил: - Скворцов? (так звали явного провокатора). Мирович легко дернул плечами. Стало сразу понятно, что все кончено, итти дальше некуда, пропало все.

Сосредоточенные и настороженные они зашагали по занесенной снегом улице. На углу тускло желтел фонарь.

- Куда мы идем? - почти без любопытства спросил Степун.

- К нему, - ответил Мирович.

Скворцов жил в переулке, в одноэтажном доме, за кооперативом.

Странно было, и теперь младший из командиров сам удивлялся этому, каким образом этот глубоко штатский человек так тесно вошел в их замкнутую авиационную среду, стал своим и желанным. Может быть потому, что был резок в своих суждениях относительно власти и с ним приходила как бы струя свежего воздуха извне. Степуну лично он был несимпатичен. Но случилось как-то говорить с ним об убеждениях с глазу на глаз. Спокойно и веско этот маленький скуластый человек произнес, не понижая голоса:

- По убеждениям вы, милый друг, либерал, а я - монархист; вы не знаете, чего хотите, а я знаю, и поэтому, хоть вы и молоды и руки у вас железные, а я сильнее вас.

Эти слова, каких никто не мог или не смел сказать уже много лет, поразили Степуна. Сам выдвиженец, крестьянский сын, он был упрям и неразговорчив, в глубине души готов на многое, но тогда еще не отдавал себе в этом отчета и благоговел перед чужою смелостью. Все вокруг - товарищи, чьи имена были зачтены среди участников заговора, относились к Скворцову с глубоким уважением. Он был решителен, знал все ходы и выходы, не терялся в минуты, казавшиеся наиболее опасными. Именно он наладил связь с легитимистами заграницей.

Мирович остановился.

- У него свет, - сказал он. - Кто-то сидит. Что у тебя есть, Степун?

- Наган.

- У меня - парабеллум, два апельсина. Но это - на худой конец, если их много. Если двое - справимся без шума. Отсюда - на аэродром.

Открыла заспанная девченка, племянница Скворцова. Спросили, кто у него.

- Только Юркевич и Бергман.

Степун вздрогнул. Бергман был командир эскадрона Чона, недавно пришедшего в город. Юркевич - комиссар по особо важным делам при секции ГПУ.

- Прекрасно, - сказал Мирович, улыбаясь.

- Дядя мне велел предупредить, если кто придет, - продолжала девченка. Я пойду перед вами... - В ночном приходе командиров ей почуялось недоброе.

Мирович пропустил ее вперед, но когда шли мимо чулана, вдруг наклонился, легко подхватил ее подмышки и передал Степуну. Девченка не успела вскрикнуть. Минуя порог, старший слышал, как сухо щелкнул запор. Он чувствовал необыкновенное спокойствие, ясно различал предметы в темноте. Странный, какой-то перемежающийся стук шел вместе с ними. Мирович вдруг понял - это бьется его сердце.

...Скворцов сидел у стола, против зеленой лампы, Бергман спиной к двери, Юркевич полулежал на стареньком кожаном диване. Все трое курили, видимо сидели здесь уже долго. На столе, на медном блюдечке темнели пирамидки пепла.

- Что она, заснула? - спросил Бергман. - Я пойду посмотрю, в чем дело.

- И я пойду с вами, - отозвался, поднимаясь, Юркевич. Он шагнул к двери. И почти в ту же секунду как-то странно взмахнул руками, осел почти беззвучно, только шмякнулся о череп со страшной силой парабеллум Мировича. Брызнула липкая кровь. Бергман недоумевающе взглянул на Скворцова. И, обернувшись, он увидел наставленное в упор на него дуло парабеллума.

- Руки вверх, товарищи, - сказал Мирович. - Левочка, подбери револьверы.

- Но... господа, - начал было Скворцов, - но... что же это такое? Вы же видите...

Степун беззлобно и витиевато выругался, не глядя на него.

- Это что такое? Ог'дег'? - спросил Мирович, слегка картавя, может быть, рисовки ради, а может потому, что был взволнован и старая кадетская привычка вырвалась наружу. На столе лежал, действительно, только что подписанный ордер ГПУ.

- Товарищи... - произнес Бергман.

- Я тебе не товарищ, - нежно ответил Степун.

Мирович подошел вплотную к Скворцову. Скворцов метнулся вперед с протянутыми руками, словно хотел вырвать у него револьвер. Это было последнее, что он видел. Затем последовали два или три судорожных выстрела; последним стрелял Степун. Ветхий домишко наполнился грохотом. Левочка пришел в себя окончательно, когда сквозь дым над его головой голос Мировича произнес:

- У нас будет человек 60 убитых. У них трое. Мало, Лева, идем.

Они бежали задворками. Было еще очень темно, от прерывистых свистков вздрагивал весь город. И потому, что ему было невыносимо жарко, потому что он задыхался, Степун расстегнул шинель.

- У тебя есть перчатки с собою? - вдруг спросил Мирович. -

Нет? На, возьми мои. На чорта ли похожи твои лапы!

Степун с отвращением сжал кулаки; пальцы склеивались от мозга и теплой крови. Почти в то же мгновенье с ними поравнялась группа бегущих людей.

- Куда вы, товарищи? - крикнул Мирович.

Лева весь похолодел.

- Стреляют... покушенье!..

- Да вы не туда бежите! - крикнул Мирович.

Милиционер в опорошенной снегом шинели и башлыке остановился, недоумевая.

- По-моему, на Пролетарской стреляли, - авторитетно продолжал товарищ Степун.

- Следует послать в ГПУ, граждане.

- Да мы туда и идем, - возразил Лева, оправившись.

- А стреляли-то, кажется, в клубе "Красный боец". Бузят ребята.

Еще что-то говорил гражданин в калошах и буром пальто - что именно, Степун не расслышал. Крепко сжав его руку, Мирович свернул на Пионерскую, здесь людей было меньше. Они побежали снова.

Было бесконечно темно, бесконечно пусто на площади перед собором. Это тоже должно было врезаться в память навсегда; обнаженные ветви деревьев в вороньих гнездах, матовый купол и над молчаньем, леденящим ужасом,тьмою - узкий, с двумя поперечными перекладинами, крест. Непривычным угловатым движением оба летчика перекрестились, свернули еще. Совсем уже близко, за площадью маячили длинные ангары аэродрома. Вдруг их окликнул часовой. Мирович продолжал идти на него, тонкий, высокий, с насмешливо поднятой бровью. Вероятно, солдата смутили кубики его шинели, он повторил свой окрик уже менее уверенно.

- Идиот, - сказал Мирович, - идиот! Узнаешь каманди́ра и меня?

- Так точно, товарищ командир!

- Все в порядке на аэродроме? - и, повернувшись к Степуну: - Отлет в 4 часа, опять по твоей милости мы пришли слишком рано. Придется зайти в клуб. Клуб открыт?

Этого солдат не знал, но они уже вошли в ограду совершенно спокойно. Фоккер Мировича в ангаре не был даже покрыт брезентом. И теперь, когда они вытаскивали его, пальцы их примерзали к металлическим частям, а было так жарко, что казалось - нечем дышать.

Необычайно резок был первый толчек, сразу наполнивший тишину жужжанием и гулом - словно прорвались сотни турбин и должны были слышать этот грохот по крайней мере до Москвы. И по белому, совершенно ровному полю скользнула, дрожа и кренясь на крыло, огромная птица.

- Я боялся, не замерзла ли машина, - тихо сказал Мирович.

Степун не расслышал, но понял. Пилот и наблюдатель привыкают понимать друг друга с одного взгляда. Сухой ветер затрещал в пропеллере. О руку Степуна ударился последний ком снега.

Потом земля стала уходить.

Фоккер взвился винтовым головокружительным движением. Корпус его чуть дрожал, и только поэтому можно было понять, как рискован был этот взлет. Свободной рукой Мирович вытащил из кожаного кармана карту пограничной полосы; были странны и до ужаса знакомы имена: Асхабад, Мешед, Эрбиль. Как в очень далеком и вместе недавнем дет-

стве, в потрепанном учебнике истории, трубным звуком звенело: Эрбиль - Арабеллы...

Глухой гул вился за пропеллером.

После двухчасового сумасшедшего полета, когда небо светлело и появились бледные, крупные алмазы звезд, можно было подумать, что самое страшное осталось позади. Вдруг, уже ввиду Аракса, грохот машины стал усиливаться.

"Это уже не мы", - подумал Степун. Мирович слегка побледнел - в первый раз за эти часы. Перегнувшись через борт кабинки, он увидел налево черную точку в белом, матовом и как будто мертвом воздухе. Обернулся вправо - другая.

Степун замерзшей рукой отыскал холодное железо пулемета. Внизу что-то ахнуло - взвился, поплыл черный клуб дыма.

"Молодец, Левочка", - мелькнуло у Юрия.

Но две другие точки - их было опять две - грозно распластались в облаках слева. Тогда началась, под ровный стрекот трех пулеметов, невероятная схватка, борьба вроде тех, о которых пишут очевидцы Соммы, Галиции и Вердена, но еще судорожней, еще страшнее, потому что схватившиеся говорили на одном языке, и на тех двух машинах, похожих на остервеневших коршунов, было по человеку в нелепом шлеме Чона.

Степуну казалось, что дважды он терял сознание или, может быть, обезумев, не понимал, что делает. Когда он пришел в себя в первый раз, в левом крыле зияли три дыры. Потом их стало больше - как кружевной узор. Во второй раз его испугало ощущение влажности, теплоты - он думал, что его ранили в ногу, но оказалось хуже: пуля пробила один из бидонов с бензином. Механически он поворачивал свой п пулемет, вставлял ленты; вероятно, было уже не двое и не трое преследователей - он ясно помнил, что сбил уже одного.

Мирович правит, как он может т а к править? - не раз спрашивал себя он. Но недаром тот дважды брал призы на состязаниях в Москве. Аппарат, находившийся в положении зверя, затравленного сворой собак, шел необычайно ровно; мертвые петли, спасавшие его от прямого обстрела, проделывал он, как на маневрах. Степун с волнением смотрел, как приближается, несмотря ни на что, узкая синяя полоска - береговая насыпь. Стало совсем светло, и его не удивляло, что они летят так низко, он ни разу не подумал о состоянии, в котором находилась их машина. О таких вещах, если хочешь спастись, думать нельзя. Еще один пограничник упал, и теперь был виден в том направлении столб черного дыма.

"Что это Юрий кружит?" - подумал Степун почти с досадой, глядя, как то приближается, то удаляется этот столб. Юрий вдруг повернулся к нему - у него было странное лицо, верхняя губа приподнялась, словно присохла к десне, и это придавало ему страдальческое выражение. Аппарат, как раненая птица, рванулся вперед. И поплыл совсем близко страшный глинистый берег с мелкими камнями, с заиндевелым приземистым кустарником и верблюжьей травой - персидский берег Аракса.

Когда они снизились, было часов шесть утра. Около часа длилась ожесточенная гонка и бой. Аппарат глубоко врезался колесами в рыхлую землю. Чудом было, что он не загорелся, не упал носом вперед - весь облитый бензином, пронизанный,как решето, пулями. Степун поша-

тываясь встал и вылез из кузова. Странно было, что эта чужая земля так похожа на свою. Реки не было видно сзади, последним усилием Фоккер вынес их в Иранские поля.

На востоке бледно розовела линия холмов.

Свобода!

Свобода дышать, мыслить, бороться, возможность ждать близкого - конечно, ведь он-то знает, его не обманешь - конца...

Тишиной, как бы церковной благостью, принимала его древняя страна подвигов и брани - Иран, Арабеллы, священный берег Аракса. И, может быть, поэтому особенно непонятным казалось молчание пилота, завоевавшего последним напряжением воли эту свободу, это спокойствие, и особенно страшно белела впившаяся в борт кабинки тонкая рука.

Хотелось верить...

Н.Новаковская.

От Редакции.

Дорогие Читатели!

Заканчивая ТРЕТИЙ год издания Журнала "Вестник Первопоходника", с грустью замечаем, что не все подписчики внимательно отнеслись к нашему напоминанию о погашении задолженности за высланные нами номера и о возобновлении подписки на "Вестник Первопоходника".

Как всем известно, издание печатного органа требует денежных затрат. Приступая к изданию журнала, мы не имели в виду никаких коммерческих выгод, но исключительно стремились дать возможность рядовым участникам гражданской войны помещать на его страницах свои воспоминания, очерки и проч., дополняя таким образом ранее изданные труды по истории Белого Движения.

Прошло три года, и за этот период времени "Вестник Первопоходника" начал крепнуть. Появляются новые сотрудники, тираж журнала неизменно возрастает, он иллюстрируется фотографиями и рисунками, делается подбор серьезного материала, вводятся, помимо летописи гражданской войны, и другие отделы - литературный, из прошлого русской Императорской армии и т.д. Редакция прилагает все усилия,чтобы поставить журнал на должную высоту, но для этого необходимы средства. Журнал же не имеет других источников дохода, кроме подписной платы и добровольных пожертвований.

Если все наши подписчики внимательно отнесутся к нашим напоминаниям о погашении задолженности и своевременном возобновлении подписки, можно будет с уверенностью продолжать и далее выпускать регулярно "Вестник Первопоходника".

К слову будет сказано, что редакция ежемесячно посылает бесплатно 35 номеров журнала неимущим первопоходникам и белым воинам, а также в старческие дома.

К сведению читателей: Ввиду поступивших запросов, Редакция сообщает, что иллюстрации к отдельным статьям, помещенные в журнале, были оплачены добровольными пожертвованиями доброжелателей.

Мы верим и надеемся, что читатели откликнутся на наш призыв и отнесутся внимательно к нашему обращению.

Редакция.

ХРОНИКА. По случаю праздника корниловцев (всех частей) в день их Небесных Покровителей свв. мучеников Флора и Лавра 31 августа (нов.ст.) в храме Покрова св.Богородицы (150 С.Александрия авеню) в воскресенье 30 августа после Литургии был отслужен молебен с поминовением шефа корниловцев ген.Корнилова, полк.Митрофана Неженцева и всех корниловцев, павших на поле брани и усопших, а также о благополучно здравствующих в странах русского рассеяния.

В тот же день в 6 час.вечера корниловцы: Н.П.Бялковский, И.М. Ляшко, С.И.Чернов, Д.Свидерский, В.Мяч, Г.Н.Вядро, Г.Л.Корнилов (сын ген.Корнилова), А.Переход и В.М.Зайцев собрались в доме Н.П. Бялковского на товарищескую трапезу, затянувшуюся до позднего вечера.

\- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

\- - оОо - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч.

Подписная плата на 1 год $ 4.00, на ½ года - $ 2.50

Цена отдельного номера 40 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 36

- - oOo - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий

4-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists
1706 Echo Park Ave., Los Angeles, Calif., 90026
U.S.A.

№ 37-38 Октябрь-Ноябрь 1964 г.

x
x x

Нет! Лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством!

Нет! Лучше в темную могилу
Унесть безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой, -

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной
В грязи увязнуть с головой.

А.Плещеев

- - oOo - -

x
x x

"Много песен поют на чужой стороне,
И красиво, и с искренней силой,
Но одна лишь из них душу трогает мне:
Это - песня о Родине милой"...

И темна, и бедна дорогая страна,
Но неправ, кто порой забывает,
Что всем людям одна лишь Отчизна дана
И второй никогда не бывает.

Пусть сегодня в Россию закрыты пути,
Пусть рогатки ее оградили, -
Все равно, нам роднее ее не найти,
Где бы мы по земле ни бродили...

Заковали ее по рукам и ногам,
Нарядили блудницей кровавой
И отдали рабой на потеху врагам,
Надругавшись над русскою славой...

Но мы слышим - уже наростает гроза,
Озаренная гневным дыханьем,
И Россия, в слезах, открывает глаза,
Чтоб вернуться к Христу с покаяньем.

Мы должны неизменно Отчизну любить,
Словно жертву за мир перед Богом!
Можно плоть уничтожить - души не убить!
И в порыве молитвенно-строгом.

+ М.Надеждин.

- - oOo - -

РОССИЯ.

Бушует русская стихия...
Развален старый отчий дом,
Но крепнут силы молодые
В борьбе антихриста с Христом.

Бушуй же, властная стихия!
В горниле бурь и завирух
Куется вечная РОССИЯ...
Бессмертен вечный русский дух.

К.С.

- - oOo - -

Король АЛЕКСАНДР 1-й.

К О Р О Л Ю -В И Т Я З Ю.

Помолимся о мире всего мира
Мы, робкие в страданьях на земле, -
Под вздохи труб и слезы, в песнях клира
Помолимся о павшем Короле.
        Помолимся о сердце голубином,
        О храбром, о мудрейшем меж владык!..
        Могильный сон в глазах его орлиных,
        Беспамятен его холодный лик...
Пресветлого бессмертия достоин,
Сраженный здесь, он все ж не побежден:
Склонись, земля! Грядет небесный воин
Во вздохах труб и шелесте знамен...
        Он в кровь свою облекся, как в порфиру,
        И пал на алтаре своей страны...
        Молчи, земля! Грядет блюститель мира,
        Увенчанный цветами тишины.

К.Акаро.

9-го октября 1934 года злодейской и святотатственной рукой убит Его Величество АЛЕКСАНДР 1-й, Король Югославии.

С именем Короля Александра у нас неразрывно связано представление о Монархе-Рыцаре, Монархе-Герое, Монархе - Мудром Правителе.

В то время, как среди взбаламученного моря политических страстей и разного рода политических комбинаций СССР признается как бы полноправным членом среди государств цивилизованного мира, Король Александр мужественно и честно дает оценку советскому правительству и отказывается иметь с ним какое-либо дело.

Силою своего духа Король Александр заставляет помнить Национальную Россию, уважать ее прошлое и верить в ее будущее.

И для нас, верящих в возрождение Национальной России, Король Александр будет всегда примером верности и долга.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ВЕЧНАЯ СЛАВА!

- - oOo - -

КОРОЛЬ АЛЕКСАНДР 1-й.

Среди правителей современных государств погибший от руки убийцы Король Югославии Александр 1-й был, быть может, единственным подлинным другом рассеянных за рубежом воинских кадров и русской эмиграции.

Благородный облик Короля-Рыцаря, исполненный романтических чувств, заключал в себе, как одну из заметных черт, его любовь к русскому народу и России.

Родившись в эмиграции, в Цетинье, Король Александр свою юность проводит при Русском Дворе и получает образование в Пажеском Корпусе. Получив в 1903 году возможность возвратиться в свою страну вместе с возвращенным на трон своим отцом, сербским Королем Петром, королевич Александр в 1909 году становится наследником. В 1912 году Королевич назначается Командующим 1-й Сербской армией и открывает военные действия против турок первым орудийным выстрелом, произведенным им лично с передовых позиций. Победы сербских войск, среди которых необходимо отметить сражение под Кумановым, начинают тревожить покой Центральных Держав. 24 июня 1914 года, то есть в момент надвигавшейся над Сербией грозы, Королевич становится Регентом при тяжело больном своем отце Короле Петре 1-м:

После предъявления Австро-Венгрией унизительного ультиматума Сербии взоры Королевича-Регента направлены в сторону Русского Императора, от которого он ждет не только ответа, но и помощи. Мы знаем, что Сербия не осталась в этот момент одинокой.

Став Главнокомандующим Сербских войск, Королевич в момент на-

чала Мировой войны решает не отходить перед напором превосходящих сил противника, а защищать Белград, не останавливаясь даже перед уличными боями в столице - для того, чтобы все сербы прониклись трагедией совершающегося и встали на защиту своей родины. Если Сербия в этапах Мировой войны пострадала в разгар боев больше, чем любое другое из союзных государств, то в то же самое время можно сказать, что ни одна из армий не сражалась с таким упорством, как Сербская под водителем своего Королевича-Регента.

В 1915 году, после выступления Болгарии на стороне Центральных Держав, положение Сербской армии становится критическим. Вражеские силы окружают ее с трех сторон, оставив возможность отхода только через Албанские горы. Начался исключительный "поход голода", едва не ставший Голгофой Сербского войска. Когда Армия находилась уже на берегу Адриатического моря, положение для нее стало катастрофическим, так как обещанных союзниками судов для перевозки частей не оказалось, перейти же на территорию Италии, в то время еще не вступившей в число воюющих держав, значило вывести войска из числа сражающихся до окончания войны. В этот наиболее тяжелый момент Королевич снова обращается к Русскому Императору, указывая на то, что он всегда возлагал на него последнее упование, и просит его высокого заступничества, ибо иначе всей армии грозит действительная гибель от приближающихся авангардов германских войск. Наш Император энергичным вмешательством ускоряет прибытие флота союзников. Прикованный в это время к постели, заболевший после перехода через Албанию Королевич отказывается погрузиться до тех пор, пока на берегу останется хотя бы один сербский солдат. "Сербии нет, но армия жива", - пишет он президенту Французской республики после погрузки своих войск.Затем следуют остров Корфу, Солунский фронт, и снова Королевич-Регент, в первых рядах сражающихся, совершенно так же, как и в период отхода, двигает под конец войны победоносные войска на Белград и дальше за Дунай.

Помощь со стороны России королевич Александр не забывает до дня своей трагической кончины. Воспитанный в России, он воспринял русскую трагедию не только разумом, но и сердцем. Судьба его родины Сербии в ходе исторических событий была тесным образом связана с судьбой России, в то время, как ничто ее не соединяло и не могло соединить с СССР.

Когда Белая борьба против большевиков на Юге России закончилась неудачей и перед нашим Главнокомандующим встал вопрос о размещении сосредоточенных в лагерях Галлиполи, Лемноса и Чаталджи русских воинских кадров, Король Александр готов был сделать все для того, чтобы принять в Сербию всю армию генерала Врангеля, но политическая обстановка того времени оказалась для этого неблагоприятной.

Став королем сербов, хорватов и словенцев, Александр 1-й сразу же встретился с трудностями жизни молодого соединенного Королевства. В страстной борьбе, которая началась между сербами и хорватами, Король в начале держался в стороне, стремясь восстановить равновесие между централистическими стремлениями сербов и федеративными тенденциями хорватов. Обострение доходит до того, что в Скупщине раздаются даже выстрелы; Король навещает раненого Радича и этим своим тактическим шагом предотвращает возможность, быть может, надвигавшейся в стране гражданской войны. Король до поры до времени про-

должает оставаться строго конституционным монархом, утверждает представляемые ему законы, назначает и принимает отставки 24-х правительств со 130 министрами, которых ему рекомендуют политические партии, причем все это он делает не по недостатку решительности, а преследуя определенный план. И затем, когда подходит требуемый психологический момент, он начинает искать новых методов и прокладывать новые пути, беря ответственность целиком на себя за судьбы государства.

"Я стоял перед дилеммой: либо принести в жертву единство и будущность страны, либо бросить самого себя на чашу весов, - говорил Король в то время французскому журналисту и закончил это интервью словами: - Я не долго колебался".

Король Александр отлично понимал, что в момент разгара политических страстей распространявшаяся из-за границы коммунистическая пропаганда являлась для его народа ядом, который мог бы совершенно развратить подчас слишком доверчивую славянскую душу. Он преградил пути в Сербию идеям не только 3-го, но и 2-го Интернационала, тенденции которого заносили в Югославию из-за границы сербские интеллигенты, не понимая опасности этих идей для своего народа. Поступая решительно, Король Александр был одним из главных врагов коммунизма.

Мы, русские, больше, чем кто-либо другой, понимаем весь безысходный ужас слов, которые вечером 9-го октября передавались из уст в уста в Сербии:

- Нашего Короля убили!

Однако, мировая совесть после Марсельского злодеяния не пробудилась.

Король Александр показал, что и в наше время можно соединять рыцарство с качествами выдающегося государственного деятеля и политика. Всею своею жизнью и в особенности в конце ее Король выставил себя в самом чистом свете благодарного и не забывающего услуг сына славянства, когда отказался присоединить свое имя к признанию тех, кто развратил и разрушил некогда могучую славянскую Россию, подавшую ему без колебания руку в трагические дни 50 лет тому назад.

"Я могу вас уверить, что никогда не изменятся мои чувства по отношению к нации, которой я обязан; вечной благодарности ничто не может ослабить..." - писал Король делегату по защите интересов русских в Югославии г-ну Штрандману.

Мы помним день 6 октября 1929 года - день перевезения праха нашего Главнокомандующего генерала Врангеля в Белград - с соизволения Короля Югославии и благословения Сербского Патриарха. Нашему вождю оказываются воинские почести, присутствуют официальные представители, военный министр; в церемонии принимают участие русские воинские части в форме и при оружии, представитель Короля возлагает венок от Его Величества.

Сербская газета "Время" на следующий день сообщала: "Картина, которую они показали вчера, была грандиозна. Впечатление, которое они хотели произвести, было безусловно дано. Почести, которые русские воины отдали своему Главнокомандующему, были величественны и потрясающи".

Такое явление в 1929 году могло наблюдаться только в Сербии Короля Александра.

Исторические процессы - это постепенное претворение в действи-

тельность неотвратимого. Слепые стоим мы перед судьбою, не нам сорвать с нее покров. Там, где кончается граница осязаемого и понимаемого, начинается область веры. Мы верим, что неотвратимое произойдет и на нашей Родине. И тогда в истории освобожденного русского народа Король-Рыцарь Александр 1-й Объединитель будет неразрывно связан с борьбой против поработителей России.

Г.Орлов.

- - оОо - -

К ПРАЗДНИКУ МАРКОВЦЕВ

"Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной, униженной России".
С.Марков.

РЕДАКЦИЯ "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" ШЛЕТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ РОДНЫМ БРАТЬЯМ МАРКОВЦАМ С ИХ ПОЛКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ.

- - оОо - -

"ЗАВЕТЫ"

Из недр седой древности до наших дней история Русского народа вышита чудной вязью имен: от Ильи Муромца до героев последних войн -на сопках Маньчжурии, в Восточной Пруссии, в Карпатах, в болотах Полесья и в ущельях Кавказа. В них вплетены имена наших великих поэтов, писателей и деятелей науки и много, много имен тружеников устроения государства, творивших каждый свою долю в созидании Великой России. На их примерах и заветах учились поколения русского народа. Они были проводниками и укрепителями национального осознания, национальной гордости и любви к своему Великому Отечеству. Не раз их примеры и заветы будили дремлющее национальное чувство народа, и он, воспрянувший духом, подымался и защищал свою Родину.

Когда, во время напряженной борьбы с врагом внешним, во время войны затянувшейся, утомившей и притупившей чувство долга в народе, кучка международных фанатиков и авантюристов обманом, лестью и невиданной в мире жестокостью захватила власть над русским народом, - он, обманутый и придавленный, не мог не выделить из своей толщи,как не раз это делал в своей тысячелетней истории, гордых смелых и жертвенных. Они восстали против пагубной смуты, вступили в борьбу с пришлыми тиранами, призывали всех верных сынов Родины на подвиг и жертву во имя ее спасения.

Среди этих немногих был генерал С.Л.Марков.

Гордый сын Великой России, горячо любящий свою Мать-Родину, порывистый и смелый, он был олицетворением и проповедником действен-

ного, жертвенного горения. Следуя завету Великого Петра: "Могу ли приказывать кому-нибудь итти вперед, если сам не буду впереди всех?" - он был всегда неизменно впереди своих соратников. Своим порывом, своим примером он увлекал других на подвиги и дела, требующие жертвенного горения и белого накала.

Генерал-профессор, бросающийся впереди цепей в ледяную воду замерзающей реки - пример для переоценки ценностей и отношения к "бывшим людям", притаившимся или покорно поползшим к ногам новых владык.

Генерал-боец не мог избежать участи многих своих соратников. Смертельно раненый 12 июня 1918 года, он был оставлен на земле, болеющий душой о Родине и отдающий всего себя делу служения ей, не ища личного счастья и благополучия.

Он ушел, преисполненный веры в светлое будущее России, свои последние мысли и слова обращая к Родине: "ВЕРЮ - РОССИЯ СНОВА БУДЕТ ЕДИНОЙ, ВЕЛИКОЙ, МОГУЧЕЙ".

Прошло много тяжелых лет.

Погибли многие вожди, непонятая и истекающая кровью отошла Русская Армия на чужбину. Но напрасно ликует враг, часто с опаской поглядывая кругом. Светоч освободительной борьбы, зажженный на полях Дона и Кубани, озаривший весь юг России и все необъятные ее просторы, не погашен. Здесь, на чужбине, он горит в сердцах Русского Воинства и приявшей его путь молодежи; и там, на равнинах измученной Родины, под ледяным покровом коммунизма, тлеет, выбрасывая часто языки пламени, жертвенный огонь национального горения.

Изменились условия борьбы. Но и в тех формах, которые она приняла, необходимы те же: самоотрицание, смелость, гордость, вера, жертвенность и порыв - то, чему примером был и что завещал генерал Марков. Необходимы - вера и дело, так прекрасно сочетавшиеся в его героической личности. Вера и дела - основы нашего служения Родине.

Нужно вспомнить генерала Маркова под Медведовской и Ново-Дмитриевской, чтобы устыдиться, в дни продолжающихся страданий Родины, поисков личного благополучия и ухода в беженское болото.

Нужно вспомнить его неизменный порыв, чтобы сбросить уныние, апатию и малодушие. Нужно вспомнить его полные веры последние слова, чтобы в дни неудач и уныния не слабела, а крепла вера в светлое будущее России.

Будем помнить заветы генерала Маркова - ВЕРА и ДЕЛО.

Они укрепляют дух, указывают путь и приведут к заветной цели - Освобождению и Возрождению Великой России.

Вольноопр. А.Чебыршов.

- - оОо - -

РЕДАКЦИЯ "ВЕСТНИКА ПЕРВОПОХОДНИКА" ПОЗДРАВЛЯЕТ ДОРОГИХ СОРАТНИКОВ - КАЗАКОВ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО, КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, СЛАВНЫХ ТЕРЦЕВ И КАЗАКОВ ВСЕХ ДРУГИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК С ИХ ВОЙСКОВЫМ ПРАЗДНИКОМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

- - оОо - -

КАК ПРАЗДНОВАЛИ КАЗАКИ НА СВЯТОЙ РУСИ СВОЙ ПРАЗДНИК на Дону и на Кубани.

Нет и не было на Руси праздников, которых не освящала бы своим участием Православная Церковь. Церковь наполняла жизнь благолепными службами, таинствами и обрядами. Церковь - прекрасная в своем зодчестве, каменная с толстыми стенами, с высокими куполами, с медным звоном колоколов, с золотом и серебром риз и писаными красками иконами, со свечами и расписными паникадилами - владела душою каждого казака и всей станицы. Она пленяла и поражала, несла радость причастного дня, установила брак, крестины, день рождения и именин, подошла к умершему и сказала скорбящим о покойнике его близким,что смерти нет, и замолила перед Господом: "и вечного огня исхити". Церковь точно усмиряла природу, страшную человеку своими бурями и небесными знамениями, уничтожала скуку станичной жизни и сближала земного человека с силами небесными.

Жили казаки в природе. Сходились, венчались, женились, рожали детей, чтобы воспитать из них верующих христиан, верных слуг Государя и Родины.

Когда же наступали осенние вечера и на западе горела красная полоса далекой зари, а над нею грозно клубились темно-лиловые тучи, будто хотели похитить последний свет на земле, - казаки спокойно крестились на восток. Знали и верили: не допустит Господь до беды, избавит их от огня, потопа, труса, глада, меча, нашествия иноплеменных и междоусобной брани. Это участие Церкви, как неотъемлемая часть празднования, имеет в данном случае свое историческое объяснение, и из прошлого всех казачьих войск определяется и дата праздника, приуроченная к 1 октября, ко дню Покрова Пресвятой Богородицы.

Далеко в глубокую седину веков уходит торжество празднования этого поистине великого Войскового Праздника. Упоминание о первых казаках было еще при Великом Князе Владимире в 948 году, когда они вступили на службу к Византийскому Императору, как военная часть для защиты Царьграда от набегов степных кочевников и турок.Начало самого праздника также уходит в вековую старину - к 1641 году, когда осажденным в Азове донцам и запорожцам открылось в небе чудесное Божественное явление св.Богородицы и турки в это время прекратили осаду и отошли от крепости. Это было в день Покрова Пресвятой Богородицы, и с того времени казаки стали считать этот день своим праздником.

Вот почему праздник этот, связанный с Божественным явлением, всегда открывался торжественным звоном церковных колоколов, начинающимся пятисотпудовым соборным колоколом - своего рода местным "Иваном Великим" столицы Кубанской Екатеринодара.

Под великий перезвон колоколов - глашатаев радости и призыва к молитве, наполняющий город и его окрестности, из Собора открывается шествие - крестный ход, с участием всего "столичного" духовенства, облеченного в богатые, блестящие золотом ризы. Соборная площадь заполняется рядами выстроившихся войсковых частей и воспитанников учебных заведений и тысячами народа и встречает крестный ход звуками войскового хора трубачей, исполняющих чудный гимн-хвалу - "Коль Славен", величественные аккорды которого несутся по улицам и площадям Кубанской столицы... Раздается звучная команда - и ряды войск ощетиниваются лесом штыков и сабель; тысячи голов обнажаются.

Вслед за духовенством, под лесом колыхающихся знамен и знаков - свидетелей былой славы казачьей - шествует казачество, облеченное властью. Знаки этой власти - булавы, насеки, перначи - сверкают золотом и серебром в их руках, напоминая о дорогом казачьему сердцу далеком прошлом. За ними - гвардейцы-конвойцы и высшие чины войска и сам "батька-атаман". Шествие следует вдоль шпалер войск, школ и народа через площадь, где когда-то шумели войсковые рады последних запорожцев-черноморцев и величественно ~~стоял~~ обширный деревянный Собор. Сюда в свой войсковой праздник стекалось казачество "помолиться на священной земле и в Войсковом Кругу обновить хоть тень давно забытой Рады казачьей".

- о -

Так же торжественно казаки праздновали свой праздник и на Дону, где торжества, сопровождаемые блестящими военными парадами, происходили на Монастырском Урочище недалеко от Старочеркасской станицы, куда также стекались все войска Области, юнкера Новочеркасского Военного училища и тысячи тысяч народа, восторженно встречающего свои родные части пешие и конные, блестящие на солнце лесом пик, наводивших страх и ужас на врагов наших.

Так было!... А когда оставили последнюю пядь Русской земли, казачество попало в Турцию, затем Донские, Кубанские и Терские части были размещены на греческом острове Лемносе, откуда и переселились в Европу, Канаду и США. И несмотря на тяжелую жизнь бесправного эмигранта на чужбине, казачество продолжает отмечать свой Войсковой Праздник, но уже без той торжественности, как было в родных краях, однако, все с той же усердной молитвой за родных и близких и за дорогую Родину Россию. В тесном кругу среди станичников вспоминают казаки о своем быте, который вынесли они из глубины веков, от которого веет былинами про богатырей, и рассказывают детям своим о ратных делах казачьих и о победах своих над татарами и поляками, над шведами и турками, над англичанами и французами.

Г.Головань.

Материалом для этой статьи послужили:
Кубанский информац.листок "Казак";
Воспоминания ген. П.Краснова;
Рассказ Атамана Общеказачьей Станицы в Бельгии В.В.Кузнецова.

- - оОо - -

О МОБИЛИЗАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ в 1914 году.
(Из воспоминаний)

В текущем году исполняется 50 лет со дня начала 1-й Великой войны.

К ней Россия не была подготовлена. Тяжелые раны, нанесенные ей несчастной Японской войной 1904-1905 г. еще не были вполне ни залечены, ни изжиты.

Русская армия была слабее армий великих европейских держав, главным образом, в техническом отношении. А между тем напряженность политической обстановки в Европе, по вине Германии, мечтавшей, в лице императора Вильгельма, о мировом политическом и экономическом господстве, все усиливалась и усиливалась*).

Неизбежность войны назревала, и в ней Россия, как член "Антанты", созданной в противовес "Тройственному Союзу", естественно, должна была принять участие. Отсюда - безотлагательная необходимость усиления мощи своих вооруженных сил.

В 1912 году был издан новый "Устав о воинской повинности", предусматривавший, в случае войны, использование всего способного носить оружие мужского населения в возрасте от 20 до 43 лет, что давало около 12 миллионов человек. А если не принимать в расчет существовавшие по закону льготы, освобождавшие от военной службы, то эта цифра должна была быть увеличена до 15 миллионов человек. Это был о б щ и й р е з е р в, подлежащий использованию в течение всей войны.

В 1912 году было дополнено "Мобилизационное расписание" - план № 18, 1910 года. Оно предусматривало "общую" и "частную" мобилизации.

При общей мобилизации - одновременно на всей территории государства производился призыв всего запаса обученных людей, прошедших кадры, для пополнения армии и флота до штатов военного времени, а также производилась поставка лошадей, повозок и автомобилей.

Развертывались из скрытых кадров мирного времени второочередные войсковые части и запасные войска.

При мобилизации в 1914 году наша постоянная армия в 1.300.000 человек получила пополнение в 3.500.000 человек (15 призывных возрастов - 1897-1911 г.г.), что доводило численность перволинейной армии до (округло) 5 миллионов человек.

Вся остальная масса военно-обязанных состояла из ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, численностью до 10 миллионов человек.

Из ратников ополчения 1-го разряда формировались ополченские дружины, сотни и батареи и запасные батальоны второй очереди. Мобилизационное расписание устанавливало точные сроки явки запасных не только по дням, но и по часам.

---

*) "В этом мире не может быть решено ни одного вопроса без участия Германии и Германского императора". - Из речи Вильгельма 2-го на торжестве 200-летия Прусского королевства.

"Будущее Германии на водах" - угроза Англии.

" угроза России и славянству.

Частная мобилизация предусматривала подъем части вооруженных сил России, как, например, во время Русско-Японской войны, когда было произведено 11 частных мобилизаций, чрезвычайно расстроивших существовавший план Общей мобилизации.

В 1913 году было Высочайше утверждено разработанное Совещанием представителей Министерств под председательством ген.Лукомского *) "Положение о предмобилизационном периоде", имевшее в виду децентрализацию подготовительных военных распоряжений на местах в предвидении Общей мобилизации.

В том же 1913 году была Высочайше утверждена разработанная в предыдущие годы "Большая программа" усиления вооруженных сил государства, рассчитанная на... 5 лет.

Таким образом, только к 1918 году можно было надеяться, что Русская армия достигла бы по своей мощи уровня европейских армий.

Этого Германия, конечно, не могла допустить, и ей нужно было торопиться с войной, пока Россия была еще слаба.

Вильгельм ищет повода начать войну **) и... находит его в трагическом событии, происшедшем в Боснии, в г.Сараево, где 15-го июня 1914 г. молодым сербским патриотом Гаврилом Принципом был убит Австрийский Эрцгерцог Фердинанд и его жена.

Австрия, подстрекаемая Вильгельмом***), обвиняя Сербию в соучастии в убийстве Эрцгерцога, предъявляет ей 11-го июля неприемлемый для суверенного государства у л ь т и м а т у м.

Королевич-регент Сербский Александр (будущий Король Александр 1-й) обратился к Государю Императору с мольбой о помощи и защите:

..."Мы не можем защищаться, - телеграфировал он Государю. - Умоляем Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Твердо надеемся, что наш призыв найдет отклик в Вашем славянском и благородном сердце".

И Государь ответил обещанием заступиться за единокровный сербский народ.

- о -

---

*) Ген.Лукомский во время войны занимал пост Генерал-квартирмейстера, а затем Нач.Штаба Верховного Главнокомандующего.

**) В октябре 1913 г., то есть за 8 мес. до начала войны, на торжественном обеде в Потсдаме, данном в честь Председателя Совета Министров В.Н.Коковцева, Вильгельм в беседе с директором Кредитной канцелярии Л.Ф.Давыдовым резким тоном высказал такие мысли:

..."Я вижу надвигающийся конфликт двух рас - романо-славянской и германской - и не могу не предупредить вас об этом... Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнет ее"...

***) Австрийский посол в Германии доносил своему правительству о разговоре с Вильгельмом 5 июля 1914 г.:

"По мнению Императора с действиями против Сербии не следует слишком долго ждать. Поведение России будет враждебным, но к этому он уже несколько лет готов, и, если дело дойдет до войны, то мы можем быть убеждены в том, что Германия будет на нашей стороне. Впрочем, Россия еще не готова к войне... Кроме того, Император Вильгельм будет сожалеть, что мы (австрийцы) не используем этот столь благоприятный момент"...

11-го июля в 12 час. дня *) Начальник Генерального Штаба ген. Янушкевич спешно вызвал к себе Начальника Мобилизационного отдела ген.Добророльского и сказал ему:

"Положение весьма серьезное... Австрия предъявила Сербии совершенно неприемлемый ультиматум... Завтра в "Русском Инвалиде" будет напечатано официальное предупреждение о том, что вся Россия с напряженным вниманием следит за ходом переговоров между австрийским и сербским правительствами и не останется спокойною, если достоинству и целости единокровного сербского народа будет грозить опасность. Все ли у вас готово для объявления мобилизации?"

После утвердительного ответа ген.Янушкевич приказал ген.Добророльскому принести все расчеты о боевой готовности войск и добавил, что имеется в виду, в случае необходимости, объявление не общей, а частной мобилизации против Австрии, потому что при такой мобилизации ничто не даст повода Германии видеть какую-либо враждебность против нее.

"Я тут же доложил ген.Янушкевичу, - пишет в своих воспоминаниях ген.Добророльский**), - о недопустимости частной мобилизации, но ген.Янушкевич ничего на это не ответил и только повторил свое приказание."

Вместе с расчетами ген.Добророльский представил ген.Янушкевичу и свой доклад о недопустимости и опасности для России объявления частной мобилизации против Австрии по следующим причинам:

1. Австрия и Германия спаяны тесными военными договорами, периодически официально подтверждаемыми. Еще совсем недавно - два года тому назад - по поводу аннексии Австрией в 1909 году Боснии и Герцеговины, Германский Император торжественно заявил, что "Австрия может быть спокойна, ее верный рыцарь в блестящих латах исполнит свой долг".

Отсюда ясно, что к частичной мобилизации России против Австрии Германия не останется равнодушной и, конечно, поддержит свою союзницу.

2. Наше мобилизационное расписание НЕ предусматривало частной мобилизации против Австрии. Это "расписание" и план стратегического развертывания Русской армии были разработаны в предвидении одновременной войны с Австрией и Германией. Предполагаемая же частная мобилизация в корне нарушит оба этих плана и внесет сумбур на железных дорогах.

Частная мобилизация против Австрии коснулась бы четырех военных округов - Киевского, Одесского, Московского и Казанского - 13 армейских корпусов. Эти корпуса и по плану <u>общей</u> мобилизации и стратегического развертывания должны были развернуться на Австрийском фронте. Но в данном случае, так как пограничный с Германией Варшавский военный округ не мобилизуется, то южная его граница с Австрией остается открытой, не занятой нашими войсками, а следовательно свободной для вторжения австрийской армии. Отсюда не трудно себе представить тяжкие для России последствия частной мобилизации...

---

*) Все даты - по старому стилю.

**) "Военный Сборник" № 1, 1921 г., выходивший в Белграде под моей редакцией. В.П.

Вечером того же 11 июля в Красном Селе, с участием Нач.Штаба ген.Янушкевича, состоялось заседание Совета Министров, на котором было подтверждено решение - ответить на Австрийский ультиматум Сербии достойным России, покровительницы славян, образом и постановлено принять на случай мобилизации следующие меры:

1. Ввести во всей Империи "Положение о предмобилизационном периоде".

2. Объявить крепости и некоторые пограничные районы на военном положении.

3. Вернуть войска из лагерных сборов в места их постоянных стоянок.

4. Ввиду некомплекта в войсках по штату мирного времени младших офицеров, произвести юнкеров старших курсов в офицеры.

В течение последующих дней - 12-14 июля - шли напряженные дипломатические переговоры, обмен "нотами" между русским правительством, стремившимся, если не ликвидировать, то ослабить остроту Австро-Сербского конфликта, с одной стороны и Австрией и Германией - с другой.

Лично Государь Император в своей переписке с Вильгельмом неизменно подчеркивал свое дружественное к Германии отношение, просил его, в целях сохранения мира, оказать влияние на Австрию и быть посредником в ведущихся переговорах.

Вильгельм дал свое согласие, но фактически поощрял Австрию к неуступчивости и толкал на объявление войны Сербии...

Предложение Государя передать Австро-Сербский конфликт на рассмотрение Международного Арбитрарного Трибунала в Гааге было отвергнуто Австрией.

Решение правительства, в случае дальнейшей неуступчивости Австрии, произвести частную мобилизацию - еще не было в эти дни отставлено, несмотря на обстоятельный доклад ген.Добророльского.

Наиболее ярким сторонником производства частной мобилизации был Министр Иностранных дел г.Сазонов, все еще полагавший, что в этом случае Австрия "уступит", острота конфликта ослабится и угроза войны исчезнет...

Эту веру в спасительность частной мобилизации Сазонов поддерживал и у Государя. Государь не хотел войны и стремился поддерживать самые дружественные отношения с Германией.

Примером сего может служить следующий эпизод, происшедший 14 июля с немецким пароходом, находившимся в Кронштадте.
Так как 12 июля Кронштадт был объявлен на военном положении, то за этим пароходом, в предупреждение шпионажа, по приказанию коменданта крепости было установлено наблюдение, выяснившее, что на пароходе имеется станция беспроволочного телеграфа и что шкипер парохода пользуется ею для передачи шифрованных телеграмм.

На доклад об этом Комендантом крепости Главнокомандующему Войсками Петербургского военного округа Вел.Князю Николаю Николаевичу последовала резолюция последнего: пароход задержать, шкипера арестовать, станцию снять.

Германский посол заявил протест.

В результате - Государь повелел Главнокомандующему немедленно освободить шкипера и пароход не задерживать.

В собственноручном же письме Вел.Князю Николаю Николаевичу

Государь выразил осуждение принятой меры против судна, принадлежащего дружественному государству.

О намерении России произвести частную мобилизацию не могло не быть известно Австрии, но это обстоятельство нисколько ее не устрашило и, поддерживаемая Вильгельмом, она 15-го июля объявила Сербии войну.

С этого момента сторонники "спасительности" частной мобилизации, во главе с министром Сазоновым, теряют свой оптимизм и проникаются мыслью о неизбежности общей войны.

В своем разговоре с ген.Янушкевичем Сазонов высказывает мысль о необходимости объявления Общей мобилизации; тот поддерживает, соглашается с ним.

Сазонов докладывает Государю эти соображения, и в результате - вечером того же 15-го июля, ген.Янушкевич, по повелению Государя, представляет Его Величеству два проекта Указа - один об объявлении Общей мобилизации, а другой - частичной мобилизации.

"Утром 16-го июля, - пишет в своих воспоминаниях ген.Добророльский, - ген.Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный Государем Императором УКАЗ ОБ ОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ. Ее первым днем назначалось 17 июля".

Указ этот должен был быть отправлен в Правительствующий Сенат для обнародования, но прежде надлежало с ним вместе быть у министров - военного, морского и внутренних дел и получить их подписи на телеграмме, которой, по закону, объявлялось Командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам о мобилизации.

"Хорошо помню эти посещения, - пишет ген.Добророльский. - Военный министр Сухомлинов все эти роковые дни держался как-то в стороне. Он понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто бы хотел, чтобы забыли крикливую статью в "Биржевых Ведомостях", написанную по его инициативе всего несколько месяцев тому назад, - о нашей готовности к войне: "Россия не хочет войны, но и не боится ее". Он умышленно предоставлял дирижерскую палочку Начальнику Генерального Штаба ген.Янушкевичу, который только 4 месяца тому назад принял этот ответственный пост.

"Будь в этот момент на высших постах военного ведомства несколько иные люди - один с большим чувством любви к Родине и более государственно мыслящий человек, вроде ген.Милютина*), а другой - с большим опытом и знанием тайн военного искусства и большим пониманием армии, вроде ген.Обручева (а я добавлю - будь в эти роковые для России дни на посту Председателя Совета Министров П.А.Столыпин), - война могла бы быть отсрочена до более благоприятного для России времени".

Ген.Сухомлинов молча подписал телеграмму. Морской министр адмирал Григорович не хотел верить, что объявляется Общая мобилизация.

"Как, война с Германией? Наш флот не в состоянии состязаться с Германским, - волнуясь, говорил министр. - Кронштадт не предохранит столицу от бомбардировки!"

---

*) Ген.Милютин - военный министр в царствование Императора Александра 2-го.

**) Ген.Обручев - начальник Генерального Штаба в то же время.

С тяжелым чувством он подписал телеграмму.

На Елагином острове у министра Внутренних дел Маклакова царила молитвенная обстановка. Против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белою пеленою, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых свечей.

Министр сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его сведениям, с нетерпением ждут войны, чтобы закончить дело, начатое ими в минувшую Японскую войну.

"Война у нас, - говорил он, - не может быть популярной; идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцами... Но от рока не уйти, - закончил министр и, осенив себя крестным знамением, подписал телеграмму.

Получив подписи министров, ген.Добророльский отправился на Главный Телеграф и около 9 час.30 мин. вечера вручил Управляющему телеграфом подписанную министрами телеграмму для передачи по назначению.

Но не успели начать передачу, как ген.Добророльского вызвал к телефону ген.Янушкевич и приказал ему задержать передачу телеграммы до прихода к нему ген.штаба капитана Туган-Барановского. Последний передал ген.Добророльскому Высочайшее повеление - не отправлять телеграмму об Общей мобилизации. Она была отменена, а вместо нее повелено произвести частичную мобилизацию.

Такая перемена произошла вследствие полученной Государем телеграммы от Вильгельма, в которой тот писал:

..."Если Россия будет мобилизовать войска против Австро-Венгрии, посредническая роль, которую я принял на себя по твоей настойчивой просьбе, будет скомпрометирована, если не станет вообще невозможной. Вся тяжесть решения лежит на твоих плечах, и ты несешь ответственность за войну или мир".

В ночь на 17 июля телеграмма о частичной мобилизации была послана Командующим войсками Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов. Остальные округа, в том числе и Варшавский, не были тронуты; не был мобилизован и флот.

Первым днем мобилизации было назначено 17 июля.

Однако, уже утром этого дня ген.Янушкевич передал по телефону ген.Добророльскому, что ..."есть надежда на исправление положения".

Оказалось, что ген.Янушкевичу удалось убедить Сазонова представить Государю Императору всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частичной мобилизации. Она позволит Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на... нейтралитет, и, когда Россия завязнет со своей частичной мобилизацией, он объявит России войну и использует нашу неподготовленность в крайне выгодном для себя отношении.

В результате, около 1 часа дня Сазонов сообщил ген.Янушкевичу, что "Государь, в связи с полученными последними сведениями из Берлина, признал правильным объявить ОБЩУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ.

Вновь были собраны подписи министров, а Высочайший Указ отправлен Правительствующему Сенату для опубликования.Первым днем мобилизации назначено 18 июля.

Около 6 час.вечера ген.Добророльский пришел на Главный телеграф и передал телеграмму о мобилизации.

..."Я вошел в зал, - вспоминает он; - какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток... Каждый сидел у своего аппарата и ожидал оттиска телеграммы, чтобы послать во все концы Русской земли знаменательную весть о подъеме русского народа на великую борьбу.

...В 6 часов с минутами вечера, среди полной тишины, сразу застучали аппараты... Это был начальный момент великой эпохи".

Это был пролог величайшей исторической драмы всего человечества, которая еще и ныне, спустя 50 лет, продолжается.

18 июля Австрия и Германия объявили мобилизации, а 19 июля объявили России войну. 20-го июля в Зимнем Дворце, в торжественной обстановке был объявлен Государем Императором Манифест об объявлении войны Германии и Австрии.

- о -

Общая мобилизация Русской армии была проведена блестяще и в предусмотренные сроки.

Объявленная в ночь с 16 на 17 июля частичная мобилизация, к счастью, не внесла дезорганизации в ход Общей мобилизации, ибо в Киевском, Одесском, Московском и Казанском военных округах в первый день частичной мобилизации перевозка запасных по железным дорогам не производилась. По закону, первый день мобилизации вообще предоставлялся призываемым запасным для устройства своих личных и домашних дел. И таким образом, для указанных выше военных округов мобилизация имела два "первых" дня.

На второй день мобилизации - 19 июля - уже начали вливаться в кадровый состав армии призванные запасные. Сроки мобилизационной и боевой готовности войсковых частей и учреждений были различны, начиная от нескольких часов для пограничных кавалерийских полков и кончая несколькими неделями для второочередных частей.

Успешному проведению мобилизации чрезвычайно помогли практиковавшиеся в мирное время "поверочные" мобилизации, проводимые специальными комиссиями в военных округах, и "опытные" мобилизации воинских частей с призывом запасных и поставкой от населения лошадей.

Российские железные дороги прекрасно справились с перевозкой войск, с максимальной точностью выполняя графики, и полевые армии были окончательно готовы в районах своего сосредоточения на двадцатые дни мобилизации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что такому успеху мобилизации содействовал общий патриотический подъем всего русского народа.

Ген.Штаба Полковник В.Пронин.

- - оОо - -

ГАЛЛИПОЛИ

У Галлиполийского мола шумел прибой. Там с ночи стояли выгруженные на берег войска. В грязи, на шинелях, лежали тифозные. Спали солдаты, укрывшись мокрыми шинелями с головой. Пели юнкера, притаптывая замерзшими ногами:

"Мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода..."

"Одесская Мама" была первой русской песней, какую услышало осеннее Галлиполи. На молу, где белыми стадами бежал прибой, на холодном дожде, вповалку, промокшие до нитки, топтались женщины, дети, солдаты, измученная толпа, вываленная из черного нутра транспортов. Оборванные погоны, сырые шинели на голову мешком; на молу никто не знал, какая часть и какой полк, на молу все смешалось. Тогда Кутепов вошел в толпу. Кто-то не отдал чести. Кутепов сурово скомандовал:

– Честь! Или вы не солдат?

Так началось Галлиполи.

- о -

По долине, у гор, где в большую войну стоял английский лагерь, отвели место для русского лагеря на земле одного турецкого полковника. Англичане звали свою стоянку Долиной Роз и Смерти, потому что по расселинам, над рекой, ползли заросли шиповника и потому что умирали английские стрелки от укусов змей.

- о -

У квадратной и маленькой Галлиполийской бухты, забитой легкими фелюгами, на набережной, где примостились на сером булыжнике стайки соломенных стульев у турецких кофеен, стали русские часовые. Там, за деревянным мостиком, и была знаменитая Галлиполийская Губа, каменный каземат рыцарских времен, где, как рассказывают, под балками потолка, черными от копоти, отыскали записи пленных запорожцев.

Когда все стали понимать, что без Кутепова, без его дисциплины и без его гауптвахты армия расползлась бы в человеческую труху, Губа стала не больше, чем Галлиполийским анекдотом.

Появилась у Губы и своя казенная печать: тощая двуголовая птица: одна голова – генерал Кутепов, другая – комендант города, и в каждой лапе зажато по маленькому офицеру, болтающему руками и ногами.

Про Губу, как и про все в Галлиполи, ходили каррикатуры: изображен, например, комендант города, а губа у него растянута и сидят на этой чудовищной губе маленькие офицерики.

О генерале Кутепове была такая примета: когда генерал в форме Дроздов – обойдется без цука, когда в форме Корниловцев – всякое может случиться, и то и се, а когда наденет Марковские погоны – обязательно погонит кого-нибудь на Губу.

- о -

Идет Кутепыч по улице – Кутепычем звали генерала в армии. Идет Кутепыч, шагая крепко и широко, сам в черной гимнастерке и в черных перчатках. С ним шагом адъютанты в ослепительно белых гимнастерках, звеня шпорами.

Коричневые девченки-турчанки разлетаются в пыль воробьиной стаей:

- Кутеп-Паша, Кутеп-Паша...

Кутеп-Пашей звали генерала турки.

У домов стоят французские часовые, сенегальцы. Они радостно скалят зубы, завидя русского генерала, и по-русски отдают ему честь. Пощелкивая языком, вращая белками, сенегальцы зовут Кутепова:

Генерал щурит на них блестящие черные глаза и смеется.

- о -

У порта есть городской фонтан. Широкие, темные плиты мостовой всегда мокрые и блестят. Вода свежо журчит, сверкает, и звенят у фонтана русские ведра и баклаги.

Весело болтая, прошли коротконогие французы в голубом, потные, красные, точно из горячей бани. Печатает шаг, ровно отмахивая руками, взвод белых русских юнкеров:

- Эх, ма - горе не беда...

А в кофейнях у порта - прохладно. От воды, по белому потолку, ходят солнечные разводы. На белых стенах - свежая роспись: кальяны с малиновыми чубуками, красные попугаи и огромные русские ромашки. Русская роспись уже во всех турецких кофейнях у порта.

У низкого дома Русского Штаба, где расклеены по стене писанные на гектогра фе лиловые приказы и пожелтелые от жары листы "Общего Дела", молча топчется кучка белых рубах. Пропотелые рубахи льнут к спинам темными пятнами. Газеты читают молча.

Немая жара. Побелел от пыли Галлиполи. Идут с работы русские солдаты, рубахи отстегнуты по вороту. У всех сухие и темные от загара лица. Звякают жестяные манерки.

Милосердная сестра, белая, в стоптанных туфлях на босу ногу, погоняет осликов. Ослики несут длинные жерди, между которых качается гамак. Под белой простыней вытянулось узкое тело. Солнце маслянистым и тусклым пятном горит на коричневом лбу. Вероятно, тифозный.

Тиф и москитная лихорадка, яростная галлиполийка и туберкулез ходили по русским лагерям. Не доставало пайков, и селитра изо дня в день в консервах. В Галлиполи ходила даже песенка:

"Под знойным небом Галлиполи,
Где лагери белеют в поле,
Распухли люди от фасоли..."

А когда узнали в Галлиполи о голоде в России - по всем полкам и батареям, точно по уговору, решили отдать свой голодный Галлиполийский паек голодной России.

- о -

За каменными грядами, на пустырях, сидят стаями белые рубахи, у маленького офицерика-профессора посверкивают очки ослепительными снопами:

- Теперь мы проведем параболу к точке Б...

На ржавой железной доске начерчены мелом сегменты и секторы, белая путаница алгебраических формул. А к щелям в каменной гряде припали турчанка и турченок в красной феске и смотрят на странные очки русского эффенди.

Весь день расписан. Весь день заняты все.

А у моря отдыхают от нарядов, прокаляются солнцем, с гиканьем ныряют в воду, и весь день грустно воркует у моря далекий рожок из казарм сенегальцев.

- о -

Ни русских бродяг, ни русских нищих не было в Галлиполи, а был обедневший русский эффенди, до щепетильности чисто одетый, но очень обедневший, до того, что ему приходилось иногда "загонять" обручальные кольца, пару сапог или облезлый мех, вывезенный еще из Москвы.

Сам Кутепов-Паша, получавший, как все, две турецкие лиры армейского жалованья, "загнал", как говорят, свою бекешу.

В Галлиполи был русский эффенди, и за девять месяцев Галлиполийского сиденья случился один грабеж и две кражи. Известный военный юрист Кузьмин-Караваев, когда был в Галлиполи, отметил также, что за год армейской стоянки не было ни одного преступления против женской чести.

Кузьмин-Караваев говорил, что во всех армиях есть обязательный процент таких преступлений и что русская армия в Галлиполи - единственная в мире, где нет солдата, оскорбившего женщину...

- о -

Русский язык скоро стал разговорным языком Галлиполи.

Маленькие турчанки, быстроглазые, похожие на легких блох, метя босыми ножками в пыли и прихвативши свои сатиновые шалевары на руки, научились петь, ужасно визжа, не то "Ах, зачем эта ночь", не то "Полюбил всей душой я девицу".

Греческие ребята, все длинноносые и все со вздутыми животами, с утра играли в солдатиков и командовали по-русски:

- Смирно... Ш-а-г-о-м марш...

Черные сенегальцы - наши солдаты прозвали их Сережками - не понимали греков, и греки не понимали их, Но скоро в лавках сенегальцы, ужасно вращая белками, стали лопотать по-русски:

- Сколько стоит... Дай аще... Иди сюды...

И греки отвечали неграм по-русски:

- Карашо... Нет карашо...

- о -

Был сначала приказ: хождение по улицам разрешено до 7 часов вечера, а кто позже - того на Губу. Потом было разрешено ходить до 9-ти, потом до 10-ти, до 11-ти и, наконец, до 12-ти. Так, по коротку, отпускал железную узду дисциплины генерал Кутепов.

Вечером, когда свежел воздух, Галлиполи звучало.

Тянул где-то высокую ноту корнет-а-пистон. Доносились отзвуки солдатской молитвы. Медные трубы пели старые русские вальсы и увертюры русских опер.

В темной воде, у мола, отражаются освещенные окна кофеен. Спят легкие фелюги, подняв косые мачты, а в черной паутине снастей дрожит звездная россыпь. Гул вечерней солдатской молитвы, звучащая медь и огни в темной воде...

В гарнизонном театре идет "На бойком месте", а может быть - "Нора" или "Потонувший колокол". В самом светлом зальце Галлиполи, в греческом клубе, где горят газовые лампы, дает свой концерт Корниловский или Алексеевский полк. Во всех полках свои хоры, свои

спортивные команды, струнные оркестры, труппы, курсы.

В свое офицерское собрание Корниловцы приглашали по воскресеньям в гости солдат. На футбольном поле, где стоял стон в дни полковых матчей, кожаный мяч вместе с солдатами гоняли и генералы.

В Галлиполи была своя устная газета, десятки своих журналов, писанных на машинке, с вклеенными на страницы акварелями и карандашными рисунками. Среди журналов были: "Луч", "Сергиевцы", "Развей горе - в голом поле".

В Галлиполи были курсы языков, военные училища и школы, гимназия, народный университет, библиотеки, художественные студии и почти каждый вечер спектакли и собрания - в городе, у развалин древнего амфитеатра и в лагерях, где были поставлены холщевые театральные балаганы, от которых веером расходились вверх вырытые в земле скамьи глиняных русских амфитеатров.

- о -

Была в Галлиполи и русская железная дорога, узкоколейка, проложенная из лагерей в город. На узкоколейке, в голом поле, были стоянки "Дрозды" и "Корниловцы", а на стоянках - особые коменданты станций.

В Галлиполи все учились запоем, по одной тетрадке, переписывая учебники. В Галлиполи было до шести тысяч русских студентов, до двадцати тысяч вчерашних гимназистов, кадет, конторщиков, молодых крестьянских парней и вчерашних фабричных.

- о -

В Долине Роз и Смерти тянутся белые ряды русских палаток. Точно белые птицы легли рядами, свернувши крылья.

У палаток песчаные площадки, цветники, серые полковые вензеля и двуглавые орлы, сложенные из галек и раковин. Далеко, между белых шатров, зеленеют маковки полковых церквей.

Белые палатки тянутся через высохшую речку, теснятся к синим горам, а вдоль палаток, за передней линейкой, были соломенные шатры.

Там покоились свернутые русские знамена. У знамен ночью и днем стояли часовые.

- о -

Серебристый полусвет в полковых палатках. Плетеные из лозы койки застланы серыми одеялами. У коек самодельные столики и хрупкие полки. А вдоль всей палатки прямая дорожка, посыпанная желтым песком. Жили вместе, думали вместе. Знали друг друга до последней глубины. Они разбежались бы, повалили бы толпами в Бразилию, Аргентину, куда угодно, - если бы не сочетало их всех в одно и навсегда принятое ими галлиполийское причастие.

- о -

Высоко, на горном откосе, было Галлиполийское кладбище. На тяжком каменном колоколе Галлиполийского памятника вырезаны на медной доске, под двуглавым орлом, слова приказа генерала Кутепова:

"Пусть каждый, от генерала до солдата, принесет по камню на сооружение этого памятника".

На легких железных крестах - терновые венки из ржавой колючей

проволоки и скрещенные мечи, вырезанные из жести.

Вот могилы детей. Вот жестяная дощечка "Бомбардир артиллерийской батареи Симон Круглов",,вот надпись чернильным карандашом "Милому Брату", "Спи мирно, друг мой". Вот могила юнкера...

Над синими горами уже меркнут огненные копья солнца. Русский трубач поет вечернюю зорю...

- о -

Может быть, еще и теперь моют дожди двуглавых орлов, сложенных из галек и раковин. И раковины шумят вечным шумом.

Может быть и теперь на стенах Галлиполи не всюду стерты черные орлы и черные русские буквы: "Телеграфная рота", "Артиллерийская школа", "Гарнизонный театр", или Кремль Московский на стене опустевшего дома.

А турчанки, слушая шум прибоя и ветра, может быть, еще поют долгие песни ушедших гяуров.

Иван Лукаш.

- - оОо - -

Г А Л Л И П О Л И.

Каждый год в эти дни мы отмечаем годовщину двух совпавших по месяцу и числу событий:

ПЕРВОЙ СТРАНИЦЫ Белой Борьбы за честь и спасение Родины - день основания Добровольческой Армии, и ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ первого этапа этой борьбы - день высадки первых частей Русской Армии на чужеземный берег после оставления Родины.

Мы отмечаем самое красочное из этих двух - первой и последней - страниц.

На меня выпало отметить последнюю - НАШЕ ГАЛЛИПОЛИ. Галлиполи - тот главный из первых лагерей нашей армии за Рубежом - где подведены духовные итоги первому этапу Белой борьбы - П е р в о й Г р а ж д а н с к о й в о й н е.

Я говорю - первой, ибо именно в Галлиполи было осознано, что первая кончена - проиграна, но что неизбежна в т о р а я. Когда и как - того нам знать не дано.

Галлиполи - это тот год физических и духовных страданий, в котором выковалась н а ш а з а р у б е ж н а я и д е о л о г и я, идеология, принятая той частью Русской эмиграции, которая во главу угла положила два несомненных для себя положения:

1) Под победоносную пяту интернационала она голов своих не склонит.

2) Себя и детей своих она не считает обреченными на простое вымирание и ассимиляцию с народами, среди которых она рассеяна.

Галлиполи обратило многочисленные толпы воинов, перенесших поражение и потерю всего, что им было дорого дотоле, снова в стройные ряды дисциплинированной силы, верящей в Русское Возрождение, верящей в то, что если не сами мы, то дети наши еще понадобятся Родине.

Русская Армия в Галлиполи очистилась, возвысилась духом, выкристаллизовала свое миросозерцание и волю к продолжению Белой Борь-

бы во втором ее этапе - борьбы идейной и накопления национальных сил здесь, за рубежом, и там - под ярмом коммунизма.

К этому очищению, к этому духовному возвышению Армии привели физические и духовные страдания. Мы научились в Галлиполи силою воли, напряжением духа ставить себя выше физических и духовных невзгод.

Вот, в нескольких штрихах пережитого, картины этой школы духа.

Я был в Галлиполи в рядах Константиновского военного училища и, следовательно, жил в городе, то есть в "привилегированных", по галлиполийски, условиях. Но помню я первую ночь в Галлиполи, когда в жидкой грязи обратившейся в болото немощеной площади, под проливным дождем, ночевало Училище - 300 юношей, частью еще почти детей - как были, в одних шинелях, без крова и какой-либо подстилки. Помню службу этих полу-детей, когда мы уже, как говорится, "устроились".

Тяжелая караульная служба, которую несли юнкера, была совершенно необходима - она была залогом, прежде всего, восстанавливаемой нашим вождем - А.П.Кутеповым - дисциплины. Но вот при каких условиях неслась эта служба:

Вверенная мне офицерская рота Константиновского Военного Училища помещалась на каменном полу подвала, человек к человеку вплотную, без коек и матрасов, на циновках, сплетенных кое-как самим юнкерами из прибрежного тростника. Конечно, ни о каком отоплении не было и речи. Возвратный тиф свирепствовал среди юнкеров. Больных в госпитали, еще почти необорудованные, не принимали, и они лежали на том же каменном полу, вперемешку с еще здоровыми. Для караульного наряда не только не хватало трех смен, но не было даже и полных двух. Поэтому я вынужден был приказать нести караулы и тифозным больным в 5-6-дневные периоды между приступами болезни.

Помню такой случай. Я был дежурным по караулам. Ночью вызвали меня в дальний караул. Ревела буря, лил дождь, жидкая глубокая грязь... "Караульное помещение", то есть такое же грязное место, лишь несколько укрытое от ветра стеною какого-то сарая... Подхожу. Два молодых подпоручика с трудом поднимают с земли третьего - караульного начальника. Поддерживаемый с обеих сторон, он мне рапортует: ..."В карауле Русской Армии... и на постах происшествий не случилось... У меня начался третий припадок тифа, температура свыше 40^{0}, я не в состоянии отвечать за караул"...

Я разъяснил ему, что сменить его из караула может только Верховная власть; приказал разводящему принять караул, если караульный начальник потеряет сознание... Физически бесконечно тяжела была первая зима в Галлиполи. Примеров этих физических тягот не перескажешь.

Но и духовные тяжести были не меньше. Свежая рана поражения, потеря всего, что было дорого... И новые, местные обиды... Не легко шел в горло скудный кусок французских "обезьяньих" консервов и суп из обратившейся в камень фасоли, когда "союзники" сообщили, что кормить больше не могут, что улучшить нам стол в первый день Рождества, как о том просил ген.Кутепов, невозможно: "Расход, который повлек бы добавок, испрашиваемый Вами по случаю праздника Рождества, был бы слишком велик, чтобы быть перенесенным французским бюджетом"...

А там появились знаменитые объявления о "трех направлениях"... Кратко не расскажешь всего! Остановлюсь только на последних минутах в Галлиполи его первого генерала, А.П.Кутепова, и его последнего солдата, канонира Стальнюка.

Заболев тифом, я попал в госпиталь. В бывшем зале кинематографа лежало 45 тифозных, среди них, в центре зала, медленно умиравший Стальнюк. Он бредил день и ночь. Тема бреда все одна и та же: с тыла показалась красная конница, он должен успеть доложить об этом фельдфебелю батареи... Появляются признаки агонии; сестра, молодая, удивительно красивая девушка, аристократической внешности, бросается к нему со шприцем камфоры. Он принимает ее за красного кавалериста и, извергая невероятную брань, с такой силой ударяет ее кулаком в лицо, что она перелетает через кровать соседнего больного и падает под следующую кровать. Один из больных офицеров негодующе кричит на Стальнюка и требует его удаления из палаты. Но, как гневная Немезида, вскакивает сестра. Лицо ее разбито. Она задыхается от гнева:

"Молчать! Как смеете вы, офицер, оскорблять умирающего солдата! Позор для Русской Армии!"

И она спешит сделать инъекцию... Но спасения Стальнюку нет; ночью он отошел в вечность...

Случаю было угодно, чтобы могила его на нашем кладбище пришлась под самый Галлиполийский памятник...

Прошло лето и осень. Опять наступили холода. И после первого, но глубокого снега настал черед отъезда в Болгарию последнего нашего эшелона (не считая тех, с ген.Мартыновым во главе, которым суждено было еще долго оставаться в Галлиполи).

Отъезжают Училище и Штаб Корпуса, а с ним и ген.Кутепов.

Последняя панихида и последний парад на кладбище, у памятника.

Ревет зимний ветер, отчаянно трепля Русский трехцветный флаг на мачте. Генерал подходит к памятнику и вдохновенно говорит свое последнее прости тем, кто навсегда остается лежать в твердой Галлиполийской земле. Протянув руку в сторону покрытого бурными волнами пролива, он кончает так:

> ..."Мне кажется, что я вижу будущее. Я вижу проходящие проливом стальные серые громады под Андреевским флагом!.. С них гремит салют этому Русскому флагу, этому памятнику и памяти наших героев!"

Да будет так, как виделось нашему Вождю! Вознесется Русь и в неизмеримой национальной силе осуществит свои вековые мечты. Проливами будет проходить Российский Андреевский флаг, не беженский и бессильный, а могучий и победоносный!

Вспомнят ли тогда нас, Галлиполийцев, и поднимут ли над трехцветный флаг у нашего скромного памятника - это, в сущности, не важно. А важно то, что и последний солдат русского Галлиполи, канонир Стальнюк, покоящийся в почетнейшей могиле под памятником, и первый наш генерал, нашедший где только Ты, Господи, веси свою безвестную для нас, но несомненно страшную могилу, - вы оба можете спать спокойно: свой долг Галлиполи выполнило, и созданная в нем идея войдет слагаемой в тот мощный поток Русской силы, который в день,когда будет угодно Всевышнему, снесет без остатка в пропасть забвения безбожную власть на Руси.

Б.Н.Сергеевский.

(Эта статья была написана в 30-х годах в Югославии)

- - оОо - -

НА "АК-ДЕНИЗЕ".

У выхода из Босфора долго стояли. Снялись с якоря и вышли в море ночью, бурной и темной. Волна била в правый борт,и "Ак-Дениз" раскачивала, валила с борта на борт боковая качка.

Мне надоела душная каюта, и я вышел на палубу. Было три часа ночи... И когда я шагнул из света в разъяренную тьму и, преодолевая бурю, пошел к корме, навстречу мне выступила из мрака широкоплечая фигура генерала А.П.Кутепова.

- Куда вы? Идите вниз, холодно! - бросил он мне и, приостановившись, добавил: - Завтра будем в Болгарии.

- Я думаю, что там нам будет лучше, чем в Галлиполи.

- Лучше или хуже, это еще неизвестно! Но я уверен, что Армия все перенесет. Спокойной ночи!

А.П. постоял еще с минуту, протянул мне руку и стал спускаться вниз.

Дождь превратился в снег, и каюта начала мне представляться уютной и желанной. Освеженный холодным ветром, я крепко уснул и проснулся только в Варне.

Впоследствии я часто вспоминал эти слова:

- Русская Армия все перенесет!

Нет, это были даже не слова. А.П.Кутепов был подлинным, в лучшем смысле этого слова, солдатом и что говорил, то и чувствовал. А говорил он не только о тех, кто плыл из Галлиполи в Болгарию на "Ак-Денизе", но вообще о Русской армии, пути которой, кажется, до сих пор недостаточно прослежены историками. Ведь, в сущности говоря, те солдаты, которые во всю здоровую глотку весело пели славную солдатскую песнню:

"Русского солдата знает целый свет.
Грянем-ка, ребята, солнышку привет!"

- в сущности говоря, эти солдаты, эта Армия в течение веков выполняла глубоко национальное, стихийное и вместе с тем понятное всему Русскому народу дело - дело укрепления и культурного роста этого народа и Русского Государства.

Армия была авангардом стихийного движения русского народа.Она рубила перед собою леса, строила дороги, открывала пути колонизации, и русский штык пробивал дорогу русскому топору и сохе мирного земледельца.

Колоссальный культурный и экономический рост России в начале 19-го века был прямым следствием походов Русской Армии. Именно эту стихийную силу стоявшего за армией народа чувствовал Лермонтов,указывая Казбеку на север:

"И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой".

А за ними придут люди, которые "настроят келий по уступам гор" в ущельях "зазвучит топор" и "железная лопата в каменную грудь,добывая медь и злато, врежет страшный путь".

Русская армия отмечала свой путь именами Ермолова, Барятинского, Муравьева-Амурского, Пржевальского, Кауфман-Туркестанского,

гр.Игнатьева и других русских полководцев, исследователей и администраторов.

Интеллигенция искала путей служения народу на сходках и собраниях, а Армия в это время действительно вела за собой огромные народные массы, исполняя действительно народное дело. Это непонимание исторических задач России сказывается и теперь в рекламном названии красной армии рабоче-крестьянской.

- Армия все перенесет!

Да, все! Потому что ее историческая миссия не закончена, потому что не настал еще момент, когда она снова превратится в русскую, национальную и народную армию.

Вспомним же в годовщину Галлиполи А.П.Кутепова, так верившего в своих соратников.

Будем чисты и крепки сердцем, и пусть никто не собьет нас с пути наших дедов и отцов, пути служения Родине и всему русскому народу.

Г.Волошин.

- - оОо - -

ОТ РЕДАКЦИИ:

С любезного разрешения полк. Ф.И.Елисеева, автора воспоминаний

"ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ",

изданных пока в 12 отдельных брошюрах, мы приступаем к печатанию в нашем журнале ряда очерков из этих воспоминаний об агонии Кубанской армии в апреле 1920 года на Черноморском побережье в районе Адлера, в которых автор ярко, правдиво описывает весь трагизм казачьих частей - сдачу, плен и мытарства по Совдепии.

В ШТАБЕ ВОЙСКА.
"ВОЕННЫЙ СОВЕТ"

На второй день, после полудня, в своем экипажике выехал в Адлер, в Штаб Войска - "узнать о положении и о Грузии".

Я в Адлере. В Штабе Войска много старших офицеров. Узнаю, что они прибыли по вызову "На военный совет", куда приглашены командиры полков, батальонов, батарей и выше их стоящие начальники. Здесь я узнаю, что идет переговоры с красными "о мире", почему и назначено военное собрание. И что с минуты на минуту ждут возвращения с фронта начальника штаба армии полковника Дрейлинга, который имеет свидание с представителями красных. Я говорю кому-то, что наш 2-й корпус ничего об этом не знает... Все это было так неожиданно для меня, что я решил зайти во внутрь здания и узнать "все доподлинно".

Подойдя к двухэтажному зданию, которое занимал штаб нашего Войска и не зная расположения его комнат, открыл дверь с восточной стороны, то есть второстепенный вход и... наткнулся на гущу офицеров человек в сорок. Все они стояли у трех стен толпою, и только за длинным столом, накрытым зеленым сукном и тянувшимся по меридиану с юга на север, сидели несколько генералов - два Донского Войска и выше них, рядом с председательским местом, сидел генерал

Шифнер-Маркевич. Председательский стул и стул левее были свободны.

Войдя, я "воткнулся" в самый левый фланг стоявших у стен офицеров, если смотреть с председательского стула. К моему удовольствию и успокоению, самыми крайними офицерами стояли: войсковой старшина Павел Мальцев, командир 2-го Хоперского полка, и полковник Михаил Соломахин, командир 1-го Хоперского полка. Оба старые друга. Мальцев, как младший меня в чине, сделал шаг вправо и уступил мне место рядом с Саломахиным.

Я рад этой встрече и шопотом спрашиваю: "Что это?". Они больше меня в курсе событий, так как их полки стоят южнее Адлера.

"Вот скоро официально все узнаем", - отвечает мне шопотом Михаил Карпович Саломахин, старый друг по Майкопскому техническому училищу и боевой соратник "от Воронежа и до Кубани" в прошлом году.

Все или молчат или переговариваются только шопотом. Пока что - я рассматриваю собравшихся.

Главною персоною среди всех является, видимо, генерал Шифнер-Маркевич. Во всяком случае, все глаза устремлены к нему. Он молчит.

Рядом с ним сидит командир или представитель 4-го Донского корпуса генерал-лейтенант Секретов. После Касторной в ноябре 1919 г. я познакомился с ним в штабе нашего начальника дивизии Шифнер-Маркевича. Там же нам сказали донские офицеры, что Секретов в молодости был большой наездник; вообще - он большой конник, добрый и компанейский офицер, может весело провести время и с офицерами, и с казаками, которые его за-глаза, любя, называют "Саша Секретов".

С ним рядом сидит другой Донской генерал - кряжистый, склонный к полноте, темный шатен с густою прическою на голове и с "пунцовым лицом", видимо, после хорошего обеда... Секретову лет 55, а другому генералу - под 40.

Этому молодому Донскому генералу жарко и не терпится. Донская шашка в кавказской серебряной оправе будто мешает ему. Он все время теребит ее и уже не раз спрашивает Секретова:

- Саша... скоро ли все это начнется?

Секретов отвечает ему тихо:

- Скоро...

Но генерал не унимается. Он обводит всех стоящих у стен офицеров "уставшим" взглядом, отталкивает свою шашку ладонью от себя и громко говорит:

- А интересно бы повидать Кубанского Атамана... Говорят, что он с очень извилистою душою...

Это было сказано так четко и с такою бесцеремонностью, как может сказать человек, находящийся в "угаре" и совершенно не отдающий себе отчета в своих словах.

Генерал Секретов быстро повернулся к своему другу-генералу, схватил его за руку и отечески заметил:

- Да тише ты!.. Что ты говоришь?.. Ты же не один здесь!..Здесь военный совет!

- А мне все равно... вот мне и интересно повидать этого человека, который хочет сдать казаков большевикам... - вдруг "выпаливает тот так же громко.

Секретов быстро ладонью закрывает ему рот и покраснел в лице от стыда. Но несдержанный молодой генерал что-то мычит и через пальцы Секретова произносит:

- Саша... тебя мы любим... но большевикам Донцы не сдадутся.

- Я уйду отсюда, если ты скажешь еще хоть одно слово, - расстроенно говорит ему генерал Секретов.

- Ну, хорошо... я замолчу, - уже тихо ответил он и действительно замолчал.

Так как тогда там происходили исключительно трагические часы гибели Кубанской армии, то я должен зафиксировать для Войсковой Истории многие моменты, слова, действия, психологическое состояние присутствовавших на том "военном совете" и свои личные наблюдения и переживания.

Теперь, в Нью-Йорке, я приобрел интересную книгу под названием "Русская Вандея", написанную генерал-майором Донского Войска Голубинцевым, и подтверждаю, что это он был на том "военном совете", сидя рядом с генералом Секретовым. Он умер в апреле месяце 1963 г. в Америке, на севере ее.

С фронта, с переговоров, прибыл полковник Дрейлинг. Он сначала явился к Атаману Букретову и потом, уже с ним, вошел к нам.

- Господа офицеры! - скомандовал генерал Шифнер-Маркович при появлении Атамана. Кто сидел - встали. Из того, что скомандовал генерал-майор Шифнер-Маркевич, а не генерал-лейтенант Секретов, я понял, что старшим здесь является Шифнер-Маркевич.

Генерала Букретова, как нашего Войскового Атамана, я вижу впервые. В самом начале войны на Турецком фронте, 21 октября 1914 года, с разъездом казаков в 30 коней, ночью я прорвался из Персии мимо Баязета и связался со 2-й Кубанской пластунской бригадой генерала Гулыги, наступавшего со стороны России. У меня был секретный пакет для генерала Гулыги от начальника нашего Макинского отряда. Здесь ген.Гулыга представил меня полковнику Букретову, начальнику его штаба бригады. Вот почему я внимательно стал рассматривать его здесь. Он почти и не изменился внешностью. Он красив. В лице что-то восточное. Он хорошо выбрит. Вид очень чистый и аккуратный. Ничего "походного". Он без оружия. Пройдя скорым шагом мимо нас, уверенно занял председательское место.

Левее его сел полковник Дрейлинг, высокий, стройный, с рыжею подстриженною бородкой. Он очень грустный. Все мы молчали. Встал Атаман Букретов и коротко сказал следующее:

- Кубанская Армия находится в тяжелом положении. Случайно мы вошли в связь с красным командованием через генерала Морозова,предложившим нам мир. Для выяснения этого мною был послан на фронт начальник Штаба Армии полковник Дрейлинг, который вам и доложит все.

Сказал, показал жестом на полковника Дрейлинга и сел. Поднялся со стула Дрейлинг, так же чисто и аккуратно одетый, с аксельбантами генерального штаба на кителе, почтительно поклонился Букретову, оперся пальцами рук на стол и, не смотря ни на кого, заговорил, вернее - он стал читать нам по бумаге "условия красного командования, на которых может быть заключен мир".

Так как эти условия многим известны по разным казачьим журналам, я не буду их приводить. Укажу только, что перечисленные условия, подписанные начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутиным, заканчивались ультимативно так:

"Срок мирных переговоров кончается 2 мая с.г. в 4 часа 15 минут. К означенному сроку вам надлежит дать определенный ответ".

Дата и время подписи обозначено - 2 мая 1920 года, 00 ч. 40 м.
Все даты по новому стилю. Мы жили по старому. Значит, ультиматум кончался 19 апреля старого стиля, а собрание "военного совета" было накануне, 18-го.

Слушали мы полковника Дрейлинга и не верили своим ушам, настолько все это было неожиданно и недопустимо для нас.

Прочитав, Дрейлинг дополнил, что "при личных переговорах (у будки, за мостом, в 4-х верстах южнее Сочи) дано время для ответа ровно 24 часа", и добавил:

- О сдаче не может быть и речи. Наша цель - затянуть переговоры дня на 3, когда к нам прибудут транспорты из Крыма для погрузки и переброски казаков туда.

Он говорил грустным голосом, как и сам он был очень грустный.

Атаман Букретов, во все время доклада Дрейлинга смотревший на свои пальцы рук, слегка игравшие по столу, обратился к члену Правительства Белашеву, только что вернувшемуся из Гагры, где он вел переговоры с Грузинским представительством, и предложил ему доложить "совету", как обстоит дело с переходом Армии в Грузию.

Блондин лет 35 или 40, с приятным открытым лицом, в парусиновой гимнастерке, подтянутой казачьим пояском, выдвинулся к столу из группы офицеров, стоявших против нас, и, очень волнуясь, доложил, что "Грузинское Праительство наотрез отказалось пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили,что красная армия "на плечах казаков" войдет вслед в Грузию и... неизвестно, где остановится".

Свой короткий доклад Белашев закончил словами:

- Положение безвыходное, и над условиями красных - надо подумать.

Против Белашева за столом сидел какой-то очень полный генерал в серой черкеске и в пенсне, спиною к нам. Он резко, чисто по-военному, "наскочил" на докладчика, в очень повышенном тоне голоса упрекая его, что он недостаточно энергично хлопотал перед грузинами. Белашев не смутился.

- Господин Атаман!.. Я прошу вас остановить генерала Сидоренко в его упреке и резкости против меня!.. Генерал думает, что я есть есаул и его подчиненный по Пластунской бригаде... Но я сейчас член Кубанского Краевого Правительства! - Сказал и сделал шаг назад, чисто по-военному.

Генерал Букретов поднялся на ноги и вежливо попросил генерала Сидоренко успокоиться.Последний был в это время командиром Кубанского Войскового учебного Пластунского батальона. Но Сидоренко не успокоился. Сидя на стуле, как бы в ответ Букретову, он резко, громко подчеркнул:

- Сдаваться нельзя! - и что он-то лично ни одному слову красных не верит... и с Армией не останется, а уедет в Крым!

Слова генерала Сидоренко произвели бодрящее настроение, но все почему-то молчали. Это молчание нарушил Атаман Букретов. Он встал со стула и сказал:

- Господа! Мы на военном совете. Я прошу каждого высказаться о моральном состоянии своих частей и о том, что же надо делать? Как полагается в таких случаях, я начну опрос с младших в чине.- И он повел глазами по лицам и погонам офицеров.

Самым младшим оказался войсковой старшина Павел Мальцев, стоявший на самом левом фланге, если смотреть от председательского места.

Атаман просил называть свой чин, фамилию и какой частью командует каждый.

В толпе собравшихся офицеров я знал только Мальцева, первопоходника полковника Саломахина, Певнева Сергея и генералов - Секретова и Шифнер-Маркевича. Остальные мне не были знакомы. Все они были от частей, находящихся или в самом Адлере или южнее его. От частей, находящихся на фронте, то есть севернее Адлера, - не было никого. Никого не было и от нашего 2-го Кубанского конного корпуса. Я попал сюда совершенно случайно.

Мальцев сказал:

- 2-й Хоперский полк боеспособен. Сдаваться полк не захочет. И пойдет, куда угодно. А если потребуется - может с боем идти и против грузин, прорвать их фронт, идти до Батума, где и погрузиться в Крым.

Сказал он хорошо, хотя и волнуясь. Стояла глубокая тишина.

- Хорошо. Кто следующий? Вы, полковник? Ваша фамилия и часть?- говорит Букретов, глядя на меня, стоявшего радом с Мальцевым. Назвав свою фамилию и полк, я продолжил:

- Я скажу о настроении всей 2-й Кубанской дивизии, которую сдал старшему в чине только вчера. Я полностью присоединяюсь к словам войскового старшины Мальцева и заявляю, что казаки совершенно не хотят слушать о мире с красными, и если надо - надо силою перейти Грузинскую границу, идти к Батуму и там грузиться в Крым.

- Хорошо. Кто следующий? - вновь запрашивает Атаман.

- Полковник Соламахин. Командир Хоперской бригады. - И он, словно ему тесно в этой толпе и будто не хватает воздуха в груди, или чтобы как можно крепче стать на обе ноги, - слегка задвигался из стороны в сторону своим туловищем в черкеске и заговорил:

- Хоперские казаки никогда не согласятся признать советскую власть. Они восстали со своим генералом Шкуро еще весной 1918 года и были далеко за Воронежем. Ни о каких условиях не может быть и речи. Мы, шкуринцы, будем драться до конца. И если надо - будем бить и грузин, но только чтобы уйти от красных и уехать в Крым.

Букретов останавливает его при словах "бить грузин", - чего говорить нельзя, поясняет он.

- Да нам все равно! - оправдывается Соламахин, - если они не пускают нас добровольно! - закончил он.

Соламахин - казак станицы Некрасовской, Майкопского Отдела. Боевой офицер. Его слова были вески.

Фамилий других я не помню, но все высказались так, как и мы. Это же высказал и командир Войсковой учебной батареи, полковник Сергей Иванович Певнев, которого я знал еще сотником по Турецкому фронту. Это был умный и блестящий офицер Кубанского Войска.

Высказались все, и высказались однородно. Атаман Букретов все время молчал, не перебивая никого. Мне показалось, что все это ему не нравится. Я это чувствовал внутренним чувством. Да и почему он не смотрел в глаза говорившим, а смотрел только на стол, на пальцы своих рук?

В особенности подозрительным мне показалось его обращение к

генералу Шифнер-Маркевичу, который должен сказать свое слово последним.

- Ну, а вы, генерал, что скажете? - так обратился он к нему, чем дал понять нам всем - дескать: послушайте самого умного среди нас, самого популярного среди вас!

Наступила глубокая тишина. Все невольно вперились глазами в Маркевича, который, пока говорили остальные, сидел молча, как-то сгорбившись на стуле, глядя только перед собою, видимо, что-то обдумывал и волновался в душе.

- Позвольте мне говорить сидя? - обратился он к Атаману.

- Пожалуйста, пожалуйста, генерал! - быстро ответил Букретов.

В противовес своему обыкновению говорить быстро, порою глотая слова и заикаясь, генерал Шифнер-Маркевич теперь, с напряженным спокойствием, четко произнося каждое слово, коротко и определенно произнес, ни к кому лично не обращаясь:

- Крым также скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой, чем мы, находящиеся здесь. К ним, кто в Крыму, условия сдачи, паче чаяния, условия сдачи предъявятся более строгие, чем к нам. Там уже не все спокойно. Там от лица офицеров выступил капитан Орлов против Главного командования. Уголь для транспорта на исходе..

И вдруг, повернув лицо к полковнику Соламахину и смотря на него, продолжил:

- И ты, Миша, глубоко заблуждаешься, зовя всех продолжать войну. Твои я чувства понимаю и ценю - но ты не все видишь...

И, вновь обращаясь ко всем и ни на кого не глядя, продолжал:

- Война окончена. Надо ясно сознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются в поддержке нас. Вести десятки тысяч людей в неизвестность - нельзя. Наш священный долг старших начальников - как можно безболезненнее, бескровно спасти людей, не считаясь ни с чем. И по моему глубоко продуманному убеждению, Ваше Превосходительство, (он встал и уже обратился к Атаману Букретову) наилучший исход - надо капитулировать Армию.

Сказав это, словно изрыгнув непререкаемую истину, он тяжело опустился на свой стул и, достав из кармана носовой платок, вытер пот на лбу.

Подобное заявление столь авторитетного генерала, любимого всеми, храбрейшего, умного и очень доброго человека в жизни - громом поразило нас...Все сразу загомонили. Все сразу стало как-то не по себе. Мне показалось, что вопрос о "мире с красными" был уже предрешен в кулуарах главных генералов, вот почему "последнее слово" было предоставлено самому авторитетному генералу Шифнер-Маркевичу.

Гомон протеста был настолько силен, что Атаман Букретов просил "остановиться" и обратился к своему начальнику штаба Армии, полковнику Дрейлингу, с просьбой повторить сущность переговоров с красными, выразить его личное впечатление и сказать - что же делать дальше?

Дрейлинг встал. Скорбным голосом, со скорбным лицом он заявил:

- Цель переговоров - выиграть время, пока придут транспорты из Крыма. На это потребуется два-три дня, не больше. Красные, конечно, остались такими же... Верить им много нельзя. Я в переговорах исполняю только техническую роль. Я сам красным не верю. Их условия для меня неподходящи. Я ни за что не останусь здесь и уеду

персонально в Грузию или в Крым, - закончил он.

Эти слова, видимо, немного смутили Атамана Букретова. Но Дрейлинг подчеркнул, что Армия воевать уже неспособна и надо искать какой-то выход.

Как бы в ответ на эти слова Букретов встал, принял гордую позу и с пафосом заявил:

- Если придется сдаваться всем, то я, как Войсковой Атаман и Командующий Армией, для блага Кубанского Войска на автомобиле выеду впереди всех войск и первым же сдамся бывшим врагам.

Это очень многих из нас удивило и показалось искусственным пафосом. Вновь загомонили кругом. А генерал Сидоренко резко спросил Букретова, не вставая со стула:

- Каково же решение Войскового совета?

Вместо Атамана отвечает Шифнер-Маркевич, теперь вставший на ноги. Он говорит:

- Война окончена! Губить людей нельзя. Казаки народ простой. Они земледельцы, то есть те же крестьяне, и к ним красная власть особых репрессий не применит. К тому же им, как простым людям, пафос Белой Идеи мало понятен. Офицеры же могут уезжать самостоятельно. На пароходе "Бештау" место им найдется. Время не терпит. И если мы сегодня же не дадим положительного ответа - красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те же, даже худшие. Мое мнение окончательное и категорическое - СДАВАТЬСЯ!

Сказал и сел. Наступила жуткая тишина. Встал Атаман Букретов и вдруг заявил:

- Ну, господа, делать нечего... Мы сдаемся. И ваша обязанность теперь - ехать по своим частям, объявить это и уговорить казаков сдаваться. - Это были буквальные его слова. И он закончил: - Считаю заседание Войскового Совета закрытым.

И, не ожидая нашего ухода, он спешно прошел мимо нас в свою спальню-кабинет на втором этаже.

Протокола не писали. Все закончилось под вечер, думаю, часам к 4-м пополудни. Все шумно стали выходить из помещения, громко говоря и как бы не зная, что дальше делать.

Полковник Ф.И.Елисеев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

КАЛЕНДАРЬ НА ОКТЯБРЬ.

1610 - Осада поляками Тр.-Серг. Лавры
1642 - Набег запорожцев на Константинополь
1760 - Взятие русскими Берлина
1799 - Поход Суворова чер.Альпы
1812 - Битва под Малоярославцем
1813 - Мир с Персией
1896 - Открытие Великого Сибирского пути.

КАЛЕНДАРЬ НА НОЯБРЬ.

1472 - Признание Двуглавого Орла Всероссийским гербом.
1480 - Свержение татарского ига
1794 - Взятие Суворовым Варшавы.
1812 - Бой под Красным
1812 - Переправа Наполеона через Березину.
1910 - Смерть гр. Л.Н.Толстого
1917 - Основание Добр. армии.
1920 - Приказ ген.Врангеля об оставлении Крыма.

- - oOo - -

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА.

- Корнет, не можете ли вы помочь мне кормить хорунжего?

Тоненький голосок прозвучал около самого моего уха. Это был голосок воздушного создания, которое являлось нашей сестрой милосердия и обслуживало около 40 офицеров, помещенных в этот большой пульмановский вагон 2-го класса, который был прицеплен к санитарному поезду.

Направление - Екатеринодар-Новороссийск. Если доедем.

Мы звали ее "сероглазочка". Она была самое милое создание, которое я когда-либо встречал в моей солдатской жизни. Всегда занятая, перевязывая или кормя кого-нибудь из ее пациентов, она без устали целый день работала. Все это были тяжело раненые или обмороженные люди с вдребезги испорченными нервами и лихорадочным состоянием здоровья.

Я лежал на верхней полке купэ, с отмороженными пальцами на обеих ногах. Ниже меня находился хорунжий-донец, у которого были отморожены ноги и руки. В одну из ночей, тут же в поезде, одна из его ног была ампутирована выше колена, так как ему грозила гангрена, и теперь он лежал совершенно беспомощный, как грудной младенец.

- Я всегда и всеми силами рад стараться, сероглазочка, - ответил я, не будучи вполне уверен, что смогу сам спуститься с моей полки. Но взгляд этих дивных глаз заставил бы многих сделать даже невозможное, лишь бы исполнить все, что они просили.

Кряхтя и охая от резкой боли, я слез вниз и, взяв у нее котелок, принялся кормить хорунжего.

Мои пальцы на ногах ныли. Было такое чувство, что каждый из них отдельно пульсировал, и все это вместе взятое превращалось в зудящую боль. Можете себе представить, что должен был чувствовать хорунжий, принимая во внимание его моральное состояние, так как надежд на его выздоровление почти не было.

Мы подружились. Это был славный парень. Он много рассказывал о своей жизни в станице, о донских степях, о конях и товарищах по сотне.

Время тянулось, как старая кляча. Надежды, что доедем, были плохие. Всем нам было ясно, что мы проиграли и что армия катится на юг и что надежды на ее спасение было мало. Было больно и обидно за все те жизни, которые были положены за наше святое дело. Но Бог рассудил иначе. Почему? За что?

Во время одной из перевязок почерневшее мясо на большом пальце моей левой ноги отпало, и осталась торчать кость, что еще больше испортило мое настроение. Доедем ли до Новороссийска? А что потом? Успеем ли пройти Екатеринодар, пока не будет взорван железнодорожный мост? Это были вопросы, которые волновали весь вагон и весь поезд.

Часы проходили за часами. За окнами вагона падал дождь, смешанный со снегом. Колеса отбивали такт - не-до-едем, не-до-едем...

- Что же вы, хлопцы, носы повесили? - прозвучал у дверей голос старшего есаула из соседнего купе, который нас часто навещал.

- Не бойся, довезут. Вот давай похарчим сала. Это будет лучше, чем эта похлебка, да и горилка у меня есть. Все легче будет. Ну, корнет, вынимай вот из этой сумки все, что есть, да и корми нас с хорунжим.

Дело было в том, что у есаула были отморожены кисти обеих рук почти до локтей, все лицо было вспухшее и в синяках, и сломано два ребра.

По началу нам было странно, как можно было умудриться так отморозить руки, но история, которую он нам рассказал, подтвердила еще раз о подлости человеческой души.

Он был захвачен в плен красноармейцами. Избив его до полусмерти, они привязали его руки к колесам тачанки и, облив их водой, ушли. Когда он пришел в себя, его руки настолько замерзли, что он ими не мог двигать. Развязав узлы зубами, он пошел, куда глаза глядят, пока не наткнулся на одну из наших частей, которая его полуживого передала в один из санитарных поездов, идущих на Екатеринодар.

Нарезав кусочками сало и хлеб и выпив прямо из горлышка бутылки до тошноты противного самогона, я начал кормить моих товарищей по несчастью.

- Да вот хотел спросить, да и забыл. Где же капитан-то делся? - спросил есаул про одного нашего товарища по купе, который был тяжело ранен шрапнелью в грудь.

- Вчера ночью умер. Так, пожалуй, лучше. Уж очень мучился бедняга. Ночью же санитары и унесли его... - ответил я.

- Вечная память... - сказал есаул и задумался.

Настало тяжелое молчание.

- А что с ними делают? С мертвяками-то? - каким-то упавшим голосом спросил хорунжий.

Есаул подумал.

- Да что делать-то? К смерти теперь отношение деловое, спокойное. Раньше вот, умер человек - его и обмоют, и уберут, да и панихидку отслужат, и "со святыми упокой", и "вечная память", и все, как есть. А теперь... если в повозке, то в канаву, а если в поезде, то под откос, да и все тут. Уж очень много теперь нашего брата умирают. Все поля Дона и Кубани покрыты убитыми. За всеми не наплачешься...

- Бог рассудил. Его святая воля... - сказал тихо хорунжий.

- Да Бог ли? Читал я где-то, - промолвил есаул каким-то поучающим голосом, - что когда у Адама с Евой случилась та самая промашка с яблоком, то и погнали их из райского сада помелом. Присели они на бугорке, дрожат обнявшись и горькую слезу проливают, что впервые спать ложиться не емши надо. Они, ведь, в раю-то на полных харчах состояли. Плачут эдак и друг дружку попрекают. Тут и подходит к ним ихний соблазнитель, только уж не в прежней змеиной коже, а переодевшись. - "Глядеть мне на вас, сердце кровью обливается. Не печальтесь! - говорит он им задушевным голосом. - Доверьтесь мне, в чем ваше горе?" - Они ему так в рукав и вцепились. - "Пожалуйста, говорят, помогите. Из рая нас выгнали, сидим вот в лесу голодные и холодные, а ночь наступает... жутко в мире голому да натощак!" - А он им в ответ: - "Не убивайтесь, в тот сад и другая дорога имеется. Вставайте, идем, я вас сам туда отведу!" - И повел... - есаул задумчиво огладил свои седой щетиной заросшие щеки. - С той поры и ведет он нас... Долга она оказалась, окольная-то дорожка, и все не видны покамест заветные те врата.. Вот вы и рассудите, в чем дело!

Все задумчиво молчали. Вагон, слегка покачиваясь, бежал своей дорогой, и колеса гулко отбивали свою унылую и бесконечную песню:

не-до-едем, не-до-едем...

- Да... - добавил он, как бы в ответ на свой вопрос. - Сколько крови пролито, сколько людей загублено, и ничего не сделано. Позади нас остается самая распустынная, уничтоженная страна. Облитая слезами и кровью людей, которых как будто и в самом деле кто-то ведет не по прямой дорожке, а по окольной. Да... - сказал он, помолчавши. - Бог правду видит, да не скоро скажет.

Поезд, уменьшая ход, звонко застучал на стрелках.

- Екатеринодар! Поезд на Москву уходит через десять минут! - ненужно сострит кто-то в корридоре вагона.

Стало как-то легче. Появилась опять надежда на спасение. Первый этап был сделан.

Наконец, поезд стал. Стало как-то тихо, и тело, не чувствуя больше движения, как бы оцепенело. Слышались спокойные разговоры раненых в соседних купе и стук шагов в корридоре.

Лежа на спине как бы в забытье, я чего-то ждал. Мысли текли тоскливо. Хорунжий что-то бормотал. Он опять бредил.

Наконец, пришло то, чего мы всю дорогу ожидали.

Где-то далеко в вагоне какой-то ровный и спокойный голос что-то сообщил, и вслед за этим послышались крики, угрозы, стоны и проклятия. Весь вагон зашумел и заволновался.

Наконец, в дверях нашего купе появился силуэт военного с винтовкой в руках и сказал то, чего я больше всего боялся.

Мост через реку взорван, и поезд дальше не пойдет. Всем раненым, помогая один другому, предлагается перейти его пешком, а с другой стороны реки будет подан товарный поезд, который повезет их дальше.

Человек произнес все это так, как будто все, что он говорил, было как-то совсем обыкновенно и естественно.

Он повернулся, чтобы идти дальше.

- Да подождите же! - крикнул я в исступлении. - А что же будут делать те, которые не могут ходить? Ведь этот поезд набит людьми, которые не могут двигаться.

- Я понимаю ваше возмущение. Но я сделать ничего не могу. Я просто передаю приказание. Хочу еще напомнить, что на станции и в городе идет борьба с восставшими коммунистами и положение настолько серьезно, что помощи ожидать не от кого. Помогай вам Бог.

И он ушел.

Первое мгновение я лежал без движения и, кажется, даже ни о чем не думал.

Положение было, как казалось, настолько безвыходным, что разум в первую минуту ничего не мог подсказать.

Вагон как-то сразу наполнился шумом двигавшихся людей. Кто шел, кто подпрыгивал, а кто просто полз.

Надо было уходить. Я разорвал простыню и ею обернул ноги, сверху обмотал их, как можно туже, всеми бинтами, какие мог найти, и почувствовал, что так, пожалуй, опираясь на шашку и костыль, смогу двигаться.

Теперь надо было подумать, что делать с хорунжим. Он был как бы в бреду и медленно, но верно шел к смерти.

Подойдя к двери купе, я посмотрел в корридор, по которому шли и ползли раненые, и не увидал ни одного, к которому мог бы обратиться за помощью.

В вагоне раздалось один за другим несколько выстрелов. Идущие остановились и молча обернулись. Я понял, что это кончали самоубийством те, которые не могли двигаться. Люди постояли, некоторые перекрестились, и все опять пришло в торопливое движение.

В городе и на станции шла беспорядочная стрельба, и опасность быть захваченным быстро приближалась.

Присев на диван, я попробовал разговаривать с хорунжим; сначала он бессвязно отвечал на мои вопросы, но потом вдруг взглянул на меня понимающими глазами и сказал:

- Иди, корнет, а то будет поздно. Спасибо тебе за твои заботы, но ты мне больше ничего не можешь сделать.

- Но что же будешь делать ты? - спросил я его.

- Да что мне! Я уже почти что не живу, и смерть может только избавить меня от всех мучений.

- Ну, что ж, прощай. Не знаю, свидимся ли когда-либо. Помогай тебе Бог.

Мы поцеловались, и я побрел к выходу из купе.

Что-то с треском упало на пол, и дикий крик остановил меня в коридоре.

- Стой! Не уходи! Ты видишь, я не могу даже нажать курок нагана... Застрели меня... Побойся Бога! Не оставляй меня живым! Стой!

Я вернулся, и холодный пот прошел по моему телу. Он хотел застрелиться, но его пальцы не слушались его, и наган, вывалившись из рук, упал на пол.

- Корнет, слушай меня! Именем твоей матери прошу тебя - застрели меня и не отдай живым красным.

Я не совсем понимал, что он мне говорил. В голове стоял сумбур, и я присел к нему на диван.

Ведь я, и правда, не могу его здесь оставить. Но как же я могу его взять с собой?

Мое покушение поднять его не привело ни к чему, так как малейшее прикосновение к его ногам вызывало, очевидно, такую адскую боль, что он начинал выть, как будто его резали живым.

- Прости меня, - сказал он, - я знаю, что это очень много, что я от тебя хочу, но пойми же, что я уже полуживой и все равно помру; но подумай только, что сделают красные со мной, если они меня возьмут живым, сколько мучений и оскорблений я должен буду перенести прежде, нежели помру! Пореши меня. Прошу тебя и заклинаю.

Он говорил сейчас спокойно. Его глаза горели, но голос звучал твердо и нормально.

Я сидел и думал.

Я много убивал и много видел смерти, но это было в пылу битвы и в борьбе за свою жизнь. Убей, чтобы не быть убитым - это закон джунглей, который люди теперь взяли для себя.

Но убить безоружного человека - это другое.

Время шло. В вагоне стояла жуткая тишина. Я думал об изуродованных трупах наших раненых, которые мне приходилось видеть после того, как они побывали в руках красных, и вдруг я стал спокоен. Не было больше нервности, и все как-то стало сразу ясно и понятно. Я чувствовал решимость и твердую волю.

- Ну, прощай, хорунжий. Я помогу тебе. Я, право, не знаю, как это будет, но я это сделаю.

- Спасибо, родной мой, что ты понял меня. Давай поцелуемся на прощанье, добавил он, перекрестившись.

Я закрыл его с головой одеялом и сказал твердым голосом:

- Читай Отче наш!

- Отче наш, иже еси на небесех, - говорил он за мной тихим и ровным голосом.

- Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небесах и на земле...

Я спустил курок нагана.

Раздался резкий выстрел. Тело вздрогнуло, вытянулось и замерло.

Скрестив его руки на груди, я опустился на колени и продолжал молитву, сам не понимая, что говорю.

Слезы бежали из моих глаз, но воля была твердая и разум спокоен.

- Господи, прости меня, но я должен был это сделать, - сказал я, встал и перекрестился.

Засунув наган за пазуху и опираясь на костыль и шашку, я поплелся к выходу.

В окна вагона были видны двигающиеся одиночные люди. Где-то раздавались очереди из пулемета и беспорядочная стрельба.

- Прощай, хорунжий, - сказал я, обернувшись. - Ты нашел свою судьбу, пойду же и я искать свою.

М.Э.Шилле.

- - оОо - -

КАППЕЛЕВЦЫ.

(Продолжение, см. №№ 28-36)

Эта уверенность, что Каппель явится сам в тяжелую минуту, зародилась еще с первых волжских боев, когда он действительно был среди бойцов в момент, когда все ставилось на карту. Каппелевцы в это верили до самого дня смерти своего начальника.

Доблестные волжане продержались на реке Белой не несколько дней, а более недели. И когда красные подтянули большие резервы и наступали широким фронтом, волжане включились в общий отход Западной армии, не получившей пополнений.

План набега на тылы красных.

Неизвестно, по каким соображениям, в то время, когда потрепанная до последней степени Западная армия с большими потерями отходила, Сибирская армия под командой Гайды, можно сказать, бездействовала, будучи расположенной в районе города Перми. Западная армия, оставив город Уфу, выбивалась из последних сил, не получая подкреплений, тащилась через Уральские горы...

Тыл ясно обнаружил полную несостоятельность, и Каппель убедился, что Ставка потеряла инициативу, не имея планов на будущее, предоставив войсковым соединениям действовать вразброд. Это убедило Каппеля, что Ставка бессильна противодействовать общему отходу и что пополнений в тылу нет.

Каппель, можно сказать, жертвуя собой, решил собрать все тех же старых испытанных волжан-каппелевцев, заранее переговорив с начальниками их отдельных частей. Он не скрывал возможности серьезного конца в случае неудачи, прямо сказав: "Может быть, нам суждено погибнуть!".

Каппель предложил Ставке разрешить ему собрать две тысячи сабель с конной батареей, пробраться где-нибудь на фланге в тыл красным, возможно быстрее уйти как можно глубже и там, где-нибудь в ста или двухстах верстах от фронта, произвести среди красных переполох, взрывая мосты, нападая на склады оружия и так далее. Он доказывал, что в тыловых городах так же, как и у нас, почти нет никаких сильных частей, кроме зачаточных формирований, и еще большой вопрос, на чьей стороне могут быть эти формирования.

Каппель был уверен, что красному командованию для того, чтобы ликвидировать наш отряд, придется снять крупные части с их регулярного фронта и тем ослабить наступление, а это даст возможность Омской Ставке получить передышку и время для подготовки свежих частей.

Все подчиненные Каппелю начальники отдельных частей, с которыми он разговаривал, всецело разделяли мнение генерала. Он подал разработанный план этого набега в штаб Омской Ставки. Долго не было ответа. Тот же инспектор артиллерии штаба фронта генерал В.Н.Прибылович потом рассказывал, что он присутствовал на обсуждении предполагаемого набега генерала Каппеля. Многие чины штаба открыто были против этого плана, говоря: "Разреши Каппелю этот прорыв - он заберется в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит..."

Спустя много времени, когда наши армии неуклонно отходили на восток от Урала, на мой вопрос при встрече генералу Каппелю о судьбе его рапорта о набеге на красные тылы, Каппель сказал, что получил сообщение: "Ставка не располагает такими рессурсами, чтобы рисковать 2000 всадников."

Эвакуация Омска.

В конце лета 1919 года, начиная с августа месяца, я отбывал "тифозную повинность". В течение почти трех месяцев у меня было три тифа: сыпной, брюшной и возвратный. Я был на излечении в городе Бийске, на Алтае, куда мне Каппель не раз присылал подбадривающие письма. Часто мне было не до происходивших событий, так как температура моя поднималась до 41,1°. Все же к концу октября, несмотря на все, я стал немного поправляться. Я получил от Каппеля шутливо-дружескую записочку: "Что ты там валяешься по госпиталям, когда на фронте столько работы?"

Я попросил главного врача назначить врачебную комиссию, которая, осмотрев меня, нашла необходимым для поправления здоровья отправиться мне в спокойное место, в Японию или куда мне хочется, на три месяца. Я же направился совсем в другую сторону и прибыл к Каппелю числа 8 ноября через город Омск, который в это время был на границе трагедии.

Личный состав всех бесчисленных отделов и подотделов был погружен в специальные эшелоны, отправлявшиеся сплошными лентами по двум железнодорожным путям на восток. Очередь была за эшелоном Верховного Правителя, следом за которым должен был уйти эшелон "лите-

ра Д" с российским золотым запасом, добытым Каппелем в Казани. Тут же спереди и сзади этих двух эшелонов следовали эшелоны миссий разных государств, бывших на нашей стороне.

Но бесчисленные склады с вооружением, материальной частью, с комплектами теплых вещей и другим военным имуществом остались на своих местах в нетронутом виде добычей врага. Почему так произошло - скажу ниже.

Я встретил приятеля еще по Симбирску, упоминавшегося мной генерала Прибыловича, который предложил мне купе в своем эшелоне инспектора артиллерии Верховного Правителя. Поблагодарив его, я сказал, что хочу видеть генерала Каппеля. Через несколько минут Прибылович и я поехали на паровозе на станцию Куломзино, в 6 верстах от Омска, где на той стороне Иртыша стоял штаб 3-й Западной армии, которой тогда уже командовал Каппель.

Дружески поздоровавшись со мной, Каппель сказал:

- Так вот ты какой!

Я был истощен тифами, и вид у меня был довольно печальный.

Дальше Каппель сказал:

- Обстановка сейчас такая, что если мы разойдемся хоть на сто шагов, мы можем никогда не встретиться. Поэтому размещайся в соседнем со мной купе, и будем держаться вместе!

Начало темнеть. Западный берег Иртыша был занят десятками тысяч всевозможных повозок, сгрудившихся на берегу непроходимой мощной реки, по которой густо шли разной величины угловатые льдины.

Кроме железнодорожного моста, переправы через реку не было. И только в промежутки между поездами счастливым повозкам удавалось проскочить по этому мосту, чтобы продолжать свой путь дальше на восток.

Каппель указал на бесчисленные обозные повозки сражавшихся с врагом наших частей; вокруг этих повозок сновали плохо одетые люди, разводившие костры, на которых готовили свою незатейливую пищу. Каппель тихо сказал:

- Если река не замерзнет, то часы этих повозок сочтены. Фронт совсем недалеко, а враг наседает... Переправы другой нет.

Но Провидение сжалилось над несчастными: мороз к ночи усилился. Идущие по реке Иртышу льдины остановились и стали соединяться между собой сначала тонкой, как паутина, корочкой льда, которая с минутами крепла. Кто-то догадался из пробитой проруби плескать на лед водой, и она моментально замерзала толстой корой. Через какие-нибудь час-два от плескания воды на льду образовалась крепкая корка, сначала выдержавшая тяжесть человека, а к утру, по сделанным таким образом тропинкам осторожно стали проходить упряжки.

Утром, когда рассвело, мы увидели, что по множеству сделанных через реку тропинок массой двигались спасенные Господом Богом обозные повозки наших частей.

Рассказ генерала Прибыловича.

Командующим всеми армиями Восточного фронта (армиями Колчака) был хотя и пожилой, но опытный и бодрый генерал Дитерихс. Перед концом лета 1919 года Ставка приказала фронту (генералу Дитерихсу) сделать нажим на красных. Мобилизовали имевшиеся у частей резервы.

Нажим удался. Наши части подходят к реке Тоболу и, не имея подкреплений, останавливаются.

Генерал Дитерихс, зная, что Омск не имеет резервов, послал в Ставку рапорт: приступить к разгрузке и вывозу на восток сначала материальной части, а затем и других омских складов.

Когда Верховному Правителю передали для прочтения этот рапорт, у него был для переговоров командующий 3-й армией генерал Сахаров. Верховный Правитель дал ему для прочтения рапорт Дитерихса и спросил:

- В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий (генерал Дитерихс) рекомендует эвакуировать Омск..

Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортам. Дитерихс коротко ответил:

"Если наши войска сделают хотя один шаг назад, то они не остановятся и у Омска."

Возмущенный командующий 3-й армией генерал Сахаров, пользуясь тем, что когда-то сидел в тюрьме у большевиков вместе с адмиралом Колчаком, открыто заявил, что старик Дитерихс выжил из ума и что эвакуация Омска произведет невыгодное впечатление на союзников и на население, что это может подорвать престиж власти. Тогда как Омск и Иртыш можно укрепить, мобилизовав все население, и т.д.

Сахаров был назначен главнокомандующим войсками восточной окраины, а Дитерихс отправлен в тыл для формирования добровольческих частей.

Когда я приехал из госпиталя в Омск, то сам видел большой величины расклеенный на станции и по улицам на больших зданиях и везде, где можно, чуть не аршинными буквами, приказ нового главнокомандующего, гласящий о том, что Иртыш и Омск будут укреплены в неприступную крепость и что красные могут войти в город только через наши трупы. Приказ был за подписью Верховного Правителя и главнокомандующего.

Потом Прибылович мне рассказывал, что когда главнокомандующий доложил Верховному Правителю, что его эшелон готов и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал Колчак удивленно спросил:

- А как же мы покидаем Омск, когда выпущен приказ создать из него крепость?

Сахаров ответил:

- Так требует обстановка!

Переночевав на станции Куломзино, штаб 3-ей армии перешел на станцию Омск. Не успели мы остановиться и соединиться телеграфом с тылом, как к нашему вагону подошел телеграфист со станции Омск и доложил, что Верховный Правитель ждет генерала Каппеля у прямого провода со станции Татарской (или Ново-Николаевска - хорошо не помню).

Каппель и я быстро пошли в телеграфное отделение. Хотя я тоже вместе с Каппелем читал телеграфную ленту, но дословно ее не помню. Хорошо помню ее смысл: в ответ на вчерашнюю телеграмму Каппелю с предложением принять главнокомандование, Каппель просил адмирала Колчака назначить кого-нибудь другого, так как он считает себя не подготовленным для такой должности и молодым (ему тогда было 37 лет), когда есть много старших и опытных. Колчак дал понять Каппелю, что для соблюдения формы он уже предлагал старшим, но он хочет

его, Каппеля, видеть главнокомандующим.

Каппель привел такое возражение, что он с легким сердцем принял бы командование кавалерийским полком, но не эту должность. На это адмирал Колчак задал вопрос: "Ну, а если вы получите приказ?" "Приказ я должен буду выполнить!" - сказал Каппель.

Через час Верховный Правитель прислал телеграфный приказ о назначении генерала Каппеля главнокомандующим.

Уходя из Омска, предыдущий главнокомандующий назначил командующего 3-й армией временно своим заместителем, не сообщив Каппелю, какие части имеются.на каком направлении находятся, и какие склады и с чем остаются в Омске, не указав их адреса. Два пути железнодорожной линии были сплошь заполнены, в хвост один другому. В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре и попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых ужреждений. И не трудно представить их участь...

В санях.

После Омской катастрофы, в лютый сибирский мороз, плохо одетые бойцы совсем потеряли дух, веру в свою стойкость. Усевшись в наскоро добытые повозки и сани, ехали на восток люди с винтовками и пулеметами. Артиллерия, вследствие выпавшего глубокого снега, была не в состоянии ежедневно делать по 50-60 верст. Часть орудий, из-за выбившихся из сил коней, пришлось бросить. часть удалось поставить на полозья. а часть, разобранными, просто укладывались в сани и везлись простым грузом.

На разные темы.

Каппеля особенно раздражали солидные начальники, применявшие старинные методы, как будто это была не гражданская война, а старое доброе время, со штабами, казначействами, интендантствами и.т.д.

Каппель говорил мне:

- Правда, многие из них посвятили когда-то свою жизнь служению Родине, и даже в свое время были на месте, принося много пользы. Но теперь гражданская война. Кто ее не понимает, того учить некогда. Нужно дать возможность работать в деле освобождения Родины не тем, кто, по каким-то привилегиям или за выслугу лет, имеет право занимать тот или другой пост, а тем, кто может, понимает и знает, что нужно делать... Большинство из нас, будучи незнакомы с политической жизнью государства, попали впросак. И многим очень трудно в этом разобраться. Революция - это мощный, неудержимый поток, и пытаться остановить его - сплошное безумие. Нужно знать, что этот поток снесет все преграды на своем пути. Но дать этому потоку желаемое направление и пустить его по желаемому руслу - было бы не так трудно. Мы этого не хотели понять...

Далее Каппель привел такой пример:

- Мы имеем дело с тяжело больной. И вместо того, чтобы ее лечить, мы заботились о цвете ее наряда. Теперь учить, что можно и как нужно, того, кто не понимает главного - поздно!

Помню, он был особенно возмущен комиссией, посланной из Омска, чтобы посмотреть и познакомиться с восставшими против большевиков

уральскими рабочими. Эта комиссия увидела, что у восставших против большевиков ижевцев и воткинцев вместо офицеров были начальниками старшие рабочие, к которым рядовые бойцы обращались со словом "товарищ". И только поэтому многие члены приехавшей из Омска комиссии говорили: "Это не наши солдаты, из них толка не будет!" А ведь восставших уральских рабочих было около 40.000 человек стойких бойцов. Это была сила, да и какой козырь против большевиков!

Восстали они в день, когда Каппелем была взята Казань, и впоследствии под командой доблестного генерала Молчанова прошли через всю Сибирь и бились с большевиками в Приморье до конца 1922 года, в неравных боях, один против десятерых, раздетые и почти безоружные против хорошо вооруженных и тепло одетых красноармейцев.

Каппель имел в виду большие переформирования в армии, но для этого нужен был какой-то рубеж для остановки отхода. Помню его слова: "Было бы очень желательно, чтобы таким рубежом, где можно спокойно заняться переформированием, было наше Забайкалье!.."

По линии железной дороги и по тайге.

Эшелоны в затылок один другому, по двум линиям, медленно и даже с остановками, тянулись на восток. Справа и слева от железной дороги бесконечными вереницами, иногда в несколько рядов, по сугробам, оврагам и ухабам тащились разнообразные повозки.

В окно вагона я насчитывал в день более сотни выбившихся из сил лошадей, стоявших или лежавших вдоль дороги. Из-за недостатка воды или топлива на запасных путях станций и полустанков стояли беспомощно сотнями эшелоны, ожидая своей горькой участи. Могущие передвигаться люди бросали свои вагоны и шли пешком дальше, лишь бы уйти от красного ада.

В.Вырыпаев
(Продолжение следует)

- - oOo - -

О Р Е Л.

В тот день, когда, презрев былую славу,
Топтали в грязь эмблемы прежних сил,
Сраженный в грудь, он скипетр и державу
Из лап могучих уронил...

Томясь тоской в страдании бессилья,
Изгнал в толпах безумия дурман.
Припав к земле, склонил он грустно крылья
В крови от ран...

И кровь его вошла в родную землю,
И глубь земли приливы сил дала,
Народ прозрел и закричал: Я внемлю
Тому, - что скрыла мгла!..

Кн. Ф.Касаткин Ростовский.

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава пятая (продолжение)

На станции много англичан и рослых арабских жандармов в фесках. Палатки для нас были приготовлены заранее, и разместились мы в них довольно быстро. Одели нас во все чистое, а наше забрали в стирку и дезинфекцию. Был конец февраля. Кончились зимние ливни, оставившие в песке большие промоины. Совсем тепло. Палатки у нас большие, прочные, тройные: их внешняя покрышка из плотной, крепкой парусины, под нею более легкая красная, а внутренняя - бледно-желтая. Помещалось нас в ней более 20-ти человек. Койки прочные, белье - чистое.

Рана моя постепенно заживала, а язва разросталась все больше, достигнув размера хорошего пятака. Лечение было примитивным, перевязки болезненны. Почти каждый день на рану накладывали соляные примочки. Влага быстро испарялась, марля присыхала к обнаженной ране, и ее приходилось отдирать хотя и энергичным, но все же весьма болезненным образом.

Как-то вышло, что мы, три первопоходника, очутились лежащими рядом: Пор.Возовик, капитан Морозов (кавалер ордена св.Георгия) - оба Корниловцы. Возовик был ранен в локтевой сустав и остался полуинвалидом. Морозов тяжело ранен в голову, и в результате одна сторона оказалась парализованной: лицо было перекошено, он еле волочил ногу, а рука беспомощно доталась вдоль тела. Был он очень нервным и вспыльчивым, говорил с трудом и еле передвигался с помощью костыля. Хорошо помню, как он, волнуясь и заикаясь, "костил" Скоблина всякий раз, как только о нем заходила речь, снабжая его такими эпитетами, как "сволочь" и "мерзавец". Много позднее я понял, что уже тогда у кап.Морозова были серьезные основания для такой моральной аттестации своего соратника. Впоследствии такую же аттестацию дал Скоблину поруч. Дроздовского полка, учившийся вместе с ним в Нежинской гимназии. К этому я возвращусь в дальнейшем...

Вскоре в госпитале появились арабы-чернорабочие, одетые в длинные, до пяток, балахоны-рубахи, сквозь которые просвечивало тело, и все босые. Надсмотрщиком над ними был русский армянин, владевший и английским, и арабским языками. В рабочее время он почти не расставался с длинным бичем, неоднократно на наших глазах полосовавшим спины подчиненных ему феллахов. Отвратительное зрелище!

Во время войны Тель-эль-Кебир был английской базой на среднем Востоке. В наше время там стоял индусский конный полк и небольшая английская техническая часть. Встречалось довольно много офицеров. Неподалеку было разбросано селение арабской бедноты. Но, Боже, до чего убоги и жалки были ее жилища! В одной продолговатой лачуге, в разных ее концах, помещались и семья, и скот. Только верблюды были снаружи. Главным занятием было возделывание хлопка и риса.

Англичане относились к нам хорошо. Заядлые спортсмены, они вскоре организовали в лагере выздоравливающих футбольную команду и устраивали состязания.

Персонал госпиталя был весь русским, приехавшим вместе с нами. Рана моя зарубцевалась, и потихоньку стала заживать и язва. На последней неделе Великого поста ночью разбудило нас всех громкое ра-

достное приветствие: "Христос Воскресе!". Весь госпиталь вскочил на ноги, пока не разобрались, в чем дело: какой-то несчастный сошел с ума.

В Пасхальную неделю я впервые почувствовал некоторую устойчивость в моей раненой ноге и осторожно попытался слегка наступить. Нога держала. Доктор в свою очередь подтвердил, что большая берцовая кость определенно срослась, но оставлять костыли пока не советовал. Не прошло и недели, как я уже начал пытаться ходить на укороченной на 2,5 сантиметра ноге. Сущие пустяки! От радости я готов был прыгать до небес! Прошло еще немного времени. Производя экзамен крепости ноги, я уже засыпал землей глубокие промоины, оставшиеся от зимних ливней. А два месяца спустя спрыгнул на ходу с поезда.

Кормили нас тогда и обильно, и сытно, но не особенно вкусно, ибо пища мало подходила к царившей в Египте жаре, доходившей до 63-65 градусов по Цельсию на солнце. С утра давали нам большую чашку какао, кусок горячего отваренного сала, варенье. Хлеба и галет - всегда вволю. Днем и вечером получали мы суп, мясо, консервы, ломоть сыру, пикули и какао. Все это бывало приторно жирно и, по всей вероятности, служило причиной появления в лагере выздоравливающих дизентерии. Раз в неделю получали мы приветствуемое всеми блюдо: пикули в горчичном соусе. Запасы сыра в огромных кругах обычно зарывались в землю, так как ночи всегда бывали прохладными и на известной глубине земля не успевала прогреться за день и оставалась холодной.

К Пасхе в госпитале сорганизовался небольшой хорик. Руководил им поручик Диев, прекрасный бас и не плохой регент, так что мы совсем недурно отпели всю Пасхальную службу. Запомнились мне присутствовавшие на богослужении и стоявшие в стройных рядах маленькие кадетики, направлявшиеся в Измаилию.

Русская колония Каира прислала к празднику куличи и яйца.

После Пасхи хорик наш стал быстро расти. Влились в него и женские голоса, взятые из семейного лагеря после прибытия туда из Одессы с пароходом "Саратов" большой партии беженцев. По своей структуре хор получился весьма оригинальным, так как в партию первых теноров входили четыре сопрано, а в партию вторых - пять альтов. Нашелся хороший октавист: инвалид, с трудом передвигавшийся на костылях.

Довольно неожиданно хор наш получил приглашение выступить на двух вечерах-гуляньях, устраиваемых в городском саду Каира тамошней русской колонией. Конечно, приглашение приняли, но... что петь и в чем петь? Нот не было, да и достать их было неоткуда. Состряпал что-то по памяти наш "регент", большинство же номеров - народные песни, которые можно было петь и без нот, конечно, предварительно спевшись. Четыре-пять куплетов из "Бандуры" тенор пел, как соло, а хор лишь аккомпанировал. Петь нам несомненно хотелось, но не меньше хотелось хотя мельком взглянуть на Каир и на пирамиды.

И вот мы поехали... Надо было посмотреть, как мы выглядели: одни на костылях, у кого рука на перевязи, кто хромает! Одеты были в старое потрепанное военное обмундирование; на головах - у кого фуражка, у кого папаха; на ногах - у кого сапоги, у кого ботинки с обмотками, а кто и просто в госпитальных туфлях. Однако налицо - формы почти все частей Добр.Армии, определяемых погонами. Дамы наши были в летних цветных платьях.

Ехали мы скучной, однообразной пустыней недолго: вдали показались пирамиды. Вскоре и Каир. Поместили нас в отеле. Обедали в греческом ресторане. Посмотрели и центр города. Европейский город красив и благоустроен, но свернешь немного в сторону - и уже начинаются узкие кривые улички со снующей по ним беднотой. У многих женщин лица закрыты чадрой. Мужчины-арабы одеты или в свои национальные костюмы, или в европейские, но с неизменной феской на голове. Как среди женщин, так и среди мужчин встречается много красивых обращающих на себя внимание типов.

Всей гурьбой отправились мы на трамвае в зоологический, он же и ботанический - сад. Дорогой пришлось проезжать красивейшую часть города, расположенную по Нилу. По берегу были разбросаны богатейшие виллы и большие дома, буквально утопавшие в сплошном море садов с яркими цветниками, казавшимися огромными букетами. Обвитые находившейся как раз в цвету глицинией, и виллы и дома возвышались высокими цветущими купами - голубыми, розовыми, белыми. Переехали на ту сторону Нила. Ни ботанический, ни зоологический сад не представляли собой ничего интересного, но у большой клетки со множеством обезьян нас ожидало большое и забавное развлечение.

Кому-то из нас взбрело в голову бросить во внутренность клетки большой бинт, зацепившийся за сук сухого дерева, на котором обезьянки производили свои эквилибристические упражнения. Тотчас же к нему подскочила одна обезьянка, обнюхала и отбросила. Отброшенный бинт начал раскручиваться в своем полете и вызвал восторженный визг обезьянки. Бинт тотчас же стал предметом вожделения всех остальных обезьян, пытавшихся захватить его в свое личное пользование. Распускавшийся все более и более бинт длинной белой лентой пополз по всем сукам дерева, собрав на всем своем протяжении столь же длинную гирлянду из обезьяньих тел, боровшихся за обладание этой невиданной игрушкой. Подбросили еще один бинт, и суматоха в клетке достигла своего апогея. Глядя на эту возню, мы хохотали от души и сперва не обратили внимания на собравшуюся возле нас толпу местных жителей, чье внимание было обращено не в сторону обезьян, а в нашу, ибо для них мы представляли собой большую диковину.

Вернулись мы в отель, немного отдохнули, произвели бесплодную попытку привести себя в относительный порядок и отправились в городской сад, где уже гремел арабский духовой оркестр характерными звуками восточной музыки. Провели нас в большой павильон с открытой верандой, на которой нам предстояло выступать. В нем нам отвели две комнаты. В том же павильоне имелся ресторан-кафе. Перед верандой, за многочисленными столиками или прохаживаясь по аллеям - пестрая толпа ожидает начала дивертисмента. Много нарядных туалетов европейцев, много восточных халатов, интригующие чадры женщин.

Испытывавший еще с утра волнение, наш регент "для храбрости" слегка выпил, но так как храбрость медлила вернуться к нему, то и выпил он больше, чем следовало. Вышли мы; построились; запели. Публика приняла нас хорошо. Непредвиденным оказалось только то, что регента слегка покачивало, с каждым номером все заметнее и заметнее, пока, наконец, на последнем номере отделения храбрость не вернулась к нему окончательно: повернулся он лицом к публике и продолжал "дирижировать" - неизвестно кем и часто невпопад. Допели мы кое-как и скрылись внутрь павильона. Дамы наши - в слезы! Что делать с "обу-

янным храбростью" человеком, выражающим твердое намерение управлять и дальше? Решили запереть своего "регента" в дальнюю комнату. Выручил всех поручик Свечкарев, умевший дать тон и как-то "проуправлять". Как только мы вышли и запели, сразу сзади раздался вопль обиженного на смерть регента, к счастью, приглушенный двумя закрытыми на ключ дверями. Отделение прошло благополучно.

На следующий вечер наше выступление должно было быть повторено, а днем мы решили всей группой побывать на пирамидах. Утром, после завтрака, отправились мы на остановку трамвая, специально идущего к пирамидам, в 10 километрах от Каира. На трамвайной остановке нас буквально облепили проводники. Как мы ни отбивались, за каждым из нас неотступно следовал бедный босой феллах. Наши капиталы - считанные и пересчитанные гроши; наше опасение - а вдруг не хватит на расплату!

Долго ехали до последней остановки. Вот и она. Отель, толпа фотографов, в рблюды, ослики. Сразу предстояло преодолеть крутой песчаный подъем, а дальше за ним около километра - по песчаному плоскогорью. Пять человек, в их числе и я, водрузились на верблюдов, другие на осликов, а часть побрела пешком. Поднялись на равнину и вдруг точно очутились рядом с двумя "близнецами-пирамидами". Трудно было сказать, какая из них больше. Слева от них виднелся совсем маленький сфинкс. Медленно двигались мы по песку, истоптанному миллионами и миллионами человеческих ног - некогда рабов фараонов, а после рабов любопытства, каковыми были теперь и мы.

Первым делом снялись мы всей группой на фоне пирамид, избравши ближайшей декорацией "безносого" сфинкса. Все вышли прекрасно: и мы, и разбитый нос сфинкса, и пирамиды, и верблюды, и ослики, и поводыри. Еще не так давно никому из нас и присниться бы не могло запечатлеть себя на фоне истории и востока. Что значит пение! Долго бродили мы вокруг пирамид. Я даже пытался подсчитать количество огромных кубов граниты, правильной формы и одинакового размера, употребленных на постройку такого массива. Однако, без бумаги и карандаша ничего не вышло, да вряд ли и имело смысл, а кроме того, какое-то количество этих гранитных кубов было скрыто в песке. По соседству находилась и еще одна небольшая пирамида, уже разрушенная временем. Большие пирамиды были зацементированы: все уступы их были замазаны, так что вся поверхность представлялась совершенно гладкой. Время разрушило цемент, и на одной из пирамид он осыпался уже больше,чем на половину, но гранит не тронули ни ветры, ни ливни, ни солнце.

Сунули мы что-то своим непрошеным гидам и двинулись караваном к трамваю. Вдали навстречу нам показались две фигуры на осликах: наш регент и бас - санитар Левушка. Первый - небольшого роста, в пенсне, в полной форме и в серой высокой папахе; второй - детина шести с половиной футов роста, голова растрепана, ноги, превышавшие рост ослика, волочатся по земле. Видно было, что оба пьяненькие.Мы поторопились свернуть немного в сторону, но регент узнал нас и начал радостно кричать и жестикулировать. Все же удалось разъехаться. Сели мы в трамвай, вернулись в Каир и сразу пошли обедать к греку. С городом мы так и не познакомились. Выступление наше прошло удачно, и на другой день мы были уже "дома": в госпитале.

Регент тяжело переживал свое несчастье и потерю хора Жаль было его, тем более, что он никогда не был пьяницей, но нервы его в

ту пору были не в порядке. Впоследствии я работал с ним немалое время в Болгарии и пел в хоре Дроздовского полка.

Затянулась, наконец, моя язва, и я перешел в лагерь выздоравливающих. Много набралось нас, желавших вернуться в Армию. Но как ехать без документов и, главное, без гроша в кармане? Выхода не было, и нам пришлось ждать еще 4 месяца.

Лагерь выздоравливающих находился всего в полуверсте от госпиталя и был разделен на две части. В "семейной" части жили или семейные, или офицерские жены, прибывшие из Одессы; в другой части лагеря проживали холостяки или одиночки, инвалиды, вылечившиеся раненые и здоровые, военные и штатские, тоже приехавшие из Одессы. Семейный лагерь был обнесен высокой проволочной сеткой, и по ночам у ворот его постоянно стоял дежурный дневальный. Что же касается холостяков, то они пользовались полной свободой и были размещены в маленьких круглых палатках на три койки. В одной из них устроился и я в компании моих однополчан, корнетов Панова и Иванова. Выбыли они из строя почти на год позднее меня, и я много узнал от них о жизни нашего полка.

На "Саратове" прибыл в Египет и целый певческий мир, среди которого находилась и знаменитая певица Лесли-Преображенская, несмотря на свою хромоту бывшая большой эстрадной певицей. Прибыл и блестящий баритон Зиминской оперы - капитан Фадеев. Были две хорошие певицы-солистки - Броницкая и Мандрыкина, которые выступали как в лагере, так и в концертах большого хора под управлением есаула Н.Афанасьева, которого я немного помнил по семинарии. Впоследствии он учился в Духовной Академии и управлял академическим хором. Сразу поступил в хор и я.

Жизнь в лагере забила ключем: был устроен театр, давались концерты, устраивались всевозможные развлечения. Часто со сцены театра можно было слышать и "Пролог" из оперы "Паяцы", и куплеты Тореадора, и "Как король шел на войну", и "Увы, сомненья нет", и "Фигаро" в безукоризненном исполнении Фадеева. Реже зачаровывала нас своим дивным меццо-сопрано Лесли-Преображенская, не только лаская слух мягким мощным голосом, но и захватывая слушателей исполнением. Такая заезженная вещь, как "Черные гусары" в ее передаче не померкла в моей памяти и поныне. Частенько потешал нас всех и "Хор братьев Зайцевых", где главенствовали тенор-душка Осветинский и бас Вольский. Иногда ставили небольшие пьески, вроде Чеховского "Предложения". Появлялся также едва умещавшийся на эстраде большой хор, обыкновенно певший в лагерной церкви, где священствовал мой земляк - протоиерей о.Петр Голубятников. Прекрасно спевшийся хор имел много хороших солистов и состоял из свежих, молодых голосов.

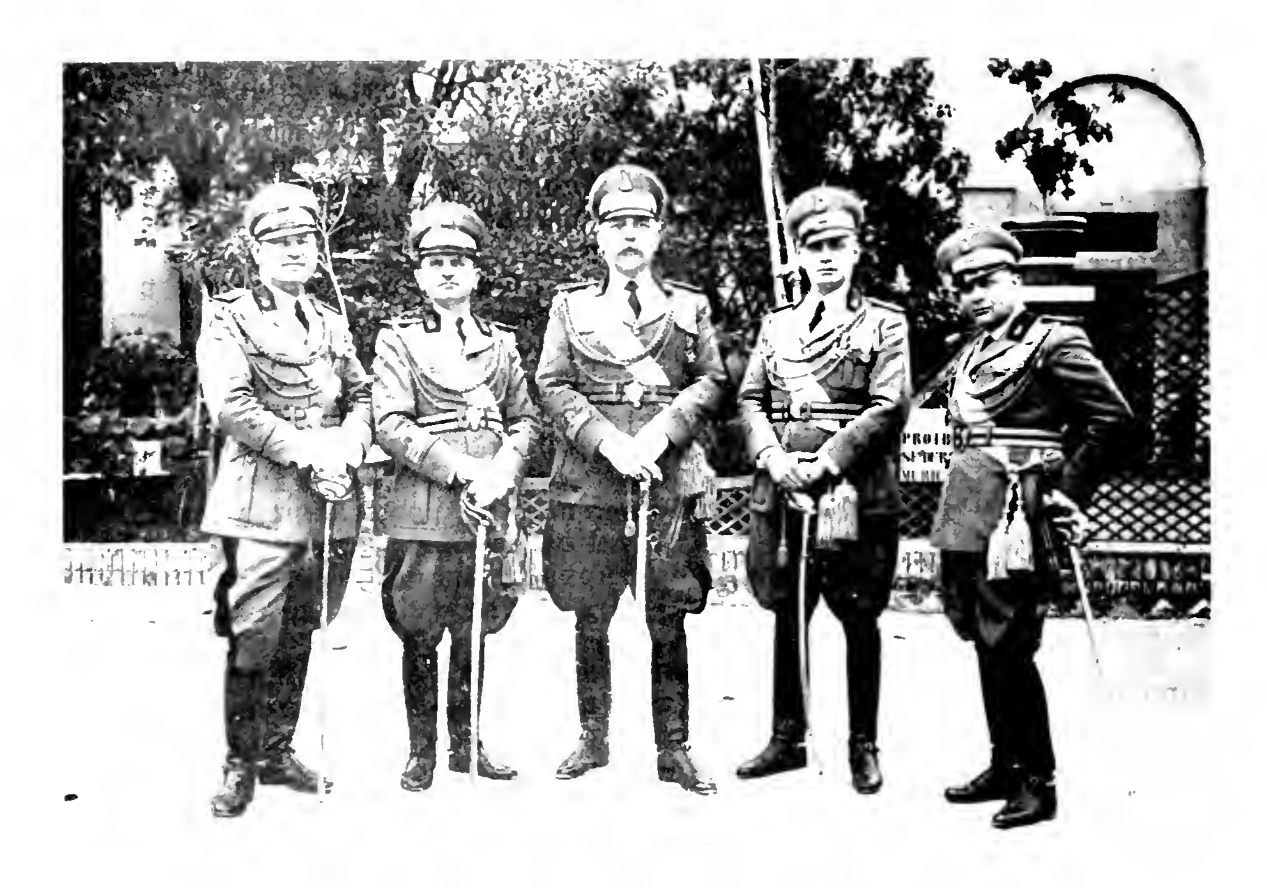
Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - - - oOo - - - -

Читайте и распространяйте журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

Наш лозунг: ОТЧИЗНА, ЗАКОН и СВОБОДА.

- - oOo - -

Майор Л.Сукачев со своим штабом (1939 г.).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ Л.П.СУКАЧЕВА.

(См. №№ 28, 30 и от 33 до 36)

Я с удовольствием принял предложение Луэро поехать к нему. Пока мы поднимались в его "Фиате" по ярко освещенной виа Венетто, полковник мне сказал, что, к сожалению, его супруги нет в Риме, однако, он уже позвонил к себе домой и предупредил прислугу, чтобы нам приготовили ужин.

Мы вошли в небольшой но исключительно красивый по архитектуре особняк полковника. Сначала уселись в гостиной, где были приготовлены аперитивы. Начались разговоры, ведшиеся уже в совсем неофициальном порядке. Общее впечатление от обмена мнений, весь "климат", царящий в уютном доме гренадерского офицера, - были исключительно приятные: полное отсутствие шовинизма, самомнения, искренняя доброжелательность по отношению ко мне, иностранцу. Меня расспрашивали про традиции русской императорской армии; я, конечно, интересовался жизнью итальянского офицерства, их отношениями к Муссолини и королю.

Когда, по приглашению гостеприимного хозяина, из гостиной мы перешли в столовую и к легкой "антипасто" (закуске) подали ледяное белое вино, присланное синьорой Луэро из Ломбардии, разговоры стали еще задушевнее, еще искреннее. Я почувствовал, что меня считали уже вошедшим в итальянскую офицерскую семью. Но сознаюсь, что некоторое раздражение вызвали провозглашенные тосты: "За новоприсоеди-

ненную к итальянской империи - Албанию", "За новый итальянский полк на службе Е.В. короля Италии... и Дуче..."

"Как они не понимают, - подумал я, - что нетактично в моем присутствии пить за присоединение Албании к Италии?"

Когда же, перед сладким, откупорили бутылку "Асти спуманти" (французского шампанского не пили из патриотизма) и какой-то маленький смуглый подполковник обратился ко мне с вопросом, когда я запишусь в члены фашистской партии, то я не стерпел и резко ответил:

- Никогда. Я начал свою военную службу в 5-м уланском Литовском полку; шефом его был король Италии Виктор Эммануил 3-й, которому теперь я буду иметь честь присягать. Я сражался в русской императорской армии против Германии и Австро-Венгрии - наших с Италией общих врагов; потом - против большевиков в России; уже в эмиграции, после службы в пограничной страже королю С.Х.С. Александру, по воле Божьей, я помог Ахмету Зогу свергнуть про-коммунистическое правительство в Албании и присягал ему, как королю. Я - военный по профессии; горд тем, что мне поручено командование итальянским полком, что тот же король Виктор Эммануил, который был шефом моего полка в императорской России, будет опять моим шефом. Я привык к нашей старой русской традиции, что армия вне политики. Поэтому я никогда ни в фашистскую, ни в какую иную политическую партию не вступлю"...

Наступило гробовое молчание. Большинство присутствующих смотрело в сторону. Луэро почему-то с большим интересом стал рассматривать висевшую на стене картину кисти де Кирикка, словно раньше не замечал изображенных на ней длинногривых белых коней, выходящих из морских волн...

Потом один из присутствующих, высокий гренадерский майор, подошел ко мне и молча крепко пожал руку. Сам хозяин дома и несколько человек его гостей последовали его примеру.

Я не понял в этот вечер причины этого дружеского жеста, явно одобряющего произнесенные мною слова. Резко отказавшись вступить в фашистскую партию, я не ожидал такой реакции. Думал, что добровольно иду на большой риск. В уме промелькнуло: "А может быть, пожатием руки мне выражали соболезнование в предвидении будущей немилости Дуче, со всеми ее последствиями?". Многие мои русские друзья давно считали меня авантюристом, но мне казалось, что настоящая "авантюра" может начаться только теперь, когда я наотрез отказался стать фашистом... Опять мысленно вспомнил свое прошлое:

"Нет, я не авантюрист, так же, как не авантюрист и тот русский кадровый офицер, который уже несколько лет командует гвардией принца монакского. И он, и я - профессиональные военные, продолжающие за рубежом наше ремесло. Главное - не вмешиваться в политику".

Очень скоро после этого памятного вечера 7-го апреля 1939 года я имел возможность убедиться в том, что присутствовавшие на ужине офицеры искренне одобрили мои слова. Уже после нескольких недель службы в итальянской армии я понял, что итальянское офицерство, хотя и отдавало должное заслугам Дуче перед страной, однако, внутренне не могло простить Муссолини его отношения к королю. Первую роль в стране играл диктатор, а Виктор Эммануил 3-й был только послушной марионеткой в его руках...

Но за ужином у Луэро никто из присутствовавших не высказал вслух затаенную обиду за династию Савойев. Наоборот, после моего

выступления начались разговоры о том, каких блестящих результатов удалось добиться Муссолини за годы управления страной.

Вспомнили, как после войны 1914-18 г.г. в Италии наступил полный моральный упадок и царил невероятный политический хаос. В парламент оказались выбранными депутаты стольких партий, что им было невозможно столковаться между собой. Как результат, министерства сменялись непрерывно. Это создавало благоприятную почву для распространения марксистских доктрин: в любой момент можно было ожидать катастрофы, то есть коммунистического переворота.

Ведь из далекой России приходили захватывающие воображение итальянцев вести: - Новый мир, новый строй - с востока шел луч света, надежды на лучшее будущее человечества... Правда, также доходили слухи о голоде, о лишениях населения, об административном произволе, вандализме и бедствиях... "А впрочем, - думало большинство итальянцев, - наверное, эти бедствия уж не так велики и страшны, красный террор не такой чудовищный, как их описывали беженцы, состоящие из ретроградов, аристократов и помещиков, не могущих простить новой власти того, что она поделила их земли между крестьянами... Конечно, возможно, что бывали, Да и теперь еще случаются ненужные жестокости и крайности в России; но эти эксцессы объясняются реакцией освобожденного после многолетнего рабства народа и вполне естественны... К тому же, одно дело варварская Россия, а другое - Италия, с ее традициями и многотысячелетней культурой, а главное - гуманностью и мягкостью характера. На родине Данте никогда большевизм не сможет принять той формы, которую он, говорят, принял в СССР...

Так рассуждали: большинство политических деятелей, интеллигенция, уж не говоря о рабочих северных промышленных районов Италии, о мелком купечестве и мещанах маленьких городов.

Однако, самое поразительное, что идеями Карла Маркса увлекались и многие крупные землевладельцы, потомки феодальных "синьоров", в чьих руках веками находились старинные замки и тысячи гектаров земли. Владельцы этих несметных богатств почему-то считали, что материально ничего не потеряют, если коммунистический строй воцарится в Италии. Зато выиграют - каким образом, неизвестно - те бедные безземельные мужики, которые продолжали ютиться, как и тысячи лет тому назад, в пещерах юга страны...

Не вдаваясь в подробности, как это произойдет, многие итальянцы эпохи, непосредственно следующей за войной 1914-18 г.г., свято верили в тот рай земной, который им обещали коммунисты. Социалисты менее крайнего уклона, к которым примкнул еще до Первой Мировой войны и Бенито Муссолини,тоже сулили Италии всякие мирские блага, но считали, что процесс перемены строя и водворения социализма должен быть менее скорый, более эволюционный, чем тот, которым хотели итти коммунисты.

После восьми лет пребывания на действительной итальянской военной службе, вспоминая мои личные наблюдения и рассказы знакомых, я пришел к следующим заключениям: безусловно, вышеприведенные рассуждения о том, что коммунизм в Италии, если бы воцарился, то был бы не таким, как в России, - не выдерживали никакой критики. Что касается рассказов о мягкости и гуманности итальянцев, то они соответствовали действительности.

Достаточно вспомнить, что при фашистском строе, за все годы

его существования, был убит один Маттеотти, социалист, открыто боровшийся с фашизмом. Любимым методом воздействия чернорубашечников на противников было вливание в их горло большой дозы касторки...Даже полковник, выстреливший в строю, во время парада, в Дуче, отделался заключением, а после падения режима Муссолини был выбран сенатором...

Гуманность свойственна всем итальянцам - независимо от их социального положения и политических взглядов. Самое поразительное, что даже коммунисты в Италии проявляли исключительную для них мягкость. Рассказывал мне, например, такой случай из своей жизни один знакомый офицер. Вскоре после конца Первой Мировой войны он командовал ротой недалеко от Болоньи. В это время коммунисты севера Италии то и дело устраивали восстания для борьбы с правительством.Мой знакомый ехал как-то вечером на велосипеде за городом, под Болоньей. Было уже темно. Он свалился в канаву и довольно сильно ушибся; когда он пришел в себя то оказалось, что он потерял ориентировку. Недалеко он увидел ярко-освещенные окна какого-то дома. Постучал в дверь и, услышавши приветливое "аванти", вошел. Оказалось, что в этом доме в это время происходило заседание главного штаба коммунистической партии для обсуждения плана проектируемого на следующий день в Болонье вооруженного восстания. Хотя мой знакомый был в полной офицерской форме, один из коммунистов не только объяснил ему его дорогу, но даже провел на улицу и показал, куда надо ехать.

Но, возвращаясь к началу политической карьеры Муссолини, интересно вспомнить, что социалисты сначала были против вмешательства Италии в вооруженное столкновение. Муссолини же, как только началась война 1914 года, считал, что в интересах страны - не война на стороне Тройственного Союза и не соблюдение нейтралитета, а активный переход на сторону России, Франции и Англии. Он убедил в этом социалистов, депутатов в парламенте, и, благодаря их инициативе, Италия вступила в войну против своих бывших союзников. Муссолини впоследствии очень гордился тем, что повлиял на решение, принятое Италией; тем более что все итальянцы приписывают своей стране заслугу победы над Германией. Они считают, что разгром Германии явился следствием итальянской победы при Витторио Венетто в 1918 году и заключения перемирия с Австро-Венгрией.

Однако, спасти родину нельзя было одними отрицаниями и критикой существующего беспорядка. Нужно было создать новую формулу и противопоставить ее принципам старого конституционно-монархического строя. С этой целью Муссолини уже в 1919 году приступил к выработке программы новой политической партии, во главе которой он стал сам. Цель была - не только материально, экономически поднять страну, но и вернуть ее к могуществу времен римских цезарей. Эмблемой партии выбрали связку прутьев - фашио - и вложенную в нее секиру; таким образом, следуя примеру древних римлян, символизировали власть, основанную на единении и силе.

С 1919 года Муссолини выступал лично на многотысячных собраниях в разных городах Италии; одновременно редактировал газету в Милане; пропагандировал идеи твердой власти, которая должна была привести страну к благоденствию... Так как, для достижения этой цели, программа фашистов включала свержение существующего режима, то,естественно, правительство короля было настроено враждебно по отноше-

нию к Муссолини. Однако, демократическая свобода имела настолько глубокие корни в Италии после окончания войны, что, несмотря на явно анти-правительственную пропаганду, Муссолини отделался от властей всего недолгим арестом... Пропаганду он вел, впрочем, не одними словами, а уже в марте 1919 года образовал группы Italiani di Combatimento, а весной 1921 года - "Squadri d'azione" - "отряды действия" чернорубашечников.

Политическая программа Муссолини или, верней, его отношение к монарху резко изменилось в результате одной случайности.

Муссолини выступал в Неаполе перед многочисленной толпой. Как обычно, он стал призывать народ к поддержке фашистской партии, стал излагать цели фашизма. Под конец речи он намеревался изложить програмку действия фашистов: свержение существующей власти и династии Савойев, объявление управления страной фашистской партией. Фашистский вождь начал заранее подготовленную речь, намереваясь сказать, что король Виктор Эммануил должен быть свергнут, но как только он начал фразу со слов: "Король Виктор Эммануил...", толпа перебила его громкими и долгими криками: "Вива ил ре!" - "Да здравствует король!"

Муссолини замолчал. Закрыл лицо руками. Толпа замерла и замолкла... Оратор все молчал. За несколько минут он мысленно пересмотрел всю программу партии. Он понял, что популярность дома Савойев и в частности короля Виктора Эммануила 3-го такова, что народ не пойдет против трона. Муссолини открыл лицо, выпрямился и громко произнес:

- Да здравствует король!

Так случай, реакция неаполитанской толпы на незаконченную фразу, на слова "король Виктор Эммануил" - повлияли на решающий в итальянской истории ход событий: фашисты сделались монархистами.

Естественно, что с этого момента и король стал поддерживать Муссолини. Итальянский монарх это доказал, когда в декабре 1922 года Муссолини начал знаменитый поход на Рим. Уже подойдя вплотную к Вечному Городу, чернорубашечники решили переночевать, не входя в пределы столицы Италии. Король Виктор Эммануил 3-й, находившийся в своей личной резиденции на вилле Савойи, отдал приказ, чтобы войска не выходили из казарм и чтобы полевые кухни с ужином были немедленно отправлены фашистским отрядам. На следующее утро Муссолини сделал свой триумфальный вход в Рим.

- о -

Ужин у полковника Луэро затянулся поздно: вспоминали и комментировали приход к власти фашистов; потом говорили о тех огромных переменах, которые произошли в жизни страны с тех пор, что Муссолини пришел к власти. Большинство присутствовавших считало, что Дуче вполне оправдал возложенные на него надежды народа, очень объективно признавали его заслуги, и это - несмотря на затаенное некоторое внутреннее раздражение и обиду за короля, которого Муссолини как бы отодвинул на второй план... Говорили о том, что мир вообще вступил в эру диктатур, так как диктатура без давления извне не может быть свергнута. Небольшое ядро преданных ей людей всегда может, при современной технике, противостоять даже всему народу... Что может сделать толпа, вооруженная палками и ножами, против танков, пулеметов и газов? 20 лет большевицкого режима в России вполне это подтверждают...

Я спросил: - "Но в таком случае какова будет судьба Италии, если ее вождь сделает какую-нибудь грубую ошибку, могущую отрицательно повлиять на всю историю итальянского народа?"

Последовал ответ, который я вспомнил в момент, когда Gran Consiglio - главный фашистский совет - во главе с Чиано - свергнул Муссолини и привел маршала Бодолио к власти. Этот ответ гласил:

- Ci pensiamo noi - "Об этом позаботимся мы.

Л.Сукачев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

НА ЧУЖБИНЕ.

Вдали от отчизны брожу одинокий
Без милой семьи, без родных, без друзей,
В борьбе беспощадной с судьбою жестокой,
Среди бессердечных и чуждых людей.

В невзгодах, в лишеньях скитальческой жизни
Грубеют все лучшие чувства в груди,
Но так же пылаю любовью к отчизне,
Как раньше, в те лучшие дни позади.

Все так же я верю, изгнаник безродный,
В грядущее счастье, в грядущий рассвет;
Что будет Россия могучей, свободной!
Недугов теперешних сгладится след.

Покроются нивой родимые степи,
Украсится новою Дон сединой,
Звеня, распадутся железные цепи,
Ликующий Дон всколыхнется волной.

Отчизна! Слезами и жертвенной кровью
Пропитан твой крестный мучительный путь...
Безмерной к тебе я пылаю любовью
И жажду на лоне твоем отдохнуть.

Былое величье твое вспоминая,
В скитаниях горькие слезы я лью,
И грезя тобою в изгнаньи, родная,
Тебе о тебе эти песни пою...

Н.В.Альникин.

- - oOo - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".
Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ю прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 доллара, в Австралии $ 2.65 или 1 австралийский фунт 4 шилл. Во Франции, остальной Европе, Африке и Южной Америке - $ 2.40 или 12 французский новых франков. Пересылка всюду 20 центов. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

V.Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - oOo - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $2.10. Желающие приобрести Знак могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.,U.S.A.

- - oOo - -

Редакцией получена для продажи книга Вл.Маевского

"НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ"
(Трагедия Императорской России),

изданная в 1963 г. в Мадриде. 283 страницы. Цена $ 4.50.

- - oOo - -

ХРОНИКА. 22-го ноября с.г. в 1 час дня, в доме О-ва Ветеранов (806 Норт Норманди авеню) Отделение Общества Галлиполийцев отмечает день основания Добровольческой Армии (14 ноября по новому стилю 1917 г.) МОЛЕБНОМ за РОССИЮ. После молебна там же состоится общая трапеза по предварительной записи, срок которой кончается 18-го ноября. Телефон: МА 5-8713.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Г.Головань, В.Мяч.

Подписная плата на 1 год $4.00, на ½ года - $ 2.50.

Цена отдельного номера 40 центов,
а настоящего, двойного - 70 центов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е № 37-38

- - oOo - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - oOo - -

ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА

39

Издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода

Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий

4-й год издания

"VESTNIK PERVOPOHODNIKA"
Monthly Magazine of the
Society of General Kornilov's Veterans
of the First Kuban Campaign against the Communists
1706 Echo Park Ave., Los Angeles, Calif., 90026
U.S.A.

Декабрь 1964 г. № 39

ДЕРЖАВНОЕ ЗНАМЯ.

Пылала Русская Держава!..
Пожар полмира озарял...
Но не погибла наша слава,
И стяг трехцветный не упал.

Мы унесли его оттуда
И никому не отдадим,
Как честь свою,как веру в чудо,
Мы Знамя Русское храним!..

Героям солнце светит в очи,
Пути иные, цель - одна.
Пускай у храбрых жизнь короче,
Им слава вечная дана.

Взглянув на пройденные тропы,
Вспомянем прадедов сейчас:
Пол Азии и пол Европы
Отвоевали вы для нас!

Страна родная, край любимый,
Должны мы жизнь свою отдать,
Чтоб вновь Великой, Неделимой
Державой Ты могла бы стать!

"Часовой" № 458-9 Мариана Колосова.

ОТВЕРГЛИ МЫ ИГО КРОВАВОГО СТРОЯ,
ПОД КРАСНОЕ ЗНАМЯ СЛУЖИТЬ НЕ ПОШЛИ.

ЛЕГЕНДА О КАЗАЧЬЕЙ ЛАВЕ.

Расскажи мне, казак, про старинную лаву,
Расскажи про старинный ваш бой,
Бой, которым стяжали вы вечную славу
И которого в мире не знает иной.

Объясни и поведай цепей мне мельканье
С темной, страшной завесой далеких краев,
Пеших с конными партий своих сочетанье
И движение гибких казачьих строев.

Объясни про огонь ваш упорный и дальний,
Выезд взводов и всадников дерзких вперед
И отход вашей гибкой змеи... и нежданный,
Окружающий с гиком казачий налет.

Где секрет этой конной всегдашней победы?
Почему вы грозны этой лавой лихой?
Расскажи мне, казак, что отцы вам и деды
Завещали из практики долгой своей.

Усмехнулся казак... и, тряся головою,
Конь заржал и запрыгал под ним:
"Эх, драгун! Да рожденный с казачьей душою
Разве был или будет другим?

Лава дорога тем, кто по бранному полю
Любит, пику склонивши, скакать на коне,
Кто один свою ценит военную долю,
Славы ищет в победной кровавой войне.

Кто навстречу огню и свинцу роковому
Бросит смелый, решительный конный налет,
Кто по-прежнему верит в атаку лихую,
Тот казачию дерзкую лаву поймет.

Ты спросил, кто учил нас? - Прозрачные воды
Катит медленно Дон средь привольных степей:
Это он научил, в час глухой непогоды,
Нас затейливой лаве своей.

Ранним утром, лишь степь ото сна встрепенется,
В час ночной, только полночь глухая пробьет,
Заворчит вдруг старик, зашумит, всколыхнется -
И детей своих к бою и славе зовет.

О победе шумит он, сердито вздымаясь,
Поит наших коней своей светлой струей
И приветливо смотрит, как, в степи скрываясь,
Извивается табор казачий - змеей.

Автор неизвестен.

Примечание: После 1-го Кубанского похода, в мае 1918 года, находясь проездом в станице Мечетинской В.Войска Донского, я случайно нашел печатный листок, вырванный из книги или журнала и хранившийся у меня в эмиграции. Имени автора не было, так как край листка был разорван.

В.М.

ПОЛИТИКА МЕСТИ.

Роль ген.Пилсудского в противобольшевицкой борьбе Вооруженных сил Юга России в главных чертах известна давно. Но, по желанию покойного маршала, в Польше на эти темные страницы истории был наложен запрет. Только через 18 лет бывшие сотрудники Пилсудского опубликовали документы, которые не могут не вызвать глубочайшего возмущения в русских людях и, по крайней мере, смущения в поляках, обладающих совестью.

История этих событий изложена в изданных недавно брошюрах ген. Деникина - на русском ("Кто спас советскую власть от гибели") и польском языках. Ознакомим читателя вкратце с их содержанием.

К осени 1919 года армии Юга России, наступая на Москву, занимали фронт от Царицына на Воронеж - Орел - Киев - Одессу. Воспользовавшись тем обстоятельством, что более 3/4 всех красных сил было отвлечено белыми фронтами, Польша, встречая лишь слабое сопротивление большевиков, продвинула свой фронт до Двины, Березины и Случа.

Ген.Деникин стремился всемерно к установлению боевого сотрудничества с польской армией, считая, что оно привело бы к скорому и полному поражению советов. Так же оценивали обстановку ген.Пилсудский и советское командование...

Ген.Пилсудский мог пойти на союз с Вооруженными силами Юга России, мог и не пойти. Это зависело от понимания им интересов Польши и... исторического предвидения... Но он избрал третий путь - путь, вынесенный из политического подполья, но недостойный ни вождя, ни народа...

Продолжая, при посредстве своей таганрогской миссии, фиктивные переговоры с ген.Деникиным, вводя в заблуждение представителей Антанты, от которых Польша получала дипломатическую и материальную помощь для борьбы с советами, ген.Пилсудский осенью 1918 года "заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились". Посланец Пилсудского кап.Боэрнер, встретившись возле Луцка с членом ЦИК-а Мархлевским, предъявил ему вербальную ноту Пилсудского, в которой сказано было: "Содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам. Удар на большевиков в направлении на Мозырь несомненно помог бы Деникину и даже мог бы стать решающим моментом его победы. Разве Польша удар этот осуществила? Разве обстоятельство это не должно было открыть глаза большевикам?"

Глаза большевиков открылись, и они с радостью приняли предложение Пилсудского прекратить военные действия и установить демаркационную линию: Новгород-Волынский - Олевск - Бобруйск - р.Двина. Обещали "хранить тайну нерушимо". Причем для обмана держав Антанты и ген.Деникина условлено было продолжать "локальные столкновения мелкими частями" и "не исключался" временами артиллерийский обстрел.

"А тем временем, - говорит ген.Деникин, - 12-ая советская армия спокойно дралась против Киевских Добровольческих войск, имея в ближайшем тылу своем польские дивизии... А тем временем советское командование снимало с польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысяч штыков и сабель, решивших участь Вооруженных сил Юга России"...

Нельзя читать без волнения дышащие холодной жестокостью слова бывшего начальника штаба Пилсудского, ген.Галлера: "Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю... Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии". Предположена была диверсия против советского фронта, но от этой мысли генералы Пилсудский и Галлер скоро отказались. Но даже тогда Пилсудский счел возможным через английского уполномоченного Мак-Киндера довести до сведения ген.Деникина о согласии своем на свидание с ним и на помощь... весною. Был январь 1920 года...

"Вполне понятно, - говорит ген.Деникин, - почему Пилсудский об этой истории молчал до конца своей жизни и заставлял других молчать"... Его сотрудники теперь оправдывают его и свои деяния...

"По сведениям ген.Пилсудского, - говорят они, - Деникин отказался признать полную государственную самостоятельность Польши и ее право голоса в вопросе о будущем земель, некогда польских, которые по разделам достались России". Это ложное утверждение документально опровергается ген.Деникиным, признание которым Польши было "полным и безоговорочным". Что же касается русско-польской границы, то правительство Юга России всецело признавало установленную, как временную, Версальским совещанием и принятую Польшей так называемую линию Керзона, - "впредь до разрешения судеб пограничных земель совместно польской и будущей обще-российской властью". Мы можем добавить от себя, что такое признание вполне соответствовало и заявлению Верховного правителя адмирала Колчака, данному им Верховному совету пяти держав 3-го июня 1919 года...

Мотивы польской политики были совершенно другие. Пилсудский полагал, что "только путем реституции Украины поляки могут обеспечить себя с востока" и что только в том случае "Деникин стал бы союзником нашим, если бы он не противился отрыву от России инородных элементов и, в частности, признал бы украинское движение". Ибо начальник польского государства, по свидетельству его бывшего сотрудника ген.Кутржебы, задавался грандиозными планами: "он стремился к новой организации Востока Европы - путем полного раздела России и сведения ее территории в границы, населенные коренным русским элементом".

Пособников такой политики среди вождей Белого движения, действительно, не нашлось.

"Таким образом, - говорит ген.Деникин, - вопрос в те роковые дни сводился исключительно к разрешению страшной в своей простоте и обнаженности дилеммы:

- Содействовать ли национальному возрождению России или, по крайней мере, не препятствовать ему? Или же способствовать коммунистическому порабощению России и ее разделу?

"История эта не закончена, - говорит ген.Деникин, - она продолжается... Мир вновь стоит перед событиями грозными и кровавыми.. Попрежнему ненависть заглушает голос крови и рассудка... Встает призрак новой братоубийственной войны"... Между тем, "сроки близятся" на востоке происходят знаменательные процессы самопожирания большевизма и пробуждения Национальной России. Никто и ничто не в состоянии остановить эти процессы".

И, обращаясь к своим польским читателям, ген.Деникин задает вопрос: "нужно ли, чтобы возрожденная Россия стала врагом Польши на новое столетие?" и поэтому - не следует ли "пересмотреть" основы политики маршала Пилсудского?

- о -

Брошюра ген.Деникина получила распространение в Польше и вызвала отклики почти во всей польской прессе. Преобладающая тенденция их: во-первых, нигде нет ни осуждения, ни даже обсуждения моральной стороны "стратагемы" маршала Пилсудского - из пиэтета ли к покойному маршалу, из невозможности ли защиты незащитимого, или - по условиям цензурным... Во-вторых, нигде нет отклика по поводу отношений Польши к будущей России. Один только орган польской национальной молодежи в таких осторожных выражениях говорит: "Возрожденная Польша не будет врагом Возрожденной России, если, конечно, последняя не выставит против нас враждебных и необоснованных требований"... При этом официальный военный орган "Польска Збройна" специально оговаривает, что "вопрос о политических взаимоотношениях Польши с будущей Россией, то есть после ожидаемого ген.Деникиным падения советской власти, газета совершенно сознательно оставляет без ответа"...

Различна реакция польских газет: со злобой и ничем не обоснованной подозрительностью обрушивается "Курьер Польски" на белых генералов, "боровшихся за восстановление царизма". Более спокойно относится к вопросу "Час", признающий, что польские источники "не осветили еще исчерпывающе и документально жгучий вопрос - почему так случилось? Почему, в поисках противобольшевицкого союза, отдано было предпочтение Петлюре перед Деникиным?". И недвусмысленно печалуется: "казалось, что в стремительном потоке событий сгинет забытый уже "луцкий эпизод", если бы не недобросовестность советов,рассказавших "об этой великой луцкой заслуге Мархлевского перед советским режимом"...

Старейшая и популярная газета "Курьер Варшавский", уклонившись от общей оценки описываемых событий, касается, однако, украинского вопроса. Каким образом, - спрашивает газета, - можно было "рассчитывать на прочный мир с Россией - путем оторвания у нее Украины? Если вся русская история свидетельствует о том огромном значении, которое придавал народ русский обладанию Киевом, Днепром, Черноморским побережьем... Если каждый русский, который изучал географию, который углублялся в экономику, которому присущи были отечественные исторические традиции, который отдавал себе отчет в современных события, каждый считал - с большим или меньшим основанием, но, без сомнения, с глубочайшим убеждением, - что Россия не может существовать без Украины"...

Наиболее внимания уделили вопросу военный и политический официозы "Польска Збройна" и "Газэта Польска". В них появилась обширная статья (14 полных газетных столбцов) начальника польской академии ген.штаба, бывшего сотрудника маршала, ген.Кутржебы, в своем труде "Выправа Киевска" впервые сообщившего детали "луцких переговоров". В этой статье, на основании почти исключительно сведений, поступавших от польской миссии в Таганроге, ген.Карницкого - сведений весьма тенденциозных, зачастую ложных - автор утверждает, что от правительства Вооруженных сил Юга нельзя было ожидать признания

тех восточных границ, на которые претендовала Польша; и что это обстоятельство и послужило решающим моментом для тайного соглашения с советами... Объяснение - совершенно неверно. Мы уже имели случай говорить о взгляде на этот вопрос ген.Деникина - о признании временной границы, впредь до разрешения судеб приграничных земель совместно польской и будущей обще-русской властью.

Замечательно, что и ген.Пилсудский в своем наказе Карницкому проводил тот же взгляд: "Вопрос о границах теперь разрешать не с кем. Теперь надо общими силами уничтожить врага. Пограничные споры надо отложить до конца войны. Разрешат их плебисцит и взаимное соглашение"...

Так в чем же дело? Зачем нужно было способствовать гибели дела освобождения России?

Послушаем, какой ответ дает та же "Польска Збройна" - официальный орган армии и нового "вождя", маршала Рыдзь-Смиглого,преемника Пилсудского:

"Дело вовсе не в том, искренно или неискренно Пилсудский вел переговоры с советами или с Деникиным; не в том - что и как предлагал Деникин. Дело шло об ослаблении врага и об отношении, на почве личной и исторической, Иосифа Пилсудского к России новой - "красной" - и к России старой - "белой". В белой России Пилсудский должен был видеть извечного врага... тогда как в России красной он мог видеть только кристаллизующийся хаос... Иосиф Пилсудский был орудием кары. За разделы. За Екатерину Великую. За Привислинский край. За сибирскую дорогу. За 10-й павильон... История весьма и весьма справедлива"...

Мы , русские, также могли бы предъявить исторические счеты полякам - и не малые - и за давнее прошлое, и за "Луцк", и за настоящее. Но не неповинному народу польскому, а тем правящим кругам его, тем слепцам, которых чувство ненависти и мести толкало и толкает на самоубийственную для своего народа политику в отношении России.

История справедлива? Но ведь приговор ее еще не произнесен...

Варшавянин.

- - - - oOo - -

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ в ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

1610 год - Смерть Лжедимитрия (Тушинского вора)
1700 " - Битва при Нарве
1792 " - Присоединение Литвы.
1799 " - Вступление русских войск в Тифлис.
1803 " - Присоединение Мингрелии.
1825 " - Бунт Декабристов.
1853 " - Уничтожение турецкого флота под Синопом.
1877 " - Взятие Плевны.
1917 " - Убийство большевиками Духонина.

- - oOo - -

КАППЕЛЕВЦЫ.

(Продолжение, см. №№ 28-38)

Враг не дремал. Окрыленные успехом и захватом богатой добычи, большевики наседали с удвоенной энергией. Организованными бандами они нападали на беззащитные тянувшиеся обозы и творили над несчастными людьми холодящие мозг ужасы.

В Щеглове и близ расположенных деревнях и селах свирепствовала какая-то особенная по своим зверствам банда. Захваченных людей партизаны-бандиты обыкновенно раздевали донага и при 35-40-градусном морозе обливали водой, подстегивая плетью или палками, пока несчастная жертва падала замертво. Были случаи, когда грудных младенцев убивали, хватая за ноги, об угол дома или о замерзшую землю. И вообще изощрялись над несчастными на разные лады. При подходе воинских частей эти зверские банды куда-то исчезали. Рассказы чудом спасшихся жертв о таких расправах потрясали слушателей.

Кроме этого, много людей гибло от свирепой стужи и недостатка теплой одежды. Из движущейся массы людей эпидемия тифа вырывала сотни жизней каждый день. Эта масса, движущаяся разными способами и больше пешком, налетала на редко попадавшиеся (в Сибири) деревни и, как саранча, уничтожала все имеющееся съестное, оставляя жителей на голод и холод (часто одежда тоже отбиралась проходящими). Соломенные крыши строений уходили на корм голодным лошадям.

На станции Татарской я видел несколько платформ, высоко нагруженных голыми мертвецами, издали походившими на какие-то коряги.

Слухи из далекого нашего тыла были тревожны. Старый главнокомандующий еще не сдал своего поста генералу Каппелю, а разослал приказ, в котором подробно разработал план, как под Ново-Николаевском будут разбиты повстанцы-партизаны, но не указал, какими войсками.

Генерал Войцеховский застрелил генерала Гривина.

Остатки армий медленно двигались на восток, сплошной лентой тянулись туда и эшелоны.

Где-то в районе станции Татарской или на самой станции, хорошо не помню, к вагону командующего 3-й армией генерала Каппеля, назначенного вместо генерала Сахарова, подошел автомобиль. Из него энергичным шагом вышел командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Войдя в вагон, после краткого приветствия, он доложил генералу Каппелю: "Два часа назад я застрелил генерала Гривина, командующего Северной группой".

"При каких обстоятельствах?" - спросил Каппель.

"Согласно моей диспозиции, - ответил Войцеховский, - Северная группа, входящая в состав 2-й армии, сегодня должна была занимать ряд назначенных деревень. Еду туда - там никого нет, обратно - никого нет. Наконец, через 10-15 верст догоняю арьергард Северной группы. Спрашиваю: "Почему отходите?" - "По приказанию генерала Гривина, хотя с противником связь была утеряна". Добираюсь до штаба Северной группы, спрашиваю генерала Гривина, получена ли моя вчерашняя диспозиция. Гривин отвечает: "Да, получена!" - "Почему же отходите?" - "Чтобы сохранить кадры!". Я объяснил генералу Гривину, что своим отходом он оголил фланг наших войск и что красные могут зайти им в тыл. Далее я предложил генералу Гривину сейчас же написать при-

каз войскам Северной группы занять общую линию, то есть вернуться назад. "Такой приказ я не буду выполнять!" - заявил Гривин и схватился за эфес своей шашки. Я повторил приказание. Он вторично отказался его исполнить. После этого я выстрелил в генерала несколько раз. Он повалился мертвым."

- Очень прискорбный факт, но иначе вы и не могли поступить, - сказал Каппель.

- Я туту же сел за стол, - продолжал Войцеховский, - и написал: "Вступив в командование Северной группой, приказываю занять деревню X, чтобы выравняться со своими левыми соседями". Назначил командующим группы бывшего начальника штаба и поехал к вам.

Бунт Барабинского полка под командой полковника Ивакина.

Через 2-3 дня после доклада генерала Войцеховского штаб 3-ей армии на рассвете подходил к станции Новониколаевск. Вследствие затора на железнодорожных путях эшелон Каппеля стоял недалеко от семафора. Со станции была слышна перестрелка; там должен был стоять на путях эшелон командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Еще не рассвело, было почти темно, с неба падал снег или какая-то снежная крупа.

Желая скорее выяснить, в чем дело, Каппель, его адъютант прапорщик Борженский и я вышли из вагона и пешком направились вдоль стоявших составов на станцию, в штад 2-й армии.

В полумраке, когда стрельба уже почти стихла, мы добрались до штаба 2-й армии. Каппелю доложили, что сибирский Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева взбунтовался и пытался арестовать генерала Войцеховского. Но неподалеку находились теплушки польских частей, которые во-время этот бунт ликвидировали. Арестованный командир Барабинского полка полковник Ивакин при попытке бежать был пристрелен.

Думая, что эшелон Верховного Правителя находится на станции Новониколаевск, Каппель прошел на станцию, но Верховного Правителя там не оказалось, так же, как и эшелона штаба фронта генерала Сахарова. Они были еще ночью отправлены на восток.

На станции Новониколаевск и в городе на видных местах красовался на листах большого размера приказ о геройском подвиге генерала Войцеховского, застрелившего генерала Гривина. Приказ был подписан командующим фронтом генералом Сахаровым. Хорошо помню, что этот приказ на Каппеля произвел удручающее впечатление, и он мог только сказать:

- Что они делают? Уж если случилось такое несчастье, так лучше бы постарались его не рекламировать. Этот приказ вызовет отрицательное настроение в нашей армии. И как будут злорадствовать большевики! Какая благодатная почва для агитации против нас!

Вторично Каппель получил телеграмму от Верховного Правителя о желании личного свидания на станции Тайга.

Арест генерала Сахарова Пепеляевым на станции Тайга.

В Этот же день был выделен салон-вагон, одна теплушка и один паровоз, в которых должны были следовать на станцию Тайгу генерал Каппель, я, несколько ординарцев и прислуга. Выбраться со станции

Новониколаевск удалось только к вечеру и прибыть на станцию Тайгу - на другой день утром. Нам сообщили, что эшелон Верховного Правителя только что вышел на восток (на станцию Судженку, 37 верст от Тайги).

Каппель и я направились к поезду штаба фронта генрала Сахарова. Каппель числился временным заместителем и поста главнокомандующего еще не принимал. Эшелон главнокомандующего генерала Сахарова, к нашему изумлению, был оцеплен войсками 1-й армии генерала Пепеляева, и вход в вагоны (а также и выход из них) был запрещен по приказу командующего 1-й Сибирской армией генерала Пепеляева.

Отыскали салон-вагон, занятый генералом Пепеляевым. Каппель вошел туда один. Там он встретил министра Пепеляева, поздоровавшись с которым, просил его информировать о положении дел и задал ему вопрос: "По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?" Министр Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю: "Вся Сибирь возмущена этим вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение, мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск (там стоял штаб 1-й Сибирской армии) для предания суду".

Генерал Каппель, взволнованный, не дал ему закончить и резко прервал его:

- Вы, подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даете пример войскам, и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный Правитель, и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу!-

(Каппель в данном случае предсказал точно. Генерал Пепеляев не доехал до Томска в свой штаб. Первая армия взбунтовалась, и генералу Пепеляеву на середине дороги из Тайги в Томск пришлось покинуть свой салон-вагон и с небольшой группой приближенных идти на восток, включившись в общую отходящую ленту).

Сказав это, генерал Каппель повернулся и вышел из вагона. Мы пошли на станцию и по дороге увидели хвост эшелона литера Д, задний вагон которого сошел с рельс. Начальник рекомендовал отцепить сошедший с рельс вагон, а эшелон отправить дальше. Но когда до служащих станции дошел слух, что на станцию прибыл генерал Каппель, эшелон Д с государственным золотом ушел вслед за эшелоном Верховного Правителя, и вагон с золотом был быстро поставлен на рельсы...

На станции Каппель написал приказ генералу Войцеховскому и начальнику кавалерийской бригады 3-й армии, на случай его, Каппеля, ареста генералом Пепеляевым. Этот приказ я должен был доставить по назначению и рассказать то, что произошло.

Нам сообщили, что Верховный Правитель еще не прибыл на станцию Судженку. Мы временно расстались. Каппель ушел в свой вагон, а я, смешавшись с бурлящим морем переполнивших станцию разношерстных людей, стал наблюдать за нашим вагоном. Через несколько минут в него быстро вошел генерал Пепеляев (ему тогда было 28 лет). Потом Каппель мне рассказал, что пришедший и сильно взволнованный генерал Пепеляев заявил:

- Арестовать главнокомандующего действительно можно только по приказу Верховного Правителя, и мы просим помочь нам достать этот приказ.

Генерал Пепеляев радостно приветствовал Каппеля и чуть ли не со слезами повторял ему: "Владимир Оскарович, только на вас одного теперь вся надежда!..."

Позже оцепление было снято, но, после свидания Каппеля с Верховным Правителем (о чем будет сказано позже), Верховный Правитель теперь уже Каппелю отдал приказ: доставить генерала Сахарова в Иркутск, где военная комиссия во главе с генералом Бутурлиным должна была вести следствие и разбор всей деятельности генерала Сахарова на посту главнокомандующего.

Личная переписка генерала Каппеля.

Мне, изрядно изнуренному тифами и еще не вполне оправившемуся от них, Каппель не мог поручить какую-нибудь строевую должность. К тому же, у меня сильно расстроилось зрение, и я сидел, редко выходя из вагона. Все же Каппель просил меня заняться его личной перепиской, так как частных писем накопилась большая груда. Большею частью это были просьбы о помощи от жен или родственников, потерявших связь с ушедшими в Белую армию бойцами.

Многим была оказана помощь из штаба 3-й армии, а также многим многим Каппель помогал из личных средств - получаемого им жалованья, которое он расходовал до последней копейки, никому не отказывая.

Среди писем я нашел сообщение от его детей, которые из Кургана переселились в Иркутск, где были зачислены на военный паек, получаемый в очень небольших размерах, и переносили настоящую нужду: им не хватало белого хлеба, сахара и других продуктов. Писала мать жены генерала Каппеля, которая вместе со своим таким же престарелым мужем, как и сама, присматривала за малолетними детьми. Письмо было от 2-4 ноября. Я составил телеграмму командующему Иркутским военным округом - сделать распоряжение о выдаче семье генерала Каппеля 10 тысяч рублей, и подал на подпись Каппелю. Он пришел в ужас и никак не хотел согласиться на такую большую сумму, не видя возможности в скором времени вернуть ее обратно. Пришлось уменьшить наполовину, и только тогда Каппель дал неохотно свою подпись.

Солдат, сопровождавший нас на станцию Тайга, разыскал жареного гуся, но мы не могли его купить, так как у нас не нашлось ста рублей за этого гуся.

Станция Судженка.

Кажется, 3-го декабря, в сильнейший мороз, рано утром, в сиреневом от мороза тумане прибыли мы на станцию Судженку, и наши два вагона остановились недалеко от здания станции. Была какая-то напряженная тишина.

На запасных путях стояли 4-5 эшелонов. Мы вышли из вагона и первого встречного спросили, где эшелон Верховного Правителя. Через несколько путей мы направились к крайнему эшелону, около которого (плохо было видно из-за тумана) три-четыре офицера, видимо, совершали утреннюю прогулку. Когда мы стали подходить, то из этой группы услышали вопрос (потом оказалось, что это был Верховный Правитель): "Скажите, а когда прибудет генерал Каппель?". Мы быстро подошли к этой группе, и Каппель, идя впереди и узнав адмирала Колчака, взял под козырек: "Разрешите явиться, я - генерал Каппель!"

Удивленный Верховный Правитель, быстро подойдя к Каппелю, пожал ему руку и спросил: "А где же ваш конвой?" Каппель ответил,что он считает лишним в тылу своих войск иметь конвой и тем загромождать и без того забитую линию железной дороги.

У Верховного Правителя Каппель пробыл около 3-х часов. И, когда Каппель выходил от него, Колчак вышел проводить его. Пожимая обеими руками руку Каппеля, адмирал сказал: "Только на вас, Владимир Оскарович, вся надежда".

И по щеке адмирала Колчака, возможно, от мороза, скатилась крупная слеза...

Потом, когда Каппель пришел в свой вагон, он долго рассказывал мне о разговоре с Верховным Правителем, уже во время хода нашего поезда обратно на станцию Тайгу. Он показал приказ Верховного Правителя об аресте генерала Сахарова и о назначении комиссии для производства дознания о его деятельности.

Когда Каппель доложил об аресте Пепеляевым генерала Сахарова, Верховный Правитель был очень удивлен и сказал: "А генерал Пепеляев был так любезен, что дал мне свой бронепоезд сопровождать меня со станции "Тайги". (Бронепоезд был с половины дороги возвращен на станцию Тайгу - видимо, после прибытия туда генерала Каппеля).

Во время разговора Верховный Правитель предложил Каппелю взять несколько ящиков золота (на всякий случай) из эшелона литера Д. Однако, Каппель от этого уклонился, сказав, что золото его свяжет, и дал совет Колчаку ближе держаться к своим войскам, чтобы армия чувствовала его присутствие.

Адмирал ответил, что дорога и он лично охраняются союзниками, у которых достаточно для этого сил, так что он об этом не беспокоится.

Опять станция Тайга.

Прибыв на станцию Тайгу, Каппель рассказал о разговоре относительно ареста генерала Сахарова. Но, кроме этого (говорил не генерал Пепеляев, а его брат, премьер-министр, который потом был расстрелян большевиками в Иркутске вместе с Колчаком), Пепеляев доказывал Каппелю, что гражданская война с большевиками в общероссийском масштабе с падением Омска закончена. Теперь идет борьба за области, в данном случае за Сибирь. Возглавлять эту борьбу теперь должны сибиряки, также и стоять во главе войск.

Каппель не без волнения возразил: "Прежде чем на это решиться, нужно считаться с действующей армией, большинство которой - не сибиряки. Среди армии есть много добровольцев волжан, которым дорога вся Россия в целом. Захотят ли они защищать вашу Сибирь - нужно прежде всего спросить их"...

В.Вырыпаев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

НАШ ЛОЗУНГ: ОТЧИЗНА, ЗАКОН и СВОБОДА!

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.

(Продолжение, см. № 37-38)

Расстроенный - я не хочу ехать домой и "ведать" своему 1-му Лабинскому полку столь жуткую новость. Поднимаюсь вверх и иду лично к Атаману Букретову. Он удивленно принимает меня и спрашивает:

- Что же вы еще хотите, полковник?... Совет ведь решил сдаваться...

- Будут ли места для г.г. офицеров на "Бештау", кто не хочет сдаваться? - спрашиваю. Я решаю спасти хоть офицеров.

Видимо, чтобы избавиться от меня, он просит прибыть завтра, так как "сегодня некогда" и у него масса дел.

Мне не верится, что может быть "сдача Армии". Это слишком чудовищно.

Я не верю, что может быть "именно так". Я хочу убедиться лично, почему тут же, из Адлера, звоню на фронт генералу Морозову, коему со 2-й дивизией был временно подчинен после сдачи Сочи 15 апреля. К телефону подошел Морозов. Я назвал себя.

- Да, теперь я вас помню. Что вы хотите, полковник? - спрашивает он.

Как самого активного участника переговоров с красными, я спросил его:

- Так ли это? И - что же делать нам, офицерам?

- Оставаться со своими казаками до конца. И никуда не уезжать от своих частей. Иначе - пострадают ваши же казаки из-за своих офицеров, так как отъезд офицеров будет учтен красными, как нарушение условий мира, - был его категорический ответ.

На "военном совете", ввиду его сумбурности и "предназначенного решения", как мы поняли, Атамана Букретова и генерала Шифнер-Марковича, вопрос о полковых Штандартах и Знаменах и Знаменах Пластунских батальонов - не поднимался: "что с ними делать?" Здесь же, в разговоре по телефону с Морозовым, когда вопрос о капитуляции Армии был им подтвержден категорически, - мысли бегут быстро. Вспомнил о Знаменах.

- Как быть со Знаменами, Ваше Превосходительство? - спрашиваю его.

- Знамена должны остаться при частях! Вот и все, что я должен вам ответить, полковник, - закончил он.

Затуманилась моя головушка... Что делать!... что делать!... - кружит голову мысль. Как же ехать в полк и сообщить ему всю эту жуткую действительность?!.. Как ее сказать?... как ее преподнести своему храброму 1-му Лабинскому полку?... Но ехать надо... и сказать надо! - Так, ведь, приказано...

Телефонограммой передаю полковнику Ткаченко - построить полк в резервную колонну со всеми офицерами, куда прибуду минут через 45. До полка около шести верст.

Адлер уже опустел от офицеров, бывших на совете. Все разъехались по своим частям. Я все еще боюсь "оторваться" от центра Армии, где так неожиданно и ужасно предрешено. Но ехать надо. Сажусь в свой экипажик и тихо выезжаю. Главная дорога из городка идет, пока, прямо на восток. С этими тяжелыми мыслями, словно полупьяный, глубоко вдавившись в кузов, сижу я.

- Господин полковник!.. генерал Шифнер-Маркевич! - вдруг выводит меня из полузабытья казак-кучер.

Я быстро высовываюсь головою в сторону и вижу генерала на велосипеде, едущего мне навстречу. На ходу соскочив с экипажика, я преградил ему дорогу. Вид его был необыкновенный. Он был в той же серой черкеске, в которой был на военном совете; полы ее подвернуты за пояс; он весь в пыли, в поту, в пенсне...

- А-а!.. Елисеев? - говорит он, останавливаясь, но не слезая с сиденья.

- Откуда вы в таком виде, Ваше Превосходительство? - задаю вопрос тихо.

- Фу-т-ты!.. Только что уговаривал Линейную бригаду сдаваться! Не хотят казаки... боятся! Но, кажется, уговорил, - говорит он быстро и заикаясь.

- Неужели все это правда, Ваше Превосходительство?.. Неужели нам надо сдаваться?.. Неужели нет выхода?.. и мы уже не можем сопротивляться? - с бесконечной грустью и в полной своей беспомощности спрашиваю его.

- И... и... д-думать нельзя! Конец! Мы побеждены!... Крым - ловушка. Им оттуда не уйти. Мы гораздо в лучшем положении, чем они. Да они им и не предъявят мира!.. а просто - раздавят их. И они не уйдут. Для пароходов - угля нет, - выпалил он мне быстро, чуть заикаясь. И при этом, сняв папаху, стал вытирать пот, обильно выступивший у него по всей голове от велосипедной езды.

Возможное и скорое падение Крыма и уничтожение там Армии - подействовало на меня потрясающе. Хватаясь за "соломинку" - спрашиваю:

- Но как же быть офицерам? В особенности старшим?

- Вам... оставаться с казаками и никуда не уходить, - в тон генералу Морозову, словно уговорились заранее, отвечает он. Мое сердце померкло от этих слов...

- А вы, Ваше Превосходительство, - останетесь? - хватаюсь за следующую "соломинку", чтобы, уж ежели погибать, так погибать вместе.

- Душа моя здесь, с казаками... но разум говорит - надо уезжать... - улыбается он через пенсне и добавляет:

- Я знаю, что красные меня не помилуют и повесят из-за генерала Шкуро... Я уеду один, - закончил он. Мы расстались. Больше я его не видел. Он умер в лагерях на острове Лемнос в 1921 году. Ему не было и 40 лет от рождения.

ЖУТКИЕ МИНУТЫ В ПОЛКУ.

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка в 1500 казаков служил тем "заколдованным кругом", куда нас завели вожди и перед которым я должен был отдать полный отчет... Что скажу?..

Полковым маршем встретил меня храбрый полк в последний раз... Уже смеркалось. Это было хорошо, чтобы не видеть их лиц. Остановил хор трубачей тогда когда дошел до середины каре. Поздоровался. Напряженные души казаков ответили дружно, громко, словно бодря себя. Они уже знали откуда-то "о решении войскового совета"... и вот теперь они хотят услышать это от своего командира полка, в надежде, что это - "не так"...

В гробовой тишине этого скученного строя сердец, казалось, "переставших дышать", я коротко поведал, что произошло на военном совете и к чему зовет их Войсковой Атаман генерал Букретов.

- Приказано оставаться... отступать дальше некуда... - сказал я и... молчу. И не знаю - что же мне дальше говорить, что делать? Молчит и весь полк. И все так тихо кругом, что - стало страшно на душе.

Надо распустить полк по биваку и идти к себе, - ясно знаю я и не могу этого исполнить. Не идут эти слова на язык, словно не все еще сказал, словно - не все еще кончено. И казаки знают это. Я,ведь, сказал им только голые слова!.. А как поступить дальше, что им делать - не сказано. Я даже не знаю их затаенных мыслей - как все они смотрят на это? И, чтобы закончить эти трагические минуты - в муках своей души - бросаю в их густые ряды фразу:

- Ну, так как же, братцы?.. остаемся?

Тишина заглушила мои слова. Стало еще страшнее на душе. Все молчат. Молчат и офицеры. И после долгой смертельной паузы - вдруг раздалось два заглушенных голоса из задних взводов 2-й и 5-й сотен:

- А вы - останетесь с нами?

"Что это? - упрек?.. просьба?.. желание?... испытание своего командира в преданности и любви к полку?" - пронеслось в голове. Дескать - умел водить в конные атаки, а вот теперь - как и куда нас поведешь?

Должен подчеркнуть, что когда наш корпус спешно отошел из Ставропольской губернии и расквартировался в станице Кавказской - в полках среди казаков и жителей муссировался слух, кем-то пущенный, что "офицеры доведут казаков до моря, а там погрузятся на пароходы, уедут заграницу, а казаков бросят".

Слухи были настолько сильны, что командир корпуса, генерал Науменко, приказал сказать в сотнях, что "офицеры никогда не бросят своих казаков и, если потребуется, разделят с ними судьбу полностью".

Это не только было сказано во всех полках корпуса, но при случае и подчеркивалось нами везде казакам, что "офицеры их не бросят". И вот он настал, этот роковой час - неимоверно тяжелый, самый страшный и исключительно ответственный, а для меня в особенности.

Я почувствовал всю ответственность тех слов, которые я скажу вот сейчас.

Как иногда бывало перед боем - холодная капля животного страха появилась у меня в шейном позвонке и, постепенно скользя вниз по позвоночнику, дошла до седалищного нерва и там растворилась. С этого момента - чувство страха у меня проходило. Произошло это и теперь. И когда этот процесс "животного страха" (а теперь духовный) прошел - негромко, но внятно, над гробовою тишиною полутора тысяч казачьих сердец, чтобы все слышали - я произнес:

- О С Т А Н У С Ь !..

Показалось ли мне, или это было на самом деле - но по полку пронесся облегченный вздох.

- А теперь - разойдись, братцы! Господа офицеры, пожалуйте ко мне в комнату, - уже облегченно произнес я и молча двинулся в пригород, где стоял домик штаба полка.

Этим ответом я решил свою личную судьбу, но почувствовал, что что-то оборвалось в моем существе и перестало жить...

. . . .

Прошло уже два дня, как Армию покинули все руководители, и нас пока никто не трогал. И мы не знали - что же нам делать?

В этот же день через штаб корпуса получена новая телефонограмма от генерала Морозова, что "к четырем часам дня он прибудет в расположение корпуса для разговоров с казаками. Всем выстроиться у шоссе, но безо всякого строя."

ГЕНЕРАЛ МОРОЗОВ И КРАСНЫЕ КОМИССАРЫ.

Все части, кои располагались возле штаба корпуса, сгруппировались на возвышенностях шоссе по обе его стороны и ждут - стоят, сидят и курят.

Скоро из-за поворота шоссе показался легкий грузовик. Кто-то там скомандовал "смирно". Мы все повернули головы к машине и видим генерала Морозова стоящим на площадке грузовика. Он в шинели нараспашку и в погонах, но при нем два солдата без погон и с красными звездами на фуражках. Третий - в какой-то рабочей рубашке, в босяцкой кепке блином, на которой пришита матерчатая красная звезда.Мне это показалось галлюцинацией...

Трехтонный грузовичек остановился. Морозов быстро сходит с площадки машины. За ним соскакивают два красных солдата - в хороших новых гимнастерках и штанах защитного цвета и в солдатских простых сапогах. Они без шинелей.

Если бы с них снять "звезды" с фуражек, также защитного цвета, это были бы писари какого-то штаба пехотного полка старых времен.

Они бодро и смело идут вслед за генералом Морозовым, с улыбкою рассматривают лица казаков. Третий красноармеец, очень убогий видом и своим неизвестного цвета и покроя костюмом - остался стоять в камионе.

- Здорово, казаки! - громко произнес Морозов, остановившись.

- Здравия желаем, Ваше Превосходительство! - громко, но не связно, как всякая толпа, ответили казаки - числом, думаю, сверх двух тысяч человек.

- Ну вот, казаки!... война кончена. Мы подписали с советским командованием мир... бояться вам их нечего. А каковы они - вам об этом скажут их комиссары, - так коротко, почти дословно сказал нам всем тогда генерал Морозов. При этом генерал жестом указал на двоих сопровождавших его.

"Вот с кем прибыл он в наш Казачий стан!" - горькою иронией пронеслось в моей голове.

Передний из них, маленький блондин лет 30-ти, тип латыша (совершенно белобрысый), но с интеллигентным лицом, быстро поднял руки вверх и смело выкрикнул:

- Товарищи казаки!.. Зачем строй?... Быстро ко мне сомкнитесь и поговорим по душам!

От этих слов его - на меня "екнуло" 17-м годом... Ну, вот и митинг, от которых мы не только что отвыкли, но и презираем их.

Мы все в погонах. С толпою казаков и офицеры окружают комиссаров. Они оба взошли вновь на площадку камиона и... начали. Начали говорить те же слова, что и в месяцы революции.

- А теперь скажет слово военком 34-й красной дивизии товарищ Робинович, - закончил свою речь "белобрысый", а кто он таков - мы не знали.

Робинович, словно обрадовавшись своей очереди, как застоявшийся конь, быстро стал впереди говорившего, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запищал, защебетал, заговорил...

Выше среднего роста стройный красивый брюнет, с ловкими военными манерами, с экспансивностью южанина... Содержание его речи - все та же агитация: революция, товарищ Ленин, и прочее, и прочее, от чего мы давно отвыкли и что теперь внушало моей душе и отвращение и... страх.

Казаки слушали молча. Я смотрел в их лица и читал на них то же, что ощущал и в своем сердце.

- Про-па-ли, про-па-ли мы... - думал я тогда. Революция, советская республика, красная власть - навалились опять на нас всем своим отвратительным существом!..

- А в доказательство того, что у нас в армии порядок, слово скажет ваш же Кубанский есаул, командир роты нашей 34-й дивизии, - вдруг закончил Робинович и жестом указал на ту несчастную фигуру в неопределенного цвета и покроя одежде, в босяцкой кепке блином с красною звездою из тряпки на ней - как эмблема советской власти. Это заявление произвело на всех нас исключительное впечатление. Все широко открыли глаза на своего Кубанского есаула, командира красной роты, который своим видом и костюмом был вылитый босяк с Дубинки, что под Екатеринодаром.

- Товарищи казаки!.. Я есаул 10-го Кубанского пластунского батальона Великой войны! Может быть, кто тут из вас есть служивший в этом батальоне, то он может это подтвердить!
Это заявление произвело особенно исключительную сенсацию на всех казаков. Все как-то притихли от такой неожиданности.

- А ну-ка, сними свой картуз! - кто-то резко и недружелюбно выкрикнул, как бы желая разоблачить "этого самозванца", глянув в его открытое лицо.

И есаул послушно снял свою кепку и медленно повел по сторонам голову, будто ища знакомых казаков и офицеров и показывая свое лицо в натуральном виде - и в профиль, и спереди.

- Ваня-а! - выкрикнул рядом стоявший со мною друг детства, родич, сверстник по Майкопскому техническому училищу, бывший учитель, а теперь сотник 10-го пластунского батальона еще с Великой войны - Гриня Белоусов.

Сомнений не стало: то был, действительно, наш Кубанский есаул-пластун. Речь его не была так связна, как предыдущих комиссаров. Он говорил только об армии, в которую он попал случайно в Екатеринодаре при отступлении. Он командует ротой. Успокаивал казаков "ничего не бояться" и спокойно ждать событий. Это произвело на казаков большее впечатление , чем предыдущие ораторы.

Речи закончены. Комиссары хотели говорить с казаками уже "почастному" и задавать им вопросы. Это была их "служба".

После всего этого, генерал Морозов с комиссарами двинулся за Адлер, чтобы говорить с полками, находившимися там, а нам позволили оставить у себя есаула, чтобы ближе познакомиться с порядками в красной армии. И он рассказал нам:

Его часть отходила через Екатеринодар. Он побежал на Дубинку попрощаться с женой, но когда бежал обратно - мост через Кубань был

взорван и он наткнулся на красных. Быстро перескочив через забор, скрылся в каком-то дворе и, отсидевшись, вечером вернулся к семье. На следующий день - регистрация офицеров. Их было много. Его, как и других, поставили в строй. И с тех пор он "гнал своих же белых" в составе 34-й красной дивизии...

Его оценка красной армии была менее оптимистична, чем у комиссаров. Но все же порядок безусловно есть. Кормят хорошо. Комиссары мало вмешиваются в строевое дело, и красноармейцы слушаются своих командиров. Вне строя, конечно, все равны, - закончил он.

Он сказал больше положительное о красной армии, но наблюдательный человек заметил бы в этом и многое отрицательное. Во всяком случае, его выступление сыграло только на руку красным. Фамилию его я забыл.

Я не мог понять, почему красные медлили. Уже прошло три дня после ультиматума "о сдаче", а мы все еще существуем вооруженными и как Армия. Тянул ли время Морозов, чтобы было возможно "спасаться каждому, как кто может", или красные, ввиду своей малочисленности, боялись вступить в вооруженную и многочисленную зону казаков? Не знаю.

Приезд комиссаров произвел на меня тяжелое впечатление. Я выразил офицерам своего полка свои мрачные мысли. И видел, что все они были не в радужном настроении. Но мы не знали - что же нам делать? Куда идти? Как спасаться? Спасаться, конечно, с полком, но не в одиночку. Мы пали духом... И появись сейчас корабли из Крыма - все двинулись бы к погрузке!

Разрушительная сила почему-то всегда сильнее созидательной. И как уговаривали вот эти комиссары! И, конечно, действовали на исстрадавшуюся душу казака. Да и не могли не действовать на нее, земледельчески-хозяйственную, такие слова, как они говорили, взывая к казакам:

- Вас советская власть не тронет. Вы будете попрежнему трудиться на своей земле. Вас мы даже не возьмем в красную армию. Идите и работайте дома и живите со своими семьями спокойно...

ТРАГИ-КОМИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ С КОМИССАРАМИ.

За Адлером комиссары вновь выступили перед казаками. Там были и Донские части. Что произошло - не знаю. Но сам генерал Морозов - в Костроме, в тюрьме, в плену у красных - как-то сказал на наши вопросы:

- Мерзавцы... чуть не убили нас донцы...

Появление красных комиссаров среди донцов произвело такое же впечатление, какое производит красная тряпка на быка. С криками, с оскорблениями донцы решили их арестовать. Генерал Морозов, в естественном порядке, активно стал на защиту "своих гостей". Донцы схватились за оружие. Комиссары и генерал Морозов бросились в лес, спрятались и какими-то путями пробрались пешком на нейтральную зону. Оттуда Морозов телефонировал генералу Хоранову выслать к нему надежную часть, чтобы спасти их, главное - спасти комиссаров, так как в случае их гибели произойдет большая катастрофа, перемирие будет сорвано и красные двинутся в наступление. А каковы будут результаты этого - можно предполагать.

Генерал Хоранов обратился ко мне и просил выслать сотни две Лабинцев на выручку "гостей".

Я наотрез отказался и предупредил командиров сотен - в случае "нажима" со стороны Хоранова доложить ему, что "казаки этого не хотят".

К нашему удивлению, генерал Морозов и комиссары сами выбрались из опасности. Казакам вся эта история очень понравилась. Они смеялись и жалели, что комиссары выбрались живыми... Таково было настроение казаков уже перед самой капитуляцией. И появись тогда среди нас видный и авторитетный Кубанский генерал с решительным характером - пошли бы многие и на авантюру.

Историческое прошлое Кубанского Войска обязывало к этому. Но для этого нужна была л и ч н о с т ь. Ее не оказалось среди Кубанского генералитета. Достойных было много, но великих не было. Вот почему и погибла так недостойно и в мучениях Кубанская армия.

Полковник Ф.И.Елисеев.
(Продолжение следует)

- - oOo - -

Доброволец Иванов.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ.

Глава пятая (продолжение)

Театр наш одновременно являлся и собранием, где можно было поиграть в шашки, шахматы или "сгонять пульку" в преферанс. Там же устраивались и дружеские беседы, сопровождаемые иногда небольшой и безобидной выпивкой в обществе одного-двух английских офицеров. Однажды на одном из таких собеседований завязался по какому-то поводу спор, в результате которого небольшого роста, но коренастый хорунжий Земляков дотянулся через стол до своего визави - английского капитана,- схватил его "за манишку" и без особого напряжения перебросил на свою сторону. Этот невиданный еще вид спорта привел англичанина в восторг. Случай этот был вполне в характере наших взаимоотношений с местным английским офицерством.

Благодаря тому, что наш прекрасный регент оказался еще и хорошим администратором, свободно владевшим принятым в культурной среде "египтян" французским языком, мы часто, после его однодневного или двухдневного отсутствия из лагеря, получали приглашение или петь в концерте, или же пропеть в греческой церкви литургию или всенощную, что приносило нам и некоторый заработок на мелкие расходы.

Программа концертов для иностранцев состояла преимущественно из таких вещей, как: "Эй, ухнем!", "Закувала", "Во поле березынька стояла" и т.д., и была отделана нами самым тщательным образом. Как чисто техническим искусством, хор щеголял добытым где-то "Хором" из оперы "Нерон" - "Ах, вкусное вино"... Живая музыка этого номера, с пассажами в шестнадцатых и чуть ли не в тридцать вторых, звучала отточенно, легко и непринужденно. На эту вещь хор положил много труда и времени.

Получили мы предложение петь в каком-то клубе в фешенебельной части города Александрии, пели и в Каире и еще где-то.

Чаще пели в греческих храмах. Колонии их были во всех городах. Греки - коммерсанты и рестораторы - народ зажиточный, и храмы их содержатся в весьма благоустроенном виде. О приглашении хора они делали объявление в газетах, и тогда храмы бывали всегда полны. Пели мы у них по славянски, но все ектении, а также "Святый Боже", "Молитву Господню" - всегда по-гречески.

И в небольших арабских городах приходилось петь в греческих церквах. Одним из таких, ближайших к лагерю,был Загазик. После отпетой нами обедни затянул нас к себе в лавку грек, у которого там было все - вплоть до хорошего хлебного спирта по недорогой цене - 7 шиллингов за литр, что равняется приблизительно одному доллару. Взял и я у него литр: порадовать приятелей. В лагере спиртное не продавалось и ввоз его был строго запрещен, что послужило причиной исчезновения в кантине всего одеколона. За доставление в лагерь спирта можно было попасть в военную тюрьму - "Кантару". С полной выкладкой (кирпичи в вещевом мешке) провинившихся опускали в глубокую яму, в которой можно было лишь стоять. Находилась "Кантара" вдали от Тель-эль-Кебира, по пути в Исмаилию.

Подходил день моего ангела, да и окончание лечения хотелось как-то отметить, вот и решился я съездить к греку за спиртом.

Предварительно хорошо изучил я подход к станции, на тот случай, если бы сложившаяся обстановка принудила покинуть поезд до остановки, в момент замедления хода. Еще во время моего пребывания в госпитале, из оправы старого чемодана и плотной парусины, я смастерил себе крепкий, вместительный саквояж. Приятели раздобыли хороший серый костюм, ботинки, рубашку и галстук, канотье и даже трость. В этом одеянии я походил и на "денди", и на приказчика из галантерейного магазина. Вид я принял серьезный и важный - располагающий к уважению. Саквояж заполняли несколько толстых полотенец. Сел я в поезд и направился в Загазик. Английского языка я почти не знал.

Добрался я благополучно до Загазика, с трудом отыскал лавку знакомого уже грека, кое-как объяснился на древне-греческом языке, тогда еще прочно сидевшем в моей памяти, приобрел 4 литра спирта, плотно упаковал их в полотенца и скрыл в моем саквояже. По пути на станцию, у одного сквера,стоял на треноге фотографический аппарат, возле которого дремал араб. Тотчас же в голову пришла мысль: почему бы не сняться, не увековечить мою "авантюрную" проделку? Времени было более, чем достаточно. На мое несчастье, собравшаяся группа оборванцев сочла меня за англичанина и принялась довольно агрессивно галдеть. Пришлось объяснить им, что я - русский, каковое обстоятельство не уменьшило их любопытства и заставило меня поспешно продолжить свой путь на станцию. Однако снимок, в обладание которым я уже вступил, был хорош и даже и по сей день не выцвел.

Но вот я и в поезде - покатил "во свояси". Мне было хорошо известно, что на станции Тель-эль-Кебир каждый поезд встречают жандармы и что приятели мои всей гурьбой придут встречать меня. Но иногда инстинкт бывает сильнее и воли, и рассудка: меня здорово подмывало соскочить с поезда на ходу и избегнуть таким образом появления на станции. Поезд замедлил ход. Небольшая песчаная полоса. Была не была! На нее я и спрыгнул - даже устоял на ногах! Обогнул я кладбище и уже в безопасности зашагал в лагерь. Встречавшие вернулись так же. Большое ликование сменилось вскоре большим торжеством!

В лагере выздоравливающих подобралась уже значительная партия, желавшая как можно скорее вернуться в строй. Считалось, что англичане без всяких задержек отправят нас в Крым, но где-то наша отправка явно тормозилась. Посылали запросы, требования, просьбы в Лондон и Севастополь - никакого ответа. О положении в Крыму мы питались больше слухами: настоящей информации не было. Пришел, наконец, ответ от английского правительства и от короля - ничего утешительного! Английские офицеры говорили нам, что и король и военная среда всячески готовы помочь нам, но что все зависит от правительства. Позднее от них же мы узнали, что английское правительство заключило с большевиками договор, в силу которого исключалась не только групповая перевозка воинских частей в Крым, но и перевозка отдельных людей. Обратились мы в Севастополь, откуда, будто бы, имелись обнадеживающие сообщения.

Время шло, а лагерная жизнь тянулась своим чередом. Наступило знойное жгучее лето: ни облачка, ни ветерка. Днем без шлема лучше не выходить из палатки, но и в палатке не много лучше. То и дело кто-то должен бежать с ведром за водой. Одно ведро - на пол, другие - окатывать палатку сверху.... Все равно - через час все сухое и накаленное. Но вечером - полный контраст: температура быстро падает настолько, что всякий тянется за чем-либо теплым: фуфайкой, свитером...

На площади перед лагерем нередко происходили футбольные состязания. Неоднократно, по просьбе англичан, хор наш принимал участие в чествовании и приеме их высокопоставленных посетителей: лорда Аленби, лорда Конгрив - вице-короля Индии и главнокомандующего всеми вооруженными силами среднего Востока. Выступали мы и на каком-то торжестве, происходившем в Индусском конном полку. В качестве компенсации получали мы от них по полному комплекту обмундирования, состоявшему из шлема, белья, туфель, бритвы, помазка, мыла, носков и суконной пиджачной пары ярко синего цвета. Образовавшийся большой излишек мы время от времени сбывали арабам.

В нашей повседневной жизни не раз следили мы за проходившими вдали верблюжьими караванами или любовались индусскими конными частями. Их одномастные великолепные лошади и немного смуглые всадники с характерными бородками, с тюрбанами на головах, с пиками в руке - были необыкновенно красивы. Но не хватало им задора, лихости, а главное - незабываемой казачьей песни.

В индусской среде англичане, конечно, вращались, но в английской даже индусский офицер никогда не появлялся.

Пришлось мне и еще раз съездить за спиртом, так как приближался кавалерийский праздник. Долго и упорно отказывался я от этого опасного предприятия, но когда к хору умоляющих присоединился и голос нашего старшего кавалериста - полк.Веселовского, - пришлось согласиться, предварительно получив честное слово, что меня выручат, если я окажусь в "Кантаре".

Отправился я в том же самом виде, что и первый раз, но теперь захватил с собой длинный крепкий шнур. Купил спирт, упаковал и сел в обратный поезд. На следующей маленькой станции в вагон вошел жандарм; взглянул на меня и сел в соседнем отделении, лицом ко мне. Что делать? Оставить спирт под лавкой? Обидно! Не нагибаясь, подтянул я чемодан, взял его себе на колени, плотно обвязал его шнуром

и так же спокойно опустил его вниз под колени и стал смотреть в окно, боясь пропустить изученные приметы. Вот и знакомая рощица. Поднял я чемодан до уровня пояса и, стараясь держать его на этой высоте так, чтобы сзади он не мог быть замечен, быстро вышел на площадку и опустил его в песок с левой стороны поезда, а сам перешел на правую сторону площадки, любуясь мелькавшим ландшафтом. Вышедший за мною на площадку жандарм застал меня за этим занятием, вероятно, все же показавшимся ему подозрительным. Он заглянул в уборную, оглядел площадку и стал смотреть вдоль вагона.

Поезд остановился. Я спокойно открыл дверь и сошел на платформу под удивленным взором жандарма к собравшимся встречать меня товарищам. Глазами дал знать, что не все обстоит благополучно, и успел сказать Тер-Асфатурову, что спирт сброшен за кладбищем. Сам я прямо направился в лагерь, даже не оглянувшись на обалдевшего жандарма, хотя и испытывал мальчишеское желание показать ему язык. Подобранный нашими спирт оказался в полной целости и сохранности.

Если жизнь в лагере протекала для меня нудно, то были среди нас и такие, кто переносил ее трагически. Так, например, один поручик вскрыл себе вены в знак протеста против задержания нас в лагере и отказа перевезти в Крым. Переполох был большой. Его отходили, но делу это не помогло, точно так же, как не помогли угрозы других прибегнуть к тому же способу протеста. Постепенно становилось ясным, что от местных властей действительно ничего не зависело.

К концу лета поползли слухи, что за нами из Крыма придет пароход, и даже было известно его имя: "Херсон". Однако, время шло, а слухи не подтверждались, что дало повод нашему лагерному поэту разразиться очень хлестким стихотворением: "Мне снился сон: пришел "Херсон"...

Часто вдоль канала проходили группы пожилых мусульман с осликами, нагруженными разной кладью. Вблизи специальных, обнесенных глиняной стеной, молитвенных мест они делали привалы, входили внутрь, расстилали на земле свои коврики и, усевшись на них по-турецки, подолгу молились.

Я уже упоминал о появившейся в лагере дизентерии, но вскоре к ней присоединилась новая напасть, поражавшая главным образом любителей рыбной ловли, пытавшихся, несмотря на предупреждение, ловить в канале рыбу при помощи сеток от комаров. Все они жестоко поплатились: по всему телу пошли вызывавшие зуд волдыри. Говорили, что это происходит от каких-то микробов, проникающих в организм из воды.

У нас - "хористов" - набралось порядочное количество имущества, от которого надо было избавиться. Однако, ближайший к нам арабский рынок был уже достаточно наводнен, и мы решили предпринять экспедицию на другой канал. Афанасьев, Шувалов, Глагольев и я, нагрузившись всяческим добром, зашагали в направлении видневшейся где-то далеко зелени. Жара стояла страшная. Раскаленный песок, перемешанный с мелкими камешками, а порой и с увесистыми булыжниками, составлявший довольно твердую почву, представлял собою тяжелую и изнурительную дорогу. С трудом дотащились мы до покрытой зеленью местности, где работало несколько человек. Мы подозвали их знаками и стали предлагать свои товары. Взяли и разглядывают. Подошли откуда-то еще и другие. Постепенно собралась целая толпа. Разобрали по рукам все. Намерения платить деньги незаметно, но нет и желания расстаться с вещами.

Дело приняло совсем неожиданный оборот! Вытащили мы из карманов английские бритвы и, недвусмысленно угрожая ими, стали отбирать свое имущество и навьючивать его на одного из нас. Справились мы с этим делом быстро, но ретироваться было не так легко. Арабы, вооруженные большими мотыгами, были крайне возбуждены, а из зарослей зелени к ним выскакивали все новые и новые подкрепления. Наша отступательная тактика заключалась в том, что нагруженный вещами "наш обоз" все время отходил а мы прикрывали его отступление, набрав булыжников, которые и метали в наседавшего противника. Иногда переходили в контр-атаку и, отогнав преследователей, отбегали к своему "обозу". Снова набирали камней и снова отгоняли арабов. Правда, арабы действовали робко и нерешительно. Весьма возможно, что они ожидали, что мы бросим свои вещи и будем уходить без них. Отбиваясь камнями, мы вовсе не хотели кого-либо искалечить, а только спасти себя и свое достояние. Наше отступление продолжалось довольно долго. Но вот арабы начали все больше и больше отставать. Мы были уже на виду лагеря. Запыхались, устали, безумно хотелось пить. Отбиваться от встретившего нас смеха, издевательств и остроумия сил уже не было. Их едва хватило, чтобы улыбнуться друг другу.

Трудно припомнить все, что уходило с шедшим неукоснительно вперед временем. Опять заговорили о том, что нас скоро отвезут в Крым, и опять называли "Херсон". Вскоре началась регистрация желающих:возвращение было добровольным. Наконец было приказано приготовиться к отъезду!

В назначенный день на большой площади был отслужен торжественный молебен. Среди записавшихся было немало женщин, которым английские офицеры просто не советовали ехать; нам же они говорили, что на нашем месте они точно так же отправились бы в ряды Армии. Оставшиеся в большинстве были или инвалиды, или люди с физическими дефектами, как поручик Диев, которому не помогла ни электризация, ни массажи, ни гимнастика, ни ванны: нога его так и не сгибалась в колене. Наша палаточная тройка уезжала в своем полном составе. Уезжали и мои соседи по госпиталю: капитан Морозов и поручик Возовик. Остались в лагере лишь группа штатских и часть военных, прибывших из Одессы. Всех уезжающих набралось около тысячи человек. Все оставшиеся присутствовали на молебне: прощались.

Сели мы в поезд и двинулись. Промелькнул так хорошо знакомый Загазик. В Алесандрийском порту стоял, действительно, "Херсон", на который мы быстро погрузились и вышли в море. В голове одна мысль: В Крым! Но что там?

Глава шестая.

КРЫМ - ГАЛЛИПОЛИ.

На другой день пришли на Кипр, где к нам присоединилась приблизительно такая же группа, как наша. Среди них нашлись и старые знакомые, но большинство вижу впервые. Обменялись расспросами, впечатлениями. Стояли опять недолго и, приняв на рейде пассажиров, двинулись дальше. На третий день достигли Лемноса, где приняли на борт новую тысячу человек. Теперь мы шли с полной живой нагрузкой. Встретил я и однополчан, и друзей. Палуба всегда кишмя кишела. Составился и хор. В дороге много пели. В Константинополе стояли на рейде,

так как некоторых сгрузили на берег, в их числе и кап.Морозова, которого поместили в госпиталь, где он вскоре и умер. На пароходе выдали нам короткие бараньи полушубки: все ж теплее, чем наше египетское одеяние.

Отсюда пошли мы на Феодосию. Крыма мне еще никогда не приходилось видеть. Показался он мне, после Египта, и холодным, и неуютным. Правда, в тот год переживал он небывало суровую для него зиму - стояли порядочные морозы. По прибытии в Феодосию отправился я первым делом на базар: обменять свое "египетское добро" на что-либо теплое. Вернулся я назад с парой шерстяных штанов защитного цвета.

Тревожные слухи о положении на фронте вызывали предположения, что нас незамедлительно бросят на фронт - или отдельной боевой частью, или же вольют в свои полки. Из наших трех тысяч по крайней мере 2000 могли носить оружие. Но были сведения, что нас пошлют укреплять перешеек, для чего пришлют лопаты! Это - в земле, глубоко промерзлой!

Не помню, сколько именно времени околачивались мы в Феодосии - недолго. Наконец, погрузили нас (сводный батальон "цветного" корпуса) в поезд и повезли на линию фронта. Сгрузились в Джанкое и под командой полк.Андриевского, с песнями, замаршировали куда-то.

Совершенно ушло из памяти, как я добрался до Карповой Балки, где стоял наш полк - 4-й эскадрон. В эскадроне не оказалось ни одной лишней лошади, и один из офицеров командного состава отправился к командиру полка - добывать мне командировку в обоз 2-го разряда за лошадью и одновременно за табаком для эскадрона. За время его отсутствия пришлось мне стать наблюдателем и свидетелем заслуживающей быть увековеченной картины: два всадника с обнаженными торсами, стоя у жарко горевшего костра, выжигали из своих рубашек вшей. Их было так много, что я не только слышал треск сыпавшихся в костер и лопавшихся там паразитов, но и ощущал вонь от их поджаривания.

Получив командировку, добрался я до Джанкоя, где нашел вагон, в котором под охраной часового хранились наши вещи. Навел справки: далеко ли до станции, возле которой стоит наш обоз? Где можно тут достать несколько фунтов табаку?

- А откуда ты?

- Из полка.

- А разве ты не знаешь, что отдан приказ об эвакуации? Мы еще немного подождем, а там подожжем вагон и уйдем!

Новая проблема! Кинулся на захолустный полустанок, где должен был быть обоз. На дворе полная тьма. Никто из встречных не знает - ни где наш обоз, ни что с ним. Искать полк теперь уже было немыслимо. Кое-как все же узнал, что обоз походным порядком двинулся на Симферополь. Я оказался предоставленным самому себе. Трудно себе представить столь неудачное стечение обстоятельств, способных обрушиться на одного человека, но позднее я убедился, что возможно было худшее: вернувшийся из Египта вместе со мною статный красавец, знаменщик одного из Корниловских полков,капитан Калюжный был убит тотчас же по возвращении в свой полк. Вернулся за смертью! Другой Корниловец-доброволец, по приезде в Галлиполи, попал в госпиталь, где и умер от заворота кишек: на пароходе питался полу-сырыми лепешками. Моя судьба только посмеялась надо мною, но оставила в живых.

Полустанок, на котором я очутился, оказался настолько захолуст-

ным, что поезда проскакивали его, не останавливаясь. Получить какую бы то ни было справку было не у кого. Темная ночь еще более усложняла положение. Но на мое счастье неожиданно остановился товарный поезд - для пропуска следовавшего за ним пассажирского. Вскарабкался я на открытую площадку, груженую крупными металлическими частями, закрытыми плотным брезентом, и угнездился в какой-то впадине, дабы не скатиться под откос. Пропустили мы несколько поездов и наконец двинулись. Выехали в поле. Холодный, пронизывающий ветер заставлял искать более закрытое место. До следующей станции далеко. Пришлось терпеть. На станции, куда мы, наконец, доползли, стоял санитарный поезд, до отказа забитый ранеными и персоналом. Втиснуться в него здоровому не было никакой возможности, да и совесть не позволяла стеснить их, находившихся и без того в очень незавидных условиях. Площадки пассажирских вагонов этого состава были полны, и никто не мог сказать, будут ли еще поезда. Пришлось искать себе пристанища все равно где. На задней стене одного из товарных вагонов обнаружил я маленькую подножку, а выше, над буфером, большую железную скобу. Оседлал я буфер, лицом к скобе, и, держась за нее, предпринял дальнейшее путешествие. Несладко, но что делать - надо уходить.

Двинулись мы уже под утро. Руки настолько замерзали, что едва давали возможность удерживать полу-пустой саквояжик с каким-то бельем, фотографиями, бритвой, мылом. А с небольшой, хранившей всевозможные сувениры - в их числе и Салоникские ракушки - корзинкой пришлось расстаться. Ехали мы очень медленно. Паровоз еле тянул по ровному, но на подъемах вообще останавливался. Колеса буксовали, и поезд не мог сдвинуться с места. Тогда раздавалась команда: - Все здоровые слезай! - Таких оказалось немало. Несколько человек набирали песок и посыпали им рельсы впереди паровоза, а все остальные впрягались помогать паровозу сдвинуться - кто плечем, кто руками. Взобравшись на подъем, садились и ехали дальше, до следующего подъема, где снова надо было помогать паровозу.

Доброволец Иванов.
(Продолжение следует).

- - oOo - -

(Отрывок из потерянного стихотворения)

Царство Хамово позорное
    Родилося на Неве, -
Позасела сила черная
    В белокаменной Москве.

Перезвоны колокольные
    Уж не слышны над Кремлем.
Наступили подневольные
    Времена в краю родном... *)
. . . .

1919 г.

Н.В.Альникин.

*) Остальное утеряно в разных беженских переездах.

МИТИНГ ГЕН. БРУСИЛОВА.
(Из воспоминаний о великом развале Русской Армии)

Летом 1917 года мне, по службе штаб-офицера Управления Генерал-Квартирмейстера Ставки, неоднократно приходилось сопровождать бывшего в то время Верховным Главнокомандующим генерала Брусилова в его поездках на фронт.

Поездки эти имели целью уговорить солдат прекратить братанье с немцами, не оставлять самовольно позиций, а самое главное - убедить солдат в необходимости наступления и изгнания немцев из пределов России, "после чего будет заключен мир без аннексий и контрибуций".

Подобные "уговоры" в большинстве случаев не только не давали положительных результатов, но еще более содействовали разложению армии, уже и так терявшей свою боеспособность вследствие "демократических реформ" Временного Правительства и, в частности, "Декларации прав солдата", которая, по образному выражению ген.Алексеева, явилась "последним гвоздем, вбитым в гроб русской армии". *)

Вместо приказов и приказаний - уговоры, упрашивания и словесные диспуты на митингах с солдатами.

Верховный Главнокомандующий, унижая свое высокое иерархическое положение, обращался в "главноуговаривающего", в митингового оратора или, как выражались солдаты, в "орателя".

Если выступления "товарища" Керенского на солдатских митингах в некоторых случаях и имели временный успех, то выступления ген.Брусилова (далеко не оратора) всегда были неудачны и нисколько не способствовали поднятию наступательного духа войск.

В своих выступлениях на митингах ген.Брусилов пытался подражать Керенскому не только в стиле и образности выражений, но даже в манере стоять на трибуне с непокрытой головой, держа в левой руке за козырек фуражку отверстием кверху - "а ля Керенский".

К вопросу о необходимости наступления ген.Брусилов подходил в своих речах издалека, так сказать, "кружным путем", приводя примеры изобыденной жизни, стараясь навести самих солдат на мысль о наступлении. Самое слово "наступление" ген.Брусилов избегал произносить открыто, опасаясь, как бы оно сразу же не вызвало протестующих криков и митинг не был бы сорван в самом начале.

Ген.Брусилов отлично знал, что солдатская масса в подавляющем большинстве не только не желала наступать, но и вообще - воевать. Тем не менее, будучи большим оппортунистом, он плыл по "революционному течению", стремясь удержаться на своем высоком посту. Он подлаживался не только под Керенского и Сов.Рабоч. и Солд.Депутатов, но и под потерявшего облик "православного русского воина" - товарища солдата...

На митингах после речи ген.Брусилова обыкновенно выступали с речами солдаты и лишь изредка - офицеры. Выступлений офицеров ген. Брусилов не любил, опасаясь, как бы неосторожным словом они не испортили произведенного, как ему казалось, на солдат впечатления

---

*) Первичным ядом, отравившим русскую армию, был, как известно, приказ № 1 - Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

или не указали бы в его присутствии на причины, приведшие к развалу армии и тем не перенесли все разговоры на иную, очень "щекотливую" тему.

Если оратор-солдат поддерживал высказанные ген.Брусиловым положения, последний пожимал солдату руку. Если же речь солдата была явно оппозиционна, ген.Брусилов выступал вторично с разъяснениями или обещал еще раз приехать побеседовать и покидал митинг, часто под весьма неодобрительные возгласы расходившихся солдат...

Одним из таких весьма неудачных, едва не окончившихся печально митингов был митинг во время посещения ген.Брусиловым частей 38-й пехотной дивизии, на позициях в районе Двинска.

Дивизия эта, по донесению Командующего 5-й армией ген.Данилова, являлась одной из наиболее разложившихся, и ген.Брусилов решил личным посещением этой дивизии и беседой с солдатами убедить их стать на позиции, от чего они отказывались.

- о -

Следуя из Могилева (Ставка) через Витебск - Полоцк, экстренный поезд Верховного Главнокомандующего прибыл на ст.Двинск (Штаб 5-й армии) около 9 час. утра, на несколько минут раньше расписания.

Почетного караула, как полагалось по церемониалу для встречи Верховного Главнокомандующего, не было. По перону вокзала бродили одиночные солдаты...

Ген.Брусилов оставался в вагоне, не проявляя никакого неудовольствия, и лишь приказал сопровождавшему его вместе со мной полковнику князю Гагарину "связаться" по телефону со Штабом 5-й армии и сообщить о приезде Верховного Главнокомандующего.

Вскоре прибыл Главнокомандующий Северным Фронтом ген. А.Драгомиров, накануне приехавший из Пскова; Командующий 5-й армией ген. Данилов; ген.Антипов, командир 19-го армейского Корпуса, в состав которого входила 38-я пех.дивизия, и начальник дивизии ген. И. (точно фамилии не помню).

Почетного караула все еще не было, и только спустя полчаса по прибытии поезда на перроне начал выстраиваться караул от 65-го пех. Московского полка, с оркестром музыки...

Внешний вид солдат, отлично обмундированных и подтянутых, напоминал былую русскую дореволюционную армию.

Здесь необходимо отметить, что 17 пех.дивизия, в состав которой входил 65 пех.Московский полк, была одной из довольно сохранившихся от развала дивизий. Ее начальник ген.Тихменев*) энергично боролся с комитетчиками и насколько мог оберегал дивизию от тлетворного влияния большевистской пропаганды.

Выйдя под звуки встречного марша из вагона, ген.Брусилов, приняв рапорт начальника караула, поздоровался с караулом:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравия желаем, господин генерал! - ответили "по-новому" Московцы.

Обойдя караул и подойдя к солдату-"ординарцу", ген.Брусилов, выслушав рапорт, подал ему руку.

---

*) Брат ген.Тихменева - начальника Военных сообщений Ставки Верховного Главнокомандующего.

Солдат не ожидал такого жеста со стороны Верховного Главнокомандующего, растерялся и, глядя на поданную ему руку, не знал, как поступить. Сначала он взял было винтовку "к ноге", затем вновь "на караул" и, держа винтовку в левой руке, правой пожал ген.Брусилову руку...

Пропустив затем караул церемониальным маршем, ген.Брусилов, в сопровождении ген.Драгомирова, ген.Данилова и других начальствующих лиц, заехал в Штаб 5-й армии, где, выслушав доклад ген.Данилова о положении армии, отправился в район расположения 38 пех.дивизии. Наиболее разложившимися полками дивизии были: 151 Пятигорский полк и 152 Владикавказский, отказавшиеся стать на позиции.

К ним-то и направился ген.Брусилов в сопровождении ген.Драгомирова, Данилова и др.

Переехав по мосту Западную Двину и следуя по когда-то прекрасному, а теперь в огромных рытвинах шоссе и далее по проселку, мы втянулись в лес. Слышались отдаленные редкие орудийные выстрелы...

Ехавший со мной в автомобиле ген.Антипов все время волновался, опасаясь, "как бы чего не случилось", ибо настроение солдат этих полков, вследствие разлагающей работы корпусного комитета, во главе которого состоял большевик, врач Склянский, было "угрожающим", как охарактеризовал ген.Антипов.

Вскоре мы были у цели поездки ген.Брусилова.

Вправо от дороги,в лесу на поляне был построен 151 пех.Пятигорский полк, то есть вернее не построен, а собран... Строя, в подлинном смысле этого слова - не было...

При обходе полка Главнокомандующим солдаты разговаривали, пересмеивались, а на приветствие - "здравствуйте, товарищи" - ответили в разнобой, да и то не все...

Обойдя полк, ген.Брусилов стал среди лужайки на небольшой пенек срубленного дерева и пригласил "товарищей" подойти к нему поближе и расположиться, как кому удобнее"...

Солдаты, теснясь, окружили ген.Брусилова и его свиту; ближайшие присели или стали на колени, опираясь на винтовку.

Сняв фуражку и держа ее в левой руке, ген.Брусилов так начал свою речь *):

- Товарищи, я приехал посмотреть, как вы живете, как защищаете от врага нашу родину и свободу, а также и побеседовать с вами. Все, что я вам здесь буду говорить, это не есть только моё личное мнение, но и мнение нашего народного Военного Министра товарища Керенского, Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета Крестьянских Депутатов и Совета Казачьих Депутатов.

Таким вступлением ген.Брусилов обычно начинал все свои митинговые речи, давая солдатам понять, что он находится в тесном контакте по данному вопросу с Керенским и названными выше "демократическими" организациями.

Развивая в своей речи мысль о том, что "вот уже больше трех месяцев, как все народы, населяющие Россию, благодаря революции, пользуются долгожданной свободой", генерал Брусилов продолжал:

- Вы, товарищи, теперь свободные граждане. Вы должны принять участие в строительстве обновленной нашей Родины. От вас зависит,

---

*) Речь цитирую по заметкам в записной книжке.

чтобы Россия осталась и впредь свободной страной. Однако, коварный и жестокий враг, вторгшийся в пределы нашей родины и грозящий уничтожить завоевания революции и нашу молодую свободу, не дает вам возможности приступить к выполнению великой задачи строительства. Необходимо сломить врага и выкинуть его из России, только тогда может быть заключен славный мир "без аннексий и контрибуций". Товарищи, нам чужой земли не нужно, но и своей мы не отдадим!

Указав затем на тяжелое положение "наших верных союзников, которые ждут нашей помощи", ген.Брусилов продолжал:

- Вот уже долгое время стоит наша армия на месте, в окопах. Она отдохнула, набралась сил; она полна революционного порыва. Обновленная, спаянная не палочной старорежимной, а разумной революционной дисциплиной, она обязана, она должна помочь нашим союзникам,ведущим тяжелые бои с наступающими немцами. Немцы обрушились, главным образом, на Францию и заняли северную ее часть, разрушив множество городов и деревень. Варвары немцы уничтожили одно из главных достояний французского народа - прекрасные виноградники, дающие лучшее в мире вино - шампанское. Товарищи, мы должны заставить немцев...

Дальнейших слов ген.Брусилова я уже не слышал, хотя и стоял от него в двух шагах, ибо солдатская масса заколыхалась, зашумела, сидевшие солдаты вскочили на ноги. Со всех сторон понеслись крики:

- Долой, довольно!.. Вам пьянствовать, а мы будем кровь проливать!.. Вам шампанское, а нам смерть!...

Возмущенные последними словами ген.Брусилова, солдаты грозили кулаками, стучали прикладами о землю и выкрикивали угрозы по адресу "кровопивцев"...

Ген.Брусилов, оглядываясь по сторонам, в волнении соскочил было с пня, затем опять поднялся на него и, размахивая над головой фуражкой, пытался этим жестом дать понять, что он просит успокоиться и дать ему продолжать говорить. Окружавшие ген.Брусилова начальствующие лица с тревогой переглядывались...

Когда крики стали понемногу стихать, ген.Брусилов громко объявил, что если кто из товарищей хочет высказать свое мнение по поводу сказанного, пусть подойдет к нему поближе и спокойно изложит свое мнение. Если желающих много, то пусть говорят по очереди, а не все сразу, иначе получается шум, гам, и ничего нельзя разобрать.

- Вот вы, - обратился он к пожилому с длинной рыжей бородой солдату,наиболее выражавшему свое возмущение криком и стучаньем прикладом. - Подойдите ближе и скажите, в чем дело, чем вы так взволнованы? ..

Вызванный солдат подошел почти вплотную к ген.Брусилову, поставил перед собой винтовку и, опираясь на нее обеими руками, нагло смотря в глаза своему Верховному Главнокомандующему, начал повышенным голосом, почти крича, полную демагогии речь. Суть ее сводилась к тому, что довольно, мол, уже воевать - "навоевались"; уже и так за три года войны пролито море народной русской крови за империалистические и капиталистические интересы.

- Вы, господин генерал, - говорил с возмущением солдат, - приехали уговаривать нас проливать потоки нашей крови за шампанское? Пусть придут сюда проливать свою кровь те, кто пьет шампанское!

При этих словах опять поднялся со всех сторон шум и крики: "Правильно!.. Кровопивцы!.."

Ген.Брусилов помахал фуражкой и понемногу опять все стихло.

Солдат продолжал:

- Вы, генерал, говорите, что немцы разоряют Францию, а разве мы, когда были в Германии и Галиции, не разоряли их? Народы не хотели войны, им навязали ее их империалистические правительства, капиталисты и буржуи! Немцы давно уже хотят мириться, а вы натравливаете нас на них. Нет, довольно! Мы теперь знаем, где правда и кто наши враги. Пусть те, кто хочет воевать, придут сюда в окопы, сменят нас, а мы посмотрим, как они будут защищать Родину!

Одобрительные возгласы послышались вокруг.

В заключение своей речи солдат прочел выдержки из постановления Корпусного Комитета, подписанного его председателем врачем Склянским и тов.председателя штабс-капитаном Седачевым.

Постановление носило определенно большевистский характер; в нем говорилось о пользе братания с немцами, о необходимости заключения мира "без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов", о том, что до заключения мира должно остаться в окопах самое ограниченное количество войск и ни в коем случае не переходить в наступление. Далее шли пункты о мировом значении русской революции, о ее врагах контрреволюционерах, о народной демократической власти, которая должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и проч.

Не знаю, что переживал ген.Брусилов во время дерзкой речи распропагандированного солдата, но меня охватила страшная тоска по нашей когда-то славной, полной героического прошлого, ныне гибнущей армии, душу которой - дисциплину - убили безумные "революционные реформаторы", а при их попустительстве и международные преступники.

Верховный Главнокомандующий, приказ которого являлся законом для каждого чина армии от генерала до солдата и по слову которого шла раньше русская армия на величайшие подвиги и смерть, - ныне был, в лице ген.Брусилова ("народного Верховного Главнокомандующего"), в роли неудачного оратора, стоял молча, поникнув головой, выслушивая дерзкие слова революционного хама в форме русского солдата...

Когда последний кончил говорить, ген.Брусилов пытался было что-то ответить, вроде того, что его "не так поняли", но... в конце концов, он вызвал матроса - делегата Черноморского флота, который в течение уже нескольких дней вел среди солдат полка пропаганду в пользу продолжения войны и наступления *).

Однако, и этот "последний резерв" Верховного Главнокомандующего потерпел неудачу...

Речь матроса сводилась, прежде всего, к восхвалению Черноморского Флота, который, стоя "на страже революции", не развалился, а представляет грозную силу для империалистов и врагов русской свободы. Матрос рекомендовал поддержать "нашего Верховного Главнокомандующего ген.Брусилова, назначенного на этот пост не царем, а Временным Правительством".

Когда же матрос попытался доказывать необходимость продолжения войны до победы над немцами, солдаты не дали ему говорить, заглушив криками:

---

*) От Комитета Черноморского Флота были посланы на фронт делегаты для ведения пропаганды в пользу продолжения войны.

- Довольно! Слышали!... надоел нам... довольно скулить!...
Ген.Брусилов остановил матроса, и тот как-то виновато и сконфуженно лепетал, пожимая плечами:
- Вот так все время... Не хотят и слушать.
Обратившись опять к уже сильно поредевшей толпе солдат, ген. Брусилов упавшим и охрипшим голосом сказал:
- Я вижу, товарищи, что мы сегодня не сговоримся; придется еще раз приехать и побеседовать с вами. Подумайте, потолкуйте между собой о всем, что я вам говорил... А теперь за нашу свободную Родину и за вас, товарищи - Ура!
Довольно жидкое "Ура" огласило поляну...
Окруженный свитой, ген.Брусилов направился к дороге, где стояли автомобили. Солдаты молча расступались, провожая нас мрачными и злыми взглядами. Когда автомобили двинулись, вслед нам раздались протяжные свистки... Так полк русской революционной армии провожал своего "народного Верховного Главнокомандующего...
Настроение было подавленное...
- Слава Богу, что еще так обошлось! - сказал генерал Антипов, когда мы выехали из леса...

- о -

Все быстрее и быстрее мчались автомобили, унося нас от печальных мест... Вдали показался Двинск.
А там, в лесу, на поляне, где на пеньке, с обнаженной и поникшей головой стоял "народный" Верховный Главнокомандующий, осталось одно из многочисленных кладбищ былой чести и доблести Русской Армии.

В.М.Пронин.

- - оОо - -

СВЯТАЯ РУСЬ

Хочу напомнить вам Святую нашу Русь -
Всю ширь ее полей, убогие избушки
И это море ржи, куда ни обернусь,
И крепкий боровик, стоящий у опушки;

Ее лесов зовущую нас сень,
Могучих елей внешнее убранство,
Родных берез затейливую тень
И вековых дубов торжественное чванство.

На север - Соловки, закованные льдами,
На юге - Крым, цветами весь залит...
Но то же солнце там, как здесь над нами,
И светлый лик Христа на нас на всех глядит.

Хоть снежной пеленой до самого Востока
Покрыта Русь родимая моя -
Под этим снегом спит, жива, сокрытая глубоко,
Как встарь, могучая и черная земля.

Ольга Бострем.

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ.

...Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей...
Н.С.Гумилев.

Что такое Россия? Вы скажете - шестая часть земной суши, страна без тесноты, великая христианская держава, государственность святой земли, безграничная душевность ее народа с бескрайностью чувств, добрых и недобрых - добрых, конечно, больше.

Россия - земля терпения, смирения, простоты , и земного, и душевного раздолья. Земля любви, грусти, безудержа и своевольства, красоты и святости. Земля будущего, перестрадавшаяся, покаянная и чистая, по которой по первой пройдет Христос в Свое второе пришествие, как по более достойной.

Да, все это так! Верно.

Так мы ее представляем себе, так думаем о ней и так она живет в нашем воспоминании, в нашей верной крови, в нашей светлой тоске. Россия жива, и земля ее тоже жива. И жив дух ее. И над ней то же небо, то же солнце. Муки ее народа и полуночная жизнь укрепили и очистили его от душевных плевел и телесной лжи, вернув ему человечность. И там уразумелось значение света дневного и душевного.

Это тоже так!

Россия - это то, что входит в душу при рождении, и это то, что исходит из души каждый день, каждую минуту, бесконечно.

Русский человек чувствует свою родину всем своим существом.

Он принадлежит ей и чтит ее, не как гражданин, а как сын.

- о -

Расскажу, как мне запомнилась Россия, как я ее понял и сохранил в своем воспоминании. И теперь - чем она дальше пространственно, тем ближе органически и глубже в памяти, тем больше она вырастает в своем значении.

Не все мы, конечно, росли в садах и имениях, не всем нам беспрестанно светило полуденное солнце и не жили мы всегда в сплошной радости, праздности или беспросветном горе и непрестанном труде... Было всякого. Волна набегала и спадала, голубила и темнила. Но если была радость, то полная, от всей души. Печаль была какая-то своя, теплая, понятная, как последний снег или первый весенний дождь.

Не все мы также выросли из мягких корней культурных пород и мачтового леса, росли и из ольховых и ракитных коряг, осочных трав и стоячей воды. Но всех нас выгрело одно и то же русское солнце, все мы - с запахами и силой своей земли, с ее красотой, болью и радостью.

Кровь и сознание, характер и привычки у нас из того ландшафта, где жили наши предки и родились мы сами; эта преемственность - без нашего желания, по закону жития Божия.

У меня перед глазами березовая роща с бодрым запахом бересты и с невиданной ни на каких других деревьях листвой; эту рощу смотрели наши деды и прадеды; на закорузлой коре я чувствую их взгляды. Эта преемственность связывает людей, поколения, время и природу.

Озера наши тихие, низкие, мерцающие на солнце, сверкающие в грозу и, конечно, не вечно голубые и не всегда серые, не всегда под ветрами и льдом, или в цветущем тростнике и кувшинках, но все-

гда с жизнью птиц, рыб и воды, с красотой воли и простора.

В Альпах, над одним озером, чисто голубым, но и таким же чисто чужим, довелось мне увидеть чудесную поляну, гектара с полтора, сплошь и ровно покрытую ландышами, как ковром. Меня она почему-то не захватила своей красотой, запахом и культурной одинаковостью, а вызвала из сознания русское болото, а может быть только предболотье, поросль под деревней Ременево, где-то в Старицкой уезде, по которому я ходил несколько майских недель, по несколько часов каждый день, собирая ландыши. И всюду они росли, на версты, вольные, рассыпанные по всему полесью, наверно до самых истоков Волги-матушки, большие и малые, сочные и хилые, со своим застенчивым запахом и скромной улыбкой, и росли не для аптекарских целей, а так - во славу Божию и для украшения своей земли.

Кстати, заметили ли вы, что хилые цветочки сильнее пахнут, что кривые кусточки крепче цепляются за землю...

В болоте, особенно осенью, очень много жизни: цветы, кусты, травы, ягоды (одна клюква, голубица или брусника чего стоят!), насекомые, птицы, звери, солнце, ветер... И все это разное и по цвету, и по запаху, и по голосу - целая вдохновенная симфония, славящая благодать и жизнь.

Когда вам случается идти из одной деревни в другую, по пути обязательно встретите одинокую рябину, скромную, горькую, в одиночестве часто покривившуюся. Она, как в католических землях придорожные Богородицы, благословляет ваш путь.

Кто не знает русского леса, прохладного летом и теплого зимой, его дорог, тропинок, бездорожья, калией, буреломов с папоротниками и гатей, ручьев и рек! Кто не пил из родников, не смотрелся в черную заводь! Не отдыхал на сломанном дереве и не слушал голосов леса! Кто не расправлял свою заморенную городом грудь, не вдыхал запах хвои и солнца! Или пережидал грозу под лохматой елью. И сверкала молния, и гремел гром, и лил дождь, а под елью - как под маминой тальмой - тепло и не страшно, а молния совсем не устрашала, а только украшала небо и лес, мешая свой запах с запахом земли. Ощущалась какая-то действительная жизнь, молодая, несокрушимая.

После грозы и ветра наступала как бы небесная тишина, сошедшая и на землю безмятежностью и покоем. Солнце опять блестит и на лужах, и на церковных куполах, объединяя в своем свете земное и небесное. И сон-трава родной земли, с запахом не забвенья, а незабвенности.

Острое чувство Родины, как запах росистой мяты или сухого сена, или даже снега, сопровождает нас всегда и повсюду.

Разве забыть запах прошлогодних листье после оттаявшего снега или солнечно-землянистый запах ольхового взгорья, или запах лесной малины! Весенний вечер с перелетами поздних птиц, так любимый охотниками, любовный крик запоздалого крылатого кавалера, длинные темные тени и шелест ветра и травы всю ночь... Ощущаешь этот простор и волю, приволье и красоту, и знаешь, что она и в тебе, и ты сам - часть ее. Как все это просто и все же неразгаданно...

А зима! Снег даже в бураны и ночью - белый, с синеватой прорезью. Снегири, синицы, зяблики - маленькие пташки большой русской земли! Утро и день - прозрачные, вечер - твердый, убедительный, а ночь - просто синеватая, как сахарная голова; звезды - низкие, как уличные фонари провинциального города.

Голос зимы - серьезный, а воздух почти праведный, такой чистый и прозрачный, без примеси греховной пыли или сырости. В такую тихую ночь особенно далеко и "однозвучно" звенит колокольчик запоздалого путника или скрип полозьев обозного воза.

Но вот идет весна, самая лучшая пора природы. Распускаются клейкие листочки, пылятся сережки орешника, березы, цветет верба...Воздух настаивается, как крепкая дедушкина наливка. Даже простая былинка рядится чуть ли не в орхидею. Расползаются по земле мелкие, низкие цветочки, лезут на прогалинки, взбираются к орешнику, к заветрью, под солнце.

Одуванчик первый вылезает на высохшую межу, чтобы запылиться раньше дороги; в низине прихорашивается куролеп, у заборов лукаво расцветает крапива...

Как скорые южные поезда, прилетают птицы; этим заграничным жителям люб наш край, здесь они родились и запели свою первую песню или крикнули славу жизни. И аист, и ласточка, и гусь лапчатый, и лебедь белый!

Серенады и в выси, и в траве, и в листве над ручьем, или под твоим окном. И душно спать в таких песнях в таком цвету и в такое время! Не можешь выспаться, но и не хочется спать. Да и зачем сон в весеннюю ночь?!..

А птицы, под песни и по указке старших птиц, свивают гнезда и готовят люльки малышам. Песня - песней, а дело - делом. А кошка задумчиво мерит расстояние до певцов и до гнезд... рассчитывает трезво или мечтает о прелести весны.

Как будто беспричинно летают бабочки, стрекозы, как будто без нужды стрекочат кузнечики и прочие травяные обитатели, но для полной симфонии нужна каждая живая нота.

Спешат и люди, поливая трудовым потом и плуг, и борону, чтоб были злаки, ягоды, фрукты, овощи, то есть все "изобилие плодов земных".

Бодрый запах полыни мешается с добрым запахом трав и медвяным - всяких цветов, кустов и деревьев. Все на подъеме, в росте. Даже у трусливого зайца страх сладкий. Все радостно ощущают красоту жизни и силу земли.

Ты, городской житель, ходишь по этой солнечной земле без дорог и троп. Залез в траву по грудь, как безответственный варвар, рвешь цветы, не нагибаясь, и не знаешь, что так выглядит и чувствуется счастье.

Косьба. "Косарь поет, коса звенит", и уже "пахнет сеном над лугами". Копны сена, скирды клевера, тимофеевки, потом - хлеба, овсы, стрючковые, греча... все благородные жизненные цвета. Собраны сила и мед, калории и витамины воедино для жизни и радости. Для пробы уже испечен новый хлеб и сварена молодая каша.

Рвут лен, коноплю. сильный запах из мочил и разостланных на жнивье так называемых технических культур.

Потом следуют корневые и овощные запахи, они мешаются с запахом ботвы и дыма: детвора печет брюкву и картофель. Горячий, сладкий или рассыпчатый с солью - он под стать городскому прянику, даже тульскому.

Приходит багрянец - цвет умирания. Листья - маленькие липовые и большие кленовые - носятся по земле, шуршат под ногами.

А посмотришь на небо - жалобно, но благодарно кричат углы птиц, медленно, как товарные поезда, уходящие на юг, оставляющие свою родину. Жалко. Какая-то грусть от глаз заходит в сердце. Хочется и самому крикнуть им вслед, ответить. Как странно, что молодые птицы сперва кричат по осеннему и только потом - по весеннему...

Наступают сырые, унылые дни. Низкие, быстрые тучи, поникшие кусты, рябина, калина или дикая яблоня, еще с плодами своего лета, поникли, как крылья у мокрой птицы, которая уже не полетит; с них капает не то туман, не то слезы.

Как природа, печалится и человек, он то грустит, то насупленно серьезничает. Проходяще, прозрачно.

Шумит голый лес - его не слышно. Человек тоже печалится в себе, этой печали тоже не слышно, она еще в летней благодати, которой хватает на весь год, она не переливается через край, даже осенний.

Когда счастлива, радостна земля, счастлив и человек. Осень - не несчастье, не зло, а отдых, собирание силы; не расчет, а только подсчет. Над печальной землей все же есть то же небо, и из него так же льется свет и светится радость.

Да, многогранна радость и бескраен простор родной русской земли, и маленький человек с его большим чувством дополняет и украшает ее. Земля добрая и человека наполняет добром, выращивает его для своей надобности.

И вот опять лето. И опять на станцию за тобой приехала телега; ты трясешься в ней, как перед последним экзаменом, и перед тобой - похожие на иксы и игреки пыльные лютики и высокая придорожная трава. Отсиживаешь ноги, затекает поясница и, наконец, ты расправляешь себя, как утенок перед полетом, глубоко вдыхаешь дедовский воздух, ощущаешь, как тянутся кости, как вливается в тебя жизнь. Это оттого, что ты возле самого лучшего края ее, что это твоя земля и ты - ее.

После шума города, соборных колоколов, блестящих митр и архиерейского хора тебя вполне удовлетворяет и совершенно умиляет благовест деревенской церковки с тремя березами или парой лип в ограде и одним колоколом. Скромный звон, дополняющий благостную умиротворенность. Еще до входа в церковь утихаешь, обезгрешиваешься. Старенький беленький батюшка в такой же старенькой камилавке, как доживший до нашего времени Христовый ученик, твердит вечное, святое: "Господи, помилуй... Господи, помилуй!"

Но... знаете ли вы деревенскую лавку? Ее слышно за версту, с ее дегтем, керосином, сельдями, капустой, ситцем, баранками, гвоздями, сыромятной кожей, добротными хомутами и черствыми медовыми или мятными пряниками, кременчугской махоркой и чаем Губкина или Высоцкого. Все запахи смешаны в один общий запах деревенской нужды. Кажется, что и подковы здесь пахнут русскими дорогами, а из хомутов вот-вот высунется какая-нибудь гнедая голова.

Подходит срок. Уезжаю. Усталый от солнца, отдыха, хлебосольства.

- Ишь, опять ряжку наел на целый год... - скажет единственный носильщик, он же и сторож станции Высокое, помогая выгружать деревенскую снедь. Двадцать мест при мне и пять в багаже. В поезд укладывается, а как это уложилось в телегу и было под силу одной лошади - теперь непонятно.

А еще поклоны, пожелания, поучения и наставления.

Радостно суетишься, зло потеешь и готов кусаться, а не целоваться, и не знаешь, что это все - счастье.

Лихославль. Пересадка. Ну-ка, умести все свои места, не забудь, не растеряй... вот, где годятся городская математика и деревенская сила и смекалка.

Но все благополучно преодолено. Поезд трогается по прямой: в Петербурге встретят. Улыбаюсь беспричинно, во весь свой раскормленный рот и тянусь к корзине, где дорожный цыпленок с фаршем, секрет коего знает только бабушка, и "нежинские" малосольные, мелкие огурчики, секрет солки - опять-таки дедушкин секрет, как и "ерофеич", что везу отцу... А может быть, к цыпленку подошли бы маринованные боровички и рыжики? Ну, нет: это водочная приправа... мне еще невкусно, а в следующий год - да.

Думал, что аппетит остался в деревне - ан, нет, уже съел двойную порцию и ворочаю третью.., Но это, конечно, русская привычка - обжираться в поездах, на пароходах и станциях, начинающаяся уже сызмальства.

- Господа, подходим к Петербургу, через пять минут будем на Николаевском вокзале, - объявляет обер-кондуктор.

И это было! Ехал я из счастливой деревни в счастливый Петербург и был счастлив. Но ни деревня, ни Петербург, ни я сам тогда этого не знали.

Это счастье горит во мне и теперь своим светом первой и последней любви, горит скорбью, благодарно и радостно, памятно и незабвенно. А сама скорбь священна, и память - благословенна.

Ив.Эйхенбаум.

- - оОо - -

ПОБЕДОНОСНАЯ ГОДОВЩИНА.

Сто пятьдесят лет тому назад Император Александр 1-й вошел в Париж во главе союзных войск и освободил Европу от Наполеоновского ига. Взятие Парижа в 1814 году было мировым событием, которое направило многие народы на путь позабытого мира и покоя. Поэтому императора Александра прославляла не только Россия, но и все благодарные, обязанные ему народы.

Кто, как не русские, понесли более бескорыстных жертв в войну 1813-1814 г.г.? Их, собственно, ничто не призывало на поле сражения: Россия была освобождена, Наполеон прогнан и посрамлен. Но русские, напрягая последние силы, шли за пределы родины на тяжелую борьбу; шли освобождать австрийцев и пруссаков, еще накануне поднимавших оружие против нас... Редкий в истории пример героизма и самоотверженья!

1.

После несчастной битвы при Фер-Шампенуазе Наполеон удалился к Бриенну, а союзная армия пошла к Парижу. Когда главная квартира русского императора находилась в Бонди, оттуда был послан пленный французский офицер с предложением о сдаче города. Хотя император объявлял, что "он воюет не с Францией, а с Наполеоном", попытка эта не удалась. Тогда отдан был приказ о наступлении. Но в первом действии

битвы, где ни правое, ни левое крыло союзных армий не принимало участия, дрались одни русские... Весь этот и следующий день шли бои на разных участках парижских укреплений, и гром битвы оглашал окрестности столицы.

Но выгодная позиция и отчаянная защита французов не удержали стремления наступающих союзных армий. Напрасно маршал Мармон и его генералы ободряли полки примером и речами, становились впереди колонн и стрелков. Они истощили все средства мужественной обороны и были побеждены. Русские знамена переносились с одной высоты на другую, и после полудня этого дня все препятствия были уничтожены. Государь едва успевал получать донесения об отбитых трофеях.

После покорения высот перед Бельвилем маршал Мармон убедился в невозможности устоять на этой горе. А отступление по крутому спуску к Парижу неминуемо превратилось бы в нестройное бегство, и тогда оба воевавшие войска, смешавшись, вторглись бы вместе в столицу. Куда маршал ни обращал взор, он всюду видел успехи союзников,с разных сторон подступавших к заставам; в Париж начинали падать русские ядра. Желая избавить столицу от гибельных последствий приступа,Мармон видел одно средство спасения: просить пощады и начать переговоры. Поэтому он послал офицера просить русского императора о перемирии. На прекращение военных действий он имел полномочие брата Наполеона, Иосифа:

Государь только что намеревался отдать гвардии повеление идти вперед и довершить победу, когда к нему явился французский офицер и, поклонившись, сказал:

- Маршал Мармон просит прекратить военные действия и условиться о перемирии...

В эту минуту император Александр получил награду за свое постоянство и твердость.

- Соглашаюсь на просьбу вашего маршала, - ответил он неприятельскому офицеру. - Прикажу остановить сражение, но с условием немедленной сдачи Парижа; иначе... к вечеру не узнают места, где была ваша столица.

Государь приказал флигель-адъютанту Орлову ехать к маршалу Мармону, которого тот встретил в передовой неприятельской цепи, ободрявшего войска.

- Я герцог Рагузский... кто вы? - сказал он.

- Полковник Орлов, адъютант российского императора. Его величество хочет спасти Париж.

- В том состоит и мое единственное желание, иначе нам ничего не остается, как здесь умирать. Какие ваши условия?

- Прекратить военные действия; французским войскам войти в заставы и тотчас назначить уполномоченных договариваться о сдаче Парижа.

- Согласен. Герцог Тревизский и я поедем к Пантенской заставе для переговоров.

2.

По возвращении Орлова государь велел гр.Нессельроде ехать в неприятельскую армию и заключить перемирие, а войскам - прекратить военные действия, оставаясь там, где их настигнет это повеление.Но нелегко было остановить войска в пылу сражения: ожесточенные солда-

ты обеих армий неохотно выполняли приказание.

Император поехал на Сен-Шомонскую гору, откуда ясно был виден весь Париж, лежавший у его ног. Союзные армии стояли в полукружии от Марны до Сены; возвышения были унизаны артиллерией. Готовые на приступ густые колонны ожидали приказания наступать или... войти в Париж мирными победителями. Граф Ланжерон поставил караулы у парижских застав; собрал стрелков, рассыпанных у предместий; расположил войска по уступам Монмартра и ввез на него орудия. Затем послал музыкантов на самую высоту стоявшей тут ветряной мельницы. Они заиграли марш; от них приняли другие полки - и Монмартр, за несколько мгновений грозивший смертью, превратился в место радости.

Пока уполномоченные договаривались с французскими маршалами о сдаче Парижа, император объезжал стоявшие вблизи полки, поздравляя их с победою. А доблестные герои Бородина, Кульма, Лейпцига оглашали воздух радостными кликами, приветствуя монарха, армии которого покорили самые крепкие места обороны Парижа и оросили окрестности его своею кровью. В союзных армиях выбыло из строя в парижском сражении 9.093 человека; в том числе 153 вюртембергца, 1840 пруссаков и 7100 русских.

- о -

Ранним утром 19-го марта 1814 года, на обширном дворе перед Бондиским замком, начали собираться генералы и офицеры свиты императора Александра. В шестом часу приехали в парадных каретах представители парижского городского правления умолять его о покровительстве. Вслед за ними появился верхом на лошади человек, знакомый в свите всем. То был Коленкур, недавний посол Наполеона в Петербурге, теперь присланный Наполеоном изъявить готовность мириться на предложенных ему ранее условиях.

Преображенский солдат, стоявший на часах, сказал Коленкуру: - "Слезай с лошади!" - и последний беспрекословно повиновался... Увидев собравшихся на дворе офицеров, он снял шляпу и, потупив глаза, просил графа Шувалова доложить о нем государю. Исполняя его желание, граф Шувалов поручил одному из свитских занять прибывшего разговором.

Император Александр провел с Коленкуром в разговоре более часа и отверг привезенные им предложения Наполеона, о чем можно было всем догадаться по смущенному лицу Коленкура при выходе его от императора.

В восемь часов подвели к крыльцу лошадь. Государь сел на нее и поехал в Париж. Верстах в трех от города стали появляться толпы парижан, восторженно встречавших русского императора и его гвардию. А при въезде в самый Париж эти толпы обратились в сплошную массу, которая, убедившись в дружелюбии русских, восторженно приветствовала их царя криками:

- Да здравствует Александр!.. Да здравствуют русские!

Вл.Маевский.

- - оОо - -

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Старое и новое - вот две привычных антитезы, которые мыслит каждый, читая эти два слова.

Для нас Старое - не то, что состарилось и должно быть забыто. Напротив, наше старое - это вечно живая народная старина, подоплека народной души, ее исторический вклад в общечеловеческую культуру - неуничтожимый народный дух, его характер, гений и великие свершения, которые не умирают и не старятся, но живут вечной радостной жизнью, составляя истинную основу исторических путей данного народа.

А Новое? - Это не отвержение Старого, нет! - но понятие о новой эпохе, приходящей на смену своей предшественнице. И в наше время эта новая нарождающаяся эпоха жадно ищет слияния с наследством предков - с народной душой, с ее историческими истоками, стремясь очистить жизнь от посторонних примесей и всего того, что еще в недавнее время для многих заслоняло эти первоисточники живой воды.

Новая эпоха еще не окончательно назрела - она еще в проэкции, в контурах, в переходных исканиях и томительном ожидании своего восхода, но она уже стоит у нашего порога и готова к нам войти, в то время, как свойственные нашему безвременью безидейность, огрубение душ, неверие и ничтожество содержания жизни - только краткий исторический момент, за которым должны последовать новые утверждения жизни и веры, новая возрожденная от оплевания и пепла народная душа, просветленная страданием и бурей и прекрасная.

Нет антитезы межде прошлым и будущим, между отцами и детьми - но есть один путь, единое восходящее историческое движение, в котором и Старое, и Новое, меняя лишь формы и выражения, в своем лейтмотиве всегда однородны, исходя от математически точной и неизменной величины - народного духа, из которого вытекают и все его исторические воплощения.

Грядущая новая эпоха, после величайшего падения человека, должна стать - мы в это верим - новым ренессансом человеческой красоты и достоинства в мировом масштабе. Ибо наше время характеризуется всеобщей связанностью частей, при которой гибель одной из них несет смерть и другим, а воскресение народной души не может остаться явлением местным, превратившись в возрождение всеобщее, всечеловеческое.

Как после туч и грозных ударов молний вновь блистает на проясненном небе золотое солнце, - так после великих потрясений народная душа, в жажде нравственного покоя и устойчивости, возвращается к своим вековым национальным традициям - на прямой путь, на котором снова, при изменившихся условиях, творит новую жизнь, вступает в новый этап своего непрерывающегося поступательного движения, в согласии с вековечными законами природы и души человека, в любви к Божеству, к ближнему и своей родине, в любви к своей национальной культуре, в воскрешении в себе великих социальных эмоций добра, справедливости и веры, при наличии которых только и может жить и цвести душа человеческая, потому что эти эмоции присущи человеку, ему врождены, от него неотъемлемы, и без них человек превращается в существо, худшее и низшее животного.

Когда открываем мы скрижали русской истории, - сколько находим мы там величайших несчастий и длительных страданий русского народа,

сколько великих подвигов самоотвержения и патриотизма, сколько веками укрепленной веры, которая, получив свое основное выражение в не случайно, но обдуманно избранной нами от Византии православной христианской религии, была поэтому легко усвоена русским народом, внедрена им в глубочайшие складки своего сознания и быта, прилепившись к русской народной душе, как неразрывная живая часть, как важнейшая и достойнейшая основа всей народной и государственной жизни, всей нашей истории, всего нашего исторического прошлого.

С течением времени все более срастаясь с народным сознанием, православная вера в свою очередь получила ценные вклады в свою сокровищницу от широкой, великодушной и религиозной русской души, она росла и крепла, усложняла свои церковные и мирские обычаи, развивала свою философскую мысль, превратившись в ту животворящую и великую религию многих миллионов людей, которой врата адовы не одолеют никогда.

И потому наше Новое заключается в отыскании утерянных нами нитей связи с нашим замечательным историческим прошлым, в том любовном проникновении душой в это прошлое, в его изучении и понимании, которых, к сожалению, еще недавно не было у многих образованных и умных русских людей.

Мы не хранили достойным образом нашего прошлого, мы даже утратили в себе его душу, мы стали чуждыми народу и оторванными от его вековых традиций, от его совести - и вместо того ушли в глубину отвлеченной философии, в построение собственных фантазий и воздушных замков, которые так жестоко нас потом обманули! Нам недоставало простого и реального изучения собственной страны и понимания души народа, его интересов, его верований - и русский народ оставался одинок, непонят, окружен лесом суеверий, без должного просвещения, в отсутствии которого следует искать корня многих случившихся зол.

Новая грядущая эпоха в основу своих задач поставит деятельную, а не фантастическую любовь к родине, к ее государственности, которую мы должны созидать, а не подрывать, к просвещению народа и восстановлению великих традиций народного духа.

В тяжком и вполне заслуженном изгнании живем мы, выплеснутые за рубежи России. Это изгнание и эта доля нами заслужены, потому что не выполнили мы нашего долга перед родиной: мало ей послужили, не крепко ее защитили в острый момент исторической опасности, плохо ценили те неисчислимые блага, которые проливала она на нас, и, наконец, несмотря на наше чуткое сердце и склонный к обобщениям ум наш - не предчувствовали, не предугадали той бездны, в которую ныне сброшены вместе со всей Россией...

Но выдернутые с корнем из родной гряды, мы все же сохранили те разносторонние знания и опыт, которые дала нам Россия и которые мы теперь обязаны вернуть ей в лице наших молодых поколений, по нашей вине вместе с нами влачащих ныне свое существование на чужбине, без русского национального воспитания, без русских университетов и книгохранилищ, часто даже без русского слова и, наконец, без русской земли, русского неба и привольного русского воздуха, с их обновляющим бальзамом.

На каждом из нас лежит святой долг протянуть нашим преемникам руку и передать им максимум своих знаний, веры и традиций, которые скоро бесполезно умрут вместе с нами на чужой стороне.

Мы обязаны собирать и хранить для будущих поколений России все лучшее, что мы из нее вынесли, все то, что мы в ней любим, перед чем благоговеем, во что веруем и о чем в тиши ночей шепчем молитву Спасителю мира... Чтобы будущая образованная Россия, вернувшись по домам и весям своим из изгнания, принесла своей родине полновесный багаж лучших человеческих и патриотических идеалов; чтобы воскресила лучшие традиции русской интеллигенции в ее стремлении служить своему народу; чтобы новые, пришедшие нам на смену в новую историческую эпоху русские люди, творя многотрудное дело возрождения Руси, могли, оглянувшись назад, сказать:

– Правда – наши отцы виноваты были во многом. Но пусть память о них не будет черна и земля им да будет легка, – ибо они подарили нам светлые идеалы служения родине!

Н.Багров.

– – оОо – –

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

1.

Сидней, Австралия.
5 ноября 1964 г.

Дорогие Первопоходники, дорогие добровольцы,
господа Офицеры!

Прочитал несколько номеров издаваемого Вами журнала "Вестник Первопоходника. Читая его чистые страницы, воскрешающие в памяти те дни и ночи, ставшие светочем среди мрака тех дней, нельзя не придти к выводу, что, несмотря на скромность издания, "Вестник" – самое ценное, самое необходимое Русское Слово, когда-либо выходившее в зарубежной печати. Честь и слава Вам – первым начавшим ТОГДА. Честь и слава Вам, первым начавшим сейчас то, что так долго ожидалось. Многие зарубежные издания о Ледяном Походе, в частности (что читал) Романа Гуль, записки Б.Суворина, отдельные журнальные статьи, такое ценное издание, как "Воспоминания ген. А.П.Богаевского" и, мне кажется, даже "Очерки Русской Смуты" ген. А.И.Деникина – все же не дали полной, яркой картины того, как было, – как это отражено в Вашем "Вестнике".

Я приобрел только несколько номеров, очень мило подаренных мне доблестным офицером Императорского Флота, капитаном 2-го ранга Анатолием Петровичем Ваксмут, жестоко раненым под Батайском в те дни, когда над всей Россией затеплилась точка неугасимого светоча.

Прочтя эти номера, я, как свидетель тех вихревых дней и до некоторой степени побочный участник, несмотря на свои двенадцать гимназических лет, – просто утверждаю, что каждая статья, каждый просто и правдиво написанный рассказ, эпизод, стихотворения, песни добровольцев являются цветными, ярко-красочными, драгоценными частями славной героической эпохи, мозаикой НАШЕЙ истории, несравнимой ни с какой другой, которую так умело, с любовью, несмотря на трудности, Вы воспроизводите.

Примите самую искреннюю благодарность, все, кто трудится над изданием "Вестника", все, кто пишет, кто помогает. Естественно, я сразу стал Вашим подписчиком. Но этого мало, я хочу иметь все номера от первого до последнего. Переплести их со временем в отдельные книги, примерно по 10 номеров, чтобы навечно остались они ценным вкладом моей маленькой библиотеки.

К этому я призываю и всех других подписчиков. Это ценно, это необходимо. - И вот, Анатолий Петрович подарил мне и все свои номера, от 1-го. Недостающие обещает выписать. Признаюсь, что ценнее подарка от близких друзей я никогда не имел.

Жму Ваши руки, желаю сил, здоровья, бодрости и успеха в Вашем славном деле.

Искренне Вас уважающий
Борис Турчанинов.

- о -

2.

...Я глубоко признателен редакции "Вестника Первопоходника за помещенное мое обращение к Корниловцам. Сообщаю им, что переписка материалов для Истории Корниловского Ударного полка от руки закончена. Полк.Рябинскому, пор.Головань и пор.Бондарь я приношу особую признательность за их присланные труды.

Полковник И.Левитов.

- - оОо - -

ПАМЯТИ УСОПШИХ.

В Пало-Алто, в Калифорнии, 13-го сентября после продолжительной болезни скончался первопоходн. подполковник Марковского полка Елисей Климентьевич Смола-Смоленко.

- - оОо - -

От Редакции: Продолжение "Воспоминаний" Л.П.Сукачева будет напечатано в январьском выпуске журнала "Вестник Первопоходника" - № 40.

- о -

ИСПРАВЛЕНИЕ.

В № 37/38 нашего журнала, на стр. 30 допущена досадная ошибка: напечатано: "...я знал только Мальцева, первопоходника полковника Саломахина...". Следует читать: "... я знал только первопоходника войск.старшину Мальцева, полковника Саломахина..."

- - оОо - -

СООБЩЕНИЕ ПОЛК. Ф.И.ЕЛИСЕЕВА.

В Нью-Иорке мною выпущены следующие брошюры:

1. "История Кубанского Войскового Гимна" (второе издание). В ней: портрет последнего Наказного Атамана Кубанского Войска генерала М.П.Бабыча, старый Войсковой Герб, Гимн на нотах, две группы офицеров 1-го Кавказского полка - 1914 и 1916 гг. - в рядах которого зародился Гимн на Турецком фронте, и боевой маршрут полка на этом фронте. Цена брошюры 1 дол. Издана типографским способом.

2. "Генерал Эльмурза Асламбекович Мистулов, наш командир 1-го Кавказского полка с начала 1916 до конца 1917 года", с его портретом. Цена брошюры 50 центов.

3. "В Храм Войсковой Славы" - казачьи полки на Турецком фронте в 1914-18 гг. - Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Сибирского и Забайкальского Казачьих войск, с перечислением частей, их старших начальников и судьба некоторых из них. В брошюрах - карты походов и кроки боев. Всего 13 брошюр. 50 цент. каждая.

4. "Наш полк в месяцы революции 1917-18 гг., от Карса в Финляндию", как психологический очерк, охватывающий все те части войск и революционные картинки, с которыми сталкивался наш полк. На обложке характерная группа казаков полка станицы Кавказской, с подъесаулом Елисеевым, в день Войскового Праздника 5 октября 1917 г. в Финляндии, за три недели до большевистского переворота. Всего 5 брошюр, являющихся прямым продолжением брошюр "В Храм Войсковой славы". Цена каждой 1 доллар.

5. "На берегах Кубани и Партизан Шкуро" - летом 1918 г. №№ 1 и 2. Что было после Кавказского восстания казаков. Цена каждой 1д. (Все разошлись).

6. "С Корниловским конным полком" на берегах Кубани, в Ставрополье и в Астраханских степях в 1918-19 гг., с картами походов и кроки боев полка и всей 1-й Конной дивизии ген.Врангеля, с его командирами - полковниками: Науменко, Топорков, Жарков, Мурзаев, Муравьев, Бабиев, с перечислением всех офицеров полка - кто убит, кто ранен и какой станицы. Всего 14 брошюр. Цена каждой 50 цент.

7. "С Хоперцами от Воронежа и до Кубани" осенью и зимою 1919 года, как прямое продолжение брошюр "С Корниловским полком". Всего 5 брошюр. Цена каждой 1 доллар.

8. "Лабинцы и последние дни на Кубани 1920 г.", с отдельными брошюрами: Агония Кубанской армии на Черноморском побережье, "Одиссея" по красной России и Побег из красной России. Всего 14 брошюр, как прямое продолжение брошюр "С Хоперцами". Цена каждой - 1 дол.

9. "Рейд сотника Гамалия в Месопотамию в 1916 году", во главе сотни казаков 1-го Уманского полка, для живой связи с Английскими войсками. Рейд продолжался по Персидским горам и пустыням десять дней. В брошюре маршрут рейда и два дивных снимка казаков и офицеров сотни в Месопотамии, при награждении их английскими боевыми орденами. На снимке отличный вид самого Гамалия. Цена 1 дол.

10. "Песни Кубанских казаков" - № 1 Линейных полков и № 2 - Черноморских. На обложке - Войсковой Герб. Цена каждой 1 дол.

11. "На берегах Кубани" в мирное время. № 1 - о 1-м Екатеринодарском, Кошевого Атамана Чепеги полке 1910 года; № 2 - о станичном управлении, с картинками станичной военно-бытовой жизни - взгляд

юнкера. Цена каждой 1 дол. (Все разошлись). № 3 - рассуждение о Войсковом Гимне. Цена 50 цент.

Все брошюры выписывать от автора, по адресу: Theodore Elyseev, 502 W.177 St., Apt. IC. New York, N.Y., I0033. U.S.A.

- - oOo - -

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статьи, присылаемые авторами, должны быть написаны ясно и разборчиво на одной стороне листа. Редакция оставляет за собой право сокращать или изменять статьи, не искажая смысла. Неиспользованные или непринятые рукописи возвращаются авторам при оплате ими почтовых расходов.

Не имея возможности документально проверять имена, даты и события, описываемые сотрудниками, редакция возлагает всю ответственность за содержание статей на авторов.

Ни в какие споры, полемику и объяснения с авторами непринятых к печати произведений редакция принципиально не вступает.

В виду увеличения расходов по печатанию иллюстраций и фотографических снимков и не имея никаких субсидий, редакция обращается с просьбой поддерживать наш журнал, посвященный истории Белого Движения, своими добровольными пожертвованиями и направлять их в адрес редакции.

Редакция журнала "Вестник Первопоходника" обращается ко всем участникам Белой Борьбы - Юга России, Сибири, Северного, Западного и других противобольшевицких фронтов - с предложением помещать свои воспоминания, очерки и проч. на страницах нашего журнала.

- - oOo - -

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Долгополов, Г.Голованъ, В.Мяч.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ!

Ввиду вздорожания бумаги, чернил и проч. Редакция вынуждена с 1 января 1965 года повысить цены на журнал "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА", а именно: Подписка на 1 год $ 5.-

" " 6 месяцев $ 3.-

Цена отдельного выпуска - 50¢.

С О Д Ь Р Ж А Н И Е № 39

- - oOo - -

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА"!

- - oOo - -

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга

"ВОСПОМИНАНИЯ ГЕН. А.П.БОГАЕВСКОГО".
Трагические дни Атамана Каледина и Ледяной Поход.

Высокообразованный, талантливый автор, ген.Штаба Ген.-Лейтенант Богаевский, бывший Начальник Ростовского Военного Района при Атамане Каледине, а затем доблестный командир Партизанского полка и 2-й бригады в Корниловском походе, - хорошо знал почти всех главных участников описываемых событий. Правдивые описания происходившего автор сопровождает характеристикой и оценкой - как событий и действий, так и всех главных участников и их взаимоотношений, что придает книге особую историческую ценность. Написанные еще в 1923 году "Воспоминания" изданы "Музеем Белого Движения".

Книга - на хорошей бумаге, снабжена 20-ю прекрасными фотографиями и картой Похода. Цена ее в США и Канаде 3 доллара, в Австралии $ 2.65 или 1 австралийский фунт 4 шилл. Во Франции, остальной Европе, Африке и Южной Америке - $ 2.40 или 12 французский новых франков. Пересылка всюду 20 центов. Заказы на книгу с приложением ее стоимости и пересылки направлять по следующему адресу:

V.Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif., U.S.A.

- - oOo - -

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ 1-го КУБАНСКОГО и СИБИРСКОГО ПОХОДОВ.

Правление О-ва Первопоходников получило ограниченное количество серебряных Знаков Отличия уменьшенного размера для ношения в петлицах штатского костюма. Цена с пересылкой $2.10. Желающие приобрести Знак могут обратиться к Председателю Правления В.П.Мяч по адресу:

V.Miatch, I706 Echo Park Ave., Los Angeles 26, Calif.,U.S.A.

- - oOo - -

Редакцией получена для продажи книга Вл.Маевского

"НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ"
(Трагедия Императорской России),

изданная в 1963 г. в Мадриде. 283 страницы. Цена $ 4.50.

- - oOo - -